межкультурной коммуникация
languages лингводидактика
переводеведение Forschung
communication didactique
Science Culture pedagogie
Linquistik Наука
Sprachen переводоведение
didactique languages
лингводидактика Science
Forschung communication

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПОДХОДЫ в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике

международная научная конференция

межкультурной коммуникация
лингводидактика languages
Forschung переводеведение
didactique communication
pedagogie Culture Science
Наука Linquistik
переводоведение Sprachen
languages didactique
Science лингводидактика
communication Forschung

Первый вуз Алтая

Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике

Сборник научных трудов
по материалам международной научной конференции
Барнаул, 18–20 октября 2018 г.

Барнаул
ФГБОУ ВО «АлтГПУ»
2018

УДК 81(08)
ББК 81.0я431
И665

Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов по материалам международной научной конференции, Барнаул, 18–20 октября 2018 г. / Алтайский государственный педагогический университет ; лингвистический институт ; под ред. И.Ю. Колесова. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 366 с.

ISBN 978-5-88210-931-7

Ответственный редактор
Колесов И.Ю., доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия
Козлова Л.А., доктор филологических наук, профессор
Кожанов Д.А., кандидат филологических наук, доцент
Коротких Ж.А., кандидат филологических наук, доцент
Москвина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент
Акимова Н.Ф., кандидат филологических наук, доцент
Садвокасова Л.А., кандидат педагогических наук, доцент
Беляева С.В., кандидат педагогических наук, доцент
Стальская С.С., аспирант
Кирколуп О.В., аспирант

В издании представлены статьи участников международной научной конференции, разрабатывающих проблематику исследования коммуникативных процессов на родном и иностранном языках, проблемы применения инновационных технологий и подходов в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Публикуемые в сборнике статьи отражают актуальные подходы к изучению современных языков. Авторы публикаций предлагают свое видение вопросов концептуального анализа языковых явлений, проблемы картины мира, специфики обучения родному и иностранному языкам в широком контексте межкультурной коммуникации.

Сборник научных публикаций адресован филологам, преподавателям вузов, студентам бакалавриата и магистратуры, аспирантам филологических направлений подготовки, всем интересующимсся актуальными вопросами современной теории языка, переводоведения и лингводидактики.

Сборник опубликован при финансовой поддержке РФФИ № 18-412-221001/18 и Министерства образования и науки Алтайского края (Н4) в рамках проекта организации международной научной конференции «Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике».

ISBN 978-5-88210-931-7

© Алтайский государственный
педагогический университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ, ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Krolick S. In the folds of the flesh: «Lost in translation» 7
Stupar-Rutenfrans S. Importance of emotional regulation in intercultural communication 9
Welsh K. Flipped learning: a case study 12
Голев Н.Д. Интернет проект «Vavilon.net (МП+ОМП)» как способ межъязыковой коммуникации, обучающая программа и источник для лингвистических исследований естественного языка 17
Ивашкевич И.Н. Когнитивное моделирование ментальной сферы человека сквозь призму пространственных отношений (на материале английского языка) 20
Кожанов Д.А. К проблеме конструирования смешанных ментальных пространств в художественном тексте 24
Козлова Л.А. Фактор аналогии и его роль в лингвокреативной деятельности языковой личности 28
Колесов И.Ю. Исследование языка на пересечении когниции и коммуникации 33
Лукашевич Е.В. Межкультурные практики повседневности в современном российском медиаполитическом дискурсе 37
Лушникова Г.И. Мультикультурализм как ведущая тенденция в современной англоязычной литературе 40
Проскурин С.Г. Теория мемов и культурный трансфер 44
Хайруллина Р.Х. Национальная языковая картина мира в аспекте межкультурной коммуникации 48

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В АНАЛИЗЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Воскресенская Л.И. Отражение картины мира в тексте и дискурсе англоязычного художественного произведения 51
Золотарева Н.В. Эвфемизмы и дивфемизмы в современном языке 55
Калашникова Е.А. Путешествие как культурный феномен (на материале странствий молодых ремесленников) 57
Кожанова Н.В. Сравнительный анализ резюме соискателя вакансии в русской и немецкой лингвокультурах 60
Корончик В.Г. Контоминация жанровых характеристик в романе Стивена Кинга «Firestarter» 64
Кремнева А.В. Взаимообусловленность текстовых практик и теории интертекстуальности 66
Кукуева Г.В. Внутренний монолог рассказчика в текстах региональной литературы (на материале рассказов Е.Айпина) 70
Кулакова Т.А. Явление грамматического синкретизма в конструкциях с глаголом use 75
Купцов А.Е. Языковые средства реализации коммуникативной структуры предложения в английском и испанском языках 77
Курбатова Л.П. Социальный и лингвистический аспект процесса образования феминитивов 79
Ланская О.В. Чувство пространства и времени в поэзии Ю. П. Кузнецова (проблема творческого становления) 81
Макарова Е.А. Языковая репрезентация опыта как эмоционального состояния 84
Максимова Т.Д., Максимов В.Д. Фонация и аудиция звукового универсума как модусы номинации и категоризации 87
Мячин К.А. Методология исследования способов актуализации авторских концептов в произведении Вьет Тан Нгуена “The Sympathizer” 92
Нефедова Л.А., Балакин С.В. Особенности пропозициональной структуры при деривационных процессах 97
Калинин С.С. О типологической характеристике механизмов лингво-культурного трансфера как формы коммуникации и передачи информации в свете теории гибридных языков (на материале сибирских и дальневосточных пиджинов с китайской основой) 100
Леденева Е.М. Иконический потенциал синтаксической формы в художественном тексте 104
Рябова М.Ю. Современная пунктуация и ее роль в коммуникативном синтаксисе (на материале современного английского языка) 106

Симонова Е.П. Образ успешной женщины в романе Эллисон Пирсон «I don't know how she does it» 109
Семенова Н.В. Русское *поле* как этнокультурный символ 111
Семенова Т.И. От звука к смыслу: эвиденциальная семантика глагола то *sound* 115
Со Цян Языковая картина мира С. Есенина с позиций носителя китайского языка 119
Федосова Т.В., Поздеева Т.Ю. Социально-экономическая доминанта авторской картины мира Джека Лондона (на примере рассказа “south of the slot”) 121
Хантакова В.М. Синонимический повтор как репрезентация напряженности и/или разрядки в тексте /дискурсе 124
Хуснитдинов Ш.Р. «Свое» и «чужое» пространство в русских и английских пословицах 127
Шевченко Л.Л., Кочешкова И.Ю. Теория образных парадигм как инструмент моделирования и описания авторской картины мира 128
Филистович Т.П. Структурные особенности пословиц немецкого языка с компаративным компонентом 133
Широкова Н.П. Языковые механизмы создания кульминации в структуре художественного произведения: аналитический аспект 135

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАДИСКУРС: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Айтмагамбетова М.Б. Специфика региональной рекламы (на примере телевизионной рекламы г. Павлодара) 142
Анохина Ю.М, Щедрина И.О. Нарратив vs Сторителлинг: празматизация повествования в медиапространстве 145
Гричин С. В. Категория определенности/неопределенности в аспекте авторизации в научном тексте и тексте СМИ 148
Ергалиева С.Ж. Российские и казахстанские политические интернет-комментарии: лингвоперсонологический аспект 150
Зырянова К.И. Политическое противостояние России и Великобритании по «делу Скрипалей» в дискурсе глав внешнеполитических ведомств С.В. Лаврова и Б. Джонсона 154
Кириллова Ю.Н. Лингвостилистические особенности текстов туристической рекламы (на материале немецкого языка) 158
Кирколуп О.В. Языковые средства, используемые для описания протестов в СМИ 161
Манухина И.А. Манипулирование как разновидность речевого воздействия 165
Коломейцев Е.А. Криптотипы и их вариативность в широких контекстах британских и американских СМИ 168
Коротких Ж. А., Петрова И. К. Неологизмы, образованные политическими лидерами Великобритании и США 172
Примак С. С. Магическая функция немецкоязычного политического дискурса 177
Рыжова В. А. Коммуникативно-прагматические особенности социальной рекламы в китайском мультимедийном дискурсе 180
Широких И.А. Обращение к нации vs. обращения к конгрессу 182

АНАЛИЗ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Акимова Н.Ф. Регионально-культурный компонент значения лексических и фразеологических единиц французских регионолектоведите название главы 187
Буренкова С.В. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры в диахроническом аспекте 190
Друкаров М.Е. Оппозиция литературного языка и диалекта в шванке российских немцев 194
Жукова Л.В. Концепт *труд* в языке российских немцев 198
*Кочкинекова А.В. Р*епрезентация эмоциональноного пространства в английском языке сквозь призму культуры 200
Москалюк Л.И. Структура и семантика временных форм настоящего и будущего времени в островных немецких говорах Алтайского края 204
Москвина Т.Н. Деривационный потенциал темпоральной лексики в островных немецких говорах 208

Проскурин С.Г., *Проскурина А.В.* Древнеанглийская молитва The Lord's prayer с позиции первичного и вторичного кодов 210
Сироткина Т.А. Категория «свой» – «чужой» в языковой картине мира (на примере функционирования этнонимов) 214
Трубавина Н.В. Вариативность темпоральных союзов в островных немецких говорах Алтая 217

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Анохина М.А. A three level guide to text comprehension 222
Арбузова Н. А. Концепт MARSH/BOG в английской лингвокультуре 224
Батырова З.Р. Когнитивные основания дифференциации значений английских глаголов группы вхождения enter-penetrate 228
Барашева Д.Е. Когнитивный и культурный контексты в интерпретации гуманитарного научного знания в межкультурной научной коммуникации 231
Берзина Г.П. Когнитивный аспект словесной загадки в немецкоязычной картине мира 236
Верхотурова Т.Л. Эмоциогенность отсутствия как недоступности (об одном признаке в структуре универсального концепта ОТСУТСТВИЕ) 239
Еремина О.В. Анализ глаголов речи с перцептивно-оценочной семантикой: когнитивный подход 242
Ишенина А.С. Концептуализация воображаемого восприятия в английской языковой картине мира 244
Кобенко Ю.В. Имплементация средового подхода в лингвистике и смежных науках 248
Коваленко Г.Ф. Когнитивный аттрактор как фактор, обусловливающий смысловое развитие текстового пространства стилистической конвергенции 252
Левицкий А.Э. Основы сопоставления языковых данных в контексте межкультурной коммуникации 256
Мухина И.Г. Семантическая валентность как основание ментальной категоризации номинаций мифических существ в английском языке 260
Павлова А.В. Когнитивное варьирование в статальном форматировании знаний о мире 264
Топка Л.В. Речевое поведение: холистический взгляд на проблему 266
Федяева Е.В. «Первый, второй, третий!»: числительное как источник гибридных смыслов 270
Ханнанова И.Р. Аргументация как предмет гуманитарных исследований 273
Хисамова Г.Г. Функционально-когнитивный анализ художественного текста 276

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ: ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА И ТРАНСЛАТОЛОГИЯ ТЕКСТА

Безрукова Н.Н. Основные проблемы перевода в туристическом дискурсе (на примере туристического региона «Алтай») 279
Заюкова Е.В. Межкультурная и межъязыковая асимметрия при переводе текстов туристической направленности 282
Ивлева М.А. Опыт использования переводческого программного обеспечения при обучении будущих переводчиков 285
Сабурова Н.А., Антоненко Н.Д. Учет аксиологических аспектов спортивного дискурса при переводе 287
Смотряева К.С. Роль переводчика в процессе формирования внешнего имиджа региона и его столицы 291
Стальская С.С. Особенности авторского перевода игры слов в романе В.В. Набокова «Laughter in the dark» 294
Шабанов О.А. Мастерство как высший уровень формирования межкультурной компетенции 296

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

David J. Galloway Food diaries as key to everyday life in the context of teaching Russian culture 298
Ананин Д.П., Шрайнер Н.В. Развитие академической науки в современном университете 301
Амзаракова И.П., Кутяева О.М., Кацунова Н.Н. Профессиональный профиль учителя иностранного языка: к постановке проблемы 304
Бабенко М.Г. Лингвострановедческий подход в обучении иностранным языкам в высшей школе 309
Беляева С.В. Дидактизация содержания французских сайтов для формирования навыков аудирования на начальном этапе обучения 311
Битнер М.А. Развитие метафорического мышления потенциально одаренных обучающихся посредством научно-исследовательской деятельности в области лингвистики 315
Веселова В.А. Школьная газета как средство формирование грамотности современных школьников во внеурочной деятельности 319
Гончарюк Н.Л. Особенности раннего обучения иностранному языку 322
Записных О.В. Реализация принципа диалога культур на уроках иностранного языка в работе с культуроведческими проектами 324
Карпухина В.Н. Курс «Информационные технологии в лингвистике» для бакалавров вузов: инновационные подходы и технологии в лингвистике 327
Косачева Т.А., Тимофеева Е.В. Научно-исследовательская работа как одна из форм творческо-познавательной активности студентов в процессе изучения иностранного языка 329
Косых Е.А. Корреспондент-респондентные занятия в практике РКИ 332
Коротких Ж.А., Шевченко Л.Л. Специфика преподавания темы религия в рамках курса «практикум по культуре речевого общения» 335
Осиянова О.М., Осиянова А.В. Технология инновационного обучения межкультурной коммуникации на основе системы ориентиров 340
Рыжкова М.А. Технология диалога культур в иноязычном образовании как условие формирования профессионального образа мира студентов 343
Самойленко Н.Б. Подготовка онлайн-преподавателя в новом образовательном пространстве 345
Садвокасова Л.А., Кукарина Н.И. Организация экскурсии на уроке иностранного языка 349
Смарыгина Н.Г. Time-менеджмент в работе школьного учителя в условиях современных ФГОС 351
Смоля М.С. Особенности профессиональной подготовки студентов педвузов к преподаванию немецкого языка как второго иностранного 353
Тобулбаева Г.С. Типология языковых барьеров у школьников 358
Шевченко В.В. Подготовка студентов и преподавателей вуза для участия в программах академической мобильности 361

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ, ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Krolick S., Denver, CO, USA

IN THE FOLDS OF THE FLESH: «LOST IN TRANSLATION»

"Because such fingers need to knit
That subtle knot which makes us men
So must pure lovers souls descend
To affection and to faculties
That sense may reach and apprehend
To our bodies turn we then."
Jon Donne, *The Ecstasy*

"The spoken word is a gesture,
and its meaning, a world."
Maurice Merleau-Ponty,
Phenomenology of Perception

My eyes open onto a world that touches, receives, and includes them. Looking into the horizon, things appear in front of me and around me. My gaze rests upon objects already present, standing-out within my visual surround. As my sight focuses, things assume specific shapes and sizes; they reveal a spatial presence. But the existence of such 'objects' within my field of vision only occurs because I am not simply a gaze. I too have a spatial presence and posture. I am always, already present in the world ~ my body itself, not only an object among others, but a perceiving subject as well. It is with respect to this primal sense of being-present, that is to say, it is in relation to my ***body-as-subject***, that things can appear at all, disclosing themselves as coexisting with me. I am an embodied-subject in the world, and the movements and postures that I assume both constitute and are constituted by a world in which I find myself always, already thrown. Physically engaged in this world, my movements and gestures, and even my sight, reaches out towards other objects, other presences — thereby qualifying spatial relationships, and ultimately providing me a sense of order and orientation. In fact, shapes, locations, movements, and events all have significance for me, only because I am already projected into the world through the very flesh, muscles, and 'motor intentionality' of my body. Meaning emerges, first and foremost, on the ground of this primal intentionality of my flesh. So what has all this to do with language, linguistics, or the problem of translation and pedagogy? Basically, it has to do with the relation of language and linguistics to key issues in the human sciences, and how those issues circle-back around (hermeneutically) to the challenges of translation and the underlying problem of human understanding articulated by Wilhelm Dilthey in 19th and early 20th Century Germany.

Living here in Altai without a full-throated capacity to speak Russian, nor a readily available comprehension of spoken Russian, I have had to watch, engage, and learn to grasp conversational meaning through physical gesture, bodily posture, movement, social context, vocal tone, and facial expression. It has been, if you will, an existential requirement for me. Of necessity then, I have become somewhat adept at reading the unspoken tone and texture of voice, facial expression, and even the silence that often hovers obliquely between people. This has been an education in 'cross-cultural' communication which, I suggest, underlies all human understanding, and therefore must ground all acts of translation.

I want to suggest that speech, as it relates to linguistic meaning, parallels physical gesture in its own relation to the body's unique *motor-intentionality*. In speech, as in bodily gesture, the individual is concerned not so much with the process of signification but rather, with what is meant, pointed to, or intended in the signifying act. I would further suggest that every word, every speech-act, already rests upon a pre-verbal bodily posture ~ a gestural sense whereby the world is originally taken-up meaningfully in lived-experience. Language, in its first and most basic movement — as speech — thus makes explicit what was already implicit within the gestures of the *body-as-subject*.

Now, if we look back into the obscure and shadowy origins of language, we find that before the written word there was only speech ~ primeval oral traditions passed down by word of mouth from generation to generation, elder to younger. The earliest known writing system, *Cuneiform*, invented by the Sumerians, only emerged about six thousand years ago in Mesopotamia (the Ancient Near East), coincident

with the birth of cities and the establishment of empires -- in short, with the rise of civilization and history. We began making history only when we began to **write** history!

This was humankind's momentous invention, necessitated in large measure by the shift from nomadic to domesticated lifeways. On the heels of agriculture and the birth of cities, it became necessary to develop uniform codes of economic, social, and political control. Only in this way could king and kingdom handle the gathering together of diverse and unrelated village, clan or tribal members, now as urban strangers — within and beyond the city walls. This development demanded a severe change in the nature of human interaction and communication, including the removal of any ambiguity or polysemy inherent in primal speech. Even the earliest instances of urban life necessitated the articulation of a strictly univocal, disambiguated, written code.

However, modern formal linguistic rationalization finally emerged with the invention of the syllogism, early perfected by the Greeks several thousand years later, and recast by scientists, legislators, and politicians down through the ages. According to syllogistic reasoning, universal statements are related to particular circumstances within a specific logistic framework, leading to clear and unambiguous legal or scientific conclusions. It all comes down to «precise words and correct syntax… that is where social laws are made and natural laws are made or discovered» (Bram, *The Recovery of the West*). But, we must never forget that underling the various strata of codified rules ~ syntactic, semantic or logistic ~ that constitute modern linguistic theory, there remains a pre-linguistic (unspoken but not silent) field of bodily (motor) intentionality (i.e., 'meaning') giving birth to the very possibility of a world full of language.

I would further suggest that language, and in its first instance, as speech, bestows meaning in much the same way that a physical gesture imparts meaning, embodying its sense within the act itself. Speaking is itself a gesture, an act of human embodiment. Speech-acts are themselves concrete (oral-aural), positional (disclosing a specific location or perspective), and directed (intending something). The initial movement from silence to speech is thus NOT a movement from non-meaning to meaning. Rather it is a "movement from the implicit to the explicit, from ambiguity already pregnant with signification to the expressed significance of speech. If meaning is 'born' it is because [bodily gesture] is already pregnant with that very possibility." (Don Ihde, "Singing the World: Language and Perception," N. Gillan, ed., *The Horizons of the Flesh*, SIU, 1973, 71)

With respect to its concreteness, we always, already know that the spoken word is intimately connected with presence. The very evanescence of speech gives the speech-act a privileged relationship to the present. As sound, speech "must emanate from a source here and now discernibly active, with the result that involvement with [speech] is involvement with here-and-now existence and activity." (Walter Ong, *The Presence of the Word*, 1981: 111-112) When we hear a sound in the night we know something is out there; and when we hear words being spoken, we know someone is speaking. A palpable and identifiable action is occurring in and through the event of speech; and we call this communication. But lest we forget, it is the body's own 'motor intentionality' that allows this very possibility. The body itself communicates, even before speech, with gesture, and even in silence ~ e.g., in pose, posture, and muscular tension. This is the proto-linguistic foundation of all linguistic meaning.

In brief, I am offering the following metaphor for consideration: prior to and underlying the formal linguistic structures of any language, there exist pre-linguistic relations embedded in the very **folds of our flesh**. This pre-linguistic signifying power provides both structural support and foundational impetus to a culture's concrete speech-acts. The cultural specificity of such pre- or proto-linguistic *gestural* acts (let's call them a dance) also suggests that authentic translation across disparate linguistic (and cultural) communities must always suffer as a result, always losing something of its existential veracity and signifying power. Why? It is because of the silence that both grounds and surrounds this motor intentionality of embodied-subjectivity along with the unspoken cultural suppositions or pre-dispositions out of which each speech-act grows.

Given the centrality of the body and of the community which is its immediate horizon (*the body-politic*), the problem for translators is the culturally specific experience of embodiment that lies at the root of each unique tradition, including the physical and tonal cues, as well as the silences that serve, sometimes unwittingly, to unmask the intent (or meaning) in any given linguistic exchange. These are untranslatable elements naturally embodied and embedded within a cultural style and its language. There is literally a **'body'** of meanings underlying the linguistic strata and deep structures of any given language. And it is this body of meanings hidden in the very ***folds of the flesh***, that most often are non-transferable into another tongue.

There really is something essential that always gets ***lost in translation***. And, as Bill Murray said in the movie of the same name, *"Sometimes you have to go halfway around the world to come full circle."* This is what I have come to understand.

I do not question the value of textual translation, nor the obvious need for translation pedagogy. These are real necessities in our highly globalized, and increasingly interconnected planet. Yet, ours is a world where cultural difference and distinctiveness is being erased by the march of a *curriculum* unleashed with the ancient Sumerians and refined by the Greeks many thousands of years ago. It was upon this foundational logistic that scientific and technological progress established themselves, laying the basis for all advances, including modern systems of communication, systems that not only connect us, but increasingly tend to control us, often times unwittingly. It is our job as educators to insure that our students understand not simply how to translate, but to recognize as well what is hidden and what is at risk of being ***lost in translation***. There are real dangers that accrue from trying to erase all cultural variants ~ differences that emerge from the very flesh and bones and the soul of a people.

Stupar-Rutenfrans, S., Utrecht, the Netherlands

IMPORTANCE OF EMOTION REGULATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

"Your intellect may be confused, but
your emotions will never lie to you."
Roger Ebert

Abstract. In this paper, we aim to present an overview of the literature concerning emotion regulation (ER), intercultural communication (ICC), and cross-cultural competence (CCC). We examine the ways in which these concepts differ across varying cultures and describe the relations between them, using various sources from the field of cross-cultural psychology. After defining the key concepts underlying emotion regulation and explaining its relevance in the health domain, we describe the different applications of ER in various cultures and how it affects both ICC and CCC. We conclude by offering some suggestions for future research within the field of emotion regulation and intercultural communication.

Keywords: emotion regulation, intercultural communication, language, cross-cultural competence.

Introduction

In understanding emotions, emotion regulation (ER), and how the two vary across different cultures and different value systems, communication is an indispensable tool in assessing interpersonal relationships and intrapersonal behaviors. However, to analyze communication between various cultures, cultural differences cannot be ignored. Therefore, the current paper has the purpose of presenting a brief overview of a relatively recent body of literature regarding ER, intercultural communication (ICC) and their relationship. We first discuss the concept of ER and how it is related to culture. Afterwards, we present the concept of (intercultural) communication and its relationship with ER. Finally, we conclude on the next steps in research related to here presented previous work.

Emotion Regulation and Culture

Emotion regulation is a process of modification of experiences and expression of emotions (Frijda 2005). It commonly refers to healthy coping mechanisms such as reappraisal, meditation, and social sharing of emotions (John & Gross 2004; Rimé et al. 2011) and unhealthy coping mechanisms such as suppression and self-injury (Chapman, Gratz & Brown 2006; John & Gross 2004; Stupar, Van de Vijver & Fontaine 2014). The importance of ER for well-being and health has been demonstrated multiple times in previous research. For example, overuse of suppression is related to lower well-being, higher psycho-social problems, and it increases chances of cancer and heart problems while also decreasing cardiovascular recovery (Gross 1998; Nyklíc□ek, Vingerhoets & Denollet 2008; Stupar, Van de Vijver, & Fontaine 2014). Additionally, increased emotion dysregulation (incapability to frequently use healthy ER strategies to moderate or change negative emotions; Hilt, Hanson & Pollak 2011), leads to the higher employment of self-injuries typically characterized as maladaptive behaviors that serve to regulate strong and overwhelming emotions (Gratz 2007).

However, emotion regulation strategies may be applied differently in distinct cultures due to different human values being promoted in each of these cultures. A distinction often used in describing different social structures of cultures is that of collectivistic and individualistic cultures. In collectivistic, interdependent cultures, individuals are referred to as interdependent self-construal as they view the group as the core unit of society, whereas individuals in independent, individualistic cultures see individuals as the core unit of

society; therefore, they are referred to as independent self-construal (Markus & Kitayama 1991). Collectivistic cultures (e.g., Japan) that rely heavily on interdependence between individuals see fewer expressions of ego-focused emotions than more individualistic and independent cultures (Kitayama et al. 1997). Independent cultures (e.g., US), which apply values like self-assertion, usually encourage open emotion expression and constrain the use of emotion suppression unless absolutely necessary for self-protection, while, on the other hand, more interdependent cultures (e.g., Asia) value relationship harmony and are more likely to encourage emotion suppression in order to preserve harmonious relations with others (Butler, Lee & Gross 2007).

Importantly, there has been some evidence that people from Western cultures are regulating less high arousal emotions such as joy or anger that amplify the nervous system and prepare action in situations where energy and mobilization is required (Lim 2016), whereas people from non-Western cultures are regulating less low arousal emotions. This is not surprising because individuals in Western, independent, and individualistic cultures are more likely to try to influence one another, for which high arousal emotions are required. On the other hand, non-Western, interdependent, and collectivistic cultures are more likely to value conformity and harmonious relationships, for which low arousal emotions are better suited (Lim 2016).

Intercultural Communication

Intercultural communication can be best defined as communication between interactants who come from different cultural backgrounds (Matsumo, Leroux & Yoo 2005). In understanding communication concept in more depth, the literature often distinguishes verbal and non-verbal varieties. Verbal communication is linguistic in nature and is often considered the primary form of communication, while non-verbal communication is perceived ‘’in complementary redundancy to the verbal flow’’ (Mandal 2014). However, non-verbal communication is essential as it establishes a priority system for the communicators, and it allows for meta-communication that cannot be reached by verbal communication alone.

Language is an indispensable tool for communication; this has been studied particularly in the context of raising children in certain cultural environments. Exposing children to norms and rules of the community, and thus, culture, can be done through language. «[Language is] both a constitutive and *a regulatory process for emotion*. It is the means par excellence (although not the only one) by which cultural values are inculcated into the child» (Campos, Frankel & Camras 2004).

Noteworthy is that ICC is an essential part of forming cross-cultural competence (CCC), defined as an *individual's ability* to effectively interact and communicate with people from various cultural backgrounds. A higher level of CCC results in clearer, less failure-prone communication (Trejo, Richard, Van Driel & McDonald 2015), as well-developed communication skills related to the «ability to both convey and receive information accurately and efficiently in cross-cultural interactions» (McCloskey, Behymer, Papautsky & Grandjean 2012). Increased communication between individuals of different cultural backgrounds will result in the improvement of CCC of both parties involved, as this communication is necessary to receive the information that is conveyed in cross-cultural interactions.

The Role of Emotion Regulation in Intercultural Communication

Both ICC and CCC are significantly related to ER. ICC sometimes leads to uncertainty and misunderstandings (Matsumoto et al. 2005). As a consequence, individuals often engage in intercultural adjustment and adaptation. However, the degree to which individuals choose to adapt is guided by their ER. This, in turn, is dependent on their cultural background where social participants' likelihood of suppressing emotions could increase their degree of adjustment. However, individuals who are less likely to suppress emotions are likely to not adapt as much. Furthermore, intercultural adjustment and adaptation can have both positive and negative effects on one's ER; although a positive mood change could occur, adaptation can also result in antisocial behavior and emotional distress, both of which negatively impact the ability to regulate emotions (Matsumo et al. 2005). In other words, the degree of adaptation is influenced by ER strategies that are deemed appropriate in certain cultural contexts, but it also affects future regulation strategies and how they affect one's well-being.

ER has also been proven to be related to the development of CCC: «The ability to down-regulate … negative affective states should be paramount in the development of 3C» (Trejo et al. 2015). In other words, an increased ability to regulate emotions, particularly negative emotions, results in improved CCC. This is because the suppressed emotions are less likely to affect the communication with the other individual negatively. However, it is doubtful whether this applies to individuals of different types of cultural backgrounds as in certain (perhaps cross-culturally different) contexts, suppressing one's own currently experienced emotions may cause decrement in the quality of a social interaction that would have negative impact not only on social relationship but also on health and well-being in general in the long run (Trejo et al. 2015).

ER is also important for responsiveness in face-to-face interaction that is also a crucial aspect of (intercultural) communication. Responsiveness, defined as the ability to adapt one's behaviors to accommodate a social partner, is hypothesized to be affected by emotion suppression, which requires cognitive functions such as self-monitoring. If those with an interdependent background require fewer cognitive functions to apply suppression because of the frequency of their employment of it, they are more likely to remain responsive in face-to-face conversation than those of a more independent, less suppression-focused culture (Butler, Lee & Gross 2007).

Conclusion

ER is important for how we communicate on a cross-cultural level within interpersonal relationships. If we are using maleficent ER-strategies, and over/under regulate our emotions, it is highly possible that this can also affect our communication and this may be different cross-culturally. The better the ER, the better the ICC; however, more research is needed on this as there is paucity of studies on cross-cultural differences and similarities in ER-ICC relationship. Besides, more research is also needed on assessment of ER strategies and ICC as the most of the current measures of ICC and ER are of a self-report format. Development of cross-culturally sensitive instruments may be relevant especially in order to be able to compare data on these constructs across the cultures. Finally, the promising paradigm in cross-cultural research and practice is that both ER and ICC can be trained and thus improved; however, these trainings should be culturally sensitive (which is currently often not the case) in order to be more applicable for individuals from different cultural backgrounds.

References

1. Butler, E., Lee, T., & Gross, J. (2007). Emotion regulation and culture: Are the social consequences of emotion suppression culture-specific? Emotion, 7, 30-48. doi:10.1037/1528-3542.7.1.30
2. Campos, J., Frankel, C., & Camras, L. (2004). On the Nature of Emotion Regulation. Child Development, 75, 377-394. doi:10.1111/j.1467-8624.2004.00681.x
3. Chapman, A.L., Gratz, K.L., & Brown, M.Z. (2006) Solving the puzzle of deliberate self-harm: The experiential avoidance model. Behaviour Research and Therapy, 44, 371-394. doi: 10.1016/j.brat.2005.03.005
4. Frijda, N. H. (2005). The emotions: A preview of research and theory. Amsterdam, the Netherlands: Bert Bakker.
5. Gratz, K. (2007). Targeting emotion dysregulation in the treatment of self-injury. Journal Of Clinical Psychology, 63, 1091-1103. doi:10.1002/jclp.20417
6. Gross, J. (1998). Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology. Journal Of Personality And Social Psychology, 74, 224-237. doi:10.1037//0022-3514.74.1.224
7. Hilt, L.M., Hanson, J.L., & Pollak, S.D. (2011). Emotion Dysregulation. Encyclopedia of Adolescence, 3, 160-169. doi:10.1016/B978-0-12-373915-5.00112-1
8. John, O., & Gross, J. (2004). Healthy and Unhealthy Emotion Regulation: Personality Processes, Individual Differences, and Life Span Development. Journal Of Personality, 72, 1301-1334. doi:10.1111/j.1467-6494.2004.00298.x
9. Kitayama, S., Markus, H. R., Matsumoto, H., & Norasakkunkit, V. (1997). Individual and collective processes in the construction of the self: self-enhancement in the United States and self-criticism in Japan. Journal of personality and social psychology, 72, 1245. doi: 10.1037/0022-3514.72.6.1245
10. Lim, N. (2016). Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West. Integrative Medicine Research, 5, 105-109. doi:10.1016/j.imr.2016.03.004
11. Mandal, F. (2014) Nonverbal Communication in Humans, Journal of Human Behavior in the Social Environment, 24, 417-421, doi:10.1080/10911359.2013.831288
12. Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. Psychological review, 98, 224. doi:10.1037/0033-295X.98.2.224
13. Matsumoto, D., Wallbott, H. G., & Scherer, K. R. (2005). Emotion and intercultural communication. Kwansei Gakuin University Journal, 99, 15-38. doi:10.1.1.459.3182
14. McCloskey, M., Behymer, K., Papautsky, E., & Grandjean, A. (2012). Measuring Learning and Development in Cross-Cultural Competence (pp. 1-31). Fort Belvoir: United States Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences.
15. Nyklíc□ek, I., Vingerhoets, A., & Denollet, J. (2008). Emotion regulation. New York: Springer US.
16. Rimé, B., Finkenauer, C., Luminet, O., Zech, E., & Philippot, P. (2011). Social sharing of emotion: New evidence and new questions. European Review of Social Psychology, 9, 145–189. doi:10.1080/14792779843000072.
17. Stupar, S., Van de Vijver, A. J. R., & Fontaine, J. R. J. (2014). Emotional suppression and well-being in immigrants and majority group members in the Netherlands. International Journal of Psychology, 49, 503-507. doi:10.1002/ijop.12040
18. Trejo, B., Richard, E., van Driel, M., & McDonald, D. (2015). Cross-Cultural Competence: The Role of Emotion Regulation Ability and Optimism. Military Psychology, 27, 276-286. doi:10.1037/mil0000081

Welsh, K., Hobart & William Smith Colleges, Geneva, NY, USA

ПЕРЕВЕРНУТОЕ ОБУЧЕНИЕ: АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ ИЗ ПРАКТИКИ
FLIPPED LEARNING: A CASE STUDY

Author Note

Kristen Welsh, Russian Area Studies Program, Hobart & William Smith Colleges.

This project was supported in part by a grant from The Andrew W. Mellon Foundation.

Correspondence concerning this paper should be addressed to Kristen Welsh, Russian Area Studies, Hobart & William Smith Colleges, 300 Pulteney St., Geneva, NY (USA) 14456. Contact: welsh@hws.edu

Abstract. This presentation considers the challenges and advantages in adopting a blended or flipped learning approach to teaching Russian as a foreign language (РКИ) at the university level. As flipped and blended learning approaches become widespread at the post-secondary level, it is crucial for graduate students who wish to teach in a U.S. institution of higher education to demonstrate familiarity with the concept, its theoretical underpinnings, and issues in practical implementation. After introducing the concept of flipped learning, including a brief history of the practice, the presentation will survey the key SLA theories that are activated by flipped or blended learning. A case study follows, based on a blended learning project for introductory Russian language courses at Hobart & William Smith Colleges. The presentation will cover the development of asynchronous learning objects; steps taken to create student engagement and assure student accountability; learning outcomes and unintended consequences; and a status update. The study concludes that blended learning benefits Russian language programs by giving instructors greater flexibility in tailoring instruction to meet their goals. These goals may include enhancing opportunities for active learning; incorporating additional cultural materials; adding activities that respond to student interests; or increasing the efficiency of instruction. More time may be found for topics such as pragmatics, intercultural competency, or deeper engagement with authentic materials. Unintended consequences include reallocation of instructors' research time and priorities; discovery of gaps in the structure and content of textbooks; and fundamental shifts in instructors' theoretical approaches to language teaching. The presentation concludes with a sober assessment of the resources (time, money, technical training) required for embarking on successful blended learning projects, and with recommendations for collaborations to enhance efficiency.

Keywords*:* blended learning *смешанное обучение (класс)*, flipped learning *перевернутое обучение (класс)*, CALL, teaching with technology, processing instruction, structured input, asynchronous instruction

For educators in the United States, flipped and blended learning have moved in the past decade from trend to practice, with a growing body of materials to help teachers implement flipped approaches. Although flipped learning was developed by K-12 teachers, it is now practiced at the post-secondary level, in courses of all sizes. Flipped and blended learning appear to be following a similar trajectory in Russia, with blended learning seen in elementary and high schools (Associacija Smešannogo Obučenija, 2015; iSpring, 2016), and with recent publications discussing using and teaching blended learning in higher education (Jančenko, 2016; see also Agafonova, 2017). Familiarity with the theoretical underpinnings of flipped and blended learning, as well as practical experience developing flipped lessons, should be part of the training of *any* new teacher, regardless of level (K-12 or post-secondary) or discipline (humanities, sciences, social sciences, arts). For future teachers of Russian as a foreign language, understanding how and why to use flipped learning is part of embarking on a successful twenty-first-century career.

Definitions and History

In everyday conversation, "flipped learning" often is defined as turning homework into classwork, and moving in-class lectures to homework, usually via video or audio recordings. A more robust definition comes directly from the Flipped Learning Network: "Flipped Learning is a pedagogical approach in which direct instruction moves from the group learning space to the individual learning space, and the resulting group space is transformed into a dynamic, interactive learning environment where the educator guides students as they apply concepts and engage creatively in the subject matter" (Sams et al., 2014). Flipping often involves technology, but, as this definition shows, *it is not the same as* "teaching with technology," or creating a fully online learning experience, or practicing distance learning. Even as it moves toward giving students greater autonomy, *flipped learning depends upon the skills and creativity of the instructor*. Most definitions of "*blended* learning" focus on what it is not. Blended learning is not flipped, because it maintains elements of direct, synchronous instruction; blended learning is not technology-rich instruction, because, while relying on computers, the blended approach uses them to deliver asynchronous or self-paced instruction. The case presented here is blended learning: in the group space, it minimizes direct instruction and traditional drilling for the initial presentation of concepts, but relies on direct instruction for trouble-shooting, and on instructor-involved exercises for practice and application of concepts.

Flipped learning was pioneered by high school chemistry teachers Jonathan Bergmann and Aaron Sams in 2007 (Bergmann & Sams, 2012; Bergmann & Sams, 2014), and activates many of the practices advocated by Eric Mazur (1997) in his work on peer instruction. By the time Bergman and Sams flipped their first course, peer instruction had already been shown to support "significant learning gains" (Crouch & Mazur, 2001, cited in Institute for Teaching and Learning Innovation, n.d.). Flipped learning has developed quickly, with an online community of practice, the Flipped Learning Network, established in 2012, and with Bergmann launching the Flipped Learning Global Initiative in 2017.

Flipped Learning and SLA Theory

Flipped learning activates key elements of second language acquisition theory. The structure of flipped learning creates more time in the group space for active learning: in Russian language courses, time that was previously spent lecturing on grammar or drilling with the whole class becomes available for peer instruction and tasks designed to address diverse learning styles. Flipped learning thus accommodates an increase in the amount and variety of input, and may do the same for output (Spasova & Welsh, in press). Forsythe (2017) argues that flipped learning creates better opportunities for task-based language teaching and allows instructors to apply Vygotsky's (1978) sociocultural theory of language learning, using more activities that engage students in their zone of proximal development. Finally, flipped learning may also enable instructors to increase feedback (Spasova & Welsh, in press) by creating activities for the individual space that generate automatic feedback (e.g., digital quizzes or exercises that can be graded by computer immediately upon completion, and that include explanatory notes about wrong answers) and by increasing feedback in the group space, either through peer instruction or by increasing the time an instructor can spend reviewing and troubleshooting topics with individual students or small groups.

Case Study

Since 2014, I have been incorporating flipped learning approaches into Russian language courses at Hobart and William Smith Colleges (HWS). Rather than a full flip, I have moved toward blended learning, retaining the option to conduct direct instruction in the group space when warranted. A full case study and analysis of my work with introductory level courses at HWS and Shannon Spasova's work with intermediate level courses at Michigan State University is forthcoming (Spasova & Welsh, in press). The current presentation gives an overview of my project, emphasizing practical considerations and sharing recommendations for instructors who wish to undertake flipped or blended learning.

Synopsis

I undertook this project to address concerns about course structure. Native speakers of English require 600 hours of instruction to reach communicative proficiency in Russian (Rifkin, 2005). Students at HWS who complete one Russian course in each of their eight semesters, and who do not study abroad, graduate with between 360 and 480 hours. Because we cannot increase contact hours, increasing the efficiency of instruction can address this time deficit. To date, I have used blended learning in seven courses at the introductory level and one at the low-intermediate level.[1] From January 2014 to May 2015, I created 122 asynchronous learning objects: 65 videos of direct grammar instruction, totaling 6.25 hours, and 57 digital quizzes designed to be deployed immediately after viewing a video. From fall 2015 to the present, I have maintained these objects while shifting the focus of my project to developing materials for the group space, which in practice at HWS is the classroom. Moving direct instruction from group space to individual space immediately met my goal of covering more material in the same number of contact hours. In the first full year of using blended learning for our introductory sequence, RUS 101-102, the students completed their textbook. In previous years, with the same instructor, they had completed only 75-80% of the book.

The Video Component

Flipped learning does not require the use of video. Indeed, it is possible to flip a course without using technology at all – think, for example, of a traditional literature seminar, where the individual space is used to read and prepare questions on new material, and the group space involves students working together, guided by the instructor, to answer those questions and raise new ones. That said, many instructors do use video to flip their classes. There are multiple ways to make videos, including filming the instructor with a video camera or smartphone during a live, in-class lecture; creating PowerPoints with voiceover; and using an app to create digital whiteboard videos. Technological innovation and obsolescence make it impractical to recommend specific hardware or software in this forum, but several years of practice have led me to develop guidelines for the process that I will share here.

[1] Introductory courses are RUS 101, F'14, '15, '16, S'17; RUS 102, S'14, '15, '16. RUS 201, S'18, used a blended approach for the final chapters of *Troika*, an introductory textbook. The blended learning approach has also changed how I teach true intermediate courses, but I have not developed asynchronous materials specifically for these courses.

First, start small. Choose one topic to flip, and divide that topic into the smallest cognitive units you can. For example, when introducing a case, I create at least four videos: a conceptual introduction and three separate videos on formation: singular noun endings; singular adjective endings; and plural endings for nouns and adjectives. The sequencing in most American textbooks leads me to assign these videos at different points: in a first-semester course, the conceptual introduction and singular noun endings are assigned close together, often on the same day; adjective endings are assigned anywhere from a week to a month later; and plural endings are assigned some weeks after that.

Breaking down the topics has three benefits. First, cognitive research demonstrates that student engagement is at its highest when the video lectures are short (under six minutes; Brame, 2016), segmented (Doolittle, Bryant, & Chittum 2015), and subject to learner control during playback (Hasler, Kersten, & Sweller 2007). Second, subdividing allows flexibility when matching assignments to textbooks: some textbooks take a "maximalist" approach to grammar, presenting singular, plural, noun, and adjective endings all at once. Others stretch out the presentation, sometimes to the extent that students will learn the nominal and adjectival, or singular and plural, endings for a case in different semesters. Third, subdividing makes targeted review more efficient, whether for students working on their own, or instructors assigning review topics based on differentiated student needs.

Share your goals and motives. Many students will never have experienced blended or flipped learning. Anticipate that some students will push back against your efforts, claiming that if you are not at the front of the class lecturing, you are not doing your job. Letting students know that the flipped/blended approach works, and letting them know why you have adopted it, eases anxiety, especially when one motive is improving *their* learning experience. If you are comfortable doing so, let the students know that they should expect technology glitches, as well as adjustments to the syllabus, as you develop an approach that works for your subject matter, pacing, and student body.

Practice in class. Take time in the group space to demonstrate how to use the videos. No matter how obvious it seems to you, show how to find the video (via a shared folder or drive, a webpage, a YouTube channel, a course page in an institutional LMS, etc.), then how to play, pause, forward, rewind, and adjust any other settings. Demonstrate good study habits: students should watch the video at least twice, perhaps going straight through the first time, then reviewing the entire video while pausing it to absorb information or write notes. State directly that students are not only permitted to, but *should* control video playback; Hasler, et al. (2007) have shown that "learner-paced" video improves both test performance and learning efficiency. The expectation that they take notes will surprise most students; remind them that the information in the video supplies the building blocks for the work they will do in class, and that you expect them to have absorbed it.

Ideally, students will try one or two sets of videos and accompanying quizzes while you are present to intervene and answer questions. If possible, schedule time in a computer lab for this session. If you prefer that students bring laptops or tablets and earbuds to your regular meeting space, see if you can borrow two or three extra sets of equipment from your campus technology office; at least one student will forget the equipment, and not every student owns a laptop or tablet. Some students are happy to use smartphones for these exercises; larger smartphone screens can provide an acceptable viewing experience. Consider scheduling two full, not necessarily consecutive, class periods for discussing your approach, which will provide time for group troubleshooting and to catch up any students who missed the first session.

Ensure student accountability. Students often lack the background in cognition and second language acquisition theory to understand why assignments matter to their learning outcomes; they too often dismiss assignments as busy work. When you cannot take time from other tasks to explain how an assignment will benefit learning, or when students resist your explanation and expertise, it is crucial to have other mechanisms that ensure student accountability. Like many instructors, I use digital quizzes, housed in our LMS and linked to the related video lectures. Students complete a quiz after almost every video lecture. Questions address basic comprehension of the video material, and almost all questions are multiple choice. I award points for completing the quiz, and have experimented both with requiring a minimum score, with multiple retakes permitted, and with simply awarding a set number of completion points, regardless of the raw score achieved.

Try being a student in a blended or flipped course. Experiencing blended and flipped learning as a student can help you discover new ways to set up your asynchronous materials and integrate them into the group space to best suit your teaching style and goals.

Learning Outcomes and Student Responses

The small number of students enrolled in these courses has made conducting statistically significant research impossible. However, in 2017 I solicited feedback by sending an anonymous, online survey to the

23 students, representing 36 unique enrollments, who had completed one or more HWS Russian language courses using a blended approach. The survey, which used both Likert scale and open-ended questions about students' experience with blended learning in Russian courses and in other kinds courses, yielded a 30% response rate. The results suggest the following:

– Students find the online quizzes helpful in ensuring they have learned the material presented in the video lessons.

– Students *strongly believe* they learn grammar better from video lessons than from studying the explanations in the textbook.

– Students believe they learn grammar *even better* from explanations the professor gives live, in class.

– When given the choice between a blended language course and a traditional (direct instruction) language course, controlling for language and level, 60% of respondents would choose the blended course.

– The survey results, limited as they are by the small pool, nonetheless suggest important insights:

– Immediate follow-up to asynchronous content not only ensures that students have completed viewed the lecture, but gives them greater confidence by improving comprehension and, possibly, short-term retention.

– Dynamic grammar lectures, whether delivered as direct instruction in the group space, or in some other format in the individual space, surpass the static instruction supplied by textbooks in student preference and, at least, in student *perception* of learning efficacy.

– Given student preference for a "live" connection with the instructor when receiving grammar instruction,

– some instructor presence in the video, as voiceover, live action lecturer, or a combination, is important; and

– whether using a flipped or a blended approach, instructors should be willing to use direct instruction in the group space, albeit judiciously.[2]

Unintended Consequences

By moving direct instruction to the individual space, more time was created for active learning in the group space – thus the initial project goal. As noted above, the students completed their textbook for the first time. What I discovered, however, was that this textbook was rich in grammatical concepts and explanations, but limited in the material it provided for in-class activities. The following year, we switched to a textbook with a richer assortment of in-class activities.[3] The students continued to cover more concepts, but their learning remained more focused on grammar than on reading and speaking in Russian.

A pedagogical shift. This discovery has led to a major shift in my own pedagogy, one that parallels a shift in SLA theory *for Russian* in the U.S.: the shift from traditional instruction (TI) to processing instruction (PI). A substantive discussion of these theories and the history of the debate in the U.S. truly lies beyond the scope of this paper, but it is another issue with which prospective Russian language teachers must be familiar. In short, although in the past 15-20 years U.S. teachers of foreign languages have moved toward exercises based on processing instruction, Russian has lagged – not through diffidence, but because of long-held views in our field on the importance of direct instruction and drilling in grammar. The U.S. textbook market reflects this grammar-centrism, one argument for which can be found in Leaver, Rifkin and Shekhtman (2004), with products that remain focused on direct grammar instruction, drills, and traditional grammar exercises, and do not feature exercises using PI. As more recent studies indicate, however, PI does work for Russian. As Comer and deBenedette (2010, 2011) conclude, "mechanical drills are not necessary for language acquisition" and "TI […] can be replaced by PI and other kinds of focus-on-form instruction" (663).[4] In practice, then, instructors who develop flipped or blended courses to teach elementary Russian will need to plan not only for removing direct instruction from the group space, but for creating an entirely new set of activities to be used in the group space.

Time and impact on instructor's research. The final unintended consequence relates to the impact that blended or flipped learning projects have on the time the instructor spends on other professional activities. Creating a single three-to-six-minute instructional video takes 60 to 120 minutes. Moreover, digital

[2] I recommend using direct instruction for troubleshooting after a concept has been introduced in the individual space and reinforced via further practice, usually after at least two class periods have passed since the initial encounter with the topic. I do not present in-class lectures on grammar topics for which I have already created asynchronous materials, because doing so undermines the students' acceptance that they must *study* the concepts on their own and arrive to the group space prepared for further work.

[3] The survey discussed above included students who used each textbook.

[4] Comer and deBenedette (2011) identify weaknesses in the U.S. textbook market for Russian similar to those I discuss above. They have since launched an online textbook, Mezhdu nami, to address some of these concerns.

materials need ongoing maintenance, whether they are instructor-created or sourced elsewhere. Even a simple LMS site must be updated from time to time, and the complex nature of digital video and online quizzes, plus the desire to create a variety of activities for use in the individual and group spaces, means that a blended or flipped project is rarely completed. As current best practice in flipping emphasizes the importance of the instructor's presence in asynchronous/individual space materials – bearing out the results of my 2017 survey, in which students wanted to see or hear their own instructor in the digital videos – the clearest timesaving benefit of flipping, the ability to share videos among instructors and across institutions, disappears.

For instructors whose responsibilities focus entirely on language instruction, such projects may mesh well with goals for publication and career advancement. For instructors whose primary role is to teach literature and culture, the time spent planning, implementing, and maintaining a blended or flipped language course can be problematic: it takes away time that from the literary or cultural research projects that are generally expected for tenure and promotion. Moreover, the work and expertise required to flip a course are not, at least in many U.S. institutions, classified as scholarly production. As a field, we need to educate our colleagues, administrators, and governing boards about flipped and blended learning, and advocate for appropriate recognition of the role such projects play in our research profiles. When instructors cannot use the development of teaching materials as part of their documentation for promotion, and when this kind of teaching project comes at a very high cost in terms of research time lost, there is an enormous disincentive.

One solution, even for instructors whose specialization is not second language acquisition, is to publish their work on blended learning in journals of the scholarship of teaching and learning (SoTL). Talbert (2017, 194-201) makes this recommendation and provides a primer for instructors interested in pursuing SoTL publications. However, this option provides only a partial solution. Not only do many institutions undervalue SoTL scholarship, it is hard to imagine language instructors embracing flipped or blended learning projects if it means abandoning the other areas of research around which they have built their careers.

Conclusion

Blended and flipped learning bring many benefits to Russian language courses: flexibility, efficiency, greater learner autonomy, and increased active learning time. Shifting traditional instructional practices to a blended or flipped approach can also provide the opportunity to implement best practices in SLA pedagogy or address shortcomings in available textbooks. Instructors should plan carefully for the time such projects require and the impact they may have on scholarly productivity. If these concerns can be addressed, pursuing blended and flipped learning can be as rewarding for the instructor as for the student.

References

1. Agafonova A.O. (2017). Ispol′zovanie innovacionnogo metoda "Flipped classroom" v obučenii studentov–filologov (na materiale nemeckogo jazyka). Vypusknaja kvalifikacionnaja rabota. SPb: Filologičeskij fakul′tet, kafedra inostrannyx jazykov i lingodidaktiki SpbGU. Retrieved from https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/8009/1/itog.docx
2. Associacija Smešannogo Obučenija. (2015-). Blended learning in Russia. Retrieved from http://blendedlearning.pro/
3. Bergmann, J. & Sams, A. (2012). Flip your classroom: Reach every student in every class every day. Washington, DC: International Society for Technology in Education.
4. (2014). Our story: creating the flipped classroom. Brock International Prize in Education Nominee. Retrieved from http://brockprize.org/wp-content/uploads/2017/08/Bergmann-Sams.pdf
5. Brame, C.J. (2016). Effective educational videos: Principles and guidelines for maximizing student learning from video content. CBE Life Sciences Education, 15(4), es6:1-6.
6. Comer, W.J., & deBenedette, L. (2010). Processing instruction and Russian: Issues, materials, and preliminary experimental results. Slavic and East European Journal, 54(1), 118-46.
7. (2011). Processing instruction and Russian: Further evidence is in. Foreign Language Annals 44(4), 646-73.
8. Crouch, C. H., & Mazur, E. (2001). Peer instruction: Ten years of experience and results. American Journal of Physics, 69(9), 970-77.
9. Doolittle, P.E., Bryant, L.H., & Chittum, J.R. (2015). Effects of degree of segmentation and learner disposition on multimedia learning. British Journal of Educational Technology, 46(6), 1333-43.
10. Forsythe, E. (2017). Pedagogical rationale for flipped learning and digital technology in second language acquisition. Flipped Instruction: Breakthroughs in Research and Practice. Hershey, PA: IGI Global, 116-30.
11. Hasler, B.S., Kersten, B., & Sweller, J. (2007). Learner control, cognitive load and instructional animation. Applied Cognitive Psychology, 21(6), 713-29.
12. Institute for Teaching and Learning Innovation, U of Queensland. (n.d.) Peer Instruction: What is It? Retrieved from http://www.uq.edu.au/teach/flipped-classroom/docs/FAB/FABPeerInstructionTipsheet.pdf
13. iSpring. (2016, August 22). Perevernutyj klass: Texnologija obučenija XXI veka. Retrieved from https://www.ispring.ru/elearning-insights/perevernutyi-klass-tekhnologiya-obucheniya-21-veka/

14. Jančenko, I.V. (2016). Smešannoe obučenie v vuze: Ot teorii k praktike. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija 5, n.p.n.
15. Maxwell, C. (2016, March 4). What blended learning is – and isn't. Retrieved from https://www.blendedlearning.org/what-blended-learning-is-and-isnt/
16. Mazur, E. (1997). Peer instruction: A user's manual. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
17. Rifkin, B. (2005). A ceiling effect in traditional classroom foreign language instruction: data from Russian. Modern Language Journal, 89(1), 3-18.
18. Sams, A., Bergmann, J., Daniels, K., Bennett, B., Marshall, H., & Arfstrom, K.M. (2014). The four pillars of F-L-I-P™. Flipped Learning Network (FLN). Retrieved from https://flippedlearning.org/wp-content/uploads/2016/07/FLIP_handout_FNL_Web.pdf
19. Spasova, S., & Welsh, K. (in press). Mixing it up with blended learning. In E. Dengub, I. Dubinina & J. Miller (Eds.), The art of teaching Russian. Bloomington: Slavica. n.p.n.
20. Talbert, R. (2017). Flipped learning: A guide for higher education faculty. Sterling, VA: Stylus.

Голев Н.Д., г. Кемерово, Россия

ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТ "VAVILON.NET (МП +ОМП)" КАК СПОСОБ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ, ОБУЧАЮЩАЯ ПРОГРАММА И ИСТОЧНИК ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлены результаты разработки и опыта реализации проекта «Vavilon.net (МР + ОМР)», в котором МР является машинным переводом, а ОМР - обратным машинным переводом. Проект основан на теоретической гипотезе, согласно которой перевод является формой интерпретации, он может быть индикатором качества (уровня, степени) интерпретируемости, понимания и, следовательно, доступности информации, отправленной адресату. На начальном этапе создания проекта его инициаторы исходили из того, что ОМР может выступать в качестве удобного дополнительного инструмента для исправления результатов МР, поскольку ОМР позволяет оценивать качество сообщения, отправляемый текст с точки зрения того, как он будет понимаемый адресатом. Если отправитель оценивает интерпретацию компьютером содержимого отправляемого сообщения как сомнительную интерпретацию, он может исправить текст, который будет отправлен (Т-1), чтобы он стал доступным для МП и, следовательно, для адресата. Заключение о доступности для получателя информации может быть сделано на следующих этапах преобразования исходного текста в цепях Т-1 - МР-ОМР. Длина цепочки не имеет ограничений. Прикладная гипотеза этих тезисов была связана с утверждением о возможности повседневной (непрофессиональной) коммуникации с использованием алгоритма «МР + ОМР» носителями разных языков без их знания иностранных языков. В ходе разработки этого проекта оказалось, что обратный машинный перевод и предлагаемый алгоритм МР + ОМР могут использоваться в исследовательской практике как своего рода эксперимент для получения материала при изучении различных языковых проблем. Другим прикладным результатом проекта является возможность использования алгоритма «МР + ОМР» в практике изучения иностранных языков, в частности, как упражнения для понимания комплементарности или некомплементарности языковых систем языков, которые взаимодействуют в процессе перевода, для разработки предтрансляционного текстового анализа и конкретной практики общения в естественном письме.

Ключевые слова: межъязыковая коммуникация, интернет-проект «Вавилон.нет», машинный перевод, обратный машинный перевод, предпереводческий анализ текста

WEB PROJECT "VAVILON.NET (MT + RMT)" AS A METHOD OF INTERLANGUAGE COMMUNICATION, A LEARNING PROGRAM AND A SOURCE FOR LINGUISTIC STUDIES OF NATURAL LANGUAGE

Abstract. The article presents the results of development and implementation experience of the project "Vavilon.net (MT + RMT)" in which MT is machine translation and RMT is reverse machine translation. The project is based on the theoretical hypothesis, according to which translation is a form of interpretation, it can be an indicator of the quality (level, degree) of interpretability, understandability and – consequently – availability of the information sent to the addressee. At the initial stage of the project creation, its initiators proceeded from the fact that RMT can act as a convenient additional means of correcting the results of MT, since RMT allows to assess the quality of the sent message in terms of its comprehensibility for the addressee, and when the sender evaluates the quality of the sent information in this regard as insufficient, to adjust the sent text (T-1) in such a way that it becomes available to MT and, consequently, to the addressee, as the results of the following links in T-1 – MT – RMT chain can testify. The applied hypothesis of this paper was connected with the statement about the possibility of everyday (non-professional) communication with the help of the algorithm «MR +RMT» by native speakers of different languages without their knowledge of foreign languages. During the development of this project it was found that reverse machine translation and the proposed algorithm «MR +RMT» can be used in research practice as a kind of experiment to obtain material in the study of various linguistic problems. Another applied output of the project is the possibility of using the algorithm «MR +RMT» in the practice of learning foreign languages, in particular, as an exercise to understand the complementarity / non-

complementarity of language systems of languages interacting in the translation process, to work out the pre-translation analysis of the text and a kind of communicative practice in terms of natural written speech.

Key words: interlanguage communication, Web project "Vavilon.net", machine translation, reverse machine translation, pre-translation analysis of the text.

1. Алгоритм (деривационная цепочка) МП+ОМП:

1) Исходный текст (ИТ) на родном языке;

→ 2) текст, переведенный на требуемый на иностранный язык;

→ 3) текст ОМП, полученный в результате ОМП;

→ 4) оценка текста ОМП 3;

→ 5) корректировка текста 3 (при негативной оценке);

→ 6,7,8) возможное продление цепочки → → → →: ОМП-2, ОМП-3, ОМП-4 до достижения позитивной оценки.

Корректировка вторичного текста, полученного в результате ОМП, – главный сущностный, элемент программы МП +ОМП и проекта «Vavilon.net», создающий ее специфику. Корректировка как элемент трансляционной деятельности в рамках программы МП+ОМП во многих отношениях подобна предпереводческому анализу текста. И то и другое – адаптация текста к возможностям перевода, прогнозирование его трудностей и потерь с целью их «избежания». Но корректровка имеет и свою специфику. Техника корректировки трансляционной деятельности в формате МП+ОМП нуждается в специальной методической разработке. О когнитивных и коммуникативных основаниях этапа корректировки процедуры МП+ОМП будет сказано далее.

2. Пример реализации алгоритма. Исходный текст – пилотная страница проекта «Вконтакте» https://vk.com/vavilon_net

«Vavilon.net« – это проект глобального общения с иностранцами без знания иностранных языков с помощью компьютерного переводчика (КР). Ресурсы КР обычно являются вполне достаточными. Но в том случае, если ресурс оказался недостаточным, то мы предлагаем использовать обратный компьютерный перевод – ОКР. Что такое ОКР? Покажем схему действия на примере. Напишите на родном языке текст, который вы хотите послать иностранцу, переведите с помощью компьютерного переводчика его на тот язык, которым владеет адресат вашего письма. Потом снова переведите данный текст на родной язык и посмотрите, что получилось. Если получилось нормально – посылайте адресату текст на иностранном языке. А если результат не нравится, то измените текст на родном языке и снова переведите. Таким образом работает проект «Vavilon.net« = КР+ОКР. Все просто! Находите себе друзей по всему миру и общайтесь. И не забывайте на англ яз. поместить новость на нашу страницу «Вконтакте». Ее ждут Ваши друзья.

Перевод (МП) на китайский язык.

Vavilon.net**是一个全球性的沟通**项目，外国人使用计算机翻译器（CP）**不懂外**语。
KP资源通常就足够了。但是在资源短缺的情况下，我们建议使用反向计算机翻译 -
OKP。**什么是**OKP？该示例显示了操作的图表。用您自己的语言写下您要发送给外国人的文本，在计算机翻译的帮助下将其翻译成您的收件人所说的语言。然后将此文本翻译成您的母语，看看发生了什么。如果发生这种情况，请用外语将文本发送给收件人。如果您不喜欢结果，请使用您自己的语言更改文本并再次翻译。因此，项目"Vavilon.net" = KP + OKP。
这很容易！找到世界各地的朋友聊天。别忘了在我们的页面"Vkontakte"**上**发布新闻。你的朋友在等**她**.

Обратный перевод с китайского языка на русский. Vavilon.net – это глобальный коммуникационный проект, в котором иностранцы не знают иностранных языков, используя компьютерный переводчик (СР). Ресурсы КР обычно достаточны. Однако в случае нехватки ресурсов мы рекомендуем использовать обратный компьютерный перевод – ОКП. Что такое ОКП? В этом примере показана диаграмма операции. Напишите текст, который вы хотите отправить иностранцам на своем родном языке, и переведите его на язык, на котором говорит ваш получатель, с помощью компьютерного перевода. Затем переведите этот текст на свой родной язык и посмотрите, что произойдет. Если это произойдет, отправьте текст получателю на иностранном языке. Если вам не нравятся результаты, измените текст на своем родном языке и переведите снова. Поэтому проект «Vavilon.net» - КП + ОКП. Это легко! Найдите друзей в чате по всему миру. Не забудьте опубликовать новости на нашей странице «Вконтакте». Ваш друг ждет ее.

Оценка и Корректировка «посткитайского» текста Vavilon.net, полученного после ОМП**.** Vavilon.net – это глобальный коммуникационный проект, в котором *иностранцы* не знают

иностранных языков, *используя* компьютерный переводчик (КР). Ресурсы КР обычно достаточны. Однако в случае нехватки ресурсов мы рекомендуем использовать обратный компьютерный перевод - ОКП. Что такое ОКП? В *этом* примере показана *диаграмма* операции. Напишите текст, который вы хотите отправить иностранцам на своем родном языке, и переведите его на язык, на котором говорит ваш получатель, с помощью компьютерного перевода. Затем переведите этот текст на свой родной язык и посмотрите, что произойдет. Если *это* произойдет, отправьте текст получателю на иностранном языке. Если вам не нравятся результаты, измените текст на своем родном языке и переведите снова. Поэтому проект «Vavilon.net» = КП + ОКП. Это легко! Найдите друзей в чате по всему миру. Не забудьте опубликовать новости на нашей странице «Вконтакте». Ваш друг ждет *ее.* Выделенные курсивом фрагменты текста, вызвавшие сомнения отправителя (автора статьи) с точки зрения понятности для адресата отправляемого текста.

Послекитайский русский тест с исправлениями. Vavilon.net – это глобальный коммуникационный проект, в котором *собеседники* не знают иностранных языков, для общения они *используют* компьютерный переводчик (КР). Ресурсы КР обычно достаточны. Однако в случае нехватки ресурсов мы рекомендуем использовать обратный компьютерный перевод - ОКП. Что такое ОКП? В *следующем* примере показана схема операции. Напишите текст, который вы хотите отправить иностранцам на своем родном языке, и переведите его на язык, на котором говорит ваш получатель, с помощью компьютерного перевода. Затем переведите этот текст на свой родной язык и посмотрите, что произойдет. Если произойдет хорошо, отправьте текст получателю на иностранном языке. Если вам не нравятся результаты, измените текст на своем родном языке и переведите снова. Поэтому проект «Vavilon.net» = КП + ОКП. Это легко! Найдите друзей в чате по всему миру. Не забудьте опубликовать новости на нашей странице «Вконтакте». Ваш друг ждет ваши новости!

Перевод на китайский язык послекитайского русского текста с исправлениями.
Vavilon.net**是一个全球通信**项目，对话者不懂外语，他们使用计算机翻译（KP）进行交流。
KP资源通常就足够了。但是，如果资源短缺，我们建议使用反向计算机翻译 -
OKP。**什么是**OKP？**以下示例**显示了该操作的图表。用您自己的语言写下您要发送给外国人的文本，并将其翻译成您的收件人使用计算机翻译所说的语言。然后将此文本翻译成您的母语，看看会发生什么。如果发生得好，请用外语将文本发送给收件人。如果您不喜欢结果，请使用您自己的语言更改文本并重新翻译。因此，项目“Vavilon.net”= KP + OKP。
这很容易！在全球聊天中找朋友。不要忘记在我们的页面“Vkontakte”**上**发布新闻。你的朋友在**等你的消息！**

Перевод ОМП откорректированного текста. Vavilon.net – это глобальный коммуникационный проект, в котором собеседники не знают иностранных языков, и они используют компьютерный перевод (КП) для общения. Ресурсы КР обычно достаточны. Однако, если ресурсов недостаточно, мы рекомендуем использовать обратный компьютерный перевод – ОКР. Что такое ОКП? В следующем примере показана *диаграмма* операции. Напишите текст, который вы хотите отправить иностранцам на своем родном языке, и переведите его на язык, на котором говорит ваш получатель, используя компьютер. Затем переведите этот текст на свой родной язык, чтобы узнать, что произойдет. Если это произойдет, отправьте текст получателю на иностранном языке. Если вам не нравятся результаты, пожалуйста, измените текст и *перепишите* на свой родной язык. Поэтому проект «Vavilon.net» = КР + ОКР. Это легко! Найдите друзей в глобальном чате. Не забудьте опубликовать новости на нашей странице «Вконтакте». Ваш друг ждет ваших новостей! Оценка отправителя: Данный текст относительно хорошо передает смысл исходного текста, его китайский аналог может быть послан носителю китайского языка; степень вероятности того, что он будет достаточно адекватно им понят, высокая.

3. Коммуникативная сущность алгоритма «МП+ОМП». Цель алгоритма – улучшение качества перевода заключено не столько в корректировке иноязычного (для тебя) текста, полученного в результате перевода на этот язык, которого, увы, ты не знаешь, сколько в корректировке переводимого текста на родном языке, который ты хорошо знаешь, и твои возможности успешной предпереводческой подготовки текста здесь гораздо бОльшие (NB – УСПЕШНОЙ = коммуникативно успешной!).

В предлагаемой нами системе межъязыкового общения акцент делается на **предпереводческой деятельности автора сообщения.** ОМП в этой системе – формат, аспект (компонент), **средство** предпереводческого анализа. ОП (человеческий) и ОМП делают предпереводческий анализ текста более эффективным. Прежде всего потому, что делает его более **целенаправленным.** Не «вообще – перевод» «вообще текста как такового», а конкретное сообщение

адресату с определенной целью, требующей для своего осуществления **необходимого и достаточного** инструментария. Это соответствует принципу кооперации Г. Грайса: «Коммуникативный вклад каждого участника диалога должен соответствовать цели диалога».

Модальности межъязыковой коммуникации, значимые для проекта, во многом находятся в параметре антиномии ожидаемого и реального. План модальности проекта в существенной мере определяет сложившаяся в среде специалистов и билингвов негативная оценка качества МП. Наша практика показывает, что качество перевода во многих коммуникативных ситуациях приемлемо для ведения успешной межъязыковой коммуникации. Если трактовать приемлемость как «понимаемость» текста адресатом, то естественным образом возникает следующая постановка вопроса: каков диапазон **конструктивного** (в аспекте перлокутивного эффекта, = понимания переведенного текста) использования МП (и ОМП). Какие задачи можно успешно решать, имея то, что мы имеем, а именно – МП в таком его качестве, в котором он реально существует на сегодняшний день. ОМП – средство контроля и корректировки содержания межъязыкового общения и тем самым - повышения степени его эффективности. ОМП – это возможность у адресанта оценить отправляемое сообщение как приемлемое или неприемлемое, а в последнем случае – откорректировать его, доведя до уровня приемлемого. NB Приемлемость – коммуникативная категория, прямо коррелирующая с категорией коммуникативной успешности и лишь косвенно – с категориями правильности, адекватности, идеальности. Конструктивное отношение к МП предполагает конкретно-прагматическую модальность, то есть, иное – неперфекционистское − понимание качества межъязыкового общения. Высоким уровнем качества в таком случае будет не достижение некоего идеального (адекватного и т.п.) перевода, а достижение уровня, необходимого и достаточного для взаимопонимания коммуникантов в данной конкретной коммуникативной ситуации. Мы говорим об оптимальном переводе именно в этом смысле: оптимальный по отношению к коммуникативной задаче. «Идеальное, адекватное и пр.» часто противостоит «необходимому и достаточному», перфекционизм противостоит реализму и прагматизму.

Перспективы разработки проекта мы связываем с расширением сферы межъязыкового общения, осуществляемом в разных направлениях – языковом, жанровом, содержательном, с использованием ОМП в научно-исследовательской практике (см первую разработку в этом плане: Голев 2018) и в лингводидактике, в частности, в использовании МП+ОМП как упражнения для понимания учащимися комлементарности или некомплементарности языковых систем языков взаимодействующих в трансляционном процессе, и способов преодоления последней, для отработки предпереводческого анализа текста и своеобразной коммуникативной практики в условиях естественной письменной речи (Голев 2015).

Библиографический список

1. Голев Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода [Текст] / Н. Д. Голев // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2018. Вып. 1. Т. 18. С. 36-45.
2. Голев Н. Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) [Текст] / Н. Д. Голев // Язык и культура. 2015. № 2 (30). С. 105-116.

Ивашкевич И.Н., г. Минск, Беларусь

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (на материале английского языка)

Аннотация. С позиций когнитивного подхода к языку в статье рассматривается значимая роль пространственных признаков в их корреляции с перцептивными и другими характеристиками в семантике наименований английских природных реалий, которые являются когнитивным основанием метафорической проекции в ментальное пространство человека (или сферы рационального познания мира). Автор описывает специфику когнитивного процесса вторичной категоризации природного пространства как особого формата представления знаний в английском языке

Ключевые слова: моделирование, метафора, семантика, ментальная сфера, пространство

COGNITIVE MODELING OF HUMAN MENTAL SPHERE THROUGH SPATIAL RELATIONS

Abstract. Under cognitive approach to language the article deals with an important role of spatial characteristics and their correlation with perceptual and other features within the meanings of English natural objects as a means of metaphoric mapping of the mental environment of man or rational cognition of the world which includes the

ability to think, evaluate, develop views, opinions and intentions. The author describes the peculiarity of a cognitive process of natural objects indirect categorization as a special format of knowledge representation in English
Keywords: modelling, metaphor, meaning, mental environment, space

Пространство и время относятся к фундаментальным понятиям, выполняя важнейшую роль в организации человеческого мышления и познании окружающего мира. Актуально звучит мысль о том, что «пространство является одной из основных форм концептуализации и категоризации мира, представления результатов его познания и интерпретации в языке» (Болдырев 2015: 30). Не случайно, поэтому, особый акцент в современных когнитивных исследованиях делается на изучении обыденного пространства, которое конституируется материальными объектами, имеющими определенные визуальные характеристики (размер, форма, границы, местоположение и др.). В современных философских словарях пространство представлено как протяженность (рядоположенность и сосуществование различных элементов); в качестве свойств пространства выделяется структурность (сосуществование и взаимодействие элементов, наличие внутренних связей, наличие изменений), связность и непрерывность, относительная прерывность, проявляющаяся в раздельном существовании материальных объектов и систем, имеющих определенные размеры и границы (ФЭС 1989: 519). По оценке исследователей, представления о пространстве начинают формироваться на основе простейших ощущений и врожденных (подсознательных) реакций человеческого мозга на окружающую среду, таких как ощущение силы тяжести и различение верха и низа; ощущение равновесия; осознание целостности своего тела и его поверхности как границы; выделение в окружающем мире отдельных пространственных объектов и действий и их восприятие как источников действий (агенсов), а также территориального инстинкта, проявляющегося в стремлении к обороне своего пространства и к его расширению (Брунова 2007:19).

Как показывает концептуальный анализ семантики английских имен существительных с пространственным значением, многие из обозначенных выше перцептивных характеристик находят свою актуализацию в языке. Данные характеристики, тщательно отобранные и скоррелированные языковым сознанием, играют значимую роль в и процессах вторичной концептуализации мира. По И.Ю. Колесову, изучение ментальных репрезентаций пространственных сцен приводит к выводу о том, что в языковых выражениях о воспринимаемом пространстве репрезентируются не только пространственные связи предметов внешнего мира, но и способы познания «положения дел», которые в сознании человека использованы для картирования и моделирования мира, т.е. имеют и вторичную эпистемическую функцию. Воспринимая пространство вокруг себя и выделяя значимые для жизнедеятельности параметры, люди научились его структурировать: фон-фигура, верх-низ, правый-левый, впереди-сзади, далеко-близко, приближаться-отдаляться [Колесов 2016:150].

В настоящей статье освещается опыт взаимодействия представителей английского языкового сообщества с воспринимаемым физическим пространством и демонстрируется определенный фрагмент его когнитивного моделирования. Речь в данном случае идет о когнитивной корреляции и взаимодействии двух значимых кодов: природного кода (т.е. наименований, обозначающих английские природные пространства) и телесного кода, номинирующего в контексте настоящей статьи внутренний мир ЧЕЛОВЕКА РАЦИОНАЛЬНОГО. В ранее проведенных нами исследованиях представлены выводы о том, что английские природные реалии являются активной сферой-источником формирования таких абстрактных понятий, как неопределенное количество/множество, время, события, научная терминология, общество, социальные отношения и др., свидетельствуя об интерпретирующей деятельности языкового сознания, которое профилирует салиентные признаки предметов и явлений мира, дефокусируя их несущественные характеристики, свойства и связи (см. работы (Ивашкевич 2013, 2014 и др.)).

В качестве когнитивного процесса, дающего представление о создании новой единицы, рассматривается концептуальная деривация, которая предполагает не только образование нового концепта, но осмысление и установление его когнитивных связей с исходной структурой знания в концептуальной системе человека. Понятие концептуальная деривация, по оценке Н.Н. Болдырева, представляет собой языковую модель изменения определённого концептуального содержания с целью формирования нового смысла. Данный процесс основан на использовании и интерпретации уже вербализованного знания за счёт его сужения, расширения, развития переструктурирования, генерализации или, напротив, конкретизации. Формировании нового смысла, по мнению ученого, происходит при помощи тех или иных языковых механизмов, при этом связи между новым и исходным концептами могут носить разный характер, подчиняться разным когнитивным схемам и моделям: «часть – целое», «нейтрализация, усиление или ослабление определённой характеристики»,

«градация степени проявления признака», «изменение перспективы репрезентации концепта (Болдырев 2009:48).

В первичных значениях наименований английских природных пространств репрезентированы многочисленные перцептивные и пространственные признаки, а также их многочисленные корреляции, которые образуют определенные структуры знания. Такая насыщенная перцептивная и пространственная репрезентация свойств в семантике данных имен объясняется, во-первых, тем, что природные объекты непосредственно доступны зрительному восприятию, во-вторых, эти существенные параметры играют значимую роль в дифференциации природных объектов. Вероятно, можно констатировать, что в языке находят преломление отдельные атрибуты и свойства пространства физического. Как никогда актуально звучит мысль у Е.С. Кубряковой о том, что за понятием пространства стоит **не простая структура знания,** хотя это понятие выступает как связанное с телесным и довольно простым опытом человека (Кубрякова 2004:480).

В рамках когнитивных процессов вторичного означивания мира отдельные имена природных реалий используются английским языковым сознанием для моделирования сферы рационального познания объективной действительности, которая включает такие когнитивные способности человека, как восприятие, мышление, возможность формирования мнений, суждений, умозаключений, оценок и др. Добавим, вслед за М.А. Холодной, что в составе ментального (умственного) опыта можно выделить три уровня (три ‘слоя’): когнитивный опыт, включающий в себя структуры, отвечающие за переработку информации (в том числе, способы кодирования информации, когнитивные схемы, семантические структуры и понятийные психические структуры); метакогнитивный опыт, в который входят умственные образования, позволяющие осуществлять непроизвольную и произвольную регуляцию собственной интеллектуальной деятельности; интенциональный опыт, включающий в себя ментальные структуры, которые лежат в основе индивидуальных интеллектуальных склонностей (в виде предпочтений, убеждений, умонастроений) (Холодная 2002).

Проблема вторичной репрезентации знаний в языке связана также с вопросом о различных схемах или формах ментальных репрезентаций, в которых структурирован и категоризован окружающий мир. Как известно, наши знания организуются с помощью определенных когнитивных моделей. Эта идея лежит в основе объяснения общих процессов концептуализации и категоризации и того, что обеспечивает действие этих процессов: конпептуализация и категоризация мира в языке осуществляется с помощью когнитивных моделей, или схем (см. подробнее (Lakoff 1990: 68; Болдырев 2016: 11)). В данном исследовании такой схемой развертывания динамического процесса вторичной категоризации служит определенная когнитивная модель. Таким образом, образную номинацию ментального мира представителей английского социума, сферой-источником которой выступают природные объекты, представим в виде следующей общей когнитивной модели: ПРИРОДНЫЕ ПРОСТРАНСТВА → МЕНТАЛЬНАЯ СФЕРА.

В метафорическом осмыслении ментальной сферы представителей английского социума принимают участие, прежде всего, единицы, вербализующие как наименования обширных природных пространств, земельных участков, территорий, отдельных названий водных объектов (area, domain, field, terrain, ground, mainstream, landscape etc), так и части природных пространств (branch, slant, edge и др.). Во вторичной номинации в результате действия определенных когнитивных механизмов они становятся источником определенных структур знания о следующих аспектах ментального пространства англичан:

1) Область опыта, сфера интересов, поле деятельности; отдельные области какого-либо рода деятельности. Ср.: *In addition, consular officers are given little training as to which fields of scientific study may pose a security risk. A branch of mathematics called graph theory (OED).* Основа метафорического переноса в первом примере – пространственный признак ‘открытость границ’ (*field ‘an area of open land’*). Во втором примере базой семантического сдвига в значении выступают перцептивно-пространственные реестры атрибутов – ‘протяжённость’+ ‘расположение сбоку’, а также признак ‘партитивность’ *(branch ‘a lateral extension or subdivision extending from the main part of a river, road, railway’*, etc) *(OED).*

2) Стремления, намерения, верования; направленность во взглядах или действиях определенной группы людей; господствующие либо общепринятые направления, тенденции (в искусстве, литературе, политике, религии): *They withdrew from the mainstream of European politics* (OED). The term mainstream refers to the main current of a river or stream (https://en.wikipedia.org/wiki/Mainstream). В семантике данного имени вербализована определенная корреляция визуальных признаков ‘движение’+ направление движения’ + ‘масса воды’ (current ‘a body

of water or air moving in a definite direction') (OED). Основанием метафорического переноса в ментальную сферу является признак 'направление движения' в корреляции с оценочным признаком 'main' (наиболее важный, существенный; главный).

3) Направленность деятельности, интересов; специализация; возможные отклонения от основной линии во взглядах, суждениях; другая точка зрения, мнение, отношение; иной подход к той или иной проблеме. Ср.: *I saw he had a different slant on it. The political slant at Focus can be described as centre-right* (CCD). Когнитивной базой сдвига в значении является профилирование пространственного признака, номинирующего отклонение от обычного горизонтального или вертикального положения (slant 'a sloping position; sloping 'inclined from a horizontal or vertical line') (OED).

4) Всесторонность, обширность, глубина знаний, умений, навыков; степень проникновения в сущность проблемы; область концентрации чувств, мыслей, способностей человека и т.д. *We felt at home with her and were impressed with the depth of her knowledge ... There are hidden depths in all of us.* Основой метафорического перноса является фокусирование внимания на пространственном признаке 'вертикаль' как расстоянии от поверхности воды до дна по направлению вниз. Ср.: *depth 'the distance from the top or surface to the bottom of something'* (OED).

Анализ когнитивного процесса моделирования ментальной сферы позволяет сделать вывод о том, что в языковом сознании носителей английского языка профилируются определенные признаки сферы-источника, отражающие салиентные свойства и атрибуты материальных природных объектов. Пространственные и перцептивные признаки и отношения, находящие актуализацию в семантике исходных имен природных объектов (положение объектов в пространстве, представления о размере, форме, расстоянии, границе, вертикали, горизонтали, либо отклонение от канонического положения в пространстве, представление о движении или направлении движения, которые являются неотъемлемой частью пространственных отношений, а также их корреляции с перцептивными, оценочными, функциональными признаками) являются когнитивной основой метафорического переноса в область рационального познания действительности. По оценке Н.Д.Арутюновой, поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах (Арутюнова 2007: 95). Таким образом, языковое сознание человека способно не только структурировать и обобщать наиболее значимые признаки и свойства физического мира, но и номинировать с помощью определенных когнитивных механизмов различные непространственные миры, которые не доступны прямому восприятию. Наблюдение за языковым «поведением» единиц с пространственной семантикой позволяет судить о тесном взаимодействии двух ступеней познания – эмпирического (репрезентированного в форме ощущений и восприятий) и рационального (представленного в форме понятий и вербализованного в языке). Иными словами, наблюдается «переход от чувственной конкретности ощущений-восприятий к абстрактно-обобщенному мышлению» (Никитин 1996).

Когнитивное моделирование сквозь призму семантики природных пространств позволяет продемонстрировать значимую роль пространства и пространственных отношений в концептуализации и интерпретации физического мира в языке.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

2. Болдырев Н. Н. Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. Москва – Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. С.43-51.

3. Болдырев Н. Н. Принцип антропоцентризма в языковом конструировании пространства [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 30-39.

4. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4. С.10-20.

5. Брунова Е. Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е. Г.Брунова. М., 2007.

6. Ивашкевич И. Н. К проблеме когнитивного моделирования неопределенного количества (на материале имен существительных с пространственным значением) [Текст] / И. Н.Ивашкевич // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всерос. науч. конф., 11–12 апреля 2013 года. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 181-187.

7. Ивашкевич И. Н. Репрезентация перцептивного опыта сквозь призму пространства и времени [Текст] / И. Н. Ивашкевич // Когнитивные исследования языка. Вып. XVI. Языковое сознание и когнитивное

моделирование: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 297- 305.

8. Колесов И. Ю. Языковая репрезентация пространства в ракурсе культуры [Текст] / И. Ю. Колесов // Концепт и культура: сборник статей (VI Международная научная конференция, Кемерово – Ялта, 25-27 сентября 2016 г.), Кемерово – Ялта, 2016. С.147-153.

9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004.

10. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М. В. Никитин. СПб., 1996.

11. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования [Текст] / М. А.Холодная. СПб.: Питер, 2002.

12. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. Chicago: The University of Chicago Press, 1990.

13. Философский энциклопедический словарь [Текст] / М., 1989.

14. OED – Oxdord Dictionaries Online URL: https://www.oxforddictionaries.com

Кожанов Д.А., г.Барнаул, Россия

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СМЕШАННЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье автор рассматривает феномен смешанных ментальных пространств в аспекте конструирования концептуального пространства художественных текстов. Художественный текст рассматривается как сложный языковой знак, в теле которого присутствуют элементы различных дискурсов. Делается вывод о необходимости обращения к теории концептуальной интеграции при анализе механизмов конструирования авторской картины миры.

Ключевые слова: смешанные ментальные пространства, научная картина мира, концептуальная интеграция, единиц языка науки

THE PROBLEM OF BLENDED MENTAL SPACES IN LITERARY TEXT

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of blended mental spaces in the context of constructing conceptual space of literary texts. The literary text is analyzed as a complex language sign which body consists of elements belonging to various discourses. The author makes the conclusion about the necessity to use the theory of conceptual integration in the analysis of mechanisms of constructing the author's worldview.

Keywords: blended mental spaces, scientific worldview, conceptual integration, scientific language units

Отличительной чертой лингвистических исследований второй половины XX и начала XXI века является интерес к субъекту коммуникации, языку в действии, обусловленности интерпретации языковых единиц экстралингвистическими факторами и ряду других явлений, которые в своей совокупности составляют тот многогранный и трудно определяемый феномен, который Э. Бенвенист называл «отражением человека в языке» (Бенвенист 1974: 18). Новый подход к объекту исследования позволяет говорить о переходе от системно-структурной парадигмы к парадигме когнитивно-дискурсивной, что предполагает, как существенное расширение предметной области теоретической лингвистики, так и переосмысление многих феноменов уже давно вошедших в понятийной аппарат науки о языке.

Одним из примеров подобного переосмысления является феномен художественного текста, многие аспекты порождения и функционирования которого оставались вне фокуса исследовательского внимания в предшествующих парадигмах научного знания. Когнитивно-дискурсивный анализ художественного текста предполагает не столько самодостаточный анализ речевых средств, при котором исследователь «ограничивается наблюдением внутритекстовых связей и работает внутри непосредственной данности текста» (Кубрякова 2001: 78), сколько анализ процессов продуцирования и понимания текста. Подобный анализ, в свою очередь, не представляется возможным без обращения к таким когнитивным феноменам, как память, восприятие, воображение и др., в соответствии с хорошо известным тезисом В. Дейка о том, что «понимание текста предполагает не только знание языка, но и знание мира» (Дейк 1989: 87).

Центральным элементом любого исследования в области, имеющего своим объектом художественный текст, становится языковая личность читателя-интерпретатора, как носителя определенного объема фоновых знаний, системы ценностей и стереотипов, разнообразных прагматических установок и т.п. При этом, ментальный мир человека начинает рассматриваться как

некое пространство, в котором параллельно существуют различные языковые личности. Например, в сознании билингва существуют две языковые личности, каждая из которых характеризуется определенным уровнем языковой компетенции (разный лексический запас, разное знание грамматических структур и т.п.).

В более поздних исследованиях понятие языковой личности развивается и уточняется, свидетельством чему является введение в оборот такого термина, как «дискурсивная личность». Дискурсивная личность представляет собой языковую личность, «порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения» (Плотникова 2008: 132). Иными словами, речь идет о языковой личности, которая производит или интерпретирует сообщения, принадлежащие определенному дискурсу, тем самым создавая свое дискурсивное пространство.

Становясь участником разнообразных коммуникативных ситуаций, индивид становится субъектом многочисленных дискурсов, что позволяет говорить о существовании в сознании человека целого набора дискурсивных личностей, со своими когнитивными и коммуникативными параметрами. Изучение механизмов взаимодействия дискурсивных личностей, существующих в едином ментальном пространстве индивидуального сознания, может стать важным шагом на пути создания глобальной модели когнитивной деятельности человека, находящей свое отражение в его вербальном поведении.

Оптимальной средой для изучения механизмов взаимодействия дискурсивных личностей является, по нашему мнению, дискурсивное пространство художественного текста, отличительной чертой которого является его неоднородность. Художественный текст представляет собой, по определению Е. С. Кубряковой, «сверхсложный знак» в теле которого присутствуют элементы иных дискурсов (научного, религиозного, мифологического и др.), т.е. дискурсов внешних по отношению к художественному дискурсу (Кубрякова 2001: 80).

Неоднородность дискурсивного пространства художественного текста приводит к тому, что читатель-интерпретатор в процессе реконструирования зашифрованных автором смыслов выступает как субъект различных дискурсов. Представляется важным отметить, что речь идет не о простом «переключении» дискурсов, а о сложном феномене взаимодействия дискурсов, который обозначается в современных исследованиях как «интердискурсивность» (Чернявская 2004), «полидискурсивность» (Белоглазова 2009) или «интерференция дискурсов» (Шевченко 2011).

Несмотря на отсутствие единства в используемой терминологии, исследователи, занимающиеся проблемами неоднородных дискурсивных пространств, сходятся во мнении, что взаимодействие дискурсов представляет собой взаимодействие не только различных семиотических систем, но и стоящих за ними концептуальных образований, или картин мира. Результатом такого взаимодействия является формирование смешанных ментальных пространств.

Понятие ментального пространства, в том виде, в котором оно существует в современных исследованиях, было введено в рамках теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, которые рассматривали ментальные пространства как концептуальные структуры, возникающие в процессе когнитивной и коммуникативной деятельности (Fauconnie, Turner 2002: 40). Аналогичной точки зрения в этом вопросе придерживается и Дж. Лакофф, утверждающий, что любая зафиксированная в памяти ситуация представляется в виде ментального пространства, непрерывно расширяющегося в процессе осуществления различных когнитивных операций и соотнесенного с множеством иных ментальных пространств (Lakoff 1987: 282).

Необходимость обращения к теории концептуальной интеграции и феномену смешанных пространств (blended spaces) (Fauconnie, Turner 2002: 41) при анализе дискурсивного пространства художественного текста обусловлено высокой плотностью инодискурсивных маркеров на семиотическом уровне художественного дискурса, которым на когнитивном уровне соответствуют ментальные единицы картин мира внешних по отношению к художественной картине мира анализируемого произведения. Процесс интеграции «внешних» когнитивных структур в концептуальное пространство художественного текста может быть рассмотрен как формирование в дискурсивном пространстве художественного текста смешанных ментальных пространств.

Согласно теории Ж. Фоконье и М. Тернера, интеграционная модель предполагает наличие четырех ментальных пространств: двух входных пространств (input spaces), родового пространства (generic space), содержащего информацию, общую для входных пространств, и смешанного пространства, обладающего свойствами всех других пространств, но не сводящегося к их сумме. В качестве первого входного пространства функционирует концепт (система концептов), принадлежащий картине мира, созданной автором художественного произведения, аккумулирующий

знания, представления, ассоциации и т.п., связанным с некоторым фрагментом мира, в котором разворачиваются описываемые в тексте события. Авторский концепт может полностью совпадать с аналогичным концептом в сознании читателя-интерпретатора или же существенно отличаться по структуре и содержательному наполнению. В роли второго входного пространства выступает фрагмент научной, религиозной, мифологической или иной картины мира, обращение к которой обусловлено необходимостью реализации тех или иных авторских интенций.

В рассматриваемом ниже фрагменте романа британского писателя Ч. Мьевиля (China Mieville) «Вокзал потерянных снов» используются разнообразные элементы научного дискурса, что позволяет соотнести фантастический мир, созданный воображением автора, с пространственно-временными координатами современной читателю реальности, отождествив описываемый автором временной отрезок с Викторианской эпохой.

*Isaac had become interested in **vodyanoy watercraft** in a roundabout way, as a result of his research in unified energy theory. He had wondered whether what allowed **vodyanoy** to mould water was a force related to the binding force that he sought, that held matter together in certain circumstances, dispersed it violently in others. What had happened was a common pattern of Isaac's research: a byway of his work had taken on a momentum of its own, and had become a deep, almost certainly short-lived, obsession.*

*Isaac bent some lens-tubes into position and lit a gasjet to illuminate the waterpiece. Isaac was still piqued by the ignorance surrounding **watercraft**. It brought home to him, again, how much mainstream science was bunk, how much*

"analysis" was just, description – often bad description – hiding behind obfuscatory rubbish. His favourite example of the genre came from Benchamburg's Hydrophysiconometricia, a hugely respected textbook. He had howled when he read it, copied it out carefully and pinned it to his wall.

*The **vodyanoy**, by means of what is called their **watercraft**, are able to manipulate the plasticity and sustain the surface tension of water such that a quantity will hold any shape the manipulator might give it for a short time. This is achieved by the **vodyanoys'** application of an hydrocohesive/aquamorphic energy field of minor diachronic extension* (Mieville 2003).

В роли первого входного ментального пространства выступает совокупность авторских концептов, представляющих собой синтез различных национальных мифологий, которые аккумулируют информацию о человеческих и нечеловеческих расах описываемого автором мира. Интерпретируя заложенные автором смыслы, читатель реконструирует шаг за шагом авторские концепты опираясь на собственный фонд личных и специальных знаний.

Использования метода концептуального анализа позволяет смоделировать данный процесс, обратившись к именам авторских концептов, их словарным толкованиям и реальным контекстам их употребления. В приведенном выше текстовом фрагменте находит свою реализацию авторский концепт VODYANOY, отсылающий читателя к славянской мифологической картине мира. Содержание ядерной зоны концепта VODYANOY, являющегося одним из ключевых концептов данного фрагмента, что подтверждается высокой частотой употребления имени концепта, раскрывается в словаре Webster следующим образом:

A water spirit, according to a primitive Slavic belief (Webster's ninth collegiate dictionary, 1989).

Данная информация является своеобразной точкой отсчета в расшифровке читателем заложенных автором смыслов. В терминах концептуального анализа декодирование авторских смыслов может быть представлено как формирование все новых и новых слоев вокруг ядерной зоны авторского концепта. Например, приращение информации за счет макроконцепта SPIRIT, к которому отсылает словарная дефиниция имени концепта VODYANOY:

An often malevolent supernatural being that is bodiless but can become visible (Webster's ninth collegiate dictionary, 1989).

Еще одним источником приращения информации является смежный концепт CRAFT:

An occupation or trade requiring manual dexterity or artistic skill (Webster's ninth collegiate dictionary, 1989), связь которого с концептом VODYANOY устанавливается через внутреннюю форму авторского неологизма *watercraft.*

В результате взаимодействия данных концептов в ментальном мире читателя реконструируется фрагмент авторской картины мира, аккумулирующий информацию об одной из рас, описываемой автором реальности, которая обитает в подводном мире и способна создавать необычные артефакты, используя воду как строительный материал.

Вышеприведенные концепты относятся к первому входному пространству, которое представлено фрагментом авторской картины мира, находящем свою реализацию в анализируемом отрезке текста. В роли второго входного ментального пространства выступает фрагмент

естественнонаучной картины мира, объективируемый в анализируемом тексте терминами (*diachronic extension, binding force*), околотерминологической лексикой (*mainstream science, research*), именами собственными, объективирующими научные феномены (*Benchamburg's Hydrophysiconometricia*), характерными для научного стиля синтаксическими конструкциями (*The vodyanoy, by means of what is called their watercraft, are able to manipulate the plasticity and sustain the surface tension of water such that a quantity will hold any shape the manipulator might give it for a short time*) и т.д.

Взаимодействие этих двух концептуальных областей обеспечивается общим родовым ментальным пространством, в качестве которого выступает интерпретирующее сознание читателя. Именно в этом ментальном пространстве актуализируются авторские концепты, уточняется их структура и содержательное наполнение, устанавливаются связи между концептами авторской картины мира. С другой стороны, в процессе активной интерпретирующей деятельности читателя подвергаются изменениям и единицы научной картины мира. Так, научные понятия «адаптируются» в соответствии с особенностями авторского мира, приобретая новые содержательные признаки.

Результатом подобного взаимодействия когнитивных структур является появление на семиотическом уровне «гибридных» языковых единиц, отсылающих одновременно и к индивидуальной авторской картине мира, и к коллективной научной картине мира. Одной из таких единиц является авторский термин неологизм *aquamorphic energy field*, который представляет собой результат взаимодействия концепта VODYANOY (компонент *aqua* в структуре неологизма) и фрагмента научной картины мира, который аккумулирует сведения о природе энергетических полей и их видах. Так, автор создает собственный термин, используя словообразовательную модель, отражающую взаимодействие научных понятий и лежащую в основе целого ряда реально существующих научных терминов (например, *torsion energy field*).

Еще одним примером, отражающим взаимодействие ментальных пространств, является словосочетание *Benchamburg's Hydrophysiconometricia,* первым компонентом которой выступает имя вымышленного ученого-физика, а вторым компонентом название приписываемой ему научной работы. С точки зрения семиотики, данное словосочетание не имеет референта в мире, знакомом читателю. Как следствие, механизмы интерпретации читателем данной единицы не могут быть восстановлены без обращения к глубинному, или когнитивному, уровню семантики языковых единиц на котором данное словосочетание объективирует макроконцепт НАУКА. Автор вводит в текст повествования имя ученого без каких-либо пояснений или комментариев, представляя его как прецедентное, т.е. хорошо знакомое с точки зрения персонажей данного произведения. В результате этого у читателя формируется представление о парадигмальном характере науки, описываемого автором мира. Развитие научной мысли предстает в виде последовательной смены парадигм, каждая из которых ассоциируется в общественном сознании с хорошо узнаваемым именем ученого, способствовавшего установлению той или иной научной парадигмы (как например, Первый закон Ньютона или теория относительности Эйнштейна).

Таим образом, создаваемая автором картина мира, описываемого в художественном произведении, представляет собой результат синтеза коллективных и индивидуальных представлений об окружающей действительности. Конструирование автором смешанных ментальных пространств имеет целью воссоздание фрагментов художественной картины мира во всем ее своеобразии, что свидетельствует о необходимости обращения к терминологическому и методологическому аппарату теории концептуальной интеграции в исследованиях, ориентированных на изучение механизмов порождения и интерпретации художественных текстов.

Библиографический список

1. Белоглазова Е. В. Полидискурсность как особый исследовательский фокус / Е. В. Белоглазова. 2009 URL: http://elibrary.unecon.ru/materials_files/izv/09_3_c66_71_s.pdf
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк М.: Прогресс, 1989
4. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения [Текст] / Е. С. Кубрякова Текст. Структура и семантика. Доклады VIII Международной конференции. Т.1. Москва: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72-81.
5. Плотникова С. Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство [Текст] / С. Н. Плотникова Вестник ИГЛУ. 2008. №1. С. 131-136.
6. Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие [Текст] / В. Е. Чернявская. Текст – Дискурс – Стиль. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2004.
7. Шевченко В. Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. Д. Шевченко. СПб.: 2011.

8. Fauconnie G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities [Text] / G. Fauconnie. New York: Basic books, 2002.
9. Lakoff G. Women, fire and dangerous things. What categories Reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. Chicago, London: The University of Chicago press, 1987.
10. Mieville Ch. Perdido Street Station [Text] / Ch. Mieville. New York: Ballantine Del Rey, 2003.
11. Webster's ninth new collegiate dictionary [Text] / S. Flexner. Springfield (Mass.): Merriam-Webster, 1989.

Козлова Л. А, г. Барнаул, Россия

ФАКТОР АНАЛОГИИ И ЕГО РОЛЬ В ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с лингвокреативным потенциалом языка и его реализацией в речевой деятельности языковой личности, что находит свое воплощение в игре слов и языковых аномалиях, т.е. неконвенциональном использовании языковых единиц различных уровней. Как показано в статье, ведущая роль в этом принадлежит фактору аналогии, благодаря действию которого говорящий осуществляет процессы речетворчества, отступления от канонов, опираясь при этом на определенные образцы, существующие в языковой системе и хранящиеся в его языковом сознании.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, языковая личность, языковая игра, языковая аномалия, аналогия.

ANALOGY FACTOR AND ITS ROLE IN THE LINGUOCREATIVE ACTIVITY OF LANGUAGE EGO

Abstract. The article addresses the issues related to the linguocreative potential of language that finds realization in the language games and language anomalies, i.e. the unconventional use of language units of various levels. As the author claims, the leading role in these processes belongs to analogy factor. Due to this factor the language user realizes linguocreative activity, making various digressions from language canons and yet relying on certain rules and models which exist in the language system and are stored in his/her language consciousness.

Keywords: linguocreative activity, language ego, language game, language anomaly, analogy.

Одним из важных вопросов, дискутируемых в различных науках, является вопрос о будущем той или иной науки. Обсуждаются эти вопросы и в лингвистике, особенно в лингвофилософии. В некоторых работах, рассматривающих состояние современного языка и возможные перспективы его дальнейшего развития, высказывается мысль о том, что бурное развитие новых технологий, прогресс нейролингвистики, широкое использование иных, помимо вербального, кодов общения, вытеснение бумажных носителей электронными – всё это якобы свидетельствует о наличии симптома т.н. language fatigue (усталость языка), fatigue from language (усталость от языка), что позволяет сделать вывод о т.н. language inflation (языковая инфляция), о которой еще в 1967 году писал Ж. Деррида в своей «Грамматологии»: «*Проблема языка,* как бы ее ни понимать, никогда не была такой, как все. Но сегодня, как никогда, она *как таковая* заполонила собою весь мировой горизонт самых различных исследований и самых разнородных (по цели, методу, идеологии) речей. Свидетельство этому – обесценение самого слова «язык» (langage), доверие к которому изобличает небрежность словаря, желание соблазнить по дешевке, пассивное следование за модой, авангардистское сознание, за которым скрывается невежество. Эта инфляция знака «язык» есть инфляция знака как такового, инфляция как таковая, абсолютная инфляция. Однако при этом она сама есть знак, прямой или косвенный, а кризис есть симптом. Он как бы невольно указывает на то, что наша историко-метафизическая эпоха должна определить целостность своего проблемного горизонта именно через язык. И не только потому, что все отнятое желанием у языковой игры вновь вступает в игру, но и потому, что сама жизнь языка при этом оказывается в опасности, и он – бессильный, одинокий в безбрежных просторах, вновь брошенный в свою конечность как раз в тот момент, когда его границы начинают расплываться, – теряет уверенность в себе, лишаясь той поддержки, которую прежде дарило ему окаймляющее его и выходящее за его пределы бесконечное означаемое» (Деррида 2000: 118).

На этой основе делается прогноз о том, что в будущем язык в своей сегодняшней форме может уступить место иным, прежде всего символико-фигуративным средствам передачи и хранения информации, и сохранится в своей сегодняшней форме лишь в сфере высокой культуры, т.е. в литературе.

Суть данной концепции, со ссылками на работы Ж. Деррида, М. Фуко и исследования канадских ученых (Toronto school of communication science), была представлена в пленарном докладе

М. В. Загидуллиной на конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», проходившей в Челябинском государственном университете в апреле 2018 года (см. содержание опубликованного доклада в (Zagidullina 2018)). Излагая и поддерживая данную концепцию, автор приводит ряд аргументов в пользу такого прогноза. Так, автор говорит о том, что выбор органов речи в качестве средства коммуникации является во многом случайным (random), ссылаясь при этом на Ф. де Соссюра. Здесь требуется некоторое уточнение. Это мнение принадлежит не Соссюру, а Уитни, о котором пишет Ф. де Соссюр в своей книге: «Мнения лингвистов по этому поводу существенно расходятся. Так, например, Уитни, приравнивающий язык к общественным установлениям со всеми их особенностями, полагает, что мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно, просто из соображений удобства; люди, по его мнению, могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых. <…> Уитни заходит слишком далеко, утверждая, будто наш выбор лишь случайно остановился на органах речи: ведь этот выбор до некоторой степени был нам навязан природой» (Соссюр 1977: 48). Отметим, что выбор слухового канала восприятия совсем не случаен, а действительно навязан природой, опора на зрительный канал не может обеспечить возможность устной коммуникации в условиях темноты, а остальные три канала восприятия еще менее приспособлены для вербальной коммуникации.

Другим аргументом автора является утверждение о том, что язык часто оказывается неспособным передать тончайшие оттенки мысли и чувств. С этим можно согласиться лишь с оговоркой. Дело в том, что мысль не только выражается, но и одновременно «совершается в слове», т.е. продолжает искать наиболее адекватные формы выражения в нашей речевой деятельности, ведь неслучайно этот вид деятельности носит название речемыслительная деятельность, в ходе которой говорящий помогает мысли найти наиболее точную форму для своего выражения. Вспомним, как описывает метафору М.В. Никитин, фигурально называя ее повивальной бабкой, которая помогает концепту выбраться из сумерек сознания и получить обозначение в речи (Никитин 2001: 34).

Что касается тезиса о том, что в будущем основной формой коммуникации будет не вербальная, а символическая, а сегодняшняя форма коммуникации станет лишь уделом высокой культуры, то он вызывает два вопроса. Первый: а как будет осуществляться коммуникации с младенцами: сразу с помощью символов, Интернета и мемов? Утверждение о том, что вербальная коммуникация в ее теперешнем виде будет только уделом высокой культуры, т.е. литературы, также представляется достаточно спорным. Во-первых, не существует жестких границ между языком литературы, языком науки и живым разговорным языком, не случайно сегодня так много пишут об интердискурсивности, т.е. о взаимодействии различных видов дискурсов и диффузности границ между ними. Метаязык лингвистики сегодня отличается активным использованием метафор, причем не только стертых, но и живых, авторских. Так, говоря об особенностях детской речи, С. Пинкер пишет: “…preliterate children, who are limited to an ambient speech, must be **lexical vacuum-cleaners**, inhaling a new word every two walking hours, day in, day out (Pinker 1994: 128). И, во-вторых, стремление к творческому, или креативному использованию языка свойственно не только литераторам, но и, хотя в разной мере, всем носителям языка, поскольку оно позволяет реализовать одно из важнейших стремлений человека – стремление к игре, к творчеству. Игра занимает важное место в человеческих взаимоотношениях, приемы игры успешно используются в психотерапевтической практике (Берн 1998), ролевые игры широко используются в обучении.

Сказанное позволяет предположить, что вербальная коммуникация в ее сегодняшней форме не выявляет признаков усталости и вряд ли будет вытеснена другими формами коммуникации. Язык постоянно пополняется новыми словами, оперативно реагируя на новые реалии. Таковы, например, неологизмы *posttruth* и *alt-right*, т.н. слова 2016 года, отражающие тотальное влияние СМИ на наше сознание. Лингвокультурные характеристки данных слов представлены в исследовании В. А. Буряковской и О. А. Дмитриевой (Буряковская 2017). Существует гораздо больше оснований для того, чтобы предполагать, что различные формы коммуникации – вербальная и символическая будут сосуществовать, не вытесняя при этом друг друга.

Умение не только правильно, но и красиво, выразительно говорить, привлекая внимание к своей речи нестандартностью выражения своих мыслей, составляет важную характеристику языковой личности, позволяют составить представление о человеке как индивиде. Не случайно Сократ говорил: «Заговори, чтоб я тебя увидел».

Результатом поворота лингвистики к фактору человека, к рассмотрению языка как способности, к языку внутри нас (*I-language*) явилось усиление интереса исследователей к творческому началу в языке, которое рассматривается как способность языка как системы, образуемой конечным набором единиц и правил, обеспечивать человеку возможность строить

бесконечное число высказываний, соединяя эти единицы самыми различными, порой необычными способами.

Языковое творчество может иметь самые разнообразные формы своего проявления в языке, но наиболее частотными формами проявления лингвокреативной деятельности говорящего являются языковая игра и языковые аномалии. Несмотря на то, что данные понятия частично пересекаются, они все же не дублируют друг друга, различаясь как своими механизмами, так и своими функциями. Попробуем кратко представить эти различия. Понятие языковой игры значительно шире, чем языковой аномалии и включает в себя такие разновидности, как нонсенсы, пародии, парадоксы, каламбуры, шутки, анекдоты, интертекстуальные импликации и другие явления (Шаховский 2008: 353).

Аномалия, как это видно из самого термина, связана с отступлением от нормы, а для языковой игры это не является обязательным условием. В основе значительного числа языковых игр лежат такие системные свойства языка, как полисемия, омонимия и паронимия. Приведем примеры:

1) Then he had tried selling ***dry sherry.*** *That did not answer:* ***the sherry was a little too dry***
(O. Wilde).

2) Age is entirely the matter of mind over matter: if you don't mind it doesn't matter (текст поздравления с днем рождения на американской открытке, адресованный женщине, которой уже не двадцать лет).

В первом примере обыгрываются два значения прилагательного *dry: 1) free from sweetness; 2) not producing hoped-for result, unfruitful (New Webster's Dictionary of the English Language).* Во втором примере языковая игра базируется на межчастеречной омонимии существительного *matter* − *материя* и глагола *to matter – иметь значение*, существительного *mind – сознание* и глагола *to mind – возражать*, а также на полисемии существительного *matter*, реализующего в первом случае значение *«вопрос»,* а во втором – «*материя».*

Языковая аномалия связана с отступлением от языковой нормы, нарушением канона, в случае же языковой игры обыгрываться может лишь смысл высказывания, в котором нет нарушения языковой нормы. Приведем пример такой игры. *"John proposed to me yesterday". "Doesn't he do it very nicely?"* Приведенный диалог не содержит языковых аномалий, но вместе с тем он представляет собой пример языковой игры, в основе которой лежит обыгрывание смыслов: обыгрывается грамматическое значение формы *Present Indefinite*, выражающей регулярное, постоянное выполняемое действие. Используя данную форму, говорящий имплицирует тот смысл, что Джон регулярно делает подобные предложения.

Далее, существенное различие между аномалией и языковой игрой состоит в том, что языковая игра всегда носит преднамеренный, целенаправленный характер. Даже в тех случаях, когда говорящий непреднамеренно создает игровой эффект (например, случайно рифмуя слова), подобные случаи могут восприниматься слушающим как игра на основе его собственных креативных способностей, которые в данном случае находят реализацию не в порождении, а в восприятии и интерпретации речи. Языковая аномалия, в отличие от языковой игры, может носить и непреднамеренный характер, а быть лишь следствием недостаточной языковой компетенции, не создавая при этом новых смыслов.

Несмотря на то, что как языковая аномалия, так и языковая игра направлены на привлечение внимание своей необычностью, они все же различаются и по своим функциям. Говоря о функциях языковой игры, исследователи называют такие функции, как экспрессивная, манипулятивная (особенно четко выявляемая в рекламных текстах) и карнавальная (Шаховский 2008: 353), т.е. игровая. Как отмечает Д. Кристал в своей книге, посвященной языковой игре и ее использованию в различных жанрах устной и письменной речи, если спросить «Для чего люди играют с языком, расширяя и нарушая его нормы?», ответ будет очень простым «Ради удовольствия, веселья, шутки» (*for fun*) (Crystal 1998: 1). Обратим особое внимание на семантическую емкость английского *fun* − это не только юмор и шутка, но также веселье и удовольствие, в данном случае – удовольствие от умения играть со словами, выступая при этом в качестве либо говорящего, либо слушающего.

Языковые аномалии могут участвовать в создании игрового эффекта, однако достижение игрового эффекта не является обязательной функцией языковых аномалий. Основной функцией языковых аномалий является приращение смысла, привлечение внимания читателя не просто к необычной языковой форме, а выражение при помощи нее особого, необычного смысла. При этом примечателен тот факт, что языковые аномалии становятся объектом внимания не только языковедов, но и литературоведов. Их исследование в контексте литературоведения связано прежде всего с приемом остранения. Данный термин был введен В. Шкловским применительно к творчеству

Л. Н. Толстого. Суть данного приема у Л. Н. Толстого, по мнению В. Шкловского, заключалась в необычном именовании или описании вещей и событий, к которым автор прибегает для того, чтобы показать абсурдность какого-то случая, выпадающего из общего потока в целом осмысленной и гармонизированной действительности (Шкловский 1925: 12). И если у Л. Н. Толстого приемы остранения носили фрагментарный характер, то в эстетике модернизма и постмодернизма, для которой характерно восприятие мира как всеобщего хаоса, дисгармонии, этот прием становится ведущим и находит свое проявление на всех уровнях вербализации смысла. В результате необычных сочетаний, столкновений языковых единиц и смыслов и рождаются языковые аномалии, направленные на то, чтобы привлечь внимание читателя, заставить его посмотреть на мир «остраненно». Можно полагать, что отступление от канона на формальном, языковом уровне иконически передает отступление от канонических форм, закрепившихся норм на более глубоком уровне, на уровне сознания автора или его персонажей. Именно такую функцию, как показали проведенные исследования, выполняет прием остранения в прозе А. Белого и А. Платонова (Гажева 2007; Кобозева 1990). Отступление от привычных языковых правил в прозе А. Платонова трактуется современными исследователями как иносказательный, единственно возможный для того времени способ передачи автором ощущения дисгармонии окружающего мира (Кобозева 1990).

Подобный прием широко использовался Д. Г. Лоуренсом, писателем, который, как известно, затрагивал в своем творчестве темы, опережавшие свое время (что послужило поводом для запрета нескольких романов писателя). Герои Лоуренса – это личности, которые бросают вызов обществу, отказываясь жить по навязываемым им правилам. Сам писатель, подобно своим героям, своим творчеством также пытался бросить вызов закрепившимся литературным канонам, что иконически находило отражение в регулярном использовании им отступлений от языковых канонов и становилось характерной особенностью его идиостиля. Так, например, опираясь на каноническое выражение *to pull oneself together*, Лоуренс использует неканоническую фразу *“Birkin **shut himself together**”,* подчеркивая тем самым страх героя и вызванное им желание укрыться, уйти в себя.

Приводя этот и подобные примеры, исследователь Т. Паркс рассматривает данные языковые аномалии с точки зрения трудностей в переводе, которые они создают (Parks 2000), но нас подобные примеры интересуют, прежде всего, с точки зрения их роли в передаче особого, скрытого смысла, авторской картины мира, которая находит в них свое отражение. Авторское мировосприятие находит свое отражение и в поступках персонажей Д. Г. Лоуренса. Так, в финале романа *“Women in Love”* его герой принимает решение уйти в Альпы и умереть там. Д. Г. Лоуренс сказал однажды, что он был близок к тому, чтобы пересечь Альпы и скрыться в Италии, но, спросив себя *“Would that have been a way out?”,* он ответил: *“No, it would only have been **a way in** again”,* прибегнув, как мы видим, к сочетанию *“a way in”,* которое построено по аналогии с *“a way out”*, но является неотмеченным. Данное сочетание, как нам представляется, выражает глубокий философский смысл, образуя своеобразную смысловую интертекстуальную перекличку с широко известной фразой С. Е. Леца: «Ну, допустим, пробьешь ты головой стену. И что ты будешь делать в соседней камере?».

Приведем еще пример языковой аномалии, находящей свое проявление в нестандартной сочетаемости слов и иконически связанной с доминантным смыслом текста. Герой романа Э. Хемингуэя *“Farewell to Arms”,* впервые столкнувшийся со смертью на войне, так описывает свое восприятие убитого: “*He looked **very dead**”.* Аномальное сочетание неградуируемого по своей семантике прилагательного с интенсификатором, своеобразный конфликт смыслов, как нам представляется, иконически отражает внутренний конфликт, неприятие смерти в молодом возрасте, которое испытывает главный герой при виде убитого. И этот внутренний конфликт в итоге приводит его к осознанию бессмысленности войны и принятию решения, которое нашло свое выражение во фразе, ставшей названием романа.

Именно в этой функции, в сопряжении языковых аномалий со смыслом, с авторской картиной мира и состоит, как нам представляется, основное различие между языковыми аномалиями и разнообразными формами языковой игры.

И, наконец, существенное различие между языковой игрой и языковыми аномалиями заключается, на наш взгляд, в значимости принципа аналогии для создания языковых аномалий. Поскольку в основе языковой аномалии лежит принцип отступления от канона, неизбежно встает вопрос о том, каковы границы этого отступления. Характерно, что, говоря о креативности в сфере употребления языка, исследователи неизменно подчеркивают, что она регламентируется языковыми правилами (*rule-governed creativity*), иначе говоря, говорящий создает новые единицы по аналогии с уже существующими нормами или правилами (O’Grady 1993: 1).

Как отмечает Е. С. Кубрякова, аналогия выступает как весьма значимый фактор, лежащий в основе развития и функционирования языка, позволяющий говорящему легко переходить от известных ему форм к созданию новых, а потому ей принадлежит важная роль в процессах речепорождения (Кубрякова 1990: 31). Аналогия двойственна по своей природе, с одной стороны, она выступает как организующее и упорядочивающее начало: новые единицы образуются по аналогии с уже существующими образцами, увеличивая ряды правильных, регулярных форм, а с другой, способствуя преобразованию отклоняющихся от образцов форм, аналогия выступает как преобразующее начало и, таким образом, лежит в основе креативной деятельности нашего языкового сознания. В когнитивной лингвистике аналогия рассматривается как основа когниции, как тот механизм, который лежит в основе процессов категоризации и концептуализации. Д. Хофстадтер и Э. Сандер, авторы широко известной работы по роли аналогии в когниции, метафорически определяют ее как *"the fuel and fire of all thinking"* (Hofstadter, Sander 2013).

Действие принципа аналогии имеет место на всех уровнях языка: на уровне словообразования, сочетаемости слов, синтаксиса предложения. Приведем лишь несколько примеров. Обращаясь к творчеству классика современной английской литературы Дж. Фаулза, мы находим в текстах его романов примеры аномалий как на уровне словообразования, так и на уровне сочетаемости слов. Так, Фаулз создает значительное количество новообразований с суффиксом *-ness*, используя при этом в качестве производящей основы не прилагательные, как в канонической модели словообразования, а числительные (*oneness*), местоимения (*nobodiness*), причастия (*unexpectedness*), наречия (*nowness*) и даже предлоги (*withoutness*). Подобные единицы, построенные по аналогии с существующей моделью словообразования, привлекают внимание читателя к ключевым концептам текстов писателя. Обратимся к примеру*: I was trying to emphasize the importance of the now. The* ***nowness*** *of any given point in time is pure and virginal (J. Fowles. Wormholes).* В другом своем произведении, в философском эссе *"The Tree"* Фаулз создает еще одно синонимичное новообразование – *presentness: It waits be seen otherwise, in its individual* ***presentness*** *and from our individual* ***presentness*** *(J. Fowles. The Tree).* Это лишь подчеркивает, на наш взгляд, значимость концепта НАСТОЯЩЕЕ в концептуальной системе писателя, который призывает нас ценить и дорожить тем, что существует здесь и сейчас – природу и окружающих нас людей.

Приведем еще один пример аномалии на уровне сочетаемости слов. Описывая свои чувства, автор говорит устами своего героя: *I didn't think about her, I* ***felt about her*** *(J. Fowles. Magus).* В данном примере, нарушая канонические правила валентности глагола *feel* и употребляя его в составе параллельной синтаксической конструкции по аналогии с глаголом *think*, автор передает дополнительный смысл: его герой думает о ней не столько разумом, сколько чувствами.

Понятие аналогии сегодня широко используется при изучении самых различных языковых феноменов: политического и рекламного дискурса, текста, профессиональной коммуникации и т.п. (см., например, Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности 2017).

Таким образом, креативный потенциал, заложенный в языке, предоставляет нам возможность использовать его творчески, максимально используя этот потенциал. В рамках статьи мы рассмотрели лишь несколько случаев манифестации фактора аналогии в лингвокреативной деятельности языковой личности, но даже рассмотренные нами случаи позволяют сделать вывод о том, что данному фактору принадлежит важная роль в тех изменениях, которые постоянно происходят в языке и которые регламентируются системными закономерностями языка, что еще раз подтверждает мысль, высказанную Ф. де Соссюром о том, что изучение роли аналогии как принципа новообразований позволяет нам проникнуть в самую суть работы языкового механизма (Соссюр 1977: 200). Из сказанного однозначно следует, что говорящий может использовать язык творчески только в том случае, если он хорошо понимает, как работает этот механизм, т.е. обладает высоким уровнем языковой компетенции.

Библиографический список

1. Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности: коллективная монография [Текст] / отв. ред. Е. Н. Азначеева. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2017.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн. Пер. с англ. СПб. М.: Университетская книга; АСТ, 1998.
3. Буряковская В. А. Лингвокультурные характеристики «слова года» [Текст] / В. А. Буряковская, О. А. Дмитриева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2017. №3 (116). С. 101-105.
4. Гажева И. Языковые механизмы остранения в прозе Андрея Белого [Текст] / И. Гажева. Jezyk. Czloviek. Dyskurs. Szczecin: Universytet Szczecinski, 2007. С. 399–405.

5. Деррида Ж. О грамматологии [Текст] / Ж. Деррида. Пер. с франц. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: AD MARGINEM, 2000.
6. Кобозева И. М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова [Текст] / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер. Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Индрик, 1990.
7. Кубрякова Е. С. Аналогия [Текст] / Е. С. Кубрякова. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
8. Никитин М. В. Концепт и метафора [Текст] / М. В. Никитин. Studia Linguistica – 10. Проблемы теории европейских языков. СПб.: Тригон, 2010.
9. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. Пер. с франц. Под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977.
10. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография [Текст] / В. И. Шаховский. М.: Гнозис, 2008.
11. Шкловский В. Б. О теории прозы [Текст] / В. Б. Шкловский. М.: Круг, 1925.
12. Crystal D. Language Play [Text] / D. Crystal. L.: Penguin Books, 1998.
13. Hofstadter D. Surfaces and Essences. Analogy as the Fuel and Fire of Thinking [Text] / D. Hofstadter, E. Sander. N. Y. Basic Books, 2013.
14. O'Grady W. Contemporary Linguistics [Text] / W. O'Grady, M. Dobrovolsky. N. Y.: St. Martin's Press, 1993.
15. Parks T. Perils of Translation [Text] / T. Parks. The New York Review. January 20, 2000.
16. Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language [Text] / S. Pinker. N. Y.: William Morrow, 494 p.
17. Zagidullina M. The Destiny of Language as a Medium to the History of Communication [Text] / M. Zagidullina. WUT2018IX International Conference "Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects". The European Proceedings of Social and Behavioral Studies EpSBS Volume XXXIX, (30 April 2018). Pp. 136-145. doi:http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.20.

Колесов И. Ю., г. Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки для изучения языка в единстве когнитивного и коммуникативного аспектов, которые можно проследить как в историческом развитии лингвистической науки, так и в онтологической смежности когниции как способа отражения в сознании внешнего мира и вербальной коммуникации как способа социального воплощения мыслительной деятельности.

Ключевые слова: интерпретативная функция языка, когниция, коммуникация, мышление, семантика

THE STUDY OF LANGUAGE AT THE INTERSECTION OF COGNITION AND COMMUNICATION

Abstract. The article deals with the prerequisites for the study of language in the unity of cognitive and communicative aspects, which can be traced both in the historical development of linguistic science and in the ontological adjacency of cognition as a way of reflection in the consciousness of the outside world and verbal communication as a way of social embodiment of mental activity.

Keywords: interpretive function of language, cognition, communication, thinking, semantics

Ключевыми понятиями данной публикации являются язык как форма знания и средство познания и коммуникация как среда актуализации языка. Научное знание о языке, включенное в контекст современной парадигмы гуманитарных наук, в настоящее время характеризуется полипарадигмальностью и выдвижением на первый план таких принципов его анализа, как антропонцентризм, функционализм, экспланаторность, экспансионизм, тексто- и семантикоцентризм. Это положение позволяет лингвистам осуществлять изучение языка в комплексе подходов и направлений, в центре которых – функционально-когнитивное направление, получившее в отечественной лингвистике наименование когнитивно-дискурсивного подхода.

В основании языка как семиотической и коммуникативной системы – значения и смыслы, его внутренний «контент» имеет антропоцентрическую природу и складывается из следующих видов: а) некоторое мыслительное содержание, требующее выражения; б) значения единиц и категорий языка, с помощью которых данное содержание может быть организовано и выражено конвенциональными способами – формальными средствами, сложившимися в данном языке, понимаемыми и принимаемыми сообществом говорящих; в) тот смысл, который стал доступен получателю сообщения в результате его интерпретационной декодирующей деятельности в отношении речевых произведений (высказываний, текстов) и речевой деятельности в рамках социально-прагматических

контекстов (дискурсов). Внутренняя сущность языка, его организация сводятся к содержанию, смыслу, значению, без значения нет языка (Сепир: 1993; Щерба: 1974). Онтология языка имеет динамический характер, язык формируется в процессе *семиозиса* (образование знаков), необходимое и достаточное количество знакового материала образует *язык как знаковую систему,* она в свою очередь востребована и развивается в *процессе вербальной коммуникации* как разновидности социальной интеракции, начиная с самых первых исторических попыток древнего человека сообщить что-либо своим сородичам при помощи выкриков, возгласов, иных вербальных сигналов, связанных с некоторыми ситуациями жизни первобытного племенного человека. При закреплении семиотической связи между сигнальной единицей интеракции и референтным событием сигнал конвенциализируется и становится знаком, использование которого имеет уже семантическое прочтение благодаря принципу двойного означивания, открытому Э. Бенвенистом для языковых знаков (Бенвенист 2002: 87-88). Процесс образования языковых знаков, система языка, являющаяся результатом этой деятельности и коммуникация как деятельность, основанная на использовании системы языка, соответствуют тем видам концептуального и семантического содержания, которые были названы выше. Семиозис, семиотическая система и коммуникация взаимообусловлены, знания о языке в данных аспектах востребованы в лингвистике и интегрируются в широкое пространство гуманитарного знания, поскольку охватывают различные виды индивидуальной и социальной деятельности человека: когнитивной, психической, коммуникативной, интерактивной.

Рассмотрение языка в двух пересекающихся плоскостях – с точки зрения когниции и коммуникации – является не только актуальным ракурсом познания сущности языка, анализ когнитивной и коммуникативной сторон языка позволяет устанавливать взаимосвязь между языком и обществом, языком и культурой, а также понимать, в какой мере язык есть культура, и как соотносятся структуры языка и структуры культуры. Последнее входит в круг проблем познания человека и его сущности. Если поставить вопрос, где те точки пересечения коммуникации и когниции языке, ответ может быть парадоксально прост: где коммуникация – там и когниция, без мышления речь человеческая так же невозможна, как затруднительно представить абстрактно-логическое (рациональное) мышление при отсутствии языковых форм, в которые всякое понятие, суждение и умозаключение воплощаются. Остановимся на ряде, на наш взгляд, моментов, имеющих принципиальное значение.

Первый момент заключается в том, что мышление (когницию как механизм мышления) от языка отделить можно весьма условно. Мышление как высшая форма отражения внешнего мира в психическом и когнитивном мире человека и в его языке осуществляется в немалой степени благодаря *условиям бытования как человека, так и языка*. Для человека средой существования выступает физический мир и общество. Для языка такой средой выступает, с одной стороны, сам человек, а с другой – культура и общество. Язык «в человеке» оказывается включенным в его психический, ментальный мир, язык для человека – это языковая картина мира, языковая способность, ментальный лексикон, также когнитивные процессы и результаты их воплощения в вербальной коммуникации: собственно речь, тексты, регламентированные языковым кодом формы речевого взаимодействия коммуникантов. Культура и общество вмещают человека, благодаря его языку – инструменту мышления и коммуникации. Язык и культура в человеке «смыкаются», будучи, по словам В. А. Виноградова, «двумя феноменами духовного самопроявления общества» (из неопубликованного выступления на международной конференции «Язык и транснациональные проблемы» в Институте языкознания РАН в 2004 году). То, что каждый язык – это специфический способ описания мира, ставший частью культуры народа, известно со времени пионерских работ В. фон Гумбольдта о связи языка, мышления и культуры. Как отмечал известный славист Л. Дюрович, языковая семантика специфичным для данного языка образом без остатка покрывает весь не-язык, каждый язык вырабатывает специфические для себя значения (signifies), каждое из которых покрывает некоторые денотаты и исключает остальные (Дюрович: 2000, 77). Формула достаточна проста: все, что для данной культуры в мышлении людей было выделено в качестве существенно важного, получило языковую привязку. У Д. Эверетта, написавшего ряд работ о языке и культуре на основе собственного опыта вживания в культуру пираха и изучения языка данного амазонского племени, есть формула «Когниция + Культура + Коммуникация = Язык». В ней отражена связь между необходимостью решать коммуникативную задачу при помощи мышления (когниции, познания ситуации общения) средствами языка, который был поколениями людей данной культуры приспособлен к решению коммуникативных задач: язык и общество вживались друг в друга для обеспечения жизнедеятельности людей (Everett 2013: 28-30).

Другой принципиальный момент состоит в том, что общее – язык – проявляется в индивидуальном – в речи отдельных людей. В этом же смысле не наблюдается прямой связи между языковой картиной мира и отражением в индивидуальном сознании явлений и объектов мира. Поскольку не существует общего для всех сознания, то индивидуальные образы мира не становятся элементами общей языковой картины мира. Полностью разделяем мнение А. А. Залевской о том, что индивидуальный образ «симультанен, голографичен и многолик, <…> является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании "знания" и "переживания" и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» (Залевская 2001: 90-91).

Не будучи частью картины мира, индивидуальный психический образ есть часть *модели мира*, которая создается «здесь и сейчас» в дискурсивной деятельности коммуникантов в процессе интерпретации ими *своего «топохроноса»* – пространственно-временной сцены, в которой они находятся и которую концептуализируют в своей речи. В том, что отражается в языковой картине мира не весь мир целиком, а такие его составляющие, которые представляются говорящим субъектам наиболее важными, проявляется принцип избирательности. В образах мира, которые «пропускаются» на уровень ЯКМ, в свою очередь избирательно «прописаны» только те контуры и свойства, которые значимы с точки зрения человека говорящего. Поэтому считаем совершенно справедливым тезис, который уже стал теоретически фундаментальным, и гласит о том, что сам язык непосредственно отражает не столько познанный мир, сколько лишь *способ представления (концептуализации)* этого мира национальной языковой личностью (Wierzbicka 1980; Вежбицкая 1999; Почепцов 1990; Рахилина 2000). Картина мира имеет глобальный характер, и в процессе коммуникации говорящие проявляют избирательность при его отражении, подчеркивает М. М. Маковский. Объективный образ мира полностью не запечатлевается ни в одной из символических форм его познания, а знаковым выражением картины мира является модель мира (Маковский: 1996, 15-17). Иначе говоря, реальная действительность отражается в виде глобального идеального объекта – *картины мира*, которая структурируется при помощи и посредством *модели мира*, а последняя, в свою очередь, репрезентируется с помощью языка как семиотической системы.

Следующее принципиальное замечание, на наш взгляд, необходимо сделать в отношении изучения языка в связи с познавательной (когнитивной) деятельностью. В современной лингвистике имеется обширное поле концепций, посвященных изучению языковых репрезентантов процессов категоризации и концептуализации мира, которые несколько утрируют специфику каждого отдельного языка в отображении мироустройства. Напомним, что еще до популяризации идей когнитивной лингвистики полагали, что различия между языковыми картинами мира состоят в основном в том, что каждому языку присущ свой собственный формально-структурный и семантический план на фоне одинаковых общих закономерностей функционирования сознания и мышления, имеющих общечеловеческий характер (Общее языкознание 1970: 391). Однако, не всякие различия между языками в их семантических системах, грамматическом строе должны пониматься как особенности категоризации действительности. Значимость этих различий как характеристик *строя мышления* может быть неоправданно завышенной, а сходные в языках инвариантные черты, в которых видна основа всех языков, могут уводиться на второй план. Согласимся с коллективом авторов трехтомного академического труда «Общее языкознание» в том, что это не представляется верным: «если бы в содержании языков, как и в плане выражения, не преобладали одинаковые общие признаки, если бы каждый язык заключал в себе совершенно особую картину мира, то невозможно было бы говорить о языке вообще, сравнивать отдельные языки и изучать чужие языки» (Общее языкознание 1970: 392). Различия, которые выявлены в языковом картировании мира, характеризуют не столько строй мышления, сколько строй интерпретации языком мышления о мире на основе стереотипов, сложившихся как в культуре, так и в мышлении, а также в технике языковой интерпретации мира, отраженного мышлением.

Последнее рассуждение, которое мы считаем существенным в русле обсуждаемой проблемы, состоит в том, что в современной лингвистике языковые явления могут и должны анализироваться как с точки зрения коммуникации – в функциональном аспекте, так и с точки зрения когниции – в когнитивном аспекте, чему в немалой степени способствует дискурсивно-когнитивная парадигма в отечественной лингвистике и функционально-когнитивный анализ как одно из направлений. Лингвистика сегодня имеет тенденцию к переплетению с другими науками, но в еще более значимом масштабе лингвистика не отграничивается, а наоборот, ищет преемственность и поддержку в своих собственных парадигмах (полипарадигмальность), и тем самым межпарадигмальные границы становятся менее жесткими, а понятие научных революций, приводивших ранее к смене парадигм,

утрачивает свою силу. Отчасти данную ситуацию можно объяснить внешним фактором: общенаучная картина развития знания на современном этапе имеет выраженную тенденцию к расширению взаимодействующих областей и подсистем научного познания. Примером послужит активное использование в названиях публикаций в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по различным областям знания таких терминов, как *мультидисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, кроссдисциплинарность* (URL). В лингвистике данная тенденция проявилась не только в ее полипардигмальности и экспансионизме, но и в таких методологических принципах, как функционализм, экспланаторность, антропроцентризм, семантикоцентризм и текстоцентризм (Кубрякова 1994; Алефиренко 2005).

Как было сказано выше, знание о языках и о конкретном языке включает два типа сущностей: 1) все, что составляет языковую систему: языковые знаки и закономерности их использования; 2) феномены, непосредственно связанные с языковой деятельностью сознания, с функционированием языка в обществе, с отношениями между языком и культурой, языком и мышлением, языком и обществом. Противопоставление семантикоцентризма и формоцентризма в лингвистике (Богданов 1998), казалось бы, логически и диалектически незыблемое, в сегодняшней лингвистике утратило былую значимость, т.к. языковые формы рассматриваются как формы, наполненные содержанием: исследования текста, дискурса, метафоры, проблем языковой концептуализации и категоризации отталкиваются от языковых форм, но вскрывают специфику внутренних процессов смыслообразования, знакообразования, лингвокогнитивной психической деятельности. Как никогда актуальной представляется сегодня глубокая и, возможно, полностью не воспринятая в своей значимости концепция психосистематики языка Г. Гийома, основная идея которой заключается в том, что язык – это порождение мышления для перехвата самого себя: содержание сознания нельзя передать кому-либо еще, и формы языковых категорий возникают как средства лимитации контента мысли в определенных параметрах – пространственно-временных, аспектуальных, субстанциальных и т.п. (Гийом 1992). Предполагают, что фокус на семантике языка – это следствие такого внутреннего фактора развития лингвистики, как переход от наблюдаемого к ненаблюдаемому миру (Богданов 1998). Внешние факторы (например, иные науки) не раз были источником «поворотов» в лингвистике. Например, значение логики и философии для формирования логической парадигмы языкознания в XVII-XVIII вв., в XIX в. имело место влияние дарвинизма на натуралистические концепции и возникновения психологии на младограмматическую теорию, воздействие немецкой классической философии Гегеля и Канта на формирование языковедческой концепции В. ф. Гумбольдта. В XX в. имело место влияние психологии на развитие дескриптивной лингвистики и хомскианства, открытие делимости атомного ядра и возникновение концепций структурализма в социологии, литературоведении и лингвистике. Без когнитивной психологии и нейрологии не обошлось при развитии психолингвистики, когнитивной лингвистики и нейролингвистики. Сказанное позволяет предполагать, что в лингвистике внешние факторы развития могли быть источником факторов внутренних.

Можно, таким образом, полагать, что в основе движения лингвистики к интеграции с гуманитарными науками находится идея семантического интерпретационизма – интерпретационного аспекта языка. Как нам представляется, именно в этом ракурсе семантика языка имеет динамический характер своего проявления в коммуникации, что еще раз ставит задачу перед лингвистами интегрировать изучение языка в коммуникативном (функциональном) аспекте с когнитивным анализом языка.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст] / учеб. пос. для студ. вузов / Н. Ф. Алефиренко. М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист: Пер. с фр. / Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2002.
3. Богданов В. В. Семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века [Текст] / В. В. Богданов // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 3-9.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом. М.: Прогресс, 1992.
6. Дюрович Л. Соблазн родства (О значении лексем в родственных языках) [Текст] / Л. Дюрович // Слово в тексте и словаре. М., 2000. С.77-81.

7. Залевская А. А. Когнитивизм, когнитивная наука и когнитивная лингвистика [Текст] / А. А. Залевская // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития / Мат-лы Первой междунар. шк.-семинара по когн. лингвистике. В 2-х ч. Тамбов, 1998. Ч.1. С.6-9.
8. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. Т. 53. М., 1994. №2. С. 3-15.
9. Маковский М. М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов [Текст] / М. М. Маковский. М.: Русские словари, 1996.
10. Научная электронная библиотека. URL: http://e-library.ru
11. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка [Текст] М.: Наука, 1970.
12. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. 1990. №6. С.110-123.
13. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. М.: Русские словари, 2000.
14. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи [Текст] / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс – Универс, 1993. С.26-203.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. М.: Наука, 1974.
16. Everett D. Language: The Cultural Tool. Profile Books, 2013.
17. Wierzbicka A. The case for surface case [Text] / A. Wierzbicka. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1980.

Лукашевич Е.В., г. Барнаул, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье анализируется манипулятивная технология осмеяния, активно используемая в новостном медиадискурсе, выявляются доминантные сценарии и средства речевого воздействия на целевую аудиторию. Автор приходит к выводу, что в данном виде межкультурной коммуникации группа «пользователи Сети» становится полноправным актором российского медиаполитического дискурса. Для создания негативного имиджа политического оппонента, подвергаемого осмеянию, наиболее часто используется доминантный сценарий «Неадекватность» в сочетании со сценариями «Эмоциональность», «Субъективность».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, медиаполитический дискурс, доминантные сценарии, речевое воздействие.

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE MEDIA-POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article analyzes the manipulative technology of ridicule, actively used in the news media discourse, identifies dominant scenarios and means of speech impact on the target audience. The author comes to the conclusion that in this type of intercultural communication the group «Network users» becomes a full-fledged actor of the Russian media-political discourse. To create a negative image of a political opponent subjected to ridicule, the dominant scenario of «Inadequacy» in combination with the scenarios of «Emotionality», «Subjectivity»is most often used.

Keywords: intercultural communication, media political discourse, dominant scenarios, speech influence.

Анализ основных тенденций развития современного медиадискурса показывает усиление влияния СМИ на все области жизни социума, «создание зон пересечения медиа и социальных феноменов» и придание им публичности (Клушина 2014: 69). Как отмечает О. В. Третьякова, «в широком (и нейтральном) смысле медиатизация – это возрастание объема и роли процессов распространения и получения опосредованной информации, заменяющей непосредственный опыт людей» (Третьякова 2011: 68).

Современное медиапространство в значительной степени определяется отношениями между субъектами, производящими, распространяющими, перерабатывающими, потребляющими информацию. Для нашего исследования важно акцентировать, что «главный признак медиапространства заключается в том, что действия всех названных выше субъектов определяются нормами и правилами, присущими социальному институту, именуемому медиа» (Дзялошинский 2015: 27). «Не ощущая подмены эмпирической действительности предлагаемой медиареальностью, аудитория выстраивает свои отношения с окружающим миром, ориентируясь во многом не на саму реальность, а на ее интерпретацию, которую предлагают СМИ» (Там же: 15).

Медиаполитический дискурс относится к комбинированным типам дискурса, при этом в сферу обсуждения включаются не только политика, но и широкий круг морально-этических проблем (Карасик 2014: 230). Мы считаем, что в настоящее время в этот тип дискурса включена значительная

часть российского новостного медиадискурса, позволяющего аудитории быть в курсе наиболее значимых, интересных событий в стране и в мире.

Сущность межкультурного диалога заключается в открытом и уважительном обмене «мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разные исторические корни» (Белая книга… 2008: 13). Отбор ракурса освещения темы, выбор экспертов при создании медиатекстов, тональность повседневной коммуникации журналиста с аудиторией во многом определяются системой ценностей и нравственных принципов журналиста, его представлением о профессиональной этике. Соответственно, анализ межкультурных практик медиаполитического дискурса позволит выявить ценностные ориентации, модели поведения, характерные для этой сферы массовой коммуникации.

Цель нашего исследования – на основе анализа манипулятивной технологии осмеяния в новостном российском медиадискурсе выявить доминантные сценарии и охарактеризовать средства речевого воздействия, используемые СМИ в межкультурной коммуникации для воздействия на целевую аудиторию.

Каждый публицистический материал, с позиций психолингвистической теории доминантного сценария (далее – д-сценарий) А. А. Котова, содержит в себе д-сценарий, оказывающий то или иное эмоциональное воздействие на адресата. Речевое воздействие при этом определяется как «запуск механизмов тревоги» с помощью текста (Котов 2004).

В анализируемых нами новостных медиатекстах наиболее активно используется д-сценарий «Неадекватность». Его особенностью является то, что отношения между коммуникантами «примерно соответствует принятому при анализе политического дискурса делению на “своих” и “чужих”, «а неадекватность действий или представлений о чем-либо одной из сторон может быть связана с «любыми неточностями в действиях, поэтому система семантических признаков этого сценария разнородна и требует дальнейшей систематизации» (там же).

Покажем действие теории доминантного сценария на примере новости об украинском политике В. Кличко «Кличко посмеялся над оставшимися без горячей воды киевлянами» (https://lenta.ru/news/2018/10/05/klichko/). Выделим семантические признаки, которые позволяют аудитории распознать в тексте новости начальную признаковую модель и запустить сценарий «Неадекватность» (Котов 2004):

- очевидность стимула: наличие горячей воды не роскошь, а норма;
- простота понимания стимула – без горячей воды плохо;
- уход от ответственности *(«Вот говорят, что Кличко закрутил краны и отключил горячую воду»*);
- смещение акцентов: а) Кличко не ищет решение проблемы, бездействуя; б) Кличко обсуждает политический аспект снабжения Киева газом (очевиден намек на вину России *«а газа нам сейчас не дают»*); в) Кличко неадекватно оценивает коммуникативную ситуацию и неуместно шутит (*«Простите, я снова начинаю шутить. Что нужно, чтобы холодная вода стала горячей? Подогреть. А чем мы греем воду? Газом. А газа нам сейчас не дают»*);
- наивность / простота решения проблемы (Кличко сообщил, что у него *«есть бойлер»*);
- искажение реальной ситуации в заголовке и лиде: от *«пошутил»* в тексте к *«Кличко посмеялся над оставшимися без горячей воды киевлянами»*.
- эмоциогенность и провокативность заголовка обусловила в последующих текстах повторение фрагмента о насмешке над киевлянами в качестве факта;
- эмоциональное заряжение и акцент на неадекватности Кличко уводит от главного информационного повода (манипулятивная техника рассеивания информации): обсуждение решения Украины об отказе от централизованного снабжения населения горячей водой.

Компонентный анализ значения слова «посмеяться» позволяет выявить семы *‘насмехаться, издеваться, относиться несерьезно, зло и оскорбительно высмеивать, глумиться’* (Ожегов 2006). А. А. Котов считает, что «д-сценарий «Неадекватность» является, возможно, одним из самых частотных д-сценариев конфликтной коммуникации в таком варианте, как обвинения в непонимании» (Котов 2004). Менее чем через неделю поисковая система Google выдала 40000 результатов поиска за 0,30 сек. по фразе «Кличко посмеялся над оставшимися без горячей воды киевлянами» (Google.ru).

Поиск мы осуществляли по ключевой фразе, в большинстве случаев при открытии документов новость подавалась практически без изменений, как правило, отсутствовало указание на источник полученной информации. Вариантов интерпретации было немного. Например, «Кличко посмеялся над оставшимися без горячей воды киевлянами, а в Сети посмеялись над ним»

(http://ren.tv/novosti/2018-10-06/) и т.п. Изменение акцентов в названии позволило отдельным изданиям усилить политический аспект новости, напомнив своим читателям о газовой проблеме Украины, конфликте с Россией, сложностях в решении проблемы с Евросоюзом, процитировав довольно резкие мнения бывших руководителей Украины о состоянии дел в стране и мнения пользователей Сети, в том числе о критичном отношении к пению Кличко.

В данном новостном медиадискурсе сценарий «Неадекватность» сопровождается д-сценариями «Эмоциональность» и «Субъективность», когда при эмоциональных действиях человек не учитывает существенных признаков ситуации. В русскоязычном медиапространстве новость получила развитие в сценариях «Неадекватность» и «Эмоциональность»: «“Все ближе к Европе”. *В Сети высмеяли* идею Кличко об отказе от горячей воды» (https://ria.ru/world/20181013/); «Как в Европе: *в Сети высмеяли* заявление Кличко об отказе от горячей воды» (http://ren.tv/novosti/2018-10-13/) и др.

А. В. Болотнов считает: «Пока есть прямое или косвенное цитирование в медиатекстах (СМИ и социальных сетях), есть эффект «волны», общественного интереса» (Болотнов 2016: 41). Фактически новость «*В Сети высмеяли* Кличко…» представляет собой тексты, созданные для того, чтобы представить оценку пользователями Сети действий В. Кличко, подчеркнуть их неадекватность: *«Пользователи соцсетей* ***с иронией*** *отнеслись к задумке мэра Киева Виталия Кличко отключить город от централизованного горячего водоснабжения»* (https://iz.ru/800102/2018-10-13/) и т.п. Умелое использование технологии осмеяния позволяет сформировать по отношению к конкретному лицу имидж некомпетентного / неадекватного человека, чьи действия и высказывания не заслуживают доверия. Подчеркнем еще одну важную, на наш взгляд, особенность смещения акцентов в данной целевой модели д-сценария «Неадекватность». От оценки конкретной ситуации, действия / бездействия Кличко в этой ситуации, аудитория переходит к оценке его коммуникативных и когнитивных способностей.

Причем именно пользователям Сети издания, цитирующие их мнения, приписывают самые резкие, оскорбительные оценки: *«Он бы еще предложил вместо централизованного отопления есть гороховый суп – и брюхо набито, и в штанах тепло», – пошутил Рамиль Салихов. »Да отключите украинцев от всего. Зачем им нормальные условия жизни?» – дал еще один радикальный совет чиновнику Михаил Назаров»* (https://iz.ru/800102/2018-10-13/).

Выделим наиболее яркие особенности данного новостного формата:

– от имени группы «пользователи Сети» в СМИ создаются фейковые новости, в которых пользователи Сети выступают «экспертами», за основу ньюсмейкерами берутся комментарии пользователей к первичной новости;

– группа «пользователи Сети» из стороны, напрямую не участвующей в реальной политике, в ситуации дискурсивного взаимодействия обнаруживает политическую идентичность с группой «своих», становится активным актором российского медиаполитического дискурса;

– в 2010 – 2012 гг. пользователи Сети обычно смеялись над «своими», в настоящее время чаще всего объектом осмеяния пользователей Сети становились «чужие». По мнению исследователей, «столкновения одной культуры с другой в современном мире происходят постоянно, и абсолютизация “своего”, так же, как и непонимание “чужого”, создают различные помехи в процессе межкультурного обмена» (Кислякова 2018: 111);

– такие коммуникативные практики получают своего рода статус-кво в СМИ, так как их цитируют, приводят в качестве аргумента, тиражируют, не подвергая сомнению, и т.п.;

– они становятся частью повседневности, при этом нормативная информация повседневности моделирует / корректирует сознание, нормы и правила поведения человека в обществе, формирует стереотипы социального поведения людей и т.п.;

– изменение нормы меняет представления о допустимом, границы и градус допустимого, в частности переход к большей сплоченности перед врагом, настоящим или выдуманным.

Библиографический список

1. «Белая книга» по межкультурному диалогу [Текст] Страсбург: Совет Европы, 2008.
2. Болотнов А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис… д-ра филол. наук [Текст] / А. В. Болотнов. Томск, 2016.
3. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России [Текст] / И. М. Дзялошинский. М.: ЗАО Изд-во «Аспект-Пресс», 2015.
4. Карасик В. И. Языковое проявление личности [Текст] / В. И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2014.
5. Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости [Текст] / Е. Ю. Кислякова. Волгоград: Перемена, 2018.

6. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль [Текст] / Н. И. Клушина // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.
7. Котов А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах [Текст] / А. А. Котов. 2004. URL: http://www.harpia.ru/d-scripts.html
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2006. URL: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-17664.htm
9. Третьякова О. В. Медиатизация правовой жизни общества: pro et contra [Текст] / О. В. Третьякова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. №1. С. 67–72.
10. Google.ru: Поисковая система URL: https://www.google.ru/

Эмпирическая база

1. В Сети высмеяли Кличко за идею перевести Киев на воду из бойлеров. URL: https://iz.ru/800102/2018-10-13/
2. “Все ближе к Европе”. В Сети высмеяли идею Кличко об отказе от горячей воды URL: https://ria.ru/world/20181013/
3. Как в Европе: в Сети высмеяли заявление Кличко об отказе от горячей воды URL: http://ren.tv/novosti/2018-10-13/
4. Кличко посмеялся над оставшимися без горячей воды киевлянами URL: https://lenta.ru/news/2018/10/05/klichko/
5. Кличко посмеялся над оставшимися без горячей воды киевлянами, а в Сети посмеялись над ним URL: http://ren.tv/novosti/2018-10-06/

Лушникова Г. И., г. Ялта, Россия

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ВЕДУЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Такая ведущая тенденция современной англоязычной литературы, как мультикультурализм требует особых техник ее интерпретации. Главные векторы ее анализа обусловлены социокультурными факторами, основными из которых являются принадлежность автора и читателя к определенной культуре, отношение к разным культурам, степень ассимиляции в иной культуре. Изучение мультикультурных текстов показывает, что при их исследовании необходимо учитывать характер отраженного в них процесса взаимодействия культур. В статье представлены ведущие тематические типы мультикультурных произведений англоязычных авторов, которые позволяют судить о широком разнообразии и многоплановости данного направления.

Ключевые слова: мультикультурализм, межкультурная коммуникация, взаимодействие культур, интерпретация текста.

MULTICULTURALISM AS A LEADING TREND IN MODERN ENGLISH LANGUAGE LITERATURE

Abstract. Multiculturalism is regarded to be one of the key tendencies realized in modern English and American literature. Specific character of a multicultural text implies particular strategies for the analysis based on such social and cultural factors as readers’ and writers’ status in a definite culture, their attitude to a culture, a degree of assimilation in it and some others. Investigation of multicultural texts demonstrates different issues of cultural interrelation reflected in them. The main thematic types of multicultural fiction presented in the paper prove a wide variety and counterpoint of this essential feature traced in nowadays works of literature.

Keywords: multiculturalism, intercultural communication, interrelation of cultures, text interpretation.

В эпоху глобализации и развития разнообразных форм межкультурной коммуникации такая черта художественной литературы, как мультикультарализм, является одной из ведущих тенденций современной мировой литературы и англоязычной в частности, причем англоязычной в большей мере, поскольку английский язык является языком многих стран и одним из главных языков межнационального общения.

Данной важной тенденции мировой культуры настоящего времени посвящен ряд отечественных литературоведческих и лингвистических работ, основополагающими среди которых являются исследования М. В. Тлостановой, С. П. Толкачева, а также работы Т. В. Воронченко, О. Б. Карасик, Е. Г. Масловой, Т. А. Корнеевой и других.

Мультикультурализм в литературе проявляется по-разному, имеет различные формы воплощения и, соответственно, ставит особые задачи для литературоведческих и читательских интерпретаций. В триаде «автор, текст, читатель», из которой состоит художественная коммуникация,

каждый из компонентов играет одинаково значимую роль и требует особенно пристального внимания при рассмотрении произведения литературы, имеющего мультикультурный характер. В данном случае интерпретационные векторы определяются разными факторами, обусловленными конкретным материалом.

Прежде всего, это авторская позиция, которая зависит от принадлежности автора к определенной культуре, авторская точка видения специфики своей культуры, иной культуры, характера их взаимодействия. Здесь могут быть разные варианты, которые необходимо учитывать при восприятии художественного произведения.

Во-первых, необходимо принимать во внимание, является ли автор представителем той культуры, о которой он пишет, либо он описывает другую культуру, т.е. знакомимся ли мы с взглядом изнутри или со стороны.

Во-вторых, важно и то, чей это взгляд и с какой «стороны» – взгляд путешественника-туриста, человека, находящегося в иной культуре по долгу службы, по семейным обстоятельствам (женитьба или замужество, воссоединение с родителями или детьми), взгляд мигранта и пр. В случаях миграции также имеют значение ее причины, этническая принадлежность, продолжительность жизни на родине и в новой стране, относится ли автор к первому или последующим поколениям иммигрировавших и другие факторы.

В-третьих, существенным оказывается и авторская установка, отношение к описываемым культурам, поскольку даже в случаях максимального стремления к объективности неизбежна субъективная оценка, вполне объяснимое проявление авторских симпатий и антипатий, имеющихся стереотипов, предубеждений, предпочтений, связанных с личным опытом автора.

В-четвертых, имеют значение и социальный, политический, географический и некоторые другие аспекты. То есть, является ли автор представителем крупной, высокоразвитой державы или небольшой, развивающейся страны, культурной общности, в которой имеются широкие и давние традиции межнационального общения, или страны, где таковые связи только начинают устанавливаться и другие, не менее важные обстоятельства.

Здесь возможны и «в-пятых» и «в-шестых», которые изучаются социологами, политологами, психологами, философами, культурологами. Для филолога релевантно то, что, «создавая художественный текст, автор ориентируется на закрепленные в той или иной культуре образцовые модели отражения мира. При этом сам автор, впрочем, как и читатель, может относиться как к отличному от описываемого лингвокультурного сообщества, так и быть его представителем. В любом случае текст пронизан множеством культурных кодов, хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т. е. обо всех составляющих культуры» (Корнеева 2009: 19).

Другой вектор исследования – читатель, его восприятие произведения, отражающего мультикультурализм, которое определяется практически теми же факторами, которые перечислены выше при описании авторских интенций. При декодировании мультикультурного произведения нельзя не учитывать факт принадлежности нас, читателей, к той или иной культуре, т.е. читаем ли мы про своих, про тех, представителями которых мы считаем себя, или про иных, неизвестных нам, с которыми мы только знакомимся, читая данную книгу. Многое зависит и от того, принадлежат ли автор и читатель к одной культуре, или мы читаем произведение про свою культуру, написанное представителем другой культуры. Кроме того, одно дело, когда писатель пишет про свою собственную культуру, воспринимая ее проявления как само собой разумеющиеся. Тогда основной задачей читателя является разглядеть культурную специфику. Другое дело, когда писатель рассказывает про неродную ему культуру, ставя акценты и, тем самым, обращая наше внимание на черты, необычные и специфические с его точки зрения. Пресуппозиция также играет большую роль, поскольку важно наше стартовое отношение к описываемой культуре, которое, возможно, изменится по прочтении книги, и которое интересно и полезно впоследствии сопоставить с нашим первоначальным мнением. Процесс чтения такого рода литературы представляет собой межкультурный диалог, который, как правило, предполагает внутреннюю полемику. Очень часто имеет место даже не диалог, а полилог, поскольку в книге может описываться этнокультурная общность, к которой не принадлежат ни писатель, ни читатель и, таким образом, в разговор включаются несколько голосов. По очень точному замечанию С. П. Толкачева, «при прочтении мультикультурного произведения особый интерес представляет учет множественности голосов, присутствующих в романе, а также полифонического эффекта от созвучия различных этнокультурных тональностей. Иногда даже неразличимость этих голосов выполняет функцию расширения их

диапазона, который, возможно, не был услышан в традиционном литературоведении, и, в более широком смысле, – углубления гетерогенной природы романа о нации» (Толкачев 2013).

Текст, следующая составляющая художественной коммуникации, являющаяся продуктом авторского воображения и объектом читательского восприятия, в мультикультурных произведениях представляет особый исследовательский интерес и может служить материалом для многоаспектного анализа. Прежде всего, важным оказывается характер отражения в тексте окружающей действительности, так как в мультикультурном произведении это отражение осуществляется сквозь призму двух, а иногда и более культур. Здесь уместно привести еще одну цитату из работы С.П. Толкачева: «в результате осуществления ‘межкультурных диалогов’ возникают некоторые трудности в процессе художественного осмысления действительности. Культуры начинают ‘описывать’ друг друга, возникают новые взаимоотражающиеся образы, которые зачастую положены в основу культурной реальности другого» (Толкачев 2013).

Все уровни анализа мультикультурного текста включают как ведущий аспект отражение процесса взаимодействия культур, и именно с этих позиций должны решаться задачи интерпретации такого текста. Так, необходимо определить, является ли мультикультурализм центральной проблемой произведения, его основной темой, или служит фоном, декорацией, выступающей как часть реальности, где происходят описываемые события. Неоднозначен и характер проблем, ставящихся авторами, среди которых проблемы конфликта культур и терроризма как крайнего его проявления, вопросы вхождения индивида в новую культуру и адаптации в ней, идентичности личности в новой культуре. Кроме того, требует внимания и тот факт, трактуется ли мультикультурализм в тексте как проблема, которую надо решать, или как данность, даже как благо, которое нужно уметь принять. Немаловажна и система образов героев в мультикультурном произведении – как представлены персонажи в тексте, выделены ли их культурно-специфические черты, являются ли они представителями одной культуры или нескольких, если нескольких, то каков характер их взаимоотношений.

И, наконец, также достаточно значимый фактор, учет которого должен занимать существенное место в анализе подобного рода текста, – культурные особенности в стиле, манере повествования, системе образности, языке. Общеизвестно, что чтение художественной литературы предполагает межкультурную коммуникацию. В связи с этим важно учитывать, что «для любого носителя национального сознания актуальной остается проблема коммуникативного взаимодействия с носителем иного национального сознания, в виду того, что когнитивные элементы, присущие каждой языковой картине мира, свободно находящие выражение в родном для человека языке, вступают в диссонанс с возможностями для их выражения, существующими в других языках» (Лушникова, Старцева 2012: 146).

Представим основные тематические типы мультикультурных текстов с очень кратким перечислением примеров художественных произведений современной англоязычной литературы. Выбор определялся субъективными предпочтениями автора данной статьи и, безусловно, может быть значительно расширен.

Тема расовой дискриминации в США раскрывается в романах американской писательницы Х. Ли (H. Lee) *Убить пересмешника (To Kill a Mockingbird), Пойди, поставь сторожа (Go Set a Watchman*), в романе Э.Л. Доктороу (E.L. Doctorow) *Рэгтайм (Ragtime)*, в романе К. Стокетт (K. Stockett) *Прислуга (The Help).*

Теме миграции представителей стран третьего мира в развитые страны и их взаимоотношениям с представителями новой для них культуры посвящены многочисленные произведения, написанные писателями разных культур. Например, широко известны произведения британского писателя индийского происхождения С. Рушди (A. Rushdie), роман английского писателя, драматурга и сценариста, родившегося в семье выходца из Пакистана, Х. Курейши (H. Kureishi) *Будда из пригорода* (*The Buddha of Suburbia)*, который посвящен проблемам самоидентификации и аккультурации молодого человека с индийскими корнями в Британии, роман Дж. Харрис (J. Harris) *Персики для месье кюрэ (Peaches for Monsieur le Curé).*

На страницах современных произведений показаны конфликты культур, воинственные столкновения и теракты. Сюда относятся произведения Дж. С. Фоера (J. Foer) *Жутко громко и беспредельно близко (Extremely Loud and Incredibly Close)*, Д. Делилло (D. DeLillo) *Падающий* (*Falling man*) и многие другие.

Вхождение в новую культуру мигрантов разных поколений по-разному освещаются в произведениях литературы. Показательны в этом отношении романы американской писательницы китайского происхождения Э. Тан (A. Tan): *Клуб радости и удачи (The Joy Luck Club), Сто тайных*

чувств (The Hundred Secret Senses), Жена кухонного бога (The Kitchen God's Wife), а также романы Дж Квок (J. Kwok). *Девушка в переводе (Girl in Translation*) об иммигрантах из Гонконга, живущих в Америке, и Б. М. Нгуен (B. M. Nguyen) *Маленькие девушки* (*Short Girls)* о вьетнамских иммигрантах в Америке.

Достаточно много произведений освещают тему миграции, осуществляемую с культурными, академическими, деловыми целями и по профессиональным обменам. Наиболее известными из них являются романы Дж. Чайлд (J. Child) *Моя жизнь во Франции (My Life in France)*, Д. Лоджа (D. Lodge) *Академический обмен. Повесть о двух кампусах (Changing Places. A Tale of Two Campuses),* М. Р. Каллаган (M. R. Callaghan) *Мечты эмигранта* (*Emigrant Dreams).*

Тема путешествий с целью проникновения в тайны иной культуры занимает значительное место, в частности, в таком гибридном жанре, как художественно-документальная проза. Здесь следует назвать роман Э. Гилберт (E. Gilbert) *Есть, молиться, любить (Eat, Pray, Love),* повествующий о трех странах, паломничество в которые осуществляет героиня американка. Особое воплощение данная тема получает в поэзии. Так в сборнике стихотворений *Трое в метро (Three Men on the Metro)* современных английских поэтов Э. Крофта, В. Н. Герберта, П. Саммерса (A. Croft, WN Herbert, P. Summers) в поэтической форме представлены их впечатления о России.

В романах, посвященных военным и разведывательным операциям, показана другая сторона межкультурных взаимодействий. Это ставшие классикой произведения Гр. Грина (Gr. Green) *Тихий американец (The Quiet American), Наш человек в Гаване (Our Man in Havana)*. Не менее известны романы Дж. Сеймура (G. Seymour) *Поцелуй предателя (Traitor's Kiss),* Дж. Ле Каре (G. La Care*) Русский дом (The Russia House)*, в которых речь идет об англо-российских политических операциях.

Тема межнациональных отношений в рамках одной многонациональной страны раскрывается в большей степени в региональной прозе. Так, в британской литературе по-разному трактуются вопросы взаимоотношений представителей Англии, Уэльса, Шотландии, Ирландии. На страницах таких произведений предстает картина жизни различных регионов страны, например, Уэльса – в романах К. Колье (C. Collier) *Возвращение домой (Homecoming)*, Шотландии – в детективном цикле И. Рэнкина (Ian Rankin), Ирландии – в романах С. Ахерн (C. Ahern) и многих других.

К мультикультурным произведениям можно также отнести романы писателей, работающих в одной стране, но имеющих иные национально-исторические корни. Ярким примером могут служить любовно-исторические романы Дж. Гарвуд (J. Garwood), американской писательницы ирландского происхождения, большинство из которых посвящены истории Великобритании.

Это лишь краткий обзор основных тенденций мультикультурализма в современной англоязычной литературе, который, однако, позволяет судить о широком разнообразии и многоплановости данного направления. В заключении хотелось бы подчеркнуть, что мультикультурализм занимает одну из ведущих позиций в современном литературном процессе и потому требует тщательного рассмотрения, типологических разработок и создания общей методологии его филологических исследований.

Библиографический список

1. Корнеева Т.А. Языковые реализации особенностей национальной картины мира в художественном тексте (на материале романов Э. Тан) [Текст]: дис… канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. А. Корнеева. Кемерово, 2009.

2. Лушникова Г. И. Структурные особенности лингвокультурного типажа «ирландский эмигрант» (на материале произведения Дж. О'Коннора «Звезда моря») [Текст] / Г. И. Лушникова, Т. В. Старцева // Вестник КемГУКИ. Кемерово, 2012. №18. С. 145-152.

3. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. №1 (январь-февраль). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/

Проскурин С. Г., г. Новосибирск, Россия

ТЕОРИЯ МЕМОВ И КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР[5]

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам меметики, новой формирующейся дисциплины в рамках теории информации и лингвистики. Переносы информации во времени и пространстве связаны с культурными перемещениями смыслов, стоящих за словарем. Мем представляет собой «информационный пакет с характером», опирающийся на различные маленькие причинности, которые позволяют переносить информацию. Так, одно из условий культурного трансфера – аллитерационная рифма. Мемом называется такая цепочка единиц информации, которая обретает способность к репликации, т.е. к передаче. Такая способность представляется благодаря распознаванию мема как некоторого целого, которое обладает возможностью восстанавливаться вслед за господствующим компонентом. Все типы мутации формул сводятся к четырем: А, Б, В, Г. Адаптивная трансформация мемов при этом наблюдается не только в рамках лексических конструкций, но и в комбинаторике знаковых образований, сформированных на основании различных знаковых систем (символических, индексальных, иконических). Это дает возможность осуществлять исследование формул в контексте широкого спектра семиотических исследований культуры, допускающих интерпретацию текста как явления, выходящего за рамки естественного языка.

***Ключевые слова*:** мем, знаковая система, репликация, символ, индекс, икона, культурный трансфер, семиотика культуры.

THEORY OF MEMES AND CULTURAL TRANSFER

Abstract. The current article is devoted to the question of memetics, a newly established discipline in the field of the theory information and linguistics. Transferences of information in space and time are connected with cultural shifts in senses, which stand behind the word-stock. The meme is an information slot with character, which is based on small causes, which allow to transfer the information. Thus one of the conditions of cultural transfer is alliterative rhyme. The meme is such a chain of units of information, which is able to replicate, that is to transfer. This ability is given due to decipher of the meme as an integral whole, which is restored after the leading sense. All the mutations can be reduced to for types A, Б, B, Г. The adaptive transformations of memes can be observed not only in lexical constructions, but in the combination of sign systems, established on the basis of various signs (symbolical, indexical, iconic). Such a kind of approach enables a researcher to consider the above mentioned types of cultural mutations in the context of semiotic cultural studies, interpreting text as a phenomena that stands beyond the natural language.

Keywords: meme, sign system, replication, symbol, icon, index, cultural transfer, cultural semiotics.

Переносы массивов информации из культуры в культуру представляют собой культурный трансфер знаний, стоящий за словарем. Под культурным трансфером понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами, методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов «культурного перемещения» смыслов – тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их «импортировании» и «экспортировании» из одной культуры в другую (Лингвистика 2016: 15).

Как известно, земная жизнь основана на размножении репликаторов определенного типа – полинуклеотидов РНК и ДНК. Но это далеко не единственный тип репликаторов, существующий в природе. В культурной эволюции важную роль играют мемы – «единицы культурной информации, которые используют наш разум для собственного выживания и размножения, как гены используют клетку» (Марков, Наймарк 2014: 28).

«Мем, – утверждал Деннет, – есть информационный пакет с характером». *Царь*, *царевич*, *король*, *королевич*... Рифма и размер помогают запомнить куски текста, другими словами, помогают битам текста быть запомненными. Рифма и размер есть качества, которые помогают мему выжить, так же как скорость и сила помогают животным» (Глик 2013: 336). Аналогично в древнеанглийской традиции аллитерационный перечень имен правителей является мемом, который поддерживает аллитерацию между именем короля и названием королевства: Anna, Aethelhere, Aldulf <….> – East Engla Rice; Seaxnete, Swaeppa, Sigefugel <….> – East Seaxna Rice. Аллитерация также помогает мему функционировать в качестве представителя генеалогического древа англосаксов. В науке мем распознается по связи имени собственного и эпонимов. Возможность связывания генеалогии в последовательности с аллитерацией представляется важной с позиции структуры текста: синтагматики и парадигматики. Последовательность имен в традиции образовывала синтагмы, которые взаимодействовали с этнонимами с помощью аллитерации на ту же букву. Возьмем, к

[5] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130) Института языкознания РАН

примеру, имена англосаксов кельтского происхождения: Caedwalla, Caedda, Cedd, Ceawlin, Cerdic, Cumbra и этноним Cymro «валлиец» (Проскурин, Проскурина 2017: 103–104).

Кроме того, мем оказывается подверженным изменениям или адаптациям. Формула «Survival of the fittest» является мемом, который, как и другие, сильно мутирует (survival of the fattest, survival of the sickest, survival of the fakest, survival of the twittest и т.п.) (Глик 2013: 334).

Формулы обретают способность распознаваться и служить «опорой» для передачи. Иными словами, лексические единицы не способны восстанавливаться в диахронии без контекста. Формульность изначально связана с коммуникативными установками устной культуры, поскольку сама формула получает коммуникативное расширение, за счет этого, в частности, снимается ее многозначность. Иначе кажущаяся избыточность поэтической формулы является закономерным следствием ее возможной устной природы, поскольку последняя часто опирается на речевой контекст, который и обеспечивает передачу. В теории информации идут поиски определения, что такое мем, и каково его значение в качестве параллели гена в природе. Нам представляется, что формульная теория может дать материал для определения мема. Мемом называется такая цепочка единиц информации, которая обретает способность к репликации, т.е. к передаче. Такая способность появилась благодаря представившейся возможности распознаваться в качестве некоторого целого, которое обладает важным свойством восстанавливаться вслед за господствующим компонентом.

Исследовав пространство мутации мемов в англосаксонской традиции, мы установили четыре основных вида трансформации формул и клише.

А) Переосмысление конвенциональных формул, т.е. тип «одна формула – два смысла» ср. ne… middangeardes men mundgripe maran (B., 751–753) «Нет в среднем мире… людей с хваткой руки сильней» (о культурном герое англосаксов Беовульфе); ne maerra man geond middangeard (Men/,161) «Нет славней человека в среднем мире» (Об Иисусе Христе) (микромотив «человек в среднем мире»).

Б) Лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры, т.е. сохранение обозначаемого (и связанного с ним культурного нексуса) при обновлении обозначаемого, ср.: middangeard beofath – «средний мир дрожит», beofath ealle beorhte gesceaft «дрожит все яркое творение» (микромотив «конец мира»).

В) Порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам, ср.: weorold wendeth «мир вращается (по кругу)»; weorold gewiteth «мир уходит» (микромотив «движущийся мир») (Проскурин 1990: 34).

Г) Тип характеризуется одним предикатом, но разными денотатами, т.е. представляет собой описание с заменой лексемы в контексте формулы, обозначающей разные явления. Ср.: Her sunne athiestrode «Здесь солнце померкло»; Her se mona athistrode «Здесь луна померкла» (Проскурина 2015).

Мемы – сложные, отдельные и запоминающиеся единицы с непреходящей властью и силой. Мемы могут быть историями, рецептами, навыками, легендами и модой. Мы копируем их, каждый человек в отдельности.

Поскольку генетический код восходит к четырем исходным элементам по три триплета, которые и создают генетический словарь, состоящий из 64 слов, то мы в какой-то степени в репликации информации используем эти показатели. Принципиальным для нас является открытие четырех типов адаптации, представляющих собой как бы четыре исходных химических радикала.

В свое время Т. В. Гамкрелидзе обратил внимание на явление изоморфизма лингвистического и генетического кодов, опираясь на концепцию Н. Я. Марра. Он писал: «Так, например, Н. Я. Марр сводит исторически возникшее многообразие языков к четырем (sic!) исходным элементам, состоящим, как это ни странно, из своеобразных «троек» – бессмысленных последовательностей – сал, бер, ион, рош. Любой текст произвольной длины на любом языке есть, в конечном счете, результат фонетических преобразований этих исходных четырех, самих по себе не значащих элементов, скомбинированных в определенные последовательности. Этим, по мнению Н. Я. Марра, и определяется единство глоттогонического процесса» (Гамкрелидзе 1988: 7).

Если посмотреть на мутацию формул по четырем типам, то мы увидим исходное сочетание трех и более элементов, адаптированных четырьмя разными способами. Это своеобразный словарь изменчивости формул, который напоминает генетический код.

Рассуждая о лингвокультурном трансфере, следует отметить, что выделенные нами четыре типа мутаций коррелируют с типом изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами. Так, наборы элементов три по четыре дают ограниченную по вариативности комбинацию смыслов. При этом комбинации смыслов должны учитывать сложнейшие цепочки интертекстуальных компонентов формул.

Возьмем, к примеру, формулу *survival of the fittest* «выживание наиболее приспособленного». Во всех вариациях мема, который мутирует, данная формула имплицитно присутствует: *survival of the fattest* «выживание толстейшего». Данный текст, по данным Джеймса Глика, встречается в названии панк-рокового сборника и в одной из серий сериала «Симпсоны». Анализируемый мем имеет сложную природу, поскольку учитывает в своей интерпретации оригинальную формулу *survival of the fittest*. Всё свидетельствует о том, что выживание толстейшего обусловлено функцией выживания наиболее приспособленного. Таким образом, мем имеет структуру по типу «В», когда у исследователя есть возможность реконструировать первоначальную формулу, по отношению к которой порождается новое сочетание. Мы можем построить меметический код высказывания по типу:

Survival of the fittest → Survival of the fattest.

Кроме того, возникает инновационный кластер высказываний, которые определяются первоначальным господствующим членом категории:

→ survival of the fattest

Survival of the fittest → survival of the sickest

→ survival of the fakest

→ survival of the twittest

Survival of the sickest «выживание самого больного» встречается в названии альбома группы «Saliva» и книги Шарона Моалема. «Выживание с помощью обмана» встречается, по данным Глика, в статьях, посвященных борьбе с теорией Дарвина. «Выживание тех, кто больше твитит» встречается в статьях, посвященных проблемам современных СМИ и средствам коммуникации (Глик 2013: 334).

Таким образом, мы делаем вывод о том, что меметический фонд высказываний состоит из своеобразных кластеров, которые позволяют реконструкцию господствующего члена высказывания. Мы рассматриваем данную типологию речевых преобразований в рамках контекстуального микромотива, основывающегося на консервативном и инновационном механизмах языка. Типу «А» свойственна низкая степень инновационности и высокая степень консервативности, типы «Б» и «Г» занимают промежуточное положение, а типу «В» свойственна низкая степень консервативности и высокая степень инновационности.

Высказывания в рамках меметического фонда можно расположить по принципу кластеризации информации. Так, например, кластеризация по типу «А» формируется по принципу «одна формула – два и более смыслов».

Кластер *Land of Nod* «Земля Нод» > «страна сна» также содержит оригинальную формулу по отношению, к которой вычленяется искомый смысл.

Тип «А» представляет собой адаптацию, при которой выражение сохраняет свои формальные признаки, но меняется содержательно. Так происходит с библейским выражением «Land of Nod» («Земля Нод»):

And Cain went out from the presence of the Lord, and dwelt in the land of Nod, on the east of Eden (Gen 4:16)

«И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Эдема».

В рамках этого типа референционный план изменяется и наступает идиоматизация. Однако появлению идиомы *the land of Nod* («страна сна») способствовало формальное сходство лексем *Nod* и *nod* «кивок». Шаг от библейской формулы «страна Нод» к идиоматическому обороту «страна сна» проходит благодаря семантическому сдвигу в значении *nod* ‘кивок головы’ – ‘сон’: *I am going to the land of Nod* «я собираюсь в страну сна».

Адаптация по типу «Б» протекает по линии синонимизации. Тип «Б» встречается при наличии разных версий перевода. «And God said, Let there be light and there was light». В версии перевода Библии Дуэй – Реймс эта строка звучит как «And God said: be light made. And light was made». Итак, за счет синонимизации возникает кластер формул, которые взаимодействуют друг с другом.

Тип «В» описан выше. А тип «Г» представляет собой описание разных феноменов в рамках одной темы. *Will the wave begat the tsunami* «Породит ли волна цунами» и *T4 shall begat T5* «Т4 порождает Т5». В последнем случае референция делается на фильм «Терминатор». Серия 4 порождает серию 5. Предикат остается неизменным, а денотаты меняются.

Как пишет Глик, «в системе взглядов Докинза мемы копируют сами себя» (Глик 2013: 335). Так и в системе мутаций формул можно устанавливать цепочки копирований, которые проявляют себя как трансферы, или переносы информации. Знания конвертируются в кластеры, которые имеют господствующие члены категории. Все типы трансформаций формул позволяют устанавливать линии развития сохранения информации или репликации.

У идей, «как у инфекции», есть «способность к распространению». «Идеи порождают другие идеи, помогают развиваться новым. Они взаимодействуют друг с другом и с другими силами того же мозга, соседних мозгов и благодаря глобальной коммуникации – мозгов, находящихся на далеком от них расстоянии. Они взаимодействуют с внешним окружением, и это в целом приводит к эволюционному взрыву, который выходит за рамки всего, что до сих пор появлялось на сцене эволюции» (Там же: 332). Р. Докинз отмечает: «Все живое эволюционирует в результате дифференциального выживания реплицирующихся единиц» (цит. по: (Глик 2013: 337). Мемы распространяются как бесплотные репликаторы. Они конкурируют друг с другом за ограниченные ресурсы – время мозга или ширину канала. Но главное – они конкурируют за внимание.

Мы являемся их переносчиками и делаем возможным их существование. На протяжении большей части нашей биологической истории их существование было мимолетным, их основным способом передачи был метод «из уст в уста». Позже они смогли проникнуть в вещественные субстанции – глиняные таблички, стены пещер, листы бумаги. Вся совокупность мутации мемов носит ограничительный характер и сводится к четырем типам преобразований, отмеченных нами выше.

Так, происхождение фразы требует определенных пояснений, без которых ее невозможно понять. «Прыгнуть через акулу» означало пройти пик качества или популярности и войти в стадию необратимого заката. Считалось, что впервые эту фразу в 1985 г. произнес студент Шон Дж. Коннолли в адрес некоего телесериала. Возможно, поэтому не было письменного подтверждения ее использования до того момента, когда сосед Коннолли Джон Хейн в 1997 г. зарегистрировал доменное имя JumpTheShark.com и создал сайт, посвященный продвижению этой фразы. На сайте появился список часто задаваемых вопросов.

Вопрос. Выражение «прыгнул через акулу» впервые появилось на этом сайте, или вы создали сайт, чтобы капитализировать это выражение?

Ответ. Этот сайт запущен 24 декабря 1997 года и дал рождение фразе «прыгнуть через акулу». По мере роста популярности сайта выражение стало общепринятым. Сайт – это курица, яйцо, а теперь и уловка 22.

В дальнейшем фраза попала в более традиционные СМИ: в 2001 г. Морин Дауд посвятил ей колонку в «The New York Times»; в 2004-м ведущий колонки «О языке» той же газеты Уильям Сафир назвал ее «самой популярной фразой года»; вскоре после этого люди бессознательно начали пользоваться ею в устной и письменной речи, без кавычек и объяснений, и в конце концов различные культурные наблюдатели задали вопрос: «Не прыгнуло ли через акулу само выражение “прыгнуть через акулу”?». («Разумеется, “прыгнуть через акулу” – великолепная культурная концепция. Но она теперь повсюду»). Как и любой хороший мем, оно породило мутации. Статья «Википедии» «Прыгнуть через акулу» в 2009 г. содержала ссылки «См. также прыгнуть через диван» (Глик 2013: 341). Формализуя саму мутацию, мы определяем ее как тип «В», т.е. образование на базе оригинальной формулы новых оборотов.

В целом, для подобной дисциплины предложено название меметика. Данная дисциплина занимается разнообразными переносами информации, которые определяются как культурный трансфер.

Библиографический список

1. Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами [Текст] / Т. В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5-8.
2. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток [Текст] / Пер. с англ. М. Кононенко. М.: АСТ; CORPUS, 2013.
3. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Колл. монография [Текст] / Отв. ред. В. В. Фещенко, ред. колл.: Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер, В. З. Демьянков, М. Л. Ковшова, И. В. Силантьев, М. А. Тарасова, Т. Е. Янко. М.: Культурная революция, 2016.
4. Марков А. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий [Текст] / А. Марков, Е. Наймарк. М.: АСТ: CORPUS, 2014.
5. Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей [Текст] : дис. … канд. филол. наук / С. Г. Проскурин. М., 1990.
6. Проскурина А. В. Коммуникация и передача как формы лингвокультурного трансфера (на материале древнеанглийских памятников VII-XI вв. и текстов Библии) [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Новосибирск, 2015.
7. Проскурин С. Г. Культурные трансферы и тексты: моногр [Текст] / С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2017.

Хайруллина Р. Х., г. Уфа, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия национальных языковых картин мира в поликультурном пространстве. На примере межкультурной коммуникации в многоязычном мегаполисе – городе Уфе – анализируются процессы наложения русской и башкирской языковых картин мира, процессы изменения национального менталитета и его отражения в языках. Анализируются особенности лингвокультурного пространства многонационального мегаполиса.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, картина мира, межъязыковое воздействие, национальный менталитет.

NATIONAL LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD IN MULTICULTURAL SPACE

Abstract. The article is devoted to the analysis of interaction of national language pictures of the world in a multicultural space. On the example of intercultural communication in the multilingual metropolis – the city of Ufa – the processes of superimposing Russian and Bashkir language world pictures, the processes of changing the national mentality and its reflection in languages are analyzed. The peculiarities of the linguistic and cultural space of the multinational megapolis are analyzed.

Keywords: intercultural communication, world picture, interlingual impact, national mentality.

Поликультурный контекст жизни современного общества накладывает свой отпечаток на процессы межличностной коммуникации.

Наблюдения за процессами этноязыкового развития в мире выявляют активную тенденцию формирования билингвальной языковой личности и нового типа языковой личности – полилингвальной личности, что отражает особенности межъязыковых контактов в силу разных политических, экономических и социокультурных факторов. Явление массового дву- и многоязычия стало привычным для коммуникативного пространства в современном обществе. Владея родным языком и опираясь на данные своей языковой картины мира, индивид на начальном этапе в процессе усвоения другого (чужого для него) языка автоматически использует свою систему миропонимания. А позже в случае свободного овладения языком начинает воспринимать чужой язык не только как средство общения, но и систему мировидения и хранилища культуры народа.

В России исследование билингвизма было обусловлено ее многонациональным составом населения и функционированием русского языка как языка межнационального общения. В связи с этим двуязычие изучено в российской науке достаточно широко (Щерба 1974; Дешериев 1976; Аюпова 1988; Карлинский 1990; Исаев 1992; Блягоз 2006; Закирьянов 2012 и т.д.), а к проблеме формирования полилингвальной языковой личности ученые проявили интерес относительно недавно. Это связано с тем, что само современное общество становится полилингвальным, а разные языки мира расширяют границы своего функционирования. С введением в научный оборот понятия «языковая картина мира» становятся актуальными новые теоретические проблемы – описание механизма взаимодействия национальных языковых картин мира как выражения культурного и языкового кодов, исследование процессов унификации менталитетов разных, но контактирующих длительное время народов. Как отмечает А. А. Леонтьев, быть билингвом – это значит «уметь осуществлять речевую деятельность, пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобными языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения» (Леонтьев 2005: 252-254). Как видим, А. А. Леонтьев в качестве причины возникновения билингвизма называет социокультурные факторы.

Языковая политика многонациональных государств, направленная на равноценное функционирование родных и иностранных языков, способствует формированию полилингвальной языковой личности, владеющей разными языками на разном уровне – от элементарного до свободного владения ими. На современном этапе изучения би- и полилингвизма в лингвистике большой интерес вызывает исследование особенностей взаимодействия языков как коммуникативных систем билингва в контексте разных национальных языковых картин мира. Современная антропоцентрическая парадигма в лингвистике ориентирована на человека как *homo loquens* и *homo lingualis*, что активизирует исследование человеческого фактора в языке и языковой картине мира в целом. Описание тела и души человека, его мыслей и эмоций, вкуса и предпочтений и многого другого в области жизнедеятельности, процесса познания мира и его осмысления народом

посредством языка позволяет выявить не только образ человека глазами его носителей, но и особенности их мировосприятия. А это носит явный отпечаток идиоэтнического понимания бытия и самого человека.

Сегодня «человек говорящий» характеризуется речевыми особенностями, характерными, с одной стороны, для мирового многонационального сообщества, с другой стороны, для конкретного национального государства. По мнению ученых, происходит унификация национальных менталитетов, переоценка ценностей, наложение языковых картин мира родного и неродного языков, что вызывает определенные процессы в языковом сознании билингвов. «Поиск новых путей исследования, – пишет Н. В. Уфимцева, – привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа этнических сознаний, когда образы сознания одной этнической культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры» (Уфимцева 2000: 5). Национальное языковое сознание – это социально значимые и ментально структурированные результаты восприятия, осмысления и оценки бытия материи (включая самого человека), полученные в ходе культурно-исторического развития народа и выраженные в виде графической или вокативно-акустической системы информативных знаков. Начиная с закрепления опыта познания в значении (семантике) отдельного слова и заканчивая сложными формами символизации концептов в лексике, афористике, художественной литературе и духовной культуре в целом, в языке (языковой картине мира) кодируется преобразованная человеческим сознанием информация о мире и самом человеке.

В исследовании механизма «пересечения» лингвоментального пространства билингва, представленного совокупностью двух или более систем миропонимания, на первый план уже выходят не проблемы выявления интерференции или транспозиции, интеркаляции и межъязыковых заимствований, а проблемы наложения разных национальных языковых картин мира в процессе речемыслительной деятельности би- или полилингвальной языковой личности. Как показывает исследование дискурса таких языковых личностей, в процессе наложения национальных картин мира происходит переход с одного языкового (и соответственно культурного) кода на другой, с одной семиотической системы на другую (Fatkullina et al 2016: 10087). В случае свободного владения языками коммуникант не испытывает трудностей в таком переходе, поскольку его речемыслительная деятельность характеризуется автоматизмом. Формируется так называемый естественный билингвизм, который наблюдается в среде межъязыковых контактов в поликультурной среде (например, русско-национальное двуязычие в России). При изучении чужого (иностранного) языка автоматизм воспроизведения отсутствует и может наблюдаться влияние родного языка в форме калькирования моделей высказывания. Носитель русского языка, недостаточно владеющий иностранным, например, английским языком, переводит фразу *придать новый смысл чему-либо* на английский язык дословно: *To give a new sense to something*, тогда как по-английски она должна звучать – *To read a new meaning into something*.

Наряду с естественным билингвизмом и специальным изучением иностранных языков как языков межкультурной коммуникации, существует еще один интересный феномен взаимодействия языков и наложения национальных языковых картин мира в результате ассимиляции языковой личности с той или иной лингвокультурной средой. Это часто приводит, по мнению Т.А.Знаменской, «к потере собственной идентичности с родной культурой и обществом» (Знаменская 2014: 43). В результате смешения языковых систем и культурных кодов в коммуникации у такой языковой личности появляется неуверенность в построении высказываний, выборе правильных грамматических форм, подборе уместных для данных речевых ситуаций слов на исконно родном языке («Как это будет по-русски?»). Возникает интеркаляция, или невольная автоматическая замена русского слова английским.

Например, *Я нашла себе румейтку* (англ. *roommate* – соседка для совместного проживания в съемной комнате). *Пришлось расплатиться кэшем* (*cash* – наличные деньги). *Не хочу жить в ливинг-рум* (*Living room* – гостиная). *Придется взять брейк* (break – перерыв в обучении). Причем, грамматическое оформление английских слов в речи происходит по нормам русского языка. Таким образом, у билингва происходит имплицитное или эксплицитное совмещение элементов языковых систем и культурных кодов.

Однако данное явление может выступать не только результатом смешения языков ввиду автоматического перехода на другой языковой код, но и способом самовыражения билингвальной языковой личности, одинаково свободно владеющей разными языками. Особенно часто это наблюдается в непринужденной разговорной речи на русском языке представителей национальной культуры, например, башкирской. В социальных сетях наблюдается, с одной стороны, вкрапление

слов родного языка в русский контекст для придания ему этнической выразительности, а с другой стороны, в речи русскоязычного коммуниканта используются башкирские слова для установления контакта «на равных», отражения местного колорита речи. Например, *Напиши об этом пьесу! Самый шулай будет!* (*шулай* – башк. так, то самое; равноценно: самое то будет!). *Башлык сам посетил это мероприятие* (*башлык* – башк. глава). *А сегодня ведь праздник единения! Берите своих друзей и айда инде единяться*! (*инде* – башк. частица уже). *А вы, ипташи чиновники, что на это скажете? (ипташи – башк. товарищи).*

Изучение дискурса билингвов представляет не только научный интерес, но и имеет важное значение для исследования этнокультурных процессов в обществе в целом, так как «несомненно, дает возможность выявить ценностно-смысловое пространство языка, особенности речевого поведения человека, а также менталитет не только отдельной социальной группы носителей языка, но и народа в целом», характеризуют особенности современного дискурса», – отмечают Р. Х. Хайруллина, Г. З. Минигулова (Хайруллина, Минигулова 2012: 1523).

Таким образом, важным условием возникновения и функционирования поликультурной среды в современном обществе выступает активизация межкультурной коммуникации в процессе взаимодействия би- и полилингвальных языковых личностей. При этом наблюдаются процессы не только взаимопроникновения лингвокультурного пространства разных языков (как непосредственно контактирующих, так и отдаленно контактирующих), но и определенная унификация национальных менталитетов. Исследование межъязыкового взаимодействия в полиэтническом обществе предоставляет собой богатый научный материал для описания современных этноязыковых процессов.

Библиографический список

1. Знаменская Т. А. Проблемы билингвизма и его влияния на языковую личность [Текст] / Т. А. Знаменская // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 3. С. 42-46.
2. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А. А. Леонтьев. М., 2005.
3. Уфимцева Н. В. Предисловие [Текст] / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира / сб. науч. статей; под ред. Н. В. Уфимцевой. Ин-т языкознания РАН. М., 2000. С.4-6.
4. Fatkullina F. Terminological Multifaceted Educational Dictionary of Active Type as a Possible Way of Special Discourse Presentation [Text] / E. Fatkullina, E. Morozkina, A. Suleymanova, R. Khayrullina // International Journal of Environmental and Science Education. Vol.11, No. 17, 2016, P. 10081-10089.
5. Хайруллина Р. Х. Лингвокогнитивный анализ русских и башкирских фразеологизмов с деструктивной семантикой [Текст] / Р. Х. Хайруллина, Г. З. Минигулова // Вестник БГУ. Том 17. № 3(1). Уфа, 2010. С. 1523-1526.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В АНАЛИЗЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Воскресенская Л. И., г. Омск, Россия

ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье художественная литература представлена как источник всесторонней информации о жизни общества. Приводятся трактовки понятий текста и дискурса различных лингвистов. Выявляется фреймовая структура информации об описываемых событиях. Рассматриваются различные типы дискурса: культурологический, социолингвистический, антропологический, когнитивный, научно-технический, медицинский в пределах текстов художественных произведений английских и американских писателей. Языковая картина мира рассмотрена не только как информация, но и способы её передачи, включая лексику различных слоёв языка (разговорную и специальную терминологию).

Ключевые слова: текст, дискурс, художественное произведение, общество, информация

REFLECTION OF LINGUISTIC WORLD PICTURE IN THE TEXT AND DISCOURSE IN ENIGLISH FICTION LITERATURE

Abstract. In the article fiction literature is presented as the source of detailed information of society life. Interpretation of text and discourse by various linguists is given. Frame structure of the described events is revealed. Various types of discourse are being considered: cultural, sociological, anthropological, cognitive, scientific-technological, medical in the texts of novels of English and American writers.

Linguistic world picture is considered not only as the aim of information, but also the methods of its reproducting, including various levels of vocabulary (common colloquial words and special terminology).

Keywords: text, discourse, fiction literature, society, information.

Целью данного исследования является изучить содержание информации об окружающем мире (на уровне текста), выявить фреймовую структуру этой информации, а также способы её передачи и восприятия реципиентом (на уровне дискурса).

Для достижения поставленной цели следует выполнить следующие задачи:

1) проанализировать текстовое содержание художественных произведений;
2) выделить части релевантные различным типам дискурса;
3) рассмотреть лексические средства передачи информации;
4) представить результаты контекстологического анализа;

Актуальность данной работы заключается в поддержании интереса к исследованиям в области знаний о мире, концептологии, лингвокультурологии и других направлений лингвистики текста.

Достоверность исследования определяется большим объёмом изученного материала.

Материалом исследования являются художественные произведения английских и американских писателей – А. Кронина, М. Вилсона, Ф. Норриса, Т. Драйзера, Э. Синклера, Дж. Керуака.

Художественная литература представляет собой источник всесторонней информации о различных явлениях жизни общества разных стран и периодах времени. В произведениях художестенной лиетратуры содержатся сведения о культуре, социальном устройстве, экономике, науке, производственной деятельности. Кроме того, художественная литература содержит достаточный объём материала, касающийся антропологии, медицины и политики. Таким образом, тексты художественных произведений являются всеобъемлющим отражением картины мира. Тема взаимосвязи содержания слова и отражения им событий в жизни общества рассматривается в работах многих известных лингвистов.

Картина мира определяется как модель, формируемая в результате взаимодействия человека с миром (Маслова 2004: 47). А, следовательно, картина мира – это результат переработки информации о среде и о человеке (Маслова 2001: 64). К данному определению следует добавить, что такой подход выражает передачу представлений о мире с помощью языка и, таким образом, является языковой картиной мира.

В результате исследования художественных произведений английских и американских писателей, можно сказать, что широкий спектр различных сторон жизни общества рассматривается не только в однородном, последовательном описании, т.е. в тексте, но и в отдельных информационно самостоятельных структурах фреймового характера, а именно в дискурсах.

Суммируя различные трактовки дискурса, можно определить его как самостоятельное текстовое образование, через которое передаётся и воспринимается информация на уровне коммуникации. Дискурс коротко определяется как текст в ситуации общения (Карасик 2004: 5). В общем, дискурс характеризуется как прагматичная категория процесса, проявляющаяся в актуализации лингвистической конструкции текста (Зяблова 2012: 223). Наиболее полно структура и типы дискурса представлены в работе «Языковой круг» (Карасик 2004).

Анализ художественных произведений показывает, что их дискурсные части представляют собой определённые фреймовые структуры, создаваемые различным количеством носителей, объектов и реципиентов информации. На основе этого показателя фреймовые структуры дискурсных описаний можно представить в виде геометрических фигур – треугольник, квадрат, пяти(шести)угольник и т.д.

Примером дискурсного фрейма в виде треугольника может служить встреча главного героя Горина с коллегой, которая ему очень нравилась. По сути, это было свидание, хотя и в институтском помещении, в комнате для семинаров, на котором они должны были говорить о своих чувствах. Но разговор пошел о делах, о науке. Горин сказал о работе над установкой дейтрон-дейтронового оборудования: *"We're thinking of… setting up a deuteron-deuteron outfit".* Затем в описание беседы вводится дискурсный текст химической направленности: *"This deuteron thing is really good… I'll show you how it works. He went to the board… and wrote* $_1D^9 + {}_1D^2 = {}_2He^3 + {}_0n^1$*"* (Mitchell 1957: 251).

Фреймы характеризуются как обобщённые структуры определённых представлений стереотипных ситуаций (Минский 1979: 7).

Другое определение фреймов непосредственно связанно с темой отражения картины мира и характеризует это понятие как модели для измерения и описания знаний, хранящихся в памяти людей. А в памяти хранятся совершенно разные образы фрагментов мира (Карасик 2004: 127).

Наиболее существенным понятием фрейма является то, что фреймы – это структуры языкового воплощения представления знаний о мире (Колесов 2014: 134).

Анализ текстового содержания художественных произведений выявил, что они содержат не только основное фабульное описание событий, но и ограниченные вставки дополнительной информации, идущей либо от автора, либо от одного или нескольких персонажей, либо из экстралингвистических источников.

Примером такого содержания является ситуация в романе «Нефть!»: *«Underneath the wind-shield were dials and gauges in complicated array: a speedometer…; a clock, and an oil gauge, a gas gauge, an ammeter, and a thermometer. All these things were in Dad's consciousness – still more complicated machine. For, after all, what was ninety horse-power compared with a million dollar power? An engine might break down, but Dad's mind had the efficiency of an eclipse of the sun» (Sinclair 2007: 7).*

В общем контексте описания поездки главного героя романа «Нефть!», Росса, приведённый отрывок можно принять за размышления сына, ехавшего с ним. На самом деле знание идеологической направленности романов Эптона Синклера говорит о том, что слова «могла ли машина в девяносто лошадиных сил выдержать сравнение с силой многих миллионов долларов» принадлежат автору.

Во всех анализируемых художественных произведениях выявляются дискурсные описания различных типов: культурологические, социологические, антропологические, когнитивные, научно-технические, медицинские, политические.

Понятие «культура» – очень широкое и включает в себя многообразное отражение окружающей человека действительности. Универсальным проявлением культуры является язык. Текстовое содержание исследуемых произведений показывает, что в содержание понятия «культура» входят традиции народа, условия формирования производственных отношений, создание благоприятной окружающей среды, экономические показатели (состояние промышленного и сельскохозяйственного производства).

Показателем культуры народа в плане создания благоприятной окружающей среды является описание дороги, по которой едет главный герой романа «Нефть!»: *«The road ran, smooth and flawless, the edges trimmed as if by shears, a ribbon of grey concrete…. … you had no fear, for you knew the magic ribbon would be there, clear of obstructions, unmarred by bump or scar…» (Sinclair 2007: 1).*

Редкие случаи достойного отдыха путешествующих персонажей описаны в романе Дж. Керуака «В дороге»: *«Central City became a ghost town, till the… Chamber of Commerce… decided to revive the place. They polished up the opera house, and every summer stars from the Metropolitan came out and performed. It was a big vacation for everybody. Tourists came from everywhere, even Hollywood stars. … As for me I was scheduled to be a guest at the opera that afternoon…. The opera was "Fidelio". …I was*

so interested in the opera that for a while I forgot the circumstances of my crazy life and got lost in the great mournful sounds of Beethoven and the rich Rembrandt tones of his story» (Kerouac 1991: 46-47).

Однако, достаточное количество эпизодов в различных романах можно отнести к антикультуре. Например, *«I wandered down to the railroad tracks… and wound up in a gloomy old Plains inn of a hotel by the locomotive roundhouse, and spent a long day sleeping on a big clean hard white bed with dirty remarks carved in the wall beside my pillow and the beat yellow windowshades pulled over the smoky scene railyards» (Kerouac 1991: 15).*

Культура народа проявляется в благоустройстве его городов, а также в сервисном обслуживании населения во всех сферах жизни – дорожном сервисе, организации питания, оказании медицинских услуг.

Культурологические описания в произведениях художественной литературы тесно связаны с социологическими факторами жизни страны. В объёмном содержании романа Э. Синклера «Король-Уголь» раскрываются стороны жизни общества, соответствующие всем перечисленным выше типам дискурса. События, описанные в романе, не придуманы, а являются обобщённым подлинным отражением картины жизни шахтёрских посёлков в разных угольнодобывающих частях страны.

Не случайно ключевым словом начала описания событий является «социология». Главный герой романа, студент Хал, после проникновения и ареста в закрытом, охраняемом посёлке, на вопрос начальника охраны ответил, что цель его поездки – летняя практика по курсу практической социологии: *«…it's a summer-course in practical sociology» (Sinclair Book II: Ch. 21)*. На протяжении своего многостраничного романа автор через своего героя описывает и разоблачает тяжелейшие условия работы и жизни шахтёров. Говорится об отсутствии вентиляции, крепёжного материала, плохом освещении забоев, о том, что люди задыхаются от угольной пыли, человеку нельзя разогнуться при высоте проходки в пять футов. Чтобы собрать достоверный практический материал для своей курсовой работы по социологии, Хал устроился работать в шахту. Вот как автор романа описывает в дискурсном комментарии физическое состояние Хала: *«Hal's back burned as if hot irons were being run up and down it; every separate joint and muscle cried aloud… And then the gas, and the smoke of powder, stifling one; and the terrible burning of the eyes, from the dust and the feeble light. There was no way to rub these burning eyes, because everything about one was equally dusty» (Sinclair Book I: Ch. 22).*

Ясно, что беспределу и беззаконию такой эксплуатации должен быть положен конец и показательными в этом являются дискурсные включения, представленные в виде аллюзии, в котором Хал предупреждает о взрыве среди рабочих: *«… the shepherds are asleep; but the watch-dogs are barking. Haven't you heard them?... They are barking, barking! They are going to wake the shepherds! They are going to save the sleep!»* (Sinclair Book II: Ch. 22).

Во всех исследованных художественных произведениях даются яркие содержательные психологические характеристики персонажей. Они либо положительные, либо отрицательные. Во многих случаях, авторы благодаря антропологическому подходу, выражают своё отношение к происходящим событиям.

Критически раскрывая понятие «собственность» и говоря о постоянном обсчёте рабочих, автор романа «King-Coal» вводит в контекст повествования воспоминания Хала об одном из владельцев Топливной компании Харригане, который заявлял, что он первый борец за дивиденды: *«I am a great clamourer for dividends!» (Sinclair Book I: Ch. 18).*

Умелым приёмом короткой реплики создаётся характеристика главного персонажа романа «Нефть!» Арнольда Росса. О нём мы узнаем из описания поездки в автомобиле: *«So it was that Dad had a right to have the road clear; that was the meaning of the sharp military voice of the horn, speaking through its nose: … Dad is coming! Get out of the way!». «The voice of his horn was sharp and military; there was in it no undertone of human kindness» (Sinclair 2007: 4.6).* Характеристика Росса красноречиво передаётся автором через размышления его сына: *«If there were a breakdown of the car, he would… hail a passing motorist and get a ride to the next town, and there rent the best car… or buy it... and drive on, leaving the old car to be towed in and repaired. Nothing could stop Dad!» (Sinclair 2007: 10).*

Следует отметить, что в художественных произведениях социологическую, антропологическую и когнитивную функцию во многом осуществляют научно-технические термины. Эта тема более подробно рассмотрена в монографии, посвящённой стилистической функции английских научно-технических терминов (Воскресенская 2013).

Многие интердискурсные включения текстов художественных произведений выполняют когнитивную функцию. Это относится к научно-техническим описаниям, включающим экономические термины в романе Т. Драйзера «Финансист», физические – в романе М. Вилсона

«Жизнь во мгле», химические – Э. Синклера «Нефть!», медицинские – А. Кронина «Цитадель», автомобильные – А. Хейли «Колёса», авиационные – Дж. Олдриджа «Последний дюйм», «Дело чести», сельскохозяйственные и юридические – Ф. Норриса «Спрут».

Обилие банковских, финансовых и биржевых терминов в романе «Финансист» расширяет познания читателя, рассчитано на его релевантную подготовку и раскрывает широкую картину экономической деятельности и денежной системы страны. Показательным в этом плане является речь одного из владельцев биржевой компании: *«If I could just live long enough I could rich buyin' up Pennsylvania notes and bonds. ... when any new to be undertaken bonds were necessarily issued to raise the money. These bonds, or warrants, they were called, pledged interest at six per cent; but when the interest fell due, instead of paying it, the city or state treasurer… stamped the same with the date of presentation, and the warrant then bore interest for not only its original face value, but the amount then due in interest. ... But this did not help the man who wanted to raise money, for as security they could not be hypothecated for more than seventy per cent of their market value, and they were not selling at par, but at ninety» (Dreiser 2008: 33,34).*

Одно из дискурсных описаний в романе «Нефть!» даёт информацию о процессе перегонки нефти, не только с использованием специальных химических терминов, но и с химической формулой. В этом дискурсе функционируют такие термины, как *still* – перегонный куб; *crude oil* – сырая нефть; *cracking process* – процесс перегонки, *continuous distillation* – последовательное дистиллирование. Процесс перегонки сырой нефти осуществляется следующим образом: *«The product from each still was run into a big condenser, and from there into its own tank; so you got gasoline of several qualities, and kerosene and benzine and naphtha, and a dozen different grades of lubricating oil, and petrolatum, and thick, black lovely tar, and endless pans of smooth, white paraffin wax» (Sinclair 2007: 256).*

Статус научного текста обычно определяется его целью – фиксировать и передавать научные знания через специальную терминологию. Сутью научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога: зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет учёного (Карасик 2004: 277). Все эти места сбора и бесед учёных в избытке и подробно описаны в романе М. Вилсона «Жизнь во мгле».

О научном дискурсе говорится, что его стратегии реализуются в его жанрах – научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, научно-технический отчёт, рецензия, реферат, аннотация, тезисы (Карасик 2004: 279). К этому следует добавить, что учёные-физики в романе М. Вилсона в полной мере реализуют результаты своих исследований в работах, соответствующих перечисленным жанрам.

В произведениях художественной литературы коммуникация между персонажами происходит не только на бытовом, научном или производственном уровне. Герои романов ведут разговоры и о политике, чаще всего такие части текста не связаны непосредственно с содержанием, а являются средством выражения точки зрения автора на политическую обстановку в мире. Такие тексты можно назвать политическим дискурсом.

Как показывает анализ содержания художественных произведений, политический дискурс возникает, когда создаётся политическая, экономическая или военная угроза стране, где происходят описываемые события. Приведём в качестве примера ситуацию из романа «Жизнь во мгле», а затем текст политического дискурса. Профессор Хэвиленд и аспирант Эрик Горин узнали, что кто-то проводит опыты с ураном. Сами они занимались нейтронной бомбардировкой (neutron bombardments), а затем расщеплением атомного ядра (fission). Горин знал, к чему могут привести такие исследования, но, тем не менее, не разделил беспокойства профессора и сказал: *«… but you don't expect me to swallow all that sensational stuff about super-bombs-to-come» (Wilson 1957: 369-370).* Затем идёт политический дискурс: *«Nothing was practical except his own work. The outside world made less sense than ever with the war seeming closer every day ever since Hitler had violated the Munich agreement and had taken over Czechoslovakia and Austria» (Wilson 1957: 370).*

В романе «Нефть!» политический дискурс напрямую отражает экономические отношения между странами: *«…our troops were in Siberia because American bankers and big business men had loaned enormous sums of money to the government of the Tsar, both before the war and during it; the Bolshevik government had repudiated these debts…» (Sinclair 2007: 250).*

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1) научно-технические термины передают научные знания вне терминологического поля, в произведениях художественной литературы.

2) дискурсные части текстов имеют различную структуру и тематическую направленность.

3) различные типы дискурса взаимодействуют друг с другом и являются наиболее полным отражением картины мира.

Библиографический список:

1. Воскресенская Л. И. Стилистические функции английских научно-технических терминов: монография [Текст] / Л. И. Воскресенская. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013.
2. Зяблова Н. Н. Дискурс и его отличие от текста [Текст] / Н. Н. Зяблова. Чита: Молодой учёный, № 4 (39), 2012.
3. Карасик В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2004.
4. Колесов И. Ю. Знание о мире, как предмет лингвистики [Текст] / И. Ю. Колесов Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: Материалы II международной научной конференции, Барнаул, 8-10 октября 2014. Барнаул, 2014. С. 131-136.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие [Текст] / В. А. Маслова. М.: Академия, 2001.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова Минск: Тетра Системс, 2004.
7. Минский М. Фрейм для представления знаний [Текст] / М. Минский. М.: Энергия, 1979.

Список источников иллюстративного материала

1. Dreiser Th. The Financier [Text] / Th. Dreiser. N.Y.: Penguin Books, 2008.
2. Kerouac J. On the road [Text] / J. Kerouac. London: Penguin Books, 1991.
3. Sinclair Up. Oil! [Text] / Up. Sinclair. N.Y.: Penguin, 2007.
4. Sinclair Up. King-Coal URL: http//www.gutenberg.org/cache/epub/7522/pg7522.htme.
5. Wilson M. Live with Lightning. [Text] / M. Wilson. M.: Foreign Languages Publishing House, 1957.

Золотарева Н. В., г. Екатеринбург, Россия

ЭВФЕМИЗМЫ И ДИВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются особенности эвфемистических и дисфемистических конструкций в современном языке. Кроме того, сделана попытка определить, какие группы факторов способствуют появлению и развитию подобных конструкций. Автор также выделяет основные аспекты дисфемии и описывает их характеристики, проводит грань между дисфемизмами и лексикой сниженного стиля.

Ключевые слова: эвфемизмы, дисфемизмы, прагматический аспект, политический дискурс

EUPHEMISMS AND DYSPHEMISMS IN MODERN LANGUAGE

Abstract. The article analyzes the peculiarities of euphemistic and dysphemistic constructions in the modern language. In addition, an attempt is made to determine which groups of factors contribute to the appearance and development of such structures. The author also highlights the main aspects of dysphemia and describes their characteristics, draws a line between dysphemisms and vocabulary of reduced style.

Keywords: euphemisms, dysphemisms, pragmatic aspect, political discourse

Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, – стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта (Коваленко 2017: 33). В эвфемизмах иначе, в более вежливой форме – по сравнению с иными способами номинации – называют объект, действие, свойство. Эвфемистические средства весьма разнообразны. К ним прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение и т.п. Это объясняется тем, что язык любого общества - открытая динамичная структура, семантические рамки которой постоянно расширяются, бесконечно «изобретать» новые слова и обороты невозможно. Следовательно, возникает вопрос об экономном и рациональном использовании языковых ресурсов (Гончарова 2017: 747). В какой-то степени данный факт может объяснить использование эвфемистичексих структур. Таковы, например, словосочетания *либерализация цен, освобождение цен, упорядочение цен, свободные цены* в языке современной прессы, в речевой практике экономистов, представителей власти и др. В буквальных своих значениях эти сочетания могут прилагаться к любым ценам и любым процессам, происходящим с ценами: понижению, повышению, сохранению на том же уровне, приведению их в порядок, как это следует из смысла слов *освобождение, либерализация, свободный, упорядочение*. Однако в действительности они обозначают рост цен, более высокие, чем прежде, цены, но обозначают, так сказать, не впрямую, а вуалируя малоприятное для большинства людей явление. Следует отметить, что относительно частым

мотивом использования эвфемизма может быть морально-этический фактор, т.к. запрет на использование некоторых слов и выражений накладывается рядом причин, как социальных, так и психологических. В обществе не принято говорить о том, что представляется грубым или непристойным, соответственно, слова, обозначающие эти явления, не употребляются интеллигентными людьми. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева в этой связи указывают, что «всякое социальное поведение (в том числе и речевая деятельность) регламентируется определенными правилами, нормы речевого поведения относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно-обязанными членами общества» (Арутюнова, Падучева 1985: 21).

Явлением, противоположным эвфемизму, является дисфемизм. Это грубое или даже непристойное обозначение изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или для усиления экспрессивности речи. В «Словаре лингвистических терминов» О. С.Ахмановой приводится следующая дефиниция: дисфемизм (дефемизм, какофемизм) – это «троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» (Ахманова 2004: 175).

В прагматическом аспекте дисфемии выделяются два аспекта: социальный и психологический. Необходимо осознавать, что обе указанные стороны дисфемии являются взаимопроникаемыми, а потому и функционируют всегда вместе. Более того, они могут влиять друг на друга и благодаря эффекту синергии выступать в роли «двигателя» дисфемизации речи (Коваленко 2017: 30).

Сущность социального аспекта следует понимать в определенном наборе повседневных проблем, возникающих в социуме. В свое время именно эти проблемы формируют особое психологическое состояние, неизбежно приводящее к дисфемии в речи. Кроме того, авторы (Алберти, Элтони 1998: 21) отмечают, что отдельным пунктом в изучении прагматики дисфемии является игровой аспект дисфемизмов, точнее эмоциональная разрядка, получаемая в ходе такого употребления рассматриваемого явления. В подобных случаях говорящий получает возможность выйти за рамки дозволенного, не встретив при этом критики и порицания.

Изучение прагматических предпосылок дисфемии позволяет выделять ряд задач, решаемых посредством дисфемии, например, функцию обвинения (упрека), функцию оскорбления, функцию понижения, социального статуса оппонента, функцию угрозы, функцию приободрения, функцию установления положительного контакта через поношения третьего лица, дисфемия как искусство среди образованных людей.

В современном английском языке дисфемизмы достаточно часто встречаются в политическом дискурсе. Употребление дисфемизмов в речи политиков и других представителей власти обусловлено их желанием быть ближе к народу, быть более понятными. Наиболее распространенными дисфемизмами политического дискурса являются такие лексические единицы как: *apologist, bludger, classwarfare, do-gooder, overthink, politicize, populist, reactionary, bureaucrat* и т.д. Дисфемизмы социально чувствительны как в плане выражения семантического значения, так и в аспекте коммуникативных норм и речевого употребления. Исследование прагматического потенциала дисфемизмов неизбежно приводит к обращению к контексту.

Частотность употребления дисфемизмов в прессе обусловлена сегодняшней политической ситуацией в мире. К наиболее распространенным дисфемизмам целесообразно отнести пейоративные слова и выражения как: *extremist, insurgent, terrorist, regime, despotic, subversive, illegal immigrant, economic refugee* и т.д. В прессе имя *ambulance* периодически подменялось именем *meatwagon*, а места чрезвычайных катастроф и разрушений получали наименование *meatgrinder* (Коваленко 2017: 55). Необходимо отметить, что понятие дисфемии основывается на процессе переименования, важной структурной составляющей которого является метонимический и метафорический типы варьирования. Исследование показывает, что можно говорить о достаточно высокой частотности дисфемистических употреблений в речи, их регулярности и в целом – о высокой дискурсивно-речевой, социопсихолингвистической и прагмалингвистической значимости.

Дисфемизмы не являются тождественными лексике сниженного стиля. Лексика сниженного стиля является лишь частным случаем дисфемии или лежит в иной плоскости, пересекающейся с дисфемией. Дисфемия это явление речи, напрямую связанное с социально-историческими факторами и отражающее их. Дисфемия эксплицитно демонстрирует различные контркультуры, существующие в обществе, и испытывает на себе их деструктивное влияние. Фоном дисфемии служат понятия о норме и речевом стандарте, которые в свою очередь имеют множество толкований: норма философская, определяемая на основе концептов добра и зла, прагматические стандарты: речевые

привычки и соблюдение моральных и этических предписаний в речи. Дисфемия рассматривается как явление, отвергающее отмеченные выше критерии.

Библиографический список

1. Алберти Р. Самоутверждающее поведение [Текст] / Р. Алберти, М. Элтоне. СПб.: Академический проспект, 1998.
2. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева; общ. ред. Е. В. Падучевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 21–38.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
4. Гончарова Н. А. Трансформации фразеологических единиц в языке прессы [Текст] / Н. А. Гончарова // Концепт. 2017. Т. 31. С. 746–750. URL: http://e-koncept.ru/2017/970164.htm.
5. Коваленко Е. В. Пейоративная оценочность дисфимистических высказываний англоязычного публицистического дискурс [Текст] / Е. В. Коваленко // Евразийский союз ученых. 2017. № 3-2 (36). С. 40-42.

Калашникова Е.А., г. Барнаул, Россия

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ СТРАНСТВИЙ МОЛОДЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ)

Аннотация. В статье идет речь о путешествии как культурном феномене и рассматривается один из культурологически значимых для Германии видов путешествия – странствия молодых ремесленников. Странствия молодых ремесленников рассматриваются как особая культурная практика, ритуализированный вид путешествия, возникший в средние века, способствующий приобретению его участниками профессионального мастерства и опыта межличностного и межкультурного общения.

Ключевые слова: путешествие, культурная практика, странствия молодых ремесленников, межкультурная коммуникация.

TRAVEL AS A CULTURAL PHENOMENON (ON THE BASIS OF THE TRAVEL OF YOUNG ARTISANS)

Abstract. The article deals with travel as a cultural phenomenon and considers one of the types of travel culturologically important for Germany – the travels of young artisans. The wanderings of young artisans are considered as a special cultural practice, a ritualized form of travel, which arose in the Middle Ages, contributing to the acquisition by the participants of professional skills and experience of interpersonal and intercultural communication.

***Keywords*:** travel, cultural practice, travels of young artisans, intercultural communication.

Путешествие является одним из базовых феноменов культуры. Его исследованием занимаются представители разных научных направлений и видов деятельности от культурологов до маркетологов. Это объясняется тем, что путешествие играет важную роль в жизни человека. Считается, что тяга к передвижению и смене мест заложена в генетической программе человека и роднит его со склонными к кочевью иными представителями живой природы (http://www.reisegeschichte.de/reisen/reisedef.htm). Изначально путешествие служило удовлетворению жизненно важных потребностей человека, связанных с освоением пространства, поиском мест проживания и ведения хозяйства. Вместе с тем путешествие способствовало и «узнаванию иных возможностей мира человеческих отношений, иных способов сосуществования людей» (Черепанова 2006:12). Это обусловило превращение путешествия в одну из культурных практик, удовлетворяющую значимые для человека потребности. Благодаря путешествию человек преодолевает границы повседневности собственного существования, осваивает новые культурные пространства и постигает смысл других культур (Черепанова 2006).

Являясь категорией культуры, путешествие также исторично. По наблюдениям исследователей, в каждую культурную эпоху путешествие приобретает свои особые черты, и с каждой культурной эпохой соотносится определенный доминирующий тип путешествия (Зорин 2011; Hlavin-Schulze 1998). Путешествия в донаучном мире воспринимаются через призму путешествий-приключений мифологических персонажей. Путешествия античности ассоциируются со странствиями ученых, философов, цель которых заключалась в познании мира, и с Олимпийскими играми Древней Греции, прообразом современного спортивного туризма. Путешествия раннего средневековья, отмечают исследователи, носят в основном паломнический характер, а путешествия эпохи Возрождения – характер великих географических открытий (Зорин 2001). В эпоху просвещения

и романтизма путешествие служит познавательным целям, оно приобретает характер экскурсии, поездки или прогулки, в процессе которой «человек открывает для себя привлекательность моря, гор, сельских ландшафтов, античных развалин» (Зорин 2001:13). Путешествие эпохи индустриализации отмечено зарождением туризма, а путешествие современности воспринимается как явление массового туризма (Зорин 2001: 13).

Культурологическая сущность путешествия проявляется, на наш взгляд, также в том, что оно имеет свои особенности в каждой этнической культуре. Изучение этого аспекта путешествия может составить особый исследовательский интерес. Обратимся, например, к Германии. Как известно, немцы любят путешествовать. Еще в 19 веке Л. Берне утверждал, что лишь в путешествии немец может радоваться жизни. Современные немцы считают себя одной из самых путешествующих наций (eines der reiselustigsten Völker) и называют себя чемпионами мира по путешествиям (Reiseweltmeister). В истории путешествия Германии много интересных вех. Особое внимание привлекают к себе, например, странствия молодых ремесленников как культурологически значимый вид путешествия (Lemke 2002).

Странствия молодых ремесленников имеют давнюю историю. Они восходят к средневековью и представляют собой традиционный для Германии способ приобретения мастерства ремесленниками, прошедшими годы ученичества и представляющими разные профессии: от плотника, каменщика, кровельщика, печника до портного, керамиста, электрика, булочника, ювелира. В процессе странствий молодой ремесленник осваивает опыт многих мастеров своего дела и приобретает в работе с ними соответствующую квалификацию. После завершения такого способа обучения подмастерья становятся равноправными членами своей профессиональной гильдии и пользуются преимуществами при найме на работу по сравнению с выпускниками ремесленных училищ, не прошедшими эту своеобразную школу жизни. В прошлом странствия молодых ремесленников завершались присвоением им звания мастера.

Странствия молодых ремесленников – очень ритуализированный вид путешествия, он имеет свою символику и свои строгие правила (http://www.stoimetz.de/Info.html). Вот некоторые из них: Путешествие, как правило, должно продолжаться три года и один день без перерыва. Странствующий ремесленник не должен иметь обязательств типа долгов, судимости и пр., быть холостым. Он не может приближаться к месту своего проживания менее чем на 50 км. До сих пор предпочитается пеший вариант путешествия, хотя можно пользоваться и автостопом. Все остальные виды транспорта, кроме личного автомобиля, тоже разрешены, но считается, что пользоваться ими не этично. Контакт с близкими осуществляется, как правило, по Интернету. Мобильные телефоны не приветствуются. Путешествия молодых ремесленников курировались в прошлом профессиональными гильдиями, в настоящее время эту функцию выполняют объединения странствующих подмастерий. В современной Германии шесть таких организаций.

Странствующего ремесленника можно узнать по внешнему виду: у него широкополая черная шляпа или цилиндр, грубые башмаки, двубортный пиджак с жилеткой, белая рубашка без воротника и брюки-клеши. Непременными атрибутами являются также посох, узелок с вещами и спальной мешок на случай ночевки под открытым небом. В одежде и атрибутах странствующего подмастерья присутствует много символов. Шесть пуговиц на пиджаке означают шестидневную рабочую неделю, а восемь пуговиц на жилете – восьмичасовой рабочий день. Представителей различных профессий опознают по цвету пиджака, жилета, расцветке повязки на шее и узору на ней. На посох странника наносится символика ремесла и организации. Символична и роспись ткани котомки. На ней также присутствуют опознавательные маркеры профессии: изображение орудий труда и, как дань времени, рекламные тексты и слоганы типа:

Frei seins wir, frei ist der Rolandschacht.

Bei Regen, Schnee, Sturm und Eis haben wir die ganze Welt bereist.

Rund ist die Welt, drum, Brüder, lasst uns reisen! (https/rolandschacht.org/charlottenburger.html)

С культурной практикой странствующих ремесленников в немецком языке соотносится целый пласт лексики. Утверждается даже, что эта категория немецкоязычной языковой общности имеет свой тайный язык. В нем присутствуют давно забытые понятия и устаревшие обороты. В прошлом странствующие подмастерья очень часто использовали ритуальные формы обращения, сопровождали каждый ритуал специальным текстом. Как особый ритуал оформлялись, например, прибытие странствующего подмастерья на новое место и его встреча с новыми коллегами. После характерного стука в дверь мастерской ремесленника следовал следующий диалог между странником и представителем принимающей стороны, тоже подмастерьем:

Geselle (G:) Mit Gunst und Erlaubnis! Ein Fremder?

Wandergeselle (W): Mit Gunst und Erlaubnis! Aufzuwarten.

G: Mit Gunst und Erlaubnis! Von wegen des Handwerks?

W: Mit Gunst und Erlaubnis! Aufzuwarten.

G: Mit Gunst und Erlaubnis. Ehrbarer Steinhauer kann eintreten (Schottner 1994:15).

В приведенном примере обращает на себя внимание, прежде всего, форма текста. Приветствие начинается и завершается репликами подмастерья, представляющего местную ремесленную школу. Он доминирует в диалоге, говорит вежливо и доброжелательно, проявляя уважение к страннику и его ремеслу. Лексически это проявляется в двукратном использовании ритуальной формулы приветствия mit Gunst und Erlaubnis и прилагательного ehrbar. Это прилагательное очень часто используется и в речи современных странствующих подмастерий. Ehrbar означало и означает верность кодексу профессиональной чести ремесленника. Определения ehrbar удостаивается лишь странник, честно и достойно представляющий определенное ремесло и определенную профессиональную гильдию, что отличало и отличает его от бродяг и прочих странствующих. В приведенном выше диалоге, странствующий подмастерье вежливо реагирует на слова в свой адрес, используя также ритуальную формулу приветствия mit Gunst und Erlaubnis и дважды повторяя конструкцию Aufzuwarten, выражая тем самым свое глубокое уважение перед принимающей стороной и желание быть ей полезным, предложить, по возможности, и свои услуги. Эти значения присутствуют в семантической структуре и современного глагола aufwarten. (Ср.: aufwarten – (Gäste) bedienen и einen Höflichkeitsbesuch machen). Они отражены в словаре duden. de и снабжены пометами как устаревающее (veraltend) и возвышенное (gehoben) соответственно. Обращает на себя внимание как бы неожиданно возникшее в последней реплике диалога обозначение профессии странника (Steinhauer). Это говорит о том, что представленная в одежде странника символика и характерный стук в дверь помогали без труда опознать в страннике-чужаке (он так и именуется в диалоге – Fremder) представителя той или иной профессии. Выражаясь современными категориями, можно говорить о высококонтекстном типе этой субкультуры.

Поскольку каждый ритуал странствующих ремесленников сопровождался специальным текстом, то им приходилось заучивать большое количество текстов, чтобы произвести положительное впечатление на принимающую сторону и соблюсти профессиональный кодекс. Многие из имевшихся в прошлом ритуалов не поддерживаются современными странствующими ремесленниками. Но и сегодня они активно используют в своей речи лексику своих предшественников. В целом в их лексике представлены следующие типы номинаций:

1) наименования этого типа путешествия: die Wanderschaft, die Wanderjahre, die Gesellenwanderung, die Walz, die Tippelei, die Tippeltour;

2) наименования непосредственных участников этого типа путешествия: der Wandergeselle, die Wandergesellin, der Wanderbursche, der Tippelbruder, die Tippelschwester, der Fremdgeschriebene, der Fremde, der Aspirant/der Aspi, der Einheimischer, der Harzgänger, der Junggeselle/der Jungscher, der Kamerad/der Kamerud, das Schlitzohr, der Freireisende, der Wildreisende;

3) наименования прочих лиц, также причастных к странствию молодых ремесленников: die Tippelschickse, der Krauter, der Altgeselle, der Buchgeselle, der Exportgeselle/der Export;

4) наименование ремесленников, не участвующих в странствиях: der Kuhkopp;

5) наименования организаций/объединений странствующих подмастерий: der Schacht (der Rolandsschacht);

6) наименования деталей одежды путешественников и других атрибутов путешествия: die Kluft, die Staude, der Stenz, der Charlottenburger/ der Charlie, der Berliner, das Wanderbuch, die Ehrbarkeit;

7) наименования действий и ритуалов, сопровождающих этот вид путешествия: auf die Walz gehen, walzen, erwandern, schnacken, der Schnack, der Rundschnack, schmoren, den Stiefel schmoren, schallern, klatschen, der Klatsch, schanigeln, schenigeln, schniegeln, vorsprechen, das Aufklopfen, fechten, der Schlag, einheimisch werden, Platte reissen, ausflaggen, der Handschenk, auf den Hund geraten.

В приведенных примерах обращает на себя внимание сочетание в них элементов разных слоев лексики: общеупотребительной, разговорной и жаргонной, архаизированной и актуальной лексики, общепонятной и эвфемизированной, что отражает многомерность мира странствующих ремесленников: живущих в современном мире, но соблюдающих традиции своих предшественников; людей, следующих строгим правилам странствий и ценящим свободу. Эта лексика представляет большой исследовательский интерес. Ее анализ мог бы позволить глубже познакомиться с данной культурной практикой и расширить, таким образом, представления о культуре страны изучаемого языка в целом.

В современной Германии путешествия молодых ремесленников рассматриваются не только как важная составляющая в процессе профессионального становления личности. Знакомство с новыми мастерами своего дела и новыми технологиями, несомненно, имеет профессиональную значимость: оно служит обмену опытом, популяризации ремесла. Но, помимо этого, путешествия молодых ремесленников рассматриваются как фактор социализации личности. Им приписывается важная воспитательная и коммуникативная функция. В процессе странствий молодые люди открывают мир и вступают с ним в диалог, ибо только в этом случае они достигают искомой цели: обретают ремесло и формируют себя. В процессе современных странствий, возможных теперь уже не только на территории Германии, но и за ее пределами, осваиваются новые культурные пространства, и странствия служат межкультурной коммуникации. Таким образом, данная культурная практика способствует реализации многих функций, свойственных культуре вообще. Очевидно, именно поэтому в 2015 году этот вид путешествия был отмечен ЮНЕСКО как культурное достояние.

Представляется, что обращение к подобной тематике на занятиях по межкультурной коммуникации или лингвострановедению могло бы расширить культурологический кругозор обучающихся, преодолеть несколько стереотипизированное представление о Германии как стране философов и поэтов и концепте ORDNUNG как олицетворении образа жизни немцев.

Библиографический список

1. Зорин И. В. Путешествие как феномен и феменология путешествий [Текст] / И. В. Зорин // Вестник РМАТ. 2011. №1. С. 10-14
2. Черепанова Н. В. Путешествие как феномен культуры [Текст] : автореф. дис. … канд. наук / Н. В. Черепанова. Томск, 2006
3. Hlavin-Schulze K. Man reist, um nicht anzukommen [Text] / K. Hlavin-Schulze. Frankfurt-am-Main, 1998.
4. Lemke G. Wir waren hier, wir waren dort. Zur Kulturgeschichte des modernen Gesellenwanderns [Text] / G. Lemke. Köln, 2002.
5. Schottner A. Das Brauchtum der Steinmetzen in den spätmittelalterlichen Bauhütten und dessen Fortleben und Wandel bis zur heutigen Zeit [Text] / A. Schottner. Münster; Hamburg, 1994.
6. Rolandschacht. URL: https/rolandschacht.org/charlottenburger.html
7. Schachtunabhängiges Wandergesellenportal für Steinberufe und andere Fremde URL: http://www.stoimetz.de/Info.html

Кожанова Н. В., г. Барнаул, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗЮМЕ СОИСКАТЕЛЯ ВАКАНСИИ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. Статья посвящена структурным и семантическим особенностям текста резюме в русской и немецкой лингвокультурах. Автор анализирует пакет документов, характерных для немецкой лингвокультуры, которые выступают аналогом резюме на русском языке. Делается вывод об особой роли грамматических средств когезии в построении единого семантического пространства данных текстов, рассматриваемых как сложное синтаксическое целое.

Ключевые слова: резюме, документная лингвистика, деловая коммуникация, лингвокультура

COMPARATIVE ANALYSIS OF RESUME IN RUSSIAN AND GERMAN CULTURES OF LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to structural and semantic peculiarities of the resume in Russian and German cultures of language. The author analyzes the set of documents characteristic of German culture of language which functions as analogy of the resume in Russian. The author makes the conclusion about the great role of grammatical means of cohesion in constructing the unified semantic space of such texts which are viewed as a complex syntactic whole.

Keywords: resume, documentary linguistics, business communication, culture of language

В наше время сложно представить себе жизнь без Всемирной сети Интернет. Сеть проникла во все сферы нашей жизни. И в профессиональной деятельности использование глобальной паутины как средства поиска работы, с одной стороны, и средства поиска персонала, с другой, стало делом привычным и повседневным. В каждом регионе существует несколько десятков сайтов, в том числе, и узкоспециализированных, на которых ищущие работу и работодатели могут «обрести» друг друга (Рекрутмент и Интернет: «плюсы» и «минусы» сотрудничества).

Изначально подбор кандидатов через Сеть стал популярен в Европейских странах, таких как Великобритания, скандинавские государства, Голландия и Германия и в Америке, что обусловлено быстрым развитием компьютерных технологий. Есть мнение, что сейчас этот способ подбора кадров стал наиболее востребованным. Каждый специалист может найти подходящую вакансию на сайте, а может разместить собственное объявление-резюме, чтобы продемонстрировать свои профессиональные качества, в надежде, что, ознакомившись с ним, потенциальные работодатели пригласят кандидата в свою организацию с лучшими условиями труда.

В условиях рыночной экономики каждый член общества является участником рынка труда, специфика которого видится через призму культурных, экономических, социально-исторических особенностей развития общества. Процесс глобализации значительно усложняет способы взаимодействия участников рынка труда, так как предполагает вовлечение в деловую коммуникацию носителей различных языков и представителей различных культур. Поэтому актуальным становится изучение «вербальных особенностей ментальной репрезентации знаний в ситуации трудоустройства, обусловленных ценностно-познавательной спецификой языковой картины мира» (Тойкина 2014). Все больше исследователей в последние годы обращаются именно к феномену делового письма, в частности, к текстам резюме (Тойкина О.В., Ярцев С.А., Коряковцев С.А. и др.).

Несмотря на процессы унификации в области международной деловой коммуникации, в практике делового общения наблюдаются значительные отличия, обусловленные когнитивными особенностями актуализации языковых смыслов в каждой из лингвокультур. В ситуации трудоустройства в различных странах существуют разные языковые произведения участников коммуникативной ситуации, общей прагматической целью которых является получение работы.

В Германии в ситуации поиска работы у потенциального работодателя требуются: резюме (*Bewerbungsanschreiben*), биография (*Lebenslauf*), список профессиональных компетенций (*Dritte Seite, Kompetenzenprofil*), список аттестатов, свидетельств, грамот с приложением их копий (*Zeugnisse*), отзывы или характеристики с предыдущих мест работы (*Referenzen*); в России: резюме.

Резюме как вид делового письма, содержащего заявление соискателя о его желании получить определенную должность, называется в немецком Bewerbungsanschreiben или *Bewerbung*/ *Motivationsschreiben*. В русском языке резюме является документом, который с формальной точки зрения представляет собой анкету. В содержательном плане данный документ является автобиографией и соответствует представлениям о жанре автобиографии в рамках институционального делового дискурса, обозначающегося в немецком языке словом *Lebenslauf*. Жанр резюме представлен в различных языках разными названиями, соответствующими традиционным представлениям о социальных речеповеденческих нормах в ситуации трудоустройства в каждой из лингвокультур (Тойкина 2014).

На этом различия в понимании феномена резюме не заканчиваются. В российских реалиях резюме называются и тексты объявлений, размещаемых в СМИ, в нашем случае, на сайтах трудоустройства в сети Интернет. Однако в Германии такие тексты называются *Stellenanzeigen* (die *Stellenanzeige* – объявление о найме на работу) и размещаются в рубрике *Stellengesuche* (der *Stellengesuch* – поиск работы). Эти тексты представляют собой сокращенную версию резюме, в котором соискатель демонстрирует свои профессиональные качества. Средний объем текста резюме составляет 162 слова.

В русском языке текст резюме не образует сложного синтаксического целого, он состоит из информационных блоков, расположенных в разных графах общей информационной таблицы, содержание которых определено названием графы. Информационный блок содержит многочисленные перечисления, оформленные как односложные реплики (слова, словосочетания, простые предложения). Средний объем текста резюме на русском языке составляет 260 слов. Различие в среднем объеме текста определяется формальным подходом к изложению содержания в резюме на русском языке в соответствии с нормами деловой коммуникации в русской лингвокультуре (Тойкина).

Применительно к поиску работы, резюме – это описание способностей человека, которые делают его конкурентоспособным на рынке труда. Оно должно отображать три основных качества, требуемых от сотрудника: образованность, продуктивность и неограниченность способностей. Для соискателя – э о идеальный способ представить себя в наиболее выгодном свете, а для работодателя – своеобразный метод отсева неподходящих кандидатов (Онлайн сервисы: образцы резюме).

Структура резюме, располагаемых на российских сайтах сети Интернет (Lebenslauf online):

Название документа.

Собственно это просто слово «резюме».

Цель.

Краткое описание того, на получение какой должности соискатель претендует. Поле «Должность» содержит название желаемой должности. Часто встречаются двойные наименования должности.

Например:

Инспектор по кадрам, менеджер по персоналу;

Менеджер по персоналу/Офис-менеджер;

IT-специалист.

Общая информация.

Имя, адрес, номер телефона (включая код города), e-mail (если он есть).

Например:

Валерия, 30 лет (06.06.1984)

Барнаул;

Лидия, 45 лет (15.12.1969)

высшее образование, гибкий график

Барнаул, Железнодорожный район;

Все контактные данные скрываются. и ставится запись: для зарегистрированных работодателей.

Образование.

Образование в резюме молодого специалиста, с отсутствием практического опыта работы или его минимумом (не считая практику), занимает ведущее место. Образование указывается с датами, в обратном порядке:

основное - вуз (и название факультета) в 19__ - __ гг.;

дополнительное (параллельное) - второе высшее образование (если оно у вас есть);

важно сообщить об окончании курсов и прохождении сертификации по специальности. Например:

Образование: высшее

АлтГАКИ

Дополнительное образование

2004г. – курсы Оператора ПК + 1С Торговля

2007г. – курсы Менеджера по персоналу + 1С Кадры

2010г. – курсы Бухгалтерского учета (УДО «Ризлитт»)

*(*barnaul.rabota.ru*)*

Ключевые навыки.

Перечисляются основные, базовые навыки, которыми обладает соискатель.

Например:

Уверенный пользователь ПК, MS Office, 1С: Бухгалтерия, работа с электронными площадками, легко обучаема новым программам, ведение переговоров с контрагентами; коммуникабельность, ответственность, самостоятельность, стрессоустойчивость, обучаемость, пунктуальность, уверенный пользователь ПК, умение работать в команде; целеустремленность; ответственность; отсутствие вредных привычек. (barnaul.rabota.ru)

Трудовой опыт (практика) в обратном хронологическом порядке.

Например:

(Ольга Владимировна)

Декабрь 2004 –Январь 2015(10 лет и 1 месяц)

ООО «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия»(Барнаул)

Секретарь

1. Работа с входящей/исходящей документацией, корреспонденцией, электронной почтой, ведение электронного документооборота в программе «SharePoint»;

2. Прием и распределение телефонных звонков;

3. Ведение деловой переписки;

4. Ведение делопроизводства;

5. *Оформление распорядительной документации руководителя и доведение ее до сведений работников.* (barnaul.rabota.ru)

Дополнительные навыки работы.

В этом разделе указывается то, что характеризует собеседника как работника, но не относится непосредственно к конкретным служебным обязанностям - например:

- наличие водительских прав,
- опыт работы с ПК ,

- членство в профессиональных организациях и т.п.

Здесь же может быть отмечено знание иностранного языка, если соискатель не совсем уверен в свободном владении им.

Дополнительная информация или «хобби» (либо «награды и общественная деятельность»). Например:

Олеся

Дополнительная информация

Водительские права: B

Не курю

Замужем (barnaul.rabota.ru)

Дата составления резюме.

Пример полностью составленного и оформленного текста электронного резюме:

Менеджер по подбору персонала, 24 года

два высших образования, полный рабочий день

Барнаул, Индустриальный район

***Опыт работы** 1 год и 5 месяцев*

***Стаж работы в сфере:** 1-3 года*

Январь 2014 – Ноябрь 2014 (10 месяцев)

КГБУЗ «Алтайский краевой кардиологический диспансер» (Барнаул)

Экономист отдела госзакупа

КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая детская больница» (Барнаул)

Экономист

Ключевые навыки

Уверенный пользователь ПК, MS Office, 1С: Бухгалтерия, работа с электронными площадками, легко обучаема новым программам, ведение переговоров с контрагентами.

Образование

2013 – 2015

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Экономический Стратегическое управление очная

Дополнительное образование

«Контрактная система в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» (удостоверение о повышении квалификации)

АНО ДПО «Алтайский институт госзакупок»;(Барнаул)

Дополнительная информация

Умение организовывать/планировать работу, стремление к получению новых знаний, большое желание работать, ответственность, целеустремленность, доброжелательность, энергичность.

Водительские права: B

Гражданство: Россия

Не курю

Не замужем

Знание языков

Английский — базовый (ru.indeed.com).

Как упоминалось выше, немецкий текст объявления представляет собой небольшой фрагмент резюме и содержит традиционные формы начала и окончания письма. Основное содержание текста представляет собой связный структурированный текст, объединение частей которого достигается за счет грамматических средств когезии, а коммуникативная целостность реализуется посредством тема-рематической цепочки (Тойкина 2014).

Структура объявлений, располагаемых на немецких сайтах сети Интернет:

Общая информация.

В начале прописывается должность, профессия, возраст и пол соискателя. Например:

Diplom-Elektroingenieur (42 Jahre) sucht neue berufliche Herausforderung im Bereich Solarenergie.

Ключевые навыки.

Далее речь идет о профессиональных навыках и умениях, опыте работы, дополнительных навыках. Например:

Über 15 Jahre internationale Erfahrung in diversen Photovoltaik-Projekten, fließendes Englisch, umfangreiche SAP-Kenntnisse. Schwerpunkte: Planungs- und Projektmanagement, Durchführung von Machbarkeitsstudien, Vertragsverhandlungen in englischer Sprache.

Описание желаемой должности.

Что представляет из себя новая работа? Что бы соискатель хотел получить в конечном итоге? Что он персонально может предложить? Например:

Auf der Suche nach einer Festanstellung als Projektleiter. Gerne mit Personalverantwortung und internationaler Ausrichtung (Lebenslauf online).

Пример полностью составленного и оформленного текста электронного резюме (Германия):

Engagierte kaufmännische Mitarbeiterin sucht neue Herausforderung!

Vollzeit Stellengesuch vom 13.07.2018

Ich bin gelernte Automobilkauffrau, die zur Zeit in einem befristeten Arbeitsverhältnis steht und ab Juni 2011 eine neue Herausforderung sucht. Zu meinen täglichen Aufgaben gehören zur Zeit allgemeine Verwaltungs- und Buchführungsaufgaben, Administration im Bereich Finanzdienstleistungen,das Auftrags- und Fakturierungswesen, sowie die Terminverwaltung. Die Bearbeitung der Korrespondenz mit Kunden, Geschäftspartnern und Versicherung per E-Mail, Telefon und Schriftverkehr sind ebenso feste Bestandteile meiner Arbeit. Ich bin eine engagierte Person, die ein rasches Auffassungsvermögen besitzt und sich so schnell in neue Aufgabenbereiche einarbeiten kann. Ich suche eine neue verantwortungsvolle Aufgabe, wo ich gefordert werde und an Weiterbildungsmaßnahmen teilnehmen kann.

Zusätzliche Informationen:

Fachgebiet:	Administration-Verwaltung-Sekretariat
Bezahlung:	Keine Angabe
Region:	Adenstedt
Land:	Deutschland
Branche:	keine Zuordnung gewünscht
PLZ:	31079
Land:	Deutschland

(Lebenslauf online).

Как видно из рассмотренных выше структур, немецкие работодатели могут получить из текстов объявлений информацию о соискателях, характеризующую их профессиональные качества. Из текстов российских объявлений работодатели могут составить мнение о дополнительных качествах соискателей. Возможно, эта информация может помочь специалисту лучше адаптироваться на новом месте.

Библиографический список

1. Интернет как средство поиска работы URL: http://www.kansk-tc.ru/UserFiles/2014/student/03/82.
2. Онлайн сервисы: образцы резюме URL: http://www.rdfo.ru
3. Рекрутмент и Интернет: «плюсы» и «минусы» сотрудничества URL: http://www.cnp-consult.ru/ru/helpful_info/employer/rekrutment-i-internet.html
4. Система поиска вакансий Indeed URL: http://ru.indeed.com
5. Тойкина О. В. Лингвокультурологические аспекты институционального делового дискурса в жанре резюме [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.09 / О. В. Тойкина. Ижевск 2014.
6. Электронная база вакансий и резюме в Барнауле URL: http://www.barnaul-rabota.ru
7. Lebenslauf online URL: https://www.stellenmarkt.de/anzeige21287412.htm

Корончик В. Г., г. Севастополь, Россия

КОНТАМИНАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В РОМАНЕ СТИВЕНА КИНГА «FIRESTARTER»

Аннотация. Произведения современного американского писателя Стивена Кинга отличаются жанровой контаминацией. В статье анализируется один из самых популярных романов Стивена Кинга «Несущая огонь» (Stephen King «Firestarter»), в котором можно проследить черты жанров научной фантастики, магического реализма и триллера.

Ключевые слова: магический реализм, научная фантастика, триллер.

GENRE CONTAMINATION IN THE NOVEL OF STEPHEN KING «FIRESTARTER»

Abstract. The books of the modern American writer Stephen King are characterized by genre contamination. The article is devoted to the analysis of one of the most popular Stephen King's novel «Firestarter». The novel includes the characteristics of different genres namely science fiction, magical realism and thriller.

Keywords: magical realism, science fiction, thriller.

В последнее время в мировой литературе отмечается смешение жанровых характеристик, что приводит к появлению новых жанров. Так, появившийся в 19-м столетии жанр фантастики, со временем подразделился на новые поджанры, которые позже отделились в самостоятельные жанры – научную фантастику и фэнтези. Все эти жанры имеют схожие черты. Это, прежде всего, элемент фантастики, который присутствует во всех произведениях данных жанров. Кроме того, это определенная идея, которой пронизаны все произведения фантастических жанров – поднимаются проблемы морально-этического характера, борьба добра и зла и некоторые другие. Проявляется фантастический элемент по-разному. Эти различия ярко выражаются в хронотопе и источнике происхождения произведения. Художественный мир фэнтези создан единым разумом, как правило, актом творения Бога или дьявола. Действие происходит в прошлом, часто в Средневековье. Местом действия научно-фантастических произведений является другая планета после катастрофы, которая уничтожила или сделала непригодной для жизни Землю. Существенным отличием жанра фэнтези являются древние мифы, легенды, сказания и сказки, которые служат источником для написания произведений.

В 40-х гг. 20 века появляется новое направление фантастического характера – «магический реализм». Своего расцвета он, бесспорно, достиг в произведениях писателей Латинской Америки. Х. Кортасар, А. Карпентьер, Г. Гарсиа Маркес и Х. Л. Борхес – наиболее яркие представители этого направления – в своих произведениях смешивали реальное и ирреальное, настоящее и вымышленное. Отличительной чертой данного направления является наличие двух миров (реального и ирреального) и соответствующих компонентов.

В современной американской литературе наблюдается тенденция контаминации различных жанровых характеристик. Одним из таких авторов является Стивен Кинг. Многим читателям этот писатель знаком как автор романов в жанре «хоррор» или ужасов.

Стоит отметить, что, анализируя произведения С. Кинга, мы сталкиваемся с элементами разных жанров, которые автор искусно смешивает совершенно незаметно для читателя, что делает его романы более увлекательными. Детектив, мистика, политический роман и, наконец, «хоррор» – неотъемлемые составляющие романов С. Кинга.

В нашей статье мы рассмотрим контаминацию жанров на примере одного из самых популярных романов С. Кинга – «Несущая огонь» («Firestarter»).

В данном произведении мы видим картину повседневной американской действительности, нарисованную в форме гротеска. Действие романа происходит в 1970-е гг. во время правления президента Ричарда Никсона. Некая организация, которая в романе фигурирует под названием «Контора», проводит психологические опыты над людьми. Данные исследования субсидируются государством, и участникам опытов очень хорошо платят. Добровольцам вводят препарат – лот №6, смесь воды с химическими веществами, с целью обнаружить экстраординарные способности, которые появляются у людей после принятия данного препарата. Налицо признаки научной фантастики. Но в отличие от всемирно-известных произведений фантастического жанра действие в произведениях Кинга происходит не на иных планетах, а на земле и они сконструированы так, что, несмотря на условность, нас не покидает ощущение реальности происходящего.

Стивен Кинг – писатель, который очень обеспокоен положением человека в современном мире. Убийцы, чудовища, маньяки, люди с экстраординарными способностями – вот главные персонажи его романов. Главные герои романа «Несущая огонь» («Firestarter») соглашаются на такой опыт из-за финансовых проблем. В результате они обнаруживают в себе способность к телекинезу или психокинезу, т.е. способность одним усилием мысли оказывать воздействие на физические предметы. Таким образом, автор вводит в роман черты «магического реализма». Однако С. Кинг как будто хочет расширить грани научной фантастики и вводит еще одного персонажа – маленькую девочку, которая рождается в результате союза главных героев. Лот №6 показывает невероятное и нереальное проявление своего действия через поколение – у Чарлин Макги оказывается способность к пирокинезу, т.е. способность вызывать огонь или повышение температуры силой мысли. Сверхъестественные способности, которые до сих пор не имеют научного подтверждения, у автора выглядят обычными будничными проблемами, с которыми приходится справляться молодым родителям в процессе воспитания дочери.

Ask yourself this, Captain Hollister: how must it have been for Andrew and Victoria McGee when this child was an infant? After they begin to make the necessary connection? The bottle is late. The baby cries. At the same time, one of the stuffed animals right there in the crib with her bursts into smoky flame. There is a mess in the diaper. The baby cries. A moment later the dirty clothes in the hamper begin to burn

spontaneously. You have the records, Captain Hollister; you know how it was in that house. A fire extinguisher and a smoke detector in every single room. And once it was her Hair, Captain Hollister; they came into her room and found her standing in her crib and screaming and her hair was on fire

(King 1992: 130).

Спросите себя, капитан Холлистер: как тяжело пришлось Эндрю и Виктории Макги, когда их ребенок был совсем крошкой? Опоздали с молочной бутылочкой. Ребенок плачет. Одновременно один из игрушечных зверьков прямо там, в кроватке рядом с ней вспыхивает дымным пламенем. Испачкана пеленка. Детка плачет. Через мгновение грязное белье в корзине загорается. У вас есть отчеты, капитан Холлистер; вы знаете, что было в том доме. Огнетушитель и индикатор дыма в каждой комнате. А однажды загорелись ее собственные волосы, капитан Холлистер; родители вошли к ней в комнату и увидели, что она стоит в своей кроватке и плачет, а волосы горят

(Кинг 1994: 133).

Ситуации, которые С. Кинг выводит в своем романе – экстраординарные. Но, тем не менее, все действия происходят в реальной обстановке, что является характерной чертой магического реализма.

Кроме того, по нашему мнению, в романе С. Кинга «Несущая огонь» очень ярко проявляются черты жанра триллера, который в свою очередь является контаминацией детективного и психологического романов. По мнению Росса Макдональда, триллер, в отличие от детектива, направлен в будущее, так как интрига сохраняется до конца повествования. «Если триллер не в состоянии щекотать нервы, значит, он не справляется со своей работой», – пишет в книге «Триллер» Джеймс Паттерсон (Паттерсон 2006: 111). Все эти элементы можно проследить в анализируемом произведении. Осознав результаты эксперимента, «Контора» начинает охоту на семью Макги, с целью захватить девочку и научиться применять ее способности в военном деле. В результате преследования гибнут родители Чарли, а она сама вынуждена долго скитаться в поисках убежища. Невозможность предсказать дальнейший ход событий и чувство тревожного ожидания сопровождают читателя на протяжении всего романа.

Таким образом, можно сделать вывод, что роман С. Кинга «Несущая огонь» имеет характерные черты следующих жанров: научной фантастики, магического реализма и триллера. Жанровое смешение в современной литературе может проявляться не только в творчестве писателя, а и внутри отдельно взятого произведения, что усиливает читательскую интригу и делает произведения более увлекательными для читателя.

Библиографический список

1. Зверев А. Второе зрение [Текст] / А. Зверев. Иностранная литература, 1984. №1. С.69-71
2. Кинг С. Несущая огонь [Текст] / С. Кинг. Киев: Грайми, 1994.
3. Пальцев Н. Страшные сказки Стивена Кинга. Фантазии и реальность / Н. Пальцев. URL: htth/kingclub.narod.ru/wdove/WIN1251/terror.htm
4. Тамарченко Н. Д. Теория литературных жанров : учеб. пос. для студ. учрежд. высш. проф. образования [Текст] / Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2011.
5. Patterson J. Thriller [Text] / J. Patterson (ed). Ontario, Canada: MIRA Books, 2006.
6. King S. Firestarter [Text] / S. King. USA: Penguin, 1992.

Кремнева А. В., г. Барнаул, Россия

ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТЕКСТОВЫХ ПРАКТИК И ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается один из важных аспектов общей теории интертекстуальности, а именно тесная взаимосвязь между текстовыми практиками и сложившимися на основе их анализа теоретическими подходами к объяснению сущности феномена интертекстуальности, с одной стороны, и, с другой стороны, доминирующими философско-эстетическими взглядами эпохи и их влиянием на текстовые практики.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстовые практики, диалогизм, когнитивно-семиотический подход

INTERCONNECTION BETWEEN TEXTUAL AND INTERTEXUAL PRACTISES

Abstract. The article analyses one of the important aspects of intertextuality theory, namely, the interconnection between textual practices and theoretical approaches, chrystallized on the basis of these practices, on the one hand, and, on the other hand, the influence of the leading philosophical and aesthetic ideas of the epoch on the textual practices.

Keywords: intertextuality, intertextual practices, dialogism, cognitive-semiotic approach

В рамках данной статьи мы попытаемся показать тесную взаимосвязь и взаимообусловленность текстовых практик, характерных для определенного литературного направления и разработанных на основе их анализа подходов к объяснению сущности интертекстуальности.

Феномен межтекстового взаимодействия «безымянно» существовал в литературе с самого момента ее зарождения, и появление теории интертекстуальности было подготовлено, стало возможным и необходимым в результате накопления огромного материала текстовых практик. Исследователи, занимающиеся древнерусской литературой и литературой средневековья, отмечают, что элементы интертекстуальных практик имели место и в далеком прошлом русской письменности. Заимствования из текстов Священного Писания широко использовались в письменности Средневековья, при этом, как отмечает Е. Г. Водолазкин, характерной особенностью этих заимствования было то, что в текстах отсутствовали ссылки на источник заимствований (Водолазкин 2013).

Однако в самостоятельную теорию интертекстуальность оформилась только к концу 60-х годов прошлого века. Литература должна была накопить значительный опыт межтекстового взаимодействия, чтобы создать достаточную эмпирическую базу для его теоретического осмысления. Именно XX век, как отмечает Н. Пьеге-Гро, не только разработал теорию интертекстуальности, которая сложилась в самостоятельное направление, но и систематизировал сами интертекстовые практики (Пьеге-Гро 2008: 49).

За время своего существования теория интертекстуальности прошла несколько стадий трансформации, что нашло свое отражение в формулировках ее сущности и базовых понятий. Можно предположить, что эволюция теории интертекстуальности в значительной степени обусловлена изменением историко-культурного контекста, текстовых практик, эволюцией научного гуманитарного знания, а также сменой парадигм этого знания.

Говоря о развитии семиотики, Ю. С. Степанов отмечает, что все новое вначале создается за пределами теории, в словесной практике, творцами, в виде самих явлений, в частности, интертекстов, но все же именно теоретики завершают процесс создания нового, обобщая его, в результате чего появляются новые теории (Степанов 2001: 39). Эту же мысль в более обобщенном виде высказывает В. З. Демьянков, говоря о том, что в развитии наук можно выделить три последовательных этапа, на которых последовательно решаются следующие задачи: 1) накопление наблюдений; 2) разработка методов обработки материала; 3) создание теорий, объясняющих выявляемые закономерности (Демьянков 2017: 46).

Представляется, что в развитии теории интертекстуальности и методы анализа, и формируемые на основе этого анализа концепции во многом определяются текстовыми практиками, находящимися в поле зрения исследователей. Исходя из этого, можно считать, что эстетико-философская теория диалогизма, созданная М. М. Бахтиным и оказавшая огромное влияние не только на теорию интертекстуальности, но и на всю гуманитарную мысль XX века, представляет собой глубокое теоретическое осмысление того, что было воплощено гением Ф. М. Достоевского, создавшего новый художественный метод – полифоническое повествование. Это отмечал и сам М. М. Бахтин, говоря о том, что Достоевский произвел «в маленьком масштабе коперниковский переворот» (Бахтин 1972: 5), в результате которого «полифония властно врывается во всю мировую литературу» (Бахтин 2000: 310).

Будучи основанным на текстовом явлении полифонии, или многоголосия, понятие диалогизма приобретает в концепции М.М. Бахтина предельно широкое значение и включает в себя внутренний диалогизм слова, диалогизм мышления, понимания себя и другого, диалог культур во времени и пространстве, диалог автора и читателя, взаимодействие формы и смысла в слове и высказывании, взаимодействие слова и контекста, взаимодействие жанров. Обобщая анализ основных идей М. М. Бахтина, положивших начало теории интертекстуальности, считаем необходимым особо подчеркнуть их антропоцентрический характер. Суть межтекстовых взаимоотношений, по Бахтину,

заключается в диалоге сознаний автора и читателя, в «интерсубъективности», в диалоге «голосов» прошлого, настоящего и будущего.

Как известно, термин «интертекстуальность» был впервые введен в научный оборот термин в 1967 году Ю. Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман», в которой она, отдавая должное идеям Бахтина о диалогизме гуманитарного мышления, вводит термин «интертекстуальность», заменив им бахтинскую «интерсубъективность» (Кристева 2000). И эта замена имеет, на наш взгляд, принципиальное значение, поскольку в ней отражается суть той трансформации, которой подверглась концепция М. М. Бахтина в ином социально-историческом и культурном контексте. Основными факторами, обусловливающими эволюцию идей Бахтина в контексте иной научной парадигмы и ином культурно-историческом контексте, были следующие: структурная парадигма в лингвистике, фрейдизм в обыденном и художественном сознании, модернизм и постмодернизм в литературе.

Переход от антропоцентрического подхода к текстоцентрическому нашел свое выражение, прежде всего, в перемещении фокуса внимания исследователей от субъекта, т.е. автора текста и его сознания к объекту, т.е. самому тексту и его структуре. Перенос фокуса внимания с автора, творца текста на сам текст и акцентирование идеи о том, что текст, подобно другим языковым знакам, строится из уже имеющихся других текстов, неизбежно привел к превращению автора текста, творца в т.н. скриптора, а сам текст – из феномена «индивидуального, единственного и неповторимого» (как его характеризовал М. М. Бахтин) – лишь в «мозаику цитаций» (Ю. Кристева), в «нескончаемый тихий говор всего написанного» (М. Фуко).

Дальнейшее развитие и радикализация этой идеи Р. Бартом, работы которого знаменовали переход от структурализма к постструктурализму, привели к двум закономерным выводам в рамках развиваемой им теории: о тождественности понятий текста и интертекста и о «смерти автора», что свидетельствует о принципиально ином подходе к бахтинскому понятию диалогизма. В трактовке Р. Барта текст возникает не на основе авторского индивидуального сознания, а на основе множества голосов, предшествующих высказываний и предшествующих текстов. Развивая известную максиму Франсуа де Ларошфуко о том, что, если бы не романы, мы бы не смогли влюбляться, Р. Барт высказывает мысль о том, что мы мыслим, чувствуем и ведем себя в соответствии с теми кодами, которые существуют в культурном пространстве предшествующих текстов, в том, что уже сказано, написано, прочитано (*the already spoken, written, read)* (Barthes 1987: 47).

Эта идея получила абсолютизацию в философии и эстетике постструктурализма, в основу которой заложены такие понятия, как деструкция, децентрация, нестабильность, неопределенность, субъективность, желание, удовольствие и игра (Деррида 2000). Практика «расщепленного письма», разорванности повествования, иконически отражающая расщепленность сознания современного человека, начатая писателями-модернистами, получила дальнейшее развитие и стала ведущей в литературе постмодернизма, получив одновременно свое теоретическое обоснование и свое объяснение в теории постструктурализма, в основе которой лежит идея протеста против абсолюта власти, абсолюта центра, структурной упорядоченности мира.

С позиций этой философии была подвергнута переосмыслению и переинтерпретации вся предшествующая и современная литература. Именно «расщепленность сознания» писателя, исповедующего постмодернизм, как подчеркивает Н. А. Фатеева, обусловливает его стремление выйти за пределы своего сознания в сферу Текста, т.е. в бесконечную паутину межтекстовых связей, в которой стирается оппозиция «язык – мир» и границы между своим и «чужим» словом, при этом в качестве смыслопорождающих элементов выступают сами интертекстуальные связи, отражая тем самым саму суть постмодернисткой парадигмы мышления (Фатеева 2000: 4-13).

В тех случаях, когда интертекстуальность достигает своего крайнего предела, текст превращается в своего рода коллаж из явных и скрытых цитат, оставляя впечатление, что подлинным предметом вымысла автора становятся не столько описываемые события, сколько сама интертекстуальность, которая нередко трактуется авторами, а особенно критиками как обязательный компонент художественного текста.

Такие тексты, основной функцией которых является метатекстовая, игра со словом, требуют и иных подходов к их интерпретации. Так, материалом для исследования Н. С. Олизько послужило творчество Дж. Барта, одного из наиболее ярких представителей постмодернизма. Сочетая в своем исследовании элементы семиотического и синергетического подходов, автор разрабатывает модели фрактальной самоорганизации художественного дискурса постмодернизма, выделяя такие модели, как концентрический круг, спираль, ризома и древо (Олизько 2007). Используя данную методику, автор убедительно раскрывает специфику использования интертекстуальности в литературе постмодернизма, что еще раз подтверждает наш тезис о том, что подходы к исследованию феномена

интертекстуальности во многом диктуются текстовыми практиками: новые текстовые практики требуют от исследователя поиска новых подходов, позволяющих наиболее адекватно представить и объяснить эти практики.

В условиях все большей компьютеризации интеллектуальной деятельности, обмена информацией поверх границ культур, человечество переходит от линейного восприятия информации к линеарному, что имеет важное значение. Данное изменение в осуществлении коммуникации в современном мире, в том числе коммуникации посредством текстов, требует, как иного создателя, так и иного получателя текста, «кодопроницательного, изощренного и/или обладающего особым знанием читателя, который был бы способен решить задачу соотнесения формы и содержания в наиболее сложных случаях взаимоотношений» (Топоров 1987: 193).

С другой стороны, принцип линеарности влияет и на требования к литературе, ибо, как подчеркивает Н. Пьеге-Гро, в «современной эстетике делается упор на разнородность и дискретность как на конститутивную особенность всякого текста, в который вторгаются элементы другого. Поэтому интертекстуальность выводит на сцену смысловые особенности литературного текста, условия его прочтения, его восприятия и глубинную природу» (Пьеге-Гро 2008: 112).

При этом способы отсылки к другому тексту могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Последние представляют, на наш взгляд, наибольший интерес, поскольку именно они рассчитаны на «кодопроницательного читателя», способного выявить и интерпретировать смысл, выраженный с помощью неконвенциональных средств. Интерпретация смысла подобных текстов требует интеграции различных подходов. На сегодня сложилось несколько таких интегрированных подходов, одним из которых является когнитивно-семиотический, на который мы опираемся в нашем следовании интертекстуальности (Кремнева 2015). Сближение семиотического и когнитивного подходов представляется вполне закономерным. Еще в 2001 году Е. С. Кубрякова показала возможность применения когнитивно-семиотического подхода к описанию актов номинации с помощью производных слов, выделяя в качестве основных компонентов этого процесса когнитивную и семиотическую составляющие (Кубрякова 2001). Последовательное применение когнитивно-семиотического подхода к исследованию интертекстуальность позволяет, с одной стороны, показать специфику кодирования смысла с помощью “чужого слова”, а, с другой, выявить когнитивные механизмы формирования этого смысла в результате концептуальной интеграции компонентов взаимодействующих текстов.

Подведем краткий итог изложенного. Характер взаимоотношений между теорией интертекстуальности и текстовыми практиками позволяет сделать вывод о том, что они идут навстречу друг другу: формирование теоретических взглядов на сущность интертекстуальности происходит в значительной степени под влиянием анализа творчества тех авторов, которые находятся в фокусе внимания исследователя, а, с другой стороны, расширение теоретического интереса к феномену интертекстуальности имеет своим результатом «интертекстуальный синдром» в текстовых практиках, т.е. наличие интертекстуальных включений нередко начинает восприниматься как обязательный критерий современной прозы. Так, в романе С. Фолкса один из персонажей, намеревающийся написать роман, представляет его следующим образом: *“Tranter allowed the voices of the English regionalist school to harmonize with his own; there were intertextual references to the novels of Stan Barstow and Walter Allen…” (S. Faulks. A Week in December).* И хотя приведенный отрывок написан в ироническом ключе, он отражает суть современной литературы, характеризующейся, нередко в угоду моде, чрезвычайно высокой степенью интертекстуальной плотности.

Несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности, интерес к данной проблеме не ослабевает, что обусловлено как сложностью и многоаспектностью самой проблемы, так и постоянно усложняющейся эмпирией, т.е. текстовыми практиками, которые привлекают внимание исследователей и требуют теоретического осмысления.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Советская Россия, 1972.
2. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин. СПб.: Азбука, 2000.
3. Водолазкин Е. Г. О средневековой письменности и современной литературе [Текст] / Е. Г. Водолазкин. Текст и традиция. Альманах. СПб.: Росток, 2013. № 1. С. 37-65.
4. Демьянков В. З. О когниции в когнитивных науках [Текст] / В. З. Демьянков. Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике 20-22 сентября 2017 года. Москва; Тамбов; Белгород, 2017. С. 46-47.

5. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук [Текст] / Ж. Деррида Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. статья Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 406-426.
6. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия (когнитивно-семиотический подход) [Текст] / А. В. Кремнева. Когнитивные исследования языка. Вып. XXI. Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 25-26 июня 2015. Москва; Тамбов, 2015. С. 638-640.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. статья Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427-457.
8. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и культура. Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова. отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283-291.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство, 2000.
10. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе [Текст] : дис … д-ра филол. наук / Н. В. Олизько. Челябинск, 2009.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности [Текст]: пер. с фр. / Н. Пьеге-Гро; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
12. Степанов Ю. С. Вводная статья. В мире семиотики [Текст] / Семиотика: Антология. сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
13. Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур [Текст] / В. Н. Топоров. // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 193-196.
14. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов [Текст] / Н. А. Фатеева. М.: АГАР, 2000.
15. Barthes R. Sollers Writer [Text]: trans. by Ph. Toddy / R. Bathes. London: Antlone Press, 1987.
16. Faulks S. A Week in December [Text] / S. Faulks. London: Vintage Books, 2010.

Кукуева Г. В., г. Сургут, Россия

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ РАССКАЗЧИКА В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Е. АЙПИНА)

Аннотация. Статья посвящена изучению художественно-речевой организации регионального текста. Предметом изучения в статье служит внутренний монолог рассказчика как важнейший элемент отражения этноэстетической природы говорящего (пишущего) в тексте. Материалом для анализа послужили рассказы Е. Айпина с перволичностной формой повествования. В статье проанализированы такие типы монолога, как монолог-размышление, монолог-воспоминание, монолог как способ изображения персонажа. Установлено, что лирический мир рассказчика, его переживания во внутреннем монологе передаются не открыто, а через особо организованную тропеическую систему, отражающую мировидение северного человека, его тесную спаянность с миром природы. Во внутреннем монологе отсутствует дифференциация рассказчика и героя. Речевые особенности данного типа речи заключаются в переплетении разностилевых форм, в пересечении исконно русского слова с хантыйским словом.

Ключевые слова: региональный текст, рассказы Е. Айпина, художественно-речевая структура, внутренний монолог.

INTERNAL MONOLOGUE OF THE NARRATOR IN REGIONAL LITERATURE (ON E. AYPIN'S STORIES)

Abstract. The article is devoted to the study of the artistic and verbal organization of the regional text. The subject of the article is the inner monologue of the narrator as the most important element of the reflection of the ethnoesthetic nature of the speaker (writer) in the text. The material for analysis was the stories of E. Aypin with the first-person form of narration. The article analyzes such types of monologues as monologue-meditation, monologue-memory, monologue as a way of depicting a character. It is established that the lyrical world of the narrator, his experiences in the internal monologue are not transmitted openly, but through a specially organized trapezic system reflecting the worldview of the northern man, its close cohesion with the natural world. In the internal monologue there is no differentiation between the narrator and the hero. Speech features of this type of speech consist in intertwining the difference forms, in the intersection of the original Russian word with the Khanty word.

Keywords: regional text, stories of E. Aypin, artistic and speech structure, internal monologue.

Тексты региональной литературы представляют один из способов экспликации языкового сознания того или иного народа. В современной филологии данные тексты изучаются как литературный и культурный феномен. Исследовательский взгляд сфокусирован на изучении

актуального тезауруса местной культурной традиции, локуса, на описании региональных текстов или их фрагментов как особых культурных знаков (Куприяновский 1984; Милонов 1985; Просвиркина 2005). Однако, практически без внимания оставлена проблема композиционно-речевой организации текстов (подробно об этой проблеме см.: (Кукуева 2018). Поскольку региональный текст подпитывается классической литературой, вырос из нее и восходит к ней (Залыгин 1990; Ганущак, Фищук 2015), то на первый взгляд, кажется, что он репрезентирует те же композиционно-речевые структуры, что и тексты классической литературы. Но данное утверждение справедливо лишь отчасти, так как региональный текст представляет собой «художественный дискурс «пограничного» типа» (Лейдерман 2015: 20). Отражая духовный мир, мировоззренческую и этноэстетическую природу того или иного народа, региональный текст демонстрирует свойственные ему специфические приемы репрезентации типов и форм речи автора и персонажей.

Цель данной статьи – проанализировать типы и функции внутреннего монолога рассказчика в рассказах Е. Айпина, представленных в книге «Река-в-январе». Внутренний монолог представляет собой композиционно-речевое единство, принадлежащее единому субъекту речи, имеющее свое содержание и функции, характеризующееся относительно закрепленным набором конструктивных, стилистических и речевых особенностей. Обращение к анализу монолога в региональном тексте обусловлено тем, что данная форма – это способ изображения рассказчика или персонажа средствами его речи. Следовательно, для того чтобы понять духовный мир субъекта речи, его мировоззрение необходимо проанализировать структуру, семантику и функцию монолога. Внутренний монолог отражает не только особенности словоупотребления субъекта речи, но и приемы речи изображаемой среды, к которой он принадлежит.

Объектом исследования является композиционно-речевая структура регионального текста. Предметом исследования является внутренний монолог рассказчика.

Материалом исследования служат рассказы Е. Айпина «Осень в Твоем городе», «Моя княжна», «Где же ты, Осень?», «Ночь Маэстро», «Река-в-январе, или Рио-де-Жанейро», «В мир вечного покоя», «В окопах, или явление Екатерины Великой», вошедшие в третий том собраний сочинений Е.Айпина под названием «Река-в-январе». Творчество данного писателя служит образцом хантыйской литературы, отражающей мировоззрение и эстетику северных людей, связанных между собой единством происхождения, языка, духовной культуры. Как отмечает О.К. Лагунова, «Еремей Айпин принадлежит по типу к культуре рефлективного традиционализма. Об этом свидетельствуют ориентированность текстов на образцы, ярко выраженная этическая доминанта творчества (его этикетность), онтологичность тематики, высокая мера условности формы, ослабленность разграничения речевых зон автора и героя, четкость и однозначность оценки изображения, недифференцированность стилей речи в тексте, отсутствие характера как структуры героя» (Лагунова 2008: 8). В большинстве своих произведений писатель повествует о проблемах коренных малочисленных народов, пытается проанализировать создавшуюся ситуацию, конструирует целостный образ северного человека. Ключевыми проблемами в эстетике Е. Айпина являются: проблема самобытного определения хантыйского народа, пагубное влияние цивилизации на первозданную красоту родной земли, бережное отношение к природным богатствам. Тексты, выбранные нами для анализа, занимают особое положение в творчестве писателя, т.к. в них на первое место выведены не социальные, а личностные, психологические проблемы. Лиричность и исповедальность рассказов, представленных в книге «Река-в-январе», проявляется не только в лексическом и образном строе повествования, но и в актуализации внутреннего монолога субъекта речи.

Методологической базой в анализе внутреннего монолога является методика лингвостилистического описания (И. В. Арнольд, В. В. Виноградов, Е. А. Иванчикова), предполагающего последовательное «снятие покровов со структуры» (определение В. В. Виноградова). В рамках данной методики внутренний монолог рассматривается как композиционный тип речи, являющийся членом словесно-художественной структуры. Структурные особенности, семантика и функция монолога раскрываются на основе непосредственных сцеплений и смысловых пересечений с другими типами и формами речи в структуре целого. В работе также использованы основные положения функционально-имманентного и ретроспективно-проекционного анализов (В.В. Виноградов), позволяющих через описание специфики монолога выйти к пониманию индивидуальной неповторимой словесной структуры, являющейся в свою очередь проявлением поэтической личности автора в ее эстетическом развитии.

Внутренний монолог как одна из форм передачи внутренней речи в художественном тексте используется, как правило, для психологического анализа образа рассказчика или героя.

В. А. Кухаренко в своих работах отмечает, что данному типу речи свойственны такие признаки, как ассоциативность, усеченность синтаксических конструкций, семантическая свернутость, повышенная эмоциональность, которая передается с помощью риторических вопросов и восклицаний, фигур умолчания (Кухаренко 1988).

Большая часть рассказов, вошедших в третий том собраний сочинений Е. Айпина под общим названием «Река-в-январе», построена по законам субъективированного повествования. Главным повествовательным звеном в них выступает персонифицированный, лирический рассказчик (в данной работе мы придерживается типологии рассказчиков, выделенных Е. А. Иванчиковой (1996: 250), представленный в форме первого лица. Объектом повествования выступает сам рассказчик: его мысли, чувства, связанные с ним события Он всецело принадлежит художественному миру текста, совершает поступки, имеет некоторые биографические данные: *«Моей же родиной было правобережье Оби. Моя река Аган впадает в Обь немного выше устья Салыма. Когда салымские урманы уже были спалены и обезображены, моя сторона еще оставалась чистой. Но потом и здесь открыли нефть. И все повторилось один к одному. Я тоже уехал со своей реки»* («Ночь Маэстро»). Глубокое погружение субъекта речи в пространственно-временные координаты изображаемого мира проявляется в создании особой тропеической системы, представляющей собой нанизывание эпитетов, индивидуально-авторских метафор, олицетворений: *«Осень позвала меня в светлый сосновый бор-беломошник. Она остановилась на взгорье, где светлобородые сосны тихо перебирали струны остяцкой скрипки. И я, замерев, слушал эту симфонию золотисто-огненной коры, зеленых и порыжевших иголок, седых лишайникови белого ягеля. И высокое небо вторило соснам невесомым смычком журавлиных стай, и ветерок тонко и нежно подпрыгивал на струнах паутины, и лучи солнца легко и плавно скользили по неприметным клавишам чуткого бора»* («Где же ты, Осень?»). Перволичностная форма повествования, как нам кажется, продиктована и жанровыми модификациями рассказа. Так, например, часть произведений цикла имеет подзаголовки: «осенняя грусть» («Осень в Твоем городе», «Моя княжна»), эссе («Где же ты, Осень?»). Повышенная субъективность, камерность и лиричность повествования просматриваются в посвящениях текстов определенному лицу, в заглавиях и эпиграфах. Рассказчик предстает как единое сознание, обеспечивающее целостность структуры и композиции текста.

Содержательная сторона рассматриваемых рассказов Е. Айпина предопределяет особую организацию художественно-речевой ткани текстов. Доминантной формой повествования является первичный внутренний монолог рассказчика в форме прямой речи. Данный монолог представлен такими разновидностями, как: внутренний монолог-воспоминание, внутренний монолог-размышление, внутренний монолог как способ изображения персонажа. Обратимся к более подробному анализу каждой разновидности монолога.

Внутренний монолог-воспоминание. Данный тип монолога является наиболее частотным. Он выстраивается как диалогизированное высказывание, обращенное к конкретному собеседнику, представленному в образе любимой женщины-музы. Как правило, рассказчик обращается к ней, используя личное местоимение 2 лица «ты», условно приобретающее статус имени: практически во всех анализируемых текстах данное местоимение пишется с заглавной буквы. Замена имени собственного на местоимение позволяет рассказчику сохранить интимное и трепетное отношение к той, которая породила в нем некогда массу чувств, эмоций, переживаний, а также служит отражением сакральной традиции северного народа – хранить в тайне от посторонних подлинное имя. В рассказах Е. Айпина данный тип монолога зачастую замещает традиционное авторское слово в зачине, выполняет сюжетообразующую функцию. Рассмотрим конкретный фрагмент из рассказа «Осень в Твоем городе»: *«Ты помнишь ту Осень? Я приехал к тебе. Падал снег. Снег падал огромными хлопьями, закрывающими все небо. Помнишь ли тот Снег? И мы пошли на речку. Точнее на набережную Твоей реки. У реки, где с моря налетал резкий ветер, хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда. На реке стояли на якорях корабли с грозно торчащими стволами пушек. Над ними – низкое тяжелое небо, а под ними – свинцово-ледяная вода»*). В данном монологе отсутствует конструктивно необходимый сигнал внутренней речи – ремарочный компонент с глаголом мысли или чувства, это вызывает определенные трудности в квалификации анализируемого фрагмента. Однако используемые в речи рассказчика единицы разговорного синтаксиса: короткие предложения, прямой и обратный порядок слов в предложениях: *«Падал снег. Снег падал огромными хлопьями»;* присоединительные конструкции с союзом «и», парцелляция: «*И мы пошли на речку. Точнее на набережную Твоей реки»;* эллипсис: *«Над ними – низкое тяжелое небо, а под ними – свинцово-ледяная вода»* свидетельствуют о мыслительном процессе субъекта речи, а также об имитации этнически маркированного повествования.

Воспоминание рассказчика сконцентрировано на описании природы, ни единого слова не говорится открыто о его внутреннем состоянии, о том, что он ощущал в момент встречи с любимой женщиной и какие эмоции испытывает сейчас, при мысленном обращении к возлюбленной. Однако природные образы неба, воды, земли и эпитеты, характеризующие их, создают картину скрытой душевной боли: *«налетал резкий ветер, хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда / корабли с грозно торчащими стволами пушек / низкое тяжелое небо / свинцово-ледяная вода».* Ключевую роль в данном монологе играет образ снежных хлопьев, закрывающих все небо. В данном контексте снег – символ препятствия для развития отношений между рассказчиком и его музой. Их встреча происходит в снегопад, они движутся в нем, но это путь в никуда. Ощущение замкнутого круга усиливается с помощью лексических повторов, которые, с одной стороны, формируют интонационный и ритмический рисунок внутреннего монолога, с другой – указывают на бессмысленность пути: «*падал снег / снег падал / помнишь ли тот Снег? / хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда»*. Таким образом, состояние природы становится своеобразным кодом к раскрытию душевного состояния рассказчика. Е. Айпин не случайно использует такой прием: природа для хантов имеет сакральный характер, как считает В.Л. Сязи, «северному народу присуща неразрывность существования человека и природы» (Сязи 2017: 68).

Внутренний монолог-размышление эксплицирует переживания рассказчика в наивысший момент эмоционального напряжения. Рассмотрим пример: *«Сейчас я думал только об одном: умереть и лечь рядом с тобой. Голова к голове. Рука к руке. Бок о бок. Как когда-то мы с тобой любили лежать на нашей земле и смотреть на небо, на звезды, в таинственную бездонную ночь. Я лежал бы и чувствовал, что ты рядом со мной, за тонкой пластиной земли, за тонкой стенкой гробовой доски. Какое это блаженство лежать рядом с любимой в мире вечного покоя…»* («В мир вечного покоя»). На первый взгляд, структура монолога традиционна: имеется репрезентирующий компонент – ремарка *«сейчас я думал только об одном»*, далее речь рассказчика оформляется конструкцией со свободной прямой речью, не имеющей четких графических маркеров «*умереть и лечь рядом с тобой».* Потеря любимой женщины, музы, для рассказчика – это своего рода окончание и его жизненного пути. Как особые ритуальные заклинания, свойственные мировоззрению северных людей, звучат во внутреннем монологе фразы разговорного стиля: «<…> *умереть и лечь рядом с тобой. Голова к голове. Рука к руке. Бок о бок».* Синтаксический и лексический строй монолога указывают на то, что субъект речи спокойно принимает сложившуюся ситуацию, которая, вероятнее всего, является отражением культурной традиции хантов: человек не умирает, его жизнь перемещается из среднего мира в низший, именно поэтому рассказчик и после смерти представляет себя живым: «*Я лежал бы и чувствовал, что ты рядом со мной, за тонкой пластиной земли, за тонкой стенкой гробовой доски».*

Внутренний монолог как способ изображения персонажа. В традиционном нарративе портретные характеристики персонажа воссоздаются в описательных фрагментах текста, представленных в речевой партии повествователя или персонажа. В рассказах Е. Айпина данную функцию выполняет внутренний монолог, рассмотрим пример: *«Я лежал неподвижно, прислушиваясь к предрассветной тишине. И почудилось мне, что я слышу Твое ровное, легкое дыхание. И теперь твое дыхание и покой полностью зависели только от меня. Ведь во всем доме мы с тобой или вдвоем. Во всей Вселенной мы с Тобой вдвоем. Я закрыл глаза и увидел Тебя. На Тебя приятно было смотреть. На тебя всегда хотелось смотреть. Ты радовала глаз… так я лежал, смотрел на Тебя и слушал утро.*

Ты была моим словом.

Ты была моим слухом.

Ты была моими глазами» («Моя княжна»). Как видно из приведенного текстового фрагмента внутренний монолог вводится в речевую ткань текста репрезентирующим компонентом «*Я закрыл глаза и увидел Тебя»,* однако данная ремарка дана не в препозиции к монологу, а в интерпозиции, что осложняет распознавание данного типа речи. Образ возлюбленной – это результат предельно субъективного восприятия рассказчика. Он мысленно рисует данный образ, используя при этом приемы поэтического синтаксиса, передающие поток мыслей и актуализирующие важные детали в образе женщины. Среди приемов отметим графически выделенный троекратный анафорический повтор: *«Ты была моим словом. Ты была моим слухом. Ты была моими глазами»;* градацию «*На Тебя приятно было смотреть. На тебя* ***всегда*** *хотелось смотреть»;* присоединительные конструкции с союзом «и»*: «Я лежал неподвижно, прислушиваясь к предрассветной тишине. И почудилось мне, что я слышу Твое ровное, легкое дыхание. И теперь твое дыхание и покой полностью зависели только от меня».* Доверительность и интимность в изображении возлюбленной просматривается в

присутствии разностилевой лексики: элементы книжного стиля сосуществуют с разговорными единицами: *«почудилось мне», «ты радовала глаз»*. Использование подобных лексем и устойчивых выражений дает возможность рассказчику более точно и метко охарактеризовать возлюбленную, которая появляется как чудо, радующее глаз.

Своеобразие внутреннего монолога заключается в выборе способа экспликации перед читателем загадочного образа музы. Данный образ не имеет пространственных границ («*во всей Вселенной мы с Тобой вдвоем»*), он существует в ореоле мягкой нежной мелодии, наполненной звуками утра, в котором соединены воедино дыхание любимой женщины, биение сердца и внутренние переживания мужчины. Проанализированный текстовой фрагмент наглядно свидетельствует об умении Е. Айпина чувствовать и создавать ритм, способствующий формированию особого лирического текста, во многом напоминающего белый стих.

В результате проведенного анализа представляется возможным сделать ряд выводов.

В рассказах Е. Айпина с перволичностной формой рассказчика внутренний монолог имеет статус ведущей композиционно-речевой формы, репрезентируемой прямой речью. Монологу присущ единый субъект речи – рассказчик. Диалогизация монолога осуществляется путем использования стилистических фигур: риторических вопросов и восклицаний, обращений к возлюбленной. Внутренние переживания рассказчика изображаются метафорически – через описание природы, что свидетельствует об отражении в идиостиле писателя важнейшего эстетического принципа северного народа «единение природы и человека».

Внутренний монолог в рассказах Е. Айпина имеет свою типологию и отличается широтой функции. В нем отсутствует четкая дифференциация рассказчика и героя, что зачастую вызывает трудности в квалификации субъекта речи и его социального статуса.

Речевая организация внутреннего монолога свидетельствуют о сочетании разностилевых пластов, о повышенной образности, об особом ритме и музыкальности.

Особенности в построении внутреннего монолога указывают на то, что в идиостиле Е. Айпина гибко переплетаются приметы русского литературного языка с элементами национального, этнического «слова». Данные особенности, на наш взгляд, продиктованы характером лирического переживания самого рассказчика: он трепетно влюблен, но его муза «несвободна», отсюда и лиризм, и исповедальность, и трагизм.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] / И.В. Арнольд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды [Текст] / В. В. Виноградов. М.: Наука, 1980.
3. Ганущак Н. В. Региональная литература как составляющая национальной: за и против [Текст] / Н. В. Ганущак, Л. Б. Фищук. Словесное творчество: знак, образ, смысл. Тюмень: Аксиома, 2015.
4. Залыгин С. П. Летописец народа ханты (Предисловие) [Текст] / С. П. Залыгин. Айпин Еремей. Ханты, или Звезда Утренней Зари. М.: Молодая гвардия, 1990.
5. Иванчикова Е. А. Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность [Текст] / Е. А. Иванчикова. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.
6. Иванчикова Е. А. Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров (на материале произведений Ф. М. Достоевского) [Текст] / Е. А. Иванчикова. Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию. В. П. Григорьева. М.: «ИРЯ АРН», 1996. С. 250-255.
7. Кукуева Г. В. Художественно-речевая структура прозаического текста: учеб. пособие [Текст] / Г. В. Кукуева. Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2018.
8. Куприяновский П. В. Проблемы регионального изучения литературы [Текст] / П. В. Куприяновский // Русская литература. 1984. № 1. С. 177-181.
9. Кухаренко В. А. Интерпретация текста [Текст] / В. А. Кухаренко. Л.: Просвещение, 1988.
10. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети xx века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) [Текст]: автореф… д-ра филол. наук / О. К. Лагунова. СПб., 2008.
11. Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература – перекресток культур [Текст] / Н. Л. Лейдерман // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С.19-24.
12. Милонов Н. А. Литературное краеведение: учебное пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / Н. А. Милонов. М., 1985.
13. Просвиркина И. И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности [Текст] / И. И. Просвиркина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С.106-107.
14. Сязи В. Л. Образ дерева в прозе Е. Д. Айпина [Текст] / В. Л. Сязи. // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С.66-73.

Кулакова Т.А., Барнаул, Россия

ЯВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛОМ *USE*

Аннотация. Статья посвящена конструкциям с глаголом use, употребляемых для выражения действий и состояний, повторяющихся в прошедшем и для обозначения наличия или отсутствия привычки. В статье также описываются примеры, иллюстрирующие период функционирования синкретной модели **[N] – be – used – to – Inf**, как результата наложения двух вышеупомянутых конструкций.

Ключевые слова: повторяемость действия, итеративность, действие в прошлом.

THE PHENOMENON OF GRAMMATIC SYNCRETISM IN CONSTRUCTIONS WITH THE VERB *USE*

Abstract. The article is devoted to different patterns with the verb *use*: one of them is used to describe repeated actions and states in the past and the other is used to speak about habits gained or possessed. The second part of the article deals with the examples from the period when these two patters were not quite differentiated and there existed some syncretized model **[N] – be – used – to – Inf.**

Keywords: repeated action, iteration, past tense.

Идея закономерности циклического развития объектов, процессов и явлений, приобретя статус основополагающей категории в философии, получила достаточно широкое распространение в качестве научного инструментария в различных областях науки. Вместе с рядом экономических и социологических исследований, где существуют отдельные научные школы, разрабатывающие различные аспекты методологии цикличности развития, принцип итеративности был признан основополагающей закономерностью организации систем и в лингвистике. В функционировании системы языка данный принцип нашел преломление в наличии форм с закрепленным значением многократности, которые в совокупности образуют систему средств выражения повторяемости действия.

Данная система неоднородна: в плане выражения повторяемости действия наиболее разнообразно представлен лексический уровень языка, где значение итеративности выражается глаголами и существительными, семантика которых содержит сему [повторяемость]. К этому же уровню относятся наречные репрезентанты семантики итеративности.

На грамматическом уровне экспликации значения многократности действия следует рассматривать две подгруппы единиц: морфологические и синтаксические. Относительно рассматриваемой проблематики ведущая роль здесь отводится морфологической подгруппе, так как эти конструкции способны передавать итеративность в самом общем, системном, контекстуально неосложненном виде. Одной из таких «самодостаточных» единиц является конструкция **used – to Inf.**

В нормативных практических грамматиках (Vince 2004: 15, Krylova 2007: 42, Murphy 2007: 36, 122, Eastwood 2010: 170, Foley, Hall 2012: 99, 360) и справочной литературе (Alexander 2002: 197, 234-235, Swan 2003: 577-578), традиционно, особое внимание уделяется описанию критериев разграничения нескольких моделей с глаголом *use*. Во-первых, конструкции **use – Inf**, где *use* – полнозначный глагол со значением «использовать», «употреблять». Во-вторых, формы **used** – **to Inf** со значением повторяющегося действия в прошлом. В-третьих, конструкции с глаголом *to be*: **be used to – N/PrN/Ger**, аналитической модели передачи действия или состояния **be – PII/Adj** – *be ready, be tired, be frightened* и т.д. Семантика глагола *use* определяется следующим составом:

use – ‘employ (for a purpose)’
– ‘handle (as instrument)’
– ‘exercise (put into operation)’
– ‘be accustomed’
– ‘practice (frequently)’ [COD]

Об актуализации первых трех сем речь идет в том случае, когда данный глагол употребляется, как полнозначный. Сема [be accustomed] выходит в интенсионал значения в определенной дистрибуции (модель **be – PII**), а значение повторяющегося действия проявляется в форме **used** – **to Inf**. При этом происходит частичная или полная утрата глаголом собственного значения и перераспределение значения с собственно глагола на всю структуру, как проявление процесса аналитизации формы.

Следует отметить, что [be accustomed] и [practice frequently] принадлежат к одному тезаурусному кластеру [WNWRT] и определяются идентичными семантическими примитивами:

customary – ‘usual, habitual’ [COD]
frequent – ‘constant, habitual’ [COD]
или одно через другое
‘accustomed’ – ‘frequent’ [WNWRT]

Вероятно, именно это объясняет наблюдающееся в литературе XVIII-XIX вв. наложение и стяжение двух указанных конструкций, проявляющееся в существовании и актуализации грамматически синкретной модели **[N] – be – used – to – Inf**:

(1) *To Emma's entreaties and assurances succeeded Mr. Knightley's, whose fond praise of her gave the subject even a kind of welcome; and he **was soon used to be talked to** by each, on every fair occasion* (Austen (a), 466).

(2) *He was much pleased with my paying so great attention to his recommendation in 1763, the period when our acquaintance began, that I should keep a journal; and I could perceive he was secretly pleased to find so much of the fruit of his mind preserved; and as he **had been used to imagine and say** that he always laboured when he said a good thing…* (Boswell, 923)

Приведенные примеры свидетельствуют о возможности употребления обозначенной синкретной структуры в формах разных глагольных категорий: времени и временной соотнесенности. Подобные высказывания во всех случаях характеризуются двойственностью передаваемых значений: «иметь привычку» и «совершать часто». Покажем это при помощи приема перифраза:

(1') was used to be talked to by each
(1") he soon got accustomed to it, [as] he was frequently talked to
(2') he had been used to imagine and say
(2") it had been his habit to imagine and say [so] he often did it

Более всего это очевидно в примере (3), где актуализация указанных значений поддерживается контекстуально:

(3) *“Emma, I must once more speak to you as I **have been used to do**: a privilege rather endured than allowed, perhaps, but I must still use it. …”* (Austen (a), 374)

Итеративность действия в прошлом здесь подтверждается описательно: *It was a privilege* [*he exercised*]. Привычность имплицируется в *I must once more speak to you as…*, невыполняемость действия в настоящем определяется в *I must still use it* [*now*].

Однако, в работах XVIII – XIX вв можно встретить и нормативное, по современным грамматическим канонам, употребление конструкции **used – to Inf**:

(4) *“…How long ago it is, aunt, since we **used to repeat** the chronological order of the kings of England, with the dates of their accession, and most of the principal events of their reigns!”* (Austen (b), 18)

наряду с указанной синкретной структурой:

(5) *And I observed, that she always spoke of you as “Fanny”, which she **was never used to do**; and it had a sound of most sisterly cordiality* (Austen (b), 352).

Данный факт свидетельствует о том, что это, видимо, был период расщепления конструкции и образования двух способов передачи привычного, повторяющегося действия: аналитической грамматической формы **used – to Inf** и аналитического словообразования **be used to – N/PrN/Ger**. В дальнейшем за лексической формой, которая в силу действия закона аналогии стала употребляться во всех видо-временных формах глагола, закрепилось значение привычки, за грамматической формой – значение итеративности.

Библиографический список

1. Крылова И. П. Грамматика современного английского языка [Текст] / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. М.: Книжный дом «Университет», 2007.
2. Alexander L. G. Longman English Grammar [Text] / L. G. Alexander. Pearson Education Limited, 2002.
3. Eastwood J. Oxford Practice Grammar Intermediate [Text] / J. Eastwood. Oxford University Press, 2010.
4. Foley M. MyGrammarLab Advanced C1/C2 [Text] / M. Foley, D. Hall. Pearson Education Limited, 2012.
5. Murphy R. English Grammar in Use [Text] / R. Murphy. Cambridge University Press, 2007.
6. Swan M. Practical English Usage [Text] / M. Swan. Oxford University Press, 2003.
7. Vince M. Advanced Language Practice [Text] / M. Vince. Macmillan Heinemann English Language Teaching, 2004.
8. [COD] Concise Oxford Dictionary [Text] / Oxford University Press, 2002.
9. [WNWRT] Laird Ch. G. Webster’s New World Roget’s A-Z Thesaurus [Text] / Ch. G. Laird. Macmillan Heinemann English Language Teaching, 1999.

Список источников иллюстративного материала

1. Austen J. (a) Emma [Text] / J. Austen // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.

2. Austen J. (b) Mansfield Park [Text] / J. Austen // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.
3. Boswell J. Life of Johnson [Text] / J. Boswell // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature.

Купцов А. Е., г. Ярославль, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению средств реализации коммуникативной структуры (коммуникативного членения) предложения. На материале английского и испанского языков рассматриваются языковые средства, которые являются коммуникативно однозначными показателями темы и ремы предложения.
Ключевые слова: языковые средства, коммуникативная структура предложения, тема, рема.

LANGUAGE MEANS OF REALIZATION OF COMMUNICATIVE STRUCTURE OF THE SENTENCE IN THE ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES

Abstract. This article is dedicated to the study of linguistic means as a means of realization of communicative structure (communicative division) of the sentence. On the material of English and Spanish the author analyses linguistic means which are communicative means of defining the theme and the rheme in the sentence.
Keywords: linguistic means, communicative structure of the sentence, theme, rheme.

Исследование языковых средств выражения коммуникативной (тема-рематической) структуры является одним из ключевых вопросов в теории коммуникативного синтаксиса и в общей теории предложения.

В современной лингвистике вопрос о языковых средствах выражения актуального членения предложения рассматривается во многих работах по синтаксису и морфологии и является предметом специальных исследований на материале разных языков (см., например, работы на материале русского языка – И. П. Распопова, И. И. Ковтуновой, Г. А. Золотовой, Т. М. Николаевой, О. А. Крыловой; на материале английского языка – В. Д. Ившина, Н. А. Слюсаревой, В. Е. Шевяковой, М. Ю. Корниловой; на материале испанского языка – Ю. А. Рылова, Т. Ж. Олтиева, Я. А. Онищенко, Т. Н. Филипповой, А. Е. Купцова; на материале немецкого языка – К. Г. Крушельницкой, О. И. Москальской, Л. М. Михайлова; на материале французского языка – Е. А. Реферовской, В. Г. Гака, О. С. Егоровой и др.).

Несмотря на интерес к данной проблеме, она остается не до конца исследованной ввиду сложности соотношения между коммуникативным членением и формально-грамматическим членением. Между тем выявление коммуникативно однозначных средств выражения коммуникативной структуры предложения, т.е. выявление системы формальных показателей, тематичности и рематичности синтаксических компонентов важно для установления четких критериев определения тема-рематического членения предложения.

Для аналитических языков, характеризующихся устойчивостью синтаксических схем и связанностью ударения, наиболее характерны такие лексико-синтаксические средства, как специальные выделительные синтаксические конструкции, сегментированные предложения с репризой и антиципацией, предложения с выделительными оборотами, предложения с изолянтами, а также артикль. Вместе с тем эффективным способом выражения коммуникативного членения предложения в аналитических языках может выступать и порядок слов. Местоположение того или иного синтаксического компонента во многом обусловлено коммуникативной нагрузкой, которую он получает в процессе коммуникации.

Что касается артикля, вопрос о его роли как средства выражения коммуникативного членения предложения получил в лингвистической литературе противоречивое толкование (В. Г. Гак, К. А. Долинин, К. Г. Крушельницкая, В. Матезиус, О. И. Москальская и др.). Согласно достаточно распространенному в лингвистической литературе мнению, именная тема оформляется определенным артиклем, а именная рема – неопределенным артиклем. Однако, как справедливо отмечается рядом исследователей (Долинин 1975; Егорова 2000), соотношение «тема – определенный артикль» и «рема – неопределенный артикль» может нередко нарушаться. Определенный артикль может оформлять как тему, так и рему. Неопределенный артикль оформляет, как правило, именную рему и чрезвычайно редко – именную тему. Неопределенный артикль оформляет именную тему, если существительное употребляется в отвлеченном значении (так называемый генерализирующий

неопределенный артикль). Особое место среди формальных средств выражения тема-рематической структуры предложения в аналитических языках также занимают специальные выделительные слова и частицы.

Как справедливо отмечается исследователями, в оформлении коммуникативного членения предложения участвуют одновременно несколько способов актуализации, одни из которых являются основными, а другие – вспомогательными средствами, которые могут заменять, дополнять или усиливать друг друга (Егорова 1999; Матезиус 1967; Распопов 1970; Купцов 2011).

Таким образом, каждый язык располагает достаточно богатой системой получивших устойчивый и стандартизованный характер коммуникативно ориентированных средств, предназначенных специально для выражения коммуникативного членения предложения и предоставляющих говорящему (пишущему) возможность выбрать необходимые способы его реализации в соответствии с конкретной речевой ситуацией и целью высказывания.

Однако, несмотря на то, что проблематика актуального членения находится в центре внимания многих лингвистов, практически нет работ, посвященных изучению специфики функционирования средств актуального члененияпредложения, в частности, на материале английского и испанского языков.

Целью настоящей работы является изучение языковые средств реализации коммуникативной структуры предложения в английском и испанском языке. Материалом для исследования послужили оригинальные произведения XX-XXI веков американского писателя В. В. Набокова, испанского писателя М. Делибеса и латиноамериканских писателей Г. Г. Маркеса и М. В. Льосы.

Анализ материала позволил установить, что при подлежащем-реме в начальной позиции частицы являются единственным сигнализатором его рематичности. Ср.: … *if only she would put her mind to her work (Nabokov); Sólo ella pudo escucharla en el tumulto (Márquez).*

В функции ремы подлежащее выступает значительно реже, и в этом случае подлежащее занимает конечную ударную позицию. Ср.: *On my part, was as naïve as only a pervert can be (Nabokov); Canta bonito, sobre todo los boleros (Llosa).*

Как показало исследование, эффективным средством выражения актуального членения в английском и испанском языках выступает артикль, при этом в большинстве случаев определенный артикль является показателем именной темы, а неопределенный – показателем именной ремы. Ср.:

And although I felt no special urge to supply ***the*** *Humbert line with* ***a*** *replica of Harold's production (Nabokov);*

En ***el*** *muelle desierto había sólo* ***un*** *buque (Márquez).*

Как свидетельствует проанализированный материал, в качестве коммуникативно однозначных показателей ремы в английском и испанском предложении наиболее часто выступают частицы. Ср.:

And then I added another week just for the pleasure of taking on a powerful newcomer (Nabokov);

La palidez abarcaba no sólo su rostro, también su cuello y sus manos (Llosa).

Так, в сегментированных предложениях и в предложениях с изолянтами ремой является глагольная часть; в конструкциях с выделительными оборотами в качестве ремы выступает именной компонент, заключенный внутри выделительного оборота. Конструкции с отделительными частицами в испанском языке (*en cuanto a…, cuanto a…, en lo que toca a…, en lo que concierne…*), характерные для сегментированных предложений, являются коммуникативно однозначными показателями именной темы. Ср.: *En lo que a mí concierne, el destino natural del toro macho es la plaza taurina (Llosa).*

Одним из средств выражения коммуникативного членения в английском языке являются конструкции *there+to be; there is no, it is … that,* а в испанском языке является выделительный оборот *ser … el (la) que (quien).* При помощи данных эмфатических конструкций выделяется неглагольный элемент предложения. Ср.: *You see,* ***there is*** *no alternative (Nabokov);* ***It is*** *hors concours,* ***that*** *bliss, it belongs to another class, another plane of sensitivity (Nabokov); Ella se percataba enseguida de que no solamente* ***era*** *agua* ***lo que*** *le ofrecían (Delibes).* Таким образом, данные устоявшиеся грамматикализованные конструкции в английском и испанском языках отличаются ярко выраженной коммуникативной направленностью, так как позволяют однозначно выделить рему предложения.

Итак, исследование позволило установить, что в английском и испанском языках наиболее характерными средствами выражения актуального членения являются порядок слов, артикль, частицы и эмфатические конструкции.

Библиографический список

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис [Текст] / В. Г. Гак. М.: Высшая школа, 1981.

2. Долинин К. А. Коммуникативные варианты французского простого предложения [Текст] / К. А. Долинин. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.
3. Егорова О. С. Коммуникативно-функциональная типология высказывания в современном французском языке [Текст]: автореф. дис. … д-ра филол. наук / О. С. Егорова. СПб., 2000.
4. Корнилова М. Ю. Основные общеинформативные типы предложения в художественном дискурсе (на материале английского языка) [Текст] / М. Ю. Корнилова. Вестник Костромской государственного университета. №4, 2017. С. 210-211.
5. Купцов А. Е. Роль частиц в логико-коммуникативной организации предложения (на материале испанского языка) [Текст] / А. Е. Купцов // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. №3. Том I (Гуманитарные науки). С. 194-197
6. Матезиус В. О. так называемом актуальном членении предложения [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. М., 1976. С. 239–245.
7. Москальская О. И. Грамматика текста [Текст] / О.И. Москальская. М.: Высшая школа, 1981.
8. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения [Текст] / Т. М. Николаева. М.: Либроком, 2010.
9. Распопов И. П. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи) [Текст] / И. П. Распопов. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1961.

Курбатова Л. П., г. Барнаул, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ ФЕМИНИТИВОВ

Аннотация. В статье говорится о тесной взаимосвязи процесса возникновения феминитивов с социально-экономической ситуацией европейских стран на определенном этапе их развития. Анализируются формообразующие механизмы, явление закрепления или отторжения новых форм в зависимости от речевой нормы, ментальных и лингвистических особенностей носителей того или иного языка.

Ключевые слова: феминитив, деноминация, гендерное равноправие в сфере профессиональной деятельности, франкоязычные страны

THE SOCIAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF FEMINITIVES FORMATION PROCESS

Abstract. The article treats of close interconnection between the feminitives formation process and the socio-economic situation of European countries at a certain stage of their development. Analised are the form-building mechanisms, the phenomenon of fixation or rejection of new forms depending on speech norms as well as on mental and linguistic peculiarities of native speakers of a concrete language.

Keywords: feminitive, denomination, gender equality of rights in the sphere of personal activity, Francophone countries.

Номинативные формы, призванные обозначить профессию, род занятости женщин в какой-либо сфере деятельности, так называемые феминитивы, всегда присутствовали в той или иной степени во всех языках без исключения. Но современная социально-экономическая модель общества практически всех развитых стран разительно отличается от предшествующих с точки зрения изменения гендерного баланса, как в среде руководителей высшего и среднего звена крупных компаний и корпораций, так и в общем числе количества женщин, овладевших профессиями, традиционно считавшимися мужскими.

Это связано в значительной степени и с военными катаклизмами XX века, унесшими огромное количество жизней мужчин трудоспособного возраста, и с изменением в целом статуса женщины, переставшей быть только домашней хозяйкой. Все большее количество дам заняты в сфере бизнеса, политики, юриспруденции – областях общественно-политической жизни, где их присутствие невозможно было даже представить в предыдущих веках. Такое положение дел, казалось бы, исключительно социальной обусловленности, сказалось и на языке, языке как социальном конструкте, который как раз и отражает изменения, происходящие в обществе посредством своих лингвистических средств.

Этот процесс в различных языках имеет свои особенности, связанные как с социальным устройством государств и территорий, где этот язык представлен, так и с лингвистическим своеобразием самого языка. Например, в современном российском обществе, где, к сожалению, об абсолютном социальном равенстве мужчин и женщин действительно пока еще рано говорить, и где, в силу исторически сложившегося представления о главенстве мужчины, феминистическое движение не настолько активно, как в Америке и странах Европы, процесс образования феминитивов еще окончательно не завершен. Некоторые появляющиеся формы, как, например, художница, журналистка

или поэтесса иногда отвергаются самими представительницами этих сообществ (в частности, всем памятно резко отрицательное отношение к слову поэтесса Марины Цветаевой, которая называла себя только поэт), или же настолько “новаторские”, как, например, прозвучавшее в спортивном комментарии Д. Губерниева биатлонесса, что вряд ли широкими массами они будут приняты, тем более, что в русском языке уже существует биатлонистка.

Часто подобные вербальные “новообразования”, использующие для обозначения женской формы привычную в данном языке аффиксацию, в силу исторически или ментально возникающих звуковых ассоциаций, воспринимаются как уничижительные, например, врачиха, или докторица (по аналогии с животными – зайчиха, волчица), или, наоборот, директриса или адвокатесса, имеющие суффиксы, восходящие к французскому языку, воспринимаются несколько выспренно (фр. *princesse, actrice,* etc.). Поэтому, вероятность того, что данные феминитивы закрепятся в русском языке, ничтожно мала. В то же время феминитивы, заканчивающиеся на *–ца*, прочно вошли в лингвистический словарь русскоязычных граждан: *учительница, начальница, воспитательница* и т.д.

В нашей стране, в силу определенных социальных условий ее развития, многие формы феминитивов на определенном этапе приобретали вообще причудливые варианты. В конце 90-х годов XX века, когда впервые появились женщины, занимающиеся бизнесом, их стали называть бизнесменшами. Лишь некоторое время спустя, когда для большей части населения России стала хотя бы немного ясна этимология этого сложносоставного слова, где вторая часть обозначала мужчину, этот феминитив приобрел более адекватную форму – *бизнесвумен*.

Также широко употреблявшийся в то время применительно к новым и некоторым старым видам занятости женщин в различных сферах жизнедеятельности постфикс *–ша* (*барменша, стриптизерша, докторша, киоскерша, редакторша, режиссерша*) сменился на привычную двухсложную форму, где гендерно-маркированным было первое слово: *женщина-бармен, женщина-киоскер,* или оставалась только единая мужская форма – *редактор, режиссер* и т.д.

В европейских языках в употреблении феминитивов наблюдается, по большей части, устоявшаяся стабильная картина. В частности, в немецком и испанском языках уже имеющаяся флексия, обозначающая женский род, облегчает механизм формирования новых форм, например, *die Ministerin* в немецком языке, или вместо “о” для обозначения женского рода испанец добавит “а” – *ministra*. Англичане перед должностью, выполняющей данные функции дамы, добавят *the – the Minister.*

Наиболее консервативны в плане образования феминитивов итальянцы. До сих пор в итальянском языке нет эквивалентов таким словам как: министр, депутат, врач, адвокат. Широко известной и вызвавшей шквал шуток и даже карикатур стала публикация в прессе, касающаяся беременности министра здравоохранения Беатрис Лорензен – *Il ministro è in cinto*.

Но самые ожесточенные дискуссии наблюдаются по данному вопросу во франкоязычных странах. Исторически сложилось, что в современном французском языке средний род отсутствует, и существует устойчивое убеждение, что мужской род существительных превалирует над женским, так как он взял на себя функции среднего рода. Правда, с таким мнением согласны не все французские филологи. В частности, Элиан Вьенно, профессор университета Сент-Этьен, утверждает в своей книге, что подобная точка зрения, возникшая в XVII веке, является следствием отношения мужчин грамматистов и переписчиков книг данной эпохи к самому факту появления во Франции образованных женщин. Поэтому факт фиксации уже возникших к тому моменту феминитивов *professeuse* и *autrice* они допустить никак не могли, хотя существующее *boulangère* осталось вне зоны их внимания. Соответственно, продолжающаяся до сих пор во Франции подобная практика игнорирования фактов деноминации и широкого использования в речи носителями языка новых феминитивов является не столько лингвистическим, сколько политическим делом.

В частности, современная Французская Академия, призванная следить за языковой нормой и чистотой французского языка, весьма неохотно идет на то, чтобы официально признать нормативными феминитивы, появляющиеся в речи французов, хотя в обществе, исходя из меняющихся социальных реалий, уже возникает потребность в подобном наименовании.

Наиболее прогрессивными в этом смысле являются Бельгия и Канада. Уже в 1979 году во франкоязычном Квебеке было принято официальное постановление о феминизации слов, обозначающих профессии. Вначале добавлялось слово *femme* (*femme-magistrat, femme-ingénieur*), затем и оно исчезло. И теперь феминитивы *professeure, auteure, ingénieure* стали самодостаточны.

В Бельгии еще 10 лет назад в разговорной речи уже можно было услышать *soldate américaine* или *vice-rectrice*, а изданный в 2014 году справочник по употреблению феминитивов уже обозначает

нормативными такие деноминации как: *la secrétaire d`Etat américaine, la comissaire européenne, la gouverneure, la juge*, etc.

Таким образом, в процессе возникновения в языке того или иного феминитива социальный фактор является основополагающим, явление подобной деноминации свидетельствует о потребности в ней общества на определенном этапе его развития, а лингвистическая составляющая каждого нового феминитива закрепляется носителями языка, исходя из адекватности его формы ментальным и лингвистическим особенностям данного народа.

Библиографический список

1. Femme, j'écris ton nom. Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions [Texte] / Paris, 1999.

2. Viennot E. Non, le masculin ne l'emporte pas sur le féminin!Petite histoire des résistances de la langue française [Texte] / E. Viennot. Donnemarie-Dontilly, 2014.

3. Mettre au féminin. Guide de féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre. Bruxelle, 2014 URL:http://www.languefrancaise.cfwb.be/index.php?eID=tx_nawsecuredl&u=0&g=0&hash=ea82df7741abc1904f37ec1fbc3e5d9d1bb3c8d4&file=fileadmin/sites/sgll/upload/lf_super_editor/publicat/collection guide/interieur_FWB_brochure_Feminisation.pdf)

4. Féminisation des mots: la France en retard 2016. Marion Chastain URL: https://information.tv5monde.com/terriennes/feminisation-des-mots-la-france-en-retard-22877

Ланская О. В., г. Липецк, Россия

ЧУВСТВО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Ю.П. КУЗНЕЦОВА (ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ)

Аннотация. В статье на материале стихотворений раннего периода творчества Ю. П. Кузнецова через ряд ключевых слов исследуется время и пространство, которое в тексте воспринимается как мистическое, реальное и нереальное одновременно. Это пространство земное и космическое, многослойное и символическое. Автор приходит к выводу, что ключевые слова, организующие пространство и фиксирующие время, восходят к понятию *русский миф* с семами «духовное начало», «поиски смысла бытия», к противопоставлению *добро – зло*, фиксирующему духовный вектор развития одного из выдающихся русских поэтов второй половины XX века.

Ключевые слова: пространство, сема, время, словосочетание.

SPACE AND TIME IN THE POEMS OF Y. P. KUZNETSOV

Abstract. In the article on the material of the poems of the early period of Y. P. Kuznetsov through a number of key words time and space, are explored which in the text is perceived as mystical, real and unreal at the same time. This space is terrestrial and cosmic, multilayered and symbolic. The author comes to the conclusion that the key words organizing space and fixing time go back to the notion of *Russian myth* with Semas «spiritual beginning», «searching for the meaning of being», to contrasting *good – evil*, fixing the spiritual vector of the development of one of the outstanding Russian poets of the second half of the XX century.

Keywords: space, seme, time, word-combination.

В программной статье «Воззрение» один из выдающихся поэтов XX в. Ю. П. Кузнецов писал: «Поэзия не поддается определению. Она – тайна» (Кузнецов 2006: 7). Поэт утверждал, что «люди чувствуют поэзию в природе, в земле, воде, огне, воздухе, в земледельческом труде, в душе и натуре человека, и всюду, где есть упоение: во хмелю, в бою, и «бездны мрачной на краю», и даже в такой абстракции, как числа» (Кузнецов 2006: 8).

В одном из ранних стихотворений Кузнецова «Пускай останется во мне» (1955) говорится о самом дорогом для поэта: о времени и пространстве, сформировавшем его душу, представление о мире. За простыми реалиями скрываются размышления о быстротечности времени, памяти.

Что хочет в своей душе сохранить поэт? Конечно, *вдумчивое детство*, все мгновения того времени, когда *еще кутил сосед*, *когда был крепок старый дед* (Кузнецов 2006: 30). Хочет сохранить лирический герой вспоминания о родном доме, друзьях. Как ключевые в тексте воспринимаются слова *хата*, *ступени* с семой «родной дом», слово *звезда*, символизирующее судьбу, *тени* с семой «мрак». Также ключевыми являются слова *дед* и *сосед*, восходящие к понятиям «род», «семья», «близкие люди»:

Когда была новее *хата*
Когда… От этого «когда»

Скрипят тесовые ступени,
Под ветром стонут провода.
Горит, горит моя *звезда*,
И от друзей ложатся тени (с. 30).

Ключевое слово *когда* (в значении «въ то время, въ такую-то пору» (1, Сл. Д. т. II, с.129)) по-особому определяет в тексте время и пространство. Образование данного слова Н.М. Шанский связывает со словами *иногда, тогда, всегда, куда* (Шанский 1975: 95, 202), то есть по этимологии лексическая единица *когда* указывает на прошлое, событие, постоянно происходящее, а также вектор движения, направление. У Кузнецова за этим словом стоит целый мир, которому поэт никогда не изменял и не изменит.

В этом мире жизнь человека, его судьба представляют единение с природой. Земля и небо не противопоставлены друг другу: облако может зацепиться за звезды, заблудиться в реке и встать на дыбы перед баркасом, станция напомнить нахохлившуюся птицу:

Желтеет за нахохленною станцией
Далекими кувшинками река.
И, уплывая в длительное странствие,
Цепляются за звезды облака.
Уходит деревень знакомый облик –
В туманах жизни зернышко судьбы.
А в речке заблудившееся облако
Встает перед баркасом на дыбы (с. 33) («На реке», 1958).

В этом мире лирический герой возвращается в прошлое, на что указывает повторяющееся слово *снова* в значении «вновь, сызнова, опять, вторично… еще разъ» (Сл. Д., т. IV, с. 247); возвращается он на родину, которая ему дорога, а ухода, по сути, еще не было и не было и возвращения. Мир человеку ясен и понятен, но в нем уже предчувствие судьбы, способность преодолевать пространство и время, стремление понять загадку бытия, тайну жизни:

Я *снова* здесь под маревами древними
В забытом богом дорогом краю (с. 33).

Стихотворение «На реке» упоминает Кузнецов в статье «Воззрение», говоря о том, что в 17 лет у него «прорезалось образное видение» (с. 18), что он «проснулся другим человеком» (с. 18). Далее автор отмечает следующие строки: «И *снова* за прибрежными деревьями // Выщипывает лошадь тень свою» (с. 33), о которых говорит, что «это не просто метафора» (с. 18), что в этом образе «расстояние между прямым значением и переносным… сокращено до минимума» (с. 18).

В словосочетании *над маревами древними* уже рождаются будущие образы художественного мира Кузнецова. По В. И. Далю, *марево, маревать* восходит к слову *мара*, которое имеет значение «мана́, блазнъ, мо́рокъ, морока, наважденіе, обаяніе» (Сл. Д., т. II, с. 298). Данное слово обозначает также грезу и мечту, «призракъ, приведеніе, обманъ чувствъ и самый призракъ» (Сл. Д., т. II, с. 298). В МАС *марево* – это мираж, а также туман (5, МАС, т. II, с. 229).

В 1959 г. Кузнецов пишет стихотворение о войне, об отце, о трагедии потери близкого человека.

Начинается произведение словами: «Надо мною дымится пробитое пулями солнце» (с. 34). Местоимение *надо мною* – знак причастности человека ко времени и пространству, трагедии вовлеченности в круговорот событий. Лирический герой становится участником войны, того боя, в котором погиб его отец. Война воспринимается им как настоящее, в котором солнце, несущее людям тепло и свет, обречено на смерть.

Одновременно лирический герой принадлежит настоящему, в котором память об отце – святое чувство.

Настоящему принадлежит и образ отца. Отсюда использование в тексте глагола настоящего времени *смотрит* со значением «вечно длящееся прошлое», «память о войне», «неутихающая боль»:

Смотрит с фото отец,
измотанный долгой бессонницей (с. 34).

Перемещение во времени, зафиксированное в тексте, происходит еще раз, когда говорится о том, что сын, потерявший близкого человека, возвращается в прошлое, но происходит это во сне. Лирический герой попадает в пространство трагедии, которое деформировано, изуродовано, лишено красок, спрессовано и в котором все живое погублено. В этом пространстве войной разрушена вертикаль жизни, традиционная для русского мира. Горелые ромашки, исцарапанная ветками луна воспринимаются как символ смерти:

Только снится мне фронт
и в горелых ромашках траншеи.
Только небо черно,
и луну исцарапали ветки (с. 34).

В 1960 г. написано стихотворение «Я очутился в поле незнакомом», в котором лирический герой неожиданно оказывается в мифическом пространстве в ожидании чуда, которое с ним должно произойти. Это пространство историческое, былинное, в котором человек – часть природы. Сам он загадка, предвестие чего-то необычного. Отсюда внутренний шелест, шум, шорох и звон. При этом слово *звон* соотносится со словом *звать* и имеет сему 'звук' (Шанский 1875: 161). Само слово *поле*, определяющее пространство иного мира, связано с представлением об опасном и гибельном пространстве (Шейнина 2003: 71), о русской душе, воле, пути в неизведанное:

Я очутился в поле незнакомом,
В моих ногах запуталась тропа.
Я переполнен шелестом и звоном,
Мое дыханье пахнет, как трава (с. 35).

Отсюда странное перемещение в пространстве, загадочная тропа, по которой свои последние шаги делает странник:

Раскинув руки, я упал с размаху.
Роса меня покрыла тяжело.
И мне не встать, как будто сквозь рубаху
Корнями в землю сердце проросло (с. 35).

Образ сердца, проросшего корнями в землю, символизирует земную и небесную любовь, источник жизни, душу (Копалинский 2002: 192), принадлежность родной земле, неразрывную связь с природой.

В год окончания Литературного института Кузнецов пишет стихотворение «Завижу ли облако в небе высоком» (1970). В нем предельно точно поэт определяет время и пространство, говорит о мыслях и чувствах лирического героя. На уровне образов, ключевых слов *небо, поле* возникает кольцевая композиция, при помощи которой создается ощущение круговорота времени. В этом стихотворении Кузнецов совмещает «внутреннее зрение» и «внешнее». Лирический герой видит широкое поле, высокое небо, пространство былинное и героическое:

Завижу ли облако *в небе* высоком,
Примечу ли дерево *в поле* широком, –
Одно уплывает, одно засыхает
А ветер гудит и тоску нагоняет (с. 76).

Взгляд лирического героя устремлен ввысь и вдаль. Человек пытается отодвинуть линию горизонта, преодолеть ее, раскрыть тайну пространства, через него познать себя. Отсюда использование в тексте слова *шататься*, которое характеризует окружающий мир как пространство неприкаянного человека, странника. *Шататься*, по В.И. Далю, «бродить, шляться безъ дела; ходить взадъ и впередъ» (Сл. Д., т. IV, с. 623). По М.Фасмеру, данное слово имеет семы 'бросать', 'швырять', 'качать', 'склоняться', 'двигать с шумом' (6, Сл. Ф., т. IV, с. 412), то есть слово *шататься* в тексте приобретает значения «странствовать», «поиски чего-то неведомого, смысла бытия», «неустроенность», «отсутствие покоя», «мечта». Дерево же и облако, являющиеся своеобразными ориентирами в пространстве, символизируют тайну жизни, быстротечность бытия, рождают чувство тоски и одиночества:

Что вечного нету – что чистого нету.
Пошел я *шататься* по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко
И поле широко, и небо высоко (с. 76).

Далее в творчестве поэта появляются мифы, в которых каждый предмет воспринимается как символ. Дерево, облако, ветер, дорога, поле, камень, колесо становятся любимыми образами, раскрывающими тайны бытия, чувства и мысли лирического героя, его представления об окружающем мире. Отражают они и «катастрофическую неустойчивость» мира, о чем говорил критик Ю.И. Селезнев в книге «Мысль чувствующая и живая», а самое главное – рождение «сопротивления и воли к преодолению трагедийного миробеспорядка» (Селезнев 1982: 224).

Итак, ключевые слова *отец, дед, звезда, поле, облако, тень,* организующие в творчестве Кузнецова пространство и фиксирующие время, восходят к понятиям «духовное начало», «поиски

смысла бытия», определяют они духовный вектор развития одного из выдающихся русских поэтов второй половины XX века.

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. М.: Русский язык. Медиа, 2006.
2. Копалинский В. Словарь символов [Текст] / В. Копалинский. Калининград: Янтарный сказ, 2002.
3. Кузнецов Ю. Крестный ход. Стихотворения и поэмы [Текст] / Ю. Кузнецов. М., 2006.
4. Селезнев Ю. И. Мысль чувствующая и живая: Литературно-критические статьи [Текст] / Ю. И. Селезнев. М.: Современник, 1982.
5. Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой [Текст] / М.: Русский язык, 1985–1988 (МАС).
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. М.: Астрель: АСТ, 2004.
7. Шанский, Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка / [Текст] Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975.
8. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов [Текст] / Е. Я. Шейнина. М.: АСТ; Харьков: Торгсинг, 2003.

Макарова Е. А., г. Иркутск, Россия

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОПЫТА КАК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье анализируется вербализация опыта как эмоционального состояния с помощью именной и глагольной лексемы experience на материале газетных статей, художественных произведений британских и американских авторов. Посредством концептуального, дефиниционного и контекстуального анализа категории опыт устанавливается и рассматривается связь между когнитивно-перцептивной, телесной и эмоциональной сферами человека. Выделяются значимые психоэмоциональные состояния, имеющие ценность для взаимодействующего с миром человека.

Ключевые слова: опыт, категория, репрезентация, эмоциогенная ситуация, вторичные эмоции

VERBALIZATION OF THE CATEGORY EXPERIENCE IN EMOTIONAL CONTEXT

Abstract. The paper deals with the verbalization of the category experience with the help of a noun and verb lexeme *experience* used in British and American newspaper articles and stories. The connection between the cognitive-perceptive, bodily and emotional states of a person is established and analyzed by means of conceptual, definitional and contextual analysis of the category experience. Significant emotional states that have value for the person interacting with the world are singled out.

Keywords: experience, category, verbalization, emotional context, feelings

В современных эпистемологических теориях, философии языка и, собственно, лингвистических концепциях, посвящённых языковой эмпирике, как таковой, проявляется особый интерес к триаде опыт-язык-знание. Наблюдаются определенные изменения в трактовке ключевых понятий, в частности постулируется неразрывная взаимосвязь и взаимодействие перцептивного, сенсомоторного опыта и знания. Когнитивные процессы рассматриваются как распределенные в мозге, теле и, в некотором смысле, социальном и физическом мирах человека (Коули 2006:134) Считается, что разум не только воплощен в теле, но воплощен таким образом, что концептуальные системы во многом определяются свойствами наших тел и той среды, в которой мы живем. Значение возникает в наших телах и посредством наших тел (Lakoff 1999:6). Очевидно, что телесные процессы и состояния неотделимы от рациональной деятельности. Эмоции являются посредниками между реальными событиями и мыслями человека. Они выполняют смыслообразующую функцию, сигнализируя об адекватности-неадекватности ситуации деятельности ее мотивам (Леонтьев 2005:474). Эмоциональные состояния являются невербальными ориентирами в когнитивной области взаимодействующего с миром человека. Следует отметить, что психоэмоциональный мир человека весьма основательно изучен рядом антропоцентрических наук, в которых накоплен огромный багаж знаний. Неудивительно, ведь в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы и даже речь (Апресян, 1995:367). Современная трактовка опыта, как проявления взаимной каузальной детерминированности организма и среды (Матурана 1999), предоставляет достаточно оснований для исследования отдельных составляющих этой категории в их взаимосвязи. Лингвистический анализ эмоционального опыта в его отношении к ситуации и рациональной

деятельности человека является актуальным. В статье рассматривается языковая вербализация опыта как эмоционального состояния с помощью именной и глагольной лексем experience в современном английском языке. Материалом исследования служат примеры из газетных статей и художественных произведений американских и британских авторов. В работе осуществляется синкретичный подход к анализу основных концептуальных составляющих категории опыт на междисциплинарном уровне, с учетом данных современной эпистемологии, лингвистики и психологии.

Дефиниционный анализ именной лексемы: experience – a particular feeling that a person has undergone (CED) позволяет определить ключевую категорию feeling, которая является сложной сама по себе (Wierzbicka, 1980). *Feeling* – «1. the sensation involving perception by touch (AHD) 2. emotion; impression» (LDOCE). Выделяется относительно небольшое количество телесных перцепций (внутренних сигналов), категоризованных этим существительным, в частности эмоция. Дескрипция ключевого слова *emotion* – «excitement arising from the heart, not from the mind» (OALDCE) – указывает на специфический источник эмоционального состояния, ассоциируемый больше с сердцем, духом человека, чем с разумом или какой-то внешней причиной. Это значит, что эмоции являются следствием определенных отношений, которые не подвластны контролю экспериенцера (Wierzbicka, 1980).

Эмоции сопряжены с ситуацией. К эмоциогенным ситуациям, т.е. событиям, действиям, которые вызывают определенную эмоцию, относятся ситуации, которые оказывают воздействие и меняют дальнейшее поведение человека. В качестве эмоциогенной ситуации может выступать коммуникативный акт. Рассмотрим пример: *... he had heard Mrs. Davidson's agitated whisper and he saw by his wife's open mouth and pale face that she was enjoying an alarming experience* (Maugham). Имя *experience* в таком контексте осмысливается как эмоциональное состояние, переживаемое человеком. Определяющее слово *alarming* (*alarming* – «causing anxiety» (OALDCE)), сочетающееся с именем *experience,* характеризует эмоцию, которую испытывает человек. Сочетание имени *experience* с глаголом *enjoy* в форме Continuous указывает на динамический характер переживаемой эмоции, сопряженной с деятельностью субъекта опыта во внешнем мире.

Эмоции возникают как результат взаимодействия мыслей, характеризующих ситуацию, и реальной деятельности в этой ситуации. Эмоции значимы для человека. Если ситуация соответствует мыслям человека об этой ситуации, то возникает положительная эмоция и наоборот. Глагольная категория более очевидно выражает соотношение внутреннего психоэмоционального состояния человека и его деятельности: *He had experienced a curious pleasure in attributing every kind of wickedness to this man* (Hartley).

«Эмоции запоминаются и своеобразно обобщаются в связи с теми или другими возникающими ситуациями» (Леонтьев 2005: 470-471). Это значит, что одно и то же эмоциональное состояние можно испытывать несколько раз: *Today, you can re-experience that same sense of childish wonder ...* (Observer). Обобщенные эмоции передаются, т.е. выражаются в коммуникативном поведении с помощью вербальных и невербальных средств, например, посредством выразительных движений, мимики, интонации: *Although their dress was not equipped to deal with soaking weather and although they may have been expected to turn back at the sight of such greyness, they continued and even displayed some sense of enjoyment at the discomfort each was experiencing* (Davidson). Возникшая ситуация непогоды *soaking weather*, в которой оказались субъекты опыта, оказала воздействие на них, вызвав отрицательные телесные и/или эмоциональные ощущения (*discomfort* – «1. a feeling of slight pain or of being physically uncomfortable 2. a feeling of embarrassment, shame, or worry« (LDOCE)).

Однако, несмотря на отрицательное воздействие непогоды и отрицательные ощущения, субъекты перцептивно-аффективного опыта выразили, коммуницировали положительную эмоцию *displayed some sense of enjoyment*, которая возникла вследствие интерпретативных усилий, в результате сравнения и оценки текущего положения дел с предшествующими знаниями о схожих ситуациях. Подчеркнем, что оценка текущего состояния может вызвать вторичные эмоции, которые меняют поведение экспериенцера. То, что человек запоминает, обобщает и передает эмоции, подчеркивает связь рациональной деятельности и эмоциональных состояний. Рассмотрим пример: *... grounds for divorce seem pressing in the desperate unhappiness and pain either or both partners appear to be experiencing* **(**Lawson). Безусловно, развод divorce является аффектогенной ситуацией, т.е. вызывает сильные эмоциональные переживания, которые запоминаются. Закрепленные за ситуацией знания/переживания, выражены словосочетанием *grounds for divorce* (*ground* – «1. a subject or area of knowledge 2. a general opinion, a set of attitudes» (LDOCE)). Они анализируются, оцениваются и накапливаются. Выражаясь метафорически, ложатся тяжким грузом на плечи субъектов опыта, требуя решения, на что указывает оценочное прилагательное *pressing*.

В психологии выделяют подклассы эмоциональных состояний. Аффекты классифицируются как внезапно возникающие эмоциональные явления. Возникновение таких эмоциональных состояний невозможно предсказать, т.е. человек не может контролировать появление аффекта. Сочетания глагола *experience* с существительными или именными группами, в значении которых присутствует признак «неожиданность», подчеркивает неспособность человека контролировать острые аффективные состояния: *He experienced a pang of sadness* (CED); *I experienced a sudden feeling of sick fear* (Chase). Особое внутреннее эмоциональное состояние, порожденное совокупностью эмоциогенных событий, характеризуется как чувство (Леонтьев 2005: 477). В отличие от эмоций чувства – это не ситуативные образования, не ситуативные эмоциональные, аффективные процессы, а предметные. Это своеобразная обобщенность. Это особая форма обобщения, осмысления/интерпретации эмоций в объекте. Объект может быть для сознания, то есть для личности, для человека, дан как угодно. Он может быть дан в форме вещественного, живого объекта или в форме его символа-заместителя, или в гораздо более обобщенной – в форме идеи. Чувства отличаются от эмоций тем, что «для возникновения чувств нужно какое-то время, пускай даже короткое, а главное нужен эмоциональный аспект, т.е. нужно накопление эмоциональных, эмоциогенных ситуаций. Это и есть эмоциональный, в широком смысле слова, опыт» (Леонтьев 2005: 478). Ю.Д. Апресян для выражения таких эмоциональных состояний использует термин «вторичные, окультуренные эмоции», подразумевая при этом, что они «мотивированы интеллектуальной оценкой ситуации как желательной или нежелательной для субъекта» (Апресян, 1995:370).

Другими словами, контролируемые взаимодействия человека с объектом внешнего мира порождают определенные значимые психоэмоциональные состояния, которые человек осмысливает/интеллектуально оценивает и выражает в чувстве. Поскольку чувство – контролируемое эмоциональное состояние, оно опосредованно целенаправленной деятельностью по отношению к объекту реальной действительности, например, *We begin to eat, and I experience a culinary epiphany sickened by the taste of scallops* ... (Observer). Наиболее эксплицитно этот концептуальный аспект категории опыт представлен в конструкциях с глаголом *experience* и существительными, выражающими обобщенные чувства. Например, *The first is the need for the artist to experience freedom from political or religious constraints* (Guardian). Имя *freedom* (*freedom* – «the state of being without constraint; fearing nothing» (OALDCE)) называет эмоциональное состояние/чувство, возникшее в результате осознанной, контролируемой ментальной деятельности человека; такое состояние нельзя охарактеризовать как внезапное и неконтролируемое. Употребление сочетания *to experience freedom* в одном контексте с существительным *need,* выражающим осознанную, контролируемую необходимость, подчеркивает вышесказанное.

Таким образом, эмоциональный опыт – это ситуативное образование, причина которого представляет собой синтез различных внутренних процессов и/или состояний и поведения человека в конкретной ситуации. Эмоции делятся на подклассы, в частности – аффекты и чувства. Аффекты в отличие от чувств, возникают как следствие взаимодействий с неконтролируемой ситуацией. Чувства возникают в результате осмысления и оценки предшествующих эмоциональных состояний, ассоциируемых с определённым объектом внешней среды. Эмоции выполняют смыслообразующую функцию, они значимы для экспериенцера. Ценность аффекта заключается в том, что он формирует знание. В схожих ситуациях это знание актуализируется, выполняя предупреждающую функцию. Ценность осмысленных эмоциональных состояний в том, что они выступают в качестве ориентиров в последующих взаимодействиях и отражают адекватность-неадекватность ситуации деятельности ее мотивам.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография Т.2 [Текст] / Ю. Д. Аресян. Языки русской культуры, 1995.
2. Коули С. Д. Динамика когнитивных процессов и науки о языке [Текст] / С. Д. Коули, А. В. Кравченко // Вопросы языкознания. 2006. №6. С. 133-141.
3. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Смысл; КДУ, 2005.
4. Матурана У. Биология познания. Язык и интеллект [Текст] / У. Матурана. М.: Прогресс, 1996.
5. Lakoff G. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. N.Y.: Basic book, 1999.
6. Wierzbicka A. Lingua mentalis [Text] / A. Wierzbicka. Academic press, Sydney, 1980.
7. AHD – The American Heritage Dictionary of the English Language. http://www.bartleby.com/dictionary
8. CED – Collins English Dictionary. URL: http://www.xreferplus.com/entry/2643975
9. LDOCE – Longman Dictionary Online of Contemporary English URL: http://www.longmanwebdict.com

10. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. Oxford University Press, 1987.

Максимова Т. Д., Максимов В. Д., г. Барнаул, Россия

ФОНАЦИЯ И АУДИЦИЯ ЗВУКОВОГО УНИВЕРСУМА КАК МОДУСЫ НОМИНАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются наименования звуковых и акустических концептов в современном английском языке. Выявлены сущностные характеристики звукообозначений, к которым относятся темпоральность, локативность, количественная параметрия, качественная аксиология, стилистическая маркированность, звукоподражательность, звукосимволизм и др. и определен бинарный принцип вербализации звуковой материи, как один из ключевых когнитивных принципов номинации в фононимике. Рассматривается роль фонационного и акустического векторов в процессе номинации и категоризации звукосферы.

***Ключевые слова*:** фонация, аудиция, модус номинации, фононимика.

PHONATION AND AUDITION AS MODUS OF NAMING AND CATEGORIZING THE SONIC SPHERE

Abstract. The paper is devoted to conceptual research on the names of sonic and acoustical concepts in the English language. Phononyms and auditives (the names mentioned) may be systematized on the basis of their regular universal and specific features. The most essential among them are: temporality, locativity, quantitative parameters; qualitative assessment; stylistic potential; onomatopoeia; sound symbolism and others. These semantic properties allowed the author to formulate the cognitive basis of binary nomination principle in phononymy and to show the role of phonation and audition in naming and categorizing the sonic sphere.

Keywords: phonation, audition, modus of naming, phononymy.

Звуковая материя в речемыслительной деятельности человека характеризуется двойной денотацией, т.е. двумя модусами номинации (нейминга). Следует различать фонационный и акустический нейминги. Такая двойная вербализация звуковых явлений объясняется, по-видимому, существованием в языковом сознании индивида двух смежных концептов – звуковых и акустических. Они представлены в языке разными лексическими единицами – звуковыми номинациями: фононимами (в традиционном языкознании они терминированы как звукообозначения) и акустивами (от *греч.* akousma – услышанное). В настоящей статье мы проанализируем и опишем основные когнитивные свойства звуковых и акустических концептов, воплощённых в лексических номинациях. По нашему мнению, к сущностным характеристикам семантики звуковых номинаций (как фононимов, так и акустивов) относятся бимодусность языковой репрезентации (в процессуальном и аудиальном аспектах), разноуровневость вербальных средств выражения (слова, словосочетания и предложения), темпоральность, локативность, количественная параметрия, качественная аксиология, стилистическая маркированность, звукоподражательность и звукосимволизм, концептуализация фоногенеза, флуктуации, распространения звука и его фазового характера (инициаль, медиаль и финаль).

Все вышеперечисленные значения и оттенки значения звуковых номинаций обнаруживают себя, прежде всего и по преимуществу, лишь в дискурсе, в составе фоновысказываний. Следовательно, лингвистический анализ фонолексики должен носить семантико-синтаксическую направленность. С этой целью мы сделали выборку из современной англоязычной художественной литературы более 10 тысяч предложений-высказываний, содержащих фононимы и/или акустивы. Новизна и актуальность настоящего исследования обусловлены тем обстоятельством, что ранее в трудах языковедов вопросы концептуализации и категоризации звукового универсума не рассматривались в качестве специального объекта изучения.

Бимодусность языковой репрезентации звуковой материи

Физические звуки являются не только фоном, но и неотъемлемым атрибутом нашей повседневной жизни. Кроме того, и сам язык в его устной ипостаси также составляет фрагмент **звукового образа мира**. Каждая лексическая единица языка имеет собственную звуковую оболочку и в этом смысле можно сказать, что номинация физических звуков есть не что иное, как перекодирование физических звуков в вербальные знаки. Казалось бы, что может быть проще для носителей любого языка – подыскать каждому звуку мировой полифонии соответствующую языковую «этикетку». Но не всё так просто. Стоит только вникнуть в проблематику языкового отражения реальной звуковой действительности, как тут же выясняется, что в силу закона асимметричности языкового знака один звуковой сигнал имеет несколько наименований в языке

(например, понятие «крик» в английском языке представлен длинной синонимической цепочкой: *bawl, bellow, cry, holler, scream, shout, shriek, yell* и т.п.*)*, а другие звуковые объекты совсем лишены однословного вербального обозначения. И носители языка в таких случаях вынуждены употреблять номинации аналитического типа, например, генитивные конструкции, построенные по модели N1+prep+N2: *the sound of the bell, the noise of footsteps* и т.п. Затем по мере дальнейшего погружения в эмпирический материал, обнаруживается, что помимо вышеупомянутых лексических номинантов звуков (однословной или многословной разновидности) существует ещё много других способов именования звуковой материи на разных уровнях языковой системы, а для «безымянных», «анонимных» звуковых явлений имеются в языковой системе перифрастические (дескриптивные, описательные) способы актуализации. Более того, кроме указанных средств ***прямой*** (лингвофонической) номинации звуков коммуниканты часто используют ***косвенную*** (лингво-акустическую) и ***непрямую*** номинации с опорой на фразеологические, метонимические и метафорические номинативные ресурсы языка. Лингвофонационная система звукообозначений относительно независима и одновременно связана с лингвоакустической системой вербализации, находясь с ней в отношениях взаимной комплементарности.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению функционально-когнитивных процессов концептуализации, номинации и категоризации, лежащих в основе нейминга компонентов звукового универсума в современном английском языке. Анализ большого эмпирического материала показал, что звукообозначения организованы в сложную открытую лексическую систему, отражающую не только онтологию звукового универсума, но и индивидуальное и коллективное знание о нём. Опираясь на идею Ж. Фоконье о концептуальной интеграции, мы изучили взаимодействие звуковых концептов в языковой реализации с базовыми универсальными концептами КАЧЕСТВА, КОЛИЧЕСТВА, ПРОСТРАНСТВА и ВРЕМЕНИ. Ознакомление со специальной литературой по данной теме показало, что в акустическом ракурсе английские звукообозначения исследованы достаточно детально – составлены классификации, изучены их структурные и функционально-семантические характеристики на фоне аудиальной модальности. В то время как когнитивный подход к проблемам фононимии начал развиваться относительно недавно. Процесс языковой концептуализации звуковых объектов, который происходит в сознании носителей языка, основывается на феномене концептуальной интеграции и может быть описан с использованием понятия концептуального блендинга (термин Ж. Фоконье).

Когнитивный подход к картированию звукового континуума в сознании носителей английского языка основывается на совмещении (соположении), а в отдельных случаях и на синтезе *звуковых концептов* с некоторыми базовыми универсальными концептами, например, с концептами КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, АУДИЦИЯ, ФОНАЦИЯ и т.п. В языке все универсальные концепты находят своё воплощение в соответствующих категориальных контекстах, которые вступают в семантическое взаимодействие с различными лексическими единицами, в том числе и с ***фононимами*** (звукообозначениями в традиционной терминологии), категоризуя их. Это взаимодействие происходит в составе фонических высказываний и является по существу проекцией в язык концептуальных интегратов (блендов).

Фононимика – это научная область в рамках когнитивной семантики, изучающая проблемы концептуализации, вербализации и категоризации звуковой материи. Она являет собой симбиоз собственно фононимики и лингвоакустики, т.к. её интересует не только объективация звуковых концептов, но и проблемы языковой репрезентации слухового восприятия. Ключевыми понятиями фононимики являются звуковой образ мира и акустическая картина мира. На языковом уровне они отличаются в силу того, что когнитивные признаки звуковых концептов представляют разные структуры знания и принципиально разные концептуальные и перцептуальные сущности. Связующим звеном между ними выступает звуковой концепт с его сущностными когнитивными признаками – качество, количество, пространство и время. Объединение онтологии звукового универсума с модальностью слухового восприятия происходит в мозгу человека на когнитивной сцене. Когнитивная сцена концептуальной сферы человека является тем ментальным интерфейсом, где на основе опыта и знаний индивида формируются концептуальные структуры, связанные с его речемыслительной деятельностью. На уровне речи ***концептуальное*** и ***перцептуальное*** представления о звуковой материи проявляются в факте сосуществования двух модусов номинации – фонического и акустического. Эти модусы порождают принципиально разные синтаксические модели фоновысказываний – фонические и аудитивные предложения. При тождестве фоноакустических ситуаций эти предложения имеют тенденцию к синонимическому сближению смыслов. Наиболее отчётливо это сближение прослеживается на лексико-фразеологическом уровне.

В лексическом фонде многих языков (английского и русского в том числе) имеются две лексико-грамматические группы (далее ЛСГ), состоящие из синонимических коррелятов (эквонимов) – слов и словосочетаний, являющихся репрезентантами семантического поля SOUND. Условно мы назвали такие языковые единицы фононимами и акустивами. См. Таблицу 1.

Таблица 1

Дуальный характер фононимии

ФОНОНИМЫ	АКУСТИВЫ
lecture theatre – лекционный зал	*auditorium – аудитория*
soundtrack – звукозапись	*audio file – аудиофайл*
loudly – громко	*audibly – громко; внятно, слышно*
Sound data – информация о звукосфере	*auditory data – аудиторная информация*
to be on everybody's lips – быть у всех на устах (быть притчей во языцех)	*to be familiar/known to everybody – быть у всех на слуху.*

Перечень фоноаудиальных манифестаций когнитивного принципа **oral** (артикуляционный) vs. **aural** (слуховой) может быть значительно увеличен:

*The child was given a good **telling-off** for stealing apples* (LDCE) **[**ORAL MANIFESTATION].

*If he comes here again and tries to make trouble, he'll get an **earful** from me* (LDCE) [AURAL MANIFESTATION].

Данное языковое явление – артикуляционно-ориентированный модус номинации vs. сенсорно-ориентированный модус номинации – свидетельствует о дуальном характере модуса вербализации в области звукосферы. Этот тезис подтверждается всем ходом анализа эмпирического материала. Он позволил нам сформулировать ***бинарный*** принцип вербализации звуковой материи, который, по нашему мнению, является одним из ключевых когнитивных принципов номинации в фононимике.

Категоризация звуковой материи

В настоящее время диапазон исследований когнитивной лингвистики расширяется, что связано в первую очередь с решением тех глобальных проблем, которые неизменно попадают в фокус её внимания: корреляции между *языковыми* и *ментальными* структурами; изучение разнообразных когнитивных способностей человека, включающих восприятие мира по всем чувственным каналам, язык, память, мышление, воображение, речь; изучение когнитивных процессов концептуализации и категоризации мира с учётом индивидуального опыта носителя языка; роль языка в осуществлении процессов познания и осмысления мира; проблемы вторичной репрезентации знания и т.д. (Ивашкевич 2016: 55). Познавательная деятельность человека сопряжена с необходимостью отождествлять и индивидуализировать объекты окружающего мира, что во многом определяет результаты познания мира (Кубрякова 2004: 16).

Категоризация предполагает мысленное соотнесение объекта или события с конкретной категорией объектов или событий на основе определённых представлений об их сущностных свойствах. Человек автоматически осуществляет категоризацию объектов, раскрывая общие принципы познавательного процесса и формирования знаний, показывая, как мы познаём окружающий мир, в какой форме и каким образом мы сохраняем полученные знания, в том числе с помощью языка (Болдырев 2006: 6).

При категоризации звуковых событий их сущностные свойства становятся категориальными признаками. Термин «событие» мы используем в широком смысле для обозначения онтологии звуков, т.е. для обозначения звуковых референтов конкретных *фоноаудиальных* ситуаций, когда профилируется попеременно то *фонационный* (артикуляторный), то *аудиальный* (акустический, перцептивный) модус номинации.

Анализ попыток объективировать звуковые концепты через классификацию звукообозначений подтверждает эту мысль. В процессе классификации звукообозначений (фононимов) различные лексикографические источники выдвигают разные сущностные признаки звуковых референтов в качестве их категориальных свойств.

А.А. Шушков, составитель Толково-понятийного словаря русского языка (Шушков 2008), взяв за критерий *физическую фактуру протокаузаторов* звуков (конкретных инструментов их производства), подразделяет русские фононимы-субстантивы на 6 классов (хотя по нашим наблюдениям, в эту систематику не попали вокальные номинации, музыкальные термины, зооморфы и термины акустики).

1. Металлические, костяные и т.п. Предметы, ударяясь *друг о друга*, издают короткие, отдельные звуки: *стук, щёлк, лязг, цокот, клацанье.*

2. Лёгкие предметы, например, бумага, листва и т.п., когда трутся *друг о друга*, издают невысокий негромкий звук: *шорох, шелест, шуршание.*

3. Небольшие металлические или стеклянные предметы, ударяясь *друг о друга*, издают высокий звук: *звон, звонок, бренчание, бряцание, дребезжание, звяканье, бряканье, треньканье.*

4. Два твёрдых предмета, когда трутся друг о друга, издают резкий звук: *скрип, скрежет*.

5. Хрупкие *предметы* издают резкие звуки, когда их ломают или деформируют: *треск, хруст, хрумканье*.

6. Текущая *жидкость* (дождь, водопад и т.п.) Издаёт «мокрые» звуки: *журчание, бульканье, дробь, хлюпанье* и т.п.

Автор-составитель использует фактурные признаки протокаузаторов: металлические, костяные, стеклянные предметы; твёрдые, лёгкие, небольшие, хрупкие и жидкие предметы (в отдельных случаях даже называются сами эти предметы: *бумага, листва, дождь, водопад*). Это помогает ему осуществить и дополнительное разбиение звуков на классы: короткие, отдельные, высокие, невысокие, негромкие, резкие и «мокрые».

Автор словаря Longman (LLA 1996: 1267-1271), тоже опирается на физическую природу протокаузаторов и делит корпус английских субстантивных фононимов на 7 групп (следует заметить, что в этом реестре оказались не прописанными номинации производственных шумов):

1. Звуки ударов при падении *предметов* на твёрдую *поверхность*: *bang, thud, crack, crash, clatter, bump, thump.* (предмет – *актор*, поверхность – *ре-актор*).

2. Звуки двух трущихся *друг о друга* предметов: *scrape, creak, squeak, screech.* (указаны оба члена звукового бинома).

3. Звуки ударов двух предметов *друг о друга*: *knocking, rap/rapping, patter, rattle, tap.* (то же, но без обозначения кинесики предметов).

4. Звуки ударов стеклянных или металлических предметов *друг о друга*: *clink, clank, clang, jingle, ring, tinkle.* (то же, но с указанием на материал протокаузаторов звука).

5. Звуки, производимые воздушной струёй: *hiss, swish, fizz*.

6. Звуки *колокола* или *клаксона*: *ring, toll, chime, hoot, honk.*

7. Звуки *жидкостей: splash, squelch, gurgle, plop, bubble*.

В других случаях при категоризации звуковых событий фонационный модус номинации способен уступать когнитивную сцену акустическому модусу (подробнее о когнитивной сцене см. Колесов 2008: 274). В частности, автор словаря Роже (RTEWP) положил в основу классификации звуков *перцептивный фактор*, который учитывает то звуковое впечатление, которое они оказывают на реципиента (по другой терминологии: слушающего субъекта / второго коммуниканта / адресата речи). В тезаурусе выделяются следующие рубрики:

а. Общие свойства звуков (sound in general);

б. Конкретные звуки (specific sounds);

в. Музыкальные звуки (musical sounds);

г. Восприятие звуков (perception of sounds).

Конкретные звуки делятся автором на несколько разрядов:

1. Резкие и громкие (sudden and violent): *snap, knock, click, clash, slam, etc*.

2. Повторяющиеся и длинные (repeated and protracted): *roll, rumble, rumbling, hum, humming, etc.*

3. Звонкие (resonance): *ring, ringing, jingle, chink, tinkle, etc*.

4. Шипящие (hissing): *hiss, buzz, whiz, rustle, wheeze, etc*.

5. Неприятные (harsh): *strident, jar, grating, creak, clank, etc.*

6. Человеческие (human): *voice, cry, vociferation, outcry, shout, etc*.

7. Животные (animal): *bellow, bark, yelp, howl, bay, etc*.

Однако, по нашему мнению, в 6-м и 7-м разряде нарушен классификационный принцип онтологической категоризации звуковой субстанции: акустический эффект от объектов-перцептов заменён на наименование типа источника звука – «звуки человека» и «звуки живой природы». В то же время в первых пяти классах общим категориальным признаком является характеризация звуковой субстанции как объекта перцепции. Семантика признаковости акустических объектов возведена в ранг категориального значения.

Подобная картина – микс модусов номинации – наблюдается и в составе словарных дефиниций фононимов. С той лишь разницей, что актуализация фонационного и акустического

когнитивных векторов приобретает смешанный характер даже в пределах отдельно взятого определения. Например,

'bump' *[CCEDAL] – a dull sound of two heavy objects hitting each other;*

'bump' *[LLA] – the dull, fairly quiet sound produced when something such as part of your body hits something or falls against a surface;*

'bump' *[LDEC] – the sound of a sudden forceful blow, like something heavy hitting a hard surface;*

'bump' *[ALDCE] - blow or knock; dull sound made by a blow (as when two things come together with force.*

Во всех четырёх примерах представлены оба когнитивных вектора: с одной стороны, в контур выходит ***продуцирование*** звука, где репрезентируются агенсы звука в виде материальных объектов (*two heavy objects)*, а с другой стороны – маркируется отношение языковой личности к звуку как объекту ***перцепции*** (*dull, fairly quiet, sudden*).

Анализ эмпирического материала, учёт классификаций и дефиниций из лексикографических источников и теоретических работ лингвистов способствовал формированию нашей концепции номинации и категоризации звуковой материи.

Наши наблюдения над отражением особенностей звуковых явлений в лексической системе современного английского языка свидетельствует о том, что в основе категоризации звуков лежит ***фонационный*** когнитивный вектор языковой репрезентации (Ф-вектор), как профилирующий компонент. Что же касается ***акустического*** номинативного вектора (А-вектора), актуализирующего акт аудиальной перцепции, то он играет в процессе номинации и категоризации звукосферы вспомогательную роль. И хотя весь процесс вербализации физических звуков в современном английском языке происходит как бы в двух параллельных плоскостях – ***фонации*** и ***аудиции,*** но профилируются эти языковые модусы по-разному, в силу того, что язык кодирует звуковые события чаще и по преимуществу с точки зрения *производства* звуков, а не их *восприятия*. Иначе говоря, при вербальном семиозисе физических звуков превалирует фонационный модус их языковой репрезентации.

Таким образом, мы показали некоторые лингвокогнитивные особенности номинации и категоризации звуковой материи в современном английском языке.

Содержание статьи позволяет сделать следующие выводы.

1. Звуковые и акустические концепты являются партиципантами фрейма «звуковая материя», состоящего из субфреймов «звукопроизводство» и «звуковосприятие».
2. Звуковые концепты номинированы в языке фононимами (звукообозначениями), а акустические концепты представлены акустивами.
3. Различные номинации звуковых концептов обусловливают необходимость их изучения в соответствующих направлениях, которые могут быть представлены в виде *фононимики*, изучающей фононимы, и *лингвоакустики*, где объектом изучения выступают акустивы.
4. Поскольку и фононимика, и лингвоакустика номинируют и изучают единое концептуальное пространство – звуковую материю, то представляется логичным и обоснованным объединить их в один раздел лексикологии под названием *лингвосонология* (от *лат*. sonus – звук).

Библиографический список

1. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 5-23.
2. Ивашкевич И. Н. Роль перцептивных и пространственных признаков в метафорическом картировании внутреннего мира человека [Текст] / И. Н. Ивашкевич // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 55-62.
3. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): Монография [Текст] / И. Ю. Колесов. Барнаул, 2008.
4. Кубрякова Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы [Текст] / Е .С. Кубрякова // Языки и транснациональные проблемы: Материалы 1 международной научной конференции. В 2-х ч. Ч.1. Москва-Тамбов, 2004. С.9-16.
5. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка [Текст] / А. А. Шушков. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008.
6. ALDCE – Hornby, A.S. The Advanced Lreaner's Dictionary of Current English. [Text] / A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. Oxford University Press, 1963. 1528 p.
7. CCEDAL – Collins Cobuild English Dictionary for Adult Learners.: in 2 vls. M.: Астрель, 2006.
8. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. [Text] в 2-х т. М.: Русский язык, 1992.
9. LDEC – Longman Dictionary of English Language and Culture. [Text] London: Longman, 1992.
10. LLA – Longman Language Activator. [Text] – London: Longman GROUP UK Limited, 1993.

11. RTEWP – Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. New Edition revised and edited by George Davidson [Text] London: Penguin Group, 2004.

Мячин К. А, г. Петропавловск, Казахстан

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОСОБОВ АКТУАЛИЗАЦИИ АВТОРСКИХ КОНЦЕПТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ВЬЕТ ТАН НГУЕНА «THE SYMPATHIZER»

Аннотация. В статье дается методологическое описание исследования художественного произведения американского писателя, лауреата Пулитцеровской премии за 2016 год, Вьет Тан Нгуена. В статье описаны гипотезы, цель и задачи конкретного лингвистического исследования, приводится практические примеры получения, систематизации и обработки данных для верификации и объективизации выводов исследования на материале текста произведения «The Sympathizer».

Ключевые слова: методология, концепт, гипотеза, цель, анализ.

METHODOLOGY OF THE STUDY OF THE NOVEL OF VIET THANG NGUYEN «THE SYMPATHIZER»

Abstract. The article gives a methodological description of the study of the work of an American writer and laureate of 2016 Pulitzer Prize Viet Thanh Nguyen. The article reveals the hypotheses, goal and objectives of a particular linguistic study, gives practical examples of obtaining, systematizing and processing data for verification and objectification of research findings on the material of the text of the novel «The Sympathizer».

Keywords: methodology, concept, hypothesis, aim, analysis.

Методология научного исследования в лингвистике определяет пути и способы познания языка в широком смысле, а именно процесс его существования, механизмы функционирования, а также действительные и потенциальные возможности его использования.

Для достижения цели исследования, оформленной в виде абстрактно-идеального конструкта, первоначально требуется осуществить некоторые эмпирические шаги и использовать определенный методологический инструментарий.

Проблема выбора и применения методов исследования берет свое начало в Древней Греции, где, например, Сократом (469-399 до н.э.) был создан метод «маевтики», который предполагал познание истины через диалог, позволяющий критически и всесторонне описать и оценить изучаемый объект. Аристотель (384-322 до н.э.) разрабатывал способы доказательства истины и критического описания явлений в единстве с применением способов индукции и дедукции (Википедия 2018).

В 16-17х веках нашей эры античные методы познания были уточнены и получили новое дыхание с развитием естественных наук, повлекшее за собой появление новых рациональных методов познания, таких как рациональная индукция и дедукция Фрэнсиса Бэкона и Рене Декарта.

Следующим этапом в развитии методов стал эволюционный диалектический подход Георга Фридриха Гегеля и Иммануила Канта (Википедия 2018). Созданный ими метод заложил основу философских законов познания: «единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и закон «отрицания отрицания», которые существенно уточнили систему философских категорий, господствующую в античности» (Красина 2016: 30-31).

В нашем лингвистическом исследовании мы в первую очередь опираемся на такие общенаучные методы как, например, сравнение с опорой на основание сравнения – *tertium comparationis*, применяем структурные, семиотические и семантические методы, среди которых концептуальный и компонентный анализ текста.

В лингвистическом исследовании языковой семантики художественного текста мы используем концептуальный анализ – «метод исследования, предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств; изучение концептов как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора, стоящего за текстом» (Жеребило 2010: 165) и компонентный семантический анализ, предполагающий «описание лексического значения слова путем установления смысловых компонентов этого значения» (Жеребило 2010: 160).

Следовательно, можно утверждать, что наше исследование опирается на общепризнанные методологические и ценностные установки людей мира науки вообще и языкознания в частности, существующие в эпоху так называемой «нормальной науки» (Красина 2016: 33).

Следование общепризнанным научным установкам лингвистического исследования очерчивает границы парадигмы нашего исследования, которое осуществляется в рамках логико-грамматической, структурно-семантической, коммуникативной и концептуальной парадигм. В

коммуникативной парадигме в частности «реализованы знания о языке с семантикой, синтактикой и прагматикой» (Красина 2016: 34).

Наше исследование проводится на трех уровнях – это эмпирический уровень с применением методов поиска, фиксирования и первичного анализа объекта или объектов исследования; теоретический уровень исследования, который требует применения анализа, синтеза, систематизации полученных данных; а также методы третьего уровня исследования, которые предполагают построение системного конструкта на уровне абстрагирования с применением лингвистического моделирования.

«Из области лингвистики к таким абстрактным моделям относятся семантические примитивы А. Вежбицкой, семантический язык модели «смысл-текст» Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука, языковой знак Фердинанда де Соссюра, модель коммуникации Р.О. Якобсона» (Красина 2016: 42-43).

На данном этапе наше исследование представляет собой изучение творчества одного писателя, лауреата Пулитцеровской премии за 2016 год, Вьет Тан Нгуена. Материалом исследования служат:

– роман «The Sympathizer» в объеме 371 страница (Nguyen 2015);

– работа «Nothing ever dies» в объеме 356 страниц (Nguyen 2016);

– короткие рассказы;

– силлабусы, веб-сайты и прочие ресурсы, созданные Вьет Тан Нгуеном или имеющие прямое отношение к нему.

Выбор конкретного писателя был обусловлен тем, что его имя было замечено в сводках, как имя победителя Пулитцеровской премии за 2016 год, и тем, что содержательный и смысловой аспекты произведений отличаются актуальностью и насущностью, а план выражения работ репрезентирует авторский стиль, отношение и уникальный набор смыслов, выраженных в слове особым авторским способом.

Перспективная *гипотеза* нашего исследования строится на верификации триады: язык индивидуальный – язык национальный – язык человеческий; и утверждает, что то, что сказано, выражено в слове эксплицитно, или передано имплицитно через определенные возможности и механизмы языка одной языковой личностью, одновременно отражает и привносит это же в язык национальный и далее в язык человеческий.

Вторая *гипотеза* нашего исследования предполагает то, что объективные данные, полученные в результате применения методов обработки, фиксации, анализа, синтеза, систематизации и классификации текстового материала, могут быть оформлены и представлены в виде абстрактно-идеального конструкта или лингвистической модели конкретной языковой личности.

Следующая *гипотеза* нашего исследования говорит о том, что поскольку язык представляет собой универсальную знаковую систему, систематизированные данные характеризующие его, выраженные в определенном аспекте или аспектах, могут быть представлены в виде лингвистической модели или формулы с элементами статистических цифровых данных и количественных измерений.

Выдвинутые гипотезы очерчивают границы нашего исследования в будущем и определяют его *цель*, которая уже может быть представлена следующим образом – всесторонний лингвистический анализ разно жанровых произведений одного автора с целью выявления эксплицитных, имплицитных и абстрактно-образных языковых закономерностей, представленных в языке индивида и характеризующих его, а также влияющих на язык национальный и на язык общечеловеческий.

Цель исследования предполагает решение следующих *задач*:

– концептуальный анализ и систематизация данных на материале произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer»;

– концептуальный анализ и систематизация данных на материале произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies»;

– концептуальный анализ коротких рассказов Вьет Тан Нгуена;

– описание и анализ веб-сайта автора;

– описание и анализ силлабусов автора;

– систематизация и структурирование всех полученных данных;

– построение абстрактно-идеального конструкта или лингвистической модели ментальной сферы автора;

– применение лингвистического моделирования с элементами статистических цифровых данных и количественных измерений к детерминации объективных свойств текста исследуемых произведений.

Прежде чем описывать проведенный на данном этапе исследования концептуальный анализ, необходимо дать наше понимание понятия «концепт», которое можно представить отрывком из

словарной статьи «Краткого словаря когнитивных терминов» Кубряковой Е.С.: «КОНЦЕПТ (Concept; Konzept) – единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике (Кубрякова 1997).

Концептуальный анализ был проведен при повторном прочтении произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer». При первичном прочтении мы знакомились с текстом; нам необходимо было выявить героев произведения его сюжетную линию, организацию, основные авторские идеи и главные смыслы.

После первого прочтения нами была опубликована обзорная статья: «Репрезентация авторских смыслов через создание художественной картины мира в произведении Вьет Хан Нгуена «The Sympathizer» (Мячин 2017: 209-216). После второго прочтения нами был проведен более подробный анализ текста произведения.

Целью концептуального анализа, представленного в этой статье, было выявление сути того, что хочет сообщить автор произведения своему читателю, используя эксплицитные и имплицитные возможности языка, реализованные способом акцентирования актуальных для автора компонентов концепта и передачи информации на основе текста художественного произведения.

Для достижения указанной цели мы использовали метод концептуального анализа текста, который предполагал установление актуальных смыслов путем сплошной выборки средств их репрезентации в тексте художественного произведения.

Для обобщения и систематизации данных, полученных в результате анализа произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer», мы также использовали элементарную формулу для подсчета процентного соотношения единиц актуализации авторского субъективного смысла на основе компонентов концепта в тексте. Использование этого метода показало нам, что для автора представляется наиболее важным и фундаментальным с точки зрения выражения, художественного описания и репрезентации этого в тексте.

Проводя исследование, мы отдавали себе отчет в том, что имеется погрешность, как чисто статистическая, потеря тысячных процентов, которые мы не учитывали для оптимизации подсчетов и которая составляет 0,13%; так и погрешность, обусловленная человеческим фактором при определении степени значимости тех или иных слов, высказываний и предложений автора.

Для соблюдения объективности необходимо отметить, что в исследовании мы использовали данные, полученные одним читателем-исследователем, который при всем стремлении к максимальной объективности и беспристрастности не мог не учитывать данные собственной концептуальной сферы, оказывающие влияние на осуществление выбора – фиксировать или не фиксировать определенную часть текста.

Как утверждает Карасик В. И., люди делятся на три типа: на тех, которые не видят образного и фигурального смысла; на тех, кто замечает его, когда он объективно присутствует в тексте или в высказывании; и на тех, которые видят переносный или фигуральный смысл во всем, что они читают, или слышат.

Следуя этому предостережению Карасика В. И., мы старались придерживаться золотой середины и оценивали образные и смысловые свойства текста с определенной осторожностью и максимально возможной объективностью.

Между тем, проведение такого анализа было абсолютно необходимым для верификации тех выводов, которые были уже сделаны ранее и повышения объективности в дальнейшем изыскании.

Таким образом, результатом проведенного нами концептуального анализа произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer» является следующее:

– в тексте выделено 24 единицы актуализации авторского субъективного смысла, образованных на основе компонентов концептов частотно представленных в тексте;

– локализовано и зафиксировано 483 случая актуализации 24 единиц авторского субъективного смысла;

– приведены примеры 483 случаев актуализации 24 единиц авторского субъективного смысла на языке произведения и представлены собственные варианты их перевода на русский язык;

– вычислено процентное соотношение представленности каждой из 24 единиц актуализации авторского субъективного смысла в тексте;

– выделено 11 единиц актуализации авторского субъективного смысла на основе компонентов концептов, получивших наибольшее распространение в тексте и, следовательно, наибольшие проценты их представленности.

Этими единицами стали: *«I-My» (18,21%), «Parts of the body» (10,55%), «American» (9,73%), «Memory» (7,24%), «Vietnam-Motherland» (6,41%), «Russian» (5,59%), «Children» (5,38%), «Life and death» (4,34%), «Film» (4,34%), «Confession» (3,72%), «Son Do-Sonny» (3,72%).*

Итого на 11 перечисленных единиц актуализации приходится 79,23% представленности в тексте, а доминантной авторской единицей по данным концептуального анализа становится единица актуализации на основе компонентов концепта *«I-My»*.

Как было отмечено выше, проведенный анализ позволяет верифицировать ранее сделанные выводы, результаты которых были представлены в трех статьях и опубликованы в различных сборниках.

Так, например, в опубликованной нами статье «Репрезентация авторских смыслов через создание художественной картины мира в произведении Вьет Хан Нгуена «The Sympathizer» (Мячин 2017: 209-216) мы утверждали следующее: «Для Нгуена оппозиция *восток / запад*, как и *жизнь / смерть*, представлена частотными лексемами, повторяющимися в определенных комбинациях, что свидетельствует о доминантном положении в художественной системе автора. Доминантный личностный смысл раскрывается следующим образом: *свое / чужое (США / Вьетнам (Родина по рождению); жизнь / смерть (США – Родина – чужое = жизнь, полная сложностей // Вьетнам – Родина по национальной принадлежности – возвращение* (Мячин 2017: 212).

Как мы можем видеть, оппозиция *восток / запад, жизнь / смерть*, определенная нами по результатам компонентного анализа в статье 2017 года, нашла свое отражение в таблице единиц актуализации на основе компонентов концептов, представленных в этой статье: *«Life and death» (4,34%), «Vietnam – Motherland» (6,41%) и «American» (9,73%)*. Следовательно, актуальность и представленность в тексте оппозиции *восток / запад, жизнь / смерть* была дополнительно верифицирована.

Таблица 1

«Актуализация авторского смысла на основе компонентов концептов»

Единица актуализации на основе компонентов концепта	Количество случаев актуализа-ции в тексте	Пример на языке оригинала	Страница локализа-ции в тексте	Перевод на русский язык	Частотность представлен-ности в тексте %
"I-My"	88	*Too much freedom of the press is unhealthy for a democracy, I declared. While I didn't believe this, my character, the good captain, did, and as the actor playing this role I had to sympathize with this man.*	131	*Слишком свободная пресса вредна для демократии, заявил я. Сам я так не считал, но поскольку мой герой, хороший капитан, должен был думать именно так, мне, как актеру, играющему свою роль, пришлось посочувствовать этому человеку.*	18,21%
"Parts of the body"	51	*Three brothers… having sworn undying loyalty to one another by slicing our adolescent palms and mingling our blood in ritual hand shakes.*	10	*Мы порезали наши юношеские ладони и смешали кровь в ритуальном рукопожатии, будто трое братьев, поклявшиеся в вечной дружбе.*	10,55%
"American"	47	*I did not have to think very hard before the most obvious story came to me. What we had here was your usual American tragedy, only this time starring a hapless*	96	*Мне не потребовалось много времени, чтобы вникнуть в суть сюжета. Передо мной была*	9,73%

		refugee.		*обычная американская трагедия, только в этот раз с несчастным беженцем в главной роли.*	
"Memory"	35	*Madame's pho harkened back to the warmth of my mother's kitchen, which was probably not as warm as it was in my memories…*	131	*Вкус супа фо, приготовленного Мадам, вернул меня в теплую атмосферу кухни моего детства, которая, возможно, и не была такой теплой, как в моих воспоминаниях.*	7,24%
"Vietnam (Motherland)"	31	*For several days I worked and reworked the list while the defenders of Xuan Loc were annihilated and, across our border, Phnom Penh fell to the Khmer Rouge. A few nights later, our ex-president secretly fled for Taiwan.*	9	*Несколько дней ушло у меня на составление списка, это было то время, когда защитники Ксян Лока были уничтожены, граница пала, а Фном Пен был взят Красными Кхмерами. Спустя несколько ночей наш бывший президент тайно бежал в Тайвань.*	6,41%

Компонентный анализ проведенный нами и описанный в статье «Роль лексем поля «части тела» и партитивов в передаче авторского смысла в произведении Вьет Хан Нгуена «The Sympathizer» (Мячин 2017: 50-55), показал следующее: «Вьет Хан Нгуен использует лексемы семантического поля «части тела человека» и партитивы как необходимость более внимательного и детального антропоцентрического изучения человека в различных ипостасях; принцип делимости, который заложен в слове «часть» и в партитивах, коррелирует с сюжетной линией и выбранным местом реализации дейксиса» (Мячин 2017: 50-55).

В Таблице 1 мы видим, что единица актуализации авторского смысла на основе компонентов концепта *«Parts of the body» (10,55%),* действительно, верифицирована, а ее обнаружение в тексте, фиксирование и описание не является случайным.

Описанию следующей единицы актуализации на основе концепта *«Children» (5,38%)*, была посвящена статья: «Концепт "children" в реализации авторской интенции в произведении Вьет Хан Нгуена «The Sympathizer» (Мячин 2018: 75-81). «С точки зрения реализации концепта "children" анализируемый текст имеет следующие характеристики: личностная значимость смысла, заключенного в существительном множественного числа "children" для автора; эмотивность, образность и знаковость в экспликации авторского концепта "children"; использование автором средств выражения концепта "children" с целью создания художественно-эстетического контраста в повествовании…» (Мячин 2018: 81).

Проведенный нами концептуальный анализ произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer» и его результаты позволили нам дополнительно верифицировать значимость, смысловую наполненность и актуальность анализируемых концептов.

Между тем необходимо отметить, что выделение единиц актуализации концептов в ходе анализа не является конечной целью, а лишь одним из необходимых шагов для достижения главной цели в лингвистическом исследовании на основе художественного материала творчества одного писателя.

Доминантная *цель* нашего исследования еще не очерчена полностью, но на данный момент продвижения исследования может быть представлена так: построение абстрактной лингвистической

модели или конструкта ментальной сферы индивида, позволяющей выявить закономерности ее формирования, существования и проявления в речи с целью оказания художественно-эстетического, смыслового, понятийного и иного воздействия на читателя.

Концептуальный анализ, описанный в данной статье, позволил нам структурировать главные ценностные установки автора и способствовал достижению доминантной цели исследования в дальнейшем. Поскольку теперь мы знаем, что было сказано автором, мы можем внимательно изучить то, как это было сказано, и определить, как то, что было сказано, характеризует того, кто это говорит.

Библиографический список

1. Жеребило Т. В., Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. Назрань: Пилигрим, 2010.
2. Красина Е. А. «Основы филологии: лингвистические парадигмы»: учеб. пособие [Текст] / Е. А. Красина, Н. В. Перфильева. М.: Флинта: Наука, 2016.
3. Кубрякова Е. С, «Краткий словарь когнитивных терминов» [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
4. Мячин К. А. «Роль лексем поля «части тела» и партитивов в передаче авторского смысла в произведении Вьет Хан Нгуена «The Sympathizer» [Текст] / К. А. Мячин // Научно-практический журнал «Аспирант» №11. 2017. Ростов-на-Дону. 2017. С.51-55.
5. Мячин К. А. Теория и практика языковой коммуникации [Текст] / К. А. Мячин. Уфа: РИК УГАТУ, 2017.
6. Мячин К. А. Язык. Культура. Личность. [Текст] / К. А. Мячин. Самара: СГСПУ, 2018.
7. Viet Thanh Nguyen, «Nothing ever dies». Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2016.
8. Viet Thanh Nguyen, «The Sympathizer» [Text] Grove Press. New York. 2015.
9. Электронная энциклопедия URL: https://ru.wikipedia.org.

Нефедова Л. А., г. Челябинск, Россия
Балакин С. В., г. Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ[6]

Аннотация. Разрабатываемый на основе ономасиологического подхода пропозициональный метод исследования деривационных процессов в языке раскрывает некоторые особенности самой пропозиции, среди которых можно выделить ее тенденцию к сворачиваемости, инклюзивности, устойчивости и экономичности.

Ключевые слова: ономасиология, пропозиция, сворачиваемость, информативность, деривация.

PECULIARITIES OF PROPOSITIONAL STRUCTURES IN DERIVATION PROCESSES

Abstract. The propositional method for the study of derivation processes in a language developed on the basis of the onomasiological approach reveals some of the peculiarities of a proposition itself among which there is a tendency of the proposition to contractibility, inclusiveness, sustainability and economy.

Keywords: onomasiology, proposition, contractibility, informativeness, derivation.

С развитием ономасиологического, а затем и когнитивного подхода, на первый план выходит пропозициональный метод исследования деривационных процессов, на основании того, что возникновение вторичных единиц на основе соотношения базиса и признака вписывается в общую концепцию о лексической деривации во взаимосвязи нескольких уровней, как лексического, так и синтаксического.

Деривация, то есть способность языковых единиц развиваться или видоизменяться, есть один из важных элементов «живучести» языковой системы. Деривационные процессы действуют тогда, когда изменяется внеязыковая действительность. Язык способен отразить различные нюансы: изменяется предмет (мировосприятие и т.д.) – язык вносит изменения в свою систему. При этом используется конечное число ресурсов лексических, грамматико-морфологических и в равной степени синтаксических.

Ономасиологический подход, эффективно разработанный в отечественной лингвистике, показал, что при имянаречении (словообразовании) производящая основа вступает в отношения со словообразовательными элементами и принимает статус базиса, а вторые становятся признаками. Развивая идеи базиса и признака, Е.С. Кубрякова говорит, что базис приобретает признак посредством особого ономасиологического предиката. В результате ономасиологическая структура получает

[6] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ

форму пропозиции (Кубрякова 2008: 3). В целом пропозиция обладает универсальным характером, так как показывает взаимодействие различных элементов, восходящих к четырем основным категориям: предиката, субъекта, объекта и сирконстанта, и содержащих различные признаки. При этом предикат связывает две противопоставленные части – субъект и объект – в единое целое, в котором субъект каким-то образом влияет на объект. Реализация пропозиции в речи может происходить на различных уровнях и языковых подсистемах. В зависимости от целей исследования лингвисты подходят под разными углами к анализу данной трехчленной структуры, которая проявляет свои различные особенности.

В рамках понимания того, что пропозиция проявляет определенные – факультативные – свойства при тех или иных языковых процессах, оказывается важным определить особенности деривационной пропозиции, проявляющиеся именно при словообразовании.

Во-первых, деривационная пропозиция отличается от общей тем, что предикат связывает именно те признаки, которые необходимы для формирования новой единицы, а не весь «арсенал» языковых средств. При этом одни и те же признаки участвуют в различных деривационных процессах, а позиция и конфигурация концептуальных характеристик может варьироваться. Подвижность также заключается в способности прирастать дополнительным признаком, необходимым для формирования морфологического деривата.

Во-вторых, разноуровневый характер функционирования пропозиции свидетельствует о ее способности к взаимопроникновению и саморазвитию; поэтому пропозиция есть структура с нежесткими – инклюзивными – границами. На языковом уровне инклюзивность структуры коррелирует с стремлением языка к экономии, причем смыслообразующие факторы действуют на всех уровнях языковой системы, что подчинено правильному оформлению речи и дискурса. Поэтому дискурс является самодостаточной системой с наивысшей степенью инклюзивности пропозициональных структур, включающих множество словообразовательных и синтактических подсистем. Пропозиционализация актуализированных элементов может происходить как внутри структуры, так и за ее пределами, при ее взаимодействии с другими ментальными образованиями, что говорит об их нежестком характере и размытых границах естественной категоризации объектов внеязыковой действительности.

В-третьих, наблюдается способность предиката объединять несколько элементов одновременно. За счет такой способности предиката конфигурация признаков может быть разной при детерминирующей роли субъекта в качестве экспериенцера внеязыковой ситуации. Соответственно, каждый член пропозиции может включать n число признаков, а при необходимости дополнять структуру членов дополнительными признаками.

В-четвертых, следующее свойство деривационной пропозиции – противоположное – это ее устойчивость и однородность, то есть способность предиката удерживать все остальные члены пропозиции. На языковом уровне эта способность обеспечивает стабильность и устойчивость образовавшихся вторичных единиц. Соответственно, даже если сирконстант вербализован полноценной языковой единицей, то устойчивое выражение не распадается за счет крепкой связи предиката с другими элементами. В результате чего деривационные пропозиции воспринимаются как должные, естественные и воспроизводятся с достаточной легкостью в языке в виде устоявшихся метонимических и метафорических выражений. Падежная грамматика, разработанная Ч. Филлмором, показывает, что такие взаимоотношения соотносятся с основными типами предложений (или событий). Устойчивостью характеризуются и дериваты, образованные морфологическим способом. Этому способствует не только сильная валентность предиката, но и тесная связь аффикса с концептуальной характеристикой, стоящей за ним.

В-пятых, несмотря на большое количество признаков, наблюдается их ограниченность. Т. А. ван Дейку и В. Кинчу удалось определить конечное их число, на основе анализа основных типов событий. Повседневные ситуации, отображаясь в человеческом сознании, складываются в голове говорящего в определенный формат, состоящий из таких функциональных элементов, как субъект, объект, их взаимодействие и определенные атрибутивы. Подобный формат Т. ван Дейк и В. Кинч называют ситуационной моделью, определяемой ими как интегральная структура, отображающая эпизодическую информацию о чем-то, с детерминированной семантической памятью (ван Дейк 1988: 185).

В-шестых, следующее свойство деривационной пропозиции – это наличие информативности. Деривационные процессы необходимо рассматривать в качестве эмпирического познания. По словам О. В. Магировской, в ходе практической деятельности субъект концептуализирует конкретно-чувственные сущности, в результате чего происходит формирование предметных концептов. За

уровнем познания следует уровень интерпретативно-оценочного осмысления, основными признаками которого, по мнению автора, являются субъективность, индивидуальность и производность. В совокупности данные виды познания выступают в качестве движущей речемыслительной деятельности, так как обеспечивают фокусировку внимания на определенном фрагменте реальности, а в равной степени на ее участниках и отдельных ее признаках (Магировская 2009: 12). В пропозиции можно выделить определенный отрезок информации, увидеть внутренние или внешние элементы, достраивающие/перестраивающие необходимую часть новой информации.

В-седьмых, свойство пропозициональной структуры проявляется в ее тенденции к сворачиваемости (к сжатию), что с одной стороны, продиктовано стремлением к языковой экономии, а, с другой, необходимостью раскрыть как можно больше информации в дериватах. Под степенью свёрнутости пропозиции мы понимаем количество членов пропозиции, профилированных (вербализованных) по принципу «фигура-фон» за счет концептуальных признаков, необходимых для понимания языковых единиц разных уровней (Балакин 2014). При сворачивании пропозиции актуализируется только тот фрагмент действительности, который должен быть «запечатлен» во вторичной единице. Можно выделить следующие виды сворачиваемости пропозиции при деривационных процессах: 1) до одного признака, 2) до двух признаков, 3) до трех признаков. Все они формируют деривационные узлы, по которым можно определить виды сворачиваемости, которые имеют градацию.

Так, первый вид сворачиваемости предполагает актуализацию признака в одном из членов пропозиции. Второй вид сворачиваемости пропозиции может иметь следующие подвиды: субъект+сирконстант, субъект+предикат, предикат+объект (выражен лексически), предикат+объект (выражен морфологическим способом, то есть словообразовательной единицей), объект+сирконстант. Третий вид сворачиваемости пропозиции может иметь следующие подвиды: объект+предикат+сирконстант (выражен одной словообразовательной единицей), объект+предикат+сирконстант (выражен двумя словообразовательными единицами).

В соответствии со свернутостью пропозиции деривационные процессы могут быть представлены следующими видами: суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, а также словосложением.

Например, в русском, французском и португальском языках производные языковые единицы с оценочным значением или указанием на признаковость (то есть имена существительные и прилагательные) отражают деривационную пропозицию по третьему виду (**объект–предикат–сирконстант)**, например: *ручонка, рученька, ножка, головка, головочка, головушка, головенка, личико, язычишко, язычок, пальчик, пальчонок, глазочек, глазик, глазенки, глазоньки, носик, волосик, волосок, волосочек, волосенки, косточка, зубок, зубочек, зубенки, ушко, кровушка, кровинка, кровиночка, кровинушка, osselet, jambette, perneta, lingueta, dentículo, narina.*

Композиты (то есть сложные слова) образуются путем словосложения двух основ; при этом пропозиция сворачивается по **второму и третьему видам**: *теплоход, луноход, sèche-cheveux; pince-nez.*

Третий вид свернутости пропозиции, в котором помимо объекта и предиката в вербализованном виде оказывается и сирконстант, представлен композитами, содержащими в опорном компоненте основу существительного, а в первом компоненте – основу прилагательного: *лупоглазый, пучеглазый, белозубый, длинноногий, разноязыкий, одноглазый, пятипалый, носогубной, переносица, косоглазие, косоглазость, зуборезный, хладнокровный, cabeladura.*

По третьему типу сворачиваемости пропозиции также формируются дериваты по префиксально-суффиксальному типу. Например, *безрукий, безъязыкий, беспалый, безглазый, безносый, безволосый, беззубый, безухий, descarado, descaro, descabelado, desdentado.*

Итак, деривационная пропозиция, наряду с общими, обладает своими собственными – факультативными – свойствами. Свойства в первую очередь отражают тенденцию языковой системы к экономии. Деривационная пропозиция восходит к базовым синтаксическим концептам, но в свернутом (сжатом) виде. Данное свойство отражает принципиальное отличие производного слова от полноценного высказывания.

Библиографический список

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

2. Дейк Т. А. ван Стратегия понимания связного текста [Текст] / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153-211.

3. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке [Текст]: автореф. дис. … д-ра филол. наук. 10.02.19, 10.02.04 / О. В. Магировская. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2009.

4. Балакин С. В. Основные свойства пропозициональный структуры при деривационных процессах (на материале французского языка) [Текст] / С. В. Балакин // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156, Кн. 5. Гуманитарные науки. С. 90-99.

Калинин С. С., г. Кемерово, Россия

О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕХАНИЗМОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА КАК ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ГИБРИДНЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКИХ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПИДЖИНОВ С КИТАЙСКОЙ ОСНОВОЙ)

Аннотация. В статье анализируются пиджины и контактные языки с русской и китайской основами, бывшие в употреблении ранее и употребляющиеся в настоящее время на территории Сибири и Дальнего Востока. Эти идиомы известны под обобщающим названием «сибирский пиджин» (или «дальневосточный пиджин»). Для анализа грамматических (морфологии и синтаксиса) и лексических явлений в этих языках используется как теория (лингво)культурных трансферов (гибридизация и креолизация языков понимается нами как одна из форм трансфера), так и теория минимализма, наряду с теорией гибридных и контактных языков. Также приводятся типологические параллели из других языков к ряду лингвистических феноменов сибирского и дальневосточного пиджина.

Ключевые слова: сибирский пиджин, контактные языки, креольские языки, языковая гибридизация, лингвокультурный трансфер, теория минимализма, лингвистическая типология.

TYPOLOGICAL CHARASTERISTICS OF MECHANISMS OF LINGUISTIC-CULTURAL TRANSFERS AS FORM OF COMMUNICATION AND INFORMATION EXCHANGE IN THE LIGHT OF HYBRYD THEORY (BASED ON RUSSIAN-CHINESE PIDGINS SPREAD ON SIBERIA AND AR EAST OF RUSSIA)

Abstract. The paper focuses on the study of some Russian-Chinese pidgins have spread on Siberia and Far East of Russia. The author examines their linguistic structures in light of theory of linguistic-cultural transfers, minimalism theory (based on the development of some ideas of N. Chomsky's generative grammar) and hybrid and mixed languages theory. The vocabulary, the morphology and syntax of those pidgins are analyzed in this paper. Some typological parallels (taken from the other language families rather than Russian and Chinese languages) to the linguistic peculiarities of these pidgins are given.

Keywords: Siberian language, mixed languages, creole languages, hybridization of languages, linguistic-cultural transfer, minimalism theory, linguistic typology.

Традиционно понятие трансфера употребляется применительно к теории креолизованных, креольских и контактных языков еще с 60-х гг. XX в. Оно было введено в терминологический аппарат лингвистике У. Вейнрейхом в работе (Weinreich 1979), где под трансфером подразумевалось взаимодействие языков в процессе контактов, гибридизации, а также языковая интерференция (Weinreich 1979: 29-47). В современной теории лингвокультурных трансферов различают обычно два понятия: трансфер знака и трансфер знаний (Демьянков 2016: 61-62). Первое понятие используется в теории перевода и переводоведении, под ним подразумевается перенос некоторого знака как элемента одной знаковой структуры в другую знаковую структуру при сохранении его потенциала формы и функции (Демьянков 2016: 61). Это понятие, как указывает В. З. Демьянков (Демьянков 2016: 61), используется в основном при описании переводческих трансформаций при решении проблем трудности перевода. Под вторым понятием, трансфером знаний, подразумевается передача сведений, информации теоретического и практического характера из одной информационной системы в другую (Демьянков 2016: 61-62).

Логичным будет предположить, что эти процессы – т.е., процессы трансфера знаков и трансфера знаний (информации) осуществляются непрерывно и одновременно, как в синхронии, так и в диахронии, поскольку процесс эволюции, развития языка протекает непрерывно. Это согласуется с построениями С. Г. Проскурина и А. В. Проскуриной о двух типах трансфера (Проскурин, Проскурина 2016: 429-431), осуществляющихся в синхронии и диахронии – коммуникации и передачи информации, соответственно (ср. с понятием «трансфера знаний» у В. З. Демьянкова (Демьянков 2016: 61)).

Образование гибридных и контактных языков, согласно положению, выдвинутому А. Д. Кошелевым (Кошелев 2017: 107), возможно за счет наличия универсальной перцептивной модели, лежащей в основе когнитивной структуры языка (Кошелев 2017: 106). Также, согласно основным положениям, выдвинутым А. Д. Кошелевым, языковая структура делится на два уровня – универсальный сенсорный и этноспецифичный функциональный (Кошелев 2017: 15-16). Такой постулат, высказанный А. Д. Кошелевым (Кошелев 2017: 15-16), (см. также «формулу» языковой структуры, приводимую им в работе (Кошелев 2017: 16)), можно соотнести с процессом трансфера знака, когда материально идентичные форманты при «переходе» из одной знаковой системы в другую получают разную функциональную нагрузку.

Креолизация неблизкородственных и разноструктурных языков (в частности, русского и китайского, которые служат материалом настоящего исследования), возможна также и за счет сходства глубинных структур этих языков. В частности, различия между поверхностными структурами и сходства на глубинном уровне синтаксических структур анализируются Дж. Бейлиным в рамках теории минимализма (Бейлин 2016: 50-55). При этом Дж. Бейлин выделяет две т.н. системы реализации – артикуляторно-перцептивную и концептуально-интенциональную (Бейлин 2016: 51). Им соответствуют два интерфейса – фонетическая форма и логическая форма (Бейлин 2016: 51). При этом Дж. Бейлин замечает, что «логическая форма представления предложения является универсальной для всех языков» (Бейлин 2016: 52). Именно за счет универсальности логической формы становится возможным процесс креолизации (см. также работу Ч. Дж. Хуаня о сходстве глубинных структур в английском и китайском языках (Huang 1982)).

Здесь и в дальнейшем будем различать две языковые системы, участвующие в процессе креолизации, а именно язык-донор и язык-акцептор (термин Б. А. Серебреникова (Серебренников 2010: 87; 92)): язык, из которого в процессе трансфера переносится информация, и язык, который принимает в себя, «вбирает» информационную систему языка-донора. В работе У. Вейнрейха языки, участвующие в процессе креолизации, обозначаются, соответственно, как язык-источник (source language) и язык-реципиент (recipient language) (Weinreich 1979: 61-62). Эти термины практически полностью идентичны по содержанию, и в дальнейшем мы будем использовать термины, предлагаемые Б. А. Серебренниковым.

В связи с анализом русско-китайских пиджинов и гибридных языков следует отметить тот факт, что существует (и существовало) несколько разновидностей таких языков (Оглезнева 2017: 167-168). Е. А. Оглезнева перечисляет ряд их названий в работе (Оглезнева 2017: 167). В частности, такой тип пиджинов и гибридных языков известен под названием «сибирский пиджин» (с дальневосточным его вариантом) в работах Е. В. Перехвальской (Перехвальская 2006a), (Перехвальская 2006b), «кяхтинский пиджин» в работе А. Ю. Мусорина (Мусорин 2004), «забайкальско-маньчжурский препиджин» (sic!) в работе Яна Цзе (Ян Цзе 2007). Вполне возможно, как по мнению Е. А. Оглезневой (Оглезнева 2017: 167), так и, по нашему мнению, что это просто названия различных территориальных вариаций или территориальных диалектов идентичного в своей основе креолизованного языка. В частности, эту мысль подтверждает наблюдение Е. А. Оглезневой, что ряд лексем, известных в забайкальском варианте русско-китайского пиджина, не встречаются в его дальневосточном варианте (Оглезнева 2017: 168). Кроме того, Е. А. Оглезневой приводится ряд интересных материалов о современном функционировании этого пиджина (или креолизованного языка) (см. (Оглезнева 2017: 168-169)). В частности, она отмечает его распространение в качестве контактного языка в Амурской области, в Хабаровском, Приморском и Забайкальском крае (Оглезнева 2017: 168). Кроме того, в ее же работе приводятся сведения о локальном распространении русско-китайского пиджина в г. Томске (Оглезнева 2017: 168-169).

Рассмотрим теперь лексическую и грамматическую системы русско-китайского пиджина. Как отмечается в исследованиях (Мусорин 2004) и (Перехвальская 2006a), его лексический фонд практически полностью состоит из русских по происхождению слов, которые, однако, вошли в пиджин, подчиняясь фонетическим законам китайского языка, в частности, закону открытого слога (см. работу А. Ю. Мусорина (Мусорин 2004: 79-80), где подробно описываются фонетические законы, действующие при трансферизации русской лексики в систему анализируемого пиджина, а также работу (Перехвальская 2006a: 110-111)). Это касается как именной (субстантивной), так и глагольной лексики. В качестве примера можно привести лексемы из кяхтинского варианта русско-китайского пиджина, данные в работе А. Ю. Мусорина (Мусорин 2004: 79-80): *бога* ‘Бог’, *десяти* ‘десять’, *дома* ‘дом’, *зада* ‘зад, сзади’, *закона* ‘закон, обычай’, *меда* ‘мёд’, *милиона* ‘миллион’, *мужа* ‘муж, мужчина’, *рукава* ‘рукав’, *ума* ‘ум’, *языка* ‘язык’. В данных примерах без труда можно опознать соответствующие русские слова. Как показывает А. Ю. Мусорин, данные лексемы вошли в

словарный состав русско-китайского пиджина не в номинативной, а в генитивной форме из-за действия закона открытого слога (Мусорин 2004: 79-80).

Как отмечается в тех же работах (Мусорин 2004) и (Перехвальская 2006a), незначительное количество лексического фонда русско-китайского пиджина происходит из китайского языка (Мусорин 2004: 82-83), меньшая часть – из монгольских языков (монгольского и старомонгольского, для кяхтинского идиома – также из бурятского (Мусорин 2004: 82-83)). Примечательно, что китаизмы представлены в русско-китайском пиджине в основном междометиями и ономатопейическими словами (Мусорин 2004: 82-83), случаи заимствования знаменательных слов единичны: в качестве примера можно привести такие лексема как *фуза* ‘лавка, магазинчик’ (Мусорин 2004: 82-83), *фанза* ‘дом’, *гаолян* ‘имя’, *ямынь* ‘полиция’ (Перехвальская 2006a: 110-111). К монголизмам относятся как служебные части речи (союзы, например, *адали* ‘точно, как, как будто’ <вероятно, из старомонгольского *adali*, современного монгольского *адли*, бурятского *адли* с тем же значением), так и некоторые глаголы (Мусорин 2004: 82-83). Аналогичное распределение в глагольной лексике – заимствование большей частью из русского языка, в незначительной степени из других языков (см. работу Е. В. Перехвальской (Перехвальская 2006b: 30)).

Таким образом, в отношении лексической системы русско-китайского пиджина языком-донором послужил в значительной степени русский язык (а также некоторые другие языки), при этом в процессе трансферизации лексемы русского языка встраивались в определенной, «застывшей» форме (для имени – в форме косвенных падежей (Мусорин 2004: 79-80), для глагола – в форме императива единственного числа (Перехвальская 2006b: 26)) в систему языка-акцептора, а именно, китайского.

Касательно грамматических особенностей всевозможных вариантов русско-китайского пиджина, то в нем, по крайней мере, формально выделяется класс имен и класс глаголов (Перехвальская 2006b: 28-32). Формальность разграничения частей речи в русско-китайском пиджине связана с тем, что он наследовал частеречную систему из китайского языка, которая традиционно основана, как пишет Ван Ли (Ван Ли 1989: 44-45), на синтаксической функции того или иного слова в предложении (хотя сам Ван Ли считает такую классификацию неполной и полагает, что необходимо учитывать не только функциональное и грамматическое значение слова, но и его лексическое значение (Ван Ли 1989: 46)). Кроме того, Ван Ли описывает, что в традиционных китайских грамматиках понятие «части речи» отсутствовало, хотя имелось представление о различных классах слов (Ван Ли 1989: 38-39). Из-за значительного влияния грамматической системы китайского языка, который, как и другие сино-тибетские языки, типологически характеризуются изолирующим строем, по данным С. Е. Яхонтова (Яхонтов 1990: 227), деление на класс имен и класс глаголов в русско-китайском пиджине во многом формально (Перехвальская 2006b: 29). Однако, Ч. Хоккетт рассматривает деление на имена и глаголы в языках мира как одну из универсалий (с определенными оговорками, касающимися, к примеру, языка нутка (один из вакашских языков Северной Америки)[7] (Хоккетт 1970: 48-49). Поскольку мы наблюдаем это противопоставление (хотя и в нерезко выраженной форме) и в креолизованных языках, каким является русско-китайский пиджин, то, вероятно, деление всех слов на имена и глаголы можно действительно квалифицировать как универсалию.

Первоначальный строй русско-китайского пиджина мы можем характеризовать как изолирующий (ср. с замечанием о «крайне бедной морфологии» т.н. редуцированных форм русско-китайского пиджина (Перехвальская 2006b: 28)), с незначительной тенденцией к агглютинации[89]. Во многом функция того или иного слова определялась в нем синтаксической позицией. С течением времени и дальнейшей эволюцией пиджина грамматическая система его, прежде всего, система глагольной морфологии начинает усложняться (Перехвальская 2006b: 32-33). Появляются специальные аспектуально-временные и модальные глагольные формы, время четко разграничивается

[7]Подобная типологическая особенность наблюдается и в енисейских языках, по словам Г. К. Вернера (Вернер 1997: 173), из-за большой проницаемости между традиционно определяемыми в них частями речи, в частности из-за получившей широкое распространение номинализации предикатов и предикативизации имен и именных комплексов. Более подробно см. работу (Живова 1979: 50-51; 52-53).

[8]Типологически схожее явление наблюдается в Новом Свете: южноамериканская семья языков же, распространенная на Юго-Востоке Бразилии, характеризуется аналитизмом грамматического строя с небольшой тенденцией к агглютинации (Климов 1990: 151). Однако, из-за отсутствия именного словоизменения, слабого развития глагольной морфологии строй ряда языков же может быть охарактеризован как близкий к изолирующему. Краткий очерк морфологии языков же см. в (Климов 1990), и подробное описание особенностей морфологии данной семьи на примере одного из языков (канела-крахо) см в работе (Popjes, Popjes 1986).

на прошедшее, настоящее и будущее, появляется категория перфективности-имперфективности, хабитуалиса (см. (Перехвальская 2006b: 32-33)). Среди модальных форм имеются модальность желательности, необходимости, возможности, разрешительности в утвердительной форме, а также параллельные им отрицательные формы (см. также (Перехвальская 2006b: 33)).

Среди других частей речи отмечены прилагательные, личные и притяжательные местоимения (Перехвальская 2006b: 32): знаменитые *моя* и *твоя* – могут быть как личными (Перехвальская 2006b: 32), так и притяжательными местоимениями русско-китайского идиома (Мусорин 2004: 80-81), интересно, что личные местоимения в некоторых его вариантах образуются от притяжательных: ср. *за-моя* ‘я’, *за-твоя* ‘ты’ (кяхтинский вариант пиджина) (Мусорин 2004: 80-81). Имеются также наречия и служебные части речи (Перехвальская 2006b: 32), хотя, как отмечает Е. В. Перехвальская, в редуцированных (изолирующих) вариантах пиджина служебных частей речи практически нет (Перехвальская 2006b: 32). Среди класса служебных частей речи следует отметить отрицательную клитику *нету* (Перехвальская 2006b: 33), помещаемую обычно после глагольной формы: ср. *эта либа помирай нету* ‘эта рыба была живая/не умирает’ (Перехвальская 2006b: 33).

Обычный порядок слов в русско-китайских пиджинах – SOV (как указывает Е. В. Перехвальская, наиболее частотный (Перехвальская 2006b: 29)). Следующими по частотности будут порядки SVO и OVS, при условии, что субъект выражен местоимением (Перехвальская 2006b: 29). Касательно контенсивной типологии пиджина следует отметить тот факт, что, несмотря на прототипическое деление глаголов и пиджине на глаголы действия и глаголы состояния (Перехвальская 2006b: 31), развитие языкового строя пиджина не пошло по пути развития активного строя. Естественным было бы предположить, что строй пиджина является номинативным, поскольку и язык-донор, и язык-реципиент в данном случае – языки номинативного строя. Однако, в силу ряда причин, квалифицировать русско-китайский пиджин как «чистый пример» номинативного строя затруднительно. Этот вопрос продолжает оставаться открытым.

Таким образом, на примере формирования пиджина на основе двух разноструктурных языков и дальнейшей его креолизации мы показали особенности этого процесса в терминах теории лингвокультурных трансферов. В данном случае, поскольку язык-донор и язык-акцептор являются неродственными, то структура языка в процессе трансфера знаков и трансфера информации из языка-донора в язык-акцептор (и, в некоторых случаях, в обратном направлении) претерпевает значительную трансформацию на поверхностном уровне, при том, что, по крайней мере, глубинный синтаксический уровень и того, и другого языков, участвующих в образовании пиджина, в целом схож. Уже после формирования основных элементов языкового строя пиджина, он продолжал (и продолжает) эволюционировать дальше, в частности, наращивая аналитическую морфологию, которая не была свойственна ни языку-донору, ни языку-акцептору. Таким образом, исследование формирования данного пиджина и его развития значимо не только для теории трансферов, теории гибридных и контактных языков, но и вообще для изучения процесса эволюции языка и процесса глоттогенеза в целом. Кроме того, как уже отмечалось выше, пиджины и креольские языки способны дать богатый фактический материал для проверки и верификации ряда положений и гипотез теории лингвистических универсалий, в частности, положению об универсальности наличия класса имен и класса глаголов.

Библиографический список

1. Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики [Текст] / Дж. Бейлин. Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Либроком», 2016. С. 13-57.
2. Ван Ли. Части речи. Пер. с кит. А. А. Беликова [Текст] / Ван Ли. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. Сост., общ. ред. и вступ. ст. М. В. Софронова. М.: Изд-во «Прогресс», 1989. С. 37-55.
3. Вернер Г. К. Енисейские языки [Текст] / Г. К. Вернер. Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 169-177.
4. Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний» [Текст] / В. З. Демьянков. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 61-85.
5. Живова Г. Т. Признаки синкретизма имени и глагола в кетском языке [Текст] / Г. Т. Живова. Вопросы строя енисейских языков: сборник научных трудов. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1979. С. 49-54.
6. Климов Г. А. Же языки. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка [Текст] / А. Д. Кошелев. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

8. Мусорин А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина [Текст] / А. Ю. Мусорин // Функциональный анализ языковых единиц. Новосибирск, 2004. С. 79-86.
9. Оглезнева Е. А. Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции [Текст] / Е. А. Оглезнева // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы международной научной конференции. Гл. ред. Е. В. Дроботушенко. Ч. 2. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 166-169.
10. Перехвальская Е. В. «Морфологизация» глагола и имени в русских пиджинах [Текст] / Е. В. Перехвальская // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб.: ИЛИ РАН, 2006. С. 110-114.
11. Перехвальская Е. В. Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура [Текст] : автореф. … д-ра филол. наук (специальность 10.02.19) / Е. В. Перехвальская. СПб., 2006.
12. Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Коммуникация и передача как формы лингвокультурного трансфера [Текст] / С. Г Проскурин, А. В. Проскурина // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 428-450.
13. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. [Текст] / Б. А. Серебренников. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
14. Хоккетт Ч. Проблема языковых универсалий [Текст] / Ч. Хоккет. Новое в лингвистике. Выпуск V (языковые универсалии). Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Изд-во «Прогресс», 1970. С. 45-76.
15. Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования [Текст] / Ян Цзе // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67–74.
16. Яхонтов С.Е. Китайско-тибетские языки. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 226-227.
17. Huang Ch.-T. J. Logical relations in Chinese and the theory of grammar. Ph. D. thesis [Text] / Ch.-T. J. Huang. Massachusetts Institute of Technology, 1982.
18. Popjes Jack, Popjes Jo. Canela-Krahô Handbook of Amazonian languages. Vol. 1. [Text] / Jack Popjes. Ed. by D. C. Derbyshire and G. K. Pullum. Berlin-New York-Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 128-199.
19. Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. The Hague [Text] / U. Weinreich. New York, Paris: Walter de Gruyter, 1979.

Леденева Е. М., г.Барнаул, Россия

ИКОНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию иконического потенциала синтаксической формы в художественном тексте. Иконичность (мотивированность) языкового знака представлена принципами количества, дистанции и последовательности, которые в свою очередь находят отражение в синтаксисе художественного текста. Иконичность синтаксической формы может быть использована авторами для имитации скорости действия, размера объектов, новизны информации, а также временных промежутков между действиями, последовательности процессов восприятия. Теория иконичности обладает высоким объяснительным потенциалом и открывает новые перспективы в стилистических исследованиях.

Ключевые слова: синтаксис, иконичность, Дж. Стейнбек

ICONIC POTENTIAL OF THE SYNTACTIC FORM IN LITERARY TEXTS

Abstract. The article discusses the iconic potential of the syntactic form in literary texts. Iconicity of the linguistic sign manifests itself through the quantity principle, the proximity principle and the principle of sequential order, which are further reflected in the syntax of the literary text. Syntactic iconicity can be used by the authors for imitating speed, size of objects, novelty, temporal gaps between actions, the order of perception stages. The theory of iconicity has a high explanatory potential and opens new horizons in stylistic study.

Keywords: syntax, iconicity, literary text

«Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». Эти известные строки У. Шекспира отражают суть идеи Ф. де Соссюра о немотивированности языкового знака. Действительно, в большинстве случаев, звуковая форма слова никак не связана с понятием, которое оно обозначает. Однако, этот принцип не является абсолютным. На разных уровнях языковой системы иконичность (мотивированность) знака проявляется по-разному. Наиболее яркие примеры наблюдаются на фонетическом уровне (звукоподражание). Однако, более часто (хоть и менее явно) иконичность языкового знака проявляется на синтаксическом уровне. Авторы художественных текстов могут использовать иконичность синтаксической формы для создания изобразительного, экспрессивного и любого другого художественного эффекта. В данной статье речь пойдет об

иконичности синтаксиса, то есть способности синтаксической формы передавать дополнительный художественный смысл.

Иконичность – есть свойство знака, заключающееся в зависимости его формы от содержания. Знак-икона замещает объект, так как «ее качества схожи с качествами самого объекта и возбуждают аналогичные чувствования в уме, для которого она является сходством» (Пирс 2000: 216).

В языке как знаковой системе иконичность существует на разных уровнях, но особенно явно, по мнению исследователей, иконичность проявляется на уровне синтаксиса (например, порядок слов в предложении соответствует временной последовательности описываемых событий: veni, vidi, vici) (Якобсон, Bolinger, Givón).

Диаграмматическая иконичность, основанная на возможностях линейного ряда, а именно, количества и порядка элементов знака, представлена через три принципа: принцип количества, принцип дистанции и принцип последовательности (Givón 1991: 89-99). Действие всех этих принципов можно наблюдать в синтаксисе художественного текста.

Принцип количества заключается в том, что количество языкового материала зависит от объема или степени важности передаваемой информации. Принцип количества в синтаксисе художественного текста может принимать разные формы, среди них имитация скорости действия, размера описываемых объектов или новизны получаемой информации. Рассмотрим несколько примеров.

Резкое кратковременное действие может передаваться простым нераспространенным предложением. Эффект внезапности и скорости может усиливаться за счет контраста между длиной данного предложения и длиной предложений из окружающего контекста.

He pushed the door open. She stood three feet away. In her right hand she held his .44 Colt, and the black hole in the barrel pointed at him. He took a step toward her, saw that the hammer was back.

She shot him. *The heavy slug struck him in the shoulder and flattened and tore out a piece of his shoulderblade. The flash and roar smothered him, and he staggered back and fell to the floor (EOE).*

Неожиданный резкий выстрел передается коротким нераспространенным предложением, что подчеркивается сильной позицией предложения в начале абзаца.

Структура предложения может косвенно указывать на размер объекта. Согласно принципу количества, объекты большого размера кодируются при помощи большего количества языкового материала, что на уровне синтаксиса выражается в использовании синтаксических средств избыточности. Потребность в большем количестве языкового материала для описания больших объектов, согласно мнению Т. Гивона, может быть объяснена тем, что, во время зрительного восприятия объекта большого размера на сетчатке глаз и в мозгу возникают большие зоны активности, чем при восприятии объектов меньшего размера (Givón 1991: 89).

В следующем примере дается описание молодой женщины, ждущей ребенка. Как выяснится позже, она ожидает двойню, и поэтому ее тело стало бесформенным из-за огромного живота.

She grew very big – abnormally big, even at a time when women gloried in big babies and counted extra pounds with pride. She was misshapen; her belly, tight and heavy and distended, made it impossible for her to stand without supporting herself with her hands (EOE).

Одним из средств обозначения большого размера объекта является прием повтора. В данном примере для этого используется обособленный эпифорический повтор ‘big’, который избыточен с точки зрения нормы. Данный повтор вместе с определяющим его словом входит в состав обособленной конструкции abnormally big, отделенной от основного предложения при помощи графического средства тире. Данная структура удлиняет предложение, этому способствует также длина слова abnormally, которое состоит из четырех слогов.

She grew very big,

She grew very big – abnormally big,

Более того, в структуру второго предложения примера встраивается обособление, которое состоит из трех прилагательных, объединенных полисиндетоном (избыточным повтором союза and). Данная обособленная конструкция помещается в предложении сразу после подлежащего belly, что нарушает плавное развертывание мысли и заставляет читателя затратить дополнительное время, чтобы прочитать и осмыслить цепочку прилагательных, входящих в обособленную конструкцию, прежде чем продолжить чтение предложения и перейти к сказуемому. Время и усилия, затрачиваемые на чтение данной обособленной конструкции, способствуют созданию образа объекта большого размера.

Принцип количества проявляется также в имитации восприятия новой информации. Если человек воспринимает незнакомый объект, то происходит первичный сбор информации и выделение признаков в данном объекте. Процесс различения (который в свою очередь является этапом процесса

восприятия) в подобных случаях осознается человеком и находит отражение в художественном тексте в виде перечисления признаков воспринимаемого объекта. Перечень признаков может быть представлен в виде ряда слов, словосочетаний или предложений, обозначающих и описывающих данные признаки. Синтаксическая структура может быть распространена при помощи определений.

The stranger came in – a spare man, a perpetually young man who had never been young, a smart dresser, hair gleaming thinly against his scalp, eyes merry and restless (WOD).

Вместо того, чтобы ограничиться первой частью предложения, автор добавляет детали внешности вошедшего в обособленной структуре и усложняет предложение двумя абсолютными конструкциями. Все детали переданы в рамках одного предложения, что показывает, как герой, только взглянув на вошедшего, успевает его рассмотреть и составить о нем свое мнение.

Принцип дистанции означает, что расстояние между элементами в структуре отражает реальное физическое или когнитивное расстояние между объектами. Один из случаев манифестации данного принципа есть отражение временного отношения между событиями. Чем ближе по времени происходят события, тем ближе друг к другу в тексте находятся знаки, обозначающие эти события. Введение дополнительных элементов (например, then) или же парцелляция передают больший промежуток времени между действиями.

Suddenly the dogs started up from the dust and listened. And then, with a roar, went barking off into the darkness (TGOW).

Принцип последовательности показывает, что расположение языковых единиц отражает временное или пространственное расположение элементов описываемой ситуации относительно друг друга. Приведем пример, который полностью отражает процесс восприятия, начиная с поиска и обнаружения объекта и кончая осмыслением и оценкой новой информации.

***Crease by crease** he unfolded it, **until at last there came to view** eight small misshapen seed pearls, **as ugly and gray as little ulcers, flattened and almost valueless** (TP).*

Каждой структуре в предложении соответствует имитируемый ею процесс восприятия. Инверсия обстоятельства crease by crease и структура there + V (there came to view) отражают процесс поиска объекта. Финальная позиция существительного perls – процесс и результат процедуры распознавания. Следующие после запятой два обособления передают восприятие деталей и оценку полученной информации.

Как показал анализ, синтаксическая форма обладает значительным иконическим потенциалом. Теория иконичности дает более глубокое понимание механизмов экспрессивного синтаксиса и позволяет в некоторой степени проникнуть в сознание автора, что открывает новые перспективы в стилистических исследованиях.

Библиографический список

1. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. Пер. с англ [Текст] / Пер. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. С. 201
2. Якобсон Р. В поисках сущности языка [Текст] / Р. Якобсон // Семиотика: Антология. Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический Проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 111–126
3. Bolinger D. Aspects of Language [Text] / D. Bolinger. New York, Chicago, San Francisco, Atlanta, Harcourt, Brace & World, INC., 1968.
4. Givón T. Isomorphism in the Grammatical Code: Cognitive and Biological Considerations [Text] / T. Givón // Studies in Language. John Benjamins Publishing company, Philadelphia, Vol. 15, No.1, 1991. p. 89–93

Список источников иллюстративного материала

1. Steinbeck J. East of Eden (EOE) [Text] / J. Steinbeck. London: Penguin Books Ltd, 2000.
2. Steinbeck J. The Grapes of Wrath (TGOW) [Text] / J. Steinbeck. Moscow: Progress Publishers, 1978.
3. Steinbeck J. The Winter of Our Discontent (TWOOD) [Text] / J. Steinbeck. London: Penguin Books Ltd, 2000.
4. Steinbeck J. The Pearl (TP) [Text] / J. Steinbeck. London: Penguin Books Ltd, 1993.

Рябова М.Ю., г. Кемерово, Россия

СОВРЕМЕННАЯ ПУНКТУАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В КОММУНИКАТИВНОМ СИНТАКСИСЕ (на материале современного английского языка)

Аннотация. В статье содержится анализ использования пунктуации в дискурсе современного английского языка на материале британского он-лайн издания газеты The Guardian. Цель статьи – указать на некоторые характерные особенности функционирования пунктуационных знаков в медийном дискурсе. Среди выделенных в работе новых функциональных возможностей пунктуационных знаков описаны игровая и

экспрессивная функции, позволяющие выделить какой-либо элемент в коммуникативном пространстве. Значимость предпринятого анализа – показать актуальность изучения функционала пунктуационных знаков в английском языке с точки зрения современной теории коммуникации и медиалингвистики.
Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, экспрессивная функция, медийный дискурс.

PUNCTUATION IN MODERN ENGLISH AND ITS ROLE IN COMMUNICATIVE SYNTAX

Abstract. The paper deals with the analysis of punctuation in modern English discourse of the British on-line edition of The Guardian. The goal of the article is to point out some characteristic functions of punctuation in media discourse. The article describes as new functional options of punctuation such functions as playing and expressive ones, emphasizing an element in a communicative context. The importance of the undertaken analysis is to show the necessity of studying the English punctuation functions from the point of view of modern theory of communication and media linguistics.
***Keywords*:** punctuation, punctuation marks, expressive function, media discourse.

Известно, что пунктуация в современном английском языке сложна и запутанна, несмотря на существующие справочники и пособия для редакторов, регламентирующие правила употребления знаков препинания в тексте. Автор популярной книги по английской пунктуации Линн Трасс (Truss 2007) отмечает, пунктуация имеет множество разных определений. Некоторые уподобляют ее шитью: стежки пунктуации не дают расползтись ткани языка. Другие считают, что знаки препинания сродни дорожным: они указывают, когда нужно снизить скорость, обратить на что-то внимание, направиться в объезд или остановиться. Существует и такое фантастическое сравнение: точка и запятая – это «невидимые феи – но не те, что вызывают ураганы или любовные бури, а, скорее, из тех, кто подаст стакан воды и принесет подушку». Есть и другое определение: правильная пунктуация – это «любезность, помогающая прочесть текст без запинки» (Трасс).

Сравнение, которое приводит Л. Трасс, очень яркое и содержательное, так как, действительно, настоящая воспитанность незаметна: она облегчает жизнь окружающим, не привлекая к себе внимания. Не случайно слово «*punctilious»* (*тщательно следующий формальностям или правилам этикета*) имеет тот же корень, что и «*punctuation»*. «Разметку» (*pointing*) письменного текста всегда делали во имя читателя, стремясь уточнить смысл высказывания и не допустить неверной интерпретации. В 1644 году учитель Ричард Ходжез (Richard Hodges), писал в книге «Английская примула» (“*English Primrose”*), что «особое внимание при письме следует уделять правильной расстановке знаков препинания, ибо пренебрежение оными искажает смысл». В качестве примера он приводит следующую фразу: *My Son, if sinners intise [entice] thee consent thou, not refraining thy foot from their way.* (пер. Сын мой, держись пути грешников, избегай стези праведной). Представьте себе, как изменится смысл, указывает он, если запятую поставить после слова *not: My Son, if sinners intise thee consent thou not, refraining thy foot from their way (*Сын мой, держись, пути грешников избегая, стези праведной). Этот дошедший до нас из XVII века пример напоминает эпизод телесериала «Porridge», когда Ронни Баркер читает вслух строки письма, пришедшего из дома его товарищу по заключению: *Now I must go and get on my lover,* а потом притворяется, что заметил запятую, и быстро исправляется: *Now I must go and get on, my lover* (Truss 2007: 8).

Игра со знаками препинания всегда увлекательна. В век электронной почты, когда стало модно пересылать друг другу забавные тексты, популярен такой пример:
A woman, without her man, is nothing (Женщина без своего мужчины – ничто).
A woman: without her, man is nothing (Женщина: без нее мужчина – ничто) (Truss 2007: 9).

Пунктуация сегодня, несомненно, изменилась. Правила расстановки знаков препинания стали свободнее, а в некоторых случаях – отмечается их отсутствие в текстах, особенно в некоторых формах современной повседневной коммуникации (электронных письмах, блогах, чатах, смс-сообщениях и др.). Однако, с другой строны, экспрессивная функция пунктуации в текстах высокой убедительной силы современных медиа значительно возрастает, при этом роль и функционирование отдельных пунктуационных знаков варьируется в достаточно широком диапазоне.

Рассмотрим для примера некоторые образцы функционирования знаков пунктуации в текстах современной британской газеты «The Guardian».

Прежде всего следует отметить широкое функционирование знаков, маркирующих эмоционально-выделительную окраску заголовков и названий статей и новостей, таких как: восклицательные и вопросительные знаки. Например, Dear Prince Charles, do you think my brown skin makes me unBritish? (Sethi 2018), где в оформлении заголовка статьи, посвященной проблеме равноправия цветного населения, использован вопросительный знак в функции прямого вопроса,

обращенного к Принцу, и запятая, маркирующая обращение. Естественно, что эмоциональная выразительность заголовка возрастает благодаря использованию данных знаков, несмотря на то, что они употреблены в своих традиционных значениях. Ниже в подзаголовке статьи ее автор поясняет: *The Prince of Wales told me I don't look like I'm from Manchester. If this is how he thinks, he shouldn't be the next head of the Commonwealth*. При этом в данном фрагменте автор уже не использует пунктуацию прямой речи Принца, кавычки, чтобы не отвлекать внимание читателей от главной идеи - в таком случае Принц не должен занимать должность главы стран Британского Содружества. Далее в статье говорится: *I met Prince Charles this week at the Commonwealth People's Forum at which I was a speaker (on a day whose itinerary was entitled Politics of Hope: Taking on Injustice in the Commonwealth). It was part of the buildup to the Commonwealth heads of government meeting, the summit of leaders of 53 countries representing more than 2 billion people. I shook the prince's hand with my right hand. In my other, I was holding a copy of an anthology, We Mark Your Memory: Writing from the Descendants of Indenture, in which I have an essay published. I told him that my mother was born in Guyana and that the anthology had collected hidden histories of indenture* (Sethi 2018).

В статье автор употребляет разнообразные пунктуационные знаки, выполняющие как выделительную, так и разделительную функции: например, скобки – в функции ввода дополнительной информации (парантеза), запятая – в функции обособления определительной конструкции (*government meeting, the summit of leaders)*, точка. Выделительную, экспрессивную функцию выражают такие знаки как: запятая (*In my other, I was…)*, (*an anthology, We Mark Your Memory:).* Знаменательно, что автор избегает употребления кавычек в написании названий - *whose itinerary was entitled Politics of Hope: Taking on Injustice in the Commonwealth;* и – *an anthology, We Mark Your Memory: Writing from the Descendants of Indenture,* которые маркируются только заглавными буквами. Очевидно это прием, направленный на усиление экспрессивности речи, повышения ее аргументационной иллокуции.

В качестве другого примера экспрессивной пунктуации служит статья, озаглавленная «An open letter to the US Congress: don't let Trump rip up the Iran deal» (Bacon, Nouripur, 2018). Необходимо отметить, что, как и в предыдущем заголовке, отсутствует употребление заглавных букв в начале слов (кроме имен собственных), что обычно характерно для написания заглавий в британской традиции письма. Очевидно, здесь следует говорить о намечающейся новой тенденции в британской пунктуации. Двоеточие выполняет функцию разделительную (маркирует границу одного смысла и переход к другому) и выразительную (усиливает отрицательную семантику последующего императива). Подзаголовок статьи гласит: *It was a major breakthrough, drastically reducing the risk of a nuclear arms race. Abandoning it now will do lasting damage*. Основные знаки подзаголовка – точка и запятая, выполняют разделительную функцию – членение мыслительного потока информации, обособление атрибутивной конструкции. Далее в тексте статьи содержатся пунктуационные знаки, выполняющие как смысло-выделительную функцию, так и собственно экспрессивную:

For more than a decade, we – Europeans, Americans, and the international community – have feared the imminent threat of a nuclear-armed Iran. To counter this threat and make the Middle East a safer place, the international community came together, using the might of diplomatic negotiations and the force of sanctions, agreed by most of the major economic powers.

After 13 years of joint diplomatic effort, we reached a major breakthrough and signed the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA), an agreement between Iran, France, the UK, Germany, the US, China, and Russia, regarding Tehran's nuclear programme. With that, we were able to impose unprecedented scrutiny on the Iranian nuclear programme, dismantle most of their nuclear enrichment facilities, and drastically reduce the danger of a nuclear arms race. Not a drop of blood was spilt. Furthermore, these controls will not cease after the 10 years of the JCPOA: Iran will continue to be subject to the strict controls prescribed by the nuclear non-proliferation treaty, which will continue to limit enrichment (Bacon, Nouripur, O 2018).

Отметим, прежде всего, смысло-выделительную функцию тире, маркирующих уточняющее подлежащее-приложение *(–Europeans, Americans, and the international community–)*, данная пунктуация выполняет и экспрессивную функцию, добавляя эмоциональность и выразительность суждению. Эмоционально-выразительную функцию выполняют и запятые, выделяющие обстоятельственные обороты *(For more than a decade,) (To counter this threat and make the Middle East a safer place,) (After 13 years of joint diplomatic effort,) (With that,) (Furthermore,)*, при том, что обособление обстоятельства в данной функции является позиционно факультативным и, таким образом, его роль в основном экспрессивная.

Итак, в своей экспрессивной функции пунктуация может использоваться в целях усиления воздействия на адресата, для привлечения внимания читателя, подчеркивая необычность других выразительных средств языка. Данный прием использования механизмов пунктуационного варьирования представляет собой явление сингрaфемики и предполагает широкое употребление в заголовках кавычек, дефиса, восклицательного знака или других знаков препинания.

Библиографический список

1. Трасс Л. Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/102204/5/Trass_-_Kaznit%27_nel%27zya_pomilovat%27._Beskompromissnyii_podhod_k_punktuacii.html.
2. Bacon, Richard; Nouripur, Omid; O, Delphin. An open letter to the US Congress: don't let Trump rip up the Iran deal. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/19/open-letter-us-congress-trump-iran-deal
3. Sethi, Anita. Dear Prince Charles, do you think my brown skin makes me unBritish? URL: https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2018/apr/19/prince-charles-brown-skin-british-people-head-of-commonwealth
4. Truss, Lynne. Eats, shoots & leaves. The zero tolerance approach to punctuation [Text] / Lynne Truss. London: Fourth Estate, 2007.

Симонова Е. П., г. Хабаровск, Россия

ОБРАЗ УСПЕШНОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОМАНЕ ЭЛЛИСОН ПИРСОН «I DON'T KNOW HOW SHE DOES IT»

Аннотация. Статья посвящена анализу языкового выражения образа успешной современной женщины на примере романа Эллисон Пирсон «I Don't Know How She Does It» (И как ей это удается?). Предметом исследования выступают лингвистические и экстралингвистические средства выражения ролевого конфликта, обусловленного необходимостью соответствовать определенным моделям поведения успешной женщины, свойственным представительницам англоговорящего социума в современном обществе.

Ключевые слова: образ успешной женщины, ролевой конфликт, семейные отношения, гендерные стереотипы, гендерный идеал, политика равных возможностей, половое равноправие.

THE IMAGE OF A SUCCESSFUL WOMAN IN THE NOVEL OF ALLISON PEARSON «I DON'T KNOW HOW SHE DOES IT»

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguistic expression of the image of a successful modern woman on the example of Ellison Pearson's novel «I Don't Know How She Does It». The subject of the study is linguistic and extra-linguistic means of expressing the role conflict caused by the need to correspond to certain models of the behavior, which characterize successful English-speaking women in modern society.

Keywords: the image of a successful woman, role conflict, family relationships, gender stereotypes, gender ideal, an equal opportunities policy, sexual equality.

Согласно толковому словарю русского языка, под успехом следует понимать достижение поставленных целей, положительный результат и общественное признание в каком-либо деле (Ожегов 2015: 754). Структура понятия «успех» включает в себя три сегмента: «экономический успех», «профессиональный успех» и «личностный успех».

В англо-английском толковом словаре мы находим следующее определение понятия « success» (успех) – the achieving of the results wanted or hoped for; something that achieves positive results/the achievement of one's aim or goal (URL: https://dictionary.cambridge.org/).

Успех, несмотря на лаконичность приведенных выше трактовок, является сложным и многогранным явлением. Сложность данного феномена объясняется следующими противоречиями: во-первых, успех субъективен, поскольку соотносится с личностными критериями успешности/не успешности. Во-вторых, успех объективен, так как является социальным стереотипом, обусловленным стремлением не быть изолированным от окружения и быть признанным в обществе. В-третьих – успех – это результат деятельности личности, выстроенный в последовательных достижениях к намеченной цели, направляющей человека на его жизненном пути. Наконец, в-четвертых, успех – это достижение баланса между жизненными притязаниями и реальными возможностями для их реализации.

В настоящее время успех и успешность стали неотъемлемой частью западной и российской культур. Понятие успеха и успешности культивируется в современном обществе: в средствах

массовой информации постоянно рассказывается об успешных людях в различных сферах жизни – артистах, певцах, бизнесменах, политиках. Неизменно высокие рейтинги популярности имеют телепрограммы, посвященные различного рода преображениям, способствующие дальнейшей успешности участников. Популярностью и спросом пользуются публикации, связанные с секретами достижения успеха. Все это свидетельствует о том, что современный человек склонен оценивать, как себя, так и других людей через призму успешности\неуспешности.

Говоря об успехе, нельзя не упомянуть проблему социального неравенства, обусловленного неравным доступом к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Самым ярким примером такого явления может послужить неравенство мужчины и женщины. С одной стороны, половое неравенство естественно, оно обусловлено наличием комплекса репродуктивных, соматических и социальных характеристик, определяющих индивида как мужчину и женщину. Именно половое неравенство лежало в основе первого общественного разделения труда на мужской и женский. Традиционно первоочередными «женскими» задачами были рождение и воспитание детей, а к «мужским» относились сферы, имеющие отношение к власти.

С другой стороны, обладание правами и обязанностями наравне с мужчинами уже давно стало объективной реальностью для женщин. Современные женщины работают наравне, а подчас и больше, усерднее, чем мужчины и в этой связи вполне естественно их желание быть признанными, а значит успешными. Однако понимание успешности относительно мужчины имеет более четкие границы, чем по отношению к женщине. Это неизбежно приводит к экстраполяции мужских признаков успешности и моделей поведения. Необходимость соответствовать этим чуждым для женщины признакам и моделям поведения, соотносимых в обществе с успешностью с одной стороны, и заложенное природой стремление к материнству с другой, могут создавать почву для возникновения межролевого, внутриличностного конфликта у женщин.

Исходя из того, что задачей художественного образа в литературе является не простое копирование действительности, а передача самого важного и существенного, можно заключить, что образ успешной женщины, сконструированный в современной англоязычной прозе, отражает наиболее яркие, актуальные и противоречивые признаки, характеризующие понятие успешности\не успешности у носителей английского языка.

Рассмотрим лингвистические и экстралингвистические средства формирования образа успешной женщины на примере Кейт Редди – героини романа Эллисон Пирсон «I Don't Know How She Does It?» (URL: http://www.rulit.me/books/i-don-t-know-how-she-does-it-read-214561-7.htm). Роман был опубликован в 2002 году, впоследствии номинирован на Премию Вудхауза, а несколько позднее по мотивам, ставшего бестселлером, романа был снят фильм. Указанные факты подтверждают актуальность обращения писателей и интереса читателей к непреходящей теме личностного становления и стремления к успеху.

В романе описывается один из сложнейших периодов жизни 35-летней англичанки Кейт Редди. Героиня работает менеджером по фондам в крупной компании в Лондонском Сити и у нее буквально каждая секунда на счету. Подтверждением крайней занятости и востребованности Кейт, как компетентного специалиста, может послужить организация текста произведения: подчеркивая бесконечную спешку героини, стремящуюся все успеть, автор указывает в главах время: 7.05, 7.15 и т.д. будто отсчитывая, за которое героиня успевает или не успевает справиться с непрерывным потоком событий в ее жизни.

Успех – это уникальность. Уникальность Кейт, единственной девушки, принятой на работу после окончания колледжа, подчеркивается в следующем высказывании: «The only woman recruit in my year». Успех женщины еще более очевиден, если она находится в окружении мужчин: «I was surrounded by guys, big animal guys at ease in their pinstriped pelts». Неслучайно «парни» характеризуются как «big animal». Девушка, находящаяся в равном положении с «большими самцами», явно должна вызывать уважение, а уважение – это несомненное признание успешности в обществе. Достижения Кейт в работе оцениваются не только через призму ее половой принадлежности, но и через возраст: «Katharine Reddy, EMF’s youngest female manager».

Помимо работы, у Кейт двое маленьких детей, безответственная няня, присматривающая за ними, ленивая домработница и муж, занимающийся творчеством. Переключения между домашними и рабочими обязанностями происходя на невероятной скорости: «The change of gears between work and home is so abrupt sometimes that I swear I can hear the crunch of mesh in my brain».

Семья героини достаточно обеспечена – об этом свидетельствует наличие небольшого дома в пригороде Лондона. Кейт часто покупает детям дорогие игрушки, у нее достаточно средств для того, чтобы вывезти семью за границу на каникулы и пр. Благодаря таким личным качествам героини как

целеустремленность, работоспособность и оптимизм, семья Кейт, по большому счету, не нуждается ни в чем кроме одного – самой Кейт.

Желание соответствовать статусу успешно работающей женщины, хорошей матери, жены, невестки, подруги и хозяйки заставляет ее «метаться из угла в угол» в попытках сделать несколько дел одновременно. Подобная многозадачность не может не отразиться на здоровье: «As the bubbles evaporate on my hands, scaly pink islets are revealed along the knuckles. It's already got behind my right ear. Stress eczema, the nurse at work called it». Чтобы не вызывать нареканий со стороны коллег, начальства, домочадцев, друзей и родственников, Кейт пытается скрыть свою усталость и беспомощность: «Can't see how I can go on like this. Can't see how to stop, either». Она, во что бы то ни стало, хочет быть успешной во всем, отрицая всякую возможность, сосредоточится на чем-то одном.

Образ успешной женщины в романе раскрывается не столько через карьерные достижения и способность героини преодолевать семейные неурядицы, сколько через преодоление личностного конфликта: раздираемая противоречиями героиня находит в себе силы сделать выбор, расставить приоритеты и сосредоточить свое внимание на самом ценном для нее в данный момент времени – на семье: «REASONS TO GIVE UP WORK: Because I have got two lives and I don't have time to enjoy either of them. Because twenty-four hours are not enough. Because my children will be young for only a short time. Because one day I caught my husband looking at me the way my mother used to look at my father. Because becoming a man is the waste of a woman. Because I am too tired to think of another because.

Вместе с решением о том, как и что нужно делать, к ней приходит успокоение, внутри глав перестают мелькать отметки времени на циферблате, действия героини поступательны и логически выверены – это подтверждается словами о том, что заболевание, мучавшее ее на фоне бесконечного стресса, наконец, прошло: «My eczema cleared up». Очередным подтверждением успешности Кейт, как сотрудницы крупной фирмы, является ее прощальный разговор с бывшим начальником – Родом. Такой теплый жест как объятия явно не свойственен деловым отношениям и служит доказательством дружелюбного отношения со стороны коллег: «I'm going to miss you, Kate»" By way of reply I give him a hug, perhaps the first ever administered in the offices of Edwin Morgan Foster».

Таким образом, проанализировав языковое выражение образа успешной женщины в романе Эллисон Пирсон «I Don't Know How She Does It» (И как ей это удается?), мы пришли к выводу, что множественность социальных ролей, исполняемых современными, стремящимися к успеху женщинами и противоречивость ролевых требований и ожиданий – это реальность современного динамичного англоязычного общества. Для успешного разрешения частных житейских проблем и серьезных конфликтов необходимо разбираться в соотношении социальных ролей и личности (Грабовенко: 2009 74-76).

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии, 2015.
2. Cambridge Dictionaries Online URL: https://dictionary.cambridge.org/
3. Allison Pearson, I don't know how she does it URL: http://www.rulit.me/books/i-don-t-know-how-she-does-it-read-214561-7.html
4. Грабовенко Н. В. Социология [Текст] / Н. В. Грабовенко, С. Т. Крикунова. Луганск: ЛНАУ, 2009.

Семенова Н. В., г. Санкт-Петербург, Россия

РУССКОЕ *ПОЛЕ* КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ

Аннотация. В статье проанализирован русский этнокультурный символ «поле», который в лингвистическом ракурсе рассматривается как оязыковленный культурный концепт, или лингвокультурный концепт. Основное внимание уделено лексеме «поле» во всем многообразии его парадигматических и синтагматических отношений, а также особенностям отражения в русской топонимике этнических автостереотипов, связанных с этнокультурным символом «поле».

Ключевые слова: этнокультурный символ, лингвокультурный концепт, русское поле, топонимика.

"FIELD" AS RUSSIAN ETHNOCULTURAL SYMBOL

Abstract. The article is devoted to the analysis of a Russian ethnocultural symbol «field» which is considered from the liguistic perspective as a linguistically represented cultural concept, or linguocultural concept. The researcher's attention is focused on the lexeme «field» viewed through multifaceted varieties of its paradigmatic and

syntagmatic relations, as well as on the peculiar ways in which the ethnic auto-stereotypes connected with the ethnocultural symbol «field» are represented in Russian toponimy.
Keywords: ethnocultural symbol, linguocultural concept, Russian field, toponymy.

Любая национальная культура имеет свои символы, которые во времена «этнического пробуждения», по тонкому замечанию Н. Ивановой, приобретают значение «оплота» этнической и культурной идентичности. Такие символы «в своей более узкой этнокультурной сфере представляют собой зачастую единственный ресурс, позволяющий поддерживать этничность без строгой привязки к объективным признакам (например, территории)» (Иванова 2012: 94). Какие же символы могут претендовать на роль этнокультурных? Те, как полагают этнологи, которые отобраны самой историей, производящей «отбраковку» и выбор наиболее значимых для истории этноса (см., например, Шнирельман 2003).

Э. Сепира в свое время указывал на то, что есть символы, которые «значат гораздо больше, чем обозначают». Это символы конденсационные, суть которых – «чрезвычайно сжатая (condensed) форма заместительного поведения для прямого выражения чего-либо, которая позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной или бессознательной форме» (Сепир 1993: 205). Этнические и политические символы принадлежат именно к этому типу, а потому апеллируют к глубинным слоям сознания этноса и имеют высокую эмоциональную силу.

Естественный язык, участвуя в формах символизации мира, подвергает символ вторичной семиотизации. «Оязыковленный символ является вербальным символом культуры, достигает вершины овнешнения своего культурного смысла» (Словарь лингвокультурологических терминов 2017: 119). Выступая как коммуникационные модели, интегрирующие индивидуальные сознания в единое смысловое пространство культуры (Аверинцев 2006: 155), оязыковленные символы репрезентируют этнические автостереотипы, имеющие самое непосредственное отношение к истории группы, к пространству, на котором происходили ее формирование и важнейшие события этнической истории. Представляется, что только с учетом этого обстоятельства их можно рассматривать в качестве культурных или лингвокультурных концептов. Различие последних в самом общем плане можно трактовать как различие между невербальной и вторичной вербальной объективацией: культурный концепт объективируется в невербальных знаках культуры, а лингвокультурный – это «вербализованный культурный концепт или культурный концепт, объективированный посредством знаков естественного языка» (Зыкова 2017: 355). Необходимо учитывать, что в лингвокультурном концепте совершенно отчетливо выделяются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие. Наиболее существенной в этом смысле является образная, «о чем косвенно свидетельствует продолжающееся ее дробление на «подсоставляющие»: метафорически-образную, перцептивно-образную, прецедентно-образную, к которым теперь добавляются еще и символически-образная, и эмблематически-образная» (Воркачев 2015: 12).

В центре внимания настоящего небольшого исследования находится этнокультурный русский символ «поле». О его значимости для русского сознания и укорененности в русской ментальности спорить не приходится, кроме того, он довольно архаичен, и, следовательно, обладает яркой образностью. Предметом непосредственного анализа, таким образом, становится вербальная единица *поле* во всей полноте своих парадигматических и синтагматических отношений, а также элементы материальной – невербальной – культуры, которые объективируются этой вербальной единицей.

Начать наше рассмотрение следует, однако, с более широкого, родового, понятия, репрезентантом которого выступает лексема *простор*. Этим словом русский человек обозначает все, видимое глазу, земное и водное пространство. Поскольку в России пространство это велико, постольку русские люди чаще всего употребляют плюратив *просторы*. Обычно, когда русские хотят охарактеризовать просторы русской земли используют определения *родные, широкие, бескрайние, необъятные* или просто констатируют: «На наших-то просторах»! Родные просторы – это поля, леса, луга, сады, реки, озера и моря родного края.

Поле – одно из важнейших слов-символов славянского мира, указывающее в своем прямом значении на безлесное ровное пространство. Этот факт подчеркивает почти плеонастичное русское сочетание, которое встречается почти в каждой русской былине – «чисто поле», т.е. пространство без какой-либо растительности. Для многих русских людей поле стало символом родины и истинной России. Об этом говорится в русском фольклоре, поэзии и прозе. Об этом поется и в любимой всеми россиянами современной песне, написанный Инной Гофф и впервые ставшей известной широкой общественности в кинофильме «Русское поле»: Поле, русское поле! / Светит луна или падает снег, / Счастьем и болью связан с тобою. / Нет, не забыть тебя сердцу вовек /. Сам фильм, кстати, в свое

время был чрезвычайно популярен и именно благодаря песне и своему названию стал своеобразным культурным знаком.

Лексема *поле* имеет много синонимов в русском языке, в зависимости от того, что хотят подчеркнуть, *поле* могут назвать *нивой, степью, равниной, поляной, пашней, лугом*. Так, *нива* – это обработанное для посева или засеянное *поле*, ее еще часто называют *пашней* или *посевами*. *Степь* – это *поле* в краях с сухим климатом. Отличается *степь* от *поля* скудностью: здесь меньше влаги, а потому и меньше растительности. В южной части России много степей, они бескрайни и составляют основную часть пространства. Самое распространенное определение степи – *широкая.* Самое частое к ней обращение – *матушка,* что подчеркивает бережное и трепетное отношение русского человека к *степи.* Знаменитые строки из русской народной песни «Ах, ты степь широкая!» в полной мере это иллюстрируют.

По мнению известного русского историка В.О. Ключевского, на историю русского народа огромное влияние оказало место его проживания, а именно: *равнина*, которая разделяется на две части – северную и южную, *лесную* и *степную*. *Равнина* – это то же самое, что и *поле*, но больше по площади. Русская равнина и строение ее почвы, лес и степь, река и бескрайнее поле, – все это формировало и мировоззрение русского народа, и тип основной хозяйственной деятельности, и характер земледелия, и тип государственности, и взаимоотношения с соседними народами (в частности, с кочевыми народами Великой степи), и фольклорные фантастические образы, и народную философию (Ключевский 1872).

Становление самосознания русского народа тесно связано с образами *леса* и *степи*. *Лес* изначально был символом «родного», «своего», пространства, потому что древний восточный славянин все необходимое брал прежде всего из леса. *Степь* же представлялась ему чужим и неизвестным миром. Нужно помнить, что *степь* в русском сознании очень долго ассоциировалась с образом опасного степного татарского кочевника. Поэтому восприятие степи двойственно. С одной стороны, *степь* символизирует в русской культуре *волю, разгул, широту*, что очень близко русскому сердцу. С другой стороны, *степь* – это опасное пространство, заселенное хищными кочевниками и разбойниками, которые несут разорение и разрушение. Великий русский философ Николай Бердяев вслед за В.О. Ключевским писал, что «в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины» (Бердяев 1931). *Степь* как ровное безлесное пространство – это то, что *тянется, простирается* в бесконечность. Русский человек и назвал это бесконечное пространство *страной*. По происхождению слово *степь* тесно связано со словами *пространство, простор* и *страна*: в всех этих словах обнаруживаются элементы древнего индоевропейского корня **(s)tep-*.

Синонимы к *полю – пустошь, пустырь, поляна, покос, пахота, луг, долина, даль, ширь* – обладают общим смысловым компонентом ‘открытое ровное место’. Как правило, все синонимы содержат указания на дополнительные признаки, актуализирующие особенности национального мировосприятия. Какие же?

Луг, или меньшая по размеру *лужайка,* как правило, ассоциируются с ровными местами, заросшими травой, цветами, которые не содержат посевов. Они могут быть правильной формы и искусственно созданными, в отличие от *поляны* – небольшого, чистого от деревьев, пространства, которое обычно находится в лесу. *Поляна* тоже имеет свой природный и языковой диминутив – *полянку. Поляны* не обязательно бывают без растительности, например, устойчиво сочетание *земляничная поляна*. *Луг* и *лужайка* обычно связаны в русском языковом сознании со светом и цветом, *поляна* и *полянка* такой ассоциации не дают (НОСС 2004).

Пахота означает вспаханное, но не засеянное *поле*. *Пустошью* называют заброшенное, заросшее дикой травой ровное место, *покосом* – часть луга, предназначенную для выращивания травы на корм скоту. Иногда широкое русское *поле* в народе называют просто *ширь* или *равнина.* Если эта равнина находится в небольшой впадине вдоль речного русла, то она именуется *долиной.* Устаревший вариант слова *долина – дол.*

В русском языке есть достаточно много пословиц и поговорок, в которых употребляется слово-символ *поле.* Например, о человеке, которого трудно найти на широких российских просторах говорят *Ищи ветра в поле*. О человеке своего круга общения или о том, кто имеет сходный образ мышления, говорят *Нашего поля ягода*, и наоборот – о том, кто думает и поступает не так, говорят *Не того (не нашего) поля ягода*. *Перекати-поле* называют человека беспокойного, блуждающего или странника, бродягу. Несколько по-иному трактуются паремии *Один в поле не воин; Чье поле, того и воля,* как бы намекающие на то, что слово *поле* издавна употреблялось русским этносом не только для обозначения рельефа местности. Еще с древнерусских времен известно словосочетание *поле брани,*

что означает «место боевых действий», «поле сражения». Из русской истории известны два великих *поля брани*, ставшие памятниками военной славы русского народа. Это «Куликово поле» и «Бородинское поле». *Куликовым полем* называют историческую Куликовскую битву русских войск с татаро-монгольскими завоевателями (1380 г.), а *Бородинским полем* – историческую битву 26 августа (7 сентября) 1812 года между русской армией под командованием генерала М.И. Голенищева-Кутузова и Великой армией Наполеона Бонапарта.

Есть в русской истории, правда, и печальные «поля», но они тоже встриваются в символическую схему «поля». Их названия по происхождению – микротопонимы, которые выступают как собственные имена (чаще) природных физико-географических объектов, (реже) созданных человеком, имеющие узкую сферу употребления и функционирующие в пределах лишь микротерритории, известные узкому кругу людей, живущих вблизи микрообъекта (Подольская 1978: 86). Многие из них остались в речевом потрете современных городов в качестве урбанонимов и годонимов и не без оснований претендуют на роль свернутого культурного кода. Таково, например, известное *Ходынское поле*, получившее свою печальную славу после гуляний по случаю коронации Николая II в мае 1896 г., во время которых произошла трагедия, приведшая к гибели по официальной версии 1389 человек и тяжелым увечьям еще 1300 человек. С тех пор *Ходынское поле,* или *Ходынка,* – символ катастрофической давки в толпе. В 1922 году в ознаменование пятилетия Октябрьской революции Ходынское поле переименовали в Октябрьское. Современному москвичу об этом факте напоминает одноименная станция метро Таганско-Краснопресненской линии.

К северу от Новодевичьего монастыря столицы расположилось *Девичье поле* – еще одна историческая местность, символизирующая, по одной из версий, лихие времена, связанные с татаро-монгольским игом: здесь, возможно, отбирали девушек, отправляемых вместе с данью к татарским ханам.

Более нейтральные годонимы, которые оставила нам русская история, – *Марсово поле* (площадь), *Белевское поле* (и производный отсюда Белевский проспект) в Санкт-Петербурге; улицы *Ямского Поля*, проезды *Перова поля* – в Москве. *Полевые* улицы – одно из самых распространенных названий столичных (и не только) улиц. Иногда их переименовывали просто для того, чтобы не путаться, причем признаки новых названий искали рядом – на естественных полях. Например, одну из Полевых улиц в Санкт-Петербурге переименовали в Васильковую по полевым цветкам – васильках.

Поле оставило свои следы и в ойконимах, в названиях русских больших и малых городов. Самые яркие примеры – *Лодейное поле* (районный центр в Ленинградской области), *Чистополь* (Татарстан), известный с 1002 года, и *Каргополь*. Населенный пункт Лодейное поле возник как поселок при основанной в 1702 году в нижнем течении р. Свирь Олонецкой верфи. Практически дословно этот ойконим означал место, где строят суда (ладьи, или лодии). Чистополь – ойконим, образованный от названия села *Чистое поле*, которое в 1781 году было преобразовано в город. Каргополь – пример распространенного на Севере способа усвоения древнерусских названий путем перевода географического термина калькированием. В данном случае это прибалтийско-финская полукалька (*Karhupeldo – от фин. Karhu – «медведь», peldo – «поле»), означающая предположительно «Медвежье поле». Всему миру Каргополь известен по знаменитой каргопольской игрушке.

Говоря о названиях городов, можно упомянуть и расположенный на северо-востоке от Москвы административный центр Владимирской области *Юрьев-Польский*, который никакого отношения к Польше или полякам, конечно же, не имеет. Его название пошло от местности, издавна совершенно безлесной, хотя находилась она все-таки в лесной зоне. Возможно, что и ойконим *Ржев* также хранит в свой внутренней форме *поле*: есть предположение, что название города образовано с помощью суффикса *-ев* от древнерусского *рыжь* – «рожь, ржаное поле» (Подольская 1982). Вспомним и о том, что со средневековья (XII – XIV вв.) известно русское поселение *Углече поле*, позже ставшее городом *Углич*, связанным в русской истории с трагической гибелью малолетнего царевича Дмитрия и знаковой фигурой Бориса Годунова.

Синонимы слова-символа *поле* также фигурируют в русской топонимике: это и известная всем московская станция метро Серпуховско-Тимирязевской линии *Полянка,* улицы *Большая* и *Малая Полянки, Палиха* (бывшая *Полиха*), *Вспольный* и *Полевые* переулки, знаменитый спорткомплекс на низменном левом берегу Москвы-реки *Лужники,* старинный московский храм святой великомученицы Екатерины на Всполье и многое другое.

Этот список, естественно, может быть существенно расширен, учитывая необъятные просторы нашей Родины. Русский человек давал названия важным для него объектам культуры, приспосабливая новые реалии к хорошо известным и родным, вошедшим в его культурную память

как символические знаки *своего* географического и культурного ландшафта. *Поле*, являясь одним из важнейших этнокультурных символов, напрямую отсылает к образу *родной земли* и уникальному свойству русской души – *широте. Широта русской души* соответствует необозримым российским пространствам. *Ширь* родной земли всегда требовала предприимчивых характеров, которые могли бы освоить любое пространство – и географическое, и космическое. Но русский человек широк не только из-за необозримых географических просторов. Во многом и наоборот: русская нация приобрела обширные пространства в силу изначальной широты души, которая искала свободы во всем, в том числе – и в пространстве. Именно поэтому важен для русского человека символ *поля* и именно поэтому, запечатлевая его в слове, он так или иначе «встраивал» в него вольно или невольно свои этнические автостеоретипы.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Символ [Текст] / С. С. Аверинцев // София-Логос. Словарь. Киев: Дух і Літера, 2006. С. 155-161.
2. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn015.htm
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт: терминологический статус и семиотика [Текст] / Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летнему юбилею профессора В. В. Колесова. М.: Флинта, 2015. С. 9-25.
4. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и Вариант [Текст] / И. В. Зыкова. М.: Гнозис, 2017.
5. Иванова Н. Теоретические аспекты изучения этнокультурных символов [Текст] / Н. Иванова // Проблемы теории и практики этнопсихологии и этнологии. Акад. наук Молдовы, Ин-т Культурного Наследия, Центр Этнологии; науч. ред.: В. П. Степанов. С. 94-114.
6. Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций (Лекция 4) URL: http://rtunes.ru/content/ebooks/free_ebooks/vasily_klyuchevsky/russian_history_full_course_of_lectures/russian_history_full_course_of_lectures.a4.pdf
7. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
8. Подольская Н. В. Лингвострановедческий словарь топонимов [Текст] / Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С.73-79.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. М.: Наука, 1978.
10. Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э.Сепир. М.: Прогресс, 1993.
11. Словарь лингвокультурологических терминов [Текст] / Авторы-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017.
12. Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика [Текст] / В. Шнирельман // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. Вып. 2. С.118-147.

Семенова Т. И., г. Иркутск, Россия

ОТ ЗВУКА К СМЫСЛУ: ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА *SOUND*

Аннотация. Статья посвящена исследованию категоризации эвиденциальных ситуаций конструкциями с глаголом sound. Объектом анализа является инференциальность как подвид эвиденциальной семантики глагола sound. Выявлены семантические параметры инференциальности как когнитивного механизма умозаключения на основе и по поводу воспринятого. Установлено, что конструкции с глаголом *sound* синкретично представляют эвиденциальные и эпистемические значения.

Ключевые слова: эвиденциальное значение, прямая эвиденциальность, косвенная эвиденциальность, эпистемическая модальность.

FROM SENSORY EVIDENCE TO EPISTEMIC JUDGEMENT: EVIDENTIAL USES OF THE VERB *SOUND*

Abstract. The article discusses evidential meanings of the verb *sound*. The author highlights two evidential uses of the verb *sound*: sensory evidentiality and reported evidentiality. The paper focuses on sensory source of the evidence by which the speaker arrives at the epistemic judgement. The author claims that *sound*-class verbs are epistemically modal as well as evidential.

Keywords: evidential meaning, sensory evidentiality, reported evidentiality, epistemic modality.

В системе языка, в его грамматическом строе и лексиконе отражается то, как человек видит, структурирует, интерпретирует окружающий его мир, из каких источников познающий субъект получает информацию о мире. Высказывания, в которых содержится эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации, категоризуют значение эвиденциальности (Jakobson 1990), засвидетельствованности (Козинцева 1994). Традиционно выделяют два типа эвиденциальности: прямую и косвенную. Прямая эвиденциальность предполагает в качестве источника информации непосредственнное восприятие ситуаций, событий, которые оказываются в перцептивном поле воспринимающего субъекта. Основой косвенной эвиденциальности является информация, полученная с чужих слов (пересказывательнось) и информация, полученная путем умозаключений, основанная на известных говорящему фактах (инференциальность) (Jakobson 1990). В английском языке референция к источнику информации реализуется лексическими и лексико-синтаксическими средствами (Кобрина 2005; Семенова 2007).

Категориальное значение эвиденциальности реализуется конструкциями с модусом кажимости (Семенова 2007), в которых в качестве модусного функционирует глагол sound, способный передавать целый спектр эвиденциальных значений, ср.: *He sounds surprised /angry; He sounds a nice chap; From what you say, your watch sounds broken.* Интерпретация воспринимаемого звукового события категоризуется как результат когнитивной деятельности модусного субъекта (стороннего наблюдателя), который не кореферентен субъекту в позиции подлежащего (субъекту диктума). Однако этот наблюдатель не имеет поверхностного выражения. Синтаксически невыраженный субъект сознания занимает позицию «За кадром» (Падучева 2004), «За сценой» (Off stage) (Gisborn 2010). М. Льюнг называет такого субъекта «инкорпорированным» (Ljung 1980). Введение синтаксической позиции субъекта модуса свидетельствует об индививидуализации восприятия, ср.: *His soft European accent* ***sounded*** *rather false* ***to my ears*** (Cheever).

Прототипически глагол sound категоризует ситуацию слухового восприятия, которая сопровождается оценкой параметров звучания, ср.: *Even my footsteps sounded hollow on the cobbled stones* (Maurier). В процессе восприятия звуки не только доходят до наблюдателя, но и являются источником скрытых коммуникативных смыслов. В коммуникативном фокусе в таких случаях оказывается эпистемическое значение, а не перцептивное, существенной является концептуальная идентификация, интерпретация звукового события, ср.: *He sounds surprised /angry; He sounds a nice chap.* Эпистемическая составляющая глагола sound закреплена словарными дефинициями, которые содержат отсылку к ментальной деятельности, ср: *an idea produced by something read or heard; to seem when heard* (LDCE). Суждение, к которому говорящий приходит в результате вторичной категоризации перцептивных данных, обусловлено закономерностями познавательной деятельности человека – движением от видимого к невидимому, от восприятия очевидных, наблюдаемых признаков к менее очевидным, скрытым ситуациям и отношениям. Перцептивный опыт дает начало интерпретации, разного рода квалификациям, суждениям на основе и по поводу тех или иных перцептивных событий, служит основанием для умозаключения.

Н. Гизборн, исследуя семантику перцептивных глаголов, выделяет два типа эвиденциальных значений глагола sound: сенсорную эвиденциальность (*sensory/ perceptual evidentiality*) и косвенную (*reported evidentiality*) (Gisborn 2010: 244-245). Под сенсорной эвиденциальностью глагола sound будем, вслед за Н. Гизборном, понимать суждения, в которых основанием для умозаключения выступают звуковые признаки субъекта состояния, который оказывается в позиции синтаксического субъекта, ср.: *She sounds angry*/*helpless*/*triumphant***.** События интенсиональной сферы (эмоциональные, ментальные состояния, личностные качества, межличностные отношения) онтологически недоступны восприятию, такого рода ненаблюдаемые сущности проявляются через другие действия, внешние признаки. Языковым средством концептуализации внутренней сферы человека с позиции стороннего наблюдателя, который осмысляет просодические характеристики голоса и тона, являются конструкции с глаголом sound. Звучание голоса идентифицируется как несущее определенный смысл, субъект суждения трактует доступные наблюдению сущности как проявления неких внутренних закономерностей, т.е. осуществляет когнитивную операцию инференции. Инференция, как замечает Е. С. Кубрякова, есть «некое домысливание реального» (Кубрякова 2004: 412). Голос, благодаря своим природным свойствам, является «звуковым» проявлением внутренней сферы человека, главным выразителем человеческих эмоций (Крейдлин 2004: 246 -247). Со звучанием голоса в сознании человека закреплена связь с некоторыми эмоциями, поведенческими аспектами, со статусно-ролевыми характеристиками, ср.: *After fifteen minutes she located a physician who* ***sounded angry*** *and* ***sulk****y at being called out of bed* (Fitzgerald); *She* ***sounded perplexed*** *and* ***doubtful*** (King); *She* ***sounded helpless****, looked helpless* (Priestly). Выбор в высказываниях с глаголом *sound* интерпретационных,

непосредственно ориентированных на смысл номинаций для обозначения внутренних состояний, отражает умозаключение наблюдателя, для которого голосовые модуляции, характеристики тона оказываются когнитивно значимыми, они являются основанием для умозаключения об актуальном внутреннем состоянии человека, который оказывается в перцептивном поле наблюдателя. Модусный глагол *sound* в высказываниях о микромире человека вербализует операцию инференции как извлечение «смысла или информации из текста или дискурса, которые в них, казалось бы, напрямую непосредственно не представлены» (Кубрякова 2004: 411).

Воспринимаемые и интерпретируемые наблюдателем голосовые модуляции, речевая просодика являются началом семиотического процесса, они концептуализируются как знаки-индексы психосоматических состояний. Инференциальное суждение о микромире человека представляет собой знаковую ситуацию, компонентами которой являются объекты принципиально разной природы − «означающее» и «означаемое». Означающее при этом не эксплицируется, оно идентифицируется через указание на означаемое. Исследуя невербальные аспекты семиотики, Г. Е Крейдлин привлекает внимание к семиотической значимости голосовых характеристик, которые, обладая психологической реальностью, «сами являются коррелятами человеческих характеров, чувств, индивидуальных и социальных межличностных отношений, разнообразных поведенческих реакций (Крейдлин 2002: 223). Семиотическое отношение между означаемым и означающим может иметь эксплицитную форму, в таком случае позицию семиотической связки занимают языковые единицы suggest, mean, meaning, indicate, express, sign, ср.: *His father's voice had* ***sounded urgent.*** *It* ***meant trouble*** (Cheever). В предложении выше представлена знаковая ситуация, в которой семиотически значимые просодические и перцептуальные характеристики голоса соответствуют означающему, а слово trouble − означаемому, которое категоризуется как «неприятности», фунцию семиотической связки выполняет глагол *meant.* В следующем примере представлена ситуация, в которой звучание голоса является основанием для инференциального суждения стороннего наблюдателя о неуверенности, сомнении собеседника, ср: '*Well, as a matter of fact '... Tomaselli paused, he* ***sounded*** *unusually* ***diffident,*** *as if weighing his words carefully* (Hailey). Неуверенность, в свою очередь, осмысляется через «весовую» метафору в придаточном предложении, которая вводится модализованным союзом *as if.*

Эвиденциальные суждения с глаголом ***sound*** категоризуют также на основе звуковых ситуаций умозаключение, которое имеет референцию не к микромиру человека, а к ситуациям внешнего мира, ср.: *It* ***sounds*** *to me as if* ***you have mice*** (Saroyan). На синтаксическом уровне в таких эвиденциальных ситуациях оказываются не антропонимы, а имена предметной или событийной семантики. Характерные шорохи на потолке имеют логическую связь с ментально реконструируемой ситуацией умозаключения о том, что в доме, похоже, водятся мыши. Информация выводится по наличным звуковым признакам, сопутствующим событию. Звуковое событие и умозаключение на его основе могут быть вербализованы отдельными синтаксическими структурами, ср: *Even from my office I* ***could hear the sound of voices*** *on the hill, but it* ***didn't sound to me like a normal funeral*** (Greene). Как явствует из контектса, речь идет о предстоящих похоронах, но доносившиеся через окно оживленные голоса людей и отсутствие ожидаемых в таких случаях причитаний (действие по сюжету происходит на Гаити), являются основанием для умозаключения о том, что вместо похорон происходит другое событие. Сравнение в данном случае апеллирует к некоторой прототипической ситуации, расхождение с которой и служит аргументом для логического вывода. Взаимодействие модуса восприятия и инферентивного модуса экплицирует развитие когнитивного цикла, в ходе которого чувственно воспринимаемые признаки, в частности, аудиальные, служат источником логического вывода о ненаблюдаемой ситуации, которая реконструируется в сознании на основе перцептуальной информации, ср.: *I can* ***hear a noise*** *down the line which* ***sounds*** *like a car engine starting. I am sorry, I have to go* (Saroyan).

Инференциальные суждения с глаголом *sound* могут быть сформированы как на основании сведений, полученных через непосредственное восприятие, так и на основе переработки информации, полученной от других лиц, то есть в контексте пропозиций, которые выражают отношение субъекта сознания «к сути дела – а не к тому, что может в буквальном смысле «звучать», т.е. есть к означаемому, а не к означающему» (Падучева 2004:421). Источник информации, на котором основывается логический вывод наблюдателя, маркируется в синтаксической структуре предлогом from, который вводит отсылку к чужому высказыванию, а глагол sound вербализует операцию логического вывода, ментальную обработку полученной информации и выведенный на ее основе скрытый коммуникативный смысл, ср.: *I should warn you that* ***from*** *what Verity* ***told*** *me, it* ***sounds*** *like a complete waste of time* (Saroyan); *Judging by* ***what they said****, it* ***sounds*** *as though they had a good holiday* (CIDE). На основе ментальной обработки вербально полученной информации говорящий приходит к выводу, в одном случае *о напрасной трате времени*, в другом – о том*, что кто-то хорошо отдохнул.*

Модусный глагол sound вербализует умозакючение не только на основе услышанного**,** но и на основе содержания письменных текстов, ср.: *He **sounds a** very nice person **from his letter*** (CIDE). Звуковое событие, как таковое отсутсвует, основой логического вывода о положительных личностных качествах субъекта является содержание письма. В ситуации ниже речь идет о логическом выводе частного детектива о причастности к убийству родственников жертвы, основой умозаключения являются письменные свидетельсва подозреваемых, и глагол sound вводит утверждение, к которому говорящий приходит в результате инференции, ср.: *You see, he **sounds to me** just **the sort of person who would do a murder.** I mean, he was the slow dithering one the others laughed at and underneath, he resented tha*t (Christie). В глаголе sound «выветривается» звуковой компонент, профилируется лишь его эпистемическая составляющая, которая обусловливает когнитивную операцию инференции.

В ситуациях косвенной эвидениальности субъект на основе обработки информации, полученной от других лиц, делает логический вывод относительно ненаблюдаемых свойств, призкаков человека, тем самым подводит осмысляемые ситуации и сущности под разные категории и формализует этот опыт конструкциями с глаголом sound, ср.: *She sounds a complete **fool** to turn him down* (Hailey); *From the way you describe him he **sounds** a real **idiot*** (CIDE); *He **sounded** every inch a **professional**, and he was* (Hailey). Как свидетельсвет анализ языкового материала, подчиненные пропозиции означивают градуируемые категории, обладающие прототипической организацией. Градуальный характер категории, под которую подводится категоризуемый субъект, маркируется оценочными именами существительными, семантика которых содержит сему меры/степени признака: idiot (a foolish person), fool (a person lacking in judgement or good sense), professional (a person who has great experience and high professional standards). В языке есть собственные ресурсы для выражения степени членства категории, так называемые «загородки, ограждения» (hedges) (Lakoff 1980; Taylor1995). Языковые единицы с семантикой кажимости, к которым относится и глагол sound (Семенова 2007), устанавливают маргинальный статус членов категории, тем самым ослабляют границы категории. Н. Гизборн отмечает неграмматичность предложениий типа *Peter **sounds** a man*, вследствие того, что категория *man* не является градуальной (Gisborn 2010: 258). Нельзя быть членом категории «мужчина» в определенной степени, более или менее. Однако, наличие оценочных прилагательных в сочетании с существительными с четким понятийным содержанием делает категорию градуальной, и глагол sound категоризует суждение говорящего относительно категориального статуса субъекта подчиненной пропозиции, ср.: *Jane sounds to be **a very strange woman*** (Gisborn); *He sounds **a nice chap*** (CIDE); *He sounds **a very nice person** from his letter* (CIDE). Утверждения о категориальном статусе субъекта имеют эпистемическое значение ограниченной достоверности (они могут как соответствовать реальному положению дел, так и расходиться с ним), а с точки зрения эвиденциальности характеризуются как инференциальные.

Как известно, в «иерархии достоверности» степень достоверности максимальна, когда речь идет о знаниях и сведениях, получаемых путем чувственного опыта, меньше она в случае знаний, полученных в результате чисто логического рассуждения на основе первого типа знаний, еще меньше – когда знание получено через посредство чужого знания. Глагол *sound* сикретично реализует категориальные значения эвиденциальности и эпистемической модальности, в его семантике содержится указание на источник информации и на степень достоверности информации. В эвиденциальных ситуациях говорящий ограничивает свою претензию на истинность высказывания, он «оставляет истинностное значение суждения неопределенным» (Арутюнова 1999: 434). Это значит, что суждение, вынесенное на основе обработки перцептивной информации или на основе информации от других лиц, может быть подтверждено или опровергнуто, ср.: *He sounded every inch a **professional**, and he **was*** (Hailey); *It sounded **l**ike he **was crying**, only he wasn't, he **was talking to himself*** (Saroyan). На основании доносившихся из комнаты звуков, отец ребенка формирует суждение о том, что он плачет, но заглянув в комнату, ему становится ясно, что ребенок разговаривает сам с собой, то есть логический вывод оказывается ошибочным. Важно отметить, что ошибочность инференциального суждения не влияет на характер когнититивной операции, поскольку «акцент все равно остается процедурным, а не истинностным, т.е. сообщается не о том, правилен ли вывод, а о том, как Наблюдатель пришел к такому выводу, что он понял про Х-а» (Кустова 2004: 168). Инференцию, как замечает Е. С. Кубрякова, можно считать операцией обыденного сознания, в своей основе рационального, но в то же время не столь связанного с формальными способами доказательства истины, она сопряжена с догадками на базе имеющегося опыта, с интуицией (Кубрякова 2004: 410).

Итак, сопряжение в семантике глагола sound чувственного и рационального опыта человека отражает закономерности когнитивной деятельности человека, его способность категоризовать мир на перцептивном уровне и делать умозаключения на основе чувственных данных о внешнем мире и о

внутреннем мире человека. Эвиденциальный статус информации, маркируемый глаголом sound, сопровождается оценкой степени ее достоверности, что и обусловливает синкретизм категориальных значений эвиденциальности и эпистемической модальности в семантике глагола sound.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Кобрина О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках [Текст] / О.А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2005. С. 86-98.
3. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) [Текст] / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. 1994. С.112-114.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык [Текст] / Г. Е. Крейдлин М.: Новое литературное обозрение, 2002.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Кустова Г. И. Вид, видимость, сущность [Текст] / Г. И. Кустова. Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости [Текст]: монография / Т. И. Семенова. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
9. Cheever J. Selected Prose [Text] / J. Cheever. M.: Изд-во «Менеджер», 2003.
10. CIDE – Cambridge International Dictionary of Current English [Text] Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
11. Christie A. Why Didn't They Ask Evans? [Text] / A. Christie. M.: «Менеджер», 2002.
12. Fitzgerald F.S. Tender is the Night [Text] / F. S. Fitzgerald. London: Pan Books, 1997.
13. Hailey A. The Final Diagnosis [Text] / A. Hailey. New York: Bantam Books, 1970.
14. Gisborn N. The Event Structure of Perceptoion Verbs [Text] / N. Gisborn New York: Oxford University Press,2010.
15. Greene G. Comedians [Text] / G. Greene. M.: «Менеджер», 2003.
16. King S. Bag of Bones [Text] / S. King. NewYork: Pocket Books, 1998.
17. Jakobson R. Shifters and Verbal Categories [Text] / R. Jakobson// On Language / ed. by L. R. Waugh, M. Monville-Burston. Cambridge (Mass.): Harv. Univ. Press, 1990.
18. Lakoff G., Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M Johnson. Chicago. The University of Chicago Press, 1980.
19. Ljung M. Reflections on the English Progressive [Text] / M. Ljung. Gothenburg Studies in English. 1980.
20. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text] Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997.
21. Maurier D. My Cousin Rachel [Text] / D. Maurier. London: Pan Books, 1976.
22. Saroyan W. Selected Short Stories [Text] / W. Saroyan. M.: «Радуга», 2002.
23. Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory [Text] / J. R. Taylor. Oxford: Clarendon Press, 1995.

Со Цян, г. Уфа, Россия

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА С.ЕСЕНИНА С ПОЗИЦИЙ НОСИТЕЛЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье дается анализ языковых особенностей ранней поэзии С.Есенина, которые вызывают трудности в процессе перевода его стихов на китайский язык. Выявляются пласты русской культурно маркированной лексики, которые отражают специфику русского менталитета и русской культуры, и описываются способы их перевода на китайский язык.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, картина мира, культурный концепт, лингвокультурное пространство, перевод

LINGUISTIC FEATURES OF YESENIN'S POETRY IN CHINESE TRANSLATION FROM CHINESE PERSPECTIVE

Abstract. The article analyzes the linguistic features of the early poetry of S. Yesenin, which cause difficulties in the process of translating his poems into Chinese. The layers of Russian culturally marked vocabulary are revealed,

which reflect the specifics of the Russian mentality and Russian culture, and describes ways to translate them into Chinese.

Keywords: intercultural communication, world picture, cultural concept, linguocultural space, translation.

Одной из форм опосредованной межкультурной коммуникации является перевод художественных произведений с одного языка на другой. Чем дальше генетически языки и культуры друг от друга, тем сложнее процесс перевода литературы, особенно поэтических произведений. Для представителей иноязычных культур наиболее интересна литература других народов, обладающая ярким национально-культурным своеобразием, отражающая миропонимание народа. Сергей Есенин по праву считается таким поэтом: в его произведениях находят отражение особенности русской культуры, национальная система мировидения, русский менталитет.

Несмотря на ярко выраженный русский колорит, трудно поддающийся переводу на другие языки, его поэтические произведения переведены на более чем тридцать языков мира – английский, немецкий, итальянский, французский, китайский, монгольский, турецкий, языки народов бывшего СССР, ныне СНГ и Балтии – эстонский, литовский, латышский, грузинский, киргизский, казахский и др. (Ахманова 1978).

Русская и китайская культуры восходят корнями к разным культурным традициям, народы различаются менталитетом и обычаями. В связи с этим переводы поэзии Сергея Есенина, особенно раннего периода творчества, на китайский язык имеют свою специфику. Л. И.Калмыкова справедливо отмечает: «Степень переводимости на другой язык обратно пропорциональна народности, национальной специфике, таким особенностям оригинала, которые делают его очень самобытным и как бы закрепленным за данным национальным языком» (Калмыкова 1985).

Нами был выполнен анализ лингвокультурного пространства поэзии С. Есенина и выделены группы культурно маркированной лексики. К ним, на наш взгляд, относятся: 1. Личные имена собственные с культурной коннотацией (имена, фамилии, отчества, уменьшительно-ласкательные формы имен, прозвища) и топонимы. 2. Наименования русских культурных реалий (домашняя утварь, одежда, блюда и напитки, хозяйственный инвентарь, строения и т.д.). 3. Культурные концепты и символы, олицетворяющие русские национальные ценности и приоритеты. 3. Религиозные понятия.

В данных группах лексики достаточно большое количество устаревших слов, среди которых можно выделить слова-диалектизмы из рязанского говора. Такие лексические компоненты используются поэтом для создания истинно русского колорита, передачи особенностей жизни и быта русской деревни. Все эти слова в художественной ткани поэтических произведений переводятся на другой язык, и, в частности на китайский, разными способами.

Дадим анализ перевода на китайский язык стихотворения С. Есенина «В хате». Текст этого стихотворения изобилует диалектизмами.

В данном стихотворении нами были выделены следующие слова, характеризующие русскую культуру: *драчены, дежка, квас, тараканы, лавка, ухват, махотка, оглобли, соха, обедня, сени, хомут*. Среди них диалектными являются лексемы *драчены, дежка, махотка*. На китайский язык выделенные слова переводятся разными способами.

1. Слова, обозначающие русские традиционные реалии и отсутствующие в китайской культуре, переводятся путем транслитерации: например, слово *квас* «традиционный русский напиток на основе хлеба» – в китайском тексте так и передается с помощью китайских иероглифов – 格瓦斯 [cuas].

2. Отдельные слова, обозначающие предметы домашней утвари, особенно диалектные их названия, переводятся с помощью синонимов: например, *дежка* переводится на китайский язык с помощью слова木桶 / *«ведро»*.

3. Отдельные слова обозначают реалии, которые присутствуют и в китайском образе жизни, например, *тараканы, заслонка, печка* (печурка), *хомут, соха*, но по своему внешнему виду несколько отличаются от русских предметов. В этом случае лексемы переводятся буквально, передаются эквивалентными им китайскими лексемами. Так, слово *махотка* передается китайским словом 罐, обозначающим посуду для жидкости из белой глины, фарфора (русская махотка, как и другие виды глиняной посуды – горшки, крынки, плошки и т.д., изготавливалась из красной глины).

4. Слова, обозначающие традиционные русские блюда, похожие на китайские блюда, передаются на китайском языке с помощью родового понятия. Например, блюдо, похожее на русские блины, готовят и в Китае, но лепешек из картофеля не делают, поэтому слово *драчены* «кушанье наподобие блинов из сырой тертой картошки» переводится обобщенным словом *блин* – 烤饼.

Как показывает наш анализ, есть доля истины в том, что национальная самобытность художественного текста, его этнический колорит не могут быть полностью переданы на другом языке

без утраты его национального своеобразия. В то же время межъязыковой перевод выступает, как известно, формой межкультурной коммуникации, и переводы национальных литератур позволяют представителям одной культуры приобщиться к культуре других народов. «Художественные произведения национальных литератур становятся частью мирового художественного наследия и достоянием всего человечества благодаря переводу художественных текстов на другие языки», - пишет Р. Х. Хайруллина (Хайруллина 2016: 73).

Поэтическое творчество С. Есенина пользуется большим интересом в Китае, переводы его стихов издаются большими тиражами. Это говорит о том, что русская литература близка китайцам по своему духу и культурным ценностям.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Есенин в переводах зарубежных авторов [Текст] / О. С. Ахманова, В. Я. Задорнов. М.: Современник, 1978.

2. Калмыкова, 1985 URL: http://www.dissercat.com/content/neperevodimoe-v-perevodakh-esenina-na-angliiskii-yazyk#ixzz4puyqOIif/

3. Хайруллина Р. Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста [Текст] / Р. Х. Хайруллина Уфа, 2016.

Федосова Т. В., Поздеева Т. Ю., г. Горно-Алтайск, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ДЖЕКА ЛОНДОНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА “SOUTH OF THE SLOT”)

Аннотация. В статье рассматриваются концепты “*social justice*” и “*labor*” в авторской картине мира Джека Лондона, вербализированные в его знаковом рассказе “South of the Slot.” Данные концепты репрезентируются разнообразными лексическими и стилистическими средствами, что свидетельствует о важности социально-экономической проблематики в творчестве писателя.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, доминанта, языковые средства, лингвокультурология

THE CONCEPTS OF “SOCIAL JUSTICE” AND “LABOR” IN AUTHOR’S WORLDVIEW OF JACK LONDON (ON THE STORY “SOUTH OF THE SLOT”)

Abstract. This paper considers the concepts of “*social justice*” and “*labor*” in the author's worldview of Jack London verbalized in one of his iconic stories “South of the Slot.” These concepts are represented by various lexical and stylistic means that indicates the importance of social and economic issues in creative works of the writer.

Keywords: concept, conceptual sphere, dominant ideas, language means, author’s style

Творчество известного американского писателя Джека Лондона (Джон Гриффит Чейни, 1876-1916 г.г.) напрямую является отражением его собственной короткой, но насыщенной разными событиями жизни. Автор испытал на себе взлеты и падения, пройдя путь от бродяги до известного литератора, на собственном примере подтвердив тезис «американской мечты» – комбинация «труд + упорство = успех». В своих произведениях писатель поднимает множество важных тем, начиная от поиска места человека в обществе до его выживания в суровых климатических условиях. Благодаря богатому личному опыту в разных сферах жизни, авторская художественная картина Джека Лондона представляет собой сложную диалектическую систему с проекцией на его авторскую языковую картину мира, представляющую комплексную когнитивно-дискурсивную систему.

Целью данной статьи является анализ социально-экономического аспекта творчества Лондона, репрезентированного лингвокультурными художественными концептами “social justice” и “labor” как отпечатки культуры, включенные в социальную группу концептов, а также вербализация их ценностного и образного признаков (слоев). Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. Согласно исследователям, в области лингвокультурологии, концепт – это ментальное образование с этническим компонентом (А. Вежбицкая, Н. Д Арутюнова, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, С. Х. Ляпин, С. Г. Воркачев).

«Лингвокультурный концепт – это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» (Карасик, Слышкин 2001: 75). Концепт – «это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 1997: 43). По мнению В. А. Масловой, у концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта

входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, и т.д. (Маслова 2001: 40).

Структура концепта включает в себя:

1) основной (актуальный) признак;
2) дополнительный (пассивный, исторический) признак;
3) внутреннюю (обычно не осознаваемую) форму (Степанов 1997: 21).

Культурный концепт включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (Карасик 1996: 5). Содержание концепта – это совокупность языковых и неязыковых средств, участвующих в выражении его сущности.

Итак, с позиций лингвокультурологии исследователи выделяют три основных подхода в понимании концепта, существующих на сегодняшний день в лингвистике:

1) в широком смысле к концептам относят лексические единицы, которые отражают национальный менталитет и формируют “языковую картину мира” носителей языка; в число подобных концептов попадают все семантически представленные единицы языка;
2) в более узком смысле к концептам относят только те семантические образования, которые отмечены национальной спецификой и являются характерными для того или иного этноса;
3) к концептам относят только ключевые понятия данной лингвокультурной общности, которые помогают понять национальный менталитет; сюда относятся высокоабстрактные концепты (душа, свобода, любовь и т. д.), которые “отправляют к “невидимому миру” духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак…” (Воркачев 2001: 70); к этим концептам можно подобрать наибольшее количество синонимов.

Исследование концепта включает в себя набор специальных процедур для толкования его значений: 1) дефинирование, 2) контекстуальный анализ, 3) этимологический анализ, 4) паремиологический анализ, 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование. В нашей работе основной акцент поставлен на контекстуальном анализе ценностного и образного признаков рассматриваемых концептов, вербализованных разнопорядковыми языковыми средствами. Культурные концепты также различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества, поэтому целесообразно назвать данные концепты социокультурными.

Культурный концепт, будучи важнейшей категорией лингвокультурологии, представляет собой неоднородное образование. Выделяются более конкретные и более абстрактные концепты, вплоть до мировоззренческих универсалий. Хотя полного списка культурных концептов в лингвистической литературе еще нет, и дискуссионным является вопрос о том, каковы критерии для составления такого списка – концептуария культуры, однако на наш взгляд, социокультурные концепты “*social justice*” и “*labor*” являются их прототипическими составляющими, которые эксплицируются Джеком Лондоном.

Поскольку Лондон был ярым сторонником социальной справедливости и защитником прав рабочего класса, его работы до сих пор служат платформой для обсуждения морально-нравственных ценностей в обществе. Хотя писатель был не первым и не единственным общественным деятелем, который старался привлечь внимание своих читателей и общественности к проблемам обычных рабочих, однако он мастерски обнажал больные места индустриального общества, включая классовое разделение, безработицу, детский труд, нищету и нестабильность. Несмотря на то, что автор изображает жестокую реальность, многие его работы сегодня считаются социально-фантастическими и автобиографически-фантастическими. Примером этому может служить одно из его культовых произведений – рассказ “South of the Slot,” впервые опубликованный в 1909 году.

Рассказ написан во время развития промышленности США на стыке веков, имеет необычную структуру с двумя сюжетными линиями. Повествование происходит в Сан-Франциско, который после сильного землетрясения 1906 года (одно из самых разрушительных стихийных бедствий в истории США), был разделен большой трещиной на две части – северную и южную. В северной части располагались административные здания, театры, отели и дома обеспеченных слоев общества, а в южной части находились заводы, котельные, прачечные и жилища рабочих. Жители одной части города крайне редко появлялись в другой его части, поскольку, по словам автора, трещина

символизировала классовый раскол: *the Slot is a class cleavage of Society*. Этот аспект отражает автобиографический момент из жизни автора в Лондоне.

Одна линия рассказа посвящена описанию жизни успешного 27-летнего профессора социологии из университета Сан-Франциско в Беркли Фредди Драммонда, который пересек границу для изучения жизни рабочих в рамках своей профессиональной деятельности. Фредди в мире науки был успешным ученым-социологом, лектором, исследователем, атлетом. Красной линией по тексту проходит такая его характеристика как холодность, репрезентированная следующими стилистическими тропами: оксюморон (*his extraordinary politeness was ominous*), метафорой (*Ice-Box, Cold Storage*), лексемами (*reserved, frigid, inhibition*), эпитетами (*his blue eyes were coldly blue*).

В начале, протагонист презрительно относился к представителям низших слоев, к их прогулам, увиливанию от работы, посещениям баров: *At first, Freddie Drummond found it monstrously difficult to get along the working people* (SoS). За отказ снизить свой темп работы, он был жестоко избит своими коллегами по цеху. Следующие эпитеты и метафорические переносы помогают читателю увидеть презрительное отношение главного героя к южной стороне и ее представителям: *plunge into the underworld, palpable malingering, black looks of angry coworkers, a mob, savages*.

В рассказе четко прослеживается отношение к труду разных классов, что неоднократно подтверждается в тексте следующей эксплицитно представленной антитезой: dignity of toil vs. tyranny of labor (достоинство и тирания труда). Для высшего класса труд – это наивысшая ценность (*condemned shirking as vicious, criminal, and un-American*), тогда как для рабочих тяжелый физический труд не приветствовался, поэтому они всячески уклонялись от него: … *hard work was not welcome among workers, malingering on work, shirking, inherent laziness of the unskilled laborer* (SoS).

В тексте резко противопоставляются прямо противоположные явления для усиления выразительности и придания акцента описываемым сущностям. Ценности протагониста прямо противоположны ценностям его антипода – Freddy vs. Bill: Фредди усердно трудился, читал лекции, получил образование, имел амбиции, писал книги, проводил социологические исследования, стремился больше зарабатывать, в то время как Билл не хотел усиленно трудиться, отлынивал от работы, развлекался.

Однако постепенно жизнь в южной части его так затянула, что он полностью перешел на южную сторону и стал совсем другой личностью – лидером профсоюзного движения Биллом Тоттс. Таким образом, вторая сюжетная линия изображает антипода Фредди, его полную противоположность, в которой происходит раздвоение личности протагониста: *At first he had been merely a good actor, but as time went on, simulation became second nature. But when he emerged in Bill Totts' clothes he was another creature. Freddie Drummond changed his manners with his dress, and without effort. And he often found himself waiting with anticipation for the dreamy time to pass when he could cross the Slot and cut loose and play the devil. He was not wicked, but as "Big" Bill Totts he did a myriad things that Freddie Drummond would never have been permitted to do*. (SoS)

Писатель использует антитезы и аллюзию на Библейскую мудрость, подчеркивая основной конфликт произведения – человек против самого себя: *Drummond believed in law and order and the maintenance of the established, but this riotous savage within him would have none of it. Then, if ever, did Freddie Drummond call upon his iron inhibition to save him. But it is written that the house divided against itself must fall. And Freddie Drummond found that he had divided all the will and force of him with Bill Totts, and between them the entity that constituted the pair of them was being wrenched in twain* (SoS).

В конечном итоге, автор, поместив героя к югу от рва, сам становится на сторону рабочего класса, показывая свою социальную позицию. Аристократ переходит в рабочий класс, и эволюционная теория продвижения по социальной лестнице терпит крах. Протагонист делает свой жизненный выбор в сторону свободы и борьбы за права рабочих, а не материального процветания и карьеры. Концепты "*labor*" и "*social justice*" как ключевые ценности американского социума представлены в основном с точки зрения рабочего класса.

Концепт "*labor*" определяется как "*work, especially physical work*" (OD) и "*practical work, especially when it involves hard physical effort*." (CD) В произведении его образный и ценностный признаки репрезентируются следующими языковыми единицами: *unskilled labor, palpable malingering on piece-work, simulation, shirking, tyranny, discontent, inherent laziness, underworld experiences, hard work wasn't welcome among workers*.

Концепт "*social justice*" определяется как "*justice in terms of the distribution of wealth, opportunities, and privileges within a society*" (OD) и "*fairness in the way people are dealt with*." (CD) Образный и оценочный признаки представлены следующими языковыми средствами: *welfare, class consciousness, class cleavage of Society, slums, world market, scabs, savages, labor ghetto, law and order, labor leader, strikes, undereducated, abodes, poor*.

Таким образом, данные концепты являются ключевыми в идиостиле Лондона и объективируются в рассказе одноименными лексемами, эпитетами, метафорами, сравнениями, персонификацией, антитезами. Ценностный компонент несет негативную коннотацию: труд как изнурительная деятельность для выживания и социальная справедливость как борьба за место под солнцем.

Итак, языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только индивидуально-авторскую картину мира, лингвистически освоенный им мир, но и своеобразие способа освоения мира социумом. При этом в основе его репрезентации лежат ценностные и образные признаки, которые позволяют воссоздать мировоззрение автора и сущность описываемых им явлений. Данные концепты, отражающие социо-экономический аспект, являются культурными доминантами социума и художественными доминантами авторской картины мира Джека Лондона, которые отображают его отношение к классовым различиям и подчеркивают культурные ценности общества в разные периоды.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Воркачев С. Г. Языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. М., 2001. №1. С.64-72.
3. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С.3-16.
4. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. Воронеж, 2001. С.75-80.
5. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода [Текст] / С. Х. Ляпин // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997.С.11-35.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. М.: Академия, 2001.
7. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] / Г. Г. Слышкин. М.: Academia, 2000.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. М., 1997.

Цитируемые источники и принятые сокращения:

1. London, J. South of the Slot URL: http://www.saturdayeveningpost.com/2017/04/25/post-fiction/classic-fiction/south-slot-jack-london.html (SoS)
2. English Oxford Dictionary URL: https://en.oxforddictionaries.com/ (OD)
3. Cambridge Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/ (CD)

Хантакова В. М., г. Иркутск, Россия

СИНОНИМИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ И/ИЛИ РАЗРЯДКИ В ТЕКСТЕ /ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье в качестве объекта рассмотрения избирается синонимический повтор, в описании которого, несмотря на многочисленные работы, многие вопросы остаются вне поля зрения исследователей. Обращение к анализу синонимического повтора обусловлено значимостью его роли при раскрытии механизмов порождения информации в тексте /дискурсе, ее трансляции в обществе и необходимостью эффективной регуляции человеческого общения, от которой во многом зависят устойчивость и жизнеспособность любого общества. Обосновывается роль синонимического повтора в создании напряжения и /или разрядки в тексте /дискурсе, выявляется алгоритм взаимодействия синонимов в тексте /дискурсе, открывающий путь к выявлению технологий осознанного планирования воздействия на слушателя.

Ключевые слова: синонимия, синонимический повтор, текст, дискурс, напряжение, разрядка

SYNONYMOUS REPETITION AS REPRESENTATION OF TENSION AND/OR RELAXATION IN THE TEXT /DISCOURSE

Abstract. In this article, a synonymic repetition is chosen as the object of the study in the description of which, despite numerous papers, many questions remain outside the field of view of researchers. The appeal to the analysis of synonymous repetition is conditioned by the importance of its role in the disclosure of the mechanisms of information generation in the text / discourse and its translation in the society and need for the effective regulation of human communication, on which the stability and viability of any society largely depend. The role of synonymous repetition in the creation of tension and / or relaxation in the text / discourse is substantiated; the algorithm of interaction of

synonyms in the text / discourse, which opens the way to the determination of technologies for conscious planning of the impact on the listener, is revealed.
Keywords: synonymy, synonymous repetition, text, discourse, tension, relaxation

Выбор синонимического повтора в качестве объекта рассмотрения подготовлен целым рядом разнообразных по объему и формату конкретных исследований синонимии, результатом которых является безусловное признание её роли в организации информации о мире, а также её трансляции от одного человека к другому, без чего невозможна жизнедеятельность общества.

Исходные посылки рассмотрения синонимического повтора в этом аспекте основаны, во-первых, на смысловой взаимосвязи синонимов в одном ряду, что дает возможность пользователю языка с помощью выбора синонима не только конструировать информацию, но и определять способ ее восприятия и истолкования. Во-вторых, на жестком отборе языковых единиц из синонимического ряда при создании информации об описываемом состоянии дел в мире и их сочетании в тексте /дискурсе. При сочетании языковых единиц в синонимическом повторе имеет место не простое арифметическое сложение смыслов. Поскольку в синонимическом повторе задействован не один синоним, а два и более, то происходит накопление количественной информации, ведущее к качественным изменениям: наращиванию или обогащению смысла, а на основе этого обогащения – к рождению новых смыслов и их вариаций. Это позволяет создать множество потенциально возможных реальностей в их проекции на описываемый мир. В-третьих, на многообразии и взаимосвязи слоев содержания информации о мире, в которой предметно-содержательная часть информации, выраженная, как правило, явно и открыто, сопровождается мотивационно-целевой ориентированностью её создателя, являющейся в большинстве случаев скрытой, но приписывающей дальнейшую программу действий получателю информации.

Способностью служить одним из средств формирования информации о положении дел и достичь тем самым искомой реакции у получателя синонимический повтор обязан свойственным ему слитным существованием взаимно дополняющих и вместе с тем противопоставленных смыслов. Взаимным притяжением или отталкиванием смысловых компонентов, включенных в синонимический повтор языковых единиц акцентируются или отбрасываются те смысловые моменты и нюансы, которые по разным причинам «вписываются или не вписываются» в намерения создателя информации.

При взаимном притяжении смыслов единиц синонимического повтора наряду с рождением новых смыслов создается также напряжение в тексте /дискурсе, что позволяет рассматривать синонимический повтор как одно из средств выражения напряженности в тексте /дискурсе. При этом основой для исследования синонимического повтора как репрезентации напряженности в тексте /дискурсе являются выявленный механизм появления в предложении напряжения, возникающего в начальном полюсе A и направленное к конечному полюсу Z (Drach 1964:41-44). Особую значимость в этом плане приобретает описание механизма создания напряжения за счет изменения порядка слов в предложении и в рамочных конструкциях (Адмони 1963: 17). На лексическом уровне в связи с рассматриваемым явлением представляют интерес сложные слова, в основе образования которых лежит внутренний процесс сложения смыслов, сопровождающийся также созданием напряженности.

По нашим данным, в синонимическом повторе задействованы все названные выше механизмы создания эффекта напряжения. В синонимическом повторе смысл как бы «прогоняется» через множество синонимов, проходя при этом несколько зон пересечения общего значения, присущего всем синонимам ряда, и частного, свойственного только одному синониму, по принципу спирали и получая те или иные смысловые модификации. Одним из следствий так называемого «набрасывания» смыслов, причем постоянного набрасывания заново, является эффект напряженности. Значимым при этом является расположение языковых единиц в синонимическом повторе, сравните примеры (1) и (2):

(1) «Steig auf, du Mörder», zischte Karsten und stieß Theo Hölding zum Wagen… Da sagte einer dumpf und drohend: «Hulke ist tot – von deiner Kugel erschossen, du Totschläger» (Voelkner :357).

(2) Ich habe meine Existenz vernichtet – alle Brücke sind gesprengt – ich bin ein Dieb, Räuber!! (Kaiser:22).

Если в первом примере имеет место дистантное расположение в синонимическом повторе языковых единиц *Mörder* и *Totschläger*, то во втором примере синонимический повтор характеризуется контактным расположением слов *Dieb* и *Räuber*.

Механизм создания эффекта напряженности с помощью дистантно расположенных слов в синонимическом повторе основывается, во-первых, на повторе одних и тех же смысловых компонентов, присущих синонимам *Mörder* и *Totschläger*. Они, соседствуя друг с другом в одном

синонимическом ряду, имеют в своем смысловом объеме такие компоненты как «*j-d, der einen Mord begangen hat*», «*versätzliche Tötung eines Menschen aus niedrigen Beweggründen*» (Synonymwörterbuch: 395). Во-вторых, на выборе сложного слова *Totschläger*, т.е. сжатой «упаковки» для большого объема информации. При этом огромная информационная нагрузка, которая создана повтором общих для синонимов смысловых компонентов, увеличивается за счет актуализации еще одного смыслового компонентов слова *Totschläger* – «*der Stock mit Bleiknopf als Waffe*» (Synonymwörterbuch:.1205), т.е. каким образом совершено убийство. В этой связи следует указать, что уточнением, как было совершено убийство, предопределяются восприятие и истолкование этой информации. Таким образом усиливается эмоционально-аффективная напряженность при конструировании и передаче информации и вместе с тем степень осуждения поступка. В-третьих, расположением *Totschläger* в конце синонимического повтора, в котором кульминационное ударение падает на второй синоним, делая его выразительным вариантом первого слова в соотношении синонимов и создавая динамизм и максимальное напряжение.

Во втором примере слова *Dieb* и *Räuber* в синонимическом повторе расположены контактно. В отличие от синонимического повтора с дистантно расположенными словами, бессоюзное соединение синонимов придаёт движению смысла стремительность, резкий скачок, накал обстановки, повышенный ритм, что приводит к максимальному напряжению смыслового поля и повышению степени оценки и осуждения совершенного преступления.

Напряженность, как правило, дезориентирует человека, затрудняя понимание сути и глубинных причин происходящих событий и, следовательно, выбор линии поведения получателей информации и их деятельности. Поэтому для людей, в какой бы ситуации они не находились, одинаково привычно стремление снять напряженность, разрядить обстановку. Во многом это достигается конструированием такой информации о происходящем, которое задает особый контекст понимания.

К числу средств, с помощью которых конструируется такая информация, с полным на то правом, можно отнести синонимический повтор, как это имеет место в следующем примере: *...und die Lüge wurde ihm zur Wahrheit, als er sagte: «Bist meine Frau». Anna wußte, daß er nicht die Wahrheit sprach, und empfang zugleich in seinen Worten die Wahrhaftigkeit seines Gefühles [Frank:.305-306]***.** Соединением синонимов *die Lüge* и *nicht die Wahrheit* женщина стремится снять напряжение, созданное общим для них значением «*absichtlich falsche Aussage*» (поскольку ложь – независимо от того, конструируется она или воспринимается – сопровождается так или иначе эмоционально-аффективной напряженностью) приводит к созданию напряженности. Но расположением языковых единиц в синонимическом повторе (сначала *Lüge*, затем – *nicht die Wahrheit*) женщина пытается смягчить отрицательную оценку поступка её любимого окружающими её людьми и тем самым разрядить обстановку.

Таким образом, синонимические повторы играют важную роль в создании напряженности и /или разрядки в тексте /дискурсе. При создании напряженности и /или разрядки синонимическими повторами значимыми являются расположение языковых единиц в синонимическом повторе (дистантное или контактное, союзное или бессоюзное), последовательность включения слов в синонимический повтор. Контактное соположение слов в синонимическом повторе сопровождается динамизмом, ритмом, что способствует созданию полифонии смыслов, ведущей к возникновению напряжённости при описании ситуации.

Синонимические повторы – не просто языковые средства, которые маркируют напряженность и /или разрядку в тексте /дискурсе, они являются ещё мощным эффективным средством, используемым создателем информации для достижения его цели и стимулирования определенных действий тех, кому адресована информация. С их помощью может осуществляться осознанное, преднамеренное планирование воздействия на получателя информации, включая нужное отправителю истолкование информации, блокирование его реакции на нее, изменение реакции на получение информации, ее оценки и т.д. Именно поэтому возникает необходимость дальнейшего изучения синонимического повтора и выявления алгоритма взаимодействия языковых единиц в синонимическом повторе с целью определения конкретных технологий осознанного планирования воздействия на получателя информации.

Библиографический список

1. Адмони В. Г. Синтагматическое напряжение в стихе и в прозе [Текст] / В. Г. Адмони // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С.16–26.

2. Drach E. Grundgedanken des deutschen Satzes. Wissenschaftliche Buchgesellschaft [Text] / E. Drach. Darmstadt, 1963.

3. Frank L. Karl und Anna [Text] /L. Frank. Gesammelte Werke. Sechster Band. Erzählungen. Berlin: Aufbau-Verlag, 1957.
4. Kaiser G. Von morgens bis mitternachts [Text] / G. Kaiser. Stuttgart: Reclam, 1994.
5. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache [Text] / H. Görner und G. Kempcke. Leipzig: VEB: Bibliographisches Institut, 1980.
6. Voelkner B. Die Leute von Karvenbuch [Text] / B. Voelker. Rostock: VEB Hinstorff Verlag, 1971.

Хуснитдинов Ш. Р., г. Уфа, Россия

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» ПРОСТРАНСТВО В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. В статье дается лингвокультурологический анализ русских и английских пословиц, в которых описывается свое и чужое пространство в свете национальной лингвокультурной традиции. Выявлены семантические модели русских и английских пословиц, выполнен анализ их компонентного состава. В ходе анализа выявлены общие и национальные особенности интерпретации пространства.

Ключевые слова: пословица, языковая картина мира, национальный менталитет, лингвокультурное пространство, концепт.

THEIR OWN AND OTHER PEOPLE'S SPACE IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS

Abstract. The article provides a linguistic and cultural analysis of Russian and English proverbs, which describe their own and other people's space in the light of the national linguistic culture tradition. Semantic models of Russian and English proverbs are revealed, and their component composition is analyzed. In the course of the analysis, general and national features of the interpretation of space were revealed.

Keywords: proverb, language world picture, national mentality, linguocultural space, concept.

Каждый народ, обживая свое геопространство в процессе культурно-исторического развития, формирует понятие родины, родного края как места, которое становится священным и отграничивается от пространства, где проживают другие народы. Противопоставление своего и чужого пространства, территория проживания входят в понятие этноса как социолингвистического феномена. Ю. В. Бромлей дает следующее определение этносу: «Этнос – исторически сложившаяся *на определенной территории* устойчивая совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (Бромлей 1973: 27). О воздействии пространства на формирование национального менталитета писали многие историки, социологи, культурологи, лингвисты (Колесов 1986, 2002; Гачев 1988; Лихачев 1988; Гумилев 2012; Бердяев 1990; Кубрякова 1996 и др.). Так, В. В.Колесов пишет о «ближнем» и «дальнем» локусе, которые противопоставляются в сознании народа как свое, а потому безопасное, родное, знакомое, и чужое, а потому опасное, незнакомое и неизвестное пространство (Колесов 1986). Н. А. Бердяев пишет о власти необъятных русских просторов над русской душой, что обусловило формирование таких русских национальных черт, как широта, открытость, свободолюбие (Бердяев 1914). Д. С. Лихачев говорит о том, что для русского человека пространство выступает символом свободы, воли (Лихачев 1988). Л. Н. Гумилев отмечает, что пространство формирует призму мировидения народа (Гумилев 2012).

Как видим, культурно-национальное своеобразие мировидения народа во многом обусловлено его местом на Земле. Интересен факт, что независимо от того, насколько оно благоприятно для проживания (например, вечная мерзлота, пустыня, тайга, болотистое место, непроходимые горы и т.д.), оно считается лучшим. Это нашло яркое отражение в русской пословице «*Всяк кулик свое болото хвалит»*, в башкирской пословице «*Чем быть султаном на чужбине, лучше быть подметкой на родине»*, в английской пословице «*Be it ever so humble, there's no place like home»* (букв. *Каким бы бедным ни было жидище, нет ничего лучше дома*).

Нами был выполнен анализ русских и английских пословиц о «своем» и «чужом» пространстве на примере устойчивых оборотов, характеризующих свой дом – чужой дом, родина – чужбина.

Известно, что одной из традиционных национальных черт русского характера является соборность, которая исторически была обусловлена общинным устройством жизни русских. «…Соборность органически вошла в образ русской национальной личности, стала ее важнейшим компонентом», – пишет В. В. Воробьев (Бромлей 1973: 118). В связи с этим в пословичном фонде четко разграничивается свой дом, община, с одной стороны, и чужой дом, чужое пространство, с

другой. Русский человек всегда воспринимал себя как часть общины, рода, семьи. Дом для русского человека – это не только жилище, это безопасность, поддержка и единство членов семьи: «*Дома и стены помогают*»; «*В своей печи и дрова ярче горят*». Каждый в своем доме волен вести, как ему хочется, может распоряжаться своим добром: «*В своем дому как хочу, так и ворочу*»; «*В своем болоте и лягушка поет*»; «*В своей семье невелик расчет*»; «*Своя избушка – свой простор*». В своем доме, в своей семье все кажется хорошим и милым сердцу: «*Всякому свое немыто, да бело*»; «*В своей сермяжке никому не тяжко*».

Соотносится с понятием *дома* и понятие *родина*, которая олицетворяет родную землю, родную сторонушку. Любовь к родине заключается в том, что ее нужно защищать, беречь, в дальних поездках по ней тоскуют, есть обычай брать с собой горсть родной земли как оберег: «*Своя земля и в горсти мила*»; «*Где птица не летает, а свое гнездо знает*»; «*Человек родиной жив, утка — озером*»; «*Когда родину охраняешь, сам мужаешь*». Образ родины противопоставляется чужбине как опасному, нерадостному, неуютному месту: «*Чужбина — калина, Родина — малина*»; «*На чужбине и сладкое в горчицу, а на Родине и хрен за леденец*»; «*На чужбине родная землица во сне снится*».

Образы дома и родины находят выражение в пословичном фонде разных народов, однако получают они разную интерпретацию. Англичане характеризуются своим менталитетом, имеют свою систему миропонимания. По мнению культурологов, «первая и необходимая черта этой нации – стабильность и постоянство характера составляющих ее индивидов. Они меньше других подвержены влиянию времени, преходящим модам» (Воробьев 2008: 100). Несмотря на то, что патриотизм характерен для всех народов, у англичан свое видение дома, образа родины, что обусловлено такими традиционными чертами характера, как педантизм, корректность, возведенная в культ, относительная закрытость, сознание своего превосходства. Поэтому понятие дома для англичанина всегда связан с понятием «privacy», то есть с понятием неприкосновенности личного пространства. Вмешательство в чужую жизнь, вторжение в чужое пространство всегда осуждается: «*Curiosity is ill manners in another's house*» (букв. *Любопытство в чужом доме – это проявление невоспитанности*). Для англичан, как и русских, дом – самое хорошее, благоприятное место на земле, невзирая на его убранство: «*Be it ever so humble, there' s no place like home*» (букв. *Каким бы бедным ни было жилище, нет ничего лучше дома*). Куда бы англичанин не уезжал из дома, в каких странах ни путешествовал, он всегда считает свой дом лучшим местом на земле: «*East or West – home the best*» (букв. *Восток ли, запад – а дом –лучшее*); «*The wider we roam, the welcomer home*» (букв. *Чем больше мы скитаемся, тем желаннее дом*). Классическим стало выражение «*An Englishman's house is his castle*» (*букв. Дом англичанина – его крепость*), которое отражает главные черты национального характера англичан.

Наш анализ показывает, что, несмотря на разные образные основания русских и английских пословиц, в них много общего в оценке дома и родины, поскольку эти понятия являются священными для представителей всех народов. Любой человек не мыслит себя без родины: «*Every bird likes its own nest*» – «*Каждая птица любит свое гнездо*».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образы ключевых понятий в культурах разных народов имеют много общего в силу универсального образа жизни и одинаковых духовных ценностей.

Библиографический список

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография [Текст] / Ю. В. Бромлей. М., 1973.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология [Текст] / В. В. Воробьев. М.: изд. РУДН, 2008.
3. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси [Текст] / В. В. Колесов. Л., 1986.
4. Сухарев В. А. Психология народов и наций [Текст] / В. А. Сухарев, М. В. Сухарев. Донецк: Сталкер, 1997.

Шевченко Л. Л., Кочешкова И. Ю., г. Барнаул

ТЕОРИЯ ОБРАЗНЫХ ПАРАДИГМ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается теория образных парадигм с точки зрения ее использования в качестве универсальной методологической основы моделирования и описания авторской картины мира. Авторы обращаются к понятиям образности, идиостиля, поэтической, языковой и концептуальной картины мира и выдвигают гипотезу о возможности конструирования индивидуальных концептуальных систем с помощью доминантных образных парадигм.

Ключевые слова: образная парадигма, образность, идиостиль, поэтическая картина мира, языковая картина мира, концептуальная картина мира.

THE THEORY OF IMAGE PARADIGMS AS AN INSTRUMENT OF MODELLING AND ANALYSING INDIVIDUAL WORLDVIEW

Abstract. The paper presents the theory of image paradigms as a universal method of describing author's worldview. The notions of imagery, idiostyle, poetic and linguistic worldview and conceptual systems are considered. The authors of the paper promote the idea that dominant paradigms can serve as an instrument of presenting individual conceptual systems.

Keywords: image paradigm, imagery, idiostyle, poetic worldview, linguistic worldview, conceptual system.

Важной тенденцией развития современной стилистики является увеличение количества методологических принципов изучения художественного текста, в том числе с позиции моделирования концептуальной системы писателя. Одним из наиболее продуктивных нам представляется теория образных парадигм, разработанная Н. В. Павлович в 1990-х г.г.

В целом парадигматическая методика имеет, как известно, многовековую традицию и является одним из наиболее эффективных способов изучения и описания языковых категорий и моделирования языка как системы. При этом характер парадигматической методики оказался настолько универсальным, что позволил исследователям применять её далеко за пределами описания морфологических, лексических, словообразовательных и синтаксических видов парадигм. Данная методика успешно и непротиворечиво вписывается, в том числе, и в когнитивный подход к анализу художественного текста.

В художественном тексте находит выражение уникальная и часто парадоксальная индивидуальность её создателя. «Поэт – нестандартная языковая личность […] Поэты с помощью творческой интуиции преобразуют существующие культурные ориентиры, открывают новые смыслы с помощью уже существующих языковых моделей» (Маслова 2009: 382). Поэтическая модель мира складывается как из идиоэтнических концептуализированных феноменов, так и из их индивидуально-авторской интерпретации и создания «новых смыслов». Авторское сознание не «фотографически» копирует с помощью языковых средств реальный мир, а «выделяет в нем значимые для него (творческого субъекта) события, свойства, качества и пр., своеобразно комбинируя их и создавая индивидуальную модель действительности» (Бабенко 2000: 106). Когнитивными механизмами формирования этих новых смыслов являются метафора и метонимия, а также связанные с ними символизация и концептуальная интеграция.

Художественный мир писателя является динамической системой представлений, которые находят выражение в индивидуальной форме. Способность вызывать систему представлений Л. Г. Бабенко связывает с образностью, которую она относит к текстовым категориям (Бабенко 2004: 44). Своеобразие индивидуально-авторского мировоззрения проявляется в избирательности образных средств, так как именно образная система является наиболее личностным компонентом стиля, индивидуальной манеры писателя. Выбор того или иного образа связан с эстетико-философской концепцией автора и соизмерим с системой стереотипных образов, принадлежащих индивидуальной картине мира.

Поскольку когнитивное направление исходит из понимания языка как основного средства выражения знаний о мире, художественный текст можно рассматривать как воплощение авторской картины мира, которая может быть представлена в виде определенного набора концептов, объединенных в систему. Возможность моделирования этой системы заключается в образах, используемых автором.

Образ – обязательный компонент структуры концепта, единицы сознания. Отмечая многослойность концепта, З. Д. Попова и И. А. Стернин описывают его в терминах ядра и периферии. К ядру концепта относятся «прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы» (Попова 2002: 66). Базовый слой концепта – это всегда определенный чувственный образ. Н. Н. Болдырев также указывает на существование ядра в структуре концепта. Составляющими этого ядра являются конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира (Болдырев 2001: 29-30). Образ лежит в основе способности людей относительно однообразно различать классы вещей. М. В. Никитин определяет его как «способ, которым сознание решает задачи концептуализации»: образ «привязывает понятие к чувственно воспринимаемой конкретности, наглядности мира и вместе с тем преобразует

конкретные параметры ощущений в конкретно-обобщенную мыслительную форму, промежуточную на пути к абстрактно-отвлеченной форме логического понятия о классе» (Никитин 2001: 28).

Образ имеет особый промежуточный статус между вербальным и невербальным аспектами метафоры. Любая метафора рождается и передается с помощью образа. Образным является не только принцип ее формирования, но и способ выражения.

Метафора обнаруживает аналогию между вещами благодаря существованию уровня чувственного познания, на котором процесс взаимодействия сознания человека с миром происходит по ощущению. Ощущение неразрывно связано с образом. Это первая ступень на пути к формированию концепта, своеобразный стимул к его дальнейшему развертыванию и закреплению в концептуальной системе.

Метафора используется с целью обозначить новый концепт или обогатить уже образованный. В этом заключается суть метафоры как механизма, отражающего динамику взаимодействия концептов.

Основываясь на понимании метафоры как механизма, определяющего модель взаимодействия концептов, можно предположить, что в результате анализа метафор, используемых в текстах одного автора, можно сконструировать систему концептов, организованных в соответствии с индивидуальным видением мира.

Наиболее широкие и универсальные области, подвергающиеся метафорической концептуализации в индивидуальном сознании – это **Окружающий мир, Человек, его Чувства и Эмоции, Мыслительная деятельность, Жизнь, Межличностные отношения.** Образы, посредством которых получают развитие данные концепты, формируют отдельные парадигмы, объединенные на основе общности концептуальной области-источника.

Теория образных парадигм, разрабатываемая Н. В. Павлович, активно используется в исследованиях по стилистике в практике изучения идиостилей и систематизации компаративных тропов (Кочешкова 2004, Шевченко 2005).

Суть данной теории состоит в том, что каждый словесный поэтический образ является членом некоторой парадигмы, то есть объективирует определенный семантический инвариант. Парадигму образа Н. В. Павлович определяет как «инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления» (Павлович 1999: XXIX). Среди множества парадигм существует ряд элементарных, из которых строятся все остальные парадигмы. Их можно описать при помощи небольшого набора семантических признаков.

Очевидно, что смыслы, входящие в парадигму, могут быть соотнесены с концептами, взаимодействующими в метафоре, один из которых представляет концептуальную область-источник, а другой – область-цель. В данном случае термины «базовая метафора» и «доминантная парадигма» могут использоваться как взаимозаменяемые.

Таким образом, теория образных парадигм может быть использована в качестве конструктивной опоры для группировки образов и моделирования концептуальной системы автора. Определенный набор базовых парадигм будет составлять основу этой системы.

Итак, парадигма – это модель, а образ – это одно из воплощений этой модели. Модели концептуального взаимодействия определяются через обобщающий образ, которому подчинен целый ряд отдельных образов, образующих парадигму. Каждый образ существует в концептуальной системе не сам по себе, а в ряду других сходных с ним образов. Основные образные парадигмы отражают определенные схемы концептуального взаимодействия. Каждая из этих схем включается в единую систему, представляющую собой динамическую модель авторской картины мира.

Регулярность образов, моделирующих тот или иной концепт, может служить опорой для конструирования концептуальной системы автора. Так, анализ метафор, используемых в текстах произведений Айрис Мердок, показывает, что большинство образов формируют устойчивые парадигмы, очерчивающие круг ассоциативно-смысловых связей определенного числа концептов.

Среди наиболее продуктивных образных парадигм, реализующихся в метафорах Айрис Мердок, можно назвать следующие: **Жизнь – Несвобода, Жизнь – Борьба, Жизнь – Игра, Жизнь – Театр, Жизнь – Нереальность, Жизнь – Полотно.**

Практически в каждом из произведений Айрис Мердок образы *сцены* и *сна* являются ключевыми в структуре концепта **Жизнь:**

(1) It's all a dream, he thought, one goes through life in a dream… (Murdoch 1969: 12)

(2) The words were at home in the scene (Murdoch 1971: 48).

Базовая парадигма **Жизнь – Несвобода** реализуется в образах *клетки, сети, камеры:*

(3) Dorina's safe, she's all right, she's safe in her ***cage*** *and they're feeding her with seed cake through the* ***bars*** *(Murdoch 1971: 66).*

(4) They went out of the gate. Dora turned to take one last look at the figure under the ***net*** *(Murdoch 1958: 69).*

(5) We're each of us screaming away in our private padded ***cell*** *(Murdoch 1973: 152).*

Базовые метафоры становятся основными структурирующими схемами, организующими взаимодействие концептов. Следующие примеры актуализируют схему взаимодействия концептов **Театр – Несвобода – Нереальность:**

(6) The ***scene*** *held him* ***prisoner*** *(Murdoch 1957: 295).*

(7) I've been living ***trapped*** *inside a bad* ***dream*** *(Murdoch 1973: 72).*

Вся система приобретает вид разветвленной сети, узлами которой являются образы. В одном образе может реализовываться несколько парадигм. Такой образ Н. В. Павлович называет *сложным*, поскольку его маргинальное положение не позволяет однозначно отнести его к той или иной парадигме. Примером является образ *шарады*, который входит в модели взаимодействия концептов **Жизнь – Театр, Жизнь – Игра**:

(8) It was all a ***charade,*** *or rather two* ***charades****, since each of them was* ***performing*** *alone (Murdoch 1971: 407).*

На наш взгляд, подобные образы выполняют важную функцию в организации концептуального пространства. Используя их, можно построить модель, репрезентирующую определенный участок концептуальной системы автора.

Несмотря на уникальность некоторых моделей концептуального взаимодействия, в индивидуальной картине мира наличествуют элементы, ставшие универсальными для западной литературной традиции со времён Ренессанса, например, образы, актуализирующие парадигму **Природа – Живое существо, Окружающий мир – Театр, Игра, Тайна, Загадка**.

Изучая творчество английских писателей, можно выделить ряд образных парадигм, отражающий особенности именно английской лингвокультуры, где, преломляясь сквозь призму индивидуально-авторского мировидения, актуализируются образы *воды, моря, острова.* Особая роль «морской», «водной» и «островной» образности в произведениях английских авторов связана, по всей видимости, с географией страны и с ключевой ролью морских путешествий в развитии англо-саксонской цивилизации в целом.

У Айрис Мердок концепт **Вода** является одним из сюжетообразующих элементов и средством выражения философских взглядов писательницы. Библейское выражение «находиться во глубине вод» означает «страдать». Подобную интерпретацию образа воды мы находим у Айрис Мердок. Страдания героев связаны с ситуацией экзистенциального выбора и сопряжены с окружающей обстановкой, в которой воде отводится особая роль. Многие герои произведений Айрис Мердок трагически гибнут в воде. Однако, соприкосновение с водой и погружение в воду, означает не только возврат к предначальному состоянию, подразумевающий смерть и уничтожение, но также возрождение и восстановление. Подобно тому, как в христианской традиции происходит обряд крещения, в ходе испытаний, которым писательница подвергает своих героев, происходит их обновление и очищение водой.

В произведениях Лори Ли мы находим иную интерпретацию образа воды. Наиболее яркой и детально представленной в его творчестве является парадигма **Детство – Морское приключение.** Описывая эпизоды из своего детства, Лори Ли нередко использует образы, актуализирующие взаимодействие данных понятий. В романе «Сидр и Рози» повествование начинается с того дня, когда в возрасте трёх лет Лори Ли вместе со своей семьей переехал в деревню. Этот день обозначается как *высадка на новую землю*, начало *поиска сокровищ*:

(9) We were ***washed up in a new land****, and began to spread out searching its springs and* ***treasures*** *(Lee 1993: 8).*

Рассказывая о том, как, будучи ребенком, Лори Ли исследовал мир вокруг себя, он использует образы *моря, океана, острова, карты*, сравнивая себя с путешественником, первооткрывателем земель:

(10) From stone to stone in the trackless yard I sent forth my acorn shell of senses, moving through unfathomable ***oceans*** *like a South* ***Sea*** *savage* ***island*** *hopping across the Pacific… Through the long summer ages of those first few days I enlarged my world and* ***mapped*** *it in my mind… (Lee 1993: 11)*

Образы окружающих людей также включаются в базовую парадигму, когда автор сравнивает их с проплывающими мимо *галеонами*, а их руки с *мачтами:*

(11) My Mother and sisters sailed past me like ***galleons*** *in their busy dresses… (Lee 1993: 12)*

(12) How magnificent they appeared, full-rigged, those towering girls, with their flying hair and billowing blouses, their ***white-mast*** *arms stripped for work or washing (Lee 1993: 12).*

В творчестве Джона Фаулза важное место занимает «островная» образность. По словам самого писателя, *"island imagery"* является для него наиболее привлекательной. При этом *остров,* как правило, является одновременно аллюзией на другие произведения английской литературы и античную классику. В романе «Волхв» *остров* является метафорической репрезентацией внутреннего мира. Аллюзия на стихотворение Джона Донна "*No man is an island*" опровергается главным героем романа Морисом Кончисом:

(13) Pah. Rubbish. ***Every one of us is an island****. If it were not so we should go mad at once. Between these islands are ships, airplanes, telephones, television—what you will. But* ***they remain islands****. Islands that can sink or disappear forever.* ***You are an island*** *that has not sunk (Fowles 1978:141).*

В этом же романе на сюжетном уровне происходит взаимодействие с пьесой Шекспира «Буря». "*Prospero will show you his domain*" (*Fowles 1978:* 73) – это слова Мориса Кончиса, который сам метафорически именует себя Просперо, магом – хозяином острова, куда попадает главный герой.

С «морской» и «островной» образностью неразрывно переплетена тема Одиссеи. Странствия и отношения Улисса стали не только предметом авторских размышлений в эссе Джона Фаулза «Острова» и в романе «Мантисса»; автор вводит эту тему через образы в других произведениях (например, Сара – Калипсо в «Женщине французского лейтенанта»). В романе «Волхв» Улиссу или одному из его спутников уподобляет себя Николас; женщина, к которой он стремится – это Цирцея, и ей же уподобляется сама Греция: *sinister-fascinating, this Circe-like quality of Greece (Fowles 1978: 42).*

Другая грань *"island imagery"* – это образ одиночества, отчужденности и мучительного поиска родственной души – образ пленника острова, Робинзона Крузо:

(14) Grogan then seized his hand and gripped it; ***as if he were Crusoe****, and* ***Charles Man Friday*** (*Fowles 1977: 141).*

(15) My first feeling was one of resentment, a ***Crusoe-like*** *resentment* (*Fowles 1978: 59).*

*(16) W****e are all Crusoes****; no one knows our happiness, and unhappiness, like ourselves*" *(Fowles 1982: 63).*

В различных произведениях появляется образ Гулливера, мореплавателя, также попадавшего в положение пленника на фантастических островах:

(17) Hypothesis pinned me down, as ***Gulliver*** *was pinned by the countless threads of the Lilliputians (Fowles 1978: 468).*

(18) He [Daniel] felt irresistibly tied down, like ***Gulliver****, by the thousand strings of convention, his home, his ignorance, everything* (*Fowles 1978: 382).*

Таким образом, метод образных парадигм позволяет с одной, стороны, составить представление об индивидуально-авторской картине мира, а с другой стороны, увидеть взаимосвязь и взаимодействие «художественного мира» автора с множеством иных «художественных миров», параллельных во времени, более ранних или более поздних. Тем самым когнитивные исследования образности на основе парадигматической методики обеспечивают переход от изучения идиостилей и поисков уникального к изучению общего, универсального, так как идиостиль неизбежно существует в рамках определённого языкового, культурного и социального окружения, и место автора в литературе осознаётся непосредственно в сопоставлении с представителями его лингвокультуры.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильцев, Ю. В. Казарин. Екатеринбург, 2000.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М: Флинта, 2004.
3. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 25-36.
4. Кочешкова И. Ю. Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза [Текст] : дис. …канд. филол. наук. / И. Ю. Кочешкова. Барнаул, 2004.
5. Никитин М. В. Концепт и метафора [Текст]/ М. В. Никитин // Studia Linguistica. Проблема теории европейских языков. Вып. 10. С-Пб: Тригон, 2001. С. 16-35.
6. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов [Текст] / Н. В. Павлович. М.: Едиториал УРСС, 1999.
7. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2002.
8. Шевченко Л. Л. Метафора как средство моделирования концептуальной системы автора (на материале произведений Айрис Мердок) [Текст] : дис. …канд. филол. наук. / Л. Л. Шевченко. Барнаул, 2005.
9. Fowles, J. Daniel Martin [Text] / J. Fowles. New York: Signet, 1978.
10. Fowles, J. The Aristos [Text] / J. Fowles. London: Triad, 1982.

11. Fowles, J. The French Lieutenant's Woman [Text] / J. Fowles. London: Triad, 1977.
12. Fowles, J. The Magus [Text] / J. Fowles. London: Triad, 1978.
13. Lee, L. Red Sky at Sunrise [Text] / L. Lee. London: Penguin Books, 1993.
14. Murdoch A. An Accidental Man [Text]/ A. Murdoch. London: Triad Panther Books, 1971.
15. Murdoch A. Bruno's Dream [Text]/ A. Murdoch. London: Triad Panther Books, 1969
16. Murdoch A. The Bell [Text]/ A. Murdoch. New York: Avon Books, 1958.
17. Murdoch A. The Sandcastle [Text]/ A. Murdoch. London: Penguin Books, 1957.
18. Murdoch A. The Black Prince [Text]/ A. Murdoch. London: Penguin Books, 1973.

Филистович Т. П., г. Барнаул, Россия

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛОВИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С КОМПАРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности пословиц немецкого языка, в состав которых входит компаративный компонент. Фразеологические выражения такого вида имеют структуру простого распространенного предложения с обстоятельством сравнения или сложноподчиненного комплекса с компаративным придаточным равенства или пропорционального сравнения. Их специфической особенностью является элиминация некоторых членов предложения.

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, компаративный компонент, конструкции с элиминированными членами предложения.

STRUCTURAL PECULIARITIES OF PROVERBS IN THE GERMAN LANGUAGE WITH COMPARATIVE COMPONENT

Abstract. The article deals with structural features of proverbs with a comparative component in the German language. Phraseological expressions of this kind have a structure of a simple extended sentence with an adverbial modifier or a complex sentence with a comparative subordinate clause of equality or proportionate comparison. Their specific feature is elimination of some members of the sentence.

Keywords: phraseological unit, proverb, comparative component, constructions with eliminated sentence members.

Одним из самых ярких средств языка, характеризующих особенности культуры народа и выступающих способом выражения его истории и традиций, являются фразеологизмы. Исходя из критериев определения фразеологизмов, таких, как стабильность, устойчивость, частично идиоматичность, пословицы, поговорки и крылатые слова могут быть причислены к фразеологизмам (Пальм 1995: 3). Между фразеологизмами и пословицами есть много общего: пословицы имеет устойчивый, безвариативный лексический состав (Флейшер 1997: 80) и метафорический обобщающий характер, который не совпадает с непосредственно сообщаемым в предложении. Пословицы выступают обычно в форме законченного предложения. Это устойчивые конструкции, имеющие назидательный характер и содержащие житейскую мудрость (ЛЭС 1990: 389). Таким образом, в широком смысле фразеология включает в себя и такие единицы, как пословицы, поговорки и крылатые слова.

Между фразеологизмами и пословицами существует ряд отличий. Особую роль в пословицах играют рифма и ритм. Кроме того, пословицы отличаются своей исторической фиксацией (Флейшер 1997: 81). Они восходят к Средневековью. Эпохой их «расцвета» считаются 15-16 века (Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie 1969: 595-596). По утверждению авторов энциклопедии, новые пословицы не возникают. Фразеологизмы, однако, не имеют исторических ограничений. Они представляют собой общее языковое явление, поэтому взамен старых фразеологизмов постоянно возникают новые (Флейшер 1997: 81).

Часть пословиц устарела и редко встречается в устной и письменной речи. Однако существует целый ряд фразеологических выражений этого вида, употребляемых в настоящее время или, по меньшей мере, узнаваемых современными носителями немецкого языка.

Поскольку темой нашего исследования являются компаративные фразеологизмы, то и из всего корпуса пословиц и поговорок нами выбраны те, что содержат компаративный компонент. Они представляют собой простые распространенные предложения с обстоятельством сравнения либо сложноподчиненные комплексы с обстоятельственным компаративным придаточным, выражающим сравнение с тем, о чем говорится в главной части сложноподчиненного предложения.

Простые распространенные предложения с обстоятельством сравнения содержат наречия **gut** или **gern**, употребляемые в сравнительной степени (*besser, lieber*) и выполняющие роль именной части составного именного сказуемого. Неотъемлемым компонентом конструкции является обстоятельство сравнения с компонентом als:

***Besser** eine Laus im Kohl als gar kein Fleisch (Бинович, Гришин 1975: 362).*

***Besser** heut ein Ei, als morgen ein Küchlein (Бинович, Гришин 1975: 142).*

***Lieber** ein Ende mit Schrecken als ein Schrecken ohne Ende (Бинович, Гришин 1975: 497).*

Вышеперечисленные пословицы представляют собой в структурном отношении конструкции с элиминированными членами предложения. При реконструкции полного предложения возможны два варианта;

а) с подлежащим *eine Laus* и составным именным сказуемым *ist besser* (в пословице элиминирован глагол-связка):

*Eine Laus im Kohl **ist** besser* … или

б) при реконструкции предложение содержит коррелят *es*, употребляющийся в начале предложения, глагол-связку в составе составного именного сказуемого, а подлежащим является инфинитив:

***(Es ist) besser,** eine Laus im Kohl **(zu haben)** als gar kein Fleisch.*

***(Es ist) besser,** heut ein Ei **(zu haben)**, als morgen ein Kücklein.*

Компаративные сложноподчиненные предложения подразделяются в немецком языке на придаточные равенства, отрицательного равенства, неравенства и пропорционального сравнения:

Er hat mich genau so behandelt, wie er das auch bei allen anderen tut – придаточное равенства;

Die Fahrkarte war nicht so teuer, wie er gesagt hat – придаточное отрицательного равенства;

Die Fahrkarten waren teurer, als ich angenommen hatte – придаточное неравенства;

Je älter der Lehrer wurde, desto grauer wurden seine Haare – придаточное пропорционального сравнения.

Пословицы немецкого языка, имеющие структуру сложноподчиненного предложения с придаточным сравнения, могут иметь зависимую часть в форме придаточного равенства:

Es schneidet, wie ein toter Hund beißt (Касландзия 1990: 124).

Wie du mir, so ich dir (Бинович, Гришин 1975: 622).

Wie man's treibt, so geht's (Müller-Hegemann, Otto 1978: 28).

Wie die Alten sungen, so zwitschern (auch) die Jungen (Бинович, Гришин 1975: 28).

Wie man in den Wald hineinschreit / hineinruft, so schallt es (wieder) heraus (Бинович, Гришин 1975: 605).

Пословицы могут иметь форму сложноподчиненного предложения с придаточным пропорционального сравнения:

Je spät der Abend, desto schöner die Gäste (Бинович, Гришин 1975: 18).

Je höher der Baum, desto schwerer sein Fall (Müller-Hegemann, Otto 1978: 146).

При этом необходимо отметить, что пословицы, имеющие форму сложноподчиненного предложения с придаточным равенства и пропорционального сравнения, являются конструкциями с элиминированными главными членами предложения – как в главной, так и в зависимой части. Элиминации нередко подвергаются главные члены предложения в обеих частях сложноподчиненного комплекса.

Начнем анализ с рассмотрения пословиц, имеющих форму сложноподчиненного предложения с компаративным придаточным равенства. В них наблюдаются следующие элиминации:

1) Опущение сказуемого-связки в обеих частях сложноподчиненного комплекса:

Wie das Haupt (ist), so (sind) die Glieder (Бинович, Гришин 1975: 267).

Wie der Hirt (ist), so (ist) die Herde / das Vieh (Бинович, Гришин 1975: 291).

Wie die Pflege (ist), so (sind) die Erträge (Müller-Hegemann, Otto 1978: 50).

2) Наряду со связкой иногда элиминируется и именная часть составного именного сказуемого в зависимой части:

Der Hehler ist so gut, wie (gut) der Stehler (ist) (Бинович, Гришин 1975: 271).

3) Элиминации может подвергаться лишь сказуемое главной или зависимой части, выраженное полным глаголом:

Wie die Hühner gackern, so (gackern) die Küchlein (Бинович, Гришин 1975: 352).

Er steckt voller Unarten, wie der Hund voll Flöhe (steckt) (Бинович, Гришин 1975: 302).

4) элиминация подлежащего *man* и финитной части сказуемого:

Wie (man) gewonnen (hat), so (hat) (man) zerronnen (Бинович, Гришин 1975: 223).

Wie (man) gelebt (hat), so (ist) (man) gestorben (Müller-Hegemann, Otto 1978: 43).

Кроме того, элиминации может подвергаться и возвратное местоимение *sich*:

Wie (man)(sich) gebettet (hat), so (hat) (man) geschlafen. – Наряду с этой конструкцией существует и полная:

Wie man sich bettet, so schläft [liegt] man (Бинович, Гришин 1975: 81).

Пословицы, имеющие форму сложноподчиненного предложения с придаточным пропорционального сравнения, тоже подвергаются элиминации. Как и пословицы со сравнительным придаточным равенства, они лишаются, *сказуемого*-связки, подлежащего *man* или финитной части сказуемого:

Je weniger Ausbildung (ist), je mehr (ist) Einbildung (Müller-Hegemann, Otto 1978: 124).

Je größer der Narr (ist), desto größer (ist) die Schelle (Müller-Hegemann, Otto 1978:120).

Je weiter (man) entfernt (ist), je größer (ist) die Sehnsucht (Müller-Hegemann, Otto 1978: 90).

Итак, анализ показал, что пословицы немецкого языка, содержащие компаративный компонент, являются фразеологическими выражениями и могут иметь структуру простого распространенного предложения с обстоятельством сравнения или сложноподчиненного предложения с компаративным придаточным равенства или пропорционального сравнения. Их специфической особенностью является элиминация некоторых членов предложения. Это, прежде всего, глагол-связка или сказуемое, выраженное полным глаголом, но уже имеющееся в придаточной части и лишь повторяющееся в главной. Подчиняясь общему закону экономии языковых средств, такие элементы элиминируются из пословиц, что придает необходимую для данного вида фразеологических выражений четкую ритмичную форму.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой [Текст] / В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

2. Agricola K, Fleischer W. Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. 1. Band [Текст] / K. Agricola, W. Fleischer Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969.

3. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache [Текст] / W. Fleischer Tübingen: Niemeyer, 1997.

4. Palm Ch. Phraseologie: eine Einführung [Текст] / Ch. Palm Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1995.

Список источников иллюстративного материала

1. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. М.: Издательство «Русский язык», 1975.

2. Касландзия В. А. Синонимия в немецкой фразеологии. Справочник [Текст] / В. А. Касландзия М.: «Высшая школа», 1990.

3. Müller-Hegemann A., Otto L. Das kleine Sprichwörterbuch [Текст] / A. Müller-Hegemann, L. Otto. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1978.

Широкова Н. П., г. Барнаул, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ КУЛЬМИНАЦИИ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением организации текста художественного произведения с точки зрения его декодирования и раскрытия механизма его актуализации, предполагающего комплексный подход в рассмотрении кульминации, как лингвостилистического явления, выделением и анализом языковых механизмов, участвующих в создании кульминации как структурного компонента текста. Выбор языковых средств для создания кульминации связан с использованием определенных единиц и форм в целях выделения важной для читателя информации, необходимой для адекватного понимания художественного текста и достижения эффекта экспрессивного воздействия.

***Ключевые слова*:** композиция текста, элементы выдвижения, кульминация, языковые средства, процесс интерпретации

LANGUAGE MEANS OF CREATING THE CULMINATION IN THE STRUCTURE OF THE LITERARY TEXT

Abstract. The article deals with issues related to the study of the organization of the literary text from the point of view of its decoding and disclosure of the mechanism of its actualization, suggesting an integrated approach to considering the culmination as a linguostylistic phenomenon, highlighting and analyzing the linguistic mechanisms involved in creating the culmination as a structural component of the text. The choice of language means to create a climax is associated with the use of certain units and forms in order to highlight important information for the reader, necessary for an adequate understanding of the literary text and to achieve the effect of expressive impact.

Keywords: text composition, elements of nomination, climax, language means, interpretation process

Исследование текста, его характеристик, структуры, типологии и роли в формировании концепции литературного произведения является одной из фундаментальных проблем лингвистической науки. Смысловая многоплановость литературного произведение объясняется, с одной стороны сложностью самой структуры (включенность единиц всех языковых уровней), а с другой стороны сложностью и неповторимостью картины мира человека как субъекта литературной коммуникации. Текст как сложный знак обладает значением или денотатом, которое позволяет соотнести содержание текста и предметный мир. Читатель, стремясь проникнуть в замысел автора, воспринимает план содержания текста, то есть информацию, порождаемую синтагматическими отношениями единиц текста (поверхностную структуру). Благодаря денотативному компоненту читатель в состоянии объяснить содержание с точки зрения общепринятой или актуальной на данном этапе развития культуры модели мира. В сознании читателя содержание текста наделяется смыслом, то есть возникает коннотативный компонент значения текста.

Важной особенностью художественного текста наряду с фиктивностью изображаемого мира можно считать интерпретируемость, которая задействует психические процессы восприятия и понимания. На этапе обучения аналитическому чтению очень важным является момент понимания студентом того факта, что интерпретация включает в себя объяснение текста через соотнесение его содержания с реальностью, оценку текста как значимого или незначимого для конкретной личности и осмысление текстового содержания. Интерпретация предполагает перекодирование содержания текста в систему личностных смыслов, в результате чего читатель будет располагать собственным образом литературного текста.

Очевидно, что адекватная интерпретация художественного произведения невозможна без активности читателя. В процессе интерпретативной деятельности ему приходится рассматривать литературный текст как объективную данность, которая ограничена значениями языковых единиц и структурной организацией текста. Условием успешного преобразования действительности в художественное произведение со стороны автора является использование тех способов и приёмов, которые соответствуют актуальной литературной традиции. Главным в художественном произведении является обязательное присутствие авторского вымысла. Фиктивный мир художественного произведения не является достоверным в полном смысле этого слова. Художественный текст рисует мир сквозь призму авторского мировидения, что составляет дополнительную сложность для его интерпретации.

Все эти факторы, даже в интерпретации несложных произведений, требуют от студента (и преподавателя) широкого культурологического тезауруса, чтобы избежать приписывания тексту несвойственных ему смыслов, то есть того, что У. Эко называет гиперинтерпретацией (Усманова 2000: 89).

В процессе обучения филологическому анализу важно сконцентрировать внимание студента на двух направлениях интерпретации. Первое: интерпретируя текст, читатель может сконцентрировать своё внимание на внешнетекстовых связях, то есть, следуя внешнетекстовым стратегиям толкования, рассматривать текст через специфику исторической эпохи, общественного уклада, религиозных убеждений. Второй вариант – внутритекстовая стратегия интерпретации, согласно которой текст замыкается на самом себе и образует систему собственных смыслов. Между элементами текста, выражающими смысл, возможны отношения полемики, присвоения смыла одного элемента другим элементом, а также наращивание смысла отдельного элемента текста. Осмысливая литературный текст, читатель стремиться выявить его интенцию, под которой следует понимать «…совокупность особенностей организации текста, направляющих смыслообразование в сознании читателя» (Матюшкин 2007: 186). И в этом смысле необходимо понять, что художественный текст – это упорядоченная система, в которой элементы содержательного и структурного уровня неравнозначны. Между ними выстраиваются иерархические связи, которые облегчают формирование смыслового уровня текстового произведения. Распределяя смыслы художественного произведения по степени значимости, автор конструирует свое видение какого-либо явления реальности. Авторское видение предметного мира – это результат восприятия одних признаков некоторого явления как более значимых по отношению к остальным, которые также характерны для данного явления, но по каким-либо причинам несущественны для данного автора-наблюдателя.

Одной из фундаментальных проблем лингвистики является исследование структуры текста с точки зрения расположения автором частей текста в определенной последовательности. Организация индивидуальна для каждого рассматриваемого текста.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению языковых механизмов создания кульминации как одного из наиболее сложно вычленяемых структурно-композиционных элементов художественного произведения. С точки зрения развития сюжетной линии кульминация трактуется, в

первую очередь, как точка наивысшего подъема в событийном ряду, но также и как риторический прием, располагающий перечисляемые члены в порядке их возрастающего значения.

В лингвистике существуют много трактовок понятия кульминации, однако существенно они не отличаются друг от друга. Так, в понимании М. А. Петровского кульминация выступает в качестве «вершины» развития сюжета, которых в художественном произведении может быть не одна, а две, три или больше, в связи с чем возникает трудность определения наивысшей точки напряжения (Петровский 1927: 86).

Ю. А. Разоренова рассматривает кульминацию как точку наивысшего подъема конфликтного напряжения. С одной стороны, она акцентирует свое внимание на том, что кульминация является композиционно-структурным компонентом сюжета, с другой стороны, кульминация является риторическим приемом (Разоренова 2004: 53).

Одной из основных особенностей кульминации является намерение автора при помощи экспрессивных языковых средств воздействовать на эмоциональное состояние читателя с целью воссоздания в его сознании образа, закодированного в тексте. Как правило, напряженность в тексте распределяется так, чтобы читатель не утратил своего интереса до последнего момента. Поэтому чаще всего автор располагает кульминацию в конце произведения, либо включает ее в развитие сюжетного действия, достигая при этом не меньшей напряженности (Разоренова 2004: 54). Тем самым кульминация и сопутствующая ей при этом развязка одновременно является частной функцией концовки, играя при этом завершающую роль в произведении.

Зачастую позиция кульминации может быть непредсказуема. Автор может построить сюжетный «каркас» произведения в соответствии с логическим расположением его элементов: зачин—> конфликт —> развитие конфликта —> кульминация —> развязка. Однако, он также может расположить элементы композиции так, что всегда остается что-то недосказанное, а все сказанное сказано так, что в сознании читателя возникает вопрос, почему автор изложил это именно в такой последовательности. Парадоксальность «игры в текст» состоит в том, что читатель может узнать разгадку, когда загадка еще не загадана. Располагая кульминационный момент в зачине, автор меняет композиционно-структурные правила, вовлекая читателя в «игру» с помощью яркого, запоминающегося начала. Разрушая образную когезию текста, авторстремится показать жизнь в ее различных проявлениях, где «незапрограммированность, случайность и беспорядочность – ее неотъемлемые черты (Гальперин 2006: 83).

В лингвистической науке не существует единого мнения по поводу разграничения кульминации от других элементов композиции. Вопрос делимитации или установления границ между кульминацией и другими элементами композиции тесно связан с проблемой поиска элементарной текстовой единицы.

На роль текстовой единицы выдвигают абзац как основной компонент внешней композиции текста. Но абзац характеризуется своего рода смысловой неполнотой и может выходить за пределы темы, поднятой в произведении (Дигмай 2002: 59). Кроме того, как замечает В. В. Силаев, встречаются тексты, в которых отсутствует сегментированность на абзацы (например, рассказ Э. Хемингуэя «Nick sat against the wall ...» или рассказ И. Бунина «Un Petit Accident»), но это не означает отсутствия в них композиционно-тематической структурированности. Учет не только графического, но и других критериев, указывающих на нижнюю границу кульминации в тексте, является особо актуальным в случае, когда концовка понимается в качестве такого компонента, объем которого в силу функционального содержания может превосходить рамки абзаца. На роль такой единицы, на наш взгляд, идеально подходит диктема – «элементарная единица тематизации текста, формируемая предложениями» (Блох 1986: 120). По мнению автора, диктема обладает «стилистической охарактеризованностью» (там же: 121), что позволяет представить ее как цельную единицу, аккумулирующую сумму стилистических показателей лексических единиц категории напряженности в единое целое.

При вычленении кульминации в первую очередь необходимо учитывать те функции, которые автор возлагает на эти компоненты, исходя из замысла и идеи произведения (Силаев 1997: 4), а, следовательно, применение функционально-семантического критерия является наиболее приемлемым по сравнению с формальным ориентиром на графическую выделенность.

Явными сигналами перехода от медиальной части к концовке считаются лексические средства, в частности, вербальное выражение логической развязки действия или авторского комментария, прерывание одних топикальных цепочек и возникновение других, прономинализация и др. Реже внимание уделяется сигналам грамматического характера, которые, тем не менее, играют не менее важную роль в маркировке границ между композиционно-тематическими частями текста.

Как известно, все средства языка, обладающие экспрессивным значением, могут использоваться в создании кульминации. Речь, в первую очередь, идет о стилистических приемах,

которые, по существу, традиционно классифицируются на лексические, синтаксические и фонетические.

Под стилистическим приемом, используемым для вычленения кульминации, будем, вслед за И. Р. Гальпериным, понимать «намеренное и сознательное усиление какой-либо типической структурной и/или семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью» (Гальперин 1977: 30). При таком подходе основным дифференциальным признаком становится намеренность или целенаправленность употребления того или иного элемента, противопоставляемая его существованию в системе языка (Арнольд 1990: 56).

Анализ языкового материала показывает, что стилистический прием кульминации гораздо более ограничен в выборе средств и основан, как правило, на принципе нарастания количества, степени и т.д. Именно поэтому стилистический прием кульминации известен также под названием градации. Понятие градации, в основе которой лежит понятие сравнения, позволяющее сопоставить предметы, факты или ситуации с точки зрения интенсивности, степени проявления признака, связывается с увеличением значимости сказанного и, таким образом, с усилением воздействия на адресата, то есть с прагматическим эффектом создания напряжения. Как стилистический прием, градация представляет собой расположение элементов в порядке нарастания или ослабления их смыслового и эмоционального значения. По мнению И. Р. Гальперина, прием градации можно дифференцировать как логический, эмоциональный и количественный (Гальперин 1977: 220).

Первостепенная роль в процессе создания логической градации, при которой особое значение принимают сополагаемые единицы и особенности их расположения в составе высказывания, отводится лексическим единицам. Большинство лексем, участвующих в создании напряжения, расположены в порядке постепенно возрастающей степени смысловой насыщенности присутствия какого-либо качества. Лексические единицы, составляющие градационный ряд, обладают семантической однородностью, синтаксической соразмерностью и структурной уравновешенностью.

В качестве примера логической градации можно привести рассказ Пэлем Грэнвил Вудхауза «Большие гонки проповедников с гандикапом» (*Pelham Grenville Wodehouse «The Great Sermon Handicap»*). Главный герой рассказа – Берти Вустер – молодой светский бездельник из Лондона, прожигатель жизни, который во время своих похождений постоянно попадает в самые нелепые ситуации, грозящие ему крупными неприятностями. Пытаясь как-то выкрутиться из них, он прибегает к самым фантастическим ухищрениям, запутываясь, однако, еще больше. В настоящем рассказе главный герой в борьбе со скукой ввязывается в авантюру с пари на самую длинную проповедь священника. Стремясь выиграть пари он, тем не менее, понимает всю его авантюрность и все более разубеждаясь в успехе, приходит к следующему выводу:

(1) *What I have always said, and what I always shall say, is, that this ante-post betting is a mistake, an error, and a mug's game* (Wodehouse, URL).

Логическая градация создается, в первую очередь, за счет использования возможностей синонимии (*mistake, an error, mug's game*). Языковые элементы, представленные автором в данном синонимическом ряду, отражают постепенно нарастающее напряжение в развитии действия – первым использована нейтральная лексема *mistake,* за которой следует более формальный вариант *error*, и кульминация завершается идиомой *mug's game.*

Эмоциональная градация – наиболее часто встречающийся тип кульминации, Она возникает в период конфликта, когда человек находится в напряженном состоянии, когда происходит перестройка той функциональной системы, которая направляет и организует поведение человека и его речь. Конфликт, достигающий апогея в момент кульминации, реализуется в тексте за счет «постепенного повышения эмоционального фона высказывания за счет использования различных стилистических средств» (Гальперин 1977: 221) и отражается в основном в речи персонажей.

Эмоциональное напряжение как психологическое состояние персонажей не может не проявляться в их голосовой модуляции, в выражении лица и телодвижениях, которые обычно выполняют функцию сопровождения речи персонажа и помогают более точно обозначить его психологическое состояние в момент говорения. В таких случаях идентификаторами или конкретизаторами этого состояния служат просодические характеристики речи, то есть указания на способ произнесения сообщения при помощи глаголов типа *cry, shout, scream, shriek, yell, whisper* и т.п., отражающих волнение, эмоциональное возбуждение, страх и другие эмоции. Эти глаголы указывают на различные виды звуковой особенности речи говорящего, такие как громкость, темп, высота тона, контроль над артикуляцией.

В качестве примера можно привести эмоциональную кульминацию из рассказа Джона Стейнбека «Хризантемы» (*John Steinbeck «The Chrysanthemums»*), которая достигается «учащением» повтора, а также демонстрирует использование просодических и кинетических средств. Элиза Аллен, креативная и творческая натура, ощущает бессмысленность своего существования, так как живет на

ферме с мужем и не может проявить себя нигде кроме как ухаживания за хризантемами на ферме. Рассказ служит прекрасным описанием социальной и экономической депрессии Америки 30-х годов XX века. Момент крушения ее надежд, когда Элиза осознает невозможность преуспеть в мире, где господствуют мужчины, является кульминационным в рассказе:

(2) *Elisa stood in front of her wire fence watching the slow progress of the caravan. Her shoulders were straight, her head thrown back, her eyes half-closed, so that the scene came vaguely into them. Her lips moved silently, forming the words «Good-bye--good-bye.» Then she whispered, «That's a bright direction. There's a glowing there.» The sound of her whisper startled her. She shook herself free and looked about to see whether anyone had been listening. Only the dogs had heard. They lifted their heads toward her from their sleeping in the dust, and then stretched out their chins and settled asleep again. Elisa turned and ran hurriedly into the house* (Steinbeck, URL).

В приведенном примере нарастание эмоционального напряжения, в первую очередь, достигается за счет описания психологического состояния героини – её разочарования: телодвижений и мимики героини (*shoulders were straight, her head thrown back, her eyes half-closed, her lips moved silently, turned and ran hurriedly into the house*), использования характеристик речи (*whisper*), а также за счет повторения прощания (*good-bye*), которое графически оформлена дефисами, и использования параллелизма в сочетании с лексическим и семантическим повторами (*That's a bright direction; There's a glowing there*).

Синтаксические средства, используемые в создании градации, являются одними из наиболее многочисленных. Их можно разделить на две группы:

1) те, что образуют фигуры речи, известные еще из античных риторик (повтор, инверсия, антитеза, анафора, сравнение и др.);

2) те, что, не будучи риторическими фигурами, обладают эмоционально-экспрессивными или функционально-стилевыми коннотациями в системе языка (восклицательные предложения, риторические вопросы, использование рядов однородных членов предложения, сегментация) (Золина 2006: 80).

К наиболее используемым синтаксическим и лексико-синтаксическим приемам создания кульминации относятся повтор, апосиопезис, параллелизм, инверсия.

В качестве примера можно привести рассказ И. Во “Excursion in Reality” (*Evelyn Waugh “Excursion in Reality”*) главный герой которого, молодой талантливый писатель Саймон Лент, получает предложение написать сценарий для киноверсии произведений Шекспира. В его задачу входить написание диалогов шекспировских героев современным языком, что, как уверяет продюсер Джеймс Макре, будет понятнее и привлекательнее для современного зрителя. Саймон изначально сомневается в правильности такого решения, но принимает предложение, не желая упустить представленную возможность, во-первых, поправить свои финансовые дела, во-вторых, потешить свое тщеславие. На протяжении всего рассказа читатель наблюдает за тем, как Саймон беспрекословно выполняет все указания продюсера и его многочисленных советников по изменению сюжета, в результате которых от Шекспира остаются только имена героев его произведений, географические места и не связанные между собой события. Момент наивысшего эмоционального напряжения возникает тогда, когда Саймон готов представить окончательную версию сценария:

(3) *Sir James sat sunk in reflection longer than usual. When he raised his head, it was to utter the single word:*

‘No.’

‘No?’

‘No, it won’t do. We must scrap the whole thing. We’ve got much too far from the original story. I can’t think why you need to introduce Julius Caesar and King Arthur at all.’

‘But, sir, they were your own suggestions at the last conference.’

‘Were they? Well, I can’t help it. I must have been tired and not paying full attention… Besides, I don’t like the dialogue. It misses all the poetry of the original. What the public wants is Shakespeare, the whole of Shakespeare and nothing but Shakespeare. Now this scenario you’ve written is all very well in its way – but it’s not Shakespeare. I’ll tell you what we’ll do. We’ll use the play exactly as he wrote it and record from that. Make a note of it, Miss Grits.’

‘Then you’ll hardly require my services any more?’ said Simon.

‘No, I don’t think I shall (Waugh, 231).

Эмоциональное напряжение достигает своего пика при помощи многократного повтора слова *no*, дистанцированного описанием раздражения Джеймса Макре по поводу бессмысленных изменений шекспировских текстов. Речь Макре изобилует конструкциями с прямым отрицанием, что добавляет напряженности в тексте. Главный герой еще тешит надежду на положительный исход, однако, эта надежда такая слабая, что задаваемый им вопрос представлен в форме повествовательного предложения – адресат уже догадывается, что ответ будет отрицательным.

Подобный прием языкового маркирования кульминации очень часто используется авторами (например, в рассказе Дж. Джойса «Эвелин» (*James Joyce «Eveline»*), или в рассказе Э. Хемингуэя «Белые слоны» (*Ernest Hemingway «Hills Like White Elephants»*).

Другим наиболее часто используемым при создании кульминации синтаксическим приемом является апосиопезис или недосказ, возникающий тогда, когда в тексте присутствует логическая и структурная незавершенность предложения, вследствие которой выражение мысли ограничивается намеком и служит в тексте для передачи эмоционального напряжения (волнения, нерешенности, неуверенности и других чувств).

Так, в рассказе О. Генри «Полисмен и антифон» (*O. Henry «The Cop and the Anthem»*) описываются бесплодные попытки бродяги Соапи попасть в тюрьму на несколько месяцев с тем, чтобы найти прибежище от холода и бесплатное питание и пережить приближающуюся зиму. Но ему невероятно не везет; все его попытки попасть в тюрьму проваливаются. Находясь в полном отчаянии, герой размышляет обо всех своих несбывшихся мечтах и надеждах, и у него рождается желание изменить свою жизнь к лучшему:

(4) *And also in a moment his heart responded thrillingly to this novel mood. An instantaneous and strong impulse moved him to battle with his desperate fate. He would pull himself out of the mire; he would make a man of himself again; he would conquer the evil that had taken possession of him. There was time; he was comparatively young yet; he would resurrect his old eager ambitions and pursue them without faltering. Those solemn but sweet organ notes had set up a revolution in him. To-morrow he would go into the roaring downtown district and find work. A fur importer had once offered him a place as driver. He would find him tomorrow and ask for the position. He would be somebody in the world. He would* (O. Henry 2001: 87).

Напряжение в рассказе растет за счет употребления параллелизма (*he would pull himself out of the mire; he would make a man of himself again; he would conquer the evil that had taken possession of him; he would resurrect his old eager ambitions and pursue them without faltering; he would find him tomorrow and ask for the position*) с помощью которого описываются планы главного героя изменить свою жизнь и достигает своего максимума, когда с появлением в тексте апосиопезиса (*He would –*), который обрывает поток мечтаний главного героя, надеждам Соапи не суждено сбыться, так как появляется полицейский и арестовывает его за бродяжничество.

Кульминация может передаться и при помощи графических средств, в качестве которых чаще всего выступают графоны, жирный шрифт, курсив, прописные буквы, удвоение согласных, разбивка слов текста по слогам и др. Но графические средства следует считать сопутствующими, поскольку они, во-первых, всегда сопровождаются другими приемами, а во-вторых, лишь интенсифицируют нарастание эмоционального напряжения. В рассказе Роальда Дала «Отчаянный прыжок» (*Roald Dahl "Deep in the Pool"*) главный герой решает поиграть в тотализатор. Капитан корабля, на котором находится мистер Ботибол, предложил угадать расстояние, которое судно пройдет за сутки – от пятисот пяти до пятисот двадцати пяти. Число пятьсот двенадцать ушло за сто десять фунтов, следующие три или четыре числа были проданы игрокам в тотализатор примерно за такую же сумму. Ботибол, принимая во внимание сильный ветер, который тормозил ход корабля, решается поставить все свои сбережения на меньшее расстояние. Однако удача отвернулась от него, и он вынужден пойти на отчаянный шаг – попытаться затормозить судно, прыгнув в воду. Он рассчитал все – на палубе есть пассажирка, которая обязательно должна будет призвать на помощь, однако учесть тот, что она душевнобольной человек, он не мог:

(5) … Everything was now in order. The sea was calm, he was lightly dressed for swimming, there were almost certainly no man-eating sharks in this part of the Atlantic, and there was this pleasant kindly old woman to give the alarm.

Mr Botibol advanced slowly to a position at the rail about twenty yards away from the woman. She wasn't looking at him now. So much the better. He didn't want her watching him as he jumped off. So long as no one was watching he would be able to say afterwards that he had slipped and fallen by accident. He peered over the side of the ship. It was a long, long drop. Come to think of it now, he might easily hurt himself badly if he hit the water flat. Wasn't there someone who once split his stomach open that way, doing a belly flop from the high dive? He must jump straight and land feet first. Go in like a knife. Yes, sir. The water seemed cold and deep and grey and it made him shiver to look at it. But it was now or never. Be a man, William Botibol, be a man. All right then… now… here goes…

He climbed up on to the wide wooden top-rail, stood there poised, balancing for three terrifying seconds, then he leaped – he leaped up and out as far as he could go and at the same time he shouted *"Help!"*

"*Help! Help!"* he shouted as he fell. Then he hit the water and went under (Dahl, URL).

Автор использует разнообразные приемы создания кульминации в данном рассказе. Эмоциональное напряжение передается внутренней речью героя, которая не оформлена в тексте пунктуационно и вычленяется читателем логически. Лексический повтор*"Help!""Help! Help!"*,

сочетаясь с графической представленностью прописными буквами и расположением в разных абзацах, также способствует созданию кульминации в рассказе.

Кульминация никогда не возникает на «пустом месте», она подготавливается напряжением, нарастающим по мере развития сюжетной линии. Напряжение, предваряющее кульминацию, возникает как результат изображаемого в рассказе конфликта и реализуется в тексте определенным набором лингвистических и паралингвистических средств, обусловленных авторской интенцией, создающих у читателя максимальную концентрацию внимания и ожидание разрешения конфликта.

Сюжетный рассказ также можно рассматривать как определенную ситуационную модель, которая содержит в себе информацию, известную нам из непосредственного или опосредованного опыта. Таким образом, кульминация является фокусом, т.е. точкой пересечения основных сюжетных линий рассказа, подготовленной последовательно всеми предыдущими структурными элементами фрейма. Любой критический момент, имеющий место до кульминации рассказа, повышает напряжение, подводя читателя к главному событию, составляющему суть развития сюжета. Иными словами, кульминация является ключевым моментом в рассказе, посредством которого читателю открывается основной смысловой замысел текста.

Структурная организация текста позволяет автору задать направление интерпретационной деятельности читателя, то есть повлиять на ход всей литературной коммуникации. Успешность коммуникации через литературный текст определятся умением автора выдвинуть значимый для интерпретации смысла текста элемент в сильную позицию с использованием средств языка, а также умением читателя обнаружить эти сигналы и включить их в свою программу интерпретации.

Для максимально успешной интерпретации художественного текста важно научить студента следовать программе интерпретации, ориентируясь на совокупность сигналов, используемых автором для выдвижения структурных компонентов произведения.

Библиографический список

1. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст] / М. Я. Блох. М.: Высшая школа, 1986.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка [Текст] / И. Р. Гальперин. М.: Высшая школа, 1977.
3. Дигмай В. Н. Абзац, ССЦ, компоненты текста. Общее и различное [Текст] / В. Н. Дигмай // Филологические науки. 2002. №2. С. 56-66.
4. Золина О. Е. Синтаксические средства языка и их стилистическая роль в рекламных текстах [Текст] : дис. … канд. филол. наук / О. Е. Золина. М., 2006.
5. Лияскина Т. В. Лингвостилистические средства создания кульминации (на материале английских и американских сюжетных рассказов) [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Т. В. Лияскина. М., 2001.
6. Матюшкин А. В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста [Текст] / А. В. Матюшкина. Петразаводск: Изд-во КГПУ, 2007.
7. Петровский М. А. Морфология новеллы // Ars Poetica [Текст] / М. А. Петровский. М.: 1927.С. 69-100.
8. Разоренова Ю. А. Кульминация как композиционно-строевой компонент художественного текста (на материале английского языка) [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Ю. А. Разоренова. Тула, 2004.
9. Силаев В. В. Зачин литературного произведения и его текстообразующая роль (на материале рассказов англоязычных писателей) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук / В. В. Силаев. М., 1997.
10. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации [Текст] / А. Р. Усманова. Мн.: «Пропилеи», 2000.

Источники цитируемых примеров

1. Dahl R. Deep in the Pool URL: https://www.roalddahlfans.com/dahls-work/short-stories/dip-in-the-pool/
2. O. Henry. THE SKYLIGHT ROOM [Text] / O. Henry. M.: Высшая школа, 1972. С.5-11.
3. Wodehouse P. G. The Great Sermon Handicap // The Inimitable Jeeves URL: http://www.scribd.com/doc/48112556/12/The-Great-Sermon-Handicap.
4. Waugh E. Prose. Memories. Essays [Текст] / И. Во. Избранное. Сборник. М., Прогресс, 1980.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАДИСКУРС: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Айтмагамбетова М. Б., г. Павлодар, Республика Казахстан

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ Г. ПАВЛОДАРА)

Аннотация. В работе представлена характеристика региональной рекламы на казахстанском телевидении. В ходе рассмотрения регионального рекламного материала автором выявлено, что концепция роликов зависит от специфики рекламируемого продукта, однако внутри тематических блоков структура рекламных роликов однотипна. Охарактеризованы особенности региональной рекламы: аудиальный ряд выполняет функцию информирования и несет основную смысловую нагрузку, визуальный ряд дублирует закадровый текст, в тексте активно используется апелляция к потребностям целевой аудитории; основное место в рекламе занимает презентация услуг или товаров в формате фото- или видеопрезентации. В роликах, как правило, отсутствует персонаж и не представлен законченный сюжет. Региональная реклама г. Павлодара создается в большинстве случаев в жанре информационной рекламы, так как данный жанр не требует больших материальных затрат. Рекламодатели создают рекламные ролики их услуг и товаров с целью найти моментальный отклик у аудитории, поэтому контактные данные рекламируемого объекта даются аудиально, а визуально представлены в конце или на протяжении всего времени транслирования.

Ключевые слова: региональная реклама, казахстанское телевидение, апелляция в рекламе.

CHARACTERISTICS OF REGIONAL ADVERTISING (ON THE EXAMPLE OF TELEVISION ADVERTISING OF PAVLODARAR)

Abstract. The paper presents the characteristics of regional advertising on Kazakhstani television. During the consideration of regional advertising material, the author revealed that the concept of commercials depends on the specifics of the advertised product, but within the thematic blocks the structure of commercials is the same. The features of regional advertising are characterized: the audio series has the function of informing and carries the main meaning, the visual series duplicates off-text, the text actively uses the appeal to the needs of the target audience; the main place in advertising is occupied by the presentation of services or goods in the format of photo or video presentation. In the commercials, as a rule, there is no character and complete plot is not presented. Regional advertising in Pavlodar is created in most cases in the genre of information advertising, since this genre does not require large material costs. Advertisers create advertisements for their services and products in order to find an instant response from the audience, so the contact details of the advertised object are given audibly, and visually presented at the end or throughout the broadcast.

Keywords: regional advertising, Kazakhstan television, appeal in advertising.

Телевизионная коммерческая реклама охватывает самый большой сегмент современного рекламного рынка Казахстана. Динамика доли рекламных носителей в республики, по информации компании TNS Central Asia, показывает, что реклама на телевидении с 2016 по 2018 гг. поднялась с 87,6 % до 91,3 % в общем объеме рекламного рынка страны. На графике представлен рост доли телевидения в рекламном рынке Казахстана за 2017 – 2018 годы (рисунок 1).

По мнению экспертов, Казахстан в целом повторяет мировые тенденции, однако в затратах отечественных рекламодателей традиционно выше доля телевидения (Баймуханбетова Э. Е., Аширбекова Л. Ж., Тажиева С. К. 2015: 45), чему способствует целый ряд факторов:

– способность к быстрому охвату самых широких аудиторий;

– сочетание визуальных и звуковых эффектов, а значит, возможность воздействия на несколько органов восприятия аудитории;

– чувственное воздействие, способное стимулировать эмоциональное восприятие рекламного сообщения через апелляцию к различным потребностям аудитории (Wells W., Moriarty S., Burnett J. 2006);

– возможность выбора эффективной рекламной стратегии (благодаря возможности точечного воздействия на аудиторию в рамках определенного телевизионного контента).

Основной недостаток телевизионной рекламы – это достаточно высокая стоимость рекламного времени и высокая себестоимость создания рекламного ролика. Данные факторы важны как для международного, так и для регионального рекламного контента. Основная задача рекламной коммуникации на телевидении – получить от зрителя ответную реакцию увеличения продаж рекламируемого продукта, поэтому рекламопроизводитель должен учитывать ряд требований, в том

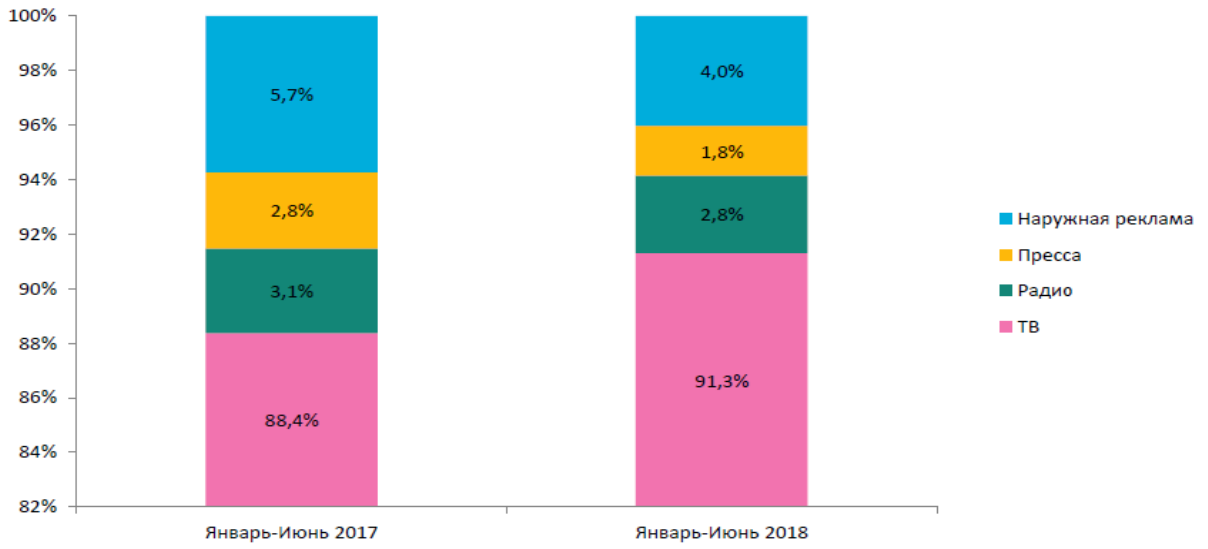

Рисунок 1 – Доли рекламных носителей в Казахстане за 2017-2018 гг.

в том числе включение рекламного сообщения в культурный и социальный контекст потребителя и возможность адекватного декодирования рекламного ролика аудиторией (Коломиец В. П. 1997: 37). Если международная и республиканская реклама концентрируются на преимуществах и особых свойствах товара, то региональная реклама нацелена на конкретного потребителя, жителя того или иного населенного пункта и указывает покупателям место, где его можно приобрести. На региональном рекламном рынке г. Павлодара в основном представлены малоформатные группы рекламных жанров: бегущая строка, телеобъявление, телезаставка и рекламный ролик. В рамках настоящего исследования рассмотрена специфика региональной телевизионной прямой рекламы в жанре видео ролика на республиканском телевизионном канале КТК и региональном телеканале «Ертіс».

Во время анализа перед нами стоял ряд задач:

– выявить особенности структуры региональной рекламы на примере телевизионной рекламы г. Павлодара;

– рассмотреть взаимодействие изобразительного ряда с аудиальными компонентами в телевизионной региональной рекламе;

– рассмотреть виды апелляции, используемые в региональной телевизионной рекламе;

– выявить специфику рекламы, создаваемой для регионального потребителя.

В ходе анализа рекламный контент был распределен на тематические блоки: лечебно-оздоровительные услуги, образовательные услуги, реклама магазинов. Рекламный контент в каждом блоке имеет общие черты и особенности.

В рекламе магазинов и бутиков на региональном телевидении присутствует графическая и текстовая информация, как правило, материал представлен в формате информационной рекламы. Структурные элементы вербальной составляющей: 1) название бутика, магазина; 2) описание предлагаемых товаров; 3) эхо-фраза; 4) адрес. Функция текста – проинформировать целевую аудитории и показать уникальность предлагаемых товаров. Рекламные ролики в данном тематическом блоке сняты в жанре телеобъявления, они не длятся дольше 20 секунд, визуальный ряд дублирует вербальный.

Рассмотрим, к примеру, структурные элементы рекламы салона сувениров «Empire». Вербально-аудиальный ряд: 1) «*Салон Empire представляет уникальную коллекцию национальных сувениров.* 2) *Каждое изделие щедро пронизано культурой, обычаями и историей казахского народа. Это модные деловые и личные аксессуары. Ежедневники, статуэтки и сувениры с оригинальной художественной композицией и эксклюзивным дизайном. Чайные наборы и блюда из высококачественного фарфора, женские подарочные наборы.* 3) *Подарки от салона Empire – это идеальный выбор.* 4) *ТД «Ситицентр» ул, Ак.Сатпаева 130, бут. 18*». Визуальный ряд полностью дублирует аудиальный. Сувениры показываются крупным планом, чтобы ознакомить потенциального покупателя с имеющимся товаром. Акцент делается на культуру казахского народа. Функция текста – проинформировать целевую аудитории и показать уникальность предлагаемых товаров.

Реклама лечебно-оздоровительных услуг в большинстве случаев не имеет сюжета, построена в формате информационных роликов от 20 до 40 секунд, представлена графическая и текстовая информация в сочетании со звуком. Материал может быть представлен в виде ролика или фото-, видеопрезентации, основная идея которых – заявить об услуге и дать контактные данные. Структура текста: перечисление преимуществ рекламируемого объекта; перечисление предоставляемых услуг; эхо-фраза, часто совпадающая со слоганом; контактные данные. Из 18 единиц рекламной продукции в данном блоке лишь в 3 случаях реклама построена по принципу сюжетного ролика. Структурирование текста рекламных роликов показало, что каждая фраза в рекламном обращении выполняет свою функцию. К примеру, реклама соляных пещер Galo center состоит из следующих структурных элементов: 1 – описание проблемы; 2 – призыв; 3 – объяснение влияния соляных пещер; 4 – завершающая фраза; 5 – контактные данные.

Реклама в данном блоке, несмотря на разнообразие предоставляемых лечебно-оздоровительных услуг, имеет ряд общих особенностей:

– аудиальный ряд (закадровый текст) играет основную роль в данных роликах. Визуальный ряд всего лишь сопровождает и иллюстрирует его;

– основное место в рекламе занимает презентация услуг в формате фото- или видеопрезентации (в рекламе Биодент показаны съемки приема у стоматолога, в рекламе Аск Мед – это архив старых видео);

– персонажи (если они представлены) характеризуют целевую аудиторию, на которую направлен рекламный ролик;

– в завершение ролика даются точный адрес и контактные данные оздоровительного центра, стоматологии или клиники.

Успех рекламного сообщения зависит от правильно выбранной апелляции. Способность апелляции пробуждать желания удовлетворения потребностей аудитории является важнейшим фактором эффективности рекламы. Так, в региональной рекламе лечебно-оздоровительных услуг представлены следующие апелляции:

а) комфорт (*лечение для всей семьи, забота о пожилых людях, обустроенная инфраструктура, комфортабельные номера*);

б) экономия (*бюджетные комнаты, экономим ваши деньги*);

в) апеллирование к безопасности *(безопасная процедура, не вызывающее побочных эффектов, безопасное лечение*);

г) здоровье *(быстро снять приступы астмы, облегчить состояние при хроническом бронхите, почувствуете улучшение)*;

д) люкс/высший класс (*современное медицинское оборудование, квалифицированный персонал);*

е) удовольствия – развлечения (*массаж, неизгладимые впечатления, берег озера, легендарный край, готов исполнить все ваши желания, туристическая зона, изыски европейской и восточной кухни, собственный пляж, водные горки*).

Реклама **образовательных услуг**, как правило, выполняет функцию создания и поддержания имиджа вуза или другого учебного заведения. Главным двигателем таких рекламных роликов является конкуренция. На интенсивность конкурентной борьбы среди учебных заведений воздействует ряд факторов:

1. рост количества средне-специальных и высших учебных заведений в регионе;
2. конкуренция одинаковых образовательных услуг (специальности, направления подготовки);
3. период набора абитуриентов, когда учебные заведения начинают проводить активные агитационные проекты, отправлять объявления в СМИ.

В ходе анализа 14 единиц рекламного материала выявлено, что местные рекламодатели создают ролики по единому типу. Структура текста:

1. Название вуза;
2. Описание предлагаемых услуг / характеристика учебного заведения;
3. Эхо фраза (может отсутствовать);
4. Контакты (могут быть представлены только визуально).

Рассмотрим для примера рекламный ролик Павлодарского колледжа транспорта и коммуникаций. Вербально-аудиальный ряд: «1) *Павлодарский колледж транспорта и коммуникаций 2) объявляет набор учащихся на новый учебный год, на дневную и заочную форму обучения. Колледж готовит на базе 9-11 классов. По семи специальностям: строительство железных дорог, путевое*

хозяйство, техник путей и строитель, строительство автомобильных дорог и аэродромов, техник-строитель, эксплуатация ремонта, техническое обслуживание подвижного состава железных дорог, электромеханик. Вступительные экзамены для выпускников девятых классов по двум предметам: русский язык и математика. Выпускники 11 классов зачисляются по итогам вступительных экзаменов и ЕНТ. Прием заявлений до 20 августа. На заочное определение до 20 сентября». Эхо-фраза отсутствует, закадровый голос сопровождает фоновая музыка, а также вербально-визуальные компоненты (на экране показана контактная информация: «*Подробности по телефонам: 33-84-41, 33- 84-44. Город Павлодар, ул. Димитрова,2*»). Текст выполняет функцию информирования. Структура предложения рекламного текста сложная, плохо воспринимается на слух. Набор видео из архива не совпадает с аудиальными компонентами.

В ходе анализа рекламы образовательных услуг на телевидении г. Павлодара нами выявлены следующие особенности:

– рекламные ролики носят информационный характер (содержится перечисление образовательных услуг, в редких случаях указываются преимущества и уникальность);

– главную роль играет вербально-аудиальный ряд. Основная информация содержится в закадровом тексте;

– визуальный ряд дополняет или дублирует вербальное сообщение;

– в конце каждого ролика указывается адрес и контактные данные вуза или колледжа;

– персонажи отсутствуют.

Региональная реклама образовательных услуг построена по типу информационных буклетов, практически отсутствует аргументация, апелляция используется редко и ориентирована на:

а) качество *(глубокие прочные знания, качественное образование, учатся быть лидерами*);

б) люкс/высший класс (*лучший в Павлодарской области, будущая национальная элита, самые одаренные дети, самые лучшие учителя).*

Таким образом, в ходе анализа регионального рекламного материала на телевидении выявлено, что концепция роликов строится по стандартам в зависимости от специфики рекламируемого продукта, однако внутри тематических блоков структура рекламы однотипна. Региональная реклама г. Павлодара создается в большинстве случаев в жанре информационной рекламы, так как данный жанр не требует больших материальных затрат. Региональная телевизионная реклама имеет ряд общих особенностей:

– аудиальный ряд выполняет функцию информирования и несет основную смысловую нагрузку, визуальный ряд сопровождает и часто дублирует закадровый текст. В тексте рекламного обращения используется апелляция к потребностям целевой аудитории в зависимости от специфики рекламируемого объекта;

– основное место в рекламе занимает презентация услуг или товаров в формате фото- или видеопрезентации. Игровой формат видеороликов представлен в единичных примерах;

– преобладает реклама без персонажа;

– адрес и контактные данные рекламируемого объекта представлены аудиально и визуально.

Библиографический список

1. Баймуханбетова Э. Е. Современное состояние и перспективы развития рекламного рынка в Казахстане [Текст] / Э. Е. Баймуханбетова, Л. Ж. Аширбекова, С. К. Тажиева // Вестник КазНУ. 2015. №3. С. 44-50.
2. Коломиец В. П. Телевизионная реклама как средство конструирования смыслов URL: https://cyberleninka.ru/article/n/televizionnaya-reklama-kak-sredstvo-konstruirovaniya-smyslov
3. Wells W. Advertising: principles & practice [Text] / W. Wells, S. Moriarty, J. Burnett. Upper Saddle River. New Jersey: Pearson Prentice Hall. 2006.
4. Обзор рекламного рынка (ТВ, Радио, Пресса, Наружная реклама, Интернет). Казахстан. Январь – Июнь 2018 URL: http://www.tns-global.kz/ru/publication/publ266.php.

Анохина Ю. М, Щедрина И. О, г. Москва, Россия

НАРРАТИВ VS СТОРИТЕЛЛИНГ: ПРАГМАТИЗАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В данной статье дается определение нарратива и его критерии, а также предпринимается попытка ответить на вопрос: изменяется ли нарратив в рамках медиапространства, становится ли он «медианарративом»?

Ключевые слова: нарратив, медианарратив, медиапространство, сторителлинг

NARRATIVE AND STORY-TELLING: PRAGMATIZATION OF NARRATION IN MEDIA SPACE

Abstract. The article defines the narrative and its criteria, and it attempts to solve the following problem if the narrative is being changed within the media space framework; if it becomes «media narrative».

Keywords: Narrative, media narrative, media space, storytelling

С момента своего возникновения в прошлом столетии нарратология получила широкое распространение. Понятие «нарратив» (лат. «narration» – рассказ) стало использоваться в лингвистических и структуралистских исследованиях (Ц. Тодоров, Ж. Пуйон, Ж. Женетт, Ж. Принс и др.) для обозначения последовательного изложения взаимосвязанных событий. Тодоров впервые вводит этот специфический термин, Женетт говорит о трех основных значениях повествовательного дискурса (discours du récit) (Todorov 1978). Р. Барт в 1966 году рассуждает о различных способах рассказывания (повествования), в зависимости о того, какой язык выберет рассказывающий (язык в данном случае понимается как знаково-символическая система). Фактически, Барт зафиксировал расширение сферы повествования, оно может быть устным или письменным, может быть зафиксировано в образе, или может быть подвижным жестом; может совмещать полноту сразу всех перечисленных вариантов; присутствует в легенде и мифе, сказке и басне, повести, эпопее, трагедии, комедии, пантомиме, витраже, картине, в кино, в комиксе, в беседе (Barthes 1978). Именно эта «открытость» нарратива, его динамизм, и (что самое важное) принципиальная нацеленность на конкретный смысл, а также его «выражательная целостность», соединяющая в себе и выразимость смысла и выразительность авторского стиля приобрели особую притягательность в медиаэпоху. В настоящее время нарратив все чаще используется в медиапространстве благодаря технологическим достижениям (и прежде всего Интернету), что порождает множество проблем, которые исследуются в различных областях социальных и гуманитарных наук и философии.

Казалось бы, что может измениться в последовательном повествовании в пространстве медиа, максимально расширяющем аудиторию, воспринимающую нарратив. Ничто не мешает считать медианарративом, например, знаменитые средневековые проповеди Бертольда Регенсбургского. Проповедник читал с башни перед толпой, и, по словам свидетелей, ветер разносил его слова на огромные расстояния. Историк-медиевист А. Я. Гуревич, говоря о Бертольде, подчеркивал: «…нужно отметить одну особенность риторики Бертольда. Его проповедь глубоко диалогична. Свои рассуждения он то и дело прерывает восклицаниями и вопросами, которые якобы задают ему его слушатели. “Вот ты говоришь, брат Бертольд, но у меня такие-то заботы…”; “О, брат Бертольд, объясни мне…” <…> На восклицания своих фиктивных собеседников Бертольд тотчас дает ответ (Гуревич 2005). В медиапространстве также можно зафиксировать диалогизм нарратива, возможность непосредственного отклика, причем отклик может стать даже частью нарратива (комментарий к тексту). Основным критерием становится непосредственность, мгновенность реакции. В противном случае статус медианарратива может получить едва ли не вся комментаторская традиция в истории.

Значит, специфика нарратива в медиапространстве состоит отнюдь не в том, что он транслируется на максимально широкую аудиторию, имеет диалогический характер и предполагает непосредственный отклик. Все эти качества присущи нарративу в его классическом понимании. Тогда, может быть, дело в авторе нарратива? Ведь в мире современных технологий, мгновенной связи и опосредованного характера общения, автор нарратива получает гораздо большие возможности для анонимности (недаром в современной нарратологии «нарратив» исследуется как повествование само по себе, т.е. бессубъектно). Но анонимность может быть присуща и нарративу, существующему вне медиапространства.

Если обстоятельно исследовать сайты Интернета (рекламные, игровые, торговые, образовательные, экзистенциальные), то можно выявить одну специфическую черту, отличающую существование нарратива в медиапространстве. Он теряет свою важнейшую характеристику: последовательность взаимосвязного изложения. Нарратив превращается в сторителлинг (storytelling), в рассказывание историй. Классический нарратив – это текст, имеющий логику изложения, он принципиально увязан в целостное логическое и смысловое единство и имеет жесткую конкретную смысловую структуру. Сторителлинг принципиально меняет текстуальный характер нарратива (он рвет ткань текста, дробит его), фрагментирует, а также использует множество разных языков нарратива (о которых говорил Барт). Словесное повествование в медиапространстве перемежается визуальными образами, особое значение приобретает не логика изложения, но визуальное представление текста (игра заголовками и шрифтами, увеличение пространства между абзацами, введение гипертекстовых отсылок, использование гифок и смайликов, и т.д.). И сегодня можно часто

встретить на пространстве Интернета мысль, что мы живем в эпоху не классического нарратива, а «диджитал сторителлинга», который предоставляет читателю выбор (осуществлять стратегию избирательного чтения).

Все эти процессы имеют исторические корни. Начиная с XX-го века проводятся эксперименты со словом как знаком – акцентуация «потока сознания», использующаяся в философии и в литературе (Дж. Джойс, М. Пруст), в музыке (модерн, додекафония), в кинематографе («В прошлом году в Мариенбаде» А. Рене и др.); они превращают читателя (зрителя, слушателя) в соавтора, призванного не столько понимать авторскую мысль, сколько самому додумывать сюжетные повороты.

Автор практически всегда оказывается под угрозой размывания, в том или ином виде. А медиапространство, в сущности, только усиливает это размывание. Появляется то самое «коллективное “Мы”«, о котором рассуждают, например, Э. Бенвенист с лингвистической точки зрения и М. Хайдеггер с философской (говоря об «Эпохе-Мы»). Это самое «мы» обретает в медианарративах специфическое пространство – практически, бесконечное, и по форме (где угодно, как угодно, со сменой IP, запрещенными ныне VPN-технологиями и т.д.), и по содержанию (автор в интернете – кто угодно, носящий бесчисленное множество масок). И в то же время медианарратив позволяет работать и с формой, и с содержанием, и даже с автором сюжета. Является ли медианарратив в таком случае самоцелью, или же это мост между субъектами? Вопрос распространяется на приватность всего интернет-пространства. Ведь что бы ни происходило в интернете – оно может стать достоянием социума (даже закрытые интернет-дневники, блоги и пр. обеспечивает служба поддержки).

Стирание границ авторства особенно заметно в современных играх (компьютерных и настольных), когда играющий по ходу игры изменяет персонажей (развивает их) и может даже влиять на правила и т.д.), в современных театральных постановках (сцена отсутствует, зритель находится в центре представления, среди актеров) и, разумеется, в литературе (особенно ярко это проявляется в «фикрайтерстве», т.е. в заимствовании авторского мира у писателей и выстраивании на его основе новых сюжетных линий и новых нарративов). Читатель сам становится рассказчиком историй (или, выражаясь современным исследовательским языком, нарратором). По этому же принципу деконструкции логического построен и сторителлинг, нацеленный на конкретный практический результат.

Для чего люди рассказывали друг другу истории? В них передавался опыт жизни лучших людей (героев), доносился смысл моральной проповеди (как в нарративном жанре «примеров»), конструировались новые миры. И его важнейшей характеристикой было «признание». Рассказывая истории, люди признавались друг другу в чем-то. Здесь проявляется еще одна характеристика классического нарратива – искренность рассказчика, его правдивость. Именно она используется в прагматических целях в сторителлинге (как маркетинговой стратегии в медиапространстве). Так, в Интернете появляется много рекламных сайтов, где товар представляется через рассказ о личном, индивидуальном способе его применения, тем самым разработчики стремятся усилить правдоподобие своих обоснований значимости рекламируемой продукции.

Сторителлинг проникает и в пространство научного знания, коль скоро наука выходит в сферу медиа. Действительно, о специфике нарратива в медиапространстве рассуждают не только представители современного гуманитарного знания. В базе данных PUBMED (база медицинских и биологических публикаций) хранится вышедшая в 2016 году статья Л. Гейста «Медиа-нарратив и научный поиск» (Geist 2016) о нарративной специфике в научном медиа-пространстве, а также о роли медианарратива. И здесь нельзя не заметить тенденцию к прагматизации нарратива, к «переформатированию» сложного языка профессионального научного сообщества в речь «простеца» ради желания простой аудитории иметь хотя бы какое-то представление о происходящем в научном мире. И здесь тоже на помощь приходит сторителлинг.

В медиапространстве нарратив обретает не только методологическую, но социальную, лингвистическую, этическую, отчасти даже эпистемологическую специфику (тема сознания в интернете, субъекта в интернете, медиамышления и т.д.). Таким образом, отвечая на поставленный выше вопрос, можно предположить, что нарратив приобретает дополнительные прагматические характеристики, превращаясь в «сторителлинг», теряющий искренность.

Библиографический список

1. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе [Текст] / А. Я. Гуревич. М.: РОССПЭН, 2005.

2. Barthes R. Introduction à l'analyse structurale des récits [Text] / R. Barthes // Communications. 1966. № 8. Paris: Seuil, 1966. P. 7-33.
3. Geist L. M. Media narrative and scientific research [Text] / L. M. Geist. Vertex. 2016 Jul; XXVII (128): pp. 299-305.
4. Genette G. Discours du récit [Text] / Genette G. Figures III. Paris: Éditions du Seuil, 1972.
5. Genette G. Narrative Discourse [Text] / Genette G. Trans. By J. E. Lewin. Foreword by J. Culler. Oxford: Basil Blackwell, 1980
6. Todorov T. Les genres du discours [Text] / T. Todorov. Paris: Seuil, 1978.

Гричин С. В., г. Новосибирск, Россия

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АСПЕКТЕ АВТОРИЗАЦИИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ И ТЕКСТЕ СМИ

Аннотация. В работе описываются особенности выражения категории определенности / неопределенности в аспекте авторизации на материале научного текста и текста СМИ. Показано, что определенность / неопределенность источника информации, выраженного в авторизационной конструкции, представляющей собой модус, коррелирует с кванторами определенности / неопределенности диктумной части предложения. Делается вывод о том, что специфика корреляция кванторов определенности / неопределенности модуса и диктума предложения в научном тексте и тексте СМИ связана с дискурсивной принадлежностью текста, и, таким образом, может быть квалифицирована как дифференцирующий признак сопоставляемых дискурсов.

Ключевые слова: научный дискурс, язык СМИ, авторизация, определенность, неопределенность.

CATEGORY OF DEFINITENESS / INDEFINITENESS IN THE ASPECT OF AUTHORIZATION IN SCIENTIFIC TEXT AND MEDIA TEXT

Abstract. The paper describes the features of expressing the category of definiteness / indefiniteness in the aspect of evidential strategies based on the material of scientific texts and texts of mass media. It shows that the definiteness / indefiniteness of the source of information in the evidential structure of a sentence, which is its modus, correlates with the quantifiers of definiteness / indefiniteness in the dictum part of this sentence. A conclusion is made that the specificity of correlation of the definiteness / indefiniteness quantifiers in the modus and the dictum parts of a sentence in scientific and mass media texts is the result of belonging to a particular discourse and can be considered a differentiating feature of the discourses compared.

Keywords: scientific discourse, language of mass media, evidential strategies, definiteness, indefiniteness.

Как известно, содержание категории авторизации составляет указание на источник излагаемой информации (Шмелева 1984: 90). Акт авторизации, таким образом, представляет собой конкретизацию источника информации, внесение определенности в вопрос о ее происхождении, однако источник информации может быть как определенным (*по нашему мнению; по нашим наблюдениям*; *X пишет, что; как следует из приведенной таблицы* и т.п.), так и неопределенным (*большинство ученых утверждают; в лингвистике принято считать, что; известно, что; согласно выводам ряда авторов* и т.п.). Под неопределенностью понимается вызванное различными причинами «отсутствие точного указания на лицо, предмет, признак, место, время, причину, количество» (Грамматические исследования 1989: 227). Неопределенность источника информации может быть вызвана комплексом причин, от неизвестности источника до нежелания его называть, в то же время актуализацию смыслов определенности и неопределенности в высказывании следует, очевидно, искать в отражаемой этим высказыванием ситуации, под который мы, вслед за Л. В. Калашниковой, понимаем «"факт" объективной действительности в сознании и средство передачи мысленного образа, имеющего семантическое содержание» (Калашникова 2000: 21). Т. П. Ломтев выделяет три звена в содержательной структуре предложения: а) денотаты предложения, обозначающие явления объективной действительности (события, ситуации), б) информация о событиях и ситуациях, в) структура этой информации, связанная со способом называния события, оформлением его в предложении (Шмелева 1983: 43, 44). Таким образом, можно утверждать, что чем сложнее устроен отражаемый фрагмент действительности, тем сложнее денотативная структура предложения (или, по Т. В. Шмелевой, пропозиция, то есть «языковое воплощение некоего положения дел в действительности» (Шмелева 1994: 8)), и тем больше вероятность экспликации в предложении смыслов определенности, поскольку детализация обычно означает одновременно конкретизацию.

Наиболее адекватным термином для описания смыслов определенности / неопределенности, актуализирующихся в предложении, представляется «квантор», или «коммуникативный локализатор»,

предложенный И. И. Ревзиным. Под «кванторами» он понимает языковые единицы, устанавливающие «место тех или иных объектов по отношению к участникам акта коммуникации и акту речи» и потому «понятные только в конкретной ситуации общения либо в связном контексте» (Ревзин 1978: 139). Если говорить о классах языковых единиц, выражающих определенность, то к ним можно отнести языковые средства, традиционно использующиеся для осуществления конкретной идентифицирующей референции: 1) дейктические местоимения, выполняющие указательную функцию и применимые к любому предмету или явлению; 2) имена собственные, обладающие номинативной функцией и свойством сингулярной (единичной) референции; 3) имена нарицательные, выполняющие денотативную функцию (обозначение), но выделение предмета требует специальных актуализаторов (указательно-притяжательные местоимения и другие уточнители (грамматические и семантические)) (Мамай: 2013), а также обстоятельственные актуализаторы (грамматические и семантические): прилагательные и наречия с семантикой определенности (числительные, локативы, темпоративы и т. д.). Кванторами неопределенности становятся языковые единицы с противоположным значением.

В научном тексте актуализация и функционирование кванторов определенности / неопределенности экстралингвистически обусловлены требованиями оперирования точными данными, научной этикой, предполагающей указание источника используемой информации, ссылки на работы предшественников и т.п. Схожи мотивы экспликации рассматриваемых языковых единиц в тексте СМИ: освещаемые события имеют, как правило, пространственно-временные характеристики, локализаторами которых выступают кванторы определенности / неопределенности, а качество представляемой информации определяется во многом определенностью ее источника, хотя в то же время, по мнению Е. В. Осетровой, «уход от конкретного авторства в сторону неопределенности, а то и полной анонимности источника – узуальная норма СМИ» (Осетрова 2010: 13).

В работе С. Гричина (2016) на материале научных текстов была описана корреляция показателей определенности и неопределенности в модусной части предложений с таковыми в диктуме. Анализ показал, что наличие в диктумной части предложения показателей определенности (таких как дейктические местоимения с указательной функцией, имена собственные, обстоятельственные актуализаторы, числительные и др.) актуализирует подобные показатели в модусе, то есть между диктумом и модусом устанавливается взаимодетерминированность в аспекте определенности / неопределенности.

Анализ текстового материала СМИ демонстрирует ряд отличий. Так, при определенности источника информации в авторизационной конструкции, в диктуме может наблюдаться размытость, неопределенность обозначаемого временного промежутка: *Математик из Колорадского университета в США Аарон Клаузет с помощью компьютерной программы рассчитал предельные сроки начала третьей мировой войны. По его мнению**,** межгосударственное вооруженное столкновение должно произойти* ***до 2150 года*** (Ученый рассчитал предельные сроки начала третьей мировой войны. URL); *По мнению ЦБ, последствия прошедшей холодной весны, скорее всего, приведут к временному ускорению инфляции* ***в ближайшие месяцы*** (Куликов С. URL:); *Как сообщил министр труда и соцзащиты Максим Топилин, обсуждается индексация* ***не менее чем на 4%,*** *исходя из прогноза инфляции в 2017 году* (Невинная 2017: 8); *Эксперты аналитического предметного рейтингового агентства (АКРА) дают более консервативный прогноз – по их мнению, ставки по ипотеке должны опуститься за ближайшие три года только* ***до 8,5 -9 процентов****. Однако в Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) на будущее ставки смотрят оптимистичнее: так, по прогнозу главы АИЖК Александра Плутнина, средняя ставка* ***в 6-7 процентов*** *может быть доступна* ***на горизонте двух лет*** (Маркелов 2017: 7)**.** *По словам директора Стройтреста № 43 Алексея Матвеева, строительно-монтажные работы на объекте практически завершены, проводятся отделка и устройство внутренних инженерных систем, фасада.* ***К началу холодов*** *будет запущена система отопления* (Николаев 2017: 23).

Наиболее частотными оказываются оценки количества со значением аппроксимации: *За последние три года тенденция выглядит стабильно, – констатирует Ольга Артемьева. В 2017-м к нам обратилось* ***более двух*** *тысяч человек, и* ***более полутора*** *тысяч из них было трудоустроено* (Сибина 2017: 16); *По данным опроса, проведенного по заказу правительства РФ в нескольких регионах, в том числе и в Омской области****, четвертая часть*** *городских пенсионеров и* ***почти треть*** *сельских не прочь продолжить образование* (Сибина 2017: 16). *Известно о смене* ***как минимум трех*** *собственников груза: сначала это был НОВАТЭК (владеет контрольным пакетом акций «Ямала СПГ», откуда бывший груз), затем – трейдинговая дочерняя компания Petronas, а после – французская Energie* (Воздвиженская 2017: 14). *Сейчас* ***уже более 70%*** *всех поисковых запросов в Интернете касаются здоровья, – говорит завкафедрой лекарственного обеспечения фармаэкономики Первого МГМУ им. Сеченова Роза Ягудина* (Юрьева 2017: 15); ***С 2009 года*** *во всё вложено* ***около 50*** *миллионов рублей, – отвечает отец Андрей* (Владыкина 2017: 28); «*У нас есть прикидки, что к 2025 году мы*

сможем обучать иностранных студентов, аспирантов по российским программам, причем их должно стать ***больше в 3,5 раза****», – заявил Медведев* (Кузьмин 2017: 3);

Таким образом, в отличие от текстов научного дискурса, где преобладает корреляция кванторов определенности авторизационной конструкции и диктума, тексты СМИ не демонстрируют такой зависимости в полной мере: указание на определенный источник информации здесь может сопровождаться актуализацией смыслов неопределенности в диктуме. Однако специфика текстов СМИ в этом аспекте заключается в том, что эти смыслы неопределенности могут актуализироваться за счет того, что кванторы определенности сопровождаются языковыми единицами, снижающими их определенность: предлогами времени и наречиями со значением приблизительности. Данная особенность, как представляется, может быть квалифицирована как дифференцирующий признак текстов научного дискурса и СМИ.

Библиографический список

1. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика [Текст] / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989.
2. Гричин С. В. Категория определенности / неопределенности в аспекте авторизации [Текст] / С. В. Гричин. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 144–56.
3. Калашникова Л. В. Кореференция в когнитивном аспекте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Калашникова. Орел, 2000.
4. Мамай Е. С. Явление референции в науке о тексте. URL: http://philology.snauka.ru/2013/04/466
5. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: Речеведческий аспект [Текст]: дис. … д-ра филол. наук / Е. В. Осетрова. Красноярск, 2010.
6. Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы [Текст] / И. И. Ревзин. М.: Наука, 1978.
7. Шмелева Т. В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева [Текст] / Т. В. Шмелева // Филологические науки. 1983. № 3. С. 42-48.
8. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности [Текст] / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78 -94.
9.

Список источников иллюстративного материала

1. Владыкина Т. Парк Победы отца Андрея // Российская газета. Неделя. 2017. №. 96 (7262).
2. Воздвиженская А. Летучий Gaselys // Российская газета. Неделя. 2017. № 22 (7485).
3. Кузьмин В. Знание – миру // Российская газета. Неделя. 2017. № 118 (7284).
4. Куликов С. Центробанк: Холодная весна может временно ускорить рост цен URL: https://rg.ru/2017/06/06/centrobank-holodnaia-vesna-mozhet-vremenno-uskorit-rost-cen.html
5. Маркелов Р. Стены помогают // Российская газета. Неделя. 2017. № 129.
6. Невинная И. Всех по осени посчитают // Российская газета. Неделя. 2017. № 153 (7319).
7. Николаев А. Учеба в одну смену // Российская газета. Неделя. 2017. № 189 (7355).
8. Сибина С. Легко ли быть пожилым? // Российская газета. Неделя. 2017. № 22 (7485).
9. Ученый рассчитал предельные сроки начала третьей мировой войны. URL: https://iz.ru/715705/2018-03-03/uchenyi-rasschital-predelnye-sroki-nachala-tretei-mirovoi-voiny?utm_source=smi2 03.03.2018
10. Юрьева И. Приходи ко мне лечиться // Российская газета. Неделя. 2017. №. 96 (7262).

Ергалиева С. Ж., г. Павлодар, Россия

РОССИЙСКИЕ И КАЗАХСТАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена результатам лингвоперсонологического исследования, проведенного на материале политических комментариев, публикуемых на российских и казахстанских сайтах. В статье языковая личность реконструируется на основе произведенных ею политических интернет-комментариев, в которых отражаются ее языковые способности; при изучении интернет-комментариев используются сравнительно-сопоставительные, дискурсивные методы и метод количественного подсчета. В результате анализа политических интернет-комментариев были выявлены тактики текстового и персонного факторов текстопорождения.

Ключевые слова: интернет, коммуникация, интернет-комментарий, текстопорождение, лингвоперсонология.

RUSSIAN AND KAZAKHSTAN POLITICAL INTERNET COMMENTS: LINGUO-PERSONOLOGICAL ASPECT

Abstract. The proposed article is devoted to the results of linguistic-personological research conducted on the basis of political commentaries published on Russian and Kazakhstani sites. In the article, the linguistic personality is reconstructed on the basis of its political Internet commentaries, which reflect its language abilities; when studying Internet commentaries, comparative, discursive methods and the method of quantitative calculation are used. As a result of the analysis of political Internet commentaries, tactics of textual and personal factors of text generation were revealed.

Keywords: Internet, communication, Internet commentary, text generation, linguistic-personology.

В данной работе мы рассматриваем коммуникативную особенность Интернета как средства общения, в котором человек или социум вступают в эффективное взаимодействие с помощью интернет-ресурсов, открывающих возможность для реализации речевых действий, в результате продуцируются тексты различного характера, в которых эмоциональное состояние коммуникантов передается с помощью средств виртуальной реальности.

«Интернет является как средой, так и каналом распространения информации, а интернет-пространство – это не некое «виртуальное», мифическое пространство в стиле трехмерных компьютерных игр, а вполне реальная система отношений и связей: индивидов друг с другом и с информационными ресурсами; индивидов – с техническими устройствами-посредниками; самих этих устройств» (Горошко 2014: 42; Баркович 2015).

По мнению Н. Г. Асмус, «отличительными особенностями виртуальной коммуникации являются: диалогичность, особый характер авторства, совмещение категорий автора и читателя, снятие временных и пространственных ограничений, статусное равноправие участников, формирование общей картины мира, неограниченность в выборе языковых средств» (Асмус 2005: 10). Кроме монологического и диалогического типа общения в интернет-дискурсе существует и полилогическая форма.

Интернет в силу своего многообразия предстает не только как информационно-коммуникативное и социально-ориентированное пространство, но и как «особое дискурсивное поле, репрезентующее лингвокультурные и социально-значимые ценности через устно-письменные формы электронной коммуникации» (Сидорова, 2013: 27). Любое общение в интернет-сети, реализуемое человеком, осуществляется в коммуникативных жанрах Интернета, в которых проявляются жанровые особенности интернет-коммуникации.

Наша работа посвящена одному из жанров виртуальной коммуникации – интернет-комментарию.

По мнению Е. В. Холодковской, интернет-комментарий – это высказывание, имеющее целью оценить мотивирующий объект, он отличается динамизмом, лаконичностью, экспрессивностью (Холодковская 2014: 80). В. А. Каменева придерживается мнения, что «интернет-комментарии очень экспрессивны и содержат оценочную лексику, позволяющую четко понять отношение автора комментария к содержанию статьи-стимула» (Каменева 2016: 16), они ясно показывают положительное или отрицательное отношение комментатора к заявленной проблеме. М. В. Бец относит интернет-комментарии к виду естественной письменной речи (термин Н. Б. Лебедевой (Лебедева 2001)), который дает возможность создания портрета виртуальной языковой личности, конструирующей образ обыденной языковой картины мира сквозь призму текстов разной дискурсивной направленности (Бец 2013: 6).

Таким образом, интернет-комментарии напоминают разговорную речь, которая передается в письменной форме в виртуальном пространстве. Это – публичный диалог, реализующий интенции как автора исходного текста, так и автора комментария.

Политические тексты, размещенные на интернет-порталах или сайтах, в настоящее время являются важным источником для лингвоперсонологического анализа. Но необходимо учитывать, во-первых, что комментарий, содержащий информацию об определенном событии, не существует сам по себе, он зависит от исходного текста, и его анализ не может осуществляться в отрыве от первичного текста; во-вторых, комментарий реализует деривационный потенциал исходного текста; в-третьих, он продуцирован языковой личностью, поэтому в нем отражаются присущие ей языковые способности, которые составляют в совокупности ее ментальный образ, воплощенный во вторичном тексте, то есть в комментарии.

Исследование проводилось в русле текстодериватологического анализа производных текстов, предполагающего изучение вторичных текстов в формальном, содержательном, функциональном

планах (Мельник 2014). Разработанная методика дала возможность выявить персонные и текстовые факторы текстопорождения российских и казахстанских интернет-комментариев к политическим статьям. В ходе изучения нами был определен ряд параметров персонного и текстового текстопорождения:

– основными параметрами персонности речевого продуцирования являются ассоциативность, эмоциональность, домысливание;

– параметрами текстовости являются ключевые слова, копиальность содержания, копиальность формы.

Разработанные параметры текстопорождения интернет-комментариев помогли определить лингвоперсонологический потенциал интернет-комментариев к политическим статьям, источником которых послужили российские (gazeta.ru, politrussia.com) и казахстанские (nur.kz, today.kz) интернет-ресурсы. Комментаторы таких порталов являются не пассивными читателями материалов, они становятся участниками коммуникации, отражающими в комментариях свое обыденное политическое сознание.

Прокомментируем показатели текстового (объективного) текстопорождения интернет-комментариев

Рассмотрим комментарии к политическим текстам российских и казахстанских авторов.

Тактика ключевых слов

Одним из факторов объективного текстообразования является тактика ключевых слов. Автор, реагируя на ключевые слова исходного текста, интерпретирует его и излагает свое отношение к политическому событию, описанному в нем; мотивирующим толчком для смыслопорождения являются ключевые слова первичного текста.

Приведем примеры из казахстанских интернет-комментариев к политическим текстам, в которых можно отметить использование тактики ключевых слов. Представим комментарий к тексту «Казахстанцы шантажируют ЦИК, угрожая не прийти на выборы».

Сайлау мерзиминен бурын откизилип отырган сон, депутаттарга каржы толеуи талапка сай болу керек. Бул каржы олардын жалакыларынын орнына гой (*Всвязи с досрочными выборами депутатам требуется выплачивать необходимую сумму, которая компенсирует их зарплату* (перевод наш – С. Е.). Несмотря на то, что исходный текст написан на русском языке, комментатор интерпретирует его на родном для него казахском языке, так как является билингвальной языковой личностью, воспринимающей и воспроизводящей тексты, написанные на двух языках. С позиции дериватологического анализа, внешняя форма комментария абсолютно отличается от формы исходного текста, а наличие ключевых слов *сайлау (выборы), мерзиминен бурын (внеочередные, досрочные), откизилип (проводятся), депутаттар (депутаты), толеу (платить)* отражает содержательную основу, поэтому можно утверждать, что этот комментарий порождён под влиянием текстового фактора.

Результаты проведённого текстодериватологического анализа дают право предположить, что тактика ключевых слов является одним из факторов порождения исходного текста, характеризующихся модификационными инновациями.

Тактика копиальности содержания

Смысл политической статьи не искажается, поскольку компоненты исходного текста заменяются синонимами или описательными конструкциями.

Оценочная интерпретация, оставленная интернет-пользователем на портале Gazeta.ru к тексту «Крымский голос Эрдогана», дает возможность выявить тактику копиальности содержания. *Каждый народ выбирает сам перебить соседей или жить в мире. Не так ли.* Интернет-комментарий подвергается формальному изменению, для вербализации мысли автор не использует языковые единицы исходного политического текста, а заменяет их описательными конструкциями, тем самым передавая общий смыл первичного текста. Содержательная связь проявляется в употреблении глагола *выбирать*, который контактирует с текстом по линии содержания и является текстовым дериватом от неоднократно употребленного в первичном тексте существительного *выборы*. Можно полагать, что текст продуцирован посредством тактики копиальности содержания, которая позволяет сохранять содержательную основу мотивирующего объекта при формальных изменениях. Поэтому можно отнести данное преобразование к модификационной инновации ономасиологического типа.

Тактика копиальности формы

Под тактикой копиальности формы подразумевается копирование, цитирование автором фрагмента исходного текста или текста целиком, а также текста предыдущего комментатора

(коммуниканта). при этом происходит функциональное осложнение, например, интенциональное: комментатор в своем тексте тем самым выражает свое отношение к политическому событию.

Проанализируем комментарий к политическому тексту «Пилот исландского пассажирского самолета испугался российских бомбардировщиков» сайта Politrussia.com.

«Это просто пропаганда говорить, что российские самолеты летают без определяющих местоположение устройств, ведь самолеты НАТО также делают это» *Да, и НАТО совсем недавно отказалась от двусторонней договорённости о включении транспондеров. Хотя, по чесноку, инициатива исходила от финнского президента.* Автор данного текста, используя тактику копиальности формы, дублирует без изменения фрагмент исходного текста и интерпретирует его по своему представлению.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что к тактике копиальности формы часто прибегают комментаторы при реагировании на текст или фрагмент текста другого комментатора. Коммуникативные цели при этом могут быть различны: от выражения согласия до отвержения позиции собеседника.

Прокомментируем п**оказатели персонного (субъективного) текстопорождения интернет-комментариев**

Тактика ассоциативности

При тактике ассоциативности доминирует субъективное начало, при этом происходит изменение (как правило, осложнение) на уровне содержания исходного текста, которое автор развертывает, исходя из эмоционального состояния, когнитивного мировидения, национального своеобразия и т.д.

Приведём написанный на казахском языке комментарий к тексту «Зачем Назарбаев приезжал в Алматинскую область» (см. Приложение 2.1) сайта Nur.kz,: *Елбасы (Президент) Алматының торқалы тойына (юбилейный праздник Алматы) ат басын тіреді (подошел на коне), Алматыға мың жыл болып қалған екен (уже тысячу лет Алматы), уақыттың зымырап өтетінін қарасайшы (как время быстро пролетела).* Смысловой перевод комментария: *Президент уже подошел к вопросу празднования юбилея города Алматы. Как пролетело время, уже тысячу лет Алматы* (перевод наш – С. Е.).

Для лингвистического анализа и понимания содержания текста выполнен буквальный и смысловой перевод с казахского языка на русский, так как в тексте содержится лакунизированная единица *торқалы*. Этот комментарий был продуцирован на основе ключевых слов – *Президент* (*Елбасы)*, *Алматы* – исходного текста. Внимание комментатора было направлено на отдельный фрагмент исходного текста: «*Введение новых объектов социальной инфраструктуры является замечательным подарком для горожан в преддверии 25-летия Независимости нашего государства*»**.** Текст содержит информацию о приближающемся событии – 25-летии Независимости государства Казахстан. Комментарий продуцирован не на языке первичного текста, что способствует абсолютному изменению внешней формы; упоминание в исходном тексте 25-летия Независимости государства Казахстан вызвало у комментатора ассоциацию с празднованием тысячелетия города Алматы.

Тактика эмоциональности

Эмоциональность можно рассматривать как ответную реакцию на описанную в первичном тексте политическую ситуацию или на высказывания коммуникантов в сети интернет. Она может проявляться как в отрицательном, так и в положительном варианте: отрицательная реакция передается с помощью иронии или оскорбления, а положительная – удивлением, восхищением.

Комментарий оставлен к политическому тексту «Крушение без имен» новостного портала Gazeta. ru (см. Приложение 1.1): *Ну да, там никто ничего не видел, все на работе были. Под дурочку косите или на самом деле дурочка?*

Комментатор подвергает сомнению результаты исследования причин крушения самолёта, не верит информации об отсутствии свидетелей события. Комментарий оскорбителен для собеседника; в нем не используются лексические компоненты исходного текста, субъективность заключена в форму риторического вопроса, содержащего эмоционально-экспрессивное обращение и отрицательную оценку.

Тактика домысливания

Комментатор, используя тактику домысливания, интерпретирует первичный текст и создает комментарий на основе собственного опыта, выходя за рамки темы или содержания исходного текста.

Проанализируем комментарии к политическому тексту «Дарига Назарбаева: Годы стабильности «расслабили» казахстанцев»:

Нужно запрещать молодым и подросткам носить бороду законодательно, старейшинам и людям после пятидесяти лет не касается во всем виновны салафитские течение, ведь ИГИЛ на них и основывается. Комментатор, интерпретируя вопросы противодействия экстремизму и терроризму, домысливает проблему по своему представлению и предлагает свой вариант ее решения. Также он описывает причину возникновения этой политической ситуации с помощью тактики копиальности содержания, используя в своём тексте синонимы и описательные конструкции: слова *экстремизм и терроризм* исходного текста заменяются автором на слова *салафитские течение, ИГИЛ* во вторичном тексте. Комментатор применил тактику домысливания и тактику копиальности содержания для формулирования своего мнения.

В предлагаемом исследовании была осуществлена попытка определить особенности употребления и степень проявления текстовых и персонных факторов текстопорождения в российских и казахстанских текстах интернет-комментариев на основе текстодериватологического анализа. В результате исследования мы видим, как политический текст влияет на языковую личность и как языковая личность, как носитель национальных особенностей, реализует себя в виртуальном пространстве.

Библиографический список

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства URL: http://diss.rsl.ru
2. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: учеб. пособие [Текст] / А. А. Баркович. М.: ФЛИНТА, 2015.
3. Бец М. В. Аксиологическая соотнесенность текста информационно-аналитической статьи и комментария в виртуальном пространстве Рунета [Текст] : дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / М. В. Бец. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2013.
4. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры [Текст] / Е. И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 9-53.
5. Каменева В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели [Текст] / В. А. Каменева // Политическая лингвистика. Кемерово, 2016. №1 (55). С. 15-19.
6. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект исследования [Текст] / Н. Б. Лебедева // Вестник БПУ: Гуманитарные науки. 2001. Вып.1. С. 4-10.
7. Мельник Н. В. Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты [Текст] / Н. В. Мельник. М.: Ленанд, 2014.
8. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) [Текст] : дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / И. Г. Сидорова. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2013.
9. Холодковская Е. В. Особенности синтаксиса англоязычного интернет-комментария социальной сети Facebook [Текст] / Е. В. Холодовская // Вестник ВолГУ, 2014. №1. С. 79-83.

Зырянова К. И., г. Кемерово, Россия

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО «ДЕЛУ СКРИПАЛЕЙ» В ДИСКУРСЕ ГЛАВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВ С. В. ЛАВРОВА И Б. ДЖОНСОНА

Аннотация. Статья посвящена дискурсу между главами внешнеполитических ведомств С. В. Лавровым и Б. Джонсоном в рамках политического противостояния России и Великобритании в так называемом «Деле Скрипалей». Проведенный анализ речей С. В. Лаврова и Б. Джонсона показал, что Б. Джонсон в своем восприятии конфликта более эмоционален, однако менее убедителен, в то время как речь Лаврова изобилует профессиональной терминологией и лучше структурирована.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая лингвистика, министр иностранных дел России, Сергей Лавров, министр иностранных дел Великобритании, Борис Джонсон.

POLITICAL CONFRONTATION OF RUSSIA AND GREAT BRITAIN ON THE «SKRIPAL CASE» IN THE DISCOURSE BETWEEN THE HEADS OF FOREIGN AFFAIRS S. V. LAVROV AND B. JONSON

Abstract. The current research features the political discourse between the heads of foreign affairs S. V. Lavrov and Boris Johnson in the context of Russian – British political confrontation in the so-called "Skripal case". The paper introduces an analysis of related speeches given by S. V. Lavrov and B. Johnson, according to which B. Johnson's discourse appears more expressive but less persuasive, whereas Lavrov's speech is better structured and full of professional terms.

Keywords: political discourse, political linguistics, the Foreign Minister of Russia, Sergey Lavrov, Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs, Boris Johnson.

В наши дни политическая лингвистика идет в авангарде языкознания. Этому способствует тот факт, что данное направление черпает материал для исследований в сфере политики, где сейчас наблюдается активное развитие политических технологий. Рост роли средств массовой информации в политике определяет ее театрализацию, что, в свою очередь, определяет научный интерес к теории и практике политической коммуникации. Политический дискурс, связанный с конфликтными ситуациями, неизбежно привлекает внимание исследователя. Поэтому можно считать знаковым тот факт, что политическая лингвистика зародилась после Первой мировой войны: необходимым стало исследование политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами, а также знание о механизмах манипуляции общественным мнением и способах его формирования (Будаев 2011: 9).

По определению Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, политическим дискурсом является «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (Караулов, Петров 1989: 10). В данной статье рассматривается фрагмент политического дискурса, отразивший один из острых конфликтов между РФ и Великобританией, который получил широкое освещение в СМИ.

Следует отметить, что российско-британские отношения имеют одну из самых долгих историй в рамках двусторонних отношений: начало непосредственно дипломатических отношений датируется 1553 годом. Несмотря на столь давнюю историю, взаимоотношения двух держав всегда характеризовались через «соперничество». Так, во второй половине XIX века острое российско-британское соперничество разворачивалось в Средней Азии, на Дальнем и Ближнем Востоке. В Крымской войне, в период непризнания СССР после Октябрьской революции и в ряде других значимых в мировой истории событий Великобритания выступала против Российского государства. Союзниками же эти государства становились только на период Мировых войн (Густерин 2014: 76-79).

На современном этапе отмечался период начала сотрудничества между странами по таким направлениям, как военное сотрудничество, борьба с терроризмом, культурные связи и деловое партнерство и т.д. Однако, с середины 2000-х в связи с рядом событий (дела о предоставлении политического убежища Березовскому и Закаеву; выступление России против военного вторжения США и Великобритании в Ирак в 2003 г. и др.) происходит охлаждение двусторонних отношений держав. Немаловажную роль в этом сыграл и целый ряд так называемых «шпионских» скандалов, одним из которых стал конфликт, получивший в дискурсе СМИ название «Дело Скрипалей», берущих своё начало ещё в 2004 году (Кречетников 2007).

В 2004 году ФСБ России арестовала полковника ГРУ Сергея Скрипаля по обвинению в сотрудничестве с разведкой Великобритании: владея информацией о российских военных агентах, которые действовали под прикрытием в других странах, Скрипаль предоставлял ее британским спецслужбам. В 2010 году, после помилования и обмена агентами между Россией и США, он с женой и детьми эмигрировал в Великобританию, в городок Солсбери (Тихомиров 2018).

Весной 2018 года после попытки отравления С. Скрипаля на территории Соединённого Королевства двусторонние отношения России и Великобритании вошли в фазу глубокого кризиса. Сначала Великобритания приняла ряд антироссийских санкций и выслала 23 сотрудника российского посольства в Лондоне, обвинив их в организации некоей шпионской организации. Россия ответила «зеркально», выслав 23 дипломатических сотрудника посольства Великобритании в Москве, закрыв Британский совет в России и отозвав согласие на открытие Великобританского генконсульства в Санкт-Петербурге (Бобоева, Сабитова, Токарева 2018).

В сложившейся ситуации началась активная полемика между различными высокопоставленными чиновниками и первыми лицами государств. Особый же интерес с точки

зрения лингвистики представляет собой политический дискурс глав внешнеполитических ведомств России и Великобритании С. В. Лаврова и Б. Джонсона, проходящий через призму публичной дипломатии.

На сегодняшний день во взаимозависимом мире то, как воспринимается политика одного государства общественным мнением других стран, играет весомую роль. Данный фактор явился причиной формирования дипломатии, которая в середине XIX в. получила название публичной дипломатии (*public diplomacy*). Если традиционная дипломатия представляет собой канал общения между правительствами, то публичная дипломатия направлена, прежде всего, на широкую аудиторию, одним из приемов которой является политическая речь (Торкунов 2013: 651).

Главной задачей агитационно-политической речи является изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода переконцептуализация политического мира. Один из важных приемов такой переконцептуализации – метафорическая модель, которая либо выделяет определенный аспект проблемы, делая его более значимым, либо, наоборот, отвлекает от него внимание общества, делая другой вариант развития событий невозможным (Чудинов 2001).

В данной работе будут рассмотрены тексты выступления и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров со спецпредставителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой от 29 марта 2018 года (Лавров 2018) и выступление Б. Джонсона на пасхальном банкете мэра Лондона от 28 марта 2018 года (Джонсон 2018).

Несмотря на то, что заявления сделаны с разницей в одни сутки, нельзя говорить о том, что речь С. В. Лаврова является ответной на речь Б. Джонсона, так как в выступлениях нет прямых ответов оппоненту. Однако, прослеживается общая тенденция: оба обращаются к историческому прошлому стран. Так, С. В. Лаврову принадлежат следующее высказывание: «*Мы не будем просто реагировать реактивно на то, что делает в отношении нас* ***англо-саксонское звено***…». А в реплике Б. Джонсона обнаруживаем: «*Что это покушение на убийство — месть за то,* ***как Великобритания якобы отравила Ивана Грозного*****».**

Джонсон часто противоречит сам себе: так, с одной стороны, он преуменьшает статус своего государства: «*Если они думали, что* ***мы настолько морально слабы****… настолько страшимся рисков и боимся России, что* ***не посмеем ответить***». С другой, он характеризует свою страну, как очень сильную державу: «*…сотрудничество наших* ***непревзойденных разведывательных служб****…*»; «*Именно такой я вижу* ***Глобальную Великобританию***». В рамках одного предложения можно найти взаимоисключающие смыслы: «*И* ***мы уверены в своих силах****, поэтому должны не только* ***остерегаться российского государства****, но, вопреки всем трудностям****, идти на контакт*** и ***искать дружбы у российского народа*****».**

Речь министра иностранных дел Великобритании полна аллюзий. Он использует прецедентные тексты русской культуры, ставшие глобальными. Так, он сравнивает «Дело Скрипалей» с сюжетом известного за рубежом русского произведения Ф. М. Достоевского: «***Напоминает начало романа «Преступление и наказание». Мы все знаем, кто виновен. Вопрос в том, признается ли он сам, или его поймают***». Далее в своей речи он прибегает к другому прецедентному феномену западного происхождения, но также имеющему глобальный характер. Давая комментарий по химическому оружию, якобы использованному при покушении на Скрипаля, он упоминает известный кинофильм «*Звездные войны» и атрибутику, с ним связанную: «А чем обычно размахивают в* ***«Звездных войнах»?*** *А где был изобретен* ***световой меч****? В каком районе Лондона? В Аксбридже и Южном Райслипе. В этом и есть разница между современной Великобританией и правительством Владимира Путина. Они создают «Новичок», а мы создаем световые мечи. Первое — ужасное оружие специально для убийства, второе — вымышленный реквизит, который странно гудит*»**.** Очевидно, что, активизируя в сознании реципиента фоновые знания о художественном универсуме «Звездных войн», Джонсон призывает его провести параллель между «Темной империей» и Россией, добиваясь, таким образом, демонизации образа последней.

Нельзя не отметить, что речь С. В.Лаврова более насыщена профессиональной лексикой и клише: «*…****верифицировать выводы****…*», «*…****отозвать согласие*** на функционирование*…*», «*…****выполнить свои обязательства по Консульской конвенции и Венской конвенции о дипломатических сношениях****…*», «*…****воспользоваться международно-правовыми нормами****…*»; «*…****провести двусторонний обмен мнениями****…*», «*…****реагировать реактивно****…*». Речь же его британского оппонента, наоборот, более эмоциональна и полна эпитетов: «Если они думали, что ***мир теперь настолько черствый и циничный****…*», «*…****безрассудное и презрительное***

посягательство…», «…***24 версии этих нелепых домыслов***…», «…Я очень рад, что ***27 стран решили больше не слушать эту ерунду***…» и т.д.

Кроме того, в своей речи Джонсон часто ведет аргументацию от первого лица единственного и множественного числа – в тех случаях, когда отождествляет себя со страной, представителем которой является, или оппонентами России: «…Это касается не только нас, но всех стран и того, в каком мире мы хотим жить. Потому что я уверен, что высылка дипломатов — ***это кристаллизация наших общих чувств***…». Джонсон пытается максимально экстраполировать события в Солсбери и создать ощущение угрозы: «*События в британском Солсбери* ***затронули не только жителей одноименных городов*** *на юге Австралии, в американской Пенсильвании, Северной Каролине и Мэриленде. Они коснулись всех тихих соборных городков по всей Европе, которым могла* ***грозить та же участь*** и где ***люди имеют право жить без страха***».

Джонсон прибегает к достаточно избитым политическим метафорам (ложь – жидкость, ложь – оружие), но группирует их в кластеры, чтобы оказать на реципиента более сильное воздействие: «…***изнурительные потоки российской лжи, крючкотворства и межконтинентального баллистического вранья...***»; «…что ***параноидальные взгляды их правителей***…» Для создания саспенса и усиления эффекта он использует длинные перечисления растиражированных западными СМИ формулировок: «*После аннексии Крыма, вторжения в Донбасс, атаки на рейс MH17, хакерских взломов, попытки переворота в Черногории, сокрытия химического оружия в Сирии, взлома бундестага и вмешательства в выборы в мире стало слишком много стран, ощущающих пагубные действия России*». Риторические вопросы также следуют кластерами: «*Но какое из этих орудий более эффективно в современном мире? Какое принесло больше пользы для экономики? Какое поразило воображение трех поколений детей и заработало миллиарды? Какое из них можно подарить, а какое можно только презирать*?» Постоянно используется числовая информация, перечисления топонимов.

Нельзя говорить о том, что Лавров ему прямолинейно парирует, однако, стоить отметить, что на протяжении всего выступления Лаврова он постоянно подвергает сомнению действия Великобритании в «Деле Скрипалей»: «…*Премьер-министр Великобритании Т. Мэй* ***голословно обвинила Россию***…»; «…***Британская сторона высокомерно от этого отказалась***…»; «…*взамен* ***выкопала в Конвенции****…»; «…выводы, к которым британцы,* ***якобы****, пришли*…»; «…*мы хотим не просто реагировать на* ***абсолютно неприемлемые действия****, которые в наш адрес предпринимаются*…» и дважды акцентирует внимание на том, что необходимо: «…***установить истину***…».

Таким образом, речь Б. Джонсона можно охарактеризовать как крайне экспрессивную, богатую на метафоры и аллюзии. Однако, зачастую, политик сам же себе противоречит, чем, безусловно, подрывает авторитет занимаемой им должности. Глава внешнеполитического ведомства государства должен быть компетентен в любом вопросе, по которому он даёт комментарий, и апеллировать определенно более значимыми фактами, чем просто сравнивать державу с выдуманной страной из художественного фильма. Министр иностранных дел – это тот человек, который своей деятельностью и персоной напрямую отражает статус своего государства в мировой политике. С. В. Лавров в своих заявлениях довольно сдержан, но убедителен. Как и всегда, он использует огромное количество профессиональной лексики, постоянно ссылается только на правовые документы и исторические события. Можно говорить о том, что С. В. Лавров отвечает на все поставленные перед ним вопросы чётко, прямо и в свойственной ему манере «Мистера Нет» (прим. Занимая пост Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций он наложил множество вето в Совете Безопасности, за что и получил данное прозвище), чем продолжает только укреплять статус своей страны, которую он блестяще представляет, как на международной арене, так и в рамках публичной дипломатии.

Библиографический список

1. Будаев Э. В. Современная политическая лингвистика [Текст] / Э. В. Будаев. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011.

2. Бобоева Н., Сабитова А., Токарева А. Россия оставляет за собой право принятия других ответных мер. URL: Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3577076

3. Густерин П. В. Советско-британские отношения между мировыми войнами [Текст] / П. В. Густерин. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.

4. Джонсон Б. «Они создают «Новичок», а мы создаем световые мечи». Борис Джонсон рассказал, почему мир противостоит России (пер. М.Зеленского) URL: https://meduza.io/feature/2018/03/29/oni-sozdayut-novichok-a-my-sozdaem-svetovye-mechi-boris-dzhonson-rasskazal-pochemu-mir-protivostoit-rossii

4. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Текст] / Ю. Н. Караулов, В.В.Петров. М.: 1989.

5. Кречетников А. Пики и ухабы российско-британских отношений URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6643000/6643839.stm

6. Лавров С. В. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров со спецпредставителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. Де Мистурой URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3145592

7. Торкунов А. В. Современные международные отношения: [Текст] / А. В.Торкунов. М.: Аспект Пресс, 2013.

8. Тихомиров В. Яд для шпиона. Кто и зачем отравил экс-разведчика Сергея Скрипаля? URL: https://life.ru/t/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5/1095659/iad_dlia_shpiona_kto_i_zachiem_otravil_eks-razviedchika_sierghieia_skripalia

9. Чудинов А. П. Россия в Метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст] / А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2001.

Кириллова Ю. Н., г. Барнаул, Россия

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье описываются лингвостилистические средства (повторы, метафора, игра слов, антитеза, окказионализмы, средства экспрессивного синтаксиса и др.), употребляющиеся в немецкоязычных текстах туристической рекламы. Обладающие мощным экспрессивным потенциалом, данные приемы способствуют повышению эффективности рекламной коммуникации.

Ключевые слова: рекламный текст, туризм, повтор, метафора, игра слов, антитеза, экспрессивный синтаксис, немецкий язык

LINGUISTILISTIC FEATURES OF TEXTS OF TOURIST ADVERTISING (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Abstract. The paper describes the most common linguistic and stylistic devices (repetition, metaphor, pun, antithesis, occasional word, syntactical expressive means, etc.) used in German tourism advertising. These devices have a great potential to make the advertising communication more expressive and effective.

Keywords: advertising text, tourism, repetition, metaphor, pun, antithesis, syntactical expressive means, German language

В современном коммуникативном пространстве в период стремительного подъема туристической индустрии все более заметное место занимает реклама, направленная на создание положительного имиджа туристических объектов и продвижение разнообразных туристических продуктов и услуг. Динамичное развитие рекламы в сфере туризма обусловливает необходимость проведения постоянного лингвистического мониторинга данной сферы речевого общения с целью выявления и описания её специфики, определяемой во многом как особенностями туристической отрасли, так и уникальностью самого туристического продукта, не имеющего, как правило, материально выраженной формы.

Настоящая статья посвящена анализу наиболее частотно употребляющихся в немецкоязычных текстах туристической направленности лингвостилистических средств, обеспечивающих эффективность рекламной коммуникации. Стремление создателей рекламного текста привлечь внимание реципиента к рекламируемым товарам и услугам обусловливает использование широкого спектра языковых средств как на фонетическом, морфологическом, лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Поскольку рекламный текст является одним из типов поликодового текста, важнейшую роль в реализации рекламных стратегий играют также невербальные средства, обладающие мощным экспрессивным потенциалом. Вербальные и невербальные средства выразительности позволяют удерживать в сознании реципиентов рекламируемый объект, фокусируют внимание потенциальных клиентов на преимуществах данного объекта и тем самым способствуют его эффективному продвижению на рынке. Рассмотрим далее данные средства более подробно.

Для создания аттрактивного и запоминающегося образа туристических продуктов широко используются эмоционально-оценочные средства, манифестирующие высокую степень свойств, уникальность рекламируемых объектов. Ср.: ***Exklusiver*** *Begrüßungsdeal – Den gibt es NIE wieder.*

Gutschein für ***traumhafte*** *Pauschalreisen auf ab-in-den-urlaub.de (Ab-in-den-Urlaub); Baltikum –* ***Facettenreiche*** *Natur und* ***vielfältige*** *Kultur (Gotsch-Reisen); Neckermann Reisen hat Ihren* ***perfekten*** *Urlaub (Neckermann Reisen);* ***Charmant*** *und* ***lebendig, voller Energie*** *und* ***kreativ****, aber auch* ***verträumt*** *und* ***romantisch*** *– so ist die* ***berühmte*** *grüne Metropole am Wasser (TUI ReiseCenter);* ***Unglaubliche*** *Angebote (Expedia.de).* Как показал анализ фактического материала, в рекламных текстах туристической направленности абсолютно доминирует положительная оценка, которая выражается существительными с семантикой высокой степени качества, прилагательными в сравнительной и превосходной степени, наречиями, морфемами с семантикой усиления качества (например, „*super-*“). Ср.: *Augen auf für die* ***schönsten*** *Ziele der Welt. Die neuen Sommerkataloge sind da! (TUI ReiseCenter);* ***Super****entspannt in den Last Minute Urlaub (L'Tur);* ***Super****günstige Reisen unter 400 €. Schnäppchenurlaub in den* ***beliebtesten*** *Reiseregionen (TUI ReiseCenter); Die* ***schönsten*** *Reiseziele im Winter. Sonne satt statt Schnee und Eis! Traumstart um 12! Auf die* ***kleinsten*** *Preise, fertig, los! (Aida);* ***Luxus****urlaub für die ganze Familie (DERTOUR); Urlaub in der Karibik TOP Angebote* ***paradiesisch günstig*** *(Weg.de).*

Одной из важнейших черт анализируемого типа текста, наряду с положительной оценочностью, является образность, реализуемая целым спектром выразительных языковых средств. Одним из наиболее продуктивных средств создания образности является метафора, обладающая мощным эмоционально-экспрессивным потенциалом создания наглядно-чувственных представлений об окружающей действительности. Метафорические образы актуализируют закрепленные в сознании реципиента ассоциации, представления, образно-эмоциональные характеристики, что способствует формированию общего эмоционального настроя и создает особый ракурс видения рекламируемых объектов, подчеркивает их уникальность и неповторимость. Как показал анализ фактического материала, наиболее продуктивными в рекламных текстах туристической направленности являются следующие типы метафор: фитоморфная *(Frühlingsangebote? Wir haben* ***einen*** *ganzen* ***Strauß*** *voll),* игровая *(Hat in Sachen Traumreise immer* ***ein Ass*** *im Ärmel),* магическая *(Rom und* ***Zauber*** *des Mittelmeers; mit jeder Reise beginnt* ***ein Zauber****),* антропоморфная *(Steiermark –* ***das*** *grüne* ***Herz*** *Österreichs; Sonne* ***küsst*** *Schnee)* и др.

Одним из продуктивных экспрессивных средств в рекламном тексте в сфере туризма является графическая метафора, представляющая собой замену «графемы сходным по форме символом и рисунком, отвечающим содержанию слова» (Москвин 2007:212). Пример такой изобразительной фигуры находим в рекламе известной немецкой сети супермаркетов Lidl, занимающейся также продвижением туристических продуктов: ❤ *-lich Willkommen bei Lidl Reisen (Lidl Reisen).* В исходном тексте корневая морфема *herz* заменена изображением сердца, что позволяет сделать высказывание кратким и более легким для восприятия. Примером использования графической метафоры служит также следующее рекламное объявление: *A* *stralien hin und zurück ab 899 € (Reisebüro Biehl).* Буква *u* заменена изображением бумеранга – метательного орудия, имеющего свойство при искусном броске всегда возвращаться к бросившему его человеку.

Установка рекламного дискурса на манипулирование поведением потенциальных адресатов с целью продвижения туристических продуктов обусловливает частотное использование императивных высказываний, призванных контролировать потоки информации и оказывать влияние на формирование общественного мнения. Как показал анализ фактического материала, для рекламного дискурса характерно не только завуалирование императивности, способствующее созданию у адресатов иллюзии независимости принятия решения, но и использование императивных конструкций, напрямую призывающих к какому-либо действию. Прямая императивность в данном типе дискурса выражается как глаголами в форме повелительного наклонения, так и неопределенной формой глагола. Ср.: *Der Geheimtipp:* ***Gewinnen Sie*** *eine von drei Reisen für zwei Personen in den Oman! (FTI Touristik);* ***Fahren Sie*** *nur gut versichert in den Urlaub! (Academium);* ***Gewinnen Sie*** *Ihren Last Minute Urlaub! (Reiseland);* ***Bringen Sie*** *Ihre Kunden in die Wärme Spaniens. Flüge zu mehr als 20 Zielen (Vueling); Jetzt Urlaub* ***buchen*** *... Urlaub, aus dem Sie nicht zurückwollen (Neckermann Reisen);* ***Freuen, buchen, fliegen****! 1 Million Extra-Tickets – nur für kurze Zeit (Airberlin); Jetzt Mietwagen mit Rabatt* ***bestellen****! Erst* ***sparen*** *und dann gemütlich durch Florida* ***fahren*** *(Alamo).* Повелительные конструкции придают высказыванию большую выразительность, оказывают воздействие на эмоционально-волевую сферу реципиента в комплексе с визуальными способами представления информации (изображениями, графическими средствами) и способствуют созданию целостного креолизованного продукта.

Как отмечается в специальной литературе, рекламные сообщения оцениваются потребителями как более достоверные именно тогда, когда они регулярно повторяются (Hawkins 1992: 212). Именно поэтому в целях повышения эффективности рекламных сообщений в сфере туризма прибегают к

многократному повтору одного и того же довода, одной и той же мысли. В манипулятивных целях используется не только повтор рекламных сообщений, но широко применяются также разноуровневые повторы в структуре самих рекламных сообщений. При этом речь может идти о повторе фонем, морфем, слов, синтаксических конструкций. В качестве примера приведем следующие виды повторов, широко представленные в рекламном дискурсе: звуковые повторы *(Freiheit mit Sonne drin gibt dir* ***Meer*** *und* ***mehr*** *(Burgenland); Rab****att*** *sa****tt****! Nur bis Sonntag: Tickets zu den schönsten Zielen Europas – bis zu 30 % reduziert (Germanwings)*; морфемные повторы *(****Endlich*** *un****endlich*** *wohlfühlen. (TUI Cruises);* ***Frei****zeit.* ***Frei****heit. (Austrian Airlines)*; лексические повторы *(Die ganze* ***Welt*** *kostet nicht die* ***Welt****. Jetzt mit Austrian bequem und direkt nach Nordamerika, Asien und in den Nahen Osten! (Austrian Airlines);* ***Südtirol sucht*** *Naturtalente.* ***Südtirol sucht*** *dich. (Südtirol);* ***Einfach*** *anders.* ***Einfach*** *clever. (Neckermann Reisen);* ***Dein*** *Sommer.* ***Deine*** *Airline. (Airberlin);* синтаксические повторы *(****Südtirol sucht Feingeister. Südtirol sucht dich.*** *(Südtirol);* ***Neuer Sommer. Neue Ziele.*** *(Eurowings);* ***Zeit für München. Zeit für Kultur.*** *(München Tourismus);* ***Reinkommen, reinlesen und abreisen!*** *(Reisebüro Thomas Cook).* Такого рода повторы являются важнейшим фактором ритмообразования, обладают глубоким смысловым и эмоциональным потенциалом, актуализируют ключевые смыслы, релевантные для понимания того или иного сообщения, делают высказывание более выразительным и запоминающимся.

Одним из продуктивных способов усиления перлокутивного эффекта в туристических рекламных текстах является также парцелляция – средство экспрессивного синтаксиса, направленное на акцентуацию ремы исходного сообщения путем отчленения от базовой части предложения парцеллята. Парцеллированные конструкции легко выделяются из общего информационного потока, создают «эффект замедленного кадра» (Сковородников 1981), акцентируют внимание на наиболее важных деталях общей картины. Ср.: *Jede Reise beginnt mit dem ersten Schritt.* ***Ins Reisebüro****. (FTI Touristik); Die Lichter der Großstadt.* ***Zum Greifen nah.*** *(sonnenklar.tv Reisebüro); Auf unsere Gipfel schaffen es auch Städter.* ***Dank 670 Bergbahnen.*** *(Coopzeitung&Freizeit).*

В туристических рекламных текстах реализуется также категория диалогичности, основными способами выражения которой являются вопросительные предложения и вопросно-ответные комплексы. Ср.: *Last Minute in den Urlaub? (Neckermann Reisen); Fieber statt Reisefieber? Planänderung? Für uns kein Problem! Flexibel umbuchen bis 10 Tage vor Reiseantritt. (FlexOption); Lust auf Gran Canaria? Jetzt buchen. (Neckermann Reisen); Reisen wie für mich gemacht! Genug vom Alltag? Jetzt Ihre Traumreise buchen. Bis zu 70% günstiger (TravelBird); Zur Siesta? Zur Fiesta? Nach Palma! (Austrian Airlines).* Маркеры диалогичности весьма эффективны, поскольку позволяют управлять вниманием реального или воображаемого адресата, создают впечатление непринужденного, дружеского общения с реципиентом, придают высказыванию разговорную тональность, простоту и ясность.

Одним из приемов речевого воздействия в туристических рекламных текстах является также антитеза, основанная на реализации идеи контраста путем противопоставления понятий и образов, что позволяет выгодно подчеркнуть преимущества рекламируемых туристических продуктов. Ср.: ***Heute hier*** *–* ***morgen dort.*** *(Lidl Reisen);* ***Riesen****spass zum* ***Zwergen****preis! Neckermann macht's möglich. (Neckermann Reisen); Meerurlaub.* ***Mehr*** *Extras.* ***Weniger*** *zahlen. (Seetours); Die* ***weite*** *Welt für* ***schmales*** *Geld. Das ist die neue Eurowings. (Eurowings); Reisen: Es macht dich erst* ***sprachlos*** *... und dann zum* ***Geschichtenerzähler****. (Ab-in-den-Urlaub).*

Для рекламных текстов туристической направленности характерно также использование окказиональных слов, характеризующихся, как правило, одноразовостью употребления. Оригинальные и необычные окказионализмы привлекают внимание реципиента и легко запоминаются. Окказиональная инновация позволяет не только точно и лаконично сформулировать мысль, выразить свое отношение к предмету сообщения и избежать тавтологии (ресурса узуальных слов может быть недостаточно), но и способствует деавтоматизации восприятия рекламного сообщения, поскольку благодаря необычному облику слова внимание реципиента акцентируется на его семантике (Бабенко 2003: 150). Ср.: *Für weniger* ***Urlaubslosigkeit*** *(easyJet); Flieger sucht* ***Überflieger*** *(Eurowings); Erst buchen, dann* ***palmen*** *(Schauinsland-Reisen).* Рассмотрим также следующий пример: *Willkommen,* ***Wenigflieger****! Gib mir einen Namen und gewinne 10.000 Mailer. (Airberlin)* (Рис. 1). В данном рекламном сообщении используется не только окказиональное слово *„Wenigflieger“,* но и метафора, представленная иконическим компонентом – изображением страуса, уникальной по своей природе

птицы, не умеющей летать. Именно с этой птицей в данном рекламном тексте сравниваются люди, мало путешествующие на самолетах.

Наряду с окказиональными словами в современном рекламном тексте употребляются также и контаминации, обогащающие текст дополнительными смыслами благодаря «сплаву» двух слов или частей слов, что порождает более сложное по форме и содержанию контаминированное новообразование. Кроме этого, данный стилистический прием придает тексту особую выразительность и способствует созданию комического эффекта. Ср.: ***Dubrovenedig****? (easyJet) (Dubrovnik + Venedig).*

Одним из продуктивных стилистических приемов в рекламных текстах туристической направленности является также игра слов – прием, основанный на обыгрывании значений многозначных слов, омонимов и паронимов. Порождаемая таким образом двусмысленность нарушает стандартность текста, придает ему оригинальность и экспрессивность. Ср.: *Keine* ***Ziele*** *im Leben? Weil wir dich fliegen. Jetzt 48 Destinationen ab Berlin. (easyJet).* В данном рекламном тексте обыгрываются значения многозначного слова *„Ziel“*: 1. Punkt, Ort, bis zu dem jemand kommen will, den jemand erreichen will; 2. etwas, worauf jemandes Handeln, Tun o. Ä. ganz bewusst gerichtet ist, was jemand als Sinn und Zweck, angestrebtes Ergebnis seines Handelns, Tuns zu erreichen sucht (Deutsches Universalwörterbuch 2001: 1765).

Анализ фактического материала позволил выявить также яркие примеры стилизации рекламных текстов под другие жанры. Так, для реализации рекламных стратегий авторы следующих сообщений обращаются к жанрам «объявление» и «поздравительная открытка» и оформляют информацию в соответствии с их характерными особенностями (сжатое изложение информации, композиционная структура текста, типичные языковые средства и т.д.). Ср.: *Kreuzfahrer gesucht! 265 Traumschiffe bereit zum Auslaufen. (sonnenklar.tv Reisebüro); Liebe Susanne, zu Deinem Geburtstag wünsche ich Dir alles Liebe & Gute und freue mich auf ein Wochenende mit Dir in Wien. Du bist herzlich eingeladen. Von Thomas (Niedermayer Reisen).*

Таким образом, в целях эффективного воздействия на потенциального реципиента в немецкоязычных текстах туристической рекламы широко используется целый арсенал выразительных разноуровневых языковых средств, реализующих такие категории, как образность, эмоциональность и положительная оценочность. Оригинальные лингвостилистические приемы, участвующие в создании аттрактивного образа рекламируемого туристического объекта, способствуют выразительности рекламного сообщения, создают положительный эмоциональный фон и наилучшим образом воздействуют на эмоционально-чувственную сферу потенциального клиента, побуждая его тем самым приобрести рекламируемый туристический продукт.

Библиографический список

1. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие [Текст] / Н. Г. Бабенко. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003.
2. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь [Текст] / В. П. Москвин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
3. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования [Текст] / А. П. Сковородников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981.
4. Deutsches Universalwörterbuch [Text] / Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 2001.
5. Hawkins S A. Low-involvement learning: Memory without evaluation. Journal of Consumer Research [Text] / S.A Hawkins, S.J. Hoch. 1992. 79. P. 212-225.

Кирколуп О. В., г. Барнаул, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ПРОТЕСТОВ В СМИ

Аннотация. Данная статья рассматривает публикации в СМИ, в частности в интернет-изданиях современной периодической печати РФ, посвященные протестным акциям против пенсионной реформы 2018 года. Автор статьи проводит анализ языковых средств и стилистических приемов, используемых авторами масс-медиа для описания протестных акций в изданиях, направленных на «образцовую среду», и в изданиях, направленных на «простого человека», согласно типологии Т. Л. Каминской. Статья выделяет языковые средства, характерные для двух типов изданий, а также приводит сходства и различия в описании протестов авторами публикаций в этих изданиях, способствующих медиатизации читателя и формированию его медиареальности.

Ключевые слова: медиатизация, медиареальность, протестная акция, языковые средства.

LINGUISTIC MEANS USED TO DESCRIBE PROSPECTS IN MASS-MEDIA

Abstract. The article deals with the mass-media publications, particularly with the Russian Federation modern periodical Internet editions publications concerning protests against the pension reform of 2018. The author analyses linguistic means and stylistic figures used by the authors of the publications to describe protests in the editions aimed at an «optimal audience» and at an «ordinary man» according to T. L. Kaminskaya's typology. The article gives linguistic means and stylistic figures specific for the two given editions types, and it also gives the similarities and the differences in the way of describing protests by the publications authors that contributes to the reader's mediatization and his mediareality formation.

Keywords: mediatization, mediareality, protest, linguistic means.

Любая деятельность в современном обществе (политическая, социальная, культурная и другие) встречает поддержку или противодействие. Во все времена люди стремились выражать свое мнение касаемо различных событий в их жизни радостных или грустных, шокирующих или умиляющих. Чаще всего это происходило невербально, эмоционально, но с появлением письменности и ее распространением человеку стали доступны языковые средства, которые он пытается совершенствовать, делая их все более экспрессивными. Периодическая печать, по большей части, призвана к описанию событий в жизни общества в нейтральном стиле, журналист должен стараться не выходить за событийные рамки (в частности, в информационной статье), оставаться максимально непредвзятым, тем не менее, его труд призван для того, чтобы заинтересовать читателей, рядовых обывателей, тех, кого интересуют факты. Современная периодическая печать, как и все средства массовой информации, рассматривается лингвистами, социологами, политологами и когнитологами как источник особых текстов, именуемых в современной науке медиатекстами. Это понятие возникло в силу взаимодействия читателя с реальностью массмедиа в режимах off-line и on-line, подобного рода реальность возникает как «вторичный» мир основных концептов и знаков известных читателю и ранее, закрепленных в его сознании, связанных с конкретными значениями и имеющимися смыслами.

В данной статье нами рассматриваются профессиональные журналистские интернет-тексты, веб-публикации документально-публицистического характера на общественно-политическую, социально-проблемную и культурологическую тематики в силу своей общедоступности и более значимого охвата аудитории (Красноярова 2015: 90-91). Эти медиатексты участвуют в процессе медиатизации сознания читателя, формируя его специфическую медийную картину мира. Можно сказать, что аудитория подвержена влиянию СМИ и познает события, явления и факты окружающей дествительности через призму медиаобразов этих событий, явлений и фактов, созданных масс-медиа в процессе медиатизации (Русакова 2010: 231).

В силу все большего распространения СМИ в сети Интернет и в связи с глобализацией информационная составляющая деятельности людей выходит на первое место (Ершова 1999: 2). Масс-медиа являются главным инструментом воздействия на читателя, а, следовательно, и на общественное мнение в целом. Любая информация, получаемая индивидом извне, интерпретируется СМИ, формирующими так называемую «реальность второго порядка – медиареальность» (Рогозина 2003: 2). Говоря о медиареальности, стоит упомянуть, что масс-медиа рассматривают и обсуждают события и явления разной природы, но естественным образом, широкому изучению подвергаются «аттрактивные зоны», те, что привлекают внимание адресата по причине своей неопределенности, актуальности, распространенности, а также необходимости быстрого и надлежащего решения возникшей в обществе проблемы. Одной из таких «аттрактивных зон» являются протесты. Термин «протест» может выражать разные понятия – «негативизм», «отрицание», «бунт», «сопротивление», «неповиновение», «опровержение», «неприятие», «интолерантность», «антагонизм», «оппозиционность», «конфронтация» и др. Толковый словарь С. И. Ожегова объясняет слово «протест» как «решительное возражение против чего-нибудь» (Ожегов 2007: 809).

В данной статье мы остановимся на языковых средствах описания протестов в СМИ. В качестве материала, на основе которого и будет производиться лингвистический и стилистический анализ, возьмем статьи, описывающие акции протеста в интернет-изданиях, направленных на «образцовую среду» (издание «Коммерсантъ» и газета «Ведомости») и на «простого человека» (газеты «Комсомольская правда» (КП), «Аргументы и факты» (АиФ)) (Каминская 2008). Именно эти издания имеют наибольший тираж, а в нашем случае, посещаемость одноименных им веб-сайтов, что

покажет наиболее распространенные языковые средства, используемые для описания протестов в СМИ, посвященные протестным акциям против пенсионной реформы в Российской Федерации.

Начнем с изданий, ориентированных на «образцовую среду» или на средний класс, которые активно описывают происходящие протестные события, предъявляя читателю объемные статьи с оригинальными названиями и богатой лексикой. Протест называют следующими именами *акция / митинг / протестная акция / шествие / пикет / пикетирование / марш протеста / шествие / протестный пояс / пешая экскурсия / «встреча с избирателями» / мероприятие*. Выбор того или иного названия редко зависит от его размеров или отношения автора / издания к происходящему, а скорее обусловлен необходимостью варьировать языковые средства, в том числе, используя синонимы, во избежание чрезмерного повторения одного и того же слова «протест».

Проводя дальнейший анализ этих массмедийных статей, можно заметить, что протест наделяется различными признаками, в зависимости от его природы, многочисленности, организованности, продолжительности и пр.: *согласованный, самый массовый, активный, пенсионный, большой, общероссийский, социальный, прошедший без нарушений, несанкционированный, левопопулистский, очередной, всероссийский, решительный, гражданский, профсоюзный, предыдущий, эмоциональный, несогласованный, публичный, вторая волна, третий*.

Кроме того, протест всегда кем-то организован и воплощен в жизнь: *многочисленные молодые люди в футболках с Че Геварой и надписями Revolution, участники митинга/человек/граждане, организатор митинга, сменявшие друг друга ораторы, толпа, заявители, участники, системная оппозиция с внесистемной, митингующие, активисты, протестующие, горожане, противники, собравшиеся, оппозиция, политические партии и профсоюзы*.

Во время проведения протестных акций их участники следуют определенным правилам поведения: *подают заявки, приходят, организовывают, открывают, возмущаются, сетуют, выступают, укладываются в определенное время, вызывают аплодисменты и возгласы одобрения, готовят резолюцию, выражают, призывают, скандируют, демонстрируют, участвуют, объединяются, отвечают, собирают подписи*.

Для сохранения и передачи аутентичности атмосферы, царящей на месте протеста, авторы приводят их непосредственные атрибуты – лозунги / надписи на плакатах: *«Правительство в отставку!», «Это не наша власть, пошли вон!» «Мы россияне, а не каторжане», «Если меньше воровать, денег будет всем хватать», «Повышай качество жизни, а не пенсионный возраст», «Почему не 90?», «Сто пенсионеров не прокормят одного коррупционера», «До пенсии не доживу, а до смены власти – обязательно», «Повышение пенсионного возраста – это геноцид народа», «Коррупция ворует пенсии», «Родился – потерпел – умер – пенсия», «Не лезьте в наши карманы», «Нет повышению пенсионного возраста», «Здоровье и жизнь нации в опасности!», «Требуем остановить обнищание народа», «Хватит воровать наше будущее», «Правительство Медведева в отставку», «Пенсии важнее футбола», «Хотим жить на пенсии, а не умереть до», «Не доживу до пенсии», «Правительство Медведева в отставку», «Путин, кончай пахать на галере! Не дай Медведеву уничтожить пенсионеров!»*. Лозунги, составленные митингующими, носят эмотивный характер, представляют собой саркастические каламбуры, риторические вопросы, противопоставления, метафоры. Указываются также прочие атрибуты митингующих: многочисленные знамена предприятий, красные карточки, флаги, песни «Вихри враждебные веют над нами» и «Вставай, страна огромная», партийные флаги, копии Знамени Победы.

Авторы изредка прибегают к стилистическим приемам (олицетворение или метафора): *гайд-парк окрасился красным, протест не ждет конца чемпионата, Чемпионат мира по футболу не затмил пенсионную реформу, протест на обочине, география недовольства*.

Приведем также анализ интернет-ресурса КП как издания, направленного на «простого человека», поскольку АиФ не приводит ни одной статьи, посвященной протестным акциям против пенсионной реформы. Следует отметить, что КП приводит практически тот же, хотя и значительно более бедный выбор лексем для обозначения протестных акций, их участников, организаторов и атрибутов, что и «Коммерсант», и «Ведомости», что объясняется тем, что «простой человек» не знает многих политических и экономических терминов, поэтому язык, используемый авторами статей этих изданий очень простой. Протест описывается и характеризуется авторами как *полноценный или же незаметный и плохо организованный, даже с организацией мероприятия на нулевом уровне, плохо работающий мегафон, а вот лозунги громкие, внятные, воинственные*. Можно заметить, что авторы не уточняют политическую принадлежность участников акции, разве что указывают партии широко известные народу, не называются персоналии, являющиеся организаторами этих акций, так как народу они все равно не знакомы. Однако авторы статей указывают на возрастные и национальные

категории митингующих: *люди в возрасте, так и молодежь, от школьников до пенсионеров, с китайским колоритом*. Указывается также время проведения митинга и его длительность: *в 15:00, продлился два с половиной часа*. Участники акции / митингующие *выражали свое недовольство, сбивчиво рассказывали о геноциде, «светили» плакатами и требовали отставки правительства, «оккупировали» памятник борцам, продолжали митинговать с выступлением и кричалками, критиковали власти и в то же время вели себя спокойно*. В приведенных примерах можно проследить употребление сниженной лексики, используемой для того, чтобы сделать текст более доступным к пониманию «простым человеком». При знакомстве со статьями можно заметить постоянную смену настроений на акциях, своего рода контрасты, митинг из спокойного превращается в воинственный.

Атрибуты акции протеста – *лозунги, плакаты, протестные листки, кепки с надписями и соответствующих цветов, «растяжки»*, все это лексические средства, понятные простому читателю без специальной подготовки, используются жаргонизмы понятные всем. Лозунги, представленные в статьях, названы авторами простыми и понятными: *«Я против повышения пенсионного возраста» и «Куда уйдет моя пенсия?», «ЛДПР против повышения пенсионного возраста», «До пенсии доживут только чиновники», «Сначала рабочие места, а потом пенсионная реформа», «За что нам дали 8 лет?»*. Явно прослеживается простота лозунгов, нет никакой игры слов, четко видна социальная разница между людьми с плакатами и теми, кто проводит реформу.

Для усиления эффекта эмоциональности и аффективности авторы использовали описание места проведения акции: *на фоне гигантского Ленина*, как бы намекая на революционный настрой в народе, уточняя, в то же время, что акция протеста была *воспринята туристами как развлечение*.

Таким образом, проводя сравнение всех статей, можно сделать вывод, что используемые языковые средства зависят от того, на какого читателя ориентированы издания и какой цели добивается автор – просто проинформировать читателя или же выразить свою точку зрения и свое видение проблемы в случае обзорной аналитической статьи. Выбор языковых средств и стилистических приемов зависит от уровня подготовки читателя, к примеру, «образцовый читатель» может с легкостью прочитать слова на иностранном языке без их перевода на родной язык. В то же время издания для «простого человека» изобилуют жаргонизмами и разговорными выражениями, которые не всегда будут понятны «образцовой среде». Эта статья все же не дает полной картины описания протестных акций, поскольку в ней были рассмотрены лишь языковые средства, для более подробного исследования стереотипов и когнитивов необходимо проводить лингвокогнитивный анализ большего количества публицкаций на заданную тему. Также дальнейшее изучение проблемы описания протеста в СМИ и анализа процесса медиатизации протеста следует прибегнуть к контент-анализу газетных публикаций на тему протеста.

Библиографический список

1. Ершова Т. В. Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века [Текст] / Т. В. Ершова // Вестник РФФИ. 1999. № 3 С. 1-12

2. Каминская Т. Л. Адресат газетного текста: опыт типологии [Текст] // Вестник С-Пб. гос. ун-та. Сер. 9. СПб, 2008. Вып. 1. Ч.II. С. 305-312.

3. Красноярова О.В. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий [Текст] / Т. Л. Каминская. // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 1. С. 85–100

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Текст] / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, Мир и Образование. 2007

5. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: монография [Текст] / И. В. Рогозина. Москва; Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003.

6. Русакова О. Ф. Современная политическая философия: учеб. пособие [Текст] / О. Ф. Русакова Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та. 2010.

Периодические интернет-издания:

1. Аргументы и факты URL: http://www.aif.ru/
2. Ведомости URL: https://www.vedomosti.ru/
3. Коммерсант URL: https://www.kommersant.ru/
4. Комсомольская правда URL: https://www.kp.ru/

Манухина И. А., г. Барнаул, Россия

МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается манипулирование как разновидность речевого воздействия. Автор сравнивает понятия манипуляции (манипулирования) и речевого воздействия, анализируя разновидности речевого воздействия, основанные на различных признаках и параметрах. Использование манипулятивного речевого воздействия рассматривается на примере художественного и креолизованного текстов.

Ключевые слова: манипулирование, речевое воздействие, интенция, речевые приемы.

MANIPULATION AS A KIND OF SPEECH INFLUENCE

Abstract. The paper is devoted to manipulation as a kind of persuasion. The author compares the concepts of manipulation and persuasion, analyzes the types of persuasion based on various features and parameters. Fictional and creolized texts are taken as the illustration of persuasion.

***Keywords*:** manipulation, speech influence, intention, speech strategies.

В последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению манипуляции и способам речевого воздействия, которые отражают происходящие в современном обществе социальные, политические и экономические процессы. Так, с развитием общества и распространением идей о его гуманизации появилась потребность «убеждать широкий круг лиц, неравных друг другу по уровню образования, культуры и т.д., но требующих равного отношения. В демократических государствах стало необходимо убеждать при выборах, в условиях плюрализма мнений и политической жизни, в условиях политической борьбы – политикам стало необходимо учиться убеждать людей в своей правоте» (Стернин 2001: 58-59). Иными словами, с развитием общества появилась потребность в многочисленных способах и приемах воздействия и управления другими людьми.

С точки зрения психологии, манипуляция представляет собой «вид психологического (нефизического) воздействия на человека, осуществляемого скрытым для него образом с целью побуждения у этого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. В результате чего воздействующий субъект получает одностороннюю выгоду, при этом у объекта воздействия остается иллюзия самостоятельности принятых решений» (Денисюк 2003: 8).

В лингвистике манипуляцию или манипулирование исследователи изучают как разновидность речевого воздействия (Л. Г. Навасартян, И. А. Стернин, Г. А. Копнина, Е. В. Денисюк и др.). По мнению И. А. Стернина, сознательность или бессознательность действий адресата является тем признаком, в соответствии с которым следует разграничивать понятия речевого воздействия и манипулирования: «Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д. А манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» (Стернин 2001: 67-68).

Существует несколько классификаций речевого воздействия, основанных на различных признаках и параметрах.

В зависимости от характера используемых средств общения речевое воздействие рассматривают как вербальное, в процессе которого используются языковые средства общения, и невербальное, осуществляемое при помощи нелингвистических средств, таких как мимика, тембр речи, жесты, позы, внешность говорящего и т.д.

Отдельно стоит сказать о креолизованных текстах, включающих в себя как вербальную часть (текст, надписи, подписи), так и невербальную или иконическую, визуальную часть (иллюстрации, фотографии, схемы, таблицы, формулы, мемы и т.д.) При этом общий смысл текста складывается из содержания обеих частей (Удод 2013: 99).

С учетом направленности на адресата речевое воздействие может быть как социально, так и личностно ориентированным, соответственно направленным на группу людей или на отдельную личность (Леонтьев 1997, Беседина 2012).

Характер взаимодействия субъекта с объектом превращает воздействие в прямое или косвенное. В процессе прямого воздействия говорящий открыто выражает свои намерения адресату как объекту воздействия. Так, например, глагол в повелительном наклонении может быть использован для выражения побуждения. Во время косвенного воздействия говорящий не проявляет свои

истинные цели, употребляя языковые средства в их непрямом значении (Гришечко 2008, Кремнева 2017, Навасартян 2017).

В соответствии с целями и отношением к адресату разграничивается манипулятивное и неманипулятивное речевое воздействие. Манипулятор в своем стремлении добиться необходимого ему результата, не пытается учитывать интересы адресата, но и не вступает в открытое противодействие с собеседником (Денисюк 2003).

Степень осознанности говорящим своих речевых действий делает воздействие намеренным (интенциональное) и ненамеренным (неинтенциональное). В процессе ненамеренного речевого воздействия коммуникант, имея в наличии мотив для своих речевых действий, все же не до конца осознает как цель, так и способы для ее достижения (Иссерс 2008: 26).

В рамках прагмалингвистического подхода разновидности речевого воздействия рассматриваются в соотношении с типологией речевых актов. В зависимости от намерений говорящего выделяются такие разновидности речевого воздействия как оценочное, социальное, эмоциональное воздействие, разъяснение, волеизъявление и информирование (Навасартян 2017, Манухина 2017, Федорова 1991).

Манипулятивное речевое воздействие может быть исследовано как с позиции межличностного общения, так и в рамках массовой коммуникации. На примере речи персонажей художественных произведений, можно рассмотреть, как осуществляется манипуляция в межличностной коммуникации.

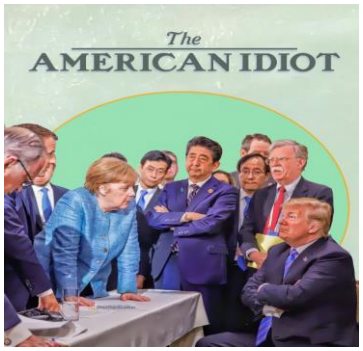
"Mr. Grimes..." She turned toward me, *a little cool smile on her lips*. "You're not in the mess here in Washington. You represent *the pure, undefiled American public* here tonight. *Let's hear the simple wisdom of masses*..."

"Evelyn," Hale said warningly. I half-expected to hear him say, "Remember, he's our guest." But he let it go with the "Evelyn" (Shaw 1976: 86-87).

Местом действия является светский прием, где большинство присутствующих гостей принадлежат к «политической элите» страны. Большинство присутствующих – мужчины, обстановка – вежливая и нейтральная. Неожиданно, в нарушении всех правил этикета и законов гостеприимства, женщина, занимающая высокий пост в министерстве обороны, намеренно дискредитирует и унижает одного из гостей. Тот факт, что этот гость обладает более низким социальным статусом, чем все присутствующие и не вращается ни в политической, ни в экономической сфере, позволяет сделать его объектом для столь изощренной и унизительной шутки. Широко используемые автором речевые тактики дискредитации и приемы манипулятивного речевого воздействия в речи персонажей, позволяют усилить эффект воздействия на читателя.

Женщина намеренно выделяет этого мужчину из числа остальных гостей, как не принадлежащего к данному кругу – *the pure, undefiled American public, the simple wisdom of masses*. Она намеренно выделяет его как чужака, как бы призывая всю группу сплотиться против него (тактика «свой-чужой»). Ее речь выстроена в соответствии с канонами публичного выступления. Целью столь обильного использования экспрессивных оценочных прилагательных – *pure, undefiled,* газетных штампов – *American public, wisdom of masses* (тактика «навешивание ярлыков»), вовлечения слушающих в непосредственное участие в дискуссии – *Let's hear* является максимально возможное воздействие на эмоции присутствующих. Как настоящий политик, она не имеет права проявлять свои эмоции, потому позволяет себе лишь небольшое мимическое проявление раздражения – *a little cool smile on her lips.*

Несмотря то, что имеет место нарушения законов гостеприимства, о чем хозяин дома фамильярно предупреждает ее – Evelyn, Remember, he's our guest, присутствующие на приеме гости одобряют ее поведение. Таким образом тактики, которые являются оскорбительными и дискредитирующими по отношению к одному гостю, становятся тактиками сотрудничества, способствующими сплочению всех остальных присутствующих.

Столь жесткое речевое поведение героини объясняется несколькими причинами. Занимая высокий пост в министерстве обороны, ей необходимо позиционировать себя как опасного противника, имеющего острый язык и железную хватку. Для достижения этой цели ей необходимо ликвидировать все имеющиеся гендерные барьеры и стереотипы и приравнять себя к коллегам-мужчинам. Кроме того, как бы желая заранее предотвратить появление возможных сплетен, Эвелин своим дерзким поведением как бы пытается стереть сам факт проявленной ей слабости, ту ночь любви, которая случилась между ней и оскорбляемым молодым человеком (Манухина 2006: 92-93).

В качестве примера использования манипулятивного воздействия в рамках массовой коммуникации хочется привести мем, как пример креолизованного текста, который появился в сети интернет после саммита «Большой семерки» в Квебеке, когда Дональд Трамп отозвал свою подпись на итоговом коммюнике. Пользователи сети стали придавать изображению новые смыслы и посылы, добавляя новые цвета, заголовки и фразы к фото, которое Ангела Меркель выложила в своем инстаграмме.

Как и в предыдущем отрывке из художественного текста, в данном примере также имеет место использование дискредитирующих приемов и тактик, позволяющих исказить информацию и придать ей дополнительный оценочный смысл. Противопоставление «свой - чужой», навешивание ярлыка *The American Idiot,* где существительное *idiot* имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, прилагательное *American* указывает не только на национальную принадлежность отдельного человека, но и на политику государства в целом – все это позволяет автору мема донести до читателей его собственную характеристику участников события в эмоционально окрашенной форме. Намеренное усиление контрастности снимка, стилизация изображения под обложку художественного произведения – все это призвано еще больше усилить силу воздействия данного мема на восприятие читателя.

Манипулирование, как разновидность речевого воздействия обладает скрытым характером воздействия на адресата, побуждая его воспринимать информацию в соответствии с целями и намерениями манипулятора. Осуществляется манипулятивное речевое воздействие посредством использования целого комплекса языковых средств и речевых приемов, оказывающих необходимое говорящему воздействие на адресата.

Библиографический список

1. Беседина В. Г. Влияние ювенального медиатекста на сознание подростка [Текст] / В. Г. Беседина // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2012. С. 35-39.
2. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия [Текст] / Е. Г. Гришечко // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53-59.
3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации [Текст] / А. А. Данилова. М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2011.
4. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект [Текст]: дис... канд. фил. наук / Е. В. Денисюк. Екатеринбург, 2003.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. М.: Едиториал УРСС, 2008.
6. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Навасартян. Ульяновск, 2017.
7. Копнина Г. А. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Текст] / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. С. 458-459.
8. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие [Текст] / Г. А. Копнина. М.: Флинта, 2012.
9. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры [Текст] / А. В. Кремнева. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики [Текст] / А. А. Леонтьев. М.: Смысл, 1997.
11. Манухина И. А. Гендерные преференции в выборе стратегий и тактик речевого поведения (на материале диалогов современной американской литературы) [Текст] / И. А. Манухина // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. С. 18-21.
12. Манухина И. А. Стратегии речевого поведения мужских и женских персонажей современной американской литературы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Манухина. Барнаул, 2006.
13. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие [Текст] / И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2001.
14. Удод Д. А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста [Текст] / Д. А. Удод // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф., Уфа, январь 2013 г. Уфа: Лето, 2013. С. 97-99.

Коломейцев Е. А., г. Новосибирск, Россия

КРИПТОТИПЫ И ИХ ВАРИАТИВНОСТЬ В ШИРОКИХ КОНТЕКСТАХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аннотация. В статье исследуются криптотипы и их вариативность в британских и американсих СМИ, анализируется взаимосвязь данного лингвистического феномена и параметра частотности (*frequency*) на базе различных контекстов из англоязычной прессы, фигурирующих в Британском и Американском национальных корпусах. Мы исследуем связь классических моделей речи с новыми тенденциями, которые возникают в английском языке и являются следствием происходящих в обществе изменений. На основании проведённого анализа делается вывод о том, что существующие правила речи не противоречат новым тенденциям, а, в свою очередь, являются основой для возникновения новых высказываний, характерных для широких контекстов современного английского языка.

Ключевые слова: криптотип, криптотипия, частотность, *that*, *this*, местоимение, робот, контекст.

CRYPTOTYPES AND THEIR VARIABILITY IN THE WIDE CONTEXTS OF THE BRITISH AND AMERICAN MEDIA

Abstract. The article dwells on the issue of cryptotypes and their variability in the British and American mass media. The author analyzes the interconnectivity of this phenomenon with "*frequency*" parameter on the basis of various contexts from the English-speaking press in the British and American national corpuses. We explore the connection of classical speech patterns with the new strides that appear in the English language due to the changes happening in the society. On the basis of the performed analysis we come to the conclusion that the existing speech models do not contradict new tendencies, but, on the contrary, serve as the basis for the emergence of new statements that are quite typical of broad contexts in the modern English language.

Keywords: cryptotype, cryptotypic meaning, frequency, *that*, *this*, pronoun, robot, context.

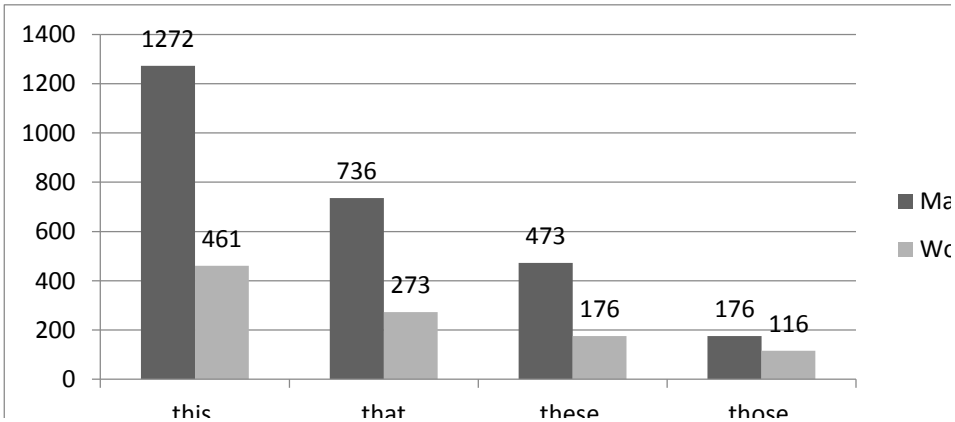
Современное явление криптотипии, проявляющееся в контексте динамично развивающейся темы «Искусственный Интеллект», на сегодня остается неисследованной областью для лингвистов. Безусловно, первопричиной данного пробела является новизна как самой области знаний, так и средств языка, применяемых для обозначения еще недавно казавшихся революционными реалий. Теоретические обоснования работы базируются на исследованиях ученых, проведенных еще в прошлом веке. Для материала статьи были выбраны статьи из популярных изданий прессы Великобритании и США, так как именно в публицистических текстах представляется возможным найти истинные примеры грамматически актуальной речи, которая лишена и излишнего формализма научных публикаций, и сленгового налета разговорной речи.

Итак, говоря о самом термине «криптотип», который впервые был предложен Б. Уорфом, мы придерживаемся мнения о том, что он «чаще всего выражен при помощи специальной морфемы или особой модели предложения, но только в некоторых случаях и вовсе не во всех предложениях, где представлен член данной категории» (Есперсен: 47).

В ходе проведенного исследования феномена криптотипии нами были рассмотрены криптотипы Б. Уорфа и М. Сводеша в Британском национальном корпусе современного английского языка в соотнесении с параметром частотности употребления (frequency) в различных словосочетаниях с последующей систематизацией результатов. Анализ частотности использования криптотипа пространственных отношений в Британском национальном корпусе, выражаемого с помощью указательных местоимений this/these-that/those, демонстрирует преимущественное выражение идеи приближенности в английском языке в конструкциях с их использованием. Рассмотрим это на примере словосочетаний this/that man, these/those men, this/that woman, these/those women (см. Рис. 1).

Рисунок 1.

Частотность использования именных конструкций с указательными местоимениями, выражающими категорию пространства (На основании исследования параметра frequency в Британском национальном корпусе (British National Corpus))

Данные Рисунка 1 демонстрируют более высокую частотность употребления словосочетаний с указательными местоимениями, имеющими семантический признак близости.

Стоит отметить, что современное явление глобализации, связанное с корреляцией народов различных культур, из разных геополитических реалий, с различным менталитетом, имеет четко выраженный лингводидактический аспект. Его влияние проявляется в широком появлении заимствований и изменении языков. Например, в английском языке при формировании предложений с использованием традиционных знакомых слов применение местоимения, которое указывает на расположение объекта в пространстве, понятно и обосновано, но в случае применения заимствованных или новых слов и понятий использование таких частей речи происходит интуитивно. И ярким примером этому явлению служат тексты, где речь идет об Искусственном Интеллекте. Сегодня роботы, машины и дроны не воспринимаются человеком как нечто новое, что пришло из мира фантастики. Такой вывод сделан на основании анализа британской прессы, публикаций о роботах и искусственном интеллекте. В газетных заметках авторы уже не употребляют местоимение «*that*», которое было уместно для обозначения неодушевленных диковинных машин, а все чаще используют «*this*». Таким образом, видно, что роботы – часть современной жизни, даже с характеристиками живого человека.

Показатель частотности в Британском национальном корпусе (British National Corpus): «*that* robot» – 0,02, а «*this robot*» – 0,04, что опять же свидетельствует о том, что роботы – не фантастическая новинка, а одна из особенностей современности. Далее рассмотрим статью «Ban on killer robots urgently needed, say scientists» (“Срочно необходим запрет на создание роботов-убийц, говорят ученые”), которая была опубликована в журнале “The Guardian” (The Guardian 2017).

*“Technology now exists to create autonomous weapons **that** can select and kill human targets without supervision as UN urged to outlaw them.” (The Guardian 2017) - «В настоящее время существует технология создания автономного оружия, которое может самостоятельно выбирать и поражать объекты без наведения их человеком, ООН призвала объявить их вне закона.* [Перевод автора]

*“The movie portrays a brutal future. A military firm unveils a tiny drone **that** hunts and kills with ruthless efficiency. But when the technology falls into the wrong hands, no one is safe. The short, disturbing film is the latest attempt by campaigners and concerned scientists to highlight the dangers of developing autonomous weapons **that** can find, track and fire on targets without human supervision. They warn that a preemptive ban on the technology is urgently needed to prevent terrible new weapons of mass destruction.” [10] - В фильме изображено жестокое будущее. Военная фирма показывает нам крошечный дрон, который охотится и эффективно поражает цели. Но как только данная технология попадает в чужие руки, весь мир оказывается в опасности. Короткий, весьма тревожный фильм - последняя попытка компаний и неравнодушных ученых подчеркнуть опасность развития автономного оружия, которое может находить, отслеживать и стрелять по целям без управления человеком. Они предупреждают, что для предотвращения ужасного нового оружия массового уничтожения срочно требуется превентивный запрет на технологию.* [Перевод автора]

Также обратимся к материалу ещё одной статьи в газете «The Guardian».

Sophia the robot (робот София)

*“**This** tall, bald humanoid robot won over Piers Morgan when she appeared on Good Morning Britain, prompting him to ask: “Are you single?” The bot batted away his advances and demonstrated a good command of language. How many of her responses are generated by AI or by a man behind the curtain is a moot point. While she’s intellectually accomplished, Sophia has only just learned to walk – last month*

she demonstrated her first pair of legs." (The Guardian 2018) – Этот высокий лысый гуманоидный робот обыграл Пирса Моргана, когда она появилась на его передаче. На его вопрос: «Вы одиноки?», она продемонстрировала хорошее владение языком. Генерируются ли ее ответы искусственным интеллектом или вложены в ее память разработчиками, является спорным вопросом. Пока она интеллектуально совершенна, София только что научилась ходить – в прошлом месяце она продемонстрировала свою первую пару ног. [Перевод автора]

Luka the owl (Лука Сова)

"Although many would argue that reading to your children is one of parenthood's greatest pleasures, ***this*** *Chinese robot owl can do the job for you. Arriving in US shops later this year, the bird can read from a database of 50,000 books, though it sounds a little like a stoned David Mitchell (The Telegraph, 2016). - Хотя многие утверждают, что чтение детям является одним из величайших удовольствий родителя, эта китайская робот-сова может выполнить эту работу за вас. С появлением в магазинах США в конце этого года птица может читать до 50 000 книг из базы данных, хотя звучит это, как чтение Дэвида Митчелла.* [Перевод автора]

Принимая во внимание феномен криптотипии в данном случае, мы делаем вывод о том, что, если абстрагироваться от грамматической функции слова "that" в параграфах статьи, криптотипическое значение «удалённости» в пространстве, выраженное криптофонемой [æ] в данном случае свидетельствует о дальности объекта (искусственного интеллекта) от повседневного быта. Но если внимательно исследовать временной период употребления указательных местоимений «*this* и *that*», то мы выявляем, что местоимение «*that*» по отношению к роботам характерно для статей, которые были опубликованы 10-15 лет назад. Для современной прессы, описывающей объекты, наделенные искусственным интеллектом не как нечто отдаленное, а как современную реальность, более характерно использование местоимения «*this*».

Стоит отметить, что показатель частотности, который мы получаем, запрашивая словосочетание в одном из корпусов, не отображает действительность совершенно достоверно, так как поисковая система в корпусах ищет именно словосочетание «*this/that robot*», а не их применение в одном контексте. Однако и на основании имеющихся данных, мы можем говорить о том, что сочетание «*this robot*» встречается намного чаще.

Например, в публикации «Boston Dynamics is teaching its robot dog to fight back against humans» – "Boston Dynamics учит свою собаку-робота сопротивляться людям" мы видим применение местоимения *this*:

«*If that assault wasn't enough, the human's robot bullying continues, shutting the door on Spot, which counterbalances and fights back against the pressure. In a last-ditch effort to stop the robot dog breaching the threshold, the human grabs at a leash attached to the back of the SpotMini and yanks. The robot valiantly trudges forward attempting to shake off* ***this*** *cowardly move, losing its tail in the process and looking ever more like a dog fighting its owner. Eventually the human gives in, SpotMini rights itself, lines up with the door, grabs the handle and across the threshold it goes. Boston Dynamics describes the video as "a test of SpotMini's ability to adjust to disturbances as it opens and walks through a door" because "the ability to tolerate and respond to disturbances like these improves successful operation of the robot". The firm helpfully notes* ***that****, despite a back piece flying off, "****this*** *testing does not irritate or harm the robot"» (Boston Dynamics is teaching its robot dog to fight back against humans) – Если этого нападения было недостаточно, человек продолжает нападать на робота, закрывая дверь прямо перед ним, в ответ на что он снова восстанавливает баланс и сопротивляется оказываемому давлению. В последнем проведенном испытании человек предпринимает попытку остановить собаку-робота, хватает за поводок, который прикреплен к задней части SpotMini, и тянет. Робот мужественно продолжает двигаться вперед, пытаясь избавиться от обидчика, потеряв хвост в процессе борьбы и все больше становится похож на собаку, которая сражается за владельца. В конце концов, человек сдается, а SpotMini, подходит к двери, хватается за ручку и выходит через порог. Boston Dynamics описывает видео как «тест способности SpotMini приспосабливаться к трудностям, на пути к открытию двери и проходу через нее», потому что «способность терпеть и реагировать на такие нарушения улучшает успешную работу робота». Фирма благоразумно отмечает, что, несмотря на отскок задней части, «это испытание не способно ни остановить робота, ни повредить его работу».* [Перевод автора]

Как видим, в этом тексте, для обозначения собаки-робота, которая наделена интеллектом, используются оба местоимения.

Еще в одной из статей еще более раннего периода – 2006 года «It's a no-brainer» (The Independent 2006) – «Это – элементарно» мы видим:

«It is 50 years since the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence (AI), where researchers laid down the foundations for their hopes, dreams and plans to develop machines that would simulate every aspect of human intelligence. So why don't we have ***those robots****? (The Independent 2006) - Прошло 50 лет со дня проведения Летнего исследовательского проекта по искусственному интеллекту в Дартмуте (Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence (AI), на котором исследователи обозначили свои фундаментальные надежды, мечты и планы по разработке машин, которые будут имитировать все аспекты человеческого интеллекта. Почему же до сих пор у нас нет таких роботов?»* [Перевод автора]

В статье автор апеллирует к обещанным учеными роботам, которые так и не стали для него реальностью, при помощи местоимения those, подчеркивая, таким образом, удаленность искусственного интеллекта. Смысл или значение происходит не от слов или морфем, а от устоявшихся отношений между словами или морфемами. Материалы Британского корпуса (British National Corpus) и Американского корпуса (Corpus of Contemporary American English) свидетельствуют о том, что наличие указательного местоимения this, помогающего передать близость не только по параметру расстояния, но и времени, а также понятности понятия для говорящего и для слушателя, уменьшает частотность слов *woman, man* и *robot* в речи.

Продемонстрировать данную связь поможет рассмотрение употребления не только указательных, но и личных местоимений, которые используют авторы публицистических текстов для повествования о роботах.

Непосредственно термин «*robot*» является ничем иным, как изобретенным чешским автором Карелом Чапеком словом, которое впервые было применено в пьесе R.U.R., где рассказывалось о восстании машин-гуманоидов, которые решили свергнуть господство человека. В тексте первого перевода на английский язык, выполненного Полом Селвером в 1923 году, для роботов использованы местоимения he и she, подчеркивающие не только то, что умные машины обладают способностью говорить, но и их максимальное внешнее сходство с человеком:

«DOMIN (rings): Did you see my new typist?
He rings for SULLA.
HELENA: I didn't notice her.
Enter SULLA.
DOMIN: Sulla, let Miss Glory see you.
HELENA: So pleased to meet you. You must find it terribly dull in this out-of-the-way spot, don't you?
SULLA: I don't know, Miss Glory.
HELENA: Where do you come from?
SULLA: From the factory.
HELENA: Oh, you were born there?
SULLA: I was made there. [18, с. 13] –
ДОМИН (звонит): Вы видели мою новую машинистку?
(Он вызывает звонком Суллу)
ХЕЛЕНА: Я ее не заметила.
(Входит Сулла)
ДОМИН: Сулла, покажись Мисс Глори.
ХЕЛЕНА: Рада познакомиться. Вам должно быть здесь ужасно скучно?
СУЛЛА: Не знаю, Мисс Глори.
ХЕЛЕНА: Откуда ты?
СУЛЛА: С фабрики.
ХЕЛЕНА: Ты родилась здесь?
СУЛЛА: Меня здесь сделали». [Перевод автора]

Но, несмотря на появление нового слова *robot*, широкая его популярность и массовое использование было инициировано еще одним автором – Айзеком Азимовым и его романом «Я - робот», вышедшим в 1942 году. В своем романе автор также представляет роботов, применяя местоимения he и she, причем, даже о тех моделях, которые речью не обладают:

«Robbie was a non-vocal robot. ***He*** *couldn't speak.* ***He*** *was made and sold in 1996. Those were the days before extreme specialization, so he was sold as a nursemaid (Asimov 2004, с. 4). – Робби был роботом, не обладающим голосом. Он не умел разговаривать. Его сделали и продали в 1996 году. В те дни специализации особо не наблюдалось, поэтому его продали в качестве помощника по дому».* [Перевод автора]

Безусловно, описывая роботов, указанные авторы рассказывают о вымышленных созданиях с искусственным интеллектом, которых они вправе наделять чертами человека, или относиться к ним как исключительно к бездушным механизмам. Поэтому исследование проявления криптотипов в языке, позволяющих использовать конкретные местоимения, исходя из традиций и устоявшихся паттернов английского языка, на примере художественной литературы нельзя назвать объективным: первостепенным здесь является отношение самого автора и его творческая задумка. Более репрезентативным является изучение текстов публицистических, так как в публикациях газет мы можем найти отражение реальной действительности при помощи средств языка, актуальных и понятных широкой аудитории читателей. Таким образом, именно в газетах и журналах для широкого круга читателей зафиксированы примеры того, как именно в языке описываются явления.

Мы видим, что скрытые категории при использовании личных местоимений, соответствующих слову robot в английском языке, в связи с увеличением частоты применения в публикациях прессы Британии и США получили гораздо большую конкретизацию. Если в ранних примерах статей авторами использовалось местоимение it, которое применяется, главным образом, для предметов неодушевленных, безличных, то с увеличением частоты использования понятия robot в публикациях газет, а, соответственно, и в речи, для него стали использовать местоимения he, she, it, которые помогают не только передать личное отношение к тому, обладает ли робот схожими с человеком чертами, но и позволяет передать оттенки отношения к конкретным представителям инноваций.

Библиографический список

1. Есперсен О. Философия грамматики. Обычное деление грамматики, Библиотека «Полка букиниста» URL: http://society.polbu.ru/espersen_grammarphilo/ch09_i.html
2. Asimov I. I, Robot (Robot 0.1) [Text] / I. .Asimov. Spectra, 2004
3. Big Brother on wheels? Fired security robot divides local homeless people URL: https://www.theguardian.com/us-news/2017/dec/16/san-francisco-homeless-robot
4. Boston Dynamics is teaching its robot dog to fight back against humans URL: https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/21/boston-dynamics-teaching-robot-dog-fight-back-humans
5. Britain’s first robot ‘Eric’ to rise again after lost plans found URL: https://www.telegraph.co.uk/science/2016/05/10/britains-first-robot-eric-to-rise-again-after-lost-plans-found/
6. British National Corpus URL:https://corpus.byu.edu/bnc/
7. Compagnie 111, The Independent, 2011 URL: https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/theatre-dance/reviews/compagnie-111aur233lien-bory-queen-elizabeth-hall-london-2195272.html
8. Corpus of Contemporary American English. URL:https://corpus.byu.edu/coca/
9. Forget robot rights, experts say, use them for public safety URL: https://www.theguardian.com/science/2007/apr/24/frontpagenews.uknews
10. The Guardian, 2017 URL: https://www.theguardian.com/science/2017/nov/13/ban-on-killer-robots-urgently-needed-say-scientists
11. The Guardian, 2018 URL: https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/04/household-robots-ai-more-than-just-toys/
12. It's a no-brainer, The Independent, 2006 URL: https://www.independent.co.uk/news/science/its-a-no-brainer-416765.html
13. Robot learns how to escape from exhibition, The Independent, 2002 URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/robot-learns-how-to-escape-from-exhibition-180874.html
14. The Independent URL: https://www.independent.co.uk/search/site/robot?page=1
15. The race to build the world’s first sex robot URL: https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/27/race-to-build-world-first-sex-robot
16. We can beat the robots – with democracy, The Guardian, 2017 URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/03/we-can-beat-the-robots-with-democracy.
17. Would you want a robot to be your child’s best friend? The Guardian, 2017 URL: https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/10/should-robot-be-your-childs-best-friend.
18. Čapek K. Playfair (N.) [Text] / K. Čapek, P. Selver. *R.U.R.*: Dover Publications, Inc., 2001.

Коротких Ж. А., Петрова И. К., г. Барнаул, Россия

НЕОЛОГИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЛИДЕРАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Аннотация. В статье рассматривается такое явление, как новые лексические единицы в британском и американском общественно-политических дискурсах. Выявлены и проанализированы

яркие неологизмы, образованные лидерами этих стран в разные исторические периоды времени. Показано, что среди неологизмов преобладают имена существительные, так как их цель − дать название новым реалиям. Проведенное исследование доказало, что неологизмы, образованные или популяризированные лидерами Великобритании и США, являются показателем изменений в политике и обществе.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, неологизм, политические лидеры, британская и американская культуры.

NEW WORDS COINED BY BRITISH AND US POLITICAL LEADERS

Abstract. The paper examines such phenomenon as new lexical units in the British and American social and political discourses. It gives a thorough analysis of effective neologisms coined by British and American political leaders in different historical periods. The paper states that nouns predominate in the group of new words, which can be explained by their purpose. New words are coined to give names to new realia. The research showed that neologisms coined or popularized by the political leaders are indicators of the dramatic changes in politics and society.

Keywords: social and political discourse, neologism, political leaders, British and American cultures.

С течением времени и развитием культуры, науки, общественных отношений, переменами в политической сфере, происходят изменения и в словарном составе языка. Постоянно появляются новые понятия и для того, чтобы осознать эти понятия, общество нуждается в новых словах, ведь без названия нет образа. Каждая эпоха пополняет язык новыми лексическими единицами. В периоды наибольшей активности культурной и общественно-политической жизни страны приток новых слов увеличивается (Будагов 2003: 97).

Огромное количество неологизмов появляется на политической и общественной аренах, так как часто изменяется политическая ситуация в мире, отвергаются стереотипы, открывая дорогу новым явлениям, взглядам и оценкам. В данной статье будут рассмотрены неологизмы, образованные политическими лидерами Великобритании и США в разные исторические эпохи и проанализированы условия, предопределившие их появление.

Неологизмы – это новые лексические единицы в данный исторический период. Вслед за О. Д. Мешковым (Мешков 1985: 133), к неологизмам мы относим слова определённого периода, которые являются новыми по отношению к предшествующему периоду, а также слова, новые для данной разновидности языка (диалекта, литературного языка), новые значения слов, новые устойчивые сочетания слов (фразеологизмы), новые аббревиатуры.

Политические и общественные неологизмы − явления противоречивые. Выражая новое понятие, неологизм, тем не менее, должен быть знаком носителям языка своими звучанием или формой. То же можно сказать и о неологизмах в других сферах, но в общественно-политическом дискурсе это имеет устойчивую выраженность. Иными словами, в общественно-политическом неологизме сочетаются его значение и внешняя форма. Только гармоничное слияние этих компонентов делает неологизм эффективным, облекая мысль в форму.

В общественно-политическом дискурсе право создавать новые слова и вводить их в язык принадлежит, как правило, политикам и журналистам. В большинстве случаев, у неологизма есть автор и дата создания. В 2013 г. американский писатель П. Диксон выпустил книгу “Слова из Белого дома: слова и фразы, выдуманные или популяризированные президентами Америки” (Dickson, 2013). Собранные им примеры доказывали, что лидеры страны не только писали историю, но и активно пополняли словарный состав английского языка.

Свой вклад в анализ неологизмов и афоризмов, принадлежащих лидерам Великобритании и США, внес Джеймс Хьюмс (Humes, 2002). Д. Хьюмс работал спичрайтером в Белом доме и писал речи для президентов США: Эйзенхауэра, Никсона, Форда и Рейгана. Им написан ряд книг, в которых собраны великолепные остроты, афоризмы, цитаты и неологизмы самых ярких политиков в мировой истории – Уинстона Черчилля, Авраама Линкольна, Бенджамина Франклина и др.

Традиция образовывать новые слова берет свое начало от первого президента Америки – Дж. Вашингтона. Ему пришлось не только определять обязанности и полномочия президента, но и вводить в обиход определённые слова, связанные с деятельностью главы исполнительной власти. В 1795г. в своем прощальном обращении он писал, что, рассматривая свое правление, он не находит никаких преднамеренных ошибок:

(1) “In reviewing the incidents of my administration, I am unconscious of intentional error.”
(Dickson 2013: 15)

В Британии слово «administration» вошло в обиход с середины XIVв. в значении «act of giving or dispensing» (давать, распределять). За сто лет оно приобрело значение «government» (правительство); Дж. Вашингтон же переосмыслил значение слова, связывая его с периодом исполнения обязанностей президента.

Изначально основателей Америки называли «*framers*» (строители), но сенатор У. Г. Хардинг, склонный к аллитерации, ввел в язык другое название − *founding fathers*, которое используется и сейчас. «Славно встретиться и испить из источников мудрости, унаследованных от отцов-основателей,» – говорил он в речи 1918 г.

(2) "It is good to meet and drink at the fountains of wisdom inherited from the founding fathers of the Republic" (Dickson 2013: 105).

По словам Диксона, этот неологизм повлиял на то, как теперь воспринимают американцы государственных деятелей, стоявших у истоков США.

Несмотря на свои аристократические манеры, Ф. Д. Рузвельт использовал сленг, общаясь с репортерами на конференциях. Решения Верховного Суда, с которыми он не соглашался, часто описывал фразой «Это сомнительный вопрос».

(3) "That's an iffy question" (Dickson 2013: 133).

Образованное суффиксацией прилагательное «iffy» используется в неформальном общении и по сей день, а популяризовал его именно Ф. Д. Рузвельт.

В переписке с Вашингтоном Дж. Мэдисон указывал на то, что некая группа людей из штата Мэн заняла чужую землю и может быть угрозой недавно принятой Конституции. В 1788 году он писал: «Многие из них и их избирателей просто люди, самовольно поселившиеся на чужой земле, и они боятся, что их призовут к ответу.»

(4) "Many of them and their constituents are only squatters upon other people's land, and they are afraid of being brought to account" (Dickson 2013: 31).

В среднеанглийском языке глагол *squat* имел значение *thrust down with force.* Позже он приобрел значение *unlawfully occupy an uninhabited building or settle on a piece of land (незаконно вселяться в дом; селиться самовольно на чужой земле).* Образованное суффиксацией существительное «squatter» (сквоттер) используется в настоящее время в значении, которое в него вкладывал Мэдисон – «человек, занявший чужую собственность».

Президент Т. Рузвельт был большим любителем словосложения и, по словам П. Диксона, он ввел в народный лексикон огромное количество неологизмов, таких как *«muckraker»* (гребущий грязь – охотник до сенсаций), *«loose cannon»* (разболтанная пушка – непредсказуемый человек), *«pack rat»* (древесная крыса – барахольщик).

Существительное *bully pulpit* также является результатом словотворчества Т. Рузвельта (*originally used by President Theodore Roosevelt, explaining his personal view of the presidency*). Говоря *«bully pulpit»* («Трибуна президента»), он имел в виду президентский пост, который даёт возможность его обладателю быть нравственным лидером, вдохновителем побед, «отцом нации». «Предполагаю, что мои критики назовут это нотациями, но я располагаю такой высокой трибуной!» – говорил он в речи 1904 года.

(5) "I suppose my critics will call that preaching, but I have got such a bully pulpit!" (Dickson 2013: 84).

Все «словотворчество» американских президентов, особенно, на ранних этапах, можно считать огромным вкладом в американскую идентичность. Не зря Джефферсон писал: «Выдумывать новые слова нас вынуждает необходимость.»

(6) "Necessity obliges us to neologize" (Jefferson 1813: 43).

Лидеры страны стремились укрепить американскую идентичность, пополняя словарь неологизмами и заимствованиями. Они пытались не опираться на «королевский» английский язык, отстаивая независимость даже в выборе слов.

«Бум» неологизмов в американском английском приходится на предвыборные кампании, доказательством этому может послужить огромное количество новых слов и фраз, порожденных противостоянием Д. Трампа и Х. Клинтон в 2016 г. Новые слова отражают не только стремление политиков получить поддержку у избирателей, но и отношение избирателей к политикам.

Так появился целый ряд неологизмов, образованных от фамилии Д. Трампа, некоторые из которых достаточно критичны. Например, «Trumponomics» – от «Trump + economics» (новая экономическая политика Трампа), «Trumpertantrum» – от «Trump + temper tantrum» (детские приступы ярости Трампа, которые выражаются его озлобленными сообщениями в Твиттере), «Trumpflation»– от

«Trump + inflation» (инфляция, которую ставят в вину президенту Трампу). Недавно в обиход вошло выражение «Going Trump», которое имеет значение «слишком много лгать».

Д. Трамп и сам иногда использует необычные выражения и слова, которые приводят людей в недоумение, потому что он часто допускает ошибки в употреблении слов, их произношении и написании. Но некоторые из его ошибок становятся интересными новообразованиями. В 2016 году в личном твиттере он написал:

(7) "China steals United States Navy research drone in international waters – rips it out of water and takes it to China in unpresidented act" (Agnihotri: URL).

«Китай крадет морской исследовательский беспилотник Соединенных Штатов в международных водах – вытаскивает его из воды и берет в Китай в «антипрезидентском акте.»

Из примера видно, что Трамп имел в виду «беспрецедентный акт» (*unprecedented act)*, но сделал ошибку, слово подхватили и теперь часто используют, чтобы описывать деятельность самого Трампа как *непрезидентскую* (*unpresidented*).

В создание неологизмов, называющих новые политические и общественные реалии, приняли участие и британские политики. Немало неологизмов принадлежит У. Черчиллю. Исследователи многообразного творческого наследия Черчилля прозвали их «черчиллизмами». Самыми знаменитыми из них являются следующие: *"Iron Curtain," "special relationship," "the sinews of peace."*

«The Iron Curtain» (Железный занавес). После того, как Черчилль в своей речи в г. Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 г произнес знаменитую фразу: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес...», выражение *«The Iron Curtain»* стало метафорой для указания границы между «свободным» и «коммунистическим» мирами. Многие считают эту фразу сигналом для начала холодной войны.

(8) "From Stettin in the Baltic to Trieste in the Adriatic, an iron curtain has descended across the Continent. Behind that line lie all the capitals of the ancient states of Central and Eastern Europe…" (The Sinews of Peace: URL).

"The special relationship" («Особые отношения» между Великобританией и США, выражающиеся, в частности, в тесном сотрудничестве этих стран во внешнеполитической и военной областях. Основаны на общности языка, военно-политических и иных целей и интересов).

(9) "Neither the sure prevention of war, nor the continuous rise of world organisation will be gained without what I have called the fraternal association of the English-speaking peoples. This means ***a special relationship*** *between the British Commonwealth and Empire and the United States" (The Sinews of Peace: URL).*

"The sinews of peace" (Средства, необходимые для поддержания мира)

*(10) There is the solution which I respectfully offer to you in this Address to which I have given the title "****The Sinews of Peace****" (The Sinews of Peace: URL).*

Существительное *sinews* имеет значение «главная поддержка, опора; движущая сила» и часто употребляется в сочетании *the sinews of war — средства, необходимые для ведения войны (деньги и материальные ресурсы).* В своей речи У. Черчилль неоднократно высказывал мысль о том, что война, принесшая столько бед народам Европы, окончена, и главная задача состоит в том, чтобы определить, какое будущее ждет мировое сообщество и направить все усилия на то, чтобы война и тирания больше никогда не повторились. Однако на основании опыта военных лет Черчилль пришел к убеждению, что русские ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил оказалась непригодна.

(11) "We cannot afford, if we can help it, to work on narrow margins, offering temptations to a trial of strength" (The Sinews of Peace: URL).

Мы не можем позволить себе − насколько это в наших силах −действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Из этого утверждения следует логический вывод, что *" sinews of peace" (средства, необходимые для поддержания мира)* предполагают военное превосходство над Советской Россией, которая жаждет неограниченного расширения своей власти и идеологии.

Особое место среди неологизмов, придуманных или популяризированных лидерами стран, являются их прозвища. Карьера британского премьер-министра Гарольда Макмиллана складывалась непросто. Его крупнейшим успехом стала резолюция по кипрской проблеме, а самой тяжелой неудачей − неспособность стабилизировать британскую экономику в связи со вступлением страны в Общий рынок. Подводя итоги своей деятельности, Макмиллан охарактеризовал себя следующим образом:

(12) “I am MacWonder one moment and MacBlunder the next” *(Harold MacMillan, URL).*

Эту фразу подхватили журналисты, и в дальнейшем прозвище *MacWonder/MacBlunder* закрепилось за Гарольдом Макмилланом.

Маргарет Тэтчер не придумывала себе прозвищ, которых у нее было несколько: *That Bloody Woman or TBW; Maggie; Milk Snatcher; the Grocer's Daughter и другие.* Однако самым широко известным было прозвище *«The Iron Lady», которое* М. Тэтчер использовала в своей избирательной кампании в 1979 г. Её основным лозунгом был «Британии нужна железная леди» («What Britain needs is an Iron Lady»).

История этого прозвища весьма занимательна. Выражение *iron lady (железная леди)* впервые появилось в английской газете The Sunday Times от 25 января 1976 года, где таким образом перевели словосочетание «железная дама», использованное в статье Юрия Гаврилова, обозревателя газеты Министерства Обороны СССР «Красная звезда». Автор писал о недавно избранном лидере Консервативной партии Маргарет Тэтчер. Вскоре это прозвище прочно закрепилось за будущим премьер-министром, и было принято самой Маргарет Тэтчер. Это словосочетание символизировало для М. Тэтчер железную дисциплину и целеустремленность. Оно удивительно точно характеризовало ее непреклонный характер, жесткий и бескомпромиссный стиль руководства. Таким образом, неточность в переводе сыграла большую роль в создание имиджа политического лидера.

С именами политических лидеров связана тенденция именовать идеологию или политику, проводимую тем или иным политическим деятелем или партией. Обычно при образовании таких неологизмов используют имя собственное с добавлением суффикса -ism. Например:

blairism («the political ideology of the former leader of the Labour Party and Prime Minister Tony Blair» − «политическая идеология бывшего лидера Лейбористской партии и премьер-министра Тони Блэра»);

bushism (an apparently fatuous statement attributed to George W. Bush, 43rd President of the USA − бессмысленные, глупые, высказывания 43-го президента США Джорджа Буша). В связи с неоднократными нелепыми высказываниями и ошибками в произношении, Дж. Буш стал предметом шуток как жителей своей страны, так и за ее пределами;

thatcherism (a shorthand for the economic principles underlying the policies of the Thatcher government in the UK from 1979 to 1990. − Условное обозначение экономической и социальной политики М. Тэтчер с 1979 г. по 1990 г.). Тэтчеризм остановил длительный спад в экономике, однако спровоцировал недовольство некоторых социальных слоев.

Таким образом, мы можем заключить, что общественно-политический дискурс – это динамическая среда. В этом пространстве наблюдается появление большого количества неологизмов, что является показателем изменений в политике и обществе. Неологизмы звучат в речах политиков и комментариях журналистов, тем самым проникая в повседневную речь, закрепляясь в словаре. Новые слова подчеркивают идентичность и становятся частью не только внутренней, но и международной культуры.

Библиографический список

1. Будагов Р. А. Введение в науку о языке [Текст] / Р. А. Будагов. М.: Добросвет-2000, 2003.

2. Мешков О. Д. Словосложение в современном английском языке [Текст] / О. Д. Мешков. М.: Высшая школа, 1985.

Список источников иллюстративного материала

1. Agnihotri S. US President-elect Donald Trump accuses China of 'unpresidented' act, Twitterati trolls him for 'Freudian slip' URL: https://www.indiatoday.in/fyi/story/donald-trump-accuses-china-unpresidented-act-twitter-trolls-us-358187-2016-12-18/

2. Dickson P. Words from the White House: Words and Phrases Coined or Popularized by America's Presidents [Text] / P. Dickson. – Somerville: Walker Books, 2013.

3. Harold MacMillan Quotes and Sayings URL: https://www.inspiringquotes.us/author/4878-harold-macmillan/

4. Humes J. C. Speak Like Churchill, Stand Like Lincoln: 21 Powerful Secrets of History's Greatest Speakers [Text] /James C. Humes. Three Rivers Press, 2002.

5. Jefferson T. Political Writings [Text] / T. Jefferson. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

6. The Sinews of Peace Speech. March 5, 1946 URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/

Примак С. С., г. Барнаул, Россия

МАГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена анализу политического дискурса в магическом аспекте его функционирования. Магическая функция языка имеет важное значение в политической коммуникации, поскольку политикам необходимо не только регулировать действие адресатов своими речами, но и вселить в них веру в изреченное Слово. Магия в политическом дискурсе проявляется в использовании табу, эвфемизмов, имен собственных и повторов смысловых доминант.

Ключевые слова: политический дискурс, регулятивная функция языка, магическая функция языка, магия, табу, эвфемизм.

THE MAGICAL FUNCTION OF THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article deals with the analysis of the political discourse in magical aspect of its functioning. The magical function is very important in the political communication. The politicians need not only to regulate the actions of the voters but also to instill in them the faith in the spoken Word. The magical function of the language manifests itself in the use of taboos, euphemisms, proper names and repetitions of conceptual dominants.

Keywords: political discourse, regulating function of the language, magical function of the language, magic, taboos, euphemism.

Политический дискурс является сложным социальным явлением, которое проявляется в обществе чаще, чем другие типы дискурса. По меткому замечанию Дж. Оруэлла, все события в мире – события политические (Orwell 1962, цит. по: Иванов 2008). В условиях демократического мира открыто обсуждаются вопросы власти и руководства, а решение многих политических проблем прямо или косвенно связано с их адекватной языковой интерпретацией. Это позволяет говорить о большой значимости политической коммуникации.

Политическая коммуникация стала предметом лингвистических исследований в середине XX века. Впервые к этой проблематике обратились лингвисты ФРГ, в связи с осмыслением своего недавнего исторического прошлого и изучением языка национал-социализма. В дальнейшем интенсивное изучение политической коммуникации привело к появлению различных направлений или школ, отражающих историческое и культурное наследие своих государств.

В немецкой школе прослеживается развитие методологии от лингвистического анализа, нацеленного на изучение лексики, до коммуникативного анализа, ориентированного на текст и дискурс.

Под дискурсом в настоящей статье понимается коммуникативное событие, представленное взаимодействием участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых систем в определенной ситуации и в определенных социальных и культурных условиях общения.

Политический дискурс, с точки зрения Д. Грейбер, это – содержание передаваемой в политической сфере информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социокультурный контекст), и выполняемые функции (Грейбер 1981, цит. по: Шейгал 2005).

Политический дискурс, по мнению Е. И. Шейгал, относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования, и выявление механизмов политической коммуникации является важным для определения характеристик языка как средства воздействия. Значимость изучения политического дискурса продиктована, с одной стороны, необходимостью поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на коллективного реципиента, а с другой, необходимостью понимания реципиентом истинных интенций и завуалированных приемов языкового манипулирования (Шейгал 2005).

Политический дискурс, как и все виды дискура, выполняет свои функции, которые соотносятся с природой языка в целом. Один из наиболее значимых языковедов XX в. Р.О.Якобсон разграничивает шесть функций языка в зависимости от ориентации на один из компонентов речевого акта: адресант, адресат, референт, сообщение, контакт, код. В осуществлении референции состоит коммуникативная функция языка. С референцией связана также и познавательная функция. С адресантом и адресатом соотносятся аппелятивная, или регулятивная, а также эмотивная, или экспрессивная, функции. Метаязыковая функция обеспечивает реализацию кода, характер использования языка. Поэтическая, или эстетическая, функция ориентирована на сообщение ради него самого (Якобсон 1975: 198).

Следует подчеркнуть, что степень реализации тех или иных функций в различных типах дискурса является определяющим фактором для их классификации. Так, политический дискурс, наряду с религиозным и рекламным, относится к тем дискурсам, для которых ведущей функцией является регулятивная.

Основным способом реализации этой функции выступает дискурсивное конструирование социальной реальности в соответствии с системой ценностей, норм и идеологии того или иного политического субъекта. При этом, по мнению Т. А. ван Дейка, участник политической коммуникации может быть приверженцем нескольких идеологий, разделять взгляды различных направлений, течений, учений, что складывается в уникальное сочетание идеологий (ван Дейк 2000).

Частным случаем регулятивной, или призывно-побудительной, функции Р.О. Якобсон считал магическую («заклинательную») функцию. Магия при помощи слова – это определенная попытка воздействия на явления действительности, стоящие за словом. В основе отношения к слову как к магической силе лежит неконвенциональная трактовка языкового знака, т. е. представление о том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть. К проявлениям магической функции относятся табу, табуистические замены, клятвы, присяги, обеты молчания, заговоры, молитвы, обожествление в некоторых священных текстах (Мечковская 1996).

Вера в магию слова сохранилась и у современного человека и проявляется не только в религиозном, но и в политическом дискурсе. Магические элементы, будучи непосредственно связаны с языковым влиянием на психику человека, оказывают завораживающий, манипулятивный эффект. В политическом дискурсе, по мнению А. А. Филинского, магии уделяется особое внимание (Филинский 2002). Политику необходимо «очаровать» избирателя, вселить в него веру, преданность, уважение и любовь. Но иногда для политического успеха требуется и нагнетание таких негативных чувств, как страх и ненависть, что широко используется в тоталитарных (авторитарных) дискурсах. Как отмечает Э. Кассирер, в тоталитарных государствах политические лидеры принимают на себя те функции, которые в первобытном обществе выполняли колдуны и шаманы, – избавление от социального зла и предсказание будущего. В современном обществе политики прекрасно понимают, что людей легче привести в действие с помощью силы воображения, нежели применением физической силы, поэтому политические предсказания превратились в некий элемент техники управления (Кассирер 1996: 206 – 208).

Из сохранившихся древних проявлений магической функции языка наиболее актуальными в современном политическим дискурсе, по нашему мнению, являются табуистические замены или эвфемизмы. Табу, как считает Н. Б. Мечковская, наряду с магическим отношением к слову, выполняют в современном обществе и другие функции, в частности, такие, как идеологический контроль и манипулирование массовым сознанием (Мечковская 1996: 134). Сознательный отказ от многих элементов в языке во времена резких идеологических сдвигов становится причиной массовых лексических замен. Это происходило во времена наиболее «крутых» в мировой истории революций (французской конца XVII в. и русской 1917 г.), а также в период господства фашистского режима. Так, по свидетельству В. Е. Чернявской, «в фашистской Германии массовые казни (*Massenhinrichtungen*) назывались «особыми действиями» (*Sonderaktionen*) или «особым обращением» (*Sonderbehandlung*), а немецких погибших в бою солдат именовали *ermorderte* (убитыми), вместо *gefallene* (павшие). Даже некоторые немецкие пословицы и поговорки (*Hunger ist der beste Koch, Arbeit macht frei*) были взяты властями на вооружение и получили человеконенавистническую интерпретацию» (Чернявская 2013: 136).

В современном политическом дискурсе, по мнению Н. Цольнера, функционируют идеологически мотивированные вербальные табу, находящиеся в тесной взаимосвязи с политической корректностью и оказывающие значительное влияние на выбор языковых средств (Zöllner 1997). Суть политкорректности сводится к тому, что определенные наименования становятся недопустимыми, они изымаются и заменяются на более приемлемые – эвфемизмы. Так, в Германии табуированы такие темы, как антисемитизм (в связи с недавним прошлым страны), а также современные «болезни» общества: наркомания, бедность, неравенство, коррупция (Schröder 2012). Тут в силу вступает креативная функция языка, являющаяся, по сути, разновидностью магической. Так, появились такие наименования как *Spenden* вместо *Schmiergeld, Operation* вместо *Krieg* и т.д. Однако думается, что избегание и замалчивание насущных проблем не способствует их решению. Осознание этого приводит к неприятию политической корректности некоторыми людьми, в том числе даже лингвистами.

Главными речевыми стратегиями современных политиков Германии являются «амальгамирование» («мы-дискурс») и «героизация». Так, Ангела Меркель использует мы-дискурс в

стратегиях интеграции с другими политиками и с населением страны для поддержания своего влияния и своей власти. Рассмотрим следующие примеры:

(1) Wir brauchen einfach auch die Kraft, völlig neu zu denken (https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Podcast/2018/2018-09-01-Video-Podcast/links/download-PDF.pdf?__blob=publicati).

(2) Diesen Weg muss Deutschland auch gehen, und gerade die jungen Menschen sind dazu in der Lage (https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Kanzlerkalender/2018/09/2018-09-01-samstag-podcast.html).

(3) Auch hier werden wir darüber reden, wie Sicherheit und Entwicklung am besten zusammengebracht werden. (https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Kanzlerkalender/2018/08/2018-08-26-sonntag-podcast.html)

Данные примеры показывают, что поддержание контактности в обращении к народу осуществляется следующими вербальными приемами: личными и притяжательными местоимениями (*wir, unser*), топонимами (*Deutschland*). При этом «нашесть» маркируется торжественно приподнятой тональностью, пафосностью: апелляция канцлера к таким ценностям, как *Kraft, Sicherheit, Entwicklung*. Коннотативный аспект в данных приемах представляет собой эмотивный план (чувство солидарности и гордости), а также социально-политическую коннотацию, которая имплицитно выражает концепт единения.

Стратегия героизации проявляется в обращении к героическим личностям, поступкам, явлениям. Героическое служит укреплению ценностей в обществе, которые формируют образцы поведения личности.

(4) Das ist eine tolle Sache, und deshalb ist «Jugend forscht» ein riesiger Erfolg (https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Kanzlerkalender/2018/09/2018-09-01-samstag-podcast.html).

(5) Wir brauchen die NATO auch im 21. Jahrhundert, weil sie Garant für unsere Sicherheit ist (https://www.bundeskanzlerin.de/Webs/BKin/DE/Service/Podcast/podcast_node.html).

(6) Ja, uns geht ein wirtschaftlich wichtiges und starkes Land aus der Europäischen Union und damit geht uns etwas verloren (https://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Mediathek/Einstieg/mediathek_einstieg_podcasts_node.html?id=2375018&cat=videos).

(7) Deutschland ist ein weltweit anerkannter Forschungsstandort und die Tatsache, dass wir in Forschung und Innovation sehr gut sind, ist auch die Grundlage dafür, dass wir in Wohlstand leben können. (https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Kanzlerkalender/2018/09/2018-09-01-samstag-podcast.html)

Упоминание прецедентных имен (*NATO, Großbritannien*), подчеркивание их положительных качеств, привязка их к общеловеческим ценностям (*Sicherheit, Entwicklung, riesiger Erfolg*) выражают общую пропозицию героического дискурса: *я/он хороший,* а соответственно, достоин уважения и почитания. Обращение А. Меркель только к положительным концептам и понятиям *(Sicherheit, Erfolg, Zusammenarbeit, Wohlstand, Kraft, Entwicklung)* свидетельствует о магической вере в силу слова: произнесение имени может вызывать присутствие того, кто или что им названо.

В целом, следует сказать, что магическая функция политического дискурса, являясь разновидностью регулятивной, позволяет использовать его в качестве инструмента борьбы за власть, ее сохранение, осуществление и стабилизацию.

Библиографический список

1. Дейк Т. А. ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия [Текст] / Т. А. ван Дейк // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественнополитических текстов. Вып. 2. Минск: БГУ, 2000. С. 50-63.
2. Иванов С. В. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса [Текст] / С.В. Иванов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-77.
3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов [Текст] / Э. Кассирер // Антология культурологической мысли. М.: Изд-во РОУ, 1996. С. 204-209.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика [Текст]: пособие для студентов гуманит. вузов. / Н. Б. Мечковская. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / А. А. Филинский. Тверь, 2002.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса [Текст] : учебное пособие / В. Е. Чернявская. М.: Флинта: Наука, 2013.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис…д-ра филол. наук: 10.02.01., 10.02.19. / Е. И. Шейгал. М.: РГБ, 2005.

8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.
9. Graber D. Political Languages [Text] / D. Graber // Handbook of Political Communication. Beverly Hills and London: Sage Publications, 1981. P. 195-224.
10. Orwell G. Politics and the English Language [Text] / G. Orwell // Inside the Whale and Other Essays. Harmondsworth: Penguin, 1962. P. 143-157.
11. Schröder Hartmut, Mildenberger Florian. Tabu, Tabuvorwurf und Tabubruch im politischen Diskurs URL: http://www.bpb.de/apuz/75862/tabu-tabuvorwurf-und-tabubruch-im-politischen-diskurs?p=all
12. Zöllner Nicole. Der Euphemismus im allta□glichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen [Text] / Nicole Zöllner. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1997.

Список источников иллюстративного материала

1. Presse-und Informationesampt der Bundesregierung URL: www.bundeskanzlerin.de
2. Presse-und Informationesampt der Bundesregierung URL: www.bundesregierung.de

Рыжова В. А., г. Хабаровск, Россия

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В КИТАЙСКОМ МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности социальной рекламы как инструмента моделирования идеологического сознания потребителей мультимедийной индустрии КНР. Анализ примеров, отобранных из китайского мультимедийного дискурса, показал не только возможности познавать культуру китайского народа, его ценностную картину мира и психологию ее восприятия в аспекте социальной рекламы, но и выявить их коммуникативно-прагматический потенциал.

Ключевые слова: социальная реклама, лингвокультурология, лингвопрагматика, мультимедийный дискурс, речевой акт, коммуникативная цель, речевое воздействие.

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF SOCIAL ADVERTIZING IN CHINESE MULTIMEDIA DISCOURSE

Abstract. The article deals with communicative and pragmatic features of social advertizing in the multimedia industry of the Chinese People`s Republic as a tool of modelling the ideological consciousness of consumers. The analysis of social advertizing in the Chinese multimedia discourse allows to learn more about the culture of the Chinese, their value world picture and the psychology of their perception. It also reveals the communicative and pragmatic potential of social advertizing.

***Keywords*:** social advertizing, linguoculturology, linguopragmatics, multimedia discourse, speech act, communicative goal, speech influence.

Реклама становится наиболее значимым инструментом воздействия на современное общество, в связи с чем расширяется поле ее воздействия на сознание людей. Активизация рекламной деятельности сегодня считается важнейшим путем оживления социально-экономической жизни, направленной на удовлетворение запросов заказчиков. Реклама является одним из видов передачи информации в сфере торговли. Однако ее нельзя рассматривать только как фактор развития экономических отношений. Реклама также способна активно влиять на сферу духовной жизни общества и его культуру. Выполнять такие функции призвана социальная реклама. С помощью идей и образов она формирует ценностные установки и жизненные взгляды людей.

Актуальным становится анализ коммуникативно-прагматических особенностей социальной рекламы, распространяемой в мультимедийном пространстве КНР. Особенный интерес, при этом, вызывает изучение ее оптимальных средств воздействия на сознание носителей единого языка и культуры, а также механизмов ее восприятия массовым адресатом.

В Китае понятию «социальная реклама» соответствует термин «公益广告», который дословно переводится как «реклама, которая делает пользу для общества».

Социальная реклама в КНР считается символом гармонизации общества. Центральными темами социальной рекламы в КНР являются взаимоотношения людей друг с другом, взаимодействия человека с обществом, природой, гармоничным развитием. Социальная реклама в КНР направлена как на граждан КНР, так и на жителей других стран, что позволяет формировать образ современного Китая на международной арене.

Следует отметить, что социальная реклама, распространяемая в медийном дискурсе в КНР, ориентирована на реализацию культурных стратегий по развитию и закреплению в сознании общества базовых ценностей и традиционных моделей социального взаимодействия. Отличительной

особенностью социальной рекламы является этнокультурный компонент, который берется за основу при создании сюжетов рекламных роликов.

Анализ тематики и сюжетов социальной рекламы КНР в СМИ позволяет выделить несколько ее типов: реклама государственного достояния, культурных ценностей, реклама традиционных социокультурных моделей поведения и этикета.

Рассматривая социальную рекламу с точки зрения ее воздействующей функции, необходимо обратиться к аспектам лингвистической прагматики и теории речевых актов, поскольку именно они являются особо значимыми в изучении текстов рекламных сообщений, так как определяют целесообразность высказывания, конечную цель, преследуемую говорящим в процессе порождения высказывания. Кроме того, в задачи прагматики входит анализ иллокутивных актов и характеристика признаков контекста высказывания, которые помогают определить пропозицию, выраженную данной фразой.

Теория речевых актов как основополагающая теоретическая концепция лингвистической прагматики была изложена английским логиком Дж. Остином. Ученый ввел основные понятия теории: локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты, понимая под локутивным актом – акт референции (сказанное как таковое); под иллокутивным актом – действие, ради которого осуществляется высказывание; под перлокутивным актом – акт, реализуемый фактом говорения (Остин 1986: 22-130). Ученик и последователь Дж. Остина, американский философ Дж. Сёрль продолжил изучение теории речевых актов и предложил пять основных категорий иллокутивных актов: ассертивы – акты, суть которых в том, что говорящий посредством речевого акта принимает на себя обязательство ручаться за истинность выраженной в акте пропозиции; директивы – где говорящий посредством речевого акта пытается побудить слушающего выполнить определенное действие; комиссивы – предполагается, что говорящий посредством речевого акта принимает на себя обязательство сделать нечто в будущем; экспрессивы, которые показывают, как говорящий посредством речевого акта выражает свое психологическое состояние; декларативы – суть которых заключается в том, что говорящий посредством речевого акта делает заявление (Серль 1986:170-194).

Поскольку рекламная коммуникация в медийном дискурсе представляет собой гармоничное сочетание семиотической и семантической составляющей, то локутивный акт рекламы, в таком случае, представляет собой одновременное использование текста и изображения, тогда как, иллокутивная сила рекламы определяется взаимодополняющими компонентами – дескриптивным и аргументирующим, дескриптивный компонент носит информативный характер, а аргументирующий – побуждает к действию. Таким образом, перлокутивный эффект рекламы будет достигнут при помощи информации, закодированной с помощью языковых средств и поданной имплицитно (Крувко 2009:19-22).

Прагматическая функциия имплицитной информации в рекламе состоит в ее воздействии на адресат. Для рекламной стратегии наиболее важным видом имплицитной информации является пресуппозиция. Прагматическая пресуппозиция является центральным элементом характеристики контекста рекламы. Во всяком высказывании можно выделить содержащееся в нем утверждение (эксплицитная информация) и пресуппозиции (имплицитная информация) – те фоновые аспекты содержания высказывания, которые не подлежат сомнению. Пресуппозиции образуют условие осмысленности высказывания, так как касаются знаний и убеждений адресанта и адресата. Чтобы избежать недоразумения, предпочтительнее, чтобы участники одного и того же контекста, разделяли одни и те же пресуппозиции. Пресуппозиции, разделенные собеседниками в ситуации лингвистической коммуникации, являются важными элементами контекста рекламы. Если адресату ничего не известно о каком-либо суждении, пресуппозиция оказывается несостоятельной. Эта несостоятельность не приводит к коммуникативной неудаче, более того неразделенные пресуппозиции часто используются в рекламных коммуникационных моделях, где информация дифференцирована и подается поэтапно, провоцируя интерес к предмету рекламы.

Для того, чтобы рассмотреть, как происходит формирование прагматического воздействия в социальной рекламе КНР, был проведен анализ ролика социальной рекламы КНР *«回家吃饭好» (Возвращаться домой к столу – это здорово!* URL). Сначала действие рекламного ролика разворачивается вокруг мужчины, который после работы отказывается от всех дел для того, чтобы вернуться домой к ужину. Затем центральными героями становятся члены одной дружной семьи. Локутивный акт сообщения социальной рекламы КНР *«回家吃饭好»* на вербальном уровне реализуется посредством видеоряда, и текстом субтитров голосового сопровождения. Иллокутивная сила сообщения и ее перлокутивный эффект строится на взаимодействии текста рекламы и имплицитно связанных с ним картин. Иллокутивная сила лежит в основе слов «*回家吃饭*» *(Возвращаться домой к столу – это здорово!)*, пронизывающих всю рекламу. Начало ролика имплицирует их значение, ведь мужчина возвращается домой после работы под вечер, и закладываемым смыслом во фразу «*回家吃饭*» может считаться «возвращайся домой к ужину». Таким

образом, рассматривая каждую сюжетную линию рекламы, можно проследить, как обеспечивается ее перлокутивный эффект. Главной мыслью слов *«回家吃饭好, 孩子功课能辅导» («Вернувшись домой к ужину, поможешь ребенку с уроками»)* является: «возвращаясь домой к ужину – проявляешь заботу о детях». Невербальным средством создания перлокутивного эффекта является сюжетная картина, где отец помогает дочери с домашним заданием. Выражение *«孩子功课能辅导»* являются импликацией фразы *«回家吃饭好»*. В следующем фрагменте фраза *«夫妻恩爱乐淘淘»* также имплицируют слоган *«回家吃饭好»*, подводя к мысли о том, что, возвращаясь домой к ужину, человек сохраняет хорошие супружеские отношения. Невербально эта идея демонстрируется счастливой супружеской парой. Далее в ролике прослеживается аналогичная связь текста рекламы, фразы которого имплицируют друг друга, а представленные в видео сюжетные картины невербально описывают заложенный в слова смысл.

Анализируя коммуникативно-прагматические особенности социальной рекламы КНР, реализуемой в видеороликах, необходимо отметить, что любое рекламное сообщение представляет собой сложный косвенный речевой акт, где имплицитная информация имеет ярко выраженную прагматическую функцию – воздействие на адресат. Из этого следует, что в социальной рекламе для обеспечения ее иллокутивной силы, используются лингвистические и экстралингвистические средства воздействия. Лингвистические средства воздействия в социальной рекламе представляются вербально, экстралингвистические – невербально.

Библиографический список

1. Крувко Н. А. Лингво-прагматический аспект языка рекламы [Текст] / Н. А. Крувко // Вестник Московского государственного областного университета: Серия Лингвистика. 2009. № 03. С. 19-22.
2. Остин Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Дж. Л. Остин; пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое зарубежное в лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.С.22-131.
3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Серль; пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С.170-195.
4. Возвращаться домой к столу – это здорово! 乐视视频公益广告—回家吃饭好. URL: www.le.com/ptv/vplay/20719489.html

Широких И. А., г. Барнаул, Россия

ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИИ VS. ОБРАЩЕНИЯ К КОНГРЕССУ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ двух публичных речей президента США А. Линкольна. Первая – это обращение к народу, вторая – выступление перед Американским Конгрессом. Выдержки из обоих выступлений присутствуют в тексте исследования. Автор не только изучает, анализирует, но и сравнивает лингвистические и риторические аспекты президентских речей. Выявленные различия предопределены как целями оратора, так и аудиторией, к которой он обращается. Обращение А. Линкольна к нации проще по структуре, стилю и синтаксису. Обращение президента к Конгрессу характеризуется сложной, но логической структурой изложения, использованием разнообразных стилистических приемов, изобилием сложных предложений всех типов. Все, упомянутые выше, средства отвечают определенной цели, поставленной ритором, даже если эта цель представлена имплицитно.

***Ключевые слова*:** аудитория, имплицитное воздействие, публичная речь, спикер, стилистические особенности, структура речи.

APPEALING TO THE NATION VS. APEALING TO THE CONGRESS

Abstract. The article deals with the analysis of two public speeches of an American President A. Lincoln. The first one is addressed to the people (the nation), the second one – to the Congress. The paper contains extracts of both public speeches. The author studies and compares linguistic and rhetoric aspects of the speeches. Their differences are determined by the difference of the speaker's aims which are, in their turn, presupposed by the audience being addressed. A. Lincoln's Address to the nation is simple in its structure, syntactic and stylistic features. The President's Address to the Congress is characterized by a complicated and logical structure, by the diversity of stylistic devices and all types of composite and compound sentences. All the means used in the addresses serve a definite purpose of the speaker – to make some impact on the audience, even an implicit one.

***Keywords*:** audience, (implicit) impact, public speech, speaker, stylistic peculiarities, speech structure.

В последние годы исследования политической коммуникации активно ведутся на всех континентах. Вместе с тем специальные наблюдения позволяют выделить три основных мегарегиональных научных объединения – североамериканское, восточноевропейское

(постсоветское) и европейское (Чантуридзе, 2015). Однако, насколько нам известно, ряд проблем остается не полностью освещенным. Настоящая работа предлагает рассмотреть вопрос предопределенности выбора типа политического дискурса разными видами аудитории. Жанр публичной речи политика представляется одним из центральных в рамках жанрового пространства политического дискурса. Публичная речь – это официальное выступление политического деятеля – представителя власти перед массовой аудиторией – представителями определенных социокультурных групп с целью удержания, завоевания, укрепления власти. В статье предлагается сопоставительный анализ публичных выступлений шестнадцатого президента США, А. Линкольна (1861–1865 гг.), которому пришлось держать речь перед различными типами аудиторий, что предопределило различие всех составляющих его политических выступлений.

В качестве основания классификации видов современной политической речи В.В. Данилина предлагает избрать положение ритора по отношению к власти. Таким образом, можно разделить речи на государственные и гражданские (Данилина 2005: 93 – 94). В первом случае оратор выступает в речевой ситуации как носитель власти, а во втором – как частное лицо. Далее, в зависимости от властных полномочий государственные речи подразделяются на президентские, парламентские, правительственные и губернаторские. Гражданская политическая речь бывает предвыборной и не предвыборной в зависимости от цели выступления. Если ритор стремится к вхождению во власть и выступает в качестве кандидата на какую-нибудь выборную или назначаемую должность, то его речь является предвыборной. Если же целью ритора является оказание влияния на представителей государственной власти, его речь можно охарактеризовать как не предвыборную или общественную.

Политическая власть в значительной степени осуществляется посредством языка, который помогает политику войти в личную сферу реципиента как с помощью простых приемов (частое употребление местоимения “*we*” вместо местоимения “*I*”), так и более сложных приемов манипуляции. Любую речь, любое выступление пронизывает оценка оратором субъекта речи. Уже в самих лингвистических знаках в момент их реализации присутствует отношение к тому, кто их воспринимает. Нацеленность языковых единиц на воздействие является обязательным условием их применения в любом виде коммуникации. Субъективная оценка, выражая отношение к излагаемому, как бы накладывается на текст и, в определенной степени, модифицирует и задает тот набор конкретных языковых средств, с помощью которых оратор воздействует на аудиторию.

Представляется возможным, выделить функцию призыва, побуждения к действию речи оратора, т.к. речь апеллирует к чувствам слушателей, призывая их совершить какие-либо поступки. Любой акт коммуникации требует от коммуникантов выполнения определенных ролевых обязательств. Вступая в общение, коммуниканты формируют свои образы, сами того не осознавая. Каждый текст содержит образы говорящего и слушающего, или текстовые личности, в основе которых лежит индивидуальность, которая детерминирует как поверхностную, так и глубинную структуру текста.

Следует принимать во внимание и тот факт, что адресант, ставя своей целью достижение определенного изменения во взглядах аудитории, сознательно и целенаправленно организует высказывание, программирует набор языковых средств. Адресант кодирует заданное содержание, а аудитория, понимая значение языковых единиц, декодирует их. Выбранный языковой знак предназначается для достижения необходимого пропагандистского воздействия, для регуляции поведения аудитории, для формирования у нее нужного отношения к явлениям действительности. Современный человек является одновременно объектом и субъектом речевого воздействия. Находясь в обществе, он пребывает в условиях постоянного речевого воздействия, которое оказывается на него другими людьми, и в то же время он сам оказывает на людей подобное воздействие. В процессе общения люди не просто обмениваются мыслями, но постоянно убеждают друг друга в правоте своих взглядов и пытаются опровергнуть мнения, которые представляются им ложными (Ножин 1971: 116).

Речевое воздействие на людей в процессе коммуникации оказывается при помощи заражения, внушения, убеждения. Эти способы можно рассматривать как цепную реакцию, при которой в самом начале происходит психологическая подготовка аудитории к восприятию информации (заражение), далее – внедрение оратором своих установок в сознание аудитории (внушение), что, в конечном счете, приводит аудиторию к состоянию собственной «убежденности».

Заражение связано с подсознательным переходом слушателя в определенное психическое состояние под влиянием внешнего воздействия. Такой переход может быть осуществлен только, если оратор обладает большим речевым эмоциональным зарядом и умеет передать свое психологическое настроение аудитории, заставив ее, тем самым, реагировать на свое выступление в нужном ему направлении. «Заразить» слушателя можно с помощью: 1) эмоциональной яркости изложения

содержания речи; 2) выразительными и убедительными примерами (Кохтев, Розенталь 1981). Заражение – это особое психическое состояние, определенный психический настрой человека, который на языковом уровне создается при помощи эмоционально-окрашенной лексики.

Внушение как способ речевого воздействия также осуществляется посредством емких, позитивных концептов, ярких эмоциональных «картинок» и «образов», которые всегда понятны, приемлемы для слушателей и находят у них непосредственный отклик. Этот способ воздействия носит преимущественно осознанный характер, так как «степень воздействия связана с тем, насколько легко личность поддается внушению, с ее внутренним состоянием и авторитетностью выступающего» (Кохтев, Розенталь 1981: 44). Внушение как способ оказания коммуникативного воздействия всегда осуществляется с учетом эмоциональной сферы слушателей. Желая внушить слушателям определенную мысль, речь оратора должна быть пафосной, насыщенной эмоциональной яркостью, она должна затрагивать чувства аудитории, а также апеллировать к ее основным ценностям, что создается, в первую очередь, при помощи языковых средств.

Внушение как способ оказания речевого воздействия понимается следующим образом (Анисимова, Гимпельсон 2001: 78):

1) навязывание готового мнения адресату путем воздействия на подсознание;

2) апелляция к чувствам, эмоциям и привычкам аудитории;

3) установка на определенную ценностную ориентацию объекта речевого воздействия.

Убеждение как способ речевого воздействия, в отличие от внушения, обращено в большей степени к рациональной сфере слушателя. Оно связано с логическим и сознательным воздействием на аудиторию. Убеждение должно быть максимально логичным и доказательным, а также содержать как обобщенные положения, так и конкретные факты, примеры (Кохтев 1992: 44–45). Убеждая аудиторию, оратор обращается к ее разуму, но при этом одновременно влияет и на чувства. Убеждение понимается как успешное интеллектуальное воздействие на сознание человека, в результате которого он сам приходит к мнению, что поступок, который от него требуется, действительно необходим. Механизм убеждения может представлять собой две разные процедуры, которые Е.Н. Зарецкая называет «вытеснением» и «замещением» (Зарецкая 2002: 156-158). «Вытеснение» начинает работать, когда оратор, желая перенести свою систему взглядов в сознание слушателей, приводит достаточное количество аргументов, для того чтобы доказать несостоятельность их точки зрения. После того как система взглядов слушателей вытеснена, в их сознании образуется «вакуум», который возможно заполнить системой убеждений оратора посредством новой системы аргументов. Этот этап называется «замещением».

Для того чтобы показать различие в использовании риторических и лингвистических средств при обращении к разному типу аудитории обратимся к анализу публичных выступлений президента А. Линкольна, в частности, его знаменитой Геттисбергской речи к своей нации и к его обращению к Конгрессу (*State of the Union*) (Выступления президентов.URL).

Первую речь президент произнёс 19 ноября 1863 года при открытии Национального солдатского кладбища в Геттисберге, штат Пенсильвания. За четыре с половиной месяца до этого произошла решающая Битва при Геттисберге, закончившаяся победой армии Севера над конфедератами. Тщательно составленное обращение, которое должно было стать лишь одним из пунктов программы того дня, вошло в историю страны как одна из самых великих речей, в которых бы затрагивались национально значимые темы. Выступление длилось чуть более двух минут и состояло из 272 слов. В нём президент обратился к принципам равенства, провозглашённым когда-то в Декларации независимости, а Гражданскую войну оценил по-новому: как борьбу за сохранение Соединённых Штатов, которая бы сопровождалось «возрождением свободы» («a new birth of freedom»), призванным даровать истинное равноправие всем гражданам и сохранить Союз штатов как единое государство, в котором все граждане будут равны. Полный текст Геттисбергской речи высечен на каменной плите, являющейся частью Мемориала Линкольна в Вашингтоне (Фабрика речей. Washington ProFile. http://www.washprofile.org/ru/node/3871).

Abraham Lincoln

November 19, 1863

Four score and seven years ago our fathers brought forth on this continent a new nation, conceived in liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal.

Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure. We are met on a great battlefield of that war. We have come to dedicate a portion of that field, as a final resting place for those who here gave their lives that that nation might live. It is altogether fitting and proper that we should do this.

But, in a larger sense, we can not dedicate, we can not consecrate, we can not hallow this ground. The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it, far above our poor power to add or detract. The world will little note, nor long remember what we say here, but it can never forget what they did here. It is for us the living, rather, to be dedicated here to the unfinished work which they who fought here have thus far so nobly advanced. It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us—that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion—that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain—that this nation, under God, shall have a new birth of freedom—and that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth.

Публичное выступление А. Линкольна, которое берется для сравнения, представляет собой обращение к Конгрессу (*State of the Union*) от 6 декабря 1864 года. Обращение «О положении страны» ежегодное послание президента США Конгрессу, в котором он излагает свою оценку ситуации в стране и описывает предстоящие законодательные инициативы. Ниже представлены *выдержки* из президентской речи.

Abraham Lincoln

December 6, 1864

Fellow-Citizens of the Senate and House of Representatives:

Again the blessings of health and abundant harvests claim our profoundest gratitude to Almighty God.

The condition of our foreign affairs is reasonably satisfactory. <…>

The financial affairs of the Government have been successfully administered during the last year. The legislation of the last session of Congress has beneficially affected the revenues, although sufficient time has not yet elapsed to experience the full effect of several of the provisions of the acts of Congress imposing increased taxation. The receipts during the year from all sources, upon the basis of warrants signed by the Secretary of the Treasury, including loans and the balance in the Treasury on the 1st day of July, 1863, were $1,394,796,007.62, and the aggregate disbursements, upon the same basis, were $1,298,056,101.89, leaving a balance in the Treasury, as shown by warrants, of $96,739,905.73. <…>

The Territories of the Union are generally in a condition of prosperity and rapid growth. <…> As intimately connected with and promotive of this material growth of the nation, I ask the attention of Congress to the valuable information and important recommendations relating to the public lands, Indian affairs, the Pacific Railroad, and mineral discoveries contained in the report of the Secretary of the Interior which is herewith transmitted, and which report also embraces the subjects of patents, pensions, and other topics of public interest pertaining to his Department. <…>

At the last session of Congress a proposed amendment of the Constitution abolishing slavery throughout the United States passed the Senate, but failed for lack of the requisite two-thirds vote in the House of Representatives. Although the present is the same Congress and nearly the same members, and without questioning the wisdom or patriotism of those who stood in opposition, I venture to recommend the reconsideration and passage of the measure at the present session. Of course the abstract question is not changed; but in intervening election shows almost certainly that the next Congress will pass the measure if this does not. <…> And as it is to so go at all events, may we not agree that the sooner the better? It is not claimed that the election has imposed a duty on members to change their views or their votes any further than, as an additional element to be considered, their judgment may be affected by it. It is the voice of the people now for the first time heard upon the question. <…>

Так как речи ориентируются на разные типы аудитории – народ и Конгресс, тематика данных обращений различна. Чтобы воздействовать на чувства людей и побудить их к действию, тема обращения должна быть интересна, достаточно важна и понятна для слушателя. Поэтому А. Линкольн, прежде всего, опирается на интересы нации. «Истоки основных интересов – это вопросы жизни и смерти, здоровья, денег и собственности, профессии и социального престижа (Сопер Поль Л. 2005: 46 – 47). В Геттисбергском обращении президент затрагивает такие насущные вопросы как смерть и жизнь, оратор предлагает почтить память солдат, погибших во время Гражданской войны, но выполнивших свой долг перед Родиной. Такой имплицитный призыв к чувству долга и чести рождает в слушателях чувство патриотизма, ощущение единства народа США. Людьми, как и самим оратором, движет чувство справедливости и общего дела. В обращении президента к представителям власти охватываются все сферы жизни страны. Данное обращение представляет собой своеобразный отчет о положении дел в стране и внешней политике, что представлено в отдельных параграфах выступления.

При сравнении стилистических и структурных особенностей исследуемых обращений были замечены как сходства, так и различия. На лексико-фонетическом уровне в обоих обращениях

наблюдается использование оратором приемов для придания речи благозвучия. Однако в обращении к народу благозвучие и мелодичность речи обеспечивается и подбором слов (эпитеты, средства придания речи образности: метафоры, метонимии и др.). Для народа важна ясность речи, а также яркость, жизненность изображаемого события. Используя средства придания образности, оратор помогает представить это событие в ярких красках. Также образы помогают привлечь внимание аудитории, вызвать интерес и передать в какой-то мере эмоциональное состояние ритора. При обращении к Конгрессу президент также использует эпитеты, что делает сухую речь доклада более живой и запоминающийся.

Синтаксическая структура предложений в обращениях президента характеризуется следующим: в обращении к народу преобладают простые распространенные предложения, легкие для восприятия и запоминания. С другой стороны, эти предложения изобилуют отсылками к универсальным ценностям человечества, что так дорого воспринимающим выступление американцам. Кроме того, А. Линкольн использует инверсию, тем самым делая акцент на необходимом ему моменте. В своем обращении к Конгрессу, президент использует сложные предложения, излагающие не только факты, но и его мнение о них. Инверсия практически не наблюдается, преобладает прямой порядок слов, однако повторы – анафора и синтаксический параллелизм – очень частотны.

Что касается композиционного плана, обращение к Конгрессу представляет собой развернутую композицию, состоящую из пяти структурных элементов. Составляющие части выступления легко вычленяются, темы логично переходят одна в другую, связность речи достигается когезией, ретроспекцией и проспекцией. В обращении к народу отсутствует зачин и концовка, что объясняется спецификой данного типа речи и аудиторией.

Библиографический список

1. Анисимова Т. В. Современная деловая риторика [Текст] / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. М.: Изд-во МГУ, 2001.
2. Данилина В. Политическая риторика как научное направление [Текст] / В. Данилина // Вестник московского университета: Управление (государство и общество). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. Вып. 2. С.88-106.
3. Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации [Текст] / Е. Н. Зарецкая. М.: Дело, 2002.
4. Кохтев Н. Н. Ораторская речь: стиль и композиция [Текст] / Н. Н. Кохтев. М.: Изд-во МГУ, 1992.
5. Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов [Текст] / Н. Н. Кохтев, Д. Э Розенталь. М.: Высш. шк., 1981.
6. Ножин Е. А. Публичная речь как вид коммуникации [Текст] / Е. А. Ножин. М.: Наука, 1971.
7. Сопер Поль Л. Основы искусства речи. Книга о науке убеждать [Текст] / Поль Л. Сопер. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
8. Чантуридзе Ю. М. Афроамериканский политический дискурс: когнитивный, лингвокультурологический, и риторический аспекты [Текст] / Ю. М. Чантуридзе. М.: Изд-во МГУ, 2015.
9. Выступления президентов. Обязательная программа. Washington ProFile URL: http://www.washprofile.org/ru/node/3872
10. Фабрика речей. Washington ProFile. URL: http://www.washprofile.org/ru/node/3871

АНАЛИЗ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Акимова Н. Ф., Барнаул, Россия

РЕГИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ФРАНЦУЗСКИХ РЕГИОЛЕКТОВ

Аннотация. В статье анализируется лексика французских регионолектов. Выявлены факторы, определяющие формирование национально-культурного компонента значения французских лексических и фразеологических единиц. К ним относятся: обозначение местной реалии; отражение исторических событий; отражение культурных контактов с другими территориями; особенности менталитета жителей региона; оценочная картина мира регионолекта; образный перенос, отражающий особенности местной культуры.

Ключевые слова: регионолект, регионально-культурный компонент, реалия, оценочная картина мира

REGIONAL AND CULTURAL COMPONENT OF THE MEANING OF LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS OF FRENCH REGIONAL DIAECTS

Abstract. The article analyses the French regional dialects vocabulary. The factors defining national and cultural component of the French lexical and phraseological units meaning have been revealed. The local realia names, the historical events reflection, the reflection of cultural contacts with other territories, the peculiarities of the region citizens' mentality, the regional dialects of the evaluative world view, the figurative shift reflecting local culture peculiarities particularly refer to them.

Keywords: regional dialect, regional cultural component, realia, evaluative world view.

Территориальные особенности современного французского языка образуют регионолекты, постепенно сформированные под влиянием прежних диалектов. Регионолект (*régiolecte*) – термин, используемый романской диалектологической школой. В отечественное языкознание этот термин был введен А .С. Гердом (Герд 2001). Французскими регионолектами активно занимается А. А. Сидоров, который определяет регионолект как «совокупность языковых особенностей по отношению к регионально немаркированной норме, которые наблюдаются в узусе географически ограниченного континуума» (Сидоров: URL). Лексика регионолектов состоит из единиц местного значения, не относящихся к общефранцузскому языку. Многие регионализмы являются отражением культуры региона, его образа жизни и менталитета. Для передачи такой информации региональные лексические единицы содержат в составе своего значения специфический региональный компонент, который, подобно национально-культурному компоненту, представляется возможным назвать регионально-культурным компонентом значения. «Такая лексика несет в себе яркую культурологическую составляющую, т.к. передает особенности языковой номинации в конкретном регионе, раскрывает традиции носителей регионального варианта языка» (Чернышова: URL). Она является выражением региональной картины мира как варианта национальной языковой картины мира. В данной работе сделана попытка выявить источники формирования национально-культурного компонента значения французских региональных лексических и фразеологических единиц, иначе говоря, проследить связь таких единиц с культурой региона. Исследование проводилось на материале единиц, извлеченных преимущественно из двух изданий: словаря региональных фразеологических единиц Ж. Гильерона (Guilleron 2011) и словаря регионализмов, содержащегося в книге известного французского лингвиста Г. Вальтер «Le français d'ici, de là, de là-bas», посвященной описанию региональных вариантов французского языка (Walter 1998: 375-402).

Естественно, что наиболее выпукло регионально-культурный компонент значения представлен в словах-реалиях (обозначающих местные объекты-реалии). Особенно многочисленными реалиями во французских регионолектах являются названия местных блюд, напр.: *tartiflette* (Прованс) – паштет из картофеля с луком, сыром и салом; *tian* (Прованс) – блюдо из овощей, посыпанное сыром и сухарями и запеченное в горшочке (Акимова, Нижник 2013: 14-16). Свою региональную специфику также имеют, например, названия продуктов, выращиваемых на земле региона. К таковым относятся, в частности, названия растений южного регионолекта, служащие приправами*: cébette* – мелкий лук без луковицы; *pitchoulines* – мелкие оливки; *tapènes* – каперсы. Свои названия имеют продукты моря на юге Франции: *ar(r)apède* – пателла (ракушка заострённой формы); *esquinade* – морской паук (это слово имеет на юге также фигуральное значение «худышка»); *muscle* – мидия – этимологический дублет общефранцузского *moule* (от латинского *musculus*).

Само название провинции *Champagne* ассоциируется с сельской жизнью, так как восходит к латинскому *Campania* от *campus* «поле, расположенное в долине». Есть немало региональных слов, относящихся к сельской жизни Шампани. Например, *baloce* – слива, *caillot, caillon* – орех, *fayard* – бук (восходит к латинскому слову *fagus,* в то время как его общефранцузский эквивалент *hêtre* был заимствован из германского), *alond(r)e* – ласточка, *coquemar* – чайник с дугообразной ручкой, который постоянно стоит и подогревается на плите. *Le poêle* (в общефранцузском «печь») здесь обозначает также главную, единственно отапливаемую комнату в доме (перенос общефранцузского слова по метонимии). Привычки и понятия старой сельской жизни Шампани обнаруживаются и в современных выражениях. Например, *en raie d'oignons* – по прямой линии (букв. «по луковому ряду»), *souffler la lampe* – выключить свет (букв. «задуть лампу»).

Слова-реалии могут видоизменяться в связи с вариативностью формы обозначаемого предмета. Например, в Провансе *toupin* – небольшой горшок с одной ручкой для хранения оливок, а *toupine* – горшок большего размера и уже с двумя ручками. Объект-реалия может иметь несколько другую форму в другом географическом пространстве, и название этого объекта тоже может быть измененным. Так, в Тулузе горшок имеет ручку другой формы (длинную) для помещения его на огонь и называется он *toupe*. В Бордо горшок на трех ножках для варки супа называется *toupigne*, тогда как для хранения мясных консервов в собственном жире используется горшок из песчаника под названием *toupi*. В Руссильоне тоже используется горшок под названием *toupi*, но там он покрыт лаком и имеет длинную ручку (Walter 1998: 200).

Регионально-культурный компонент лексических единиц ярко проявляется в переносных номинациях, характеризующих обозначаемую реалию через метафору. Так, во многих французских регионах есть названия хлебобулочных изделий, характерных только для данного региона, и эти названия нередко отражают форму самих изделий. Например, в Провансе *ficelle* (букв. «веревка») – это тонкий длинный багет; в Бретани *chapeau* (букв. «шляпа») – хлеб из двух круглых булок разных размеров, положенных одна на другую. В Оверни *tabatière* (букв. «табакерка») – булка хлеба с плоской крышкой.

В Шампани шампанские вина в маркетинговых целях разливаются в бутылки не только обычных, но и больших размеров. Таким «королевским» бутылкам, подчеркивая степень их значимости, были даны библейские царские имена. Например, бутылка – эквивалент четырем обычным бутылкам называется *jeroboam* – имя основателя государства Израиль, эквивалент 6 бутылкам – *réhoboam* – имя царя Соломона, 8 бутылкам – *mathusalem* – имя одного патриарха, рождённого ещё в 969 году до н. э., 12 бутылкам – *salmanazar* – имя одного из королей Ассирии, 16 бутылкам – *вalthazar* – имя короля Вавилона. Только *magnum* (1,5-2 литра) имеет латинское происхождение (Walter 1998: 291).

Фразеология обладает свойством наилучшим образом отражать культуру того или иного регионекта, например, в южном регионекте говорят: *faire midi* – отдыхать после обеда (в самую жару, что особенно характерно для южных регионов). В Нормандии с ее морскими приливами и отливами выражение *aller à la rocaille* обозначает отправиться ловить рыбу у скалистого берега во время отлива (слово *rocaille* восходит к латинскому госса «скала»). Выражение *prendre les dix heures* (Овернь) отражает традицию перекуса в десять часов утра. *Pieds-paquets* – бараньи рубцы – название одного из провансальских блюд.

Регионально-культурный компонент значения лексической и, тем более, фразеологической единицы может быть связан с историей данного региона. Так, слово holz германского происхождения во фразеологизме *tête de holz* – упрямый человек (Лотарингия) свидетельствует о бывшей принадлежности этого региона к Германии. Для жителей Эльзаса, который также относился до Второй Мировой войны не к Франции, а к Германии, выражение *aller à l'intérieur* (букв. «поехать внутрь») обозначает «поехать в другой регион Франции», исходя из того, что Эльзас – это исторически отдельная от Франции территория. В регионекте Юг-Пиренеи *sortir la bedoucette* обозначает «вынести мусор». *Bedoucette* «мусорница» названа по имени одного из бывших мэров Тулузы (Bedouce), который предложил модернизировать этот предмет и делать его не из дерева (как раньше, по предложению парижского мэра Пубэлля, чье имя этот предмет носит в общефранцузском языке – *poubelle)*, а из оцинкованного металла (Guilleron 2011: 103). На маслозаводах Прованса жидкость, остающуюся на дне контейнера после переработки оливок, называют *huile d'enfer* (букв. «адское масло»), потому что раньше ее выливали прямо в подпол, называвшийся *enfer* – «ад». Эту жидкость нередко использовали для производства плохого масла, и компонент этого фразеологизма *d'enfer* («адское») в результате народной этимологии стал восприниматься как «плохое».

Регионально-культурный компонент фразеологических единиц проявляется особенно ярко и выразительно в переносных номинациях, построенных на образах, в которых находят отражение особенности местной культуры. Такие номинации встречаются чаще всего среди фразеологических единиц. Например, в Бретани выражение *souffler dans le biniou* – пройти алкотест – построено на образе игры на бретонской волынке, в которую надо дуть. Фразеологизм *faire ses olivettes* (Лотарингия) обозначает «заниматься своими делами». *Olivettes* – это ягоды винограда, растущего в данном регионе, по форме похожие на оливки. В выражении *frais comme un ail* (букв. «свежий как чеснок») регионолекта Юг-Пиренеи пышущий здоровьем человек сравнивается с белым, блестящим и полезным чесноком, так как это растение широко используется в кухне данного региона и занимает в его культуре значительное место.

Регионально-культурный компонент значения довольно многих лексических и особенно фразеологических единиц отражает особенности менталитета носителей регионолекта. Например, выраженние *faire chapelle* отражает гостеприимство жителей северного региона, которые в день карнавала открывают дверь своего дома и предлагают угощение участникам карнавала (*chapelle* – часовня, но в переносном смысле – кружок друзей). Изощрённый парижский юмор выражается, в частности, в игре слов, обозначающих числа. Например, в XIX веке туфель после починки называли *dix-huit* «восемнадцать», потому что он *«deux fois neuf»* – дважды новый: игра на омонимах *neuf* «новый» и *neuf* «девять»; *je te dis et je te douze* – я тебе говорю и повторяю: здесь также видна игра слов на омонимах *dix* «десять» и *dis* «говорю» – букв.: «я тебе говорю (десять) и я тебе двенадцать».

Современный Парижский район не богат регионализмами по двум причинам. Во-первых, потому, что население там очень разнородное. Во-вторых, потому, что, начиная со Второй империи, всё парижское воспринималось как лучшее и модное, и парижские регионализмы быстро распространялись по всей Франции и переставали быть регионализмами. Так было с *viveur* – кутила, гуляка, *raseur* – зануда, *énervant* в значении «нервирующий» (более раннее общефранцузское значение этого слова – «расслабляющий») (Walter 1998: 298-299). Интересно отметить, что парижане, несмотря на противодействие пуристов, всегда проявляли галантное стремление к феминизации некоторых номинаций, причём самых, казалось бы, неожиданных. Например, женский портрет назывался не *portrait*, а *portraise*. Молитва об усопших мужчинах называлась *profundis*, но если отпевали женщину, то она называлась *profundises*. Говоря о категории рода существительных, отметим, кстати, что в некоторых регионах она оказывается ослабленной: например, часть существительных в Шампани не имеют определённого рода и могут употребляться без изменения значения и в мужском, и в женском роде: *un noix* и *une noix, un légume* и *une légume*.

Т.С. Егошина отмечает, что в тематике номинаций лидируют те или иные регионы: чувства – в Нормандии, в Провансе, в Оверни, на Западе; внешность – на Юге-Пиренеях, в Бургундии, в Центре; умственные способности и возрастные особенности – в Нормандии, в Лотарингии, в Арденнах (Егошина: URL). Таким образом, можно предположить, что в картинах мира разных регионолектов наиболее ценностными оказываются разные стороны жизни.

Многие региональные фразеологизмы отражают оценочную картину мира того или иного регионолекта. Насмешливый склад ума жителей Шампани прослеживается в таких выражениях, как *bic et bouc* (букв. «коза и козел» – игра слов по типу паронимической аттракции – бисексуал; гермафродит); *tomber de l`armoire* – «как с неба свалиться» (дословно «свалиться со шкафа»), а также в прозвищах.

Прозвища представляют собой особый тип регионализмов. Они напрямую связаны с культурой регионов, так как отражают их оценочную картину мира. Во многих регионолектах есть прозвища, характеризующие жителей того или иного населенного пункта внутри данного региона. Так, в регионе Пуату-Шаранта жителей Вандеи называют *Ventres à choux* – «капустные животы», за их любовь к капусте. Впрочем, мотивация прозвищ иногда бывает понятна только жителям данной провинции: носители регионолекта Шампани называют жителей Реймса *les Cornichons* – глупцы (букв. «огурцы»), жители Витри-ле-Франсуа для них *les Hâbleurs* – хвастуны, а жители Труа – *les Ribauds* – бесстыдники, развратники. На юге Франции есть прозвище, которое имеет разные варианты: *Gavot, Gavache, Gavatch, Gabatch, Gavatchot* для уничижительного обозначения жителей горных поселений, которых жители других южных районов считают грубоватыми, говорящими на грубом наречии и т.д. (Walter 1998: 193-194, 294-295).

Специфика оценочной картины мира того или иного региона проявляется и в компаративных оборотах, напр.: *dormir comme une taupe* – букв. «спать как крот» (Квебек), тогда как в общефранцузском языке Франции есть целый ряд аналогичных сравнений: *dormir comme une marmotte* («как сурок»), *comme un loir* («как соня»), *comme un sabot* («как башмак») и др., но только не

«как крот»; *fou comme un lapin* – букв. «шальной как кролик» (Лимузин), а в общефранцузском говорят: *fou à courir les champs* (букв. «такой ненормальный, что готов носиться по полям»).

Региональный компонент значения фразеологизма оказывается более ярким при наличии слова-регионализма, напр.: *pigner comme un bébé* (Иль-де-Франс) – жаловаться, захлебываясь слезами (букв. «как ребенок»; регионализм *pigner* восходит одновременно к двум старофранцузским словам-омонимам: *pioller* «жаловаться» и *piauler* «пищать»). Регионально маркированное слово, входящее в состав фразеологизма, может происходить из французского регионолекта, на котором говорят на соседней с Францией территории, поэтому региональный компонент значения здесь является следствием культурных контактов между жителями двух стран. Так, во фразеологизме регионолекта Франш-Комтэ *lancer des fions* – отпускать колкости, обидные замечания – слово *fion* пришло из Швейцарии. Выражение этого же регионолекта *mettre en briques* обозначает «разбить вдребезги», так как в швейцарском варианте французского языка слово *brique* обозначает не только «кирпич», как во Франции, но и «осколок».

Таким образом, регионально-культурный компонент значения лексических и фразеологических единиц французских регионолектов может реализоваться за счет: 1) обозначения местной реалии; 2) особенностей культуры данного региона, его традиций; 3) отражения в номинации исторических событий данного региона; 4) отражения его культурных контактов с жителями других территорий; 5) образного переноса, отражающего особенности местной культуры; 6) особенностей менталитета жителей данного региона; 7) особенностей оценочной картины мира данного регионолекта.

Библиографический список

1. Акимова Н. Ф. Французская региональная лексика сферы кулинарии [Текст] / Н. Ф. Акимова, Н.Ф.Нижник // Лингвистическое образование: научные основы и дидактические решения: Материалы региональной научно-практической постерной конференции. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2013. С.14-16.
2. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия [Текст] / А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.
3. Егошина Т. С. Человек и его быт в регионолектном словотворчестве (на материале современного французского языка) URL: http://открытыйурок.рф/статьи/214020/
4. Сидоров А. А. Региональная лексика французского языка: происхождение, статус, функционирование и перспективы существования в регионолектах и общенациональной языковой системе URL: http://www.dslib.net/roman-jazyki/regionalnaja-leksika-francuzskogo-azyka-proishozhdenie-status-funkcionirovanie-i.html
5. Чернышева М. А. Французские регионализмы сферы «Быт и повседневная жизнь»: культурологический аспект [Текст] / М.А.Чернышева // Материалы 67-й науч. конф. проф.-препод. состава, аспирантов и сотрудников. – Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2015 URL: https://www.researchgate.net/publication/315691762_Francuzskie_regionalizmy_sfery_Byt_i_povsednevnaa_zizn_kulturologiceskij_aspekt
6. Guilleron G. Petit Tour de France des expressions populaires [Text] / G. Guilleron. P.: First-Gründ, 2011.
7. Walter H. Le français d'ici, de là, de là-bas [Text] / H. Walter. P.: Editions Jean-Claude Lattès, 1998.

Буренкова С. В., г. Омск, Россия

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Предметом изучения настоящей статьи являются содержательные изменения таких ключевых концептов современной немецкой лингвокультуры, как труд и порядок. На основе анализа семантики и функциональных особенностей номинаций, коррелирующих с названными концептами, автор выявляет новые элементы их содержания, отражающие происходящие в немецком обществе социокультурные трансформации. Исследование динамической стороны национально-специфичных концептов способствует более глубокому познанию языка и культуры.

Ключевые слова: концепт, содержательная динамика концепта, социокультурные изменения, порядок, труд, немецкая лингвокультура.

KEY CONCEPTS OF GERMAN LINGUO-CULTURE IN THE DIACHRONIC ASPECT

Abstract. The object of study in this paper are substantial changes in two key concepts of contemporary German linguistic culture. As a research topic chosen such important concepts as the *Ordnung* and *Arbeit*. The purpose of research is to reveal the facts of language and speech, which show some of the content changes of the studied concepts. Based on the analysis of semantics and functional features of the nominations, which correlate with concepts

Ordnung and *Arbeit*, the author reveals the new elements of their content, reflected social and cultural transformations in German society. A study of the dynamic part of the national-specific concepts contributes to a deeper understanding of language and culture.
Keywords: Concept, semantic dynamics of concept, social and cultural changes, *Ordnung*, *Arbeit*, German linguistic culture.

Концепты как ментальные корреляты языковых знаков подвержены динамике: их содержание меняется так же, как изменяются семантика и форма репрезентирующих их единиц языка. Смысловое развитие концепта, деривация элементов языка детерминированы изменениями отображаемых ими предметов и явлений окружающей действительности. Вследствие этого концепт справедливо трактуется как «величина динамичная, в огромной степени зависимая от состояния общества, общественной ситуации» (Попова 2007: 115). Данное свойство концепта определяет необходимость повторного обращения к уже, казалось бы, изученному материалу, новое рассмотрение уже описанных в лингвистике концептов.

Каждое современное общество сталкивается, особенно сегодня, с массой новых проблем, требующих этических решений, пересмотра существующей системы моральных норм и ценностей. Глубинными причинами возникающих конфликтов являются разные интерпретации устоявшихся традиций, ценностных представлений. Переосмысливание системы ценностей является неизбежным процессом, тесно связанным с разного рода трансформациями в обществе. Несмотря на присущую стабильность, система национальных ценностей и норм характеризуется синхронической и диахронической изменчивостью, что постепенно находит отражение и в способах вербализации соответствующих концептов.

Своеобразие немецких культурных норм и способов нормализации окружающего мира всегда определялось особой значимостью норм и правил в жизни отдельного немецкого гражданина и социума в целом. Неотъемлемый элемент немецкой культуры – *порядок (Ordnung)* – и сегодня приобретает при сравнении с другими культурными сообществами особую яркость.

Приверженность к порядку относится к типичным характеристикам немецкого менталитета. С точки зрения других народов, любовь к порядку у немцев носит даже несколько преувеличенный характер. Немецкая нация проникнута стремлением к порядку. Немцы не терпят никакого беспорядка, запущенности, бесхозяйственности. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, сентенции, остроты: *Ordnung im Haus ist halbes Sparen. Ordnung hilft haushalten. Lerne Ordnung, übe sie, sie erspart dir Zeit und Müh'. Ordnung regiert die Welt. Ordnung hat Gott lieb. Ordnung ist vernünftig und nützlich* (das Kredo der Aufklärung). *Unordnung ist ein teurer Hausgenosse* (Мальцева 2000). *Wer Ordnung liebt in seinem Leben, der trifft ins Loch und nicht daneben.*

В Германии порядку должен подчиняться весь уклад не только общественной, но и частной жизни немца: семья и бизнес, свободное время и учёба. Немцы в состоянии запланировать даже неудачи (*Misserfolge*). Прийти в гости без предупреждения – предосудительно, визиты чаще всего также тщательно планируются в общий распорядок жизни. Видимо, не напрасно немецкая пословица *Ordnung ist das halbe Leben* получила у писателя Людвига Харига каламбурное переосмысление: *Ordnung ist das ganze Leben* (Bausinger 2002).

В наше время составляющие немецкий порядок ценности тоже модифицируются, что приводит к изменению общественных правил поведения, к утере традиционного порядка. Такого рода трансформации свойственны, по свидетельству социологов, истории всего человечества, сравните: «*Mit dem Anbeginn der Moderne ging Zug um Zug die traditionelle Ordnung verloren, es begann eine Zeit der Diskontinuität, der Unsicherheit und des Wandels gesellschaftlicher Regeln. Diskontinuitäten gab es in der geschichtlichen Vergangenheit immer wieder*» (Kübler-Jung 2014: 126). Социокультурные изменения выступают определенное время в качестве характеристик, еще не зафиксированных языком, но они свидетельствуют об изменяемости того или иного концепта.

В современной Германии, где соблюдение порядка всегда считалось основным жизненным принципом, отмечается в последнее время небрежность в отношении установленных норм и правил, что связывают, в первую очередь, с влиянием других культур. Видимо, не случайно немецкие авторы все чаще обращаются сегодня к ценностям классической этики. Так, известный публицист Райнер Эрлингер в своей книге "*Lügen haben rote Ohren. Gewissensfragen für große und kleine Menschen*" дает достаточно убедительные пояснения по многим общим и частным «вопросам совести»: *Можно ли воровать цветы в общественном парке? Почему нужно соблюдать правила? Что такое мораль? Нужно ли раскаиваться в супружеской измене?* (Erlinger 2005).

Вероятно, по причине несовпадения личного мнения и государственных предписаний некоторые поступки, подлежащие, согласно существующим законам, наказанию, не считаются

немецким обществом предосудительными, что находит отражение в языке и речи. В немецкой лингвокультуре существует отдельная номинация для обозначения *незначительного проступка* или нарушения заведенного порядка – *das Kavaliersdelikt*. Слово, нередко используемое сегодня в речи, возникло еще в средние века: обладатель лошади мог называть себя *Kavalier*, а его действия, связанные с продажей, покупкой, меной лошадей, именовали *Kavaliersdelikt* (Begriff Kavaliersdelikt: URL). Дальнейшее развитие семантики слова носило если не мелиоративный, то, по крайней мере, «аристократический» характер: дворянин сохранял свой благородный титул, даже если он имел внебрачную связь с женщиной низшего сословия.

Современное значение слова: неразрешенный [наказуемый] поступок, который в обществе не считается предосудительным (оскорбительным, бесчестным) (The free Dictionary: URL). Окружающие люди расценивают подобный незначительный проступок, скорее, как безобидный (*harmlos*), не такой плохой (*weniger schlimm*), не столь тяжкий, допустимый, хотя и аморальный (*nicht schwer, gering, geringfügig, legitim, aber unmoralisch*), запрещенный законом, но терпимый в обществе (*eine Handlung, die das Gesetz verbietet, die aber von der Gesellschaft toleriert wird*), к тому же сам нарушитель не считает своё прегрешение наказуемым (*nicht strafbar*) (The free Dictionary: URL; Wörterbuch der deutschen Umgangssprache 2013:URL).

В качестве *Kavaliersdelikt* в немецком обществе могут расцениваться: уклонение от уплаты налогов (*Steuerhinterziehung*), обман страховой компании (*Versicherungsbetrug*), пиратский просмотр телепрограмм (*Schwarzfernsehen*), изготовление и распространение пиратских копий (*Verbreiten und Herstellen von Raubkopien*), плагиат (*Plagiat*), незаконное занятие каким-либо промыслом, нелегальная трудовая деятельность (*Schwarzarbeiten*); завышение предприятием затрат (*Spesenbetrug*), подкуп (*Bestechung*), превышение допустимой скорости (*Geschwindigkeitsüberschreitung*), вождение автомобиля в нетрезвом виде (*Alkohol am Steuer/ Autofahren im betrunkenen Zustand*), вождение автомобиля без водительских прав (*Fahren ohne Fahrerlaubnis/Schwarzfahren*), проезд в общественном транспорте без билета (*Schwarzfahren*), парковка в запрещенном для этого месте (*Parken im Halteverbot*), курение в недозволенных местах (*Rauchen in rauchfreien Zonen)*, обман с целью получения денежной помощи (*Subventionsbetrug*) (Буренкова 2014).

Такие нарушения становятся нередко предметом гордости, их активно обсуждают в компании, многие люди даже одобряют их. Пострадавшей стороной в подобных деяниях выступает, как правило, государство или общественный институт. Государство в свою очередь определяет подобного рода нарушения установлений и правил как запрещенные законом, а потому преследуемые и наказуемые деяния.

Отношение граждан Германии к незначительным нарушениям нельзя назвать однозначным. Так, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения оправдано лишь с точки зрения самого нарушителя, к счастью, таковым нельзя считать каждого немецкого гражданина. Сравните: *Trunkenheit am Steuer ist* ***kein*** *Kavaliersdelikt.* Заголовки газетных публикаций свидетельствуют о неоднозначном отношении немцев к плагиату, к приёму допинговых препаратов, сравните:

(K)ein Kavaliersdelikt. Plagiat – Betrug oder ein Kavaliersdelikt?

Abschreiben – Kavaliersdelikt oder Betrug?

(K)ein Kavaliersdelikt. Ob zur sportlichen oder geistigen Leistungssteigerung: Wer dopt, geht hohe gesundheitliche Risiken ein. … Wenn es um derlei Hilfsmittel im Sport geht, ist sich die Mehrheit der Deutschen einig: 79,3 Prozent der Bürger sind dafür, Doping im Sport als Straftat zu werten, so das Ergebnis einer repräsentativen Befragung von Zeit online ((K)ein Kavaliersdelikt:URL).

Вне всякого сомнения, мера значительности или незначительности мелких проступков колеблется в зависимости от времени, социально-политической обстановки, воззрений общества. Как показало предпринятое исследование, в настоящее время многие немцы расценивают такие нарушения, как фальсификация данных в налоговых декларациях, безбилетный проезд или нарушение авторских прав как незначительные.

Немецкий *Ordnung* складывается из многих значимых для немецкого гражданина понятий: дисциплины и пунктуальности, ответственного отношения к труду и педантичности. Многие исследователи отмечают исключительное немецкое *трудолюбие*, высокое профессиональное мастерство, дисциплинированность, любовь к порядку и, наконец, сознание ответственности за порученное дело и восприятие труда как важнейшего долга человека. Такое отношение к труду – исторически сложившаяся черта характера немецкого рабочего, ремесленника, крестьянина, всякого мастерового человека (Мальцева 2000).

Для немца прилежание и старание – это, прежде всего, серьезное отношение к делу, прилежная работа подразумевает неустанное стремление к результату, сравните: *Fleiß, der;* -es: 1. strebsames u. unermüdliches Arbeiten; ernsthafte u. beharrliche Beschäftigung mit einer Sache; *Eifer, der;* -s: ernstes, angespanntes Streben, Bemühen. *Особое* прилежание получило в немецком языке отдельную номинацию, одним из компонентов значения которой вновь выступает неустанность: *Emsigkeit, die;* -: rastloser Fleiß, unermüdliche Tätigkeit. Сравните также композит, первый компонент которого обладает значением усиления: *Feuereifer, der:* [besonders] großer Eifer (Duden 1999).

Немцы ценят усердие во всем, тем более что особенности немецкого словообразования позволяют емко и лаконично обозначать данное качество в относительно разных сферах жизнедеятельности: *Arbeitswille, der; Arbeitseifer, der; Arbeitselan, der; Arbeitsfieber, das; Lerneifer, der; Pflichteifer, der; Sammeleifer, der* и т.д. Вместе с тем усердие может оказаться и чрезмерным, заслуживающим насмешки, порицания, например: *Biereifer, der* (ugs. spött.): übermäßiger Eifer; *Übereifer, der;* -s (oft abwertend): allzu großer falscher Eifer (Duden 1999).

Говоря о *работоспособности* немцев – *Arbeitsfähigkeit*, следует отметить, что данная номинация не обладает тем дополнительным оттенком значения, который присущ ей в русском языке, ср.: *Работоспособный* – 1. Обладающий способностью работать; трудоспособный. // Обладающий способностью много и производительно работать. Сравните также: *удивительная работоспособность; отличаться работоспособностью* (Саяхова 2000). Однако Arbeitsfähigkeit следует понимать как трудоспособность, ср.: *Arbeitsfähigkeit, die* << *arbeitsfähig* <Adj.>: in der Lage, seine Arbeit zu verrichten. Для обозначения способности продолжительно и упорно трудиться в немецком языке существует лексема *Ausdauer, die.* Как известно, не всегда удаётся быстро выполнить дело, с течением времени интерес к начатому проходит, однако, благодаря усидчивости и ответственности, можно завершить работу.

Необходимо указать на хронологическое расслоение лексики данной тематической группы, к примеру, лексемы *Arbeitsamkeit, arbeitsam* выходят из употребления и снабжены в словаре соответствующей пометой (veraltend).

Наряду с прилежанием, характерными чертами немцев являются исполнительность и ответственность – *Gewissenhaftigkeit*. Всё, что делает бундеснемец, он делает добросовестно, а это значит своевременно и, конечно, тщательно: *gewissenhaft* <Adj.>: mit großer Genauigkeit u. Sorgfalt vorgehend. Значимую роль в процессе труда играют предприимчивость (Unternehmungslust) и мастерство (Meisterhaftigkeit).

Анализ традиционных немецких пословиц, характеризующих прилежание, позволяет утверждать, что всякая деятельность немца должна быть прилежной. Для немца прилежание – залог счастья: *Fleiß ist des Glückes Vater*. Необходимо с малых лет относиться прилежно к делам, чтобы добиться чего-либо к старости: *Der Jugend Fleiß, des Alters Preis.*

Как русские, так и немцы работают, прежде всего, руками: *Прилежные руки не знают скуки; Fleißige Hand erwirbt, faule Hand verdirbt; Fleißige Hand baut Leut und Land*. В то же время в немецких пословицах указывается, что прилежание эффективно в сочетании со здравым смыслом: *Fleiß und kluger Sinn bringt den sichersten Gewinn.*

Таким образом, прилежание у немцев ассоциируется с наградой, призом (*Ohne Fleiß kein Preis*), здравым смыслом, усердием и пóтом (*Kein Fleiß ohne Schweiß)*. Использование антонимичных конструкций в пословицах позволяет чётко разграничить и противопоставить значимые для немецкого народа явления и придать им негативную или положительную оценку.

Между тем факты языка иллюстрируют изменения и этого ключевого для немецкой лингвокультуры концепта. Известно, что наличие большого количества так называемых псевдо- или антипословиц определенной тематики может свидетельствовать об изменении жизненной нормы, прописанной, как считается, в традиционной пословице. К примеру, труд у немцев ассоциируется сегодня в первую очередь с заработком: работать – значит зарабатывать. Не случайно народная пословица *Ohne Fleiß kein Preis* получила многообразные вариации: *Ohne Fleiß kein Wein. Ohne Fleiß kein Reis*. Бесплатно или за малую плату работать сегодня никто не хочет: *Ohne Preis kein Fleiß.*

Современное немецкое общество, вероятно, также не лишено такого качества, как лень. Об этом свидетельствуют многочисленные псевдопословицы:

Arbeiten ist Silber, Faulenzen ist Gold.
Arbeit macht das Leben süß, ich hab Angst vor Karies.
Morgenstund' ist aller Laster Anfang.
Morgenstund' ist ungesund.
Morgenstund' hat Gold im Mund. – Wer lange schläft, bleibt auch gesund.

Arbeit am Morgen macht Kummer und Sorgen.
Sich legen bringt segen.
Lieber krank feiern als gesund arbeiten.
Lieber Feste feiern als feste arbeiten (Mieder 1998).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод об изменчивом характере ключевых концептов культуры. Причинами динамики концептов *Ordnung* и *Arbeit* можно считать демократизацию и либерализацию общества, переосмысление системы ценностей, разного рода трансформации в обществе, что постепенно находит отражение и в способах вербализации концептов. Наличие антипословиц определенной тематики может служить своего рода «лакмусовой бумажкой», сигнализирующей о переоценке норм и ценностей в отношении тех или иных областей жизни. Под переоценкой понимается не только кардинальное изменение житейских мнений на прямо противоположные, по и более глубокое понимание важности того или иного явления. Содержательная динамика ключевых концептов лингвокультуры подтверждает, что система национальных ценностей и норм характеризуется сложностью, многоуровневостью, синхронической и диахронической изменчивостью и не может быть установлена a priori – она должна пониматься как взаимоналожение прошлого исторического развития социально-этнической общности и специфики наличной социально-политической обстановки.

Библиографический список

1. Буренкова С. В. О значимости норм и незначительности нарушений (на примере немецкой лингвокультуры) [Текст] / С. В. Буренкова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 1(2). С. 100–103.
2. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь [Текст] / Д. Г. Мальцева. М.: Русские словари, 2000. С. 370–373.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007.
4. Саяхова Л. Г. Тематический словарь русского языка [Текст] / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин. М.: Изд-во «Русский язык», 2000.
5. Bausinger H. Typisch deutsch: Wie deutsch sind die Deutschen? [Text] / H. Bausinger. München: Beck, 2002.
6. Begriff Kavaliersdelikt. URL: http://www.criminalprofiling.ch/begriff-kavaliersdelikt.
7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Text]. In 10 Bd. Mannheim etc.: Dudenverlag etc., 1999.
8. Erlinger R. Lügen haben rote Ohren. Gewissensfragen für große und kleine Menschen [Text] / R. Erlinger. Berlin: Ullstein, 2005.
9. (K)ein Kavaliersdelikt. URL: http://die-schwenninger.de/perspektive/im-fokus/im-fokus-detail/artikel/kein-kavaliersdelikt/?no_cache=1&cHash=cbaffd278ce8a4c8b046e0b89596864f.
10. Kübler-Jung T. Die selbstbeschränkte Freiheit. Warum wir uns gern sozialen Normen unterwerfen [Text] / T. Kübler-Jung. Marburg: Tectum Verlag, 2014.
11. Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Litaratur und Medien / Gesellschaft für deutsche Sprache (Hrsg.) [Text] / Wolfgang Mieder. Wiesbaden: Quelle und Meyer, 1998.
12. The free Dictionary URL: http://de.thefreedictionary.com/kavaliersdelikt.
13. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache 2013. URL: http://umgangssprache_de.deacademic.com/13008.

Друкаров М. Е., г. Новосибирск, Россия

ОППОЗИЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТА В ШВАНКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соотношения и противопоставления литературного и диалектного вариантов немецкого языка, используемых при создании короткого сатирического рассказа (шванка) российскими немцами. Также предпринимается попытка определения статуса диалектов в условиях перехода от устной фольклорной формы языка к письменной литературной. Подчеркивается важность создания, существования и сохранения литературных памятников как особых выразителей культурного и исторического наследия народов мира.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, письменность, фольклор, шванк.

OPPOSITION OF LITERARY LANGUAGE AND DIALECT IN THE SHVANK OF RUSSIAN GERMANS

Abstract. The paper is devoted to the problems of correlation and opposition of the literary and dialect variants of the German language, used by the creation of the short satirical story (shvank) by Russian Germans. There is also an attempt to determine the status of dialects in the conditions of transition from an oral folklore form of language to a written literary one. The importance of creation, existence and preservation of literary monuments as special signs of the cultural and historical heritage of the nations is emphasized.

Keywords: dialect, literary language, writing, folklore, shvank.

Далеко не каждый человек с уверенностью может заявить, что разбирается во всём многообразии жанрово-стилистического пространства, будь то родной язык или иностранный. Однако, даже если определённые знания такого рода имеются и касаются они довольно специфических жанров, таких, как, например, шванк российских немцев, о котором пойдёт речь далее, это в перспективе порождает целый ряд вопросов, мыслей, предположений, с которыми хочется разобраться, упорядочить и, наконец, просто обсудить кажущиеся на первый взгляд очевидными вещи.

Один из таких очевидных фактов заключается в том, что литературный язык можно противопоставить диалекту, ведь у каждого из них есть свои функции и возможности, каждый из них может быть охарактеризован по-своему. Так, например, литературный язык, как известно, тяготеет к норме, становясь универсальным средством коммуникации, а диалект проявляет совсем иные свойства, выделяя и обособляя его носителей, делая их мир и быт уникальным, не похожим ни на какой другой, противопоставляя один народ другим народам, обусловливая свой особый способ восприятия и отражения в сознании окружающей действительности.

Листая сборник шванков российских немцев, можно заметить одной из первых следующую особенность: некоторые произведения написаны авторами полностью на литературном, привычном для всех языке, а другие – наоборот, используют диалектный вариант языка, понять и разгадать который до конца кажется иногда просто невозможным.

В качестве примера произведения, написанного полностью диалектным вариантом языка, приведём заключительный фрагмент одного из шванков Эдмунда Гюнтера (Edmund Günther) под названием «Dr Bruder Specht»:

... «Der wollt Prozente hun», hot sei Fraa g'saat, wie dr Vetter Christjan mit leere Hänn haam is kumme.

«No in dr Biwel steht doch g'schriewe...», hot dr Vetter Christjan widder ohg'fange, awer sei Fraa hotm s Wort g'nomme:

«For mich un for dich steht dort gar nix g'schriewe...» (Schwänke von einst und jetzt 1967)

Как видно из примера, и слова автора, и речь главных героев представлены диалектом. Здесь можно предположить следующее: авторы шванков, будучи сами представителями народа, язык которого они повсеместно используют, писали свои произведения на родном и привычном им языке и ориентировались преимущественно на таких же, как и они сами, носителей языка и культуры. Безусловно, это способствовало беспрепятственному пониманию носителями закладываемого в шванк поучительного и воспитательного морально-нравственного смысла, тонкого и скрытого высмеивания (в том числе с помощью многочисленных образных средств) недостатков и качеств типичных представителей общества.

Литературный вариант языка, так же использовавшийся при написании шванков, по-видимому, позволил ориентировать произведения российских немцев на более широкий круг читателей, владеющих классическим немецким языком. Среди коротких сатирических рассказов российских немцев встречаются и такие, в которых и автор, и герои говорят на литературном немецком языке. Рассмотрим ещё один пример, фрагмент шванка Йоханнеса Кригера (Johannes Krieger) под названием «Die Willkommsbrüder und die Wölfe»:

... Unterwegs verteilte Vetter Jaab die Pflichten und gab kurze Anweisungen: «Du siehst, Joske, ich habe mit dem Schimmel zu tun. Die Bestie will ja heut aus der Haut. Du mußt schießen. Bist ja auch ein erfahrenerer Wolfsjäger als ich».

Aus den zitternden Sätzen verstand Vetter Joske, daß Vetter Jaabs Seele längst in die Hosen gerutscht war. Da wurde es auch ihm unheimlich. Der heulende Wind machte die Lage noch schauerlicher. Als sie auf dem Weg durch das Schilfdickicht waren, flüsterte Vetter Jaab:

«Wenn du deine Flinte leergeschossen hast, nimm meine und feure schonungslos drein. Indessen lade ich deine wieder» (Schwänke von einst und jetzt 1967)

В отличие от предыдущего примера, как слова автора, так и реплики главных героев написаны классическим литературным языком с небольшим оттенком разговорного стиля. Читать такие шванки легко и приятно каждому, кто знаком с немецким языком, но всё-таки ощущается нехватка какой-то доли этнической составляющей. Произведение воспринимается больше как культурное явление, а не как история жизни.

Кроме того, во многих рассказах российских немцев в рамках одного произведения используется как литературная, так и диалектная форма языка. Нужно заметить, что таких шванков подавляющее большинство. Приведём пример: фрагмент шванка Георга Хаффнера (Georg Haffner) под названием «*Ein Bärendienst*»:

Wer weiß, was bei der Geschichte herausgekommen wäre, käme nicht der Dorfschulze in einem leichten Federwagen durchs Feld gerädert. Er hörte das Geschrei und hielt an.

«No, was machtn ihr do, Vetter Michel?» fragte er.

«Ich will dem Mann s Baa einrenke», antwortete der.

Der Reiter setzte sich jetzt energischer zur Wehr. Was er da alles vorbrachte, verstand Vetter Michel nicht, aber als der Dorfschulze aus dem Wagen stieg, ließ Michel das Bein los.

«Ihr seid gar net mehr bei Trost, Vetter Michel», sagte der Vorsteher, «der Mann hat sich gar nix vrfalle, der is lahm von Geburt!» (Schwänke von einst und jetzt 1967)

Что удивительно, именно такое сочетание кажется оптимальным. Присутствует яркий контраст форм языка, что особенным образом характеризует героев произведений, часто выступающих в роли собирательного образа самих российских немцев. Здесь следует отметить такую особенность: литературная форма используется для описания сюжета, прорисовки самой ситуации, в условиях которой происходит взаимодействие героев, это слова автора в целом, а вот реплики действующих лиц, их прямая речь, диалоги представлены уже диалектом, что способствует очень живому и непосредственному восприятию их читателем. Персонажи проявляют себя такими, какими являются сами представители данного этноса. Трудно судить, намеренно ли авторы используют такой приём, или всё это продиктовано естественными условиями создания литературного произведения, однако это весьма гармонично вписывается в общий план повествования и, более того, именно в этом прослеживается особый шарм и самобытность как самого литературного произведения, так и его создателей, читателей и героев. Да и вообще, стоит только поближе познакомиться с их особенным миром, как диалоги действующих лиц уже с трудом начинают представляться в какой-либо другой форме, кроме диалектной.

В связи с этим вполне закономерно возникает желание поразмышлять о статусе диалекта, о его роли и своеобразном противопоставлении литературному варианту языка. Шванк российских немцев – это довольно специфический жанр, представляющий собой накопленный жизненный опыт и отражение картины мира данного этноса в форме коротких сатирических рассказов, как правило, заключающих в себе мораль, имеющих поучительную и воспитательную ценность. Специфика заключается в том, что речь здесь идёт о диалектной картине мира народа, о накопленном опыте, прошедшем сквозь призму особой формы языка, оказавшей влияние на сознание каждого представителя народа в отдельности и на всех в целом, сформировавшей представления об окружающей действительности, навсегда сохранив её такой, какой она явилась нам на страницах произведений. Как известно, влияние это не одностороннее, а значит и сам быт, и представления об окружающем мире не могли не оказать непосредственного влияния на развитие национального языка. Таким образом, диалект является очень важным средством выражения национально-исторического и социально-культурного развития этноса, это особый маркер картины мира, изучение которого позволяет лучше понять его носителей. Казалось бы, всё логично: носители языка, владеющие диалектом, создавали произведения про себя и во многом для себя, и написаны они были на диалекте. Но как объяснить стремление, желание, а может быть даже необходимость писать шванки, сочетая диалект и литературный язык. Вполне возможно, что это делалось с целью ориентации на более широкий круг читателей, как уже говорилось выше.

Но не менее интересным и справедливым кажется предположение о том, что такое сочетание есть не что иное, как переход от устной фольклорной формы языка к письменной литературной. Постепенно приобретая свои привычные жанровые очертания, шванк укрепляет свои позиции как письменное произведение, всё дальше уходя от каких-либо ситуативных рамок, теряя свои «народные» черты и проявляя всё больше абстрактных стандартизованных свойств.

Когда размышляешь об этом, вдруг понимаешь, что неоднократно встречал какие-то подобные, часто кажущиеся понятными без лишних слов рассуждения у многих исследователей, занимающихся изучением языков мира. Так, например, Н. Б. Мечковская в одной из своих книг

отмечает, что создание письма явилось главным событием в истории человеческой коммуникации (включая книгопечатание и компьютер). Письмо привело к качественным изменениям в характере языкового общения людей, а вслед и вследствие этого – к невиданному ускорению информационных, технологических и социальных преобразований. Письмо оказывалось также мощным и счастливым фактором в судьбах тех языков, которые, волею истории, относительно рано создали или (чаще) переняли у соседей письмо. Письменность развивала и обогащала язык, поднимала его престиж в глазах бесписьменных соседей. С появлением письма обычно начинал складываться литературный (нормированный) язык – в качестве такой формы существования языка, которая обладает наибольшими функциональными возможностями и в перспективе становится общим (наддиалектным и межсословным) средством коммуникации народа (Мечковская 2001: 128).

Если оттолкнуться от такого более общего представления о роли письменности в судьбах языков и с этой точки зрения посмотреть на конкретный жанр шванка российских немцев, то можно прийти к выводу о том, что высказанное выше предположение о переходе от одной формы существования произведения к другой вовсе не лишено смысла.

Нельзя сказать, что такое взаимное существование двух форм языка портит произведение. Напротив, как и любое противопоставление, это создаёт яркий контраст, как бы давая читателю понять, что есть своеобразная граница, что здесь наш мир, а там уже их. Возникает интересный эффект, с одной стороны читатель находится в центре событий, сопереживает, радуется или грустит вместе с главными героями, а с другой стороны ощущается та самая граница, за которой есть их мир, особенный и неповторимый, уникальный, близкий и понятный именно им, российским немцам. А остальным позволено лишь прикоснуться, заглянуть, понаблюдать и почувствовать. На первый взгляд в таком противопоставлении вариантов языка, в таком контрасте нет ничего особенного, но если задуматься, то становится заметен этот удивительный эффект.

Шванк наряду со многими другими литературными жанрами имеет огромное значение как средство выражения и сохранения культурного и исторического наследия народов мира. Под влиянием большого количества факторов некоторые народы мира и их национальные языки оказываются под угрозой исчезновения. Более того, некоторые исследователи считают, что процессы, протекающие в современном мире, языковые и не только, носят глобальный негативный характер. Н.Б. Мечковская пишет, что лингвисты мира бьют тревогу: языковое разнообразие планеты стремительно сокращается. Проводят параллели с исчезновением многих видов животных, растений, с экологическими катастрофами: вместе с умиранием сотен языков всё это – разные проявления нарастающего неблагополучия в мире (Мечковская 2001: 124).

Вполне вероятно, что этим процессам найдётся и другое, не столь печальное объяснение, однако, в любом случае, созданные и сохранившиеся письменные памятники позволяют получить ценные знания об особенностях быта народов мира, их мышления, представлений об окружающем мире, взаимоотношений, отношения к другим народам, к самим себе, а также много другой полезной информации.

Чтобы в полной мере осознать истинную важность и ценность литературного наследия российских немцев, достаточно обратиться к исследованиям, посвящённым современному состоянию языка данного этноса. Ознакомившись с данными о современном состоянии островных немецких диалектов, представленными Л. И. Москалюк в своей монографии, можно отметить, что до начала второй мировой войны немецкий язык российских немцев существовал в двух формах: в форме литературного немецкого языка и немецких диалектов. Литературный немецкий язык выполнял общественные функции на официальном уровне, являясь языком школы и церкви, образования и культуры, а также служил административным языком Немецкого национального района наряду с русским. Немецкий диалект оставался активным языком, представленным в разных коммуникативных сферах: семейной, приватной внутригрупповой и межгрупповой.

Продолжая анализировать хронологию событий, автор отмечает, что, начиная с 40-х годов 20 века, литературный немецкий язык в своих функциях был полностью вытеснен русским языком. Замена языка официальной сферы общения привела к разрушению относительно стабильной ситуации диглоссии при комплексной дистрибуции: литературный немецкий язык и русский язык – официальный уровень общения, немецкий диалект – неофициальный уровень коммуникации. Одновременно начинается медленное отступление диалекта. Немецкий диалект постепенно утрачивает сферы своего применения, а уже к началу 70-х годов происходит проникновение русского языка в сферу повседневного общения.

Далее следует вывод о том, что до начала 90-х годов, пока немецкое население составляло в немецких сёлах 80% и более, сохранялось относительное равновесие между двумя основными

формами коммуникации: немецким диалектом и русским языком. Немецкий диалект являлся неотъемлемым компонентом социолингвистической идентичности носителей говоров. Длительное равноправное сосуществование обоих языков было нарушено в результате продолжительной волны эмиграции российских немцев, которая привела к коренному изменению языковой ситуации в немецких поселениях (Москалюк 2002: 26).

Такие события, произошедшие в реальном мире, безусловно, наделяют творчество российских немцев особой важностью и значимостью, придавая ему статус своеобразного хранилища ментального мира представителей одной из уникальных культур на планете. Здесь в очередной раз проявляется одно из важнейших открытий человечества, пришедшее с изобретением письма, – способность сохранять и передавать во времени различного рода информацию об окружающей действительности.

Наконец, говоря непосредственно о шванках российских немцев и об использовании при их создании диалекта и литературного языка, следует отметить, что эти два варианта не противопоставлены друг другу, а скорее находятся в гармонии, дополняют друг друга и служат одной благородной цели, свойственной любому литературно-художественному произведению, – передаче эмоционально-эстетической информации. Возможно, во многом благодаря такому сочетанию шванк и стал уникальным произведением, так полюбившимся многим.

Библиографический список:

1. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков [Текст] : учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей / Н. Б. Мечковская. М.: Флинта: Наука, 2001.
2. Москалюк Л. И. Современное состояние островных немецких диалектов [Текст] : монография / Л. И. Москалюк. Барнаул: Изд.БГПУ, 2002.
3. Schwänke von einst und jetzt [Text] / Verlag «Progress». Moskau. 1967.

Жукова Л. В., г. Новосибирск, Россия

КОНЦЕПТ ТРУД В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Аннотация. В статье анализируется понятийная составляющая концепта ТРУД в языке российских немцев на материале шванков. Определены и рассмотрены наиболее ярко представленные в шванках когнитивные классификаторы, входящие в структуру исследуемого концепта, а также средства их объективации. Делаются предварительные выводы о степени влияния русского языка на языковую картину мира российских немцев.

Ключевые слова: российские немцы, шванк, лингвокультурный концепт, когнитивные классификаторы, языковая картина мира.

THE LABOUR CONCEPT IN THE LANGUAGE OF THE RUSSIAN GERMANS

Abstract. The article analyzes the conceptual component of the LABOUR concept in the language of the Russian Germans on the material of shwanks. The main cognitive classifiers included in the structure of the concept under study, as well as the means of their objectification are revealed. Preliminary conclusions are made about the degree of influence of the Russian language on the language picture of the world of the Russian Germans.

Keywords: the Russian Germans, shwank, lingua-cultural concept, cognitive qualifiers, language picture of the world.

Цель данной работы – описать концепт ТРУД в языковом сознании российских немцев и определить степень влияния русскоязычного окружения на языковую картину мира данной группы диалектоносителей. В качестве методологической базы исследования послужила модель структуры концепта, предложенная В. И. Карасиком, в рамках которой концепт понимается как «многомерное смысловое образование», включающее три «важнейшие измерения»: образное, понятийное и ценностное (Карасик 2002: 91, 107).

Отправной точкой для изучения концепта принято считать его понятийную составляющую, в которую входит языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция (Там же: 107). Прежде всего, необходимо установить ключевое слово-репрезентант, объективирующее изучаемый концепт, т.е. лексическую единицу, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт (Попова 2007: 125). В немецком языке такой ключевой лексемой будет являться существительное *die Arbeit*. Этимологический словарь дает следующее определение ключевой

лексемы изучаемого концепта: «auf Schaffung von Werten gerichtete körperliche oder geistige Tätigkeit, unselbständiger Dienst» (Köbler 1995: 24). Таким образом, труд в современном понимании – это физическая или психическая деятельность, направленная на создание ценностей, а также служба по найму.

В результате анализа словарных статей, предлагаемых электронными толковыми словарями немецкого языка Duden Online-Wörterbuch, Wortschatz Universität Leipzig, DWDS, можно выделить семь основных значений слова *Arbeit*:

1) деятельность (Tätigkeit), связанная с выполнением некоторых обязанностей (Verrichtungen), выполнение определенного поручения, задания (Ausführung eines Auftrags);

2) процесс создания, труда, деятельности, занятости чем-либо или кем-либо (das Arbeiten, Schaffen, Tätigsein; das Beschäftigtsein mit etwas, mit jemandem);

3) усилия, мучения, тяготы, заботы (Mühe, Anstrengung; Beschwerlichkeit, Plage);

4) занятие определенной профессией, трудовая деятельность, рабочее место (Berufsausübung, Erwerbstätigkeit; Arbeitsplatz);

5) результат планомерной деятельности, труда (Ergebnis, Werk, Erzeugnis, Produkt);

6) (спорт.) физическая подготовка к определенным достижениям, тренировка (das Training);

7) (физ.) работа как физическая величина.

Следует отметить, что средств объективации исследуемого концепта в 6 и 7 значениях ключевой лексемы *Arbeit* при изучении шванков российских немцев выявлено не было. Таким образом, на основании анализа приведенных словарных данных и диалектного материала в структуре концепта ТРУД можно выделить несколько когнитивных классификаторов и признаков, среди которых наиболее ярко в шванках представлены когнитивные классификаторы «Субъекты труда» (37%), «Условия труда» (18%), «Виды труда» (18%) и «Предметы и средства труда» (16%).

Субъекты труда представляют собой довольно обширную группу языковых средств, большую часть которых составляют наименования различных видов профессий, которые, в свою очередь, с целью моделирования были разбиты на несколько групп по признаку сферы деятельности: «Управленческое звено и представители власти» (19%) – *der Vorsitzende des Kolchoses, der Predsedatel, dr Wertschaftsleitr, der Kommandant, die Politiker*; «Сельское хозяйство» (16%) – *der Bauer/Kolchosbauern, dr Ackermann, dr Viehzüchter, dr Mäher, die Melkerin*; «Сфера обслуживания» (11%) – *dr Doktr, die Krankenschwester, die Postträgerin, der Verkäufer/Verkeifer, Brothändlerin, Remuntmeistr*; «Духовная сфера» (9%) – *der Vorsteher, dr Pastr, der Kirchenrat, der Bischof, der Kirchenvorsteher, der Glöckner*; «Судебная власть и правоохранительные органы» (6%) – *der Friedensrichter, der Urjadnik, dr Dorfmilizioner, dr Sotnik*; «Техника, машины, транспорт» (5%) – *der Kombineführer, der Mechanisator, der Kinomechanik*; «Образование» (5%) – *der Schulmeister(in)/Schulmaastr, der Lehrer/Zoologielehrer*; «Производственная деятельность» (5%) – *Dorfschmiedt/Schmiedt, dr Schuster, Walker*; «Социальная сфера» (3%) – *die Vorsitzende des Frauenrats, der Sobesmännje*; «Творчество» (3%) – *der Schwänkeschreiwer, der Musikant*.

Отдельные немногочисленные группы также составили:

1) лексические единицы, обозначающие людей, ведущих домашнее или же частное хозяйство *(Hausfrau/Hausherr, Brikastschik, Kosain)*;

2) лексические единицы, обозначающие человека, занятого какой-либо трудовой деятельностью, без ее конкретизации, либо представляющие собой собирательные существительные *(Arweiter, die Dorfleute, der Rentner, Kollege, Arbeiterkollektive, Sawodkollektiv);*

3) лексические единицы, обозначающие степень профессионализма субъекта *(Fachman, Praktikant).*

Когнитивный классификатор «Виды труда» связан непосредственно с предыдущим классификатором, однако выявленные средства репрезентации описывают не все виды деятельности, субъекты которых упоминаются в шванках. Так, например, не было выявлено средств, иллюстрирующих непосредственно деятельность представителей судебной власти и правоохранительных органов, социальных работников. В процентном соотношении результаты анализа языковых средств, объективирующих данный классификатор, выглядят следующим образом: «Домашнее хозяйство» (32%) – *die Wjartschaft führen, wirtschaften, Kinnrlumpe wäschen, die Wohnung in Ordnung bringen, Flicklappa drufnähen, den Tisch decken, Kuchebake, Brot un Kuche bake tun, eine Fleischsuppe kochen*; «Сельское хозяйство» (31%) – *die Kolchosarbeit, Feldarbeiten, uf m Feld schaffen, uf dr Farm arweite, das Kraut wegmachen, den Garte wässre, (die Kuh) melken, die Melke, (die Hühner, s Viehch) füttern/ fittern, Melone jäten, Melone ernten, Gras/Hei mähen, das Akkern*; «Управленческое звено, власть» (8%) – *Unordnung finden, däs Schnapsbutje regieren, Propaganda durchführen, a Brief uf dr*

Maschin drucken; «Сфера обслуживания» (7%) – *die Weiber untersuchen, Televisore remuntieren, a Brief bringen*; «Производственная деятельность» (7%) – *in dr Stadt in einer Fabrik arbeiten, schmieden, handwerken, mechanisieren*; «Строительство» (5%) – *e Summerkich hinstellen, das Stallbauen, bauen*; «Техника, машины, транспорт» (3%) – *Kombine satteln, am Lenkrad eines Kolchosautos sitzen*; «Творчество» (3%) – *Schwänke schreiwen, Musik machen*; «Образование» (2%) – *die Arbeit im Kinnergarten*; «Духовная сфера» (2%) – *die Glocken ziehen*.

В изученных текстах шванков российских немцев также можно выделить некоторые условия, в которых происходит трудовая деятельность. Самой значительной по количеству репрезентирующих единиц в рамках классификатора «Условия труда» является группа лексем, обозначающих место или организацию, где человек трудится. Чаще всего герои шванков работают в колхозе *(der Kolchos (14))*, на ферме *(die Farm (6))*, в поле *(das Feld (6))*, на котором могут расти овощи *(Gemüsefeld)*, либо колхозный клевер *(Kolchoskleefeld)*, что объясняется фактом проживания большей части российских немцев в сельской местности. В этой связи в шванках встречаются лишь единичные упоминания о производственных предприятиях, например, завод (*Sawod*) или фабрика (*Fabrik*). Дважды упоминается такое явление военного и послевоенного времени, как трудовая армия *(die Trudarmee)*, в составе которой большинству взрослых представителей «провинившегося» перед советской властью немецко-русского народа пришлось отбывать трудовую повинность.

При описании продолжительности трудового дня используются такие выражения, как *am Morgen bis zum Abend, Tag un Nacht, von frih bis spat un von spat bis frih*.

Следующий когнитивный классификатор – «Предметы и средства труда» – позволяет дополнить трудовую картину российских немцев, занимающихся в основном сельским хозяйством, в связи с чем среди лексем, репрезентирующих данный классификатор, были выявлены такие лексемы как *der Dreschflegel, die Sense, der Wurf, die Melkeimer, die Kombine, der Mähdrescher, der Traktor*.

На основании проведенного анализа и описания можно сделать вывод о яркой вербальной репрезентации концепта ТРУД в лингвокультуре российских немцев. При анализе средств объективации исследуемого концепта были выявлены многочисленные заимствования из русского языка, обусловленные как отсутствием некоторых явлений русской и советской действительности в сознании представителей данной этнической группы, так и проявлением интеркаляции, т.е. влияния второго языка на первый, когда в речи употребляется заимствование при наличии в родном языке слова с идентичным значением.

Библиографический список

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик Волгоград: Перемена, 2002.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.
3. Duded Online-Wörterbuch. URL: https://www.duden.de/woerterbuch
4. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/
5. Köbler G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch, 1995 URL: http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html
6. Wortschatz Universität Leipzig URL: http://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_newscrawl_2011.

Кочкинекова А. В., г.Барнаул, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОНОГО ПРОСТРАНСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье представлен анализ специфики описания эмоционального, или психического пространства человека, организующегося по «лекалам» пространства физического. Пространственная модель каждого общества отражает определенное видение пространства. Пространственные представления культуры отражаются и на понимании ее представителями миропорядка, а также других областей знания и сфер жизни. Указанные особенности исследуется на примере психологической «фасадности» в английском языковом пространстве. Автором подчеркивается особое отношение к категории пространства при описании субъекта в англоязычной культурологической традиции.

***Ключевые слова*:** физическое пространство, эмоциональное пространство, англоязычная культура, пространственная модель, пространственный акцент в познании, предложные конструкции, фасадность.

EMOTIONAL SPACE REPRESENTATION IN ENGLISH AS A CULTURAL NOTION

Abstract. The article focuses on the analysis of emotional or mental space description organized on the basis of the physical space "pattern". A space model of each separate society reflects a particular space vision. Such visions influence the way culture representatives conceive the world order, other fields of knowledge and life spheres. The given peculiarities are studied exemplified by the psychological *façadness* in the English language space. The author stresses a special treatment of space category in a person's description in the English language culture.

Keywords: physical space, emotional space, English language culture, space model, spatial emphasis in cognition, prepositional constructions, façadness.

В языке осуществляется сложная «механика» интеграции процессов интерпретации, семиозиса и вербализации знания (его репрезентации) (Колесов 2016: 149). В. Ю. Апресян подчеркивает, что языковые и научные репрезентации мира значительно отличаются, и если ментальные (биологические) репрезентации могут демонстрировать некоторый кросскультурный универсализм в том, как в языках «портретируются», например, пространство, память, эмоции, то в языковых репрезентациях, в свою очередь, наблюдаются значительные расхождения. В разных языках и культурах может варьироваться соотношение того, что происходит в сознании, что люди осознают и что «пропускается» в язык, т. е. находит тот или иной путь вербализации, актуализации, репрезентации (Apresjan 2010: 20). Это, в свою очередь, является одним из свидетельств так называемой «избирательности языков» в сфере лексикализации тех или иных концептов (Колесов 2016: 151).

Способы и особенности языковой репрезентации пространственных образов могут быть выявлены как при исследовании физического пространства, так и эмоционального (психического) пространства, получающего актуализацию в языковых номинативных и пропозитивных структурах. Человек и его внутренний мир понимаются как эмоциональное пространство и, соответственно, описываются в «пространственных координатах».

Как известно, непосредственно сама пространственная модель каждого общества отражает определенное видение пространства, а также то, что пространственные представления отдельно взятой культуры отражаются и на понимании представителями данной культуры миропорядка и других областей знания и сфер жизни. Для английской культуры является важным уже само указание на пространственное положение объекта для осмысления непосредственно самого существования материальных объектов: *There is a table in the room. – В комнате стоит стол* (Хайруллин 2010).

Как отмечает В. А. Плунгян, «в силу особой важности пространственных категорий для человеческого мышления и восприятия действительности» ментальная и эмоциональная сферы «человека в пространстве» выстраиваются «по лекалам окружающего его мира» (Плунгян 2002: 5). Описание эмоционального пространства субъекта выстраивается по «шаблону» физического пространства.

Например, конструкция (*there is*/*are*) с локативными предложными конструкциями в английском языке используется не только при описании пространства сугубо физического, но и при описании эмоционального пространства, когда описывается человек, его внутренний мир:

What kind of person is she? – I don't know exactly. There is something strange about her (пример автора).

Определенные психические свойства при приписывании их субъекту имеют тенденцию к локализации.

При описании внутреннего мира человека используются конструкции с различного рода предлогами. Для данной работы особый интерес представляют английские предложные конструкции с предлогами *behind, beneath, under, underneath, beyond* при описании психологических характеристик и психических свойств субъекта:

Behind her façade of gentleness was a tough competitor.

I could sense the hostility lurking behind her polite facade.

Underneath her cool exterior, she was really very frightened.

Underneath this prim exterior, there are emotions, romantic longings (OALDCE 2010: 124).

Приведенные примеры репрезентируют в языковом пространстве так называемую «фасадность». Под психологической «фасадностью» нами понимается своеобразный психологический «блок», формирующийся посредством создания субъектом заведомо ложного представления о себе в силу действия различных интериоризированных норм поведения (общественных, культурных, групповых, гендерных и пр.). К примеру, истинная природа субъекта (открытость, эмоциональность) может скрываться за искусственно созданным фасадом холодности,

замкнутости и т.д. Непосредственно само слово французского происхождения **façade** (from French façade, from Italian facciata, a derivation of faccia ("front"), from Latin facies ("face"); (façade is an outward appearance, which is deliberately false and gives you a wrong impression about someone or something) (OALDCE 2010: 543) означает поведение, которое является ложным и которое, соответственно, дает заведомо неверные представления об описываемом субъекте.

Наряду с понятием *façade*, в качестве локума выступает и синонимичное ему английское понятие ***exterior***, определяемое в словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (Latin, comparative of *exter, outward* (1) exterior is somebody's outward behavior; 2) you can refer to someone's usual appearance or behavior as their exterior especially when it's very different from their real character) как внешнее поведение субъекта, отличающееся от его истинного характера (OALDCE 2010: 538).

Исследуемая нами «фасадность», на наш взгляд, является одним из проявлений концепта *privacy*, точный эквивалент которого отсутствует не только в русском, но и в других европейских языках. *Privacy* – это так называемая зона личной автономии, в которую посторонним вход воспрещен. Это касается как личной территории субъекта, окружающего его пространства, так и его собственности, жилья, личной жизни, планов, интересов, чувств, желаний и т.д. Таким образом, выражение "*to respect somebody's privacy*" («не нарушать личного покоя») означает не только не приходить в гости без приглашения и не звонить в неудобное время, но и не приближаться слишком близко, т.е. строго соблюдать дистанцию (как пространственную, так и вербальную), стараться не проявлять интереса к частной жизни собеседника, ни в коем случае не касаться личных тем, сдерживать свои эмоции и т.д. (Ларина 2009: 68-69).

Существует огромное количество примеров особенностей отражения английской картины мира в концепте *privacy*. Фокусируясь на культурной обусловленности языка, Г. Палмер пишет: «В той степени, в которой картина мира включает в себя схематические образы языковой семантики, её можно рассматривать как важный фактор, определяющий грамматический строй; изучение грамматики можно рассматривать как изучение ограничений, накладываемых картиной мира на языковые знаки» (Palmer 1996: 114). Этим ещё раз подчёркивается, что язык обусловлен тем, как мир отобразился в мышлении людей, и, изучая язык, мы вправе судить о механизмах внутренней организации знания о мире и способов его познания (Колесов 2017).

Связаный с характерным для данной культуры концептом *privacy,* «фасад» является культурно значимым для англоязычного пространства, что, в свою очередь, преломляется в типичном для представителей данной культуры сдержанном и даже, в некотором роде, холодном поведении. Речь идет не о самой способности испытывать определенные эмоции (неверна характеристика англичан как холодных и равнодушных), а лишь об их внешнем проявлении (бихевиоральный аспект) (Козлова 2009: 41):

I think, beneath that English exterior throbs a passion that would make Lord Byron look like a tobacconist (Предлоги: Справочник по английскому языку, 2004).

Как уже отмечалось в работе, репрезентируется анализируемое «явление» в локативных конструкциях с предлогами ***behind, beneath, under, underneath, beyond + NP (one's exterior, one's façade).*** Наличие синонимичных пар, в свою очередь, подчеркивает актуальность и популярность исследуемого феномена в культуре. Следует отметить общую тенденцию пространственных предлогов в составе конструкции в сфере описания особой формы бытия человека образовывать новую парадигму функциональных метафорических значений, что и наблюдается при описании мира психики и при идентификации отношений человека с миром (Исаакян 1999: 139). Пространственные метафоры пронизывают язык не только в качестве образных выражений; они необходимы для концептуализации различных семантических сфер, в частности, абстрактных, к которым и относится эмоциональное пространство (Herskovits 1986: 9).

При анализе особенностей репрезентации эмоционального, или психического пространства в качестве фактологического материала выступили статьи, заметки, новостные сообщения из газет и журналов. Были выявлены случаи, когда журналисты пытаются погрузиться во внутренний мир описываемых субъектов, приоткрыть тайную завесу над их так называемой «самостью». Предложные конструкции в сфере описания многомерного психического пространства актуализируют идею психологической «фасадности», неестественности и т.д. Например, в статье известного журнала The Telegraph *Why Was Queen Victoria the Diana of Her Day?* говорится о том, что за холодностью и жесткостью, а также отсутствием эмоциональности королевы Виктории скрывается достаточно эмоциональная женщина с хорошим чувством юмора, что в языке репрезентируется при помощи предложной конструкции с предлогом *beneath*:

An expansive biography of Britain's greatest monarch (Queen Victoria) reveals a passionate and humorous woman beneath the stiff exterior (The Telegraph 2014).

В следующем примере при помощи предложной конструкции, репрезентирующей психологическую «фасадность», описывается бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. В первом томе известной книги биографического характера "*Margaret Thatcher. The Authorized Biography*" Ч. Мур открывает читателям абсолютно другую Маргарет Тэтчер:

He also emphasizes the flexibility the "Iron Lady" might show behind the stern façade (Moore 2013).

В статье достаточно подробно повествуется о том, что Маргарет Хильда Тэтчер за своей жесткостью и холодностью была достаточно «податливой и идущей на уступки личностью». Ч. Мур описывает её с особо тонкой свойственной автору психологической проницательностью. М. Тэтчер предстает в его произведении как довольно эмоционально уязвимая и ранимая женщина с множеством женских слабостей. В книге представлено огромное количество эпизодических моментов, в которых описываются состояния эмоционального всплеска героини (слезы, резкая смена настроения и т.д.). Особенно часто М. Тэтчер поддавалась открытым эмоциональным переживаниям в ситуациях, когда в результате принятых ею решений британские войска оказывались в опасности или погибал кто-то из солдат британской армии.

Исследуемое явление можно также проследить на примере описания принцессы Уэльской Дианы. Как известно, у Дианы был несчастный брак с принцем Чарльзом, за которым последовал развод. За счастьем улыбающейся с обложек журналов и газет принцессы скрывается глубокая семейная драма:

But behind the facade of happiness Diana was already struggling with her new role and husband Charles was reputedly still hankering over his ex-Camilla Parker Bowles (*Macaskill* 2014).

Расположенная в начале предложения предложная конструкция с предлогом *behind* принимает непосредственное участие в репрезентации исследуемой в работе «фасадности».

В следующем примере при помощи исследуемых в данном ракурсе конструкций описывается супруга герцога Кембриджского Уильяма, внука Елизаветы II, герцогиня Кембриджская Кейт Миддлтон. В мировой прессе часто появляются статейные заметки о том, что людям еще не представилось возможности увидеть истинное «я» герцогини за её изысканным внешним видом, что в языке оформляется при помощи конструкции *beneath one's polished exterior*:

But Kate (Middleton) – she of the perfectly coiffed hair and immaculately tailored gowns – hasn't yet given the world an opportunity to see the soul beneath the polished exterior (Adams 2013).

В следующем отрывке, взятом из статьи *The Middleton Effect,* Кейт Миддлтон предстает перед читателем в образе очень сильной женщины, которая в случае возведения Уильяма на британский престол сможет стать ему надежной поддержкой и опорой. Автором статьи подчеркивается, что при утонченной внешности Кейт в глубине своей души является человеком с достаточно сильным характером:

But he married someone he respects and listens to. So while Kate may come across as demure, with her ladylike mannerisms, the truth is, underneath that delicate exterior is a core of steel. It takes a certain kind of woman to be able to stand up to the future King of England and according to our insiders, there is no doubt she is the one who wears the pants in the relationship (Adams 2014).

Использованная в примере предложная конструкция с предлогом *underneath* делает акцент на том, что во внешнем поведении субъекта не все психические состояния могут проявляться открыто, многие из них скрываются где-то глубоко в душе.

Таким образом, пространственная акцентуация языковой картины мира состоит в том, что в языковой картине мира результаты познавательной деятельности зафиксированы как результат глубокой переработки образа не только физического пространства, окружающего человека, но и эмоционального. Все это свидетельствует о ее пространственной акцентуации, что в языке преломляется использовании различного рода синтаксических структур с локативными предложными конструкциями. Предложные конструкции с предлогами *behind, beneath, under, underneath* и *beyond* репрезентируют скрытый от непосредственного наблюдения глубинный, собственно личностный «второй план» субъекта в исследуемой нами культуре.

Проведенное исследование позволяет говорить об англоязычной культуре, как об одной из наиболее перспективных культур в плане лингвистического изучения феномена «фасадности». Психологическая «фасадность», формирующаяся посредством создания субъектом заведомо ложного представления о себе в силу действия различных интериоризированных норм поведения, ценностных ориентиров, является одним из важных проявлений концепта *privacy* в англоязычном пространстве.

Подводя итого всему вышесказанному, подчеркнем, что основанное на процессе осмысления иной культуры обучение иностранному языку способствует преобразованию образа мира субъекта, который в итоге будет включать две взаимосвязанные смысловые системы, представляющие два культурно-специфичных «взгляда на мир». Это, в свою очередь, позволит субъекту преодолеть свою монокультурную идентичность (Цветкова 2005: 158). Благодаря исследованию специфики репрезентации эмоционального (психического) пространства, возможно изучение особенностей формирования языковой эмпатии у изучающих английских язык как иностранный.

Библиографический список

1. Исаакян И. Л. Пространственные предлоги и альтернативные миры человека [Текст] / И. Л. Исаакян // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999.
2. Козлова Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего [Текст] Монография / Л. А. Козлова. Барнаул: АлтГПУ, 2009.
3. Колесов И. Ю. Языковая репрезентация пространства в ракурсе культуры [Текст] / И. Ю. Колесов // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст Дискурс. Сборник статей VI международ. научной конф. Кемеровский гос. ун-т, 2016. С.147-153.
4. Плунгян В. А. Предисловие. Исследования по теории грамматики [Текст] / В. А. Плунгян // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С.7-42.
5. Цветкова Т. К. Проблема толерантности и обучение иностранному языку [Текст] / Т. К. Цветкова // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005, №7 (51). С.7-13.
6. Apresjan V. Scientific and Linguistic Worldviews: Overlaps and Discre-pances [Text] / V. Apresjan//Четвертая Междунар. конф. по когнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. Т. 1.
7. Herskovits A. Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English [Text] / A. Herskovits. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
8. Palmer G. B. Toward a Theory of Cultural Linguistics [Text] / G. B. Palmer. Texas: University of Texas Press, 1996.

Список источников иллюстративного материала

1. Предлоги: Справочник по английскому языку [Текст] / пер. с англ. И. С. Ивянской. М.: Астрель: АСТ, 2004.
2. Adams W. L. William and Kate: Scenes from a Fairy Tale. URL: http://williamleeadams.com/2013/01/01/william-and-kate-scenes-from-a-fairy-tale/
3. Dawson P. My Princess Diana Therapy Sessions: My psychotherapy Sessions with Diana: Princess of Wales. Readings. URL: http://www.readings.com.au/products/19355661/my-princess-diana-therapy-sessions-my-psychotherapy-sessions-with-diana-princess-of-wales
4. Macaskill G. Kate Middleton and the Other ‘Commoners’ Who Became Fairytale Princesses / G. Macskill. Mirror URL: //www.mirror.co.uk/news/world-news/kate-middleton-commoners-who-became-3712238
5. Moore Ch. Margaret Thatcher. The Authorized Biography Volume One: Not for Turning [Text] / Ch. Moore. Penguin Books Ltd. 2013.
6. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English [Text] / Oxford Oxford University Press, 2010.

Москалюк Л. И., г.Барнаул, Россия

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ВРЕМЕННЫХ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ[10]

Аннотация. Проведено изучение структуры, значения и употребления форм настоящего и будущего времени немецких говоров. Языковые особенности в островных российско-немецких говорах проявляются в вариативности использования временных форм. Наряду с консервацией старых форм модифицируются их значения как следствие оторванности от исходного языкового коллектива, параллельности развития многих языковых процессов, что объясняется интенсивными междиалектными контактами, длительным воздействием русского языка на островные говоры. Исследование проводилось в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Ключевые слова: островной немецкий говор, диалектология, деривация, словообразование, семантическая деривация

[10] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

STRUCTURE AND SEMANTICS OF TEMPORAL FORMS OF PRESENT AND FUTURE TENSES IN ISLAND GERMAN DIALECTS OF THE ALTAI TERRITORY

Abstract. There have been studied here structure, meaning and use of forms of the Present and Future Tenses of German dialects. Language peculiarities of island Russian-German dialects are shown in variability of use of Tense forms. With the preservation of old forms their meanings are modified as a consequence of isolation from the original language community, parallel development of many language processes what is explained by intensive inter-dialect contacts and by a long-term impact of the Russian language on the island dialects.

Keywords: insular German dialects, dialectology, derivation, word-building, semantic change

Иллюстративным материалом данной статьи послужили тексты, представляющие говоры немецких сел, которые относятся к трем основным группам говоров, бытующим на Алтае, ориентированным на нижненемецкий, западносредненемецкий и южнонемецкий диалектные ареалы.

Категория времени в островных российско-немецких говорах характеризуется наличием специфических форм, не входящих в парадигму временных форм литературного немецкого языка – аналитических форм со вспомогательным глаголом tun, формой двойного перфекта и двойного плюсквамперфекта, она отличается также широтой распространения временных форм, функционирующих в литературном немецком языке. Своеобразие временных форм, выражающих настоящее и будущее время, является предметом рассмотрения в данной статье.

Презенс является универсальной временной формой, которая служит не только для выражения настоящего времени, но и является основным средством для выражения будущего времени.

Спряжение немецкого глагола в настоящем времени характеризуется наличием как синтетических, так и аналитических форм в пределах данной парадигмы. Финитные синтетические формы имеют комплексный маркер, выражающий значение времени, наклонения, лица и числа.

В оформлении личных окончаний единственного числа презенса индикатива все верхненемецкие диалекты Алтайского края имеют одинаковые окончания. Их общей чертой является апокопирование личного окончания 1-го лица единственного числа. Уже в средневерхненемецкий период отмечается тенденция к отпадению конечного гласного (Жирмунский 1956: 479). В большинстве верхненемецких говоров Украины и Поволжья конечное -e в 1-ом лице единственного числа отпадало (Schirmunski 1931: 268; WDSA). Личные окончания второго лица различаются фонетическим оформлением в зависимости от перехода/ не перехода s => ʃ перед t в середине слова. Окончание третьего лица единственного числа - t. Оформление личных окончаний множественного числа имеет свои особенности. В исследуемых верхненемецких говорах не произошло унификации личных окончаний, как в нижненемецких говорах Алтайского края (Jedig 1966: 84; Гринева 1979: 6) и швабском Омской области и Казахстана (Эрлих 1974: 93; Ростовцев 1973: 93). В исследуемых верхненемецких говорах 1-е и 3-е лицо множественного числа имеют окончания -ɐ , -ə, -ən согласно развитию фонетических законов в рассматриваемых группах говоров, и совпадают с формой инфинитива, а 2-е лицо имеет окончание -t для всех верхненемецких диалектов Алтая, кроме ямбургского. В ямбургском говоре во 2-ом лице сохранилось развившееся еще в среднебаварский период окончание -ts в результате присоединения к глаголу энклитического личного местоимения eds «ihr», старой формы двойственного числа, заменившей в баварском множественное число (Schmeller 1969, 358; Pfalz 1928: 217-235). В первом и третьем лице множественного числа окончания глагола в ямбургском говоре унифицированы в отличие от островного баварского говора в Закарпатской области Украины (Стародымова, Шрамл 1973: 42).

В нижненемецких говорах 1-е лицо единственного числа глаголов редуцировало свое окончание, как и в рассмотренных выше верхненемецких говорах. Уже во время функционирования этих говоров на территории Восточной Пруссии и на Украине исчезает конечное -e (Fischer 1896: 125; Semrau 1915: 238). Во 2-ом и 3-ем лице единственного числа личные окончания совпадают с соответствующими окончаниями литературного немецкого языка. Окончание -ʃ t во 2-ом лице появляется только в сочетании -rst. Отличительной особенностью нижненемецких говоров является оформление личных окончаний множественного числа. В результате унификации личных окончаний во множественном числе 1-е, 2-е и 3-е лицо имеют одинаковые окончания -ə (<= ən):

К особенностям спряжения в презенсе относится устранение умлаута и преломления в формах сильных глаголов, имевшее место в средневехненемецком. Во всех группах диалектов на Алтае сильные глаголы с корневым гласным -a- устранили чередование на основе умлаута и выровняли парадигму единственного числа по первому лицу.

Глаголы, принимающие во 2-ом и 3-ем лице единственного числа умлаут в литературном немецком языке, не обнаруживают его и в нижненемецких говорах. Но своеобразие нижненемецких

говоров проявляется и при оформлении форм сильных глаголов в презенсе. Несмотря на усиление тенденций к унификации до настоящего времени формы 2-го и 3-го лица единственного числа заметно расходятся с остальными формами презенса по вокализму (ср.: Филичева 1983: 169) и консонантизму. Так, во 2-ом и 3-ем лице наблюдается расширение корневого гласного и оглушение согласного: 1 gro:v 2. jra:fst 3. jra:ft «greifen».

В верхненемецких говорах сильные глаголы с корневым гласным -е- устранили чередование на основе преломления и выровняли личные формы единственного числа по корневому гласному -е-.

В нижненемецких говорах сильные глаголы с корневым гласным е имеют формы 2-го и 3-го лица единственного числа без преломления, при этом, как правило, происходит расширение корневого гласного: Sg. 1. ne:m 2. nɛ mst 3. nɛ mt «nehmen».

Категориальным значением презентной формы является признак «реализации действия» в смысле его наличия. При этом информация о характере действия исходит не из формы презенса, его категориальное значение модифицируют темпоральные индикаторы презенса. Как и в литературном немецком языке презенс в островных немецких говорах употребляется для выражения действий, относящихся к настоящему, прошедшему и будущему временному планам. При этом актуализируются частные значения реализации действия, конкретизирующиеся признаками одновременности с моментом речи, ретроспективной реализации действия и проспективной реализации действия. Первое значение презенса определяется как собственно настоящее время (Moskalskaja 1971: 93). В исследуемом диалектном ареале категориальное значение презенса также уточняется включенными в контекст темпоральными индикаторами, при этом актуализуются признаки длительности, многократности, однократности, всевременности и т.д. В каком случае проявляется тот или иной признак определяет контекст и ситуация.

Презенсу свойственно выражать и действие недетерминированное во времени. В таких случаях ему свойственен признак всевременности, при этом актуализуется частное значение всевременной реализации действия: Ja, ti tsait keht «Ja, die Zeit geht».

При выражении презенсом действия, относящегося к будущему временному плану, актуализуется значение проспективной реализации действия: Ich hol antra vum khela ruf «Ich hole andere vom Keller herauf».

В исследуемом ареале реализуется и перифрастический презенс, но в сравнении с синтетической эта форма функционально слабее нагружена. Анализ диалектного материала показал, что конструкция tun + инфинитив не может рассматриваться как полный синоним синтетической формы презенса. Это сочетание образуется, как правило, от непредельных глаголов: Wan si oa enta ʃ ulta sint, awa thea tuna si ima ta laat kewa «Wenn sie auch Schulden haben, aber Tee tun sie immer den Leuten geben.»

Важной особенностью немецких диалектов является то, что специальная форма будущего времени не получила в них достаточного развития (Жирмунский 1956: 532; Канакин 1983: 13). Футурум, как характеристика временной ступени будущего, начал входить в употребление лишь в новонемецкий период. Сочетания с глаголами werden, sollen и wollen, выражающие значение будущего времени, являются аналитическими образованиями, сохраняющими модальный характер (Frey 1975: 145; Bock 1933: 92). Но если сочетания sollen, wollen и инфинитив, остались свободными морфологическими образованиями, то конструкцию с werden можно считать грамматизированной формой, хотя она так и не нашла широкого распространения в немецких диалектах, а основным средством для выражения настоящего и будущего времени служит презенс.

Футурум 1 относится к временным формам с низкой фунцциональной нагрузкой. При изучении семантической нагрузки футуральной конструкции центральными остаются проблемы дистрибуции футурума и футурального презенса, а также вопрос дифференциации темпорального и модального значения футурума. Сочетание tun + инфинитив достаточно поздно становится нормой литературного языка как форма для выражения действий, относящихся к будущему. В диалектах же, как считают некоторые исследователи, модальное значение является основным для данной конструкции (Reis 1891).

Анализ исследуемого нами корпуса показал, что футурум действительно является формой с двойной включенностью. Однако она не в каждом случае употребления обнаруживает в равной степени оба семантических признака. Признак темпоральности часто сопровождается признаком модальности. При актуализации модального признака не происходит нейтрализации временного признака. Контекстуальный анализ свидетельствует о том, что «модальные функции сочетаний с werden надстраиваются над временными» (Историко-типологическая морфология германских языков 1977: 117).

Таким образом, категориальное значение футурума определяется как значение постреализации действия, которое модифицируется, конкретизируется, уточняется в зависимости от контекстуального окружения.

В исследуемых диалектах выявлено несколько семантических признаков футурума:

- признак длительности, который эксплицируется темпоральным индикатором и лексическим значением глагола: Ti w'at in Septemper in ti viirt Klass keje»Die wird im September in die vierte Klasse gehen»;
- признак следования действия моменту речи, который эксплицируется условиием, заданным в придаточной части сложноподчиненного предложения: kehrscht no aus, no w'ascht ach ese krije, konnste sich ach mit uns hinsetze ese! «Kehrst du raus, dann wirst du auch Essen kriegen, kannst du dich mit uns hinsetzen essen»;
- признак дистантности действия по отношению к моменту речи, который эксплицируется темпоральным союзом: Tea wil den Paum kiise, pis tea wachsa w'at «Der will den Baum gießen, bis er wachsen wird».

В говорах нами зафиксированы следующие модальные признаки, которые надстраиваются над основным футуральным значением:

- признак предположения, относящийся к будущему: Wonn ich auskehr, w’art tes ach sich «kschaft» nenne? “Wenn ich auskehre, wird es «geschafft» heißen?»;
- признак намерения, относящийся к будущему: Un mea w'an waider arpaiten un ti Kinder w'an lane un uns w'arts noch kut kehe «Und wir werden weiter arbeiten, und unsere Kinder werden lernen, und uns wird es noch gut gehen».

Таким образом, футуральная конструкция может иметь чисто темпоральное значение, а может выражать вместе с темпоральным значением различные модальные оттенки.

Библиографический список

1. Гринева Н. М. Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края [Текст] : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Н. М. Гринева. Л., 1979.
2. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология [Текст] / В. М. Жирмунский. М.-Л.: Изд-во А Н СССР, 1956.
3. Историко-типологическая морфология германских языков [Текст] / М., 1977.
4. Ростовцев Е. А. Несколько общих замечаний по поводу швабского говора с. Михайловки Павлодарской области [Текст] Е.А. Ростовцев // Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1973. С.91-95.
5. Стародымова Э. Р., Шрамл И. И. Морфологические особенности глагола говора немецкого населения Тячевского района Закарпатской области УССР [Текст] / Э. Р. Стародымова, И. И. Шрамл // Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1973. С. 39-44.
6. Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка [Текст] / Н. И. Филичева М.: Высшая школа, 1983.
7. Эрлих К. В. Категория лица, числа и времени швабского глагола [Текст] / К.В. Эрлих // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1974. С. 93-97.
8. Fischer E. Grammatik und Wortschatz der plattdeutschen Mundart im preußischen Samlande [Text] / E. Fischer. Halle (Saale): Buchhandlung des Waisenhauses, 1896.
9. Jedig H. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes [Text] / H. Jedig – Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
10. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartsprache [Text] / O.I. Moskalskaja – Moskau: Hochschule, 1971.
11. Pfalz A. Suffigierung des Personalpronomens im Donaubairischen [Text] / A. Pfalz. Wien, 1983. S.217-235.
12. Reis Reis H. Beiträge zur Syntax der Mainzer Mundart [Text] / H. Reis. Mainz, 1891.
13. Schirmunski V. Linguistische und ethnographische Studien über die alten deutschen Siedlungen in der Ukraine, Rußland und Transkaukasien 1926 – 1931 / Hrsg. v. C.J. Hutterer [Text] / V. Schirmunski. München: Südostdeutsches Kulturwerk, 1992.
14. Schmeller A. Die Mundarten Bayerns grammatisch dargestellt [Text] / A. Schmeller München: Hueber, 1969. – 568 S.
15. Semrau M. Die Mundart der Koschneiderei [Text] / M. Semrau – Halle (Saale): Waisenhaus, 1915.

Москвина Т. Н., г. Барнаул, Россия

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ[11]

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются аспекты развития лексической системы островных немецких говоров, которые более 250 лет развивались в условиях иноязычного окружения и подвергались интерферирующему влиянию русского языка. Анализ семантических и словообразовательных процессов проводился на материале лексических единиц с темпоральной семантикой в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Ключевые слова: островной немецкий говор, диалектология, деривация, словообразование, семантическая деривация

DERIVATIVE POTENTIAL OF TEMPORAL VOCABULARY IN INSULAR GERMAN DIALECTS

Abstract. This article discusses aspects of the development of the lexical system of insular German dialects, which have evolved for more than 250 years in a foreign language environment and were subject to the interfering influence of the Russian language. The analysis of semantic and word-building processes was carried out on the material of lexical units with temporal semantics. The research was carried out with the financial support of the Russian Research Foundation, Project No. 17-14-22002 «Realization of temporary relations in the speech of insular Altai German dialects».

Keywords: insular German dialects, dialectology, derivation, word-building, semantic change

Островные немецкие говоры более 250 лет находились в тесном контакте с другими языками (русский, украинский, казахский), которые их окружают, а также междиалектное смешение, что неминуемо привело к конвергенции языковых систем и изменению структуры исходной системы диалекта, междиалектному выравниванию. Исследовательский проект научной группы под руководством профессора Л. И. Москалюк при поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края (2017-2018 гг.) направлен на всестороннее изучение языковых средств выражения категории темпоральности. В фокусе интереса находятся, в первую очередь, лексические средства выражения темпоральности как в плане их инвентаризации и описания динамики развития их значения, так и в плане способов представления времени в языковой (диалектной) картине мира. Систематизация и изучение семантики и функционирования всего комплекса темпоральных языковых средств представляется важным именно с учетом этнокультурной специфики немецкого языка во всех его вариантах.

Лексика островных немецких говоров обладает, с одной стороны, высокой степенью стабильности и сохраняет архаичные лексемы или значения, с другой стороны, характеризуется значительной лексико-семантической изменчивостью и вариативностью. Насколько семантическая стабильность или изменчивость проявляется именно в темпоральной лексике, представляет одну из задач проводимого исследования.

Отличительной чертой развития диалектной лексики является ее вариативность. Как отмечает З. М. Богославская в своих исследованиях по диалектным системам, «варьирование слова – узел взаимоотношений между разными сторонами, ярусами языка: с одной стороны, между субстанциональной и семантической, с другой – между фонетической, грамматической, словообразовательной и лексической. Варьирование – один из видов системных отношений в лексике, тесно связанный с другими видами системных отношений и, следовательно, играющий важную роль в функционировании и развитии лексического фонда языка» (Богословская 2005: 3-4).

Рассмотрим первую группу лексических средств, которые непосредственно называют отрезки времени. В целом в данной группе представлены все лексические единицы, имеющиеся и в литературном немецком языке, поскольку данная группа лексики является частью базового лексикона, она стабильна по своему составу и семантике: *Sunntag, Owend, Mittag, Nocht, Tag*. Вариативность проявляется лишь на уровне произношения, характерного для той или иной диалектной группы: *Morche/ Morjend, Tag/ Tach, Johr/ Jahr* и др. Фонетические особенности говоров и речи носителей говора достаточно полно передаются графическими средствами, которые позволяют выявить общие черты говоров одной группы. При всей стабильности значения многие лексические единицы с

[11] Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

темпоральным значением проявляют в говорах ряд специфических черт, которые отличают говоры одной группы от другой и от литературного немецкого языка.

Изучение семантических корреляций на междиалектном уровне представляет собой перспективное поле для дальнейших диалектологических исследований в диахроническом и синхроническом аспектах, поскольку в результате смешения немецких говоров и при контакте с русским языком наблюдается «обмен» и взаимопроникновение лексических единиц и отдельных значений. Изучение всех возможных контекстов употребления слова неразрывно связано с понятием семантической деривации, которое в широком смысле как семантическое словообразование включает в себя, помимо аффиксального словообразования, также различные способы изменения исходной семантики слова. Проведя первичный анализ найденных методом сплошной выборки из различных источников темпоральных лексических единиц, мы пришли к выводу, что в лексике говора трудно говорить изолированно о словообразовании и отдельно о семантических модификациях. В большинстве случаев образование новых слов (даже по регулярным и типичным моделям) сопровождается зачастую семантическим сдвигом. Мы связываем это именно с изолированным характером развития островных немецких говоров, со значительным интерферирующим влиянием русского языка и с постоянно снижающейся диалектной компетентностью носителей говора, когда нарушаются внутренние языковые модели и образуются новые.

Анализируя словообразовательные модели, используемые в немецких говорах, можно сделать вывод о их регулярности. Все продуктивные модели представлены достаточно частотно, при этом правилам подчиняются также заимствования и гибридные образования из заимствованного русского слова и немецкого. Например,

stainalt, bejohrt, Herbstwetta, Juchentzieht (Jugendzeit), ditjohrsch (diesjährig)

К интересным случаям словообразовательной деривации можно отнести также достаточно продуктивную в говорах модель словосложения с компонентом *ehe/ eher: aiajestre* (vorgestern = eher gestern).

Встречаются также уникальные случаи конверсии, которые зафиксированы в словаре Едига, но требуют дополнительного изучения. Так, в его словаре нижненемецкой лексики встречается глагол *dache* (tagen) от существительного *Daach* (Tag), причем в значении «светить». Возможно, мы имеем дело здесь с метонимическим переносом «светлый день» на действие «светать», по аналогии с Alter – altern. Особого внимания в данном контексте заслуживает и глагол *t´aste* (zeiten = Hochzeit feiern), образованный от существительного Zeit, которое претерпело множество семантических изменений в говорах. Основы были заложены еще в верхнесредненемецком, где произошел семантический сдвиг и Zeit имело также значение Fest (Hochzeit = hohe Zeit). Значение «праздник» приняло на себя и существительное Tag. Сложные слова с компонентом Tag в значении «праздник», «особый день» или «период» являются достаточно продуктивными и частотными во всех говорах: *Heljedaach* (heiler Tag = Feiertag), *Tohldach* (Zahlrag), *Schwejnedach* (Schweinetag = Tag, an dem Schweine geschlachtet werden) и т.д.

Словообразование «по аналогии» – самый распространённый способ образования новых слов. Так, по аналогии с Abendessen/ Abendmahl в говорах встречается и Morgenessen: *„Jo, Gott sei Dank. War des is jetz kaa Liesje meh, des is jetz e Liesbeth. Neinzich wiegtse. Vor´m* ***Morgendesse****…“*

Литературное слово Frühstück трансформировано в Morgendesse. Мы наблюдаем корреляцию временных номинаций früh/ Morgen, когда для обозначения одного явления, содержащего в себе темпоральную сему, используется сходная по семантике, но при этом данная сложная лексическая единица является нехарактерной для литературного немецкого языка.

При этом встречаются и случаи обратного метонимического переноса «время → характерное для него действие», Mittag – Mittagessen, по аналогии с zu Abend essen: *„Vor e halb Stunn hoste e Schissel vol Kraut un Dicke wegg´schlage un jetzt aach den ganze Brote, wu ich* ***uf dr Mittag*** *in Ofe g´schubt hatt“.*

В данном примере наблюдается также интерферирующее влияние русского языка «**на** обед».

Другим примером образования по аналогии является Spätjahr/Herbst по аналогии с Frühjahr/ Frühling.

Ja, so **en Winta** hema noch nimals khat, wi in **tem Joha**, hema imma Schnee pis iwa t Ohre khat, un te **Frihjah**, wann tes alles tout, not wa viil Wassa in unsam Torf, pe te Leit wa dashe te Kella unam Wassa, un jetz **te Frihjah** krija ma a ko Wassa. Un **te Spätja** wa kill, awa a warm hema **pis te letschte Tak** im Hof kschafft, t Pletta alle zamme.

Прямые или семантические заимствования также встречаются в корпусе темпоральной лексики. Heit hun ich Wychodnoj. Это включение можно отнести к переключению кода в случае

низкого уровня владения диалектом. Несмотря на то, что островные немецкие говоры развиваются в окружении и под влиянием русского языка, заимствования из русского языка встречаются редко, что можно объяснить многочисленностью и сохранностью данной тематической группы. Интерферирующее влияние русского языка проявляется в использовании предлогов и грамматических характеристиках слов. Вместо немецкого *für drei Jahre* используется калька русского предлога «на» – *auf* и еще один дополнительный конкретизатор «вперед» – voraus: *Des Kind is noch gar net do, un do kaafe´se schon alles was´es brauch* ***uf drei Johr voraus.***

Выявление влияния и проникновения русского языка в темпоральную лексику говоров может представлять собой отдельный аспект изучения.

Наиболее характерным для диалектной лексики является семантическое заимствование, когда заимствуется реалия или предмет, а форма слова формируется из значений аналогов из немецкого языка, как, например, *Sommerküche/ Sommerstube* в их фонетических вариантах.

Несмотря на то, что островные немецкие говоры развиваются в окружении и под влиянием русского языка, заимствования из русского языка встречаются редко, что можно объяснить многочисленностью и сохранностью данной тематической группы. Интерферирующее влияние русского языка проявляется в использовании предлогов и грамматических характеристиках слов. Вместо немецкого *für drei Jahre* используется калька русского предлога «на» – *auf* и еще один дополнительный конкретизатор «вперед» – voraus:

Des Kind is noch gar net do, un do kaafe´se schon alles was´es brauch ***uf drei Johr voraus.***

Описанные подходы к изучению и описанию темпоральной лексики требуют дальнейшей тщательной разработки, как в теоретическом, так и практическом плане.

Библиографический список:

1. Богославская З. М. Диалектная вариантология [Текст] / З. М. Богославская. Томск: Изд-во ТПУ, 2005.

2. Валл Х. И. Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров [Текст] / Х. И. Валл, С. К. Ведель, Г. Г. Едиг // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1981. С. 25-66.

3. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований [Текст] / Л. И. Москалюк, Т. Н. Москвина, Н. В. Трубавина. Барнаул: АлтГПА, 2014.

4. Auf Geheiß des Gewissens. Prosa. Poesie. Übersetzungen [Text] / Spaar W., Ergardt R. (Hrsg.) Barnaul: Altaier Buchverlag, 1989.

5. Siemens, H. Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte, Rätsel und Lieder [Text] / H. Siemens. Bonn: Tweeback Verlag, 2007.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В., г. Новосибирск, Россия

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ МОЛИТВА *THE LORD'S PRAYER* С ПОЗИЦИИ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО КОДОВ[12]

Аннотация. Настоящая статья посвящена молитвенному дискурсу, рассматриваемому в свете первичных и вторичных кодов. Текст молитвы «Отче наш» представлен в латинской и древнеанглийской версиях. При этом текст на латинском языке явлен в первичном коде, то есть в том, что значит предложение. Текст на древнеанглийском языке дополняет латинский текст и доносит то, что имел в виду молящийся.

Ключевые слова: молитва, первичный код, вторичный код, господствующие знаки, семиотика.

THE OLD ENGLISH PRAYER *THE LORD'S PRAYER* FROM THE POSITION OF THE PRIMARY AND SECONDARY CODE

Abstract. The current article deals with the prayer's discourse in the light of primary and secondary codes. The text of the prayer Pater noster is given in Latin and Old English. The Latin text is presented in the primary code in the sense what the sentence means, The Old English text adds the Latin text and tells what the speaker of the prayer means.

Keywords: prayer, primary code, secondary code, leading signs, semiotics

В устройстве любого языка заложены параметры, позволяющие интерпретировать не только его нынешние значения, но и реконструировать данности минувших эпох. Немалую роль в этом играют коды индоевропейской культуры, сходные в культурах и понятные говорящим в течение длительного периода времени. Благодаря им любое языковое сообщение может быть воспринято во

[12] *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.*

времени и пространстве и понято (с определенными поправками герменевтического анализа при исследовании древних текстов). Сохранность кодов в традиции обеспечивается аккумулятивной функцией языка в культуре, призванного гарантировать некоторые общие условия своего функционирования. Мартин Хайдеггер, занимавшийся проблемой понимания, представляет коды, как мы считаем, в виде «набрасывания понимания» (сам Хайдеггер термин «код» не употребляет):

«В набрасывании понимания сущее раскрыто в своей возможности. Сам характер возможности каждый раз соответствует способу бытия понятного сущего. Вообще, сущее внутри мира набросано в направлении мира, то есть в направлении целостности некоторой значимости, в соотносительных связях которой с самого начала утверждено озабоченное делание как бытие в мире. Если сущее внутри мира обнаружено вместе с бытием з**десьбытия,** то есть достигло уразумения, то мы говорим, что у него есть смысл» (Хайдеггер 1993:13).

В своей изначальной трактовке «код» (франц. code, от лат. codex – свод законов) определяется как «система условных знаков (символов) для передачи и хранения (запоминания) различной информации. Конечная последовательность кодовых знаков называется «словом» (БСЭ т.12:369). В интерпретациях кода в языке будем исходить из общей проблематики семиотики, а под самим кодом мы будем понимать семиотическую структуру, систему (или просто знак), «хранящую и передающую информацию, будь то система в человеческом обществе (главным образом язык, а также некоторые явления культуры, обычаи и обряды…и.т.д.), в природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (например, зрительное и слуховое восприятие предметов; логическое рассуждение)» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 440-441).

«Язык следует изучать во всем разнообразии его функций, − пишет Р.О. Якобсон. − Адресант (addresser) посылает сообщение адресату (addressee). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходим контекст (context), о котором идет речь (в другой не вполне однозначной терминологии, «референт»=referent); контекст должен восприниматься адресатом и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или другими словами, для кодирующего и декодирующего); и наконец, контакт (contact) – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию» (Якобсон, 1987:81). Все эти факторы, которые являются необходимыми элементами речевой коммуникации, могут быть представлены в виде следующей схемы (приводится по: (Якобсон, 1987:81)):

«Адресант → Контекст → Адресат»

Сообщение

Код

По Якобсону любому речевому произведению имманентно присущи характеристики кода. В русле своей доктрины Р.О. Якобсон признает существование «всеобщего кода (over-all code), который представляет собой систему взаимосвязанных субкодов». Встречаясь с такой универсальной концепцией кода, существующей в лингвистике, мы тем не менее в данном исследовании, по семиотике культуры, сознательно уходим от расширенного понимания термина «код» и остаемся в парадигме «языкового кода в культуре».

Первичное и вторичное в понимании кода представляет интерес в чисто семиотическом плане, поскольку в самом широком смысле любое высказывание на языке, его орфографию на письме можно интерпретировать как первичный кодовый сигнал. Кроме того, каждое «культурное слово» имеет, помимо своего концепта, и свой синтаксис. Пример: русское слово *мир* имеет свой концепт и свой синтаксис, которого не имеют другие «культурные концепты». Таким образом, первичные коды отражают то, что значит предложение (принцип *the sentence means*). Вторичные коды говорят о том, что имеет в виду говорящий (принцип *the speaker means*).

Сочетание первичного и вторичного кодов прослеживается в едином тексте молитвы богу в латинской и древнеанглийской версиях. Молитва прочитывается в латинском ключе в значении того, что значит предложение, а во вторичном ключе то, что имеет в виду говорящий, читается древнеанглийская часть поэмы. Приведем изначальный текст молитвы на латинском языке (здесь и далее текст молитвы *The Lord's Prayer* представлен по: (Old English shorter poems, 2012); перевод на русский язык наш – С.П. и А.П.).

Pater noster qui es in cęlis	Our Father who are in heaven
Sanctificetur nomen tuum	Hallowed be your name
Adveniat regnum tuum	Your kingdom come
Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra	Your will be done on earth as it is in heaven

Panem nostrum cotidianum da nobis hodie *Et dimitte nobis debita nostra* *Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris* *Et ne nos inducas in temptationem* *Sed libera nos a malo* *Amen*	Give us today our daily bread And forgive us our debts As we forgive our debtors And lead us not into temptation But deliver us from evil Amen

В первичном коде перед нами предстает молитва *Pater noster.* В древнеанглийской версии допускается расширение молитвы за счет вторичного кода (принцип *the speaker means*). Приведем интерпретацию молитвы на древнеанглийском языке, представляющую собой вольную трактовку молитвы *Pater noster.*

Pater noster qui es in cęlis: Fæder mann-cynnes, frofres ic þe bidde, halig drihten, þu ðe on heofonum eart.	*Pater noster qui es in cęlis:* Отец человеческого рода, я молю тебя о помощи, святой Господь, ты есть на небесах.
Sanctificetur nomen tuum: Þæt sy gehalgod, hyge-cræftum fæst, þin nama nu ða, neriende Crist, in urum ferhð-locan fægestaðelod.	*Sanctificetur nomen tuum:* Твое Имя, Спаситель Христос, да будет освящено в сокровенных наших мыслях, в наших сердцах пусть навсегда оно закрепится.
Adveniat regnum tuum: Cume nu to mannum, mihta wealdend, Þin rice to us, rihtwis dema, And ðin geleafa in lif-dæge On urum mode mære þurhwunige.	*Adveniat regnum tuum:* Пусть царствие Твое придет к роду человеческому, всемогущий Правитель, праведный Судья, и пусть вера в днях нашей жизни в умах пребывает.
Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra: And þin willa mid us weorðe gelæsted on eardunge eorðan rices, swa hluttor is in heofon-wuldre, wynnum gewlitegod a to worulde forð.	*Fiat voluntas tua sicut in cello et in terra:* И пусть воля Твоя с нами пребудет в жилищах земного царства, как свечение во славе на небесах, радостью окаймленная в мире впредь.
Panem nostrum cotidianum da nobis hodie: Syle us nu to dæge, drihten gumena, heofena heah-cyning, half urne, þone ðu onsendest sawlum to hæle on middan-eard manna cynnes: þæt is se clæna Crist, drihten God.	*Panem nostrum cotidianum da nobis hodie:* Дай нам сегодня, Господь человеческий, небесный высокий правитель, хлеб наш, который Ты посылаешь душам во спасение человеческого рода в срединном мире, − что есть истинный Христос, Господь Бог.
Et dimitte nobis debita nostra: Forgyf us, gumena weard, gyltas and synna, and ure leahtras alet, lices wunda and man-dæda, swa we mildum wið ðe, ælmihtigum Gode, oft abylgeað.	*Et dimitte nobis debita nostra:* Прости нас, Защитник людей, прегрешения и грехи наши, и прости нам проступки, раны на теле и долги человеческие, как часто мы грешим против Тебя, всемогущий Господь.
Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris: Swa swa we forlætað leahtras on eorþan þam þe wið us oft agyltað, and him wom-dæde witan ne þencað for earnunge ecan lifes.	*Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris:* Как мы прощаем грехи на земле, тех, кто часто согрешает против нас, ради приобретения вечной жизни, и мы не осуждаем их согрешения.
Et ne nos inducas in temptationem: Ne læd þu us to wite in wean sorge ne in costunge, Crist nerigende, þy læs we arlease ealra þinra mildsa	*Et ne nos inducas in temptationem:* Не введи нас, как наказание, в боль горя и соблазн, спаситель Христос, чтобы мы не отстранились от наших добродетелей через

þurh feondscipe fremde weorðan. *Sed libera nos a malo:* And wið yfele gefreo us eac nu ða feonda gehwylces; we in ferhð-locan, þeoden engla, ðanc and wuldor, soð sige-drihten, secgað georne, þæs ðe þu us milde mihtum alysdest fram hæft-nyde helle-wites. *Amen:* Weorðe þæt.	вражду. *Sed libera nos a malo:* Избави нас от злости каждого врага в наших сердцах, Правитель ангелов, в благодарность и славу истинный Господь Победитель заступаешься за нас, и освободил нас от плена пыток в аду. *Amen:* Да будет так.

Текст молитвы расслаивается на два уровня: первичный и вторичный коды. Вторичный код молитвы на народном языке Европы – древнеанглийском - представляет собой комментарий латинского оригинала. Сочетание двух кодов позволяет интерпретатору передать молитву в двух модусах. Во вторичной системе кодов коды языка совместимы с культурной парадигмой эпохи и предстают зависимыми от господствующего латинского слоя. Вся молитва восстанавливается вслед за латинским оригиналом. Так, латинские строки молитвы восстанавливаются как господствующие знаки, наподобие молитвы «Отче наш» в интерпретации А.А. Потебни. Говоря о значимости первичного и вторичного кодов, процитируем описание развертывания речевой цепи, сделанное в свое время А.А. Потебней (он проводил аналогию между организацией алфавитного ряда, речевой цепью молитвы и образом предмета): «Если несколько раз дан был ряд признаков одного образа в порядке *a,b,c,d,e*, и вслед за тем еще раз получится признак *a*, то он легко вызовет в сознании все следующие за ним; но если упомянутый ряд начнется с конца, то признак *e* сам по себе или вовсе не произведет признаков *d,c* и проч., или гораздо медленнее. Слова “Отче наш” напомнят нам всю молитву, но слово “лукавого” не заставит нас воспроизвести ее навыворот (“от нас”, “избави” и проч.) точно так, как признак е не даст нам целого образа *a,b,c,d,e*. Хотя *e* могло повторяться столько же раз, сколько и *a*, но это последнее, по своему влиянию на все остальное, будто господствует над всем образом» (Потебня 1989: 130). Устные по своему происхождению формулы имеют господствующие знаки, которые способствуют их коммуникативному расширению, протекающему относительно базового или господствующего слова. Вслед за латинскими формулами молитвы «Pater Noster» восстанавливается текст самой молитвы. Древнеанглийские же приложения не восстанавливаются без господствующего латинского текста.

Иногда коммуникативное расширение порождает способность формулы распознаваться как целое и передаваться во времени как мем. Мемом называется такая цепочка языковых единиц, которая обретает способность к репликации, то есть к передаче. Такая способность получилось благодаря представившейся возможности распознаваться в качестве некоторого целого, которое обладает важным свойством восстанавливаться вслед за господствующим компонентом. Приведем интересный пример: в древнеримской традиции палиндром «Sator» был известен задолго до того, как появилось христианство. С обретением молитвы «Pater Noster» палиндром начинает реинтерпретироваться в качестве анаграммы начальных слов молитвы. Эту способность к передаче информации обеспечивает мем, который может распознаваться в наборе букв палиндрома как некоторая последовательность:

SATOR
AREPO
TENET
OPERA
ROTAS

Теперь же обратимся к одному определению кода и его семиотической функции по Даниэлю Чандлеру. «Если отношения между означающим и означаемым являются произвольными, то правильное прочтение, − пишет семиолог, − требует знакомства с соответствующей системой установлений. В каждом тексте знаки организованы в значимые системы в соответствии с определенными конвенциями, которые в семиотике определяются как коды (или значимые коды) (в нашей терминологии первичные коды – *прим. С.П. и А.П*). Значение знака зависит от кода, в котором он представлен. Установления кодов представляют собой социальное измерение в семиотике: коды являются набором практик знакомых пользователям, вступающим в контакты в широком культурном

пространстве. В самом деле, как утверждает Стюарт Холл: «не существует интеллигибельного дискурса без обращения к кодам»« (Chandler 2007).

Следовательно, значение целой молитвы зависит от кодовых посылов. Так древнеанглийская часть текста не претендует на законченность и не интерпретируется как самостоятельное произведение.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия [Текст]. Т. 12. М.: Сов. энцикл., 1973.
2. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990.
3. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня // Слово и миф. М.: Правда, 1989.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет [Текст] / М. Хайдеггер. М.: Гнозис,1993.
5. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. Общее языкознание. Хрестоматия [Текст] / Р. О. Якобсон. М.: Прогресс, 1987.
6. Old English shorter poems [Text] / edited and translated by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012.
7. Chandler D. The Basics Semiotics [Text] / D. Chandler. London and New York: Routledge, 2007.

Сироткина Т. А., г. Сургут, Россия

КАТЕГОРИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОНИМОВ)

Аннотация. В статье на материале функционирования этнонимов рассматривается категория «свой – чужой», присутствующая в языковом сознании любого этноса. Анализируются этнические стереотипы и ассоциации, связанные с представителями различных этносов, и делается вывод о том, что неотъемлемой чертой русского национального сознания является этническая толерантность – уважение к представителям других культур, интерес к их традициям, культуре, укладу жизни.

Ключевые слова: языковая картина мира, этнос, этноним, этнические стереотипы.

THE CATEGORY OF “ONE'S OWN” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF FUNCTIONING OF ETHONYMS)

Abstract. In the article on the material of functioning of ethnonyms the category «one's own» is considered, which is present in the language consciousness of any ethnos. Ethnic stereotypes and associations associated with representatives of various ethnic groups are analyzed and it is concluded that ethnic tolerance is an integral feature of the Russian national consciousness: respect for representatives of other cultures, interest in their traditions, culture, way of life.

Keywords: language picture of the world, ethnos, ethnonym, ethnic stereotypes.

По наблюдениям этнологов, главным условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они». Если такого отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности, поскольку она предполагает такие отношения между группами, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся по каким-либо культурным характеристикам (Садохин 2003: 87).

«Этнические различия, – писал Л. Гумилев в предисловии к книге Н.С. Трубецкого «История. Культура. Язык» (М., 1995), – не мыслятся, а ощущаются по принципу: «Это мы, а все прочие – иные». Так было и так есть, пока человек остается человеком» (Трубецкой 1995: 93).

Наличие определенного набора культурных атрибутов отличает не только одни этнические группы от других, но и этнические группы от иных социальных образований – профессиональных, возрастных, гендерных и т.д. Следовательно, «этничность является аспектом, стороной социального взаимодействия между группами, члены которых осознают себя как культурно отличные от членов других групп, с которыми они имеют определенные отношения» (Скворцов 1996: 54).

В этнологических исследованиях называются основные факторы этничности (Чагин 2002: 264). К ним относятся следующие: язык и языковое сознание, культура, религия, место рождения, представление об общности исторического прошлого.

С понятием «этничность» тесно связано понятие «этническая идентичность». Идентичность понимается как «человеческая потребность отождествлять себя со всей этнической общностью или ее внутренними подразделениями – этнографическими группами как первого порядка, возникшими в

результате территориальной аннексии, так и второго, сформировавшимися главным образом из мигрантов» (Чагин 2002: 214).

Современные исследования свидетельствуют о том, что диффузная идентификация с этнической группой может наблюдаться у детей в 3 – 4 года. «Наблюдения родителей детей-билингвов и мои собственные наблюдения, – пишет В.В. Красных, – говорят о том, что дети уже в 5 – 6 лет различают «своих» и «чужих». Ж. Пиаже полагал, что в 8 – 9 лет ребенок четко идентифицирует себя со своей этнической группой, в нем просыпаются национальные чувства, а в 10– 11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме» (Красных 2003: 43).

В языковой картине мира любого народа одной из основных оппозиций является оппозиция «свой – чужой». Представители любого этноса делят окружающих на эти две категории в зависимости от степени родства, социального статуса, национальности. На данном противопоставлении основаны и все стереотипы.

Лингвисты дифференцируют этнические и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии «наивного» члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучить, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактом поведения, индивидуального бессознательного и сознания, им уже можно обучать (Маслова 2001:109).

Одной из актуальных задач современной этнолингвистики является изучение этностереотипа. В настоящее время в данной области исследований лидируют польские лингвисты, в частности, Люблинская лингвистическая школа. В России данная область исследований обратила на себя внимание представителей Уральской лингвистической школы, которые описывают портрет «человека этнического» (Березович 2002). Интересны также разработки Л.П. Крысина, касающиеся способов представления этнооценки (Крысин 2006).

Вслед за Л.П. Крысиным мы определяем этностереотип как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» (Крысин 2006: 103). В языке это обычно «стереотипная формула, в которой выражаются представления о своем и о других народах» (Подюков 2003: 84). Именно в сфере стереотипной ментальности народа следует искать, по словам Н.Ф. Алефиренко, «источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака» (Алефиренко 2010: 10). Существуют автостереотипы, выражающие представление о “своем” народе, и гетеростереотипы, относящиеся к “чужому” этносу, которые обычно более критичны.

Наряду с термином «стереотип» в этнологии используется термин «этнический образ» – форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» (Садохин 2003: 216). В сознании каждого народа содержится информация о специфических чертах своего этноса, реализуемая через интраобраз, и отличительных характеристиках ближайших и дальних соседей, сконцентрированная в экстраобразе.

Показательно в связи с этим исследование ассоциаций, присутствующих в языковом сознании личности, особенно – в языковом сознании региональной личности, поскольку это свидетельствует о степени этнической толерантности жителей региона.

Для выявления того, какие ассоциации связаны с некоторыми этнонимами-понятиями в языковой картине мира пермских студентов, была проведена анкета, на вопросы которой отвечали студенты 2 курса филологического факультета (100 человек). Данная анкета содержала следующие задания: «Задание 1. Заполните пропуски в данных фразах, добавляя в них те слова, которые отражали бы, на ваш взгляд, какие-то характерные черты представителей данных национальностей: 1. Он по-русски___, он по-татарски___, он по-коми-пермяцки___. 2. Как истинный русский, он___, как истинный татарин, он___, как истинный коми-пермяк, он___. 3. Он русский, но он___, он татарин, но он___, он коми-пермяк, но он___. Задание 2. Вы услышали данные фразы. Что, по-вашему, они могли бы означать? Русский есть русский_____. Татарин есть татарин_____. Коми-пермяк есть коми-пермяк_____».

Для анкетирования использовалась методика И. М. Кобозевой, которая исследовала ассоциации, возникающие в результате использования этнонимов *немец, англичанин, француз и русский.* Она пишет*:* «Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватами. Одно из таких явлений… – это относительное единообразие в интерпретации псевдотавтологий типа X есть X, которые информативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно предицируется свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа» (Кобозева 1995: 103).

Для нашей анкеты были взяты вопросы о *татарах* и *коми-пермяках* как народах, с которыми русские проживают на территории Прикамья в наиболее тесном контакте. Так, «коми-пермяки и русские на протяжении многих веков жили в соседстве и тесном взаимодействии. Историческое дружеское взаимодействие народов проявляется в положительном отношении русских к коми-пермякам. Взаимодействие русских с татарами начинается в XVI-XVII веках, когда татары перемещаются с районов Волжской Булгарии на южные земли Пермского края, в бассейн реки Сылвы, Ирени, Бабки и других» (Этнокультурные процессы 2006: 30).

Как показали результаты анкетирования, автостереотип русских основан во многом на представлениях о характере и особенностях поведения представителей своего этноса. Фраза «по-русски…» была продолжена словами *щедр* (3 раза), *гостеприимен* (2 раза), *душевен, великодушен, свободолюбив, храбр, отважен, горяч.* Область «язык» актуализируется в высказываниях *говорит* и *ругается матом.*

Та же концептуальная область лежит в основе представлений русских о соседнем татарском населении. Фраза «по-татарски…» была продолжена лексемами *трудолюбив, хитер, вспыльчив, чистоплотен, щедр, гостеприимен, доброжелателен, общителен.* Область «язык» представлена словами *говорлив* и *балякает*.

При характеристике коми-пермяков актуализируется область «внешний вид», вербализующаяся с помощью характеристики *низкого роста».* Отмечена реализация области «язык»: *немногословен.* Но и здесь область «особенности характера и поведения» является ведущей: *необщительный* (2 раза), *замкнутый* (2 раза), *наивен, непонятен, гостеприимен, простодушен, скромен, глуповат, тих, далек.* Отметим, что на данном курсе в отдельной группе обучаются студенты коми-пермяцкого отделения, которые не принимали участия в анкетировании, но многие ассоциации русских студентов связаны именно с теми, кто учится с ними рядом. Отсюда одна их характеристик: *чавкает семечками на лекциях по русской литературе.*

Область «материальная культура», образующая концепт «этнос», начинает актуализироваться при ответе на вопрос «как истинный…».

Истинный русский, по мнению студентов, *пьет водку и закусывает солеными огурцами; любит вкусно поесть, попариться в бане; любит русскую баню, пельмени, водку, соленые огурцы и философию Канта* (последняя фраза имеет отношение уже к области «духовная культура»).

Каждый татарин, как отмечают испытуемые, *умеет готовить свое национальное блюдо; умеет готовить азу и всегда напоит вас чаем; любит плов и холодное оружие; умеет делать чак-чак; умеет великолепно готовить и знает толк в винах.* При ответе на этот вопрос актуализируется также область «духовная культура»: истинный татарин *верующий* (2 раза), *набожен.*

При характеристике коми-пермяков задействована и область «язык»: истинный коми-пермяк говорит *с сильным акцентом* и *ценит свой язык.* Данная концептуальная область реализуется также в ответах, отражающих не характерные для русских качества: *он русский, но он не знает правил русского языка,* и качества, присущие татарам и коми-пермякам: *он татарин, но он знает русский язык, понимает по-русски*: *он коми-пермяк, но говорит по-русски без акцента.*

Особенно интересны ответы на последний вопрос анкеты, отражающие ассоциации, присутствующие в сознании региональной языковой личности, которые связаны с представителями разных культур. В ряде случаев данные ассоциации получали репрезентацию в виде прецедентных текстов. Например, с русскими связываются устойчивые выражения *один за всех и все за одного, вместе мы – сила; душа нараспашку; рубаха-парень, каждый день – праздник и т.д.* О татарине думают: *упертый как баран; с татарином дружи, но камень за пазухой держи.* В других случаях ассоциации носят индивидуальный характер, связаны с личным восприятием отдельных представителей этноса: коми-пермяки *не проявляют уважения к институту и студентам.*

Итак, оппозиции «мы – они», «свой – чужой» являются неотъемлемой чертой языковой картины мира любого народа. Человек всегда будет идентифицировать себя со своей этнической группой и отличать тех, кто к ней не принадлежит. Всегда в языке будут находить отражение этнические стереотипы и ассоциации. Однако неотъемлемой чертой русского национального сознания является этническая толерантность – уважение к представителям других культур, интерес к их традициям, культуре, укладу жизни.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского гос. Ун-та. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 8. 2010. № 24 (95). С. 5-12.

2. Анисимова Е. А. Содержание представлений студентов о своем и чужом этносе [Текст] / Е. А. Анисимова, К. В. Вербова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Том 2. Челябинск, 2008. С. 11-15.

3. Березович Е. Л. Ономасиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации [Текст] / Е. Л. Березович, Д. П. Гулик // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.

4. Бутакова Л. О. Этнический компонент регионального языкового сознания: лингвистические модели [Текст] / Л. О. Бутакова // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей / Отв. ред. М. В. Пименова. Санкт-Петербург-Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. С. 18-26.

5. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов [Текст] / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102-116.

6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. М., 2003.

7. Крысин Л. П. О русских этностереотипах в их языковом выражении [Текст] / Л. П. Крысин // Лексикология и лексикография. М., 2006. Вып. 17. С. 103-108.

8. Маслова В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. М.: 2001.

9. Подюков И. А. Этнические стереотипы в народной фразеологии [Текст] / И. А. Подюков // Этническая культура и современная школа. Кудымкар, 2003. С. 84-90.

10. Попова Т. А. Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков [Текст] / Т. А. Попова // Язык, культура, образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. Пермь, 2006. С. 26-27.

11. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов [Текст] / В. А. Рыжков // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985. С. 15-21.

12. Садохин А. П. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений [Текст] / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. М.: Академия, 2003.

13. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии [Текст] / Н. Г. Скворцов. СПб., 1996.

14. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык [Текст] / Н. С. Трубецкой. М., 1995.

15. Чагин Г. Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии [Текст] / Г. Н. Чагин. Пермь, 2002.

16. Этнокультурные процессы русского населения Пермского края на современном этапе: Материалы этносоциального исследования [Текст] / подг. Г. Н. Чагиным, Е. Н. Шестаковой. Пермь, 2006.

Трубавина Н. В., г. Барнаул, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ АЛТАЯ[13]

Аннотация. В статье на примере подчинительных союзов с темпоральной семантикой анализируется синтаксическая вариативность в островных немецких говорах Алтайского края. Определяется степень структурно-формальной и семантической вариативности диалектных союзных средств связи в островных верхне- и нижненемецких диалектах Алтая. Выявляется тенденция увеличения синтаксической вариативности под воздействием внутренних закономерностей развития языка (процессы выравнивания и упрощения) и под влиянием внешних причин (ситуация многоязычия и активные языковые контакты). Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Ключевые слова: островные говоры, вариативность, темпоральные союзы

VARIABILITY OF SUBORDINATE CONJUNCTIONS IN THE ISLAND GERMAN DIALECTS OF THE ALTAI KRAI

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the syntactic variability of subordinate conjunctions with temporal semantics in the island German dialects of the Altai Krai. The degree of structural-formal and semantic variability of dialectal conjunctions in the island Upper- and Low German dialects of Altai is explored. The research reveals the tendency of increased syntactic variability influenced by the internal laws of language development (processes of leveling and simplification) as well as by external causes (situation of multilingualism and active language contacts).

Keywords: island German dialects, variability, temporal conjunctions

[13] Исследование выполнено на материале Текстового корпуса немецких диалектов на Алтае при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 17-14-22002 «Реализация временных отношений в речи носителей островных немецких говоров Алтайского края».

Под вариативностью в настоящей статье понимается «изменение единицы языка (структурное или семантическое) в пределах ее тождества» (Степанова 1967: 91). Вариативность, являясь одним из объективных фундаментальных свойств языка, затрагивает единицы всех языковых уровней в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии (Лукина 2014). Разговорная речь и территориальные диалекты как разновидности языка характеризуются большей вариативностью по сравнению с литературным языком в силу некодифицированности и более гибкой языковой нормы. Наличие вариантов в диалектной норме создает необходимые предпосылки для ее изменения и развития.

Островные нижне- и верхненемецкие говоры Алтайского края представляют с точки зрения исследования вариативности особый интерес. Вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации диалектоносителей – от параллельного и попеременного использования средств разных языков до осознания говорящим возможности разного фонетического, лексического или грамматического оформления высказывания. Длительное развитие в иноязычном окружении, а также многократное смешение контактирующих говоров между собой привело к усилению языковой вариативности на всех уровнях, в том числе и на синтаксическом. На уровне синтаксиса вариативность языкового выражения просматривается не так отчетливо, как на уровне фонетики: большинство диалектных синтаксических черт имеют общий характер для всех говоров. Однако и здесь можно проследить множество вариантных форм и конструкций, в первую очередь в области средств связи частей сложного предложения. Рассмотрим синтаксическую вариативность в плане выражения и в плане содержания на примере союзов с темпоральной семантикой в островных немецких говорах Алтая.

Вариативность в плане выражения предполагает «неизменяемость значения при вариантности его формального выражения» (Степанова 1967: 90). В первую очередь высокая степень вариативности диалектных союзных средств связи в плане выражения обусловлена наличием большого количества фонетических вариантов одного и того же союза в разных говорах. Так, подчинительному условному союзу wenn современного литературного немецкого языка в говорах будут соответствовать фонетические варианты *wann/wonn/wånn/wannscht/wonnscht,* союз *ehe* звучит в речи диалектоносителей как *ehp/ehpst/ehpscht/eja/oja,* союз solonge встречается в вариантах *solong/solang* или *sau lang*, а вариантами союза *bis* выступают *bis/pis/piste/pischt/bet/bot* (подробнее: Москалюк, Трубавина 2010):

Ннем.: *(1)* ***Bot*** *du nech olles jemokt hast, jehst du nonech han! (Grischkowka)*

(2) Du jehst nounich han, ***bet*** *du olles nech moukst. (Degtjarka)*

Внем.: *(3)* ***Pischt*** *alles necht machst, kehst net fat. (Granitschnoe)*

(4) ***Piste*** *alles necht machst, kehste net fort. (Rakity)*

(5) ***Pis*** *tes net kemacht hascht, kehscht närgents no. (Jamki)*

(6) ***Bis*** *net alles kmacht hast, kehst närgents net hin. (Kanny)*

Помимо фонетических вариантов, в исследуемых говорах, как и в современном литературном немецком языке, для выражения темпоральных отношений могут быть использованы разные союзы (обычно классифицируемые, как синонимы). Например, для выражения следования носители говоров параллельно используют союзы *ehp / eja / oja / oja os* и *verem / vorcher / tevor / vor tes wi,* соответствующие литературным союзам *ehe* и *bevor*, а также союз *bis/pis/piste/pischt/bet/bot,* соответствующий литературному *bis*. Так, в процессе анкетирования диалектоносителей были получены следующие варианты оформления придаточного предложения «***Прежде чем ехать,*** нужно заправить машину»:

(7) Ehp mo fahre, … / Ehp ma fahre, … / Ehpscht mia foa, …

(8) Ferem fohre, … / Ferem foure …

(9) Bet wi los fohre, …

(10) Fere dot wach foare…

(11) Oja wach foare…

К еще большей формальной вариативности средств связи частей сложного предложения с временной семантикой в рассматриваемых говорах приводит возможность присоединения десемантизированных союзов к наречиям и относительным местоимениям: *solong wi /solang os, oja os* и т.п. Так, например, наряду с широко распространенным союзом *ehp/ehpst/ehpscht/eja/oja,* выступающим в разнообразных фонетических вариантах, в речи носителей нижненемецких говоров встречается вариант *oja os,* представляющий собой соединение союза с темпоральной семантикой и десемантизированного союза «*os*»:

Ннем.: *(12) Sej haft oll olles jewest,* ***eja os*** *etj dot Mul opmuch.*

Другим примером может служить союз *solong / solang / sau lang*, встречающийся в верхненемецких говорах в сочетании с союзом *wi (solong wi),* в нижненемецких говорах – с союзами *os* и *bot* (*solang os; solang bot*):

Внем.: *(13)* ***Solong wi*** *ti ti Kass mache, muss ma Umwech mache (Podsosnowo)*

Ннем.: *(14)* ***Solang bot*** *de Wai wot jemokt, mot mon en Omwaj moke. (Grischkowka)*

(15) ***Solang os*** *dei dem Wach mouke, mot wie ein Omwach mouke. (Degtjarka)*

Еще больше вариативность темпоральных союзов усиливается за счет проникновения в говоры элементов контактирующего русского языка. Так, например, калькированный с русской конструкции «перед тем как» и отличающийся разнообразными вариантами составной союз *vor tes wi / ver daut wi / ver dem dot / vor tem tass* успешно конкурирует в исследуемых говорах с союзом *verem/vorcher/tevor*, а для выражения отношений предшествования носители говоров пользуются союзом *nu dem dot / nu dem os /noch tem wu (wi) /nume dann wann,* также образованным путем перевода русского союза *после того как*:

Ннем.: *(16) Äte komm wi* ***nu dem, os*** *de Vuda dem Leipel nom.*

Внем.: *(17)Mia hen si wenich ksehe,* ***nach tem wu*** *si umkezogen sin.*

Под влиянием русского языка в говорах появляется и распространяется заимствованный вариант союза *mo…mo…,* указывающего на последовательную смену событий или ситуаций, несовместимых во временном плане. Заимствованный союз получил в исследуемых говорах практически повсеместное распространение и используется в качестве его альтернативного варианта союзу *palt . palt* (Москалюк, Трубавина 2010: 139, 147):

Внем.: *(18)* ***To*** *schneet´s,* ***to*** *regent´s. /* ***Palt*** *schneet´s,* ***palt*** *regent´s.*

Ннем.: *(19)* ***To*** *aul,* ***to*** *goa nuscht. /* ***Bald*** *alles,* ***bald*** *gar nichts.*

Таким образом, синтаксическая вариативность в плане выражения, присущая говорам изначально, усиливается под влиянием контактирующего русского языка.

Вариативность в плане содержания предполагает «неизменяемость структуры при вариантности ее значения» (Степанова 1967: 90). В таком понимании вариативность тесно связана с многозначностью и расширением функций и первоначального значения некоторых союзов в рассматриваемых говорах.

Таблица 1. Значение многозначных союзов в островных немецких говорах Алтая

Союзы	**Возможные значения**	**Возможные значения в сочетании с другими союзами**
Wie	времени: (= als, wenn, ehe, seitdem) причины: (=weil) дополнения: (=wie)	времени: solong wie (=bis, solange) bet wie (=ehe) ver daut wie (=ehe) so wie (=sobald) noch tes wie (=nachdem)
Dass	цели (=damit) следствия (=so dass) причины (=weil)	времени: nudem dot (=nachdem) цели: em daut (=damit) tass hot´ (=damit) в конструкциях “wie peis, dass ich war”
Wo	места (=wo) дополнения (=wie) определения (=der, die, das…)	времени nachdem wo (=nachdem) определения von wou Darp (=welch-)
Wenn	времени (=sobald, wenn, als) условия (=wenn)	времени Nu me dann wann (=nachdem)

Одна из особенностей союзной связи в островных немецких говорах Алтайского края заключается в том, что по сравнению с современным литературным немецким языком говоры, как и диалекты на территории Германии (Post 1992: 136), располагают меньшим количеством союзов и союзных слов для выражения подчинительной связи. Вполне возможно, что ограничение в инвентаре подчинительных союзов обусловлено устным характером существования островных немецких говоров, сближающим их с разговорной речью: многие союзы и союзные слова, представленные в современном литературном немецком языке, едва ли можно встретить в синтаксисе немецкой разговорной речи (Поликарпов 2000, Kallmeyer 1980, Девкин 1979). Употребляются обычно те союзы, которые в кодифицированном литературном языке рассматриваются как доминантные в

синонимическом ряду (Земская 1981: 232). С другой стороны, репертуар союзов и союзных слов в диалектах и говорах ограничен изначально в силу их исторического развития. В островных немецких говорах Алтайского края, как и в немецких диалектах на территории Германии, отсутствует группа временных подчинительных союзов, как, например, *damit, so oft, während, nachdem, seitdem sobald, sooft* и др., развившихся в 14-16 веке, в период формирования национального литературного языка, и используемых преимущественно в языке делового общения, в научной и художественной литературе.

Эти факторы приводят к расширению значений наиболее древних союзов и развитию их многозначности, что способствует расширению семантической вариативности в островных немецких говорах.

Так, в группе верхненемецких говоров не представлен временной союз *als*, и для передачи соответствующих значений носители говоров широко используют союз *wi*, используя при необходимости дополнительно лексические средства для уточнения временных отношений:

(20) Aach ich, ***wi*** *ich klo war, hun tes arig keliibt.*

Данный союз, как видно из таблицы 1, может выражать во временном значении отношения одновременности (в значении литературных *als/wenn*), а также отношения предшествования и следования (в значении *ehe, seitdem, nachdem*). Помимо этого, союз wi может употребляться для выражения значения причины. Такая многозначность приводит к стиранию дифференцирующих компонентов значений и десемантизации союза, вследствие чего становится необходимым уточнять выражаемое значение. Такое уточнение может происходить не только за счет употребления лексических конкретизаторов, но и за счет комбинации союзов с другими союзами, о чем мы уже говорили выше.

Другим распространенным в верхненемецких говорах многозначным союзом, реализующим среди прочего темпоральное значение, является союз *wo*, использование которого было характерно для более ранних периодов развития немецкого языка (вплоть до XVIII века союзы в немецком языке характеризовались многофункциональностью и многозначностью). С помощью данного союза в верхненемецких говорах Алтая вводятся определительные и темпоральные придаточные предложения:

Внем.: *(21) Es sin viele Tärwer, wo alles toch uf Rusch fuzählt werd.*

(22) Moi Vader, wo se ten kenomme hen, ware me finef kloine Kiner.

В нижненемецких островных говорах в данных значениях союз *wo* не встречается. В речи носителей он выступает эквивалентом немецкому литературному союзу и наречию *wi*:

Ннем.: *(23)* ***Wo*** *schud mi dot nech es, konn et' noscht moke.*

(24) Hei feschtunt nech, ***wo*** *etj doll wie.*

В современном литературном немецком языке данный союз неупотребителен, однако он сохранился сегодня в разговорной и диалектной речи, где он нередко употребляется в качестве всеобщего показателя относительного подчинения. Например, в тюрингенском диалекте в качестве всеобщего показателя относительного подчинения употребляется союз *wo*: *das Kind, wo (=welches); die Tante, wo wir morgen hinreisen (=zu der); der Mann, wo ich gestern gesehen habe (=den…), der Baum, wo ich dir gestern davon erzählt habe (=von dem);* также в значении временном, условном и др.. По всей видимости, в диалектной устной речи данная особенность союзов сохраняется дольше, так как диалект не подвергался влиянию письменной нормы. В пользу этого говорит и тот факт, что чаще всего недифференцированность значений присуща наиболее древним союзам *wi* и *wo* (Жирмунский 1956: 378).

В силу ограниченности состава союзов в верхненемецких диалектах универсальным временным коннектором становится союз wann / wonn / wånn / wannscht / wonnscht, который употребляется носителями говоров как в значении wenn / als, так и в значении sobald / sooft / ehe / bevor / bis / nachdem в случае необходимости дифференциации значения используются лексические маркеры, уточняющие значения союза:

Внем.: *(25) Ich hun immer Twojki kriit,* ***wonn*** *mer Kontroljnaja schriwen.*

(26) Tea steht uf, ***klaich wann*** *te Budiljnik klingelt.*

В нижненемецких говорах употребление союза *wånn* схоже с тем, к чему мы привыкли в современном немецком языке: союз употребляется в значении литературного *wenn* для выражения связи двух одновременно протекающих ситуаций в настоящем и будущем, а при повторяющемся действии и в прошлом:

Ннем.: *(27)* ***Wann*** *ich Rat prauch, frook ich tich.*

На однократное действие в прошлом, протекающее одновременно с действием в главном предложении, указывает союз *os* (соответствует значению *als* в современном литературном немецком языке):

Ннем.: *(28)* ***Os*** *etj nu Jüs komm, word nu mi oll jeluut.*

Для выражения предшествования/следования носители говоров прибегают к более дифференцированным союзам *os, so os, bot* и *nu diem dot/nu dem os.*

Таким образом, исследование союзных средств связи с темпоральным значением выявило высокую степень их формальной вариативности в первую очередь за счет фонетических различий говоров и не в последнюю за счет присущей говорам лексической вариативности и открытости к заимствованиям. Вариативность темпоральных скреп в плане содержания основывается на полисемии и недифференцированности значений наиболее древних союзов, сохранивших способность выражать самые разные значения. Ограниченный инвентарь и полифункциональность сочинительных и подчинительных скреп, возможность их комбинирования, равно как и заимствование союзов из контактирующего русского языка способствуют синтаксической вариативности рассматриваемых говоров и приводит к появлению в них множества конкурирующих форм и факультативных моделей.

В целом синтаксическая вариативность более четко просматривается в островных верхненемецких говорах Алтая: темпоральные союзы в нижненемецких говорах менее разнообразны по составу, в меньшей степени подвержены влиянию русского языка и имеют более четко очерченные рамки употребления.

Библиографический список

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика [Текст] / В. Д. Девкин. М.: Международные отношения, 1979.
2. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология [Текст] / В. М. Жирмунский М., Л.: Издательство АН СССР, 1956.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. М.: Наука, 1981.
4. Лукина А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции [Текст] / А. Е. Лукина // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 7-11.
5. Москалюк Л. И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае [Текст]: в 2 ч. / Л. И. Москалюк, Н. В. Трубавина. Барнаул: АлтГПА, 2010.
6. Москалюк Л. И. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований [Текст] / Л. И. Москалюк, Т. Н. Москвина, Н. В. Трубавина. АлтГПА, 2014.
7. Поликарпов А. М. Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи [Текст] / А. М. Поликарпов. Архангельск: Поморский гос. ун-т. им. Ломоносова, 2000.
8. Степанова М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества (на материале современного немецкого языка) [Текст] / М. Д. Степанова. Вопросы языкознания. 1967. № 2.С.89-97.
9. Kallmeyer W., Meyer-Hermann R. Textlinguistik [Текст] / W. Kallmeyer, R. Meyer-Hermann // Lexikon der Germanistischen Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1980. Band 1. S.242-258.
10. Post R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft [Текст] / R. Post // Landau/Pfalz: Pfälzische Verlagsanstalt GmbH, 1992 [Текст]: в 2 ч. / Л. И. Москалюк, Н. В. Трубавина. Барнаул: АлтГПА, 2010.
11. Москалюк Л. И., Москвина Т. Н., Трубавина Н. В. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований [Текст] / Л. И. Москалюк, Т. Н. Москвина, Н. В. Трубавина. АлтГПА, 2014.
12. Поликарпов А. М. Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи / А. М. Поликарпов. Архангельск: Поморский гос. ун-т. им. Ломоносова, 2000.
13. Степанова М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества (на материале современного немецкого языка) [Текст] / М. Д. Степанова // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С.89-97.
14. Kallmeyer W., Meyer-Hermann R. Textlinguistik [Текст] / W. Kallmeyer, R. Meyer-Hermann // Lexikon der Germanistischen Linguistik. - Tübingen: Niemeyer, 1980. Band 1. S.242-258.
15. Post R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft [Текст] / R. Post // Landau/Pfalz: Pfälzische Verlagsanstalt GmbH, 1992.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Анохина М. А., г. Барнаул, Россия

A THREE LEVEL GUIDE TO TEXT COMPREHENSION

Аннотация. Чтение – сложный когнитивный процесс, который охватывает несколько уровней мышления. В статье рассматривается трехуровневая модель, которую может разработать учитель иностранного языка для развития у студентов навыков осмысленного чтения. На примере отрывка из поэмы Н.А. Некрасова «Крестьянские дети» предлагаются варианты утверждений и/или вопросов в рамках данной модели, которые способствуют глубокому пониманию содержания текста. Утверждения и/или вопросы третьего уровня модели способствуют развитию критического мышления у студентов.

Ключевые слова: трехуровневая модель, понимание текста, критическое мышление, поэма «Крестьянские дети».

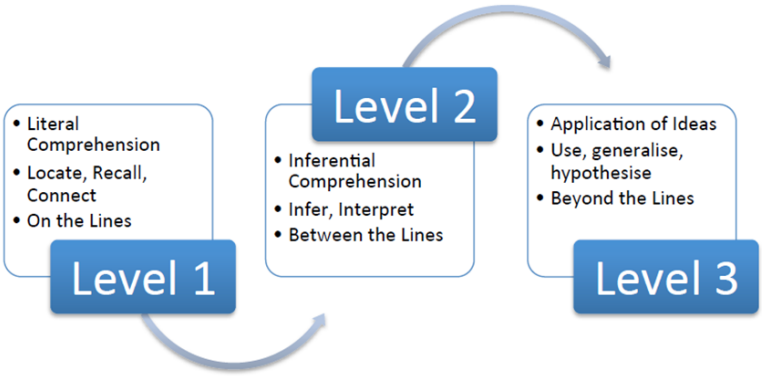
A THREE LEVEL GUIDE TO TEXT COMPREHENSION

Abstract. Reading is a sophisticated cognitive process that involves readers thinking at various levels. The paper is devoted to the Three-Level Guide that can be created by a teacher of foreign language as an effective tool for teaching students reading comprehension. Based on the extract from the poem “The Peasant Children” by N.A. Nekrasov some Three Level Statements and/or Questions to understand the content deeper are considered. The Three-Level Statements and/or Questions are designed to develop students’ critical thinking skills.

Keywords: a three level guide, text comprehension, critical thinking skills, poem “The Peasant Children”.

The Three-Level Guide is a good tool to master students’ comprehension. The Guide gives students directions for reading and fosters them to think «on», «between» and «beyond» the lines (Diagram 1). Teachers can design such a guide for any type of texts and develop students’ thinking skills.ве

Diagram 1

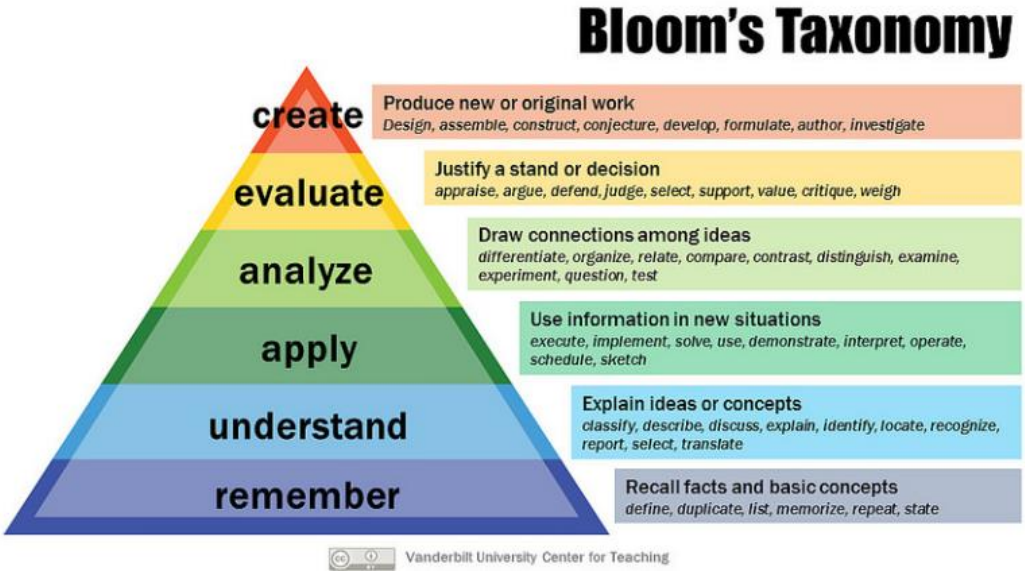
Taken from: Accelerating Literacy Learning, Griffith University

Benjamin Bloom has categorised levels of abstract thinking and questioning (Armstrong n.d). The Bloom’s taxonomy ranges from basic thinking skills through to higher order thinking skills, i.e. critical thinking skills (Diagram 2). It is beneficial to use the Three-Level Guide together with the Bloom’s taxonomy. In this case, teachers can target particular thinking skills that need to be developed. They design various questions and/or statements in accordance with the students’ abilities and needs, and the desired learning outcomes.

Level 1 of the Guide includes Literal Statements and/or Questions. They are designed to draw the students’ attention to some specific parts of the text. The students are expected to be attentive and selective in their reading, focusing only on the relevant information.

Level 2 of the Guide is based on Interpretive Statements and/or Questions. They encourage the students to provide facts based on the evidence and reasoning, draw conclusions, and also focus on the author’s message behind the information provided**.**

Diagram 2

Taken from: Vanderbilt University Center for Teaching

Level 3 comprises Applied Level Statements and/or Questions. They encourage the students to think beyond the text, and to draw connections among ideas that can be linked with the students' life and experiences as well as the wider world. Such questions often send the students back to the text with a new perspective or a different focus. Together with Applied Level Questions a teacher can design analytical questions to develop students' critical thinking skills.

K. Suominen and A. Wilson recommend to start designing the Three-Level Guide with the Applied Level Statements (Suominen & Wilson, n.d). In this case it is important to determine first the content objectives as they are intertwined with the Applied Level Statements. After that a teacher creates Literal Statements, and then Interpretive Level Statements. The statements will help the students to focus on the relevant parts of the text.

One of the texts that students study is an extract from the poem "The Peasant Children" by Nikolay Nekrasov (Nekrasov 2017). In this paper the statements have been created from Level 1 to Level 3 following the logic from simple statements to complex ones. After the pre-reading activities have been done, the students are instructed to read the text and individually respond to the Three Level Statements by ticking whether they agree or disagree with various statements. Then they share their answers to the class.

Some of the statements are given below.

Level 1 (Literal Statements):

1. _ The winter is warm and pleasant.
2. _ It is harsh and frosty in the forest.
3. _ The day is gloomy but wonderful.
4. _ The sun shines through the trees in the forest.

Level 2 (Interpretive Statements):

1. _ Vlass does his best to help his father.
2. _ The boy talks and behaves in a rude way.
3. _ The boy is described as a grown-up man.
4. _ A peasant like a fingernail.

Level 3 (Applied Statements):

1. _ Vlass is only six years old and he doesn't have to do such a hard work.
2. _ The boy suffers from his father's negligence.
3. _ The social problems in the country can put children at risk.
4. _ The lifestyle of peasants is extremely hard.

The students then discuss their responses with other students in small groups and support their answers with evidence.

Another alternative to the statements is to create Three Level Questions for the students, or to ask the students to create Three Level Questions for each other and then discuss the answers in class. Some possible questions for the poem are given below.

Level 1 (Literal Comprehension): What season is described? Where does Vlass go? What clothes does the peasant wear?

Level 2 (Inferential Comprehension): Why is the boy in the forest? Why does the setting look so Russian for the man? What does 'whimsical toy' represent?

Level 3 (Application of Ideas): How do you help your family and community? How is your childhood/life different from the childhood of the Russian peasant children? Who would want to spend a day in the life of Vlass, and why?

In conclusion, the Three Level Statements and/or questions encourage students to explore relevant information in the texts. They help them to understand the content deeper and to develop their critical thinking skills.

Библиографический список

1. Accelerating Literacy Learning. The Three-Level Guide URL: http://www.accelerating-literacy-learning.edu.au/three-level-guide.html / Griffith University, Australia.
2. Armstrong, P. Bloom's Taxonomy URL: https://cft.vanderbilt.edu/guides-sub-pages/blooms-taxonomy/ Vanderbilt University, USA.
3. Nekrasov, N. Collected Poetical Works. The Peasant Children [Text] / N. Nekrasov. Delphi Classics, UK, 2017.
4. Suominen, K. & Wilson, A. Three Level Guide URL: http://www.myread.org/guide_three.htm / The Australian Association for the Teaching of English (AATE) and the Australian Literacy Educators Association (ALEA), Australia.

Арбузова Н. А., г. Новосибирск, Россия

КОНЦЕПТ MARSH/BOG В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается один из концептов, входящий в ландшафтную концептосферу британской лингвокультуры, анализируются словарные дефиниции лексем *bog, moor, fen, marsh, swamp*. Сопоставление словарных дефиниций помогает описать понятийный компонент концепта, интерпретация которого осуществляется в терминах ядра и периферии.

Ключевые слова: географическое пространство, концепт, национальный характер, ландшафтная концептосфера Британии, концепт MARSH/BOG, дефиниционный анализ.

THE CONCEPT OF MARSH/BOG IN ENGLISH LINGUAL CULTURE

Abstract. The paper analyses one of the concepts as component of the the landscape conceptual sphere of the British linguoculture. The author presents the definional analysis of the lexemes *bog, moor, fen, marsh, swamp.* This analysis is aimed at describing the notional component of the concept under study. The interpretation of the concept is carried out in terms of the core and periphery.

Keywords: geographical space, concept, national character, landscape conceptual sphere of British culture, concept MARSH/BOG, definitional analysis.

В формировании культуры этноса огромную роль играет природный фактор. Соприкосновение человека с природой происходит на протяжении всей истории человечества. По мнению И. В. Кондакова, представление о духовном и поведенческом своеобразии народа и его культуры, о национальном характере его представителей и национальном образе мира дают такие факторы как геополитическое положение, ландшафт, биосфера, фундаментальные свойства определённого этноса и его ближайшего окружения (Кондаков 2003: 514). В. Л. Каганский подчёркивает особенности взаимодействия культуры и окружающей среды, ландшафта и пишет, что видение культуры подразумевает ландшафт, а видение ландшафта подразумевает культуру (Каганский 2001). Исследователи В. И. Тхорик и Н. Ю. Фанян обращают внимание на необходимость «рассматривать культуру как «процесс», «результат», «деятельность», «способ», «отношение», «норму», «систему», и толковать её в качестве пространственно-временного объекта», важную функцию в котором выполняет субъект; а понятие окружающей среды включается в пространственно-временной фактор (Тхорик, Фанян 2006: 7). У каждой нации имеется свой образ пространства, образ, родной земли, который репрезентируется в номинациях географических названиях и именах природных объектов и влияет на структуру души, тип мышления, способ познания окружающего мира. Как отмечает И. В. Кондаков, национальная картина природы отображается в языке, мифологии, фольклоре, религии, в философии, искусстве и литературе (Кондаков 2003: 493).

Более подробно в рамках категории ПРОСТРАНСТВО рассмотрим такую концептуальную сферу как природное (географическое, ландшафтное) пространство. Болгарский лингвист А. Николова подчёркивает, что для того, чтобы организовать своё существование, человечество в первую очередь должно

было узнать и осмыслить пространство своего обитания, изучить, а также измерить его для своих практических целей. История всех древних цивилизаций демонстрирует, что в их развитии огромную роль играла среда обитания, занимаемая государством территория, её топологические и размерные характеристики (Николова 2002).

Под термином «географическое пространство» мы понимаем территорию с расположенными на ней взаимосвязанными географическими объектами, развивающимися во времени (Географическое пространство, URL).

Как отмечает И. Н. Ивашкевич, изучение концептов, в содержании которых репрезентированы свойства физического пространства, позволяет выявить специфику их отражения в сознании говорящего. Именно категория «Природные пространства» представляет собой определённый формат знания об онтологии мира. В основе данной категории находятся базовые слова-идентификаторы, которые структурируют и упорядочивают эту категорию, а также показывают сложные взаимоотношения между целым (space) и его частями (area, place). Всё это отражает становление философской мысли, которая выдвигала постулат о структурной организованности бытия. Также исследователь указывает на то, что разветвлённая микросистема слов-идентификаторов предполагает неоднородный и сложный характер категории «Природные пространства» и подтверждает мнение о том, что естественная категория строится как многофокусная (Ивашкевич 2010: 64).

Концепт является многомерным образованием, которое включает в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, которые следует учитывать при описании концепта (Маслова 2004: 59). Одним из первых методов описания содержания концепта был так называемый метод концептуального анализа, которым обозначали все действия исследователя, направленные на изучение концепта через обращение к языковым данным. Существуют различные подходы и методы исследования концептов, способы их описания, которые основаны на применении различного материала.

Так, В. А. Маслова предлагает следующую методику описания концепта вслед за Р. М. Фрумкиной: при описании концепта она предлагает различать ядро и периферию. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Периферия – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации. Автор предлагает для установления смыслового объема концепта выполнить следующие этапы:

1) определить референтную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт; при наличии художественного текста эта операция производится на его основе;

2) установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации, используя энциклопедические и лингвистические словари; при этом словарная единица принимается за ядро;

3) учесть особенности этимологии;

4) привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, научные, философские, публицистические, паремии и т. д.;

5) сопоставить полученные результаты с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы;

6) если анализируется важный концепт культуры, то он должен быть многократно повторен и проинтерпретирован в живописи, музыке, скульптуре и т. д. (Маслова 2004: 59).

В данной статье мы продемонстрируем только один из этапов описания концепта MARSH/BOG

Объект исследования – концепт MARSH/BOG, входящий в ландшафтную концептосферу британской лингвокультуры. Британия – это остров, что делает её «островом-кораблём» с «само-сделанным человеком» как мачтой, даёт ей ощущение себя как центра планеты, противопоставленного континенту (Гачев 1998: 158). Рельеф Великобритании отличается разнообразием, бóльшую часть территории Англии занимают низменности. Климат Британских островов характеризуется высоким уровнем влажности, поэтому большие площади занимают болота и заболоченные луга. Англия знаменита Дартмурскими сфагновыми болотами (Dartmoor), которые стали известны всему миру благодаря произведению А. К. Дойля. В Шотландии, например, болота занимают территорию 10,5 тыс. кв. км. Фенские болота занимают южную часть графства Линкольншир, северную часть Кембриджшира и западную часть Норфолка.

В состав концептосферы ландшафта входит знание о водном ландшафтном пространстве и пространстве суши (водный и сухопутный фрагменты концептосферы). В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения О. В. Гавриленко, И. Н. Ивашкевич, которые считают, что концепт БОЛОТО принадлежит сухопутному фрагменту. Материалом исследования ландшафтного концепта MARSH/BOG в британской лингвокультуре послужили дефиниции, извлечённые из ряда толковых и энциклопедических словарей: Cambridge Learner’s Dictionary, Encyclopaedia Britannica, Longman Dictionary of Contemporary

English, Macmillan English Dictionary, Merriam Webster on-line Dictionary, Dictionary.com Thesaurus.com. Изучение дефиниций позволяет выявить ядро концепта и включенные в ядро признаки, отражающие принятое в британской лингвокультуре понимание болота.

На необходимость изучения словарных дефиниций при анализе концептов обращает внимание А. А. Уфимцева, которая подчеркивает важность дефиниционного анализа и считает его «особым методическим приёмом описания лексической семантики» (Уфимцева 1962: 134). Согласно позиции И. В. Арнольд относительно дефиниционного метода, значение слова приравнивается словарному толкованию. Таким образом, как отмечает И. В. Арнольд, анализ словарных дефиниций основан на «установившейся в логике операции определения понятий, в частности, указания ближайшего рода или класса, к которому относится предмет, и указания видовых отличий, т.е. признаков, которые отличают определённый предмет от всех других предметов того же класса» (Арнольд 1990: 52).

Проанализируем словарные дефиниции лексем со значением «болото», представленные в упомянутых выше англоязычных словарях. Обозначение низинного рельефа, т.е. наименования болот и заболоченных участков представлено в английском языке достаточно большим синонимичным рядом. С целью выявления понятийного ядра концепта «болото» обратимся к английским толковым словарям. Проведем анализ дефиниций имен существительных *bog, moor, fen, marsh, swamp.*

Согласно Кембриджскому словарю слово «болото» имеет следующие дефиниции:

Bog – soft, wet ground or an area of this.

Moor – an open area of hills covered with rough grass, especially in Britain.

Fen – an area of low, flat, wet land in England.

Marsh – 1) ground near a lake, a river, or the sea that often floods and is always wet; 2) an area of low, wet land, usually covered with tall grasses.

Swamp – very wet, soft land (Cambridge Dictionary).

Словарь Лонгман даёт следующие определения данных лексем:

Bog – an area of low wet muddy ground, sometimes containing bushes or grasses.

Moor – especially British English a wild open area of high land, covered with rough grass or low bushes and heather, that is not farmed because the soil is not good enough.

Fen – an area of low flat wet land, especially in eastern England.

Marsh – an area of low flat ground that is always wet and soft.

Swamp – swamp land that is always very wet or covered with a layer of water (Longman Dictionary of Contemporary English).

Словарь Макмиллан предлагает следующие значения:

Bog – an area of ground that is always very wet and soft.

Moor – a large area of high land covered with grass, bushes, and heather, with soil that not good for growing crops.

Fen – an area of wet flat land, especially in eastern England.

Marsh – an area of soft wet land.

Swamp – an area of land covered by water where trees and plants grow (Macmillan Dictionary).

Словарь Мерриам-Вебстер даёт следующие значения:

Moor – an expanse of open rolling infertile land.

Fen – low land that is covered wholly or partly with water unless artificially drained and that usually has peaty alkaline soil and characteristic flora (as of sedges and reeds).

Marsh – a tract of soft wet land usually characterized by monocotyledons (such as grasses or cattails).

Swamp – a wetland often partially or intermittently covered with water; especially: one dominated by woody vegetation (Merriam Webster on-line Dictionary).

Как свидетельствуют дефиниции, данные лексемы обладают несколькими семантическими признаками. Как видно из приведённых выше определений, болото понимается как низменный увлажнённый участок суши. Во всех словарях можно проследить совпадение первичного значения рассмотренных лексем. Однако, в своем добавочном значении лексемы со значением «болото» приобретают ряд дополнительных содержательных смыслов. Так, например, лексема *fen* в словаре Макмиллан и Лонгман толкуется с указанием на конкретное местоположение болот – Восточную Англию. Лексема *moor* в словарях Лонгман и Макмиллан уточняет, что местность, занимаемая болотом, является непригодной для ведения сельского хозяйства. В Кембриджском словаре лексема *marsh* понимается как территория, расположенная рядом с озером, рекой или морем, которая находится в зоне постоянного затопления.

Ядерными признаками концепта MARSH/BOG являются: «участок суши» (*an area* of low wet muddy *ground*; *soft, wet ground; an area of ground; an open area; a wild open area of high land; a large area of high land; an area of wet flat land; ground near a lake; very wet, soft land*) «увлажнённость» (*wet ground; wet muddy*

ground; ground that is always very wet; flat, wet land; land that is always very wet or covered with a layer of water; an area of land covered by water), «растительность» (*sometimes containing bushes or grasses; covered with rough grass; land, covered with rough grass or low bushes and heather; land covered with grass, bushes, and heather; usually covered with tall grasses; where trees and plants grow; sedges and reeds*), «низменность» (*an area of low flat ground; an area of low, flat, wet land;*), «деятельность человека» (*that is not farmed because the soil is not good enough.; with soil that not good for growing crops*).

Рассмотрим подробнее такой признак, как «деятельность человека», который представляет восприятие болот с точки зрения их пригодности для хозяйственной деятельности человека. Болотистая местность и заболоченные участки суши непригодны для сельского хозяйства, поэтому являются необработанными человеком территориями. Так, дефиниция лексемы *moor* репрезентирует отсутствие сельскохозяйственной деятельности на данном участке суши в связи с непригодностью почв (*that is not farmed because the soil is not good enough; with soil that not good for growing crops*).

Периферийными признаками концепта «болото» в английском языке являются «глубина» (*an area of low wet muddy ground*), «открытая местность» (*an open area; an area of low, flat, wet land*), «солевой состав» (*with soil that not good for growing crops; usually has peaty alkaline soil*). Такой признак, как «солевой состав» подчёркивает, что в основном территории, занимаемые болотами в Великобритании не пригодны для сельскохозяйственных целей.

В понятийном компоненте концепта содержится наибольшее количество признаков, интерпретация концепта осуществляется в терминах ядра и периферии. Ключевые признаки, необходимые для идентификации объекта, входят в состав ядра. Эти признаки позволяют чётко отделять объекты, например, *moor* и *fen.* Необходимые практические познания о том или ином объекте содержат периферийные признаки («наличие засоления, являющееся причиной непригодности к земледелию»). Ядерные и периферийные признаки не являются постоянными, они подвержены изменениям. Исследование периферийных признаков позволяет выявить как особенности специальных знаний о различных видах болот, так и содержательные признаки, выражающие специфику восприятия природного ландшафта и его практического освоения в британской культуре.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования [Текст] / И. В. Арнольд. М.: Просвещение, 1990.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций [Текст] / Г. Д. Гачев. М.: Академия, 1998.
3. Географическое пространство. Словарь по географии URL: https://geography_ru.academic.ru/
4. Ивашкевич И. Н. О языковой репрезентации пространственных концептов (на материале английских имён существительных) [Текст] / И. Н. Ивашкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2010. С. 61-68.
5. Каганский В. Л. Феномен культурного ландшафта и советское обитаемое пространство [Текст] / В. Л. Каганский. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
6. Кондаков И. В. Культурология: история культуры России [Текст] / И. В. Кондаков. М.: BRA Омега-Л, Высш. шк., 2003.
7. Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосфера эмоций [Текст] / Н. А. Красавский // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 113-118.
8. Ландшафт географический URL: https://geography_ru.academic.ru/географическое_пространство
9. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие [Текст] / В. А. Маслова. М.: Флинта: Наука, 2004.
10. Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание [Текст] / А. Николова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: сб. ст. / Шумен. ун-т; под ред. В. Аврамовой, 2002. С.59-92.
11. Тхорик В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пос [Текст] / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. Изд. 2-е. М.: ГИС, 2006.
12. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А. А. Уфимцева. М.: Академия наук СССР, 1962.
13. Cambridge Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/
14. Dictionary.com Thesaurus.com URL: http://www.thesaurus.com/browse/bog
15. Encyclopaedia Britannica URL: https://www.britannica.com/science/bog-wetland
16. Longman Dictionary URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/bog
17. Macmillan Dictionary URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/bog_1
18. Merriam Webster on-line Dictionary URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/moor

Батырова З. Р., г. Уфа, Россия

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ ВХОЖДЕНИЯ ENTER-PENETRATE

Аннотация. В статье приводится анализ когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования значений синонимичной пары английских глаголов группы вхождения enter-penetrate. Глаголы enter и penetrate меняют свое прототипическое значение за счет изменения содержания слотов во фреймовой структуре глаголов, а также изменения их когнитивных конструкций.

Ключевые слова: фрейм, когнитивные механизмы, синонимы

COGNITIVE BASES FOR THE DIFFERENTIATION OF THE VALUES OF THE ENGLISH VERBS ENTER-PENETRATE

Abstract. The article gives an analysis of cognitive processes which are a part of the meaning construction of synonym pair of English verbs enter-penetrate. Verbs change their prototypical meaning according to variations in verb frames, as well as the changes of cognitive structures.

Keywords: cognitive structure, synonyms, verb frames

Объектом нашего исследования является группа английских глаголов вхождения *enter-penetrate-reach-arrive*. Предметом исследования является дифференциальная семантика глаголов данной группы. Выбор данных глагольных единиц в качестве объекта исследования обусловлен тем, что они являются достаточно частотными в английском языке и наглядно отражают системность семантических отношений данной группы глагольной лексики. Английские глаголы *enter-penetrate-reach-arrive* относятся к группе глаголов движения. Избранная для анализа группа глаголов движения обозначает жизненно важное понятие антропологической сферы деятельности – движение. Являясь одной из важных категорий философии, движение имеет для лингвистики важнейшее методологическое значение. Под глаголами движения понимаются лексемы, обозначающие изменение местоположения субъекта в пространстве (Теньер 1988:139).

Синонимичная группа *enter-penetrate-reach-arrive* получает довольно сходные словарные дефиниции, которые не всегда отражают особенности денотативной ситуации, требующей употребления того или иного глагола. В данной статье нами представлен анализ глагольной пары *enter-penetrate*.

Анализ словарных дефиниций авторитетных отечественных и аутентичных словарей показал, что глагол *penetrate* часто трактуется через *enter*, а *enter*, в свою очередь, через *penetrate*. Англо-русский словарь даёт практически одинаковое толкование этой паре глаголов: *enter* – 1. входить, проникать; переступать порог; проникать, попадать; *penetrate* – 1. входить, проникать внутрь; проходить сквозь, пронизывать (НБАРС). Англо-английские словари более полно раскрывают толкование этих глаголов:

enter: when you enter a place such as a room or building, you go into it or come into it: *1. He entered the room briskly and stood near the door (CED)*; come or go into (a place): *2. She entered the kitchen(EOLD)*; to go or come into a place: *3. Soldiers entered the houses, apparently searching for weapons(MED).*

penetrate: if something or someone penetrates a physical object or an area, they succeed in getting into it or passing through it: *4. X-rays can penetrate many objects (CED)*; go into or through (something), especially with force or effort: *5. The shrapnel had penetrated his head (EOLD)*; to get inside an object or body by getting through something: *6. A piece of glass had penetrated the skin (MED).*

Анализ словарных статей показал, что три словаря (CED, EOLD, MED) трактуют *enter* через *come into* и *go into*. *Penetrate* в трёх словарях (CED, MED, CLD) описывается через *get inside* и в одном словаре (EOLD) через *go into*. В словарных статьях *penetrate* трактуют практически также как *enter*, выделяя у него дополнительную информацию «with force or effort». Как мы видим, глаголы *enter* и *penetrate* трактуются через одно понятие «входить, проникать». В словарях отсутствует четкая информация о дифференциальном значении рассматриваемых глаголов, а приведённые авторами словарей дефиниции являются описанием особенностей денотативной ситуации, т.е. такой информации, которая не обязательно входит в значение глагола. Таким образом, словарные статьи не представляют достаточно полное значение каждого из анализируемых глаголов, так как их значение определяется друг через друга, а дифференциальная семантика на самом деле является описанием неизбежно варьируемых параметров денотативной ситуации.

Для выявления дифференциального значения анализируемых глаголов группы вхождения используется понятийный аппарат, разработанный в ряде лингвистических исследований, связанных с описанием структуры значения различных лексико-семантических групп глаголов и принципов классификации семантических типов предикатов (Селиверстова 1982; Jakendoff 1990; Fillmore 1993; Сулейманова 1986; Шабанова 1998; 2015; Амирова 2002; Швайко 2006; Байбурина 2006; Бостонов 2005; Шерсткова 2009; Корнеева 2010; Кузьмина 2012; Валова 2013).

Предикативные выражения рассматриваются под разными углами зрения. Так, каждый глагол можно характеризовать по типу соотношения с осью времени и проводить классификации, которые уточняют параметры функционирования глагольной лексики и определяют условия её функционирования. Также предикаты классифицируются в зависимости от ролевым функциям предиката приписываемых актантам ситуации (субъекту и объекту). Под актантами понимаются субстантивные члены предложения, которые обозначают участников денотативной ситуации (субъект, объект, адресат и т.п.). Сирконстанты противопоставляются актантам как члены предложения, которые указывают на обстоятельства действия или процесса. Актанты и сирконстанты получают семантическое содержание и употребляются как семантические элементы ситуации (актанты) и отражают семантические отношения (сирконстанты). Данные семантические роли входят в семантическую структуру глагола и определяют условия употребления глагольной единицы в предложении (Теньер 1988).

Описание семантической структуры глаголов группы вхождения на основе вышеперечисленных параметров позволило охарактеризовать когнитивные основания семантической структуры данной группы глаголов.

Анализ примеров с исследуемыми глаголами *enter- penetrate* показал, что семантическая структура этих глаголов содержит **общую** информацию о том, что X – Субъект действия, в результате движения пересекает внешнюю границу Объекта Y (реальную или условную). Например, в предложении *8. Silence fell as I entered the room (LDCE),* Субъект действия X *(I)* пересекает внешнюю границу Объекта Y (the room). В предложении *9. They had penetrated deep into enemy territory (BNC)* Субъектом действия X является *(they),* Объектом Y, внешняя граница которого пересекается Субъектом, является *(enemy territory).*

В то же время в семантической структуре каждого из глаголов содержится **дифференциальная** информация. Глагол *enter* содержит информацию о пересечении внешней границы Y, при этом Y обязательно воспринимается как Объект, имеющий *Внутреннюю зону*. Например, *10. Soldiers entered the houses, apparently searching for weapons (MED),* Субъект X (*Soldiers)* пересекает внешнюю границу Объекта Y *(the houses).* Объект Y *(the houses)* характеризуется семантической ролью Объекта *container* с внутренней зоной. Согласно определению, данному Дж. Лакоффом, *Контейнер* состоит из границы, отделяющей внутреннее от внешнего (Lakoff 1987: 271). Таким образом, происходит перемещение Субъекта внутрь какого-либо ограниченного пространства, известного говорящему или имплицируемого ситуацией.

Глагол *penetrate* содержит информацию о пересечении внешней границы Y, при этом Y **не обязательно** имеет *Внутреннюю зону*, но это пересечение происходит при **нарушении** некоторой *Нормы существования объекта*. *Нормой существования объекта* может быть его целостность, секретность. Например, *11. The bomb penetrated the wall and exploded (BNC).* Субъект X (*the bomb)* пересекает внешнюю границу Объекта Y (*the wall).* Нормой существования Объекта Y (*the wall)* является «вертикальная часть строения, служащая для поддержания крыши и перекрытий, для разделения помещения на части» (ТСО). В семантической структуре Объекта Y (*the wall)* отсутствует информация о *Внутренней зоне*, так как он сам является границей, отделяющей внутреннее от внешнего. В связи с этим глагол *enter* имеет ограничение на употребление (**The bomb entered the wall and exploded).*

В предложении *12. A piece of glass had penetrated the skin (EOLD)* Субъектом X является *a piece of glass,* Объектом *Y – the skin.* Нормой существования Объекта Y (*the skin)* является «наружный покров тела человека, животного, который защищает тело от широкого спектра внешних воздействий» (ТСО). В результате того, что в семантической структуре Объекта Y (*the skin)* отсутствует информация о его *Внутренней зоне*, употребление глагола *enter* имеет ограничения *(*A piece of glass had entered the skin).*

Для верификации гипотезы о семантическом компоненте *Внутренняя зона* в семантической структуре глагола *enter* и его отсутствии в структуре глагола *penetrate* нами был проведен эксперимент, в котором информантам предлагалось оценить следующую пару предложений на различия в восприятии денотативной ситуации: *13. Bullets penetrated thick armour plating. 14.*Bullets*

entered thick armour plating. Результаты эксперимента выявили ограничение на употребление *enter* в контексте с Объектом Y без *Внутренней зоны*. Предложение *13* было оценено информантами положительно, поскольку глагол *penetrate* содержит информацию о пересечении Субъектом (*bullets)* внешней границы Объекта Y (*thick armour plating)*, который не характеризуется *Внутренней зоной*. Пересечение Субъектом (*bullets)* Объекта (*thick armour plating)* происходит при нарушении *Нормы существования* Объекта (*thick armour plating),* которая предполагает его целостность.

Таким образом, можно сделать вывод, что в значении глагола *enter* присутствует информация о пересечении внешней границы Объекта воспринимаемого как Объекта с внутренней зоной, а в значении глагола *penetrate* присутствует информация о том, что Субъект пересекает внешнюю границу Объекта, при этом он может не содержать информацию о внутренней зоне. В глаголе *penetrate* также содержится информация о **нарушении** *Нормативного существования объекта* (целостности, секретности). Например, *15. She entered the kitchen* (присутствует компонент *Внутренняя зона); 16. The bullet missed his kidney because it entered his body at an angle* (присутствуют компоненты *Внутренняя зона, Нарушение целостности); 17. His men had been ordered to shoot on sight anyone trying to penetrate the area* (присутствуют компоненты *Внутренняя зона, Нарушение целостности); 18. Bullets penetrated the wall* (отсутствует компонент *Внутренняя зона,* присутствует компонент *Нарушения целостности*).

Исследование показало, что в структуре исследуемых глаголов присутствует **общая** информация о том, что X – Субъект действия, в результате движения пересекает внешнюю границу Объекта Y. Эта информация является основанием для функционирования данных глаголов *enter-penetrate* как синонимов. Формулировка гипотез о дифференциальной семантике каждого глагола и их верификация позволили выявить дифференциальные признаки: *enter* употребляется тогда, когда сообщается информация о пересечении внешней границы Y, при этом подчёркивается информация о том, что Y характеризуется *Внутренней зоной*. Глагол *penetrate* употребляется тогда, когда Субъект пересекает внешнюю границу Y, при этом Объект может характеризоваться Внутренней зоной, но при этом подчёркивается информация о факте нарушения некоторой *Нормы существования объекта* (целостность, секретность).

Библиографический список

1. Амирова О. Г. Семантическая модель английских глаголов управления [Текст] : дис. …канд. филол. наук / О. Г. АмироваУфа, 2002.
2. Байбурина Р. З. Семантическая модель английских глаголов положительной оценки [Текст] : дис. … кан. филол. наук. / Р. З. Байбурина. Уфа, 2006.
3. Бостонов А. Х. Ролевая семантика правостороннего актанта английских сенсорных глаголов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А. Х. Бостонов. Уфа, 2005.
4. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи [Текст] / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 320-355.
5. Валова Ю. В. Когнитивный потенциал английских глаголов возражения decline, refuse, reject [Текст] : автореф.дис.… канд. филол. наук / Ю. В. Валова. Уфа, 2013.
6. Корнеева Е. Г. Семантическая модель английских экспериенциальных глаголов [Текст] : автореф. дис. ... кан. филол. наук / Е. Г. Корнеева. Уфа, 2010.
7. Кузьмина В. В. Семантическая модель английских мотивационных глаголов [Текст] : автореф. дис. ... кан. филол. наук / В. В. Кузьмина. Уфа, 2012.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. Селиверстова О Н. Семантические типы предикатов в английском языке [Текст] / О. М. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 86-216.
10. Селиверстова О. Н. Труды по семантике [Текст] / О. М. Селиверстова. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Сулейманова О. А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике [Текст] / О. А. Сулейманова // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. Калинин, 1986. С.142-151.
12. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер. М.: Прогресс, 1988. С. 134-142.
13. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения. (Теоретико-экспериментальное исследование) [Текст] / Т. Д. Шабанова. М.: ИЯ РАН – Уфа, 1998.
14. Шабанова Т. Д. [и др.]. Семантические модификации в глагольной лексике английского и русского языков вединстве семантического и конструктивного подходов: монография [Текст] / Т. Д. Шабанова, Д. М. Сулейманова, В. Д. Швайко, Н. В. Волкова. Уфа: изд-во БГПУ, 2015.
15. Швайко Я. В. Семантическая модель английских глаголов обучения [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Я. В. Швайко. Уфа, 2006.

16. Шерсткова И. А. Семантическая модель английских глаголов воображения [Текст] : дис. …канд. филол. наук / И. А. Шерсткова. Уфа, 2009.
17. Fillmore Ch. J. Construction grammar course book [Текст]/ Ch. J. Fillmore, P. Kay. Berkley: Univ. of California, 1993. P. 20-114.
18. Jackendoff R. S. Semantic Structures [Текст] / R. S. Jackendoff. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Список словарей

1. НБАРС – Новый Большой англо-русский // Под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой URL: http://eng-rus.slovaronline.com /
2. ТСО –Толковый словарь Ожегова URL: https://slovarozhegova.ru/
3. CED – Collins English Dictionary URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english
4. CLD – Cambridge Learner's Dictionary URL: http://dictionary.cambridge.org/
5. EOLD – English Oxford Living Dictionary URL: https://en.oxforddictionaries.com/
6. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English URL: http://www.ldoceonline.com/
7. MED – Macmillan English Dictionary URL: https://www.macmillanolinedictionary.com/
8. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/

Барашева Д. Е., г. Севастополь, Россия

КОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В рамках научной парадигмы когнитивной лингвистики определяется специфика межкультурной коммуникации субъектов в сфере науки, в частности гуманитарной. Выделены особенности гуманитарного научного познания. Представлено инвариантное понятие контекста, его вариантов – внешнего и внутреннего, и их вариантов, уточнено понятие когнитивного контекста. Язык – критериальный фактор конфигурации и интерпретации когнитивных контекстов. В изучаемом дискурсе доминантный когнитивный контекст – конфигурация концептуальных областей определения гуманитарной науки, подчиненный – определения признаков культур-участниц, между тем последний при посредстве фактора языка коммуникации влияет на интерпретацию научного знания субъектами.

Ключевые слова: гуманитарное научное познание, научное знание, когнитивный контекст, социокультурный контекст, межкультурная коммуникация, интерпретация гуманитарного научного знания.

COGNITIVE AND CULTURAL CONTEXTS IN INTERPRETATION OF HUMANITIES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE SPHERE OF SCIENCE

Abstract. The article defines the specificity of cross-cultural communication of subjects in the sphere of science, humanities in particular, in the context of cognitive linguistics paradigm. It points out the features of humanitarian cognition. The author presents the invariant notion of context, its variants – internal and external, and specifies the notion of cognitive context. Language is considered as a criterion factor of cognitive contexts configuration and interpretation. The dominant cognitive context in the discourse under study refers to the configuration of the conceptual domains defining the paradigm of humanities; the subordinate one refers to the domains defining the features of participating cultures. Though, the latter influences the subjects' interpretations of the humanitarian knowledge by means of a language of communication.

Keywords: humanitarian cognition, scientific knowledge, cognitive context, sociocultural context, cross-cultural communication, humanitarian knowledge interpretation.

Познание осуществляется в условиях социальных коммуникативных интеракций субъектов, в процессе и результате которых производится знание: индивидуальное, обусловленное опытом рефлексии конкретного субъекта, и коллективное, обусловленное совместным опытом познания. Знание – концептуальная система отражения действительности, единицы которой оцениваются как истинные, соответствующие фрагментам отражаемой в сознании действительности. Требование к научному знанию – объективность.

Социокультурный контекст – эксплицитный (социокультурные условия жизни и деятельности человека, в которых он познает мир и себя в различных отношениях и оценивает их) и имплицитный (процесс и результаты когнитивно-дискурсивной деятельности, отражающие специфику познания субъектом различных социокультурных феноменов), детерминирует специфику взаимопонимания субъектов межкультурной языковой коммуникации. Концептуальными фильтрами, которые

ограничивают, отбирают информацию в процессе межкультурной коммуникации, становятся коллективные и индивидуально личностные социокультурные знания, установки, модели (Gudykunst, Kim 1995).

Научная деятельность является «рефлексивной по своей сути»; метакогниция («когниция о когниции») приобретает в ней особое значение (Кудрина 2010: 63). Обыденное и научное познание взаимодействуют и дополняют друг друга; их различия заключаются в специфике способов отражения действительности, выражающихся, в частности в номинации: в основе терминов обыденного восприятия – чувственное отражение, в основе терминов научного познания – рациональное освоение (Новодранова 2009). Смыслы сформированных в процессе обыденного познания «ментальных репрезентаций окружающего мира», переведенные посредством языковых знаков «на уровень коллективного сознания как обыденное знание», служат «отправной точкой» научного познания (Дроздова 2008: 97). Соответственно, знание как продукт познания человека является социально культурно обусловленным (Чернякова 2001).

Специфика гуманитарного научного познания заключается в идеальном характере объекта, точнее – в двойственности субъекта познания: субъект познающий осуществляет рефлексию над субъектом, производящим познание, и выводит научное знание о своем объекте. Объектом гуманитарного научного познания является человек в идеальных формах его организации (психика, сознание, язык, личность, субъект, социум, культура), воплощаемых в опыте совместной жизни и деятельности посредством социальных интеракций и коммуникативных дискурсивных практик, ими регулируемых.

Л.Я. Курочкина и М.И. Тарасова указывают основные признаки такого рода научного познания. Среди них: мир человека как предмет; представленность предмета в знаково-символическом выражении; субъект-субъектное познание; ориентация на «качественную окраску событий»; «переплетение» материального и идеального, объективного и субъективного; понимание как приобщение к смыслам и как смыслообразование; диалог как «форма постижения объекта» (Курочкина, Тарасова 2010: 110-111).

В таком случае научное знание, в том числе гуманитарное должно объективно отражать различные аспекты познаваемого объекта (в зависимости от конкретной сферы научного гуманитарного познания) – социального субъекта (отдельного человека, группы людей, коллектива, общества), в его организации, взаимодействиях, деятельности и отношениях.

Однако знание – в том числе научное, производится и развивается в процессе социокультурной совместной деятельности. По замечанию Н.С. Черняковой, источником знания является социокультурно детерминированный субъект, обладающий сознанием, определяющий смыслы, формирующий систему ценностей (Чернякова 2001). Следовательно, в условиях межкультурной научной коммуникации либо субъект гуманитарной научной деятельности должен полностью абстрагироваться от специфики культурного опыта, либо научное знание все же имеет признаки субъективности.

Уточнения требует понимание межкультурной научной коммуникации. Е.В. Сидоров, определяя ее, выделяет знаковую координацию свойств и ресурсов культур языковых личностей коммуникантов (Сидоров 2008: 9). Т.Н. Хомутова, формулируя понимание межкультурной научной коммуникации, выделяет аспекты: принадлежность субъектов коммуникации разным культурам, их специализация в одной научной области, наличие у них общего интереса к темам для обсуждения, осуществление коммуникации на языке межкультурного общения, являющегося «для одного или всех коммуникантов неродным» (Хомутова 2008: 145). Учитывая парадигму когнитивной лингвистики, под межкультурной научной коммуникацией будем понимать когнитивно-дискурсивную координацию научных знаний участников – субъектов разных культур, являющихся специалистами в конкретной научной области, при интерпретации когнитивных контекстов, актуализируемых в данном дискурсе, средствами языка, который для одного или для всех участников является неродным.

Контекст как абстрактная инвариантная категория познания имеет в виду конфигурацию взаимосвязанной совокупности условий и обстоятельств, в которых обнаруживается и определяется субъект познания и в которых осуществляется определение им объектов, воспринимаемых в данных условиях при сложившихся обстоятельствах. Соответственно, вариантами контекста в таком случае выступают взаимно необходимые и взаимодействующие базовые «внешний» и «внутренний» контексты, конфигурации которых влияют на специфику самоопределения субъекта, на его определение объектов, на его определение своих отношений с объектами и на его определение своего отношения к познаваемому. Категории внешнего и внутреннего контекстов как репрезентантов инвариантной категории контекста выделяют А.А. Вербицкий и В.Г. Калашников. Контекст

понимается как система взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, детерминирующих восприятие и смыслообразование; внешний контекст относится к системе предметных, социокультурных, пространственно-временных и других характеристик жизни и деятельности человека; внутренний контекст понимается как система различных индивидуальных психофизиологических и личностных особенностей (Вербицкий, Калашников 2010).

Под внешним базовым контекстом – основанием, на фоне которого дифференцируются его составляющие, будем понимать взаимосвязанную совокупность условий и обстоятельств жизни и деятельности субъекта познания. Варианты внешнего базового контекста определяются по критерию сфер жизни, деятельности и отношений человека. Например, это могут быть социокультурные контексты, профессиональные, конфессиональные, образовательные, политические и т.д.

Под внутренним базовым контекстом, инициирующим познавательную активность человека, будем понимать взаимосвязанную совокупность общих условий организации составляющих нервной системы, психики и когниции и обстоятельств, определяющих индивидуальную специфику их функционирования у конкретного индивида. Критериями определения вариантов внутреннего базового контекста выступают сферы функционирования системной организации человека. Вариантами внутренних базовых контекстов, соответственно, могут быть следующие основные: контекст деятельности нервной системы – конфигурация обрабатываемых анализаторами рецепторных данных; психический контекст – конфигурация психических образов ощущений и представлений, обусловленная взаимодействием процессов восприятия, внимания, мышления, эмоций, памяти; когнитивный контекст.

Под когнитивным контекстом Н.Н. Болдырев понимает концептуально-тематические области, которые «выполняют определенную функцию в процессах формирования новых смыслов, выступая как области их определения» (Болдырев 2014: 119). Позволим добавить одно уточнение: это *конфигурация* концептуальных областей определения объекта, поскольку конкретные условия и обстоятельства влияют на то, какие концептуальные области свяжутся в определении объекта. Например, то же слово *предмет* в дискурсе бытовой коммуникации актуализирует концептуальные области определения его референта как вещи, «вещности», а в дискурсе научной коммуникации под ним понимаются искомые закономерности исследуемого явления, которое может определяться и как материальное, и как идеальное – в зависимости от сферы познания конкретной науки.

Когнитивные контексты детерминируют возможность интерпретации субъектом процессов и результатов опыта собственной познавательной деятельности. Специфика их в метафункции – преобразование преобразования: репрезентация концептуализации данных психических контекстов (1) и репрезентация ее языковой концептуализации (2). В них репрезентируется концептуализация данных, представленных различными психическими контекстами, и определяются связи, обусловливающие конфигурации концептуальных областей, образующихся во взаимодействии процессов первичной – до-языковой, и вторичной – языковой концептуализации.

Под первичной концептуализацией понимается формирование «ментальных структур, фиксирующих момент переживания опыта в определенной пространственно-временной системе», в процессе чего различаются новые признаки познаваемых объектов и новые связи признаков (Шеина 2011: 7). Р.И. Павиленис указывает, что еще на до-языковом уровне человек определенным образом – посредством чувственного восприятия, получает информацию о мире, «различает и отождествляет объекты своего познания», усваивает новую информацию на базе уже имеющейся, и «Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» (Павиленис 1983: 25-26). Например, концептуализируется информация, доставленная ощущением какой-либо простейшей эмоции; скажем, различение переживания влечения к источнику тепла, переживания влечения к источнику света, переживание беспокойства в условиях темноты, переживание беспокойства в условиях холода. В конфигурациях концептуальных областей определения признаков познаваемых объектов определяются связи между ними. Например, по сходству типично связываются концептуальные области определений тепла и света – приятно, темноты и холода – тревожно. Однако в других условиях по признаку приятности могут связаться концептуальные области определения тепла и темноты (уютный сон в теплой кровати), признаки света и холода (яркий свет солнца, крепкий мороз и сильный ветер; легкая одежда).

Под языковой концептуализацией понимается та, при которой различаемые признаки познаваемых объектов определяются посредством связывания «ментальных структур, фиксирующих момент переживания опыта» с «устойчивыми информационными структурами», которые используются, с одной стороны, «для организации содержания дискурса», и, с другой стороны, «для хранения информации о мире в виде стереотипных схем» (Шеина 2011: 7). Это этап, на котором

«познающий субъект подбирает языковые единицы для выражения нового знания, причем объективирование происходит в рамках системы того языка, который субъект использует» (Шеина 2011: 7). Например, слово *serein*, заимствованное в английский язык из французского, означает *"a mist, or very fine rain, which sometimes falls from a clear sky a few moments after sunset"* (Webster's English dictionary 2012), в русском языке эквивалента не имеет – нет отдельного слова, которое бы репрезентировало в сознании русскоязычных соответствующий фрейм. В переводном словаре дается его толкование: *«моросящий дождь при безоблачном небе после захода солнца»* (Мюллер 1990: 637).

Язык обусловливает специфику конфигурации концептуальных областей определения признаков познаваемого объекта – специфику когнитивных контекстов, и становится критериальным фактором репрезентации конфигураций концептуальных областей в когнитивных контекстах. Он обеспечивает структурированную и системно организованную репрезентацию процесса и результатов познания, интерпретацию познаваемых референтов (воспринимаемой информации об объектах) и их отношений, интерпретацию интерпретации процесса и результатов познания, выражение процесса и результатов познания в коммуникации, индивидуальное-в-коллективном определение знаний и их дискурсивную интерпретацию.

Определение знания осуществляется на разных уровнях категоризации концептуальных областей определения познаваемых объектов. Базовый уровень категоризации – средний, который является ведущим и исходным, основан на гештальтности восприятия. Суперординатный – высший, характеризуется обобщением и абстрагированием. Субординатный – низший, специфичен конкретизацией (Болдырев: 2016).

В межкультурной научной языковой коммуникации базовый уровень должен служить основой взаимопонимания субъектов, поскольку на нем актуализируются когнитивные контексты коллективного научного знания, которым располагают участники. Термин «концентрирует творческое усилие научной мысли» и, аккумулируя общие или базовые для участников коммуникации знания, оптимизирует процесс научной коммуникации (Клёстер 2013).

Например, обратимся к знанию общего категориально-понятийного аппарата, в частности к понятиям объекта, предмета, метода, класса, категории, структуры, системы, синтеза, анализа, обобщения. В гуманитарных науках общими единицами знания будут также, например, категории индивида, личности, языка и др. Данные категории в языковых форматах выражаются эквивалентными по значению и, часто, сходными по звучанию словами. Например, *объект / object, предмет / subject, метод / method, класс / class, категория / category, структура / structure, система / system; синтез / synthesis, анализ / analysis, обобщение / generalization; индивид / individual, личность / personality, язык / language*.

На суперординатном уровне категоризации могут актуализироваться противоречия, обусловленные факторами языковых сознаний субъектов культуры, научных традиций языковой интерпретации научного знания и языковых средств его выражения. Например, представленность категорий активности и деятельности в русско- и англоязычном научных дискурсах отличается своей спецификой. В русскоязычном научном дискурсе категория *деятельность* определяется на суперординатном уровне категоризации, является метакатегорией, и подчиняет себе категорию *активность*: активность – это способность к самостоятельной силе реагирования организма, а деятельность – это целенаправленная активность субъекта. В англоязычном научном дискурсе *activity* выступает метакатегорией. Соответственно, в дискурсе межкультурной научной коммуникации просто использование терминов *деятельность, активность* и *activity* недостаточно, и актуализируется необходимость обращения к репрезентантам базового и субординатного уровней для уточнения их семантики.

Определенные противоречия могут также обнаруживаться на субординатном уровне. Например, при определении науки как социальной сферы деятельности они заключаются в следующем. На базовом уровне категоризации наука определяется через категории: беспристрастный субъект, осуществляющий познание научным методом, обеспечивающим производство объективного знания; познавательная деятельность субъекта, направленная на понимание истины и осуществляемая в рамках научного метода; объективное знание – проверяемое и доказуемое, как результат такой деятельности; на суперординатном уровне – через категорию объективности и истинности (Барашева 2018). Однако при классификации наук на субординатном уровне возникает противоречие в репрезентации классов при использовании средств языковых систем разных социокультур. Так, в русскоязычном дискурсе гуманитарная область исследований определяется как одна из научных парадигм, один из типов науки – гуманитарные науки, а в англоязычном дискурсе дело обстоит иначе. Естественные науки определяются через научную парадигму и именуются *sciences*. Области же

исследований гуманитарных наук, с одной стороны, по договоренности относятся к сфере науки, но, с другой стороны, как бы отделяются посредством разницы именования – *humanities*. Т.е. мы как бы знаем, что гуманитарные это тоже науки, но при этом естественные это *sciences*, а гуманитарные – *humanities*. Термин *sciences* в данном случае «кочует» между базовым и субординатным уровнями – в первом случае имея в виду науки в целом, во втором – только естественные. Одна из причин такого противоречия может относиться к особенностям исторического становления научного знания в отечественном и западном направлениях: приоритетная значимость рационального подхода в западном направлении и гуманистического в отечественном.

В условиях межкультурной научной коммуникации в сознаниях субъектов воспроизводится доминантный в данном дискурсе когнитивный контекст, в котором конфигурируются концептуальные области определения науки в целом и конкретной, актуальной для данного дискурса в частности, посредством которого субъекты интерпретируют соответствующее научное знание. При этом когнитивные контексты, в которых конфигурируются области определения признаков культур, к которым принадлежат субъекты, оказывают опосредованное фактором языка воздействие на интерпретацию научного знания.

Поскольку объектом гуманитарного познания является производящий и оценивающий знание субъект, и субъект познания, так или иначе, детерминирован социокультурой, то производимое и интерпретируемое им научное знание, так или иначе, маркировано данной социокультурой и опосредовано языком общения данного социокультурного сообщества. Обсуждая некий объект, субъекты межкультурной научной коммуникации – представители разных культур интерпретируют знание о нем через призму когнитивных схем, концептуальные структуры которых обусловлены системами их родных языков. С одной стороны, дискурс научной коммуникации способствует взаимопониманию субъектов – определяет актуализацию общего для них специального знания. С другой стороны, языковые средства системы конкретного языка, на котором осуществляется коммуникация, могут вызывать определенные противоречия, которые вызваны тем, что использование данных средств актуализирует особые конфигурации концептуальных областей в сознаниях субъектов научной коммуникации, принадлежащих разным культурам.

Библиографический список

1. Барашева Д. Е. Концептуальные основы персонификации науки в научном дискурсе [Текст] / Д. Е. Барашева // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. С. 379-385
2. Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. Вып. 88. № 6 (335). С. 118-122.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2016.
4. Вербицкий А. А. Категория «контекст» в психологии и педагогике [Текст] / В. Г. Калашников, А. А. Вербицкий. М.: Логос, 2010.
5. Дроздова Т. В. Элементы обыденного знания в научном экономическом тексте [Текст] / Т. В. Дроздова // Когнитивные исследования языка. Вып. III. М.: Ин-т языкознания РАН. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 94-103.
6. Клёстер А. М. О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению терминологии [Текст] / А. М. Клёстер // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 74-76.
7. Кудрина Н. А. Особые формы метарепрезентации в научном тексте [Текст] / Н. А. Кудрина // Взаимодействие мыслительных и языковых структур // Собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 63-67.
8. Курочкина Л. Я. Специфика социально-гуманитарного познания [Текст] / Л. Я. Курочкина, М. И. Тарасова // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6. Вып. 8. С. 109-111.
9. Новодранова В. Ф. Репрезентация научного и обыденного знания в научной терминологии [Текст] / В. Ф. Новодранова // Когнитивные исследования языка. Вып. II. М.: Ин-т языкознания РАН. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 72-76.
10. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р. И. Павиленис. М.: Мысль, 1983.
11. Сидоров Е. В. Онтология дискурса [Текст] / Е. В. Сидоров. М., 2008.
12. Хомутова Т. Н. Научная коммуникация: межкультурный аспект [Текст] / Т. Н. Хомутова // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 143-150.
13. Чернякова Н. С. Наука как феномен культуры URL: http://os.x-pdf.ru/20pedagogika/785564-1-n-chernyakova-nauka-kak-fenomen-kulturi-uchebnoe-posobie-sankt-p.php

14. Шеина И. М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме [Текст] / И. М. Шеина; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2011.
15. Gudykunst W. B., Kim Y. Y. Communicating with Strangers: An Approach to Intercultural Communication. [Text] / W. B. Gudykunst, Y.Y. Kim // In *Bridges Not Walls*, ed. John Stewart, 6th edition, (New York: McGraw-Hill, 1995). Pp. 429-442.

Берзина Г. П., г. Новосибирск, Россия

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ СЛОВЕСНОЙ ЗАГАДКИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается когнитивный аспект словесной загадки в немецкоязычной картине мира. Отличительная особенность немецких загадок проявляется в способности одного и того же метафорического образа употребляться для характеристики разных объектов действительности. Доминирующим типом метафор в текстовом пространстве немецких загадок является антропоморфная метафора. Многовековое функционирование словесной загадки позволяет говорить о постоянном развитии когнитивных явлений в процессе жизнедеятельности человека.
Ключевые слова: словесная загадка, метафора, картина мира, немецкий язык, когнитивный.

COGNITIVE ASPECT OF A VERBAL PUZZLE IN GERMAN-SPEAKING WORLD

Abstract. The article deals with the cognitive aspect of a verbal puzzle in the German-speaking world. A distinctive feature of German riddles is manifested in the ability of the same metaphorical image to be used to characterize different objects of reality. The dominant type of metaphor in the textual space of German puzzle is an anthropomorphic metaphor. The centuries-old functioning of the verbal puzzle allows us to talk about the constant development of cognitive phenomena in the process of human life activity.
Keywords: verbal puzzle, metaphor, world picture, German language, cognitive.

Энигматика как область загадочных вопросов включает в себя множество жанров, среди которых существует жанр загадки, созданный народом в рамках определённой культуры. Загадка – это замысловатое выражение, краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления действительности, которое необходимо разгадать (Стариченок 2008: 191). Следовательно, словесная загадка – это отдельный жанр, воплотивший в словесной форме жизненный опыт народа, отразивший его менталитет и способствующий передаче накопленных веками знаний последующим поколениям. У древних германцев, как повествуют мифы и легенды, загадывание и разгадывание загадок отождествлялось с единоборством, кто не отгадывал загадку, расплачивался жизнью. Без умения разгадывать и загадывать загадки юноша не мог стать мужчиной, умение разгадывать загадки было необходимо вождям, правителям, земледельцам, охотникам, рыбакам.

Как отмечают многие исследователи, знания, полученные человеком о картине мира в процессе создания загадки, аккумулируются и подвергаются определённой кодировке. Для декодирования загадки отгадывающему необходимо произвести ряд мыслительных операций, основанных на перекрещивании в сознании образных ассоциаций, возникающих в результате сложного фрагмента окружающей действительности, имеющего знаковое выражение, и всего объёма знаний о мире. Немаловажным является и тот факт, что раскодирование загадки возможно в условиях единообразного определения предмета представителями одной лингвокультурной общности (Аникин 1981, Лазутин 1981, Блэк 1990, Головачева 1994, Мельникова 2013 и др.).

Анализ многочисленных определений загадки, предложенный авторами, позволяет сделать вывод о том, что в её основе лежит метафора как жанрообязательный компонент, построена загадка на внутреннем логическом несоответствии, на описании противоречивых предметов или событий. В метафоре умалчивается то, что сравнивается, называется то, с чем сравнивается. Как отмечает американский ученый М. Блэк, понимание метафоры подобно дешифровке кода или разгадыванию загадки (Блэк 1990: 159). Подчеркнём, что ещё Аристотель характеризовал загадки как хорошо составленные метафоры, построенные на внутреннем, неприметном с поверхности логическом несоответствии (Аристотель 1978).

Рассматривая загадку как метафору – универсальный способ познания и освоения окружающего мира – в когнитивном аспекте, можно говорить о проекции признаков, относящихся к одной когнитивной области, на другую когнитивную область, где областью-источником является представленный в загадке образ, а областью целью – загадываемый предмет. Можно предположить, что быстрая дешифровка загадки проявляется в способности установить ассоциативную связь между

разными когнитивными областями. Несомненным является то, что и составление загадки, и разгадывание представляет собой когнитивный процесс, связанный с когнитивной деятельностью мозга и переработкой поступающей в него информации о картине мира.

Метафора в загадке характеризуется тем, что вспомогательная (образ в загадке) и основная сущности принадлежат к различным концептуальным сферам. Поэтому в загадках каких-либо ограничений на представление того или иного образа не существует. В загадках могут сравниваться совершенно различные типы предметов, например, одушевлённые и неодушевлённые, предметы и лица, растения и люди.

[1] Es sitzt ein Mädchen in einem Kerker, der Zopf ist draußen / *die Rübe.*

[2] Ist völlig zottelig, hat vier Pfötchen und einen Schnurrbart / *die Katze.*

[3] Was liegt auf dem Wasser, aber geht nicht unter / *der Schatten.*

Более того, в загадке могут описываться как главные [2], существенные, так и второстепенные [1] признаки того или иного предмета, явления [3], чем достигается имплицитность всей номинации, как одной из основных характеристик текста загадки (энигматического текста). Невозможность прямого называния вербализуемого концепта в тексте загадки (имплицитность) является отличительной жанровой характеристикой энигматического текста. Фактором, помогающим дешифровать загадку, выступает установка «по умолчанию» на то, что в загадке находит отражение, как правило, обыденная, наивная картина мира, представленная довольно узким кругом тематических групп: растения, домашние и дикие животные, мебель, одежда и др. Welcher Hahn kräht morgens nie? / *der Wasserhahn*. Wer hat einen Kopf und keine Füße? / *die Schlange*.

Подчеркнём, что детские словесные загадки ориентированы на картину мира ребёнка, отличающуюся от картины мира взрослого, что определяется отсутствием достаточного жизненного опыта ребёнка, делает мышление гибким и вызывает положительные эмоции, связанные с эффектом узнавания. Wer hat Beine und keine Arme? / *der Tisch*. Wer hat Füße und keinen Kopf? / *der Stuhl*. Welcher Vögel ruft seinen Namen? / *der Kuckuck*. Как видно, важный элемент в словесной загадке составляют вопросы *Кто? Что? Какой?* Правильные ответы на такие вопросы возможны в том случае, если в результате определённых когнитивных процессов активизируется фрейм, содержащий знания о запрашиваемом предмете или явлении. Другим важным компонентом в когнитивной организации загадки выступает отрицание. В загадках отрицается факт принадлежности признаков указанному предмету. Однако многие загадки в первой части не содержат прямого вопроса, в них даётся замысловатое описание предмета или явления. Alle Tage gehe ich aus und bleibe doch bei meinem Haus / *die Schnecke.* Er hat ein rotes Kleidchen an mit vielen schwarzen Punkten dran / *Marien Käfer.* Am Tag schläft, in der Nacht fliegt und die Passanten erschrickt / *die Eule*.

С учётом всего сказанного выше, представляется возможным выделить когнитивные особенности словесных загадок: 1) базовой метафорой в загадке является *предметная* метафора с набором концептуальных признаков [6], позволяющих установить ассоциативную связь с другой концептуальной сферой; 2) *персонифицирующая метафора* [5] позволяет создавать новые загадки; 3) один метафорический образ выступает характеристикой разных предметов и явлений (der Mann / Männlein для кодирования *плодов деревьев, дымовой трубы, зайца, реки, снеговика* и т.д.). Антропоморфная метафора [4] является доминирующим типом метафор в текстовом пространстве немецких загадок (der Herr, das Mädchen, der Bruder, die Schwester и др.), в котором совмещены разные когнитивные области – *человек, пища, овощи, размер, форма, животные, цвет* и т.д. Так как антропоцентризм является основным свойством немецкого энигматического текста, когда репрезентация окружающего мира осуществляется путём отождествления его с человеком. Человек – центр мировосприятия, важнейший фрагмент языковой картины мира в немецкой загадке.

[4] Es sind vierundzwanzig Herren, die die ganze Welt regieren. / Sie essen kein Brot, sie trinken keinen Wein. Was mögen das für Herren sein? / *Zeitraum von 24 Stunden.*

[5] *General Bein* exerziert, kommandiert den *Rekruten Stein*. Eins und zwei, eins und zwei, Stein wollte gern bleiben stehen. Jetzt will er weiter gehen, nein, er muss bleiben stehen … / *das Brettspiel*.

[6] Auf einem weißen See schwimmt eine rote Rose. Willst du die schwarzen Fischlein sprechen, so musst du erst die Rose brechen / *der Brief.*

Необходимо специально подчеркнуть, что загадкой метафоризуются классы предметов, хорошо знакомые человеку. Словесные загадки называют предметы и явления, сопоставляя их образы по внешнему сходству, по цветовым ассоциациям, по одинаковым чертам, признакам поведения, особенностям движения и т.д. Сочетание нескольких ассоциативных признаков в одной метафорической загадке [4, 5, 6] способствует созданию полного и разностороннего воспроизводящего образа. Другими словами, в загадке получают вторичное наименование хорошо

известные человеку предметы и их признаки, действия, являющиеся достаточно наглядными для нового обозначения, что свидетельствует об антропоморфных, когнитивных характеристиках словесных загадок.

Рассматривая загадку как языковой знак, можно предположить, что словесная загадка выступает в роли вербализованного элемента концептуальной системы, существующей в сознании представителей определённой лингвокультурной общности. Синтез имеющихся знаний о картине мира в загадке репрезентирован в свёрнутой форме и представляет собой текст, выполняющий номинативную функцию, так как используется для именования предмета или явления. При этом текст словесной загадки выступает средством вторичной номинации концепта, в то же время первичная номинация концепта присутствует в отгадке – Ein Haus voll Essen und die Tür vergessen / *das Ei.* Словесную загадку можно рассматривать как сложносоставное имя для концепта, состоящее из разных частей речи: Hat ein rotes Mützchen auf, weiße Punkte sind darauf / *der Fliegenpilz*. Ich habe viele Blätter, aber ich bin doch kein Baum / *das Buch.* Sie geht übers Wasser und wird nicht nass / *die Brücke*.

Следует отметить, что словесная загадка, с антопоцентрической точки зрения, является особой единицей лингвокультуры, которая отличается своеобразными характеристиками. К характерным признакам словесной загадки относятся стилистические признаки, словесная загадка компактна, состоит из двух коротких фраз –Wer hört alles und sagt nichts? / *das Ohr*. Более того, иногда язык словесной загадки не совсем понятен и воспроизводит неясные образы – Was ist sauber vor dem Waschen und schmutziger nach dem Waschen? / *das Wasser.* Заметим, что решение таких загадок не зависит от каких-то специальных знаний, таких, например, как знание математики, физики или священных текстов.

Не подлежит сомнению тот факт, что когнитивная функция загадки связана со способностью человека видеть сходство и различие предметов и явлений окружающего мира, понимать причинно-следственные связи событий, совершать сложные логические операции, различать в окружающем мире общее и частное. Нельзя не признать, что прагматическая функция загадки определяется потребностью её использования в конкретных коммуникативных целях. Особенность прагматики текста загадки заключается в том, что он ориентирован на универсальные знания, на концептуальные свойства объектов, на культурный стереотип. Прагматической задачей загадки является идентификация загаданного концепта посредством репрезентации его через сумму его концептуальных характеристик, функций, признаков.

Отгадка (загаданный концепт) часто обозначается в тексте загадки другим наименованием, содержащим явный кодовый смысл (денотат), имеющий с загаданным концептом общие признаки. Введение в текст концептуальных характеристик, свойств облегчает отгадывание загадки. Вторичная номинация в немецких загадках выступает как способ лингвокогнитивного мышления, репрезентирующего реальную действительность по пропозициональным, схематическим, метафорическим, метонимическим моделям категоризации. Rot mit dem flaumigen Schwanz, lebt im Wald unter dem Busch / *der Fuchs.* Im Frühling bin ich weiß, im Sommer bin ich grün, im Herbst bin ich gelb und rot und schmecke gut / *der Apfel*.

Таким образом, приходим к выводу, что метафора в загадке служит для создания яркого образа, меняющего ракурс рассмотрения предметов. В большинстве случаев метафора требует распространения дополнительными признаками, позволяющими актуализировать смысл имплицитного концепта. Это необходимо, так как метафора в загадке без распространения не является достаточной для реципиента в силу огромного количества ассоциативных связей с различными концептуальными сферами. Кроме того, для немецкого энигматического текста характерна вербализация нескольких метафор в пределах одной загадки. Нередко в загадке используются персонифицированные метафоры.

Виды сходства между воспроизводящим метафорическим образом и замещаемым предметом могут быть различными: сходство по внешнему виду, по цвету, по внутренней организации, по функции, по чертам поведения, по особенностям движения и т.д. Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что словесная загадка – готовый продукт речемыслительной деятельности человека, своеобразное языковое, культурное и социальное явление. Многовековое функционирование словесной загадки позволяет говорить о постоянном развитии когнитивных явлений в процессе жизнедеятельности человека. Словесная загадка, как и другие паремиологические тексты, может служить ценным источником изучения особенностей ментальности представителей разных культур, особенностей систематизированного фонда общих знаний о картине мира.

Библиографический список

1. Аникин В. П. Метафора в загадках [Текст] / В. П. Аникин // Художественные средства русского народного поэтического творчества. М.: Изд. МГУ, 1981. С. 53–67.
2. Аристотель. Риторика. Античные риторики [Текст] / Аристотель. М.: Наука, 1978. С. 15–125.
3. Блэк М. Метафора. Теория метафоры [Текст] / М. Блэк. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
4. Головачева А. В. К вопросу о прагматике загадки [Текст] / А. В. Головачева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 195–213.
5. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора [Текст] / С. Г. Лазутин. М.: Высшая школа, 1981.
6. Мельникова Е. В. Метафора в немецких загадках [Текст] / Е. В. Мельникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Часть II. С. 131–133.
7. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь [Текст] / В. Д. Стариченок. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
8. Мир загадки URL: http://mir-zagadki.ru/index.php/zagadki-mira/nemetskie-zagadki.

Верхотурова Т. Л., г. Иркутск, Россия

ЭМОЦИОГЕННОСТЬ ОТСУТСТВИЯ КАК НЕДОСТУПНОСТИ (об одном признаке в структуре универсального концепта ОТСУТСТВИЕ)

Аннотация. Целью статьи является объяснение взаимосвязи представлений об отсутствии и эмоциональных переживаниях. Был подвергнут анализу универсальный для европейских и славянских языков концепт ОТСУТСТВИЕ. В его структуре, помимо прочих, определяется один из признаков – признак недоступности. Этот признак проникает в сферу выражения аффективных состояний. Реализация признака недоступности концепта ОТСУТСТВИЕ рассматривается на материале русского языка, который позволяет установить его привязанность к эмоциональной сфере. Рабочим материалом послужили данные толковых словарей, а также данные национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: категория, концепт, отсутствие, отрицание, признак концепта, эмоциональные переживания.

EMOTIONOGENIC CHARACTER OF ABSENCE AS UNAVAILABILITY (on one attribute in the structure of the universal concept ABSENCE)

Abstract. The purpose of this article is to explain interconnections of the idea of absence and emotional experience. The universal for European and Slavic languages concept ABSENCE has been subject to analysis. In its structure, inter alia, an attribute of unavailability is identified. The attribute enters the sphere of affective states/processes expressions. The ways the attribute is realized is considered on the material of the Russian language, which makes it possible to establish its links with the field of emotions. The data of Russian dictionaries and the Russian National Corpus have been used.

Keywords: category, concept, absence, negation, concept attribute, emotional experience.

Отсутствие представляет собой, с одной стороны, всем знакомое и понятное положение дел, но, с другой стороны, феномен этот весьма сложен: можно обнаружить достаточно много видов и типов отсутствия, начиная с отсутствия галактик (там, где они предполагались), и заканчивая отсутствием чувств, например, любви.

Русская лексикография определяет отсутствие через отрицание, обычно как «положение, когда нет в наличии кого-чего-нибудь …» (Ожегов 1990). Поэтому вполне естественно, что Н. Н. Болдырев идентифицирует отсутствие в качестве одной из «основных характеристик» модусной категории отрицания; эта характеристика относится также и концепту ОТРИЦАНИЕ, который соответствует категории отрицания (Болдырев 2011: 14). Вместе с тем слово *отсутствие* само по себе, как и всякая полнозначная лексическая единица, является оязыковленным завершением процесса категоризации и, таким образом, называет категорию. Категория отсутствия – это весьма универсальная категория (Верхотурова 2015); как и всякая категория, она предполагает существование концепта, актуализируемого в картинах мира западноевропейских и славянских языков. Концепт ОТСУТСТВИЕ является лексическим онтологическим (универсальным, довольно абстрактным) концептом. Универсальные (абстрактные) концепты представлены во всех развитых культурах, и не имеют/почти не имеют культурно зависимых ассоциативно-образных оценок, поэтому представляют собой скорее понятия.

Концепт ОТСУТСТВИЕ выражается целым комплексом языковых средств, принадлежащих к разным языковым уровням. Помимо собственно имени концепта *отсутствие*, он вводится в

языковую картину мира значительным множеством лексических единиц синонимического ряда, например: *неимение, недостаток, лишение, несуществование, недоступность, нехватка* и т.п. Наряду с синонимами можно обнаружить большие ряды слов с обязательным семантическим компонентом «отсутствие/ отсутствовать», являющемся ключевым в словарных дефинициях, например: *мир* – «**отсутствие** разногласий, вражды или ссоры» (Ушаков 1935-1940), *свобода* – «положение, при котором **отсутствуют** ограничения и стеснения…» (там же).

Уровень морфемной деривации изобилует дериватами, образованными с помощью отрицательных аффиксов (префиксов), имеющими значение отсутствия (Пименова 2014): *бесцельность (бесцельный), бездетность (бездетный), безрадостность (безрадостный, безрадостно), безвкусие (безвкусность, безвкусный, безвкусно)* и мн. др. Причем многие дериваты с общим значением отсутствия развивают многозначность, и отдельные значения одного слова имеют различную референциальную соотнесенность, ср.: *безвкусный пирог* vs *безвкусная одежда*.

Содержательные признаки лексемы-имени концепта обнаруживаются в ее словарных толкованиях. Анализ словарных статей (Ожегов 1990, Ефремова 2000, Ушаков 1935-1940) существительного *отсутствие* позволил выделить ряд существенных признаков концепта ОТСУТСТВИЕ, среди которых отмечается признак **недоступности (недосягаемости)**. Этот признак имеет непосредственное отношение к области эмоциональных состояний и переживаний. Само слово *отсутствие* зачастую используется с такими глаголами, как: *ощущать*, *чувствовать*, *беспокоить* и т.д.: отсутствие может ощущаться, переживаться и осознаваться как чувство неудовлетворения и разочарования. В целом наш анализ посвящен не только концепту отсутствия в русской картине мира, но и его аналогу в английской картине мира – концепту ABSENCE. Реализация признака недоступности будет рассматриваться только в картине мира русского языка, так как материал исследования двух языков слишком объёмен, а мы ограничены рамками статьи.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что интересующий нас признак концепта ОТСУТСТВИЕ находит своё выражение, когда речь идет, прежде всего, о людях, например,

– Ну, уж раз кто-то занес сюда возбудителей моих старых снов и кошмаров и раз все вокруг нас так разительно изменилось, то – вообрази себе – я начинаю ощущать отсутствие Козловичей. В. П. Катаев. Святой колодец (1962-1965) (НКРЯ). В высказывании речь идёт о том, что отсутствие некоторых людей (Козловичей), ощущается, а значит, воспринимается, осознается и переживается, как нечто недоступное, недостижимое и недосягаемое. Эти люди недоступны (недосягаемы, недостижимы) по какой-то причине; отсутствие ощущается почти физически. Говорящему как-бы не хватает общения именно с этими людьми, и это отсутствие как «нехватка» соотносится с эмоционально-оценочной сферой.

На штатных защитников у аргентинцев в этот вечер надежды было мало: выстроенная «под Айялу», оборона довольно нервно переносила его отсутствие. Дмитрий Навоша. Защита Англии. Эрикссон - Бьелса - 1:0 (2002) // «Известия», 2002.06.07 (НКРЯ). Роберто Айяла – один из лучших защитников в истории аргентинского футбола. Совершенно очевидно, что выстроенная под него оборона, а именно, игроки, игравшие в обороне, очень переживали отсутствие на игре их лучшего защитника. Но для них он был недоступен (недосягаем), так как Р. Айяла с определённого момента перестал выступать за аргентинские клубы. Осознание его отсутствия нервно переживалось остальными игроками как чувство неудовлетворённости и разочарования.

А скорее всего, не хватало моих мозгов, чтобы его обнаружить. Отсутствие Мышкина начинало меня нервировать. Как раз в тот момент, когда я в очередной раз потянулся к телефону, он внезапно зазвонил сам, так что я невольно отдёрнул руку. Вера Белоусова. Второй выстрел (2000) (НКРЯ). Отсутствие человека по фамилии Мышкин приводит автора высказывания в эмоциональное состояние отрицательного волнения: отсутствие человека, его недоступность там и где он нужен, заставляет говорящего нервничать.

Та же ситуация описывается и в следующих высказываниях:

Длительное отсутствие Степанова заставило нас волноваться, и, чувствуя неладное, я попросил моих товарищей — двух Александров — одеться и пойти им навстречу до верха Большого колодца. Игорь Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994) (НКРЯ).

Отсутствие ваше огорчало нас несказанно. Стародум. Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782) (НКРЯ).

Они ж не только людей там взорвали, они сердца наши убили… — Ты думаешь, мир почувствует отсутствие Димы? — Нет, — тихо отвечает Вова, глядя на Волгу. Марина Ахмедова. Сталинград. Возвращение // «Русский репортер» (2014) (НКРЯ).

Признак недоступности концепта ОТСУТСТВИЕ может находить своё выражение и в таких ситуациях, когда речь идёт о материальных вещах, предметах:

И в одну долю секунды вы почувствуете и отсутствие портфеля, и испугаетесь, и вспомните, что портфель остался на работе, и в каком месте он стоит, и как вы его туда ставили. И в одну долю секунды вы ощутите отсутствие зонтика, прокрутите в голове все места, где побывали— работа, кафе, одно место, у приятелей, такси, — и не сможете вспомнить, где оставили зонтик, и успеете расстроиться, потому что именно этот зонтик вам особенно дорог, и всё в одну долю секунды. Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004) (НКРЯ). В этом примере автор не просто констатирует отсутствие некоторых предметов (портфеля и зонта), речь идёт о нужных, привычных и даже дорогих сердцу вещах. Их отсутствие и недоступность в определённый момент может обернуться болезненным эмоциональным состоянием - расстройством.

Раздражает отсутствие необходимых вещей, но как-то выкручиваюсь: кое-что одолжил Валька, кое-что купил — плавки, рубашку, тёмные очки. Григорий Горин. Чем открывается пиво? (1960-1985) (НКРЯ). Отсутствие необходимых, но недоступных вещей переживается эмоционально – как чувство некоторого озлобленного недовольства, каковым является раздражение.

Это отсутствие гроба он ощущал как свою вину. И. Грекова. Фазан (1984) (НКРЯ). Отсутствие необходимого предмета может заставить почувствовать вину как болезненную ответственность за некоторый проступок.

... До сих пор болезненно ощущаю отсутствие Пушкина на Тверском бульваре, невосполнимую пустоту того места, где он стоял. В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977) (НКРЯ). В этом примере речь идёт об артефакте – памятнике Пушкину, который отсутствует там, где он раньше находился; его отсутствие ощущается, кроме того, говорящим оно (отсутствие памятника) воспринимается болезненно.

Поездки в эту армию считались среди работников штаба особо неприятными, — пугали отсутствие воды, жилья, плохое снабжение, большие расстояния и скверные дороги. Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960) (НКРЯ). В ситуации, описываемой данным высказыванием, отсутствие целого реестра необходимых и привычных для нормального существования вещей, их недоступность, вызывало чувство страха, отпугивало работников штаба.

Кроме того, отсутствие как недоступность (недосягаемость) находит своё выражение и в том случае, когда речь идёт о событийных феноменах, как, например, в следующем высказывании:

Отсутствие общения с родной наукой угнетало его. Даниил Гранин. Зубр (1987) (НКРЯ). Отсутствие общения с наукой – это очень отвлеченное положение вещей отрицательного характера для персонажа высказывания, относящееся к событийно-ситуативной сфере. Отсутствие такого общения, вовлеченности в дела науки – родной для персонажа – вызывало болезненные, мучительные эмоции, в частности, угнетение.

Шум, поднятый участниками рынка, агентствами и владельцами онлайн-ресурсов, достиг высшей точки; их беспокоит отсутствие новых привлекательных с точки зрения креатива технологий. Нестандартный интернет-маркетинг (2003) // «Рекламный мир» (2003.04.28) (НКРЯ). Отсутствие новой совокупности процессов и методов для развития средств коммуникации в сетевом пространстве воспринимается заинтересованными лицами и агентствами как беспокоящая их недоступность. Возможно, новые технологии существуют в принципе, но по какой-то причине недоступны для участников рынка, что и вызывает чувства волнения и тревоги, т.е. беспокойства.

Итак, выделяемый в структуре концепта ОТСУТСТВИЕ признак недоступности (недосягаемости) оказывается каузатором эмоциональных состояний, процессов и отношений, сближая, «стягивая» концепт отсутствия с эмоциональными концептами. Этот признак находит своё выражение не только, когда речь идет о людях, но и о материальных вещах и событийных феноменах. Обращает на себя внимание тот факт, что недоступность (недосягаемость) как признак концепта ОТСУТСТВИЕ соотносится со сферой отрицательных переживаний: эта связь, впрочем, предсказуема, поскольку недоступность или недосягаемость свидетельствует о трудностях или даже невозможности достижения того, что человек осознает как необходимое или желательное. Типичным лексическим контекстом, вводящим слово *отсутствие* в таком значении, являются эмотивные глаголы (*пугать, угнетать, беспокоить, раздражать* и т.п.).

Библиографический список

1. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып.60, 2011. С. 11-16.

2. Верхотурова Т. Л. Особенности универсальной категории отсутствия [Текст] // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 21.С. 72-84

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка [Текст] / Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. НКРЯ. Национальный корпус русского языка URL: http://search.ruscorpora.ru
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр [Текст] / С. И. Ожегов. М.: Русский язык, 1990.
6. Пименова Т. В. Грамматический (морфологический) способ выражения категории отсутствия (на материале русского языка) [Текст] / Т. В. Пименова // Аспирантские чтения ИГЛУ. Сборник научных статей. Иркутск: ИГЛУ. 2014. С.64-66.
7. Ушаков Д. Н. Толковы словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. Ин-т «Сов. Энцикл.»; ЩГИЗ; Гос. Изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940.

Еремина О. В., г. Иркутск, Россия

АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ С ПЕРЦЕПТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье предлагается рассмотрение вопроса о том, что речевая коммуникация не может быть основана исключительно на знании комммуникантами словарных дефиниций и грамматических правил. В процессе речевого общения предполагается адекватное использование когнитивных и языковых механизмов Наблюдателем, который может выступать как в роли адресата высказывания, так и в роли стороннего слушателя при рассмотрении ряда речевых глаголов с перцептивно-оценочной семантикой.

Ключевые слова: наблюдатель, когнитивный, оценка, восприятие, голосовые характеристики.

ANALYSIS OF VERBALS OF SPEECH WITH PERCEPTIVE-ESTIMATED SEMANTICS: COGNITIVE APPROACH

Abstract. The subject matter of the paper is considering the issue that speech communication can not be based just on the knowledge of word definitions and grammar rules. Speech act communication suggests adequate cognitive and language mechanisms usage by the Observer. The Observer can act both: an addressee and third party listener in the process of communication and analysis of speech verbs with perceptive and evaluative semantics.

Key words: Observer, cognitive, evaluation, perception, voice dynamics.

Речевая коммуникация (общение) является одним из видов жизнедеятельности человека. Социальный характер человеческого бытия определяет ее как одну из ключевых форм межличностного общения. Успешное взаимодействие человека с окружающим миром обусловлено структурой и содержанием языковой коммуникации, выбором цели, механизмов, основных принципов и языковых средств (Болдырев 2017: 5).

Современный взгляд на язык и речевое общение предполагает учитывать как знаковый характер речи, так и комплексное взаимодействие и реализацию разных языковых функций: когнитивной, коммуникативной и интерпретативной (Там же: 6). Что в свою очередь ведет к анализу данной проблемы с позиции когнитивной семантики (многоуровневой теории значения). Данная теория подчеркивает существенную значимость всех полученных знаний в процессе формирования и понимания значений. Она связывает понимание семиотических процессов означивания и смыслопорождения с выходом за пределы языковой системы в область неязыковых (энциклопедических) знаний, получаемых человеком в процессе его жизнедеятельности, и которые в свою очередь ведут к успешной коммуникации: формированию и пониманию конкретных смыслов в процессе общения.

У.Л. Чейф подчеркивает, что эффективность речевого общения определяется эффективностью концептуального взаимодействия самих коммуникантов (Чейф 1983: 38-39). Как отмечает А. Вежбицкая (Weirzbicka 2003) коммуникативный акт в английском языке категоризуется посредством определенной глагольной группы, когда речь идет о том, как человек – Наблюдатель – воспринимает чью-то речь. Наблюдатель может выступать как в роли адресата высказывания, так и в роли стороннего слушателя.

В процессе восприятия речи для Наблюдателя важна не только пропозиция – *что* сказано, но и *как* это сказано. В английском языке существует довольно большая группа речевых глаголов с перцептивно-оценочным комплексом в семантике. Такие речевые глаголы существуют в языке как показатели Наблюдателя, который в процессе коммуникации воспринимает, анализирует и интерпретирует способ говорения и манеру речи коммуникантов. В результате наблюдаемые: воспринимаемые на слух характеристики (звуковое наблюдаемое) вызывают у Наблюдателя разнообразные ассоциации, интерпретации и оценки.

Перцептивно-оценочный комплекс состоит из двух аспектов: перцептивно-звуковые характеристики голоса субъекта речи (параметрические и мелодические характеристики голоса коммуникантов) и интерпретативно-оценочный аспект (интерпретация когнитивно-аффективных состояний субъекта речи и Наблюдателя).

Звуковое наблюдаемое (звуковая характеристика голоса) привлекает внимание Наблюдателя при рассмотрении глаголов с перцептивно-оценочной семантикой. Выделяются различные голосовые характеристики субъекта речи, такие как громкостная (речь произносится сильным/тихим/громким голосом: ***low***/***loud voice***), тональная (высокий голос, говорить басом/фальцетом: ***high***/***high-pitched voice***), фонационная (сиплый голос, надтреснутый голосок: ***broken voice***), синкретическая (грудной голос, утробный голос, придушенный голос: ***deep voice***), характеристика общей организации речи (говорить отрывисто, плавная речь: ***snappish, abrupt, curt, in a repetitious manner*** и.т.п.), а также неконтролируемые окказиональные характеристики, обусловленные различными эмоциональными состояниями субъекта речи (***gruffly*** и.т.п.) (Кодзасов 2000). В качестве примеров рассмотрим словарные дефиниции ряда глаголов: ***to croon*** - to sing or speak in a **gentle murmuring** manner (MWLD 2018); to sing or speak in a **soft low** tone (Collins 2018). Где **soft** и **gentle** описывают фонационные характеристики, **murmuring** – тональные, а **low** – громкостные характеристики голоса. Приведенные характеристики являются объективными параметрическими характеристиками голоса субъекта речи. Однако прилагательные/причастия определения (*soft, gentle, murmuring*) свидетельствуют о сочетании параметрического (звукового) и оценочного уровней. Например, определения *soft* и *gentle* описывают голос субъекта коммуникативного акта как мягкий и нежный, и одновременно содержат в себе оценку речи – плавная, мягкая приятная для звукового восприятия. Ср.: *'You're so good with her,' she **crooned**.'* (COCA 24 URL: https://corpus.byu.edu/coca/); *«I'm so sorry, my Sweet Judy,» she **crooned**, splashing warm water over my body. «I'm so sorry, sweet baby.»* (COCA 37 URL: https://corpus.byu.edu/coca/). Ср. также: ***to whine*** - if you say that someone is whining, you mean that they are **complaining** in an **annoying way** about something unimportant (Collins 2018); to utter a **high-pitched plaintive** or **distressed** cry (MWLD 2018). В приведенных дефинициях признаковый компонент **high-pitched** указывает на тональные голосовые характеристики, **complaining** и **annoying way** – можно отнести к неконтролируемым окказиональным характеристикам, обусловленным эмоциональным состоянием субъекта речи: to complain in a **sad** annoying voice about something (Longman 2018). Ср.: *"I signed the divorce papers,' he **whined*** (COCA 22 URL: https://corpus.byu.edu/coca/); *«But you don't have a belly like I do,» **whined** Shirley* (COCA 44 URL: https://corpus.byu.edu/coca/). Объективно параметрические отклонения от произносительной нормы привлекли внимание Наблюдателя. Все, что отклоняется от нормы, вызывает эмоции, интерпретации и оценки. «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции. Соответствующие концам шкалы прилагательные окружены экспрессивными синонимами» (Арутюнова 1999: 81-82). Оценочная интерпретация предусматривает классификацию опыта в соответствии с индивидуальной и коллективной нормативными системами, а также системами идеалов, стереотипов и ценностей, которые в свою очередь основаны на определенных оценочных шкалах той или иной культуры как проявления общественного и индивидуального сознания – его оценочную категоризацию и концептуализацию (Болдырев 2016: 29).

Язык является одним из важнейших факторов вербальной коммуникации и процесса познания в целом. Он выступает в качестве интерпретирующего фактора, посредством которого человек (Наблюдатель) реализует познавательные и коммуникативные интенции (Болдырев 2017: 42). Как отмечает Е.С. Кубрякова «в процессе когнитивной деятельности человек (*Наблюадатель – выделено нами* О.В. Ерёмина) становится точкой отсчета в анализе явлений, определяя их перспективу и конечную цель» (Кубрякова 1995: 212). Таким образом, любая информация, поступающая в сознание человека (Наблюдателя) в результате восприятия является интерпретированной. Наблюдатель в свою очередь может выступать как в роли стороннего слушателя, так и в роли адресата высказывания (Верхотурова 2008, 2009).

Активная роль Наблюдателя в познавательных процессах заключается в способности по-разному воспринимать объекты и формировать различные языковые значения и смыслы посредством выбора различных языковых форм (речевых предикатов) (Болдырев 2017: 42).

Толкование словарных дефиниций и грамматических правил, также, как и попытка соотнести знание словарных значений со способностью интерпретировать контекст высказывания – является недостаточным (Филлмор 1983: 118). За каждым словом стоит когнитивный социально и культурно обусловленный контекст. Интерпретация смысла высказывания в процессе речевой деятельности встроена в когнитивные и языковые модели познания и коммуникации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 81-82.
2. Болдырев Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка, 2016. Вып. XXVII. С. 25-35.
3. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвитсики, 2017. № 2. С. 5-14.
4. Болдырев Н. Н. Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка, 2017. Вып. XXIX. С. 40-47.
5. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки [Текст] : монография / Т. Л. Верхотурова. Иркутск: ИГЛУ, 2008.
6. Верхотурова Т. Л. Лингвофилософская природа метакатегории «наблюдатель» [Текст]: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. Л. Верхотурова. Иркутск: ИГЛУ, 2009.
7. Кодзасов С. В. Голос: свойства, функции и номинации [Текст] / С. В. Кодзасов // Язык о языке: сб. статей. М.: Языки русской культуры, 2000. С.453-501.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1995. С. 144-238.
9. Филлмор Ч. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74-122.
10. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 35-73.
11. Weirzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction [Text] / A. Wierzbicka. Mouton de Gruyter. Berlin. N.Y. 2d edition, 2003.

Источники иллюстративного материала

1. Словарь английского языка URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/
2. Словарь английского языка. Merriam Webster URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary/
3. Словарь английского языка. Collins Dictionary URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/
4. Национальный Британский Корпус. British National Corpus (BNC) URL: http://corpus.byu.edu/coca/

Ишенина А. С., г. Иркутск, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВООБРАЖАЕМОГО ВОСПРИЯТИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Ситуация воображения в современном английском языке воплощается посредством различных грамматических и лексических средств. В когнитивной структуре модуса воображения выделяется ряд определенных субмодусов. В статье анализируется семантика языковых средств, вербализующих такой субмодус как воображаемое восприятие. Выделены семантические признаки воображаемого восприятия, лексические и грамматические особенности данного субмодуса.

Ключевые слова: концептуализация, воображение, восприятие, субмодус, воображаемое восприятие.

CONCEPTUALIZATION OF IMAGINARY PERCEPTION IN THE ENGLISH LINGUISTIC WORLD VIEW

Abstract. In modern English the situation of imagination is embodied through various grammatical and lexical means. Cognitive structure of the modus of imagination involves a number of certain submoduses The article focuses on the semantics of language expressions that verbalize the situation of imaginary perception. The semantic, lexical and grammatical features of this submodus have been defined.

Keywords: conceptualization, imagination, perception, submodus, imaginary perception.

В рамках проблематики исследования языкового представления феномена воображения интерес представляет семантический потенциал слов с семантикой воображения. Под семантическим потенциалом слова имеются в виду «те возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций» (Кустова 2004: 29). В современных лингвистических исследованиях воображение трактуется как способность человека «создавать мысленные образы» (Апресян 2004: 140; Урысон 2003: 41), «воображать, творчески мыслить, фантазировать» (Ожегов 1990), «мыслить образами» (Ефремова 2000), «создавать образы того, что ненаблюдаемо, что нельзя увидеть, что может существовать и быть наблюдаемым

только в уме» (Рябцева 2005: 235-236). Как явствует из приведенных определений, воображение как ментальная деятельность позволяет создавать и формировать образы, т.е. производить «репрезентацию в уме отсутствующего объекта или события» (Солсо 2006: 327). Анализ языкового воплощения воображения как способности создания и формирования образа позволил выявить репрезентативную группу глаголов, вербализующих воображение, что свидетельствует о значимости данного явления в английской языковой картине мира. Эта группа включает в себя такие глагольные номинации как conceptualize, picture, theorize, think of, think up, visualize, depict, devise, envisage, envision, fabricate, fancy, fantasize, feature, figure, form, frame, harbor, invent, nurture, perceive, plan, project, conceive, cook up, conjure up, see, scheme, dream about, perceive, create, dream, depict, run riot, anticipate (CED; OLD; Collins ED; MED; LDCE). Вариативность вербализации воображения подтверждает мысль о том, что количество ситуаций в мире гораздо больше, чем количество вербализующих их языковых единиц, и в определенных коммуникативных условиях говорящему важно высветить, профилировать коммуникативно значимые аспекты ситуации, в том числе и воображения, что приводит к расширению круга ситуаций, категоризуемых конструкциями с одним модусным предикатом. Профилирование когнитивно и коммуникативно значимых аспектов создаваемого в сознании образа сопровождается преобразованием синтаксической структуры всего высказывания.

Определенные нюансы воображения по-разному находят свое языковое отражение в зависимости от того, как говорящий (субъект) интерпретирует ситуацию воображения. Наряду с конструкциями, репрезентирующими собственно ситуацию воображения, выявлены конструкции, репрезентирующие ситуации, в которых, к примеру, субъект может высказывать свое мнение, ср.: *I had naively imagined that he was in love with me* (CED); которое может быть и ошибочным, ср.: *Presenting symptoms can come and go with such rapidity that even the patient herself may wonder if she is imagining things, although her suffering is real enough (BNC); ситуации, в которых ментальный образ формируется с помощью «внутреннего взора» субъекта речи, ср.: Before every party, I pictured a scene of me talking, me being heard (OLD).* В когнитивной структуре модуса воображения, таким образом, можно выделить отдельные субмодусы воображения, а именно субмодус воображаемого восприятия, субмодус мнения, субмодус ошибочного мнения. Целью настоящей статьи является анализ лингвокогнитивных особенностей субмодуса воображаемого восприятия.

Онтологическая связь между зрительным восприятием и мысленным восприятием, т.е. между формированием образов, отраженных извне, и образов, возникающих внутри, концептуализируется как «воображаемое восприятие» (Падучева 2003: 34;). В настоящей статье мы будем оперировать именно этим термином, однако, существуют и другие метапонятия, описывающие данный субмодус («ментальное зрение» (Кубрякова 2004; Рябцева 2005), «внутреннее зрение» (Демьянков 1994; Селиверстова 2004; Семенова, 2007).

Когнитивные процессы восприятия и воображения тесно связаны между собой, о чем свидетельствуют работы в области психологии и философии (Аристотель 1975; Немов 2003; Рубинштейн 2002; Солсо 2006; Андерсон 2002). Взаимодействие когнитивных процессов восприятия и воображения находит отражение и на языковом уровне. Так, по мнению исследователей-лингвистов, восприятие и воображение можно рассматривать как отдельные ментальные пространства, которые пересекаются и «обмениваются» некоторыми своими признаками между собой (Рябцева 2005; Муняева 2007).

Семантическим маркером глагольных номинаций, вербализующих ситуацию воображаемого восприятия, является наличие перцептивного компонента в их дефинициях. Так, среди глаголов воображения выделены номинации, в семантике которых присутствует перцептивный компонент. Прежде всего, это глагол *see*, первичное значение которого дефинируется как ‘notice someone or something using your eyes’ и глагол *picture*, в толковании которого есть отсылка к созданию образа ‘draw a picture, represent in a photograph or picture’, ср.: *In the photo she is pictured with her mum Christine and sister Kelly* (LDCE). В семантике данных глаголов четко прослеживается реакция органа зрительного восприятия на действительность, результатом которой является создание зрительного образа.

В результате семантической деривации перцептивное значение глагола see переходит в ментальное‘view or predict as a possibility; envisage, то есть образ возникает без непосредственного воздействия внешних стимулов, ср.: *She sees her mother sitting in front of the mirror, brushing her long hair with endless sweeping movements* (Darling 2004). В контексте данного примера речь идет о девочке, которая, скучая по отсутствующей матери, «рисует» в своем сознании ее образ, представляя, как мама причесывает волосы перед зеркалом. В значении глагола picture, который входит в тематический

класс глаголов создания изображения, семантический переход в ментальное оказывается возможным в силу того, что «участник Образ выявляет семантическое родство глаголов создания изображения с глаголами восприятия» (Падучева 2003: 35). Изображение понимается как частный случай Образа (образ может быть в сознании), т.е. глагол picture концептуализирует способность «рисовать» образ в сознании ‘to form or have a mental picture or idea of something’, ср.: *I pictured myself picking at least three hundred pounds a day and took the job* (LDCE). В контексте примера речь идет мужчине, который искал работу по сбору хлопка. Фермер, к которому он обратился, предложил ему 3 доллара за каждую сотню фунтов собранного хлопка. Мужчина «нарисовал» в сознании образ того, что он сможет собирать как минимум 300 фунтов хлопка в день и согласился работать на таких условиях.

Помимо глаголов see и picture можно выделить и ряд других глагольных номинаций, в семантику которых входят семы перцептивности ‘to form (have, create, construct) a mental picture or idea of something’ (CED). В данную группу будут входить такие глагольные номинации как imagine, ср.: *Have you ever imagined what a million butterflies would look like?* (OLD); visualize, ср.: *It did not take much imagination to visualise the vast green forests that had covered the countryside at one time* (OLD); envision, ср.: *For the future they envision a performing arts center with a library and video archive* (OLD); conjure something up, ср.: *Think of North East, and the mind involuntarily conjures up images of lofty hills and sloping vales* (OLD); anticipate, ср.: *Football stars and fans all over the world are already eagerly anticipating the next World Cup, which the game's ruling body is promising will be the best ever staged* (OLD); fancy, ср.: *I didn't fancy myself wearing a kilt* (Collins ED); fantasize, ср.: *I used to fantasize about emptying his Smirnoff bottle in the kitchen sink and filling it back up with water* (MED).

Семантические сдвиги в языке имеют когнитивную основу, в силу того, что «в жизни человека разные когнитивные способности не просто взаимодействуют, они взаимосвязаны и взаимозависимы» (Семенова 2007: 64). Как следствие, значение слова в предложении представляет собой результат взаимодействия ментальных пространств с профилированием либо перцептивного, либо ментального компонента.

Известно, что семантическая структура ситуации восприятия включает в качестве объекта восприятия перцептивный образ, которому соответствует, в терминологии Е. В. Падучевой Стимул, то есть перцептивно воспринимаемый объект, ситуация. В примере ниже речь идет об играющих детях, и эта ситуация находится в поле зрения наблюдателя, ср.: *From the window we could see the children playing in the yar*d (CED). Из этого следует, что для ситуаций с глаголами восприятия характерна актантная структура Экспериент, Стимул, Образ (Падучева 2003: 35). Другими словами, в таких ситуациях есть тот, кто воспринимает и то, что воспринимается. В ситуации же воображаемого восприятия референт отсутствует, так что образ возникает в сознании, не будучи, как это естественно для восприятия, отражением синхронного стимула извне, как в примере: *She sees her mother sitting in front of the mirror, brushing her long hair with endless sweeping movements* (Darling 2004: 30). Несмотря на то, что отсутствие Стимула, как участника ситуации характерно для воображения в целом, для ситуаций с глагольными номинациями воображаемого восприятия будут характерны свои языковые представления отсутствующего стимула, с помощью которых можно также проследить интеграцию ментальных пространств восприятия и воображения.

В отличие от ситуаций восприятия, в которых субъект речи не может становиться в позицию наблюдателя по отношению к самому себе, в ситуациях воображаемого восприятия на синтаксическом уровне субъект речи может выделять во внешнем мире самого себя в качестве наблюдаемого объекта. Языковым маркером ситуаций «воображаемого восприятия» с глаголом see являются рефлексивные местоимения, ср.: *She didn't voice her thoughts but she immediately saw herself wearing the lime-green dress and the coat with the rose lining* (BNC); *I see myself in a few years* (OLD). Из примеров явствует, что на уровне ментального конструирования ситуации возникает когнитивное расщепление субъекта, когда субъект речи «смотрит» на себя как на объект, что возможно только в пространстве воображения (Семенова 2007: 162).

Лексическим маркером глагольных номинаций, вербализующих ситуацию воображаемого восприятия, является наличие перцептивных адвербиалов в их окружении, ср.: *I can't imagine it clearly* (LDCE); *If you can dimly visualize the crevices of my heart, then I will tell you about the true me* (http://www.lyricsreg.com/lyrics/sephini/Eye+Examination/); *She would then brightly envisage what the desired final print should look like and expose the negative accordingly* (OLD). Как явствует из данных примеров, образы, видимые внутренним взором, могут быть как четкие (clearly), яркие (brightly), так и нечеткие, размытые (dimly).

Выявленные языковые особенности имеют когнитивное обоснование. Известно, что в процессе воображения участвуют те же механизмы обработки порождаемой внутри психики

информации, что и при восприятии информации извне. Дж. Андерсон особо отмечает, что «воображаемая информация представлена и обрабатывается теми же способами, которыми представлена и обрабатывается перцептивная информация» (Андерсон 2002: 116). Обработку такой внутренней перцептивной информации автор называет «перцептивным воображением» (Андерсон 2002: 111). Следствием когнитивной интеграции зрения и воображения является синхронность этих двух когнитивных процессов. На языковом уровне это отражается в употреблении причастия I и герундия, а не that придаточного, поскольку указание на видовременные формы подчиненной пропозиции было бы избыточным. Л.М. Ковалева отмечает, что в ситуациях с перцептивными глаголами гораздо экономнее использовать предложения с вербоидами (Ковалева 2008: 217). Развивая мысль ученого, мы предполагаем, что и для языковой репрезентации ситуаций воображаемого восприятия гораздо чаще используются предложения с вербоидами. Употребление длительной формы инфинитива, причастия 1 или герундия для категоризации ситуаций «воображаемого восприятия», сближает модус воображения с модусом восприятия, «образуя бленд «восприятие-воображение»« (Муняева 2007). «Мысленное», воображаемое восприятие, как и онтологическое видение, представлено в языке как синхронизированное с ситуациями, входящими в круг восприятия.

Эмпирический материал показывает, что глаголы воображаемого восприятия в английском языке используются в конструкциях с длительным инфинитивом, тем самым указывая на признак перцептивности, ср.: *The ground ahead seemed to be rising up in front of me, and the little streams in the ditches on the side of the road seemed to be flowing up hill* (LDCE).

Наряду с инфинитивом, в английском языке встречается и употребление глаголов в ситуации воображаемого восприятия с причастием 1, ср.: *She imagined herself sitting in her favourite chair back home* (CED*); I can't picture him skiing. He's so clumsy!* (OLD).

В ситуации воображаемого восприятия в английском языке глагольные номинации встречаются и в сочетании с герундием, ср.: *I couldn't keep myself from tensing at seeing her beautiful face, the face in my dreams and that I fantasized about holding and kissing* (OLD).

Помимо предложений с вербоидами ситуации воображаемого восприятия могут быть представлены и с помощью придаточных предложений, вводимых разными союзами и союзными словами, ср.: *Can you imagine how it feels to be blind?* (CED). Данный пример также иллюстрирует ситуацию воображаемого восприятия, поскольку субъект речи спрашивает о возможности «нарисовать» образ в сознании.

Для ситуации воображаемого восприятия характерно наличие событийных существительных в качестве участника Образ, ср.: *I can clearly imagine our arrival* (MED). Данный пример иллюстрирует наличие в качестве воображаемого целого события – приезда, прибытия с его возможными характеристиками, которые субъект ситуации «рисует» в сознании. Такими характеристиками могут быть, к примеру, время, место, обстановка, встречающие, настроение, эмоции.

Таким образом, анализ языкового материала свидетельствует о том, что в английском языке можно выделить ситуацию воображаемого восприятия как один из субмодусов воображения со своими семантическими, лексическими и грамматическими признаками.

Библиографический список

1. Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология [Текст] / Дж. Р. Андерсон. СПб.: Питер, 2002.

2. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Аристотель Сочинения. В 4 т [Текст] / Аристотель. Т. 1. О душе. Пер. П. С. Попова в переработке М. И. Иткина. М.: Мысль, 1975.

4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / Вопросы языкознания. 1994. № 4.

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: 2000 слов [Текст] / Т. Ф. Ефремова. М.: Рус. яз. 2000. в 2 т.

6. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово: Монография [Текст] / Л. М. Ковалева. Иркутск, 2008.

7. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004.

8. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова М.: Языки славянской культуры, 2004.

9. Муняева Е. И. Анализ конструкций с глаголом see в свете теории концептуальной интеграции [Текст] : дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. / Е. И. Муняев. Иркутск, 2007.

10. Немов Р. С. Психология [Текст] / Р. С. Немов. 4-е изд. М.: ВЛАДОС, 2003. Кн. 1. Общие основы психологии.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов [Текст] / под ред.Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) [Текст] / Е. В. Падучева. М.: Едиториал УРСС, 1985.
13. Падучева Е. В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. 2003. №6. С.30-46.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд [Текст] / С. Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2002.
15. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект [Текст] / Н. К. Рябцева. М.: Academia, 2005.
16. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект [Текст] / Н. К. Рябцева. М.: Academia, 2005.
17. Селиверстова О. Н.Труды по семантике [Текст] / О. Н. Селиверстова. М.: Языки славянской культуры, 2004.
18. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Монография [Текст] / Т.И. Семенова. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
19. Солсо Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006.
20. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е. В. Урысон. М.: Языки славянской культуры, 2003.
21. CED – Cambridge English Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/
22. Collins ED – Collins English Dictionary URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english.
23. Darling J. The taxi driver's daughter. [Text] / J. Darling. New York: Penguin Books, 2004.
24. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition [Text] / Essex: Longman Group Ltd., 1997.
25. LyrixReg URL: http://www.lyricsreg.com
26. MED – Macmillan English Dictionary URL: https://www.macmillandictionary.com/.
27. OLD – English Oxford Living Dictionary URL: https://en.oxforddictionaries.com/

Кобенко Ю. В., г. Томск, Россия

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ СРЕДОВОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИКЕ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические основания средового подхода в эпистемологической парадигме знаний, раскрываются особенности его имплементации в лингвистике и смежных науках, обосновываются его преимущества для развития гуманитарного сектора наук. Главный акцент работы ставится на экстериорное (внешнее) происхождение языка, позволяющую по-новому взглянуть на его природу и сопряжённые с ним процессы и явления.

Ключевые слова: средовый подход, лингвистика, среда, язык.

IMPLEMENTATION OF THE ENVIRONMENTAL APPROACH IN LINGUISTICS AND RELATED SCIENCES

Abstract. The theoretical and methodological foundations of the environmental approach in the epistemological paradigm of knowledge are considered in the article, the peculiarities of its implementation in linguistics and related sciences are revealed, and its advantages are proved for the development of the humanitarian sector of sciences. The main emphasis of the work is placed on the exterior (external) origin of the language, allowing a new look at its nature and the associated processes and phenomena.

Keywords: environmental approach, linguistics, environment, language.

Средовый существует сегодня как подход субординативного (частного) порядка в контексте макронаучного подхода, известного как эволюционизм. Последний понимается как «совокупность теоретических и методологических положений эволюционной теории, используемых в качестве концептуальной модели для научного исследования, интерпретации, оценки и систематизации научных данных, для осмысления гипотез и решения задач, возникающих в процессе научного познания» (Конашкова 2007: 288). Тем самым, научные подходы образуют концентрическую матрицу, где частные подчинены более крупным и обобщены рамкой эпистемологического (рационально-эмпирического) подхода к добычи научного знания.

Эпистемологические координаты средового подхода и автоматически границы его имплементации определяются следующей междисциплинарной фактологией: 1) язык никогда не существует вне среды и одной ею же и ограничен; 2) язык является неотъемлемым атрибутом среды и функционирует как её «цемент»; 3) говорение как признак (*loquens*) приводится в действие (катализируется) исключительно через говорящую среду (Кобенко 2017a, 2017b). Данные факты

имеют самые далеко идущие последствия не только для лингвистики, но и для таких смежных наук, как антропология, педагогика, социология, культурология и философия.

К сожалению, приведённые лингвоантропологические аксиомы сегодня ещё малоизвестны рядовому филологу, увлечённому самодостаточным постструктуралистским творчеством. Особенно сильна инерция в рядах лингвистов и педагогов, настойчиво отстаивающих тезис о «ментальном» (интракорпоральном) происхождении языка и использующих в своих работах расхожие постструктуралистско-альтернативистские термины «концепт», «дискурс», «ментальный лексикон», «компетенция» и т.п. Тем временем междисциплинарно накопленные и верифицированные научные данные позволяют с уверенностью говорить о том, что язык относится не столько к внутренним «ингредиентам» человека, сколько ко внешним.

При такой экстериоризации объекта лингвистики невозможно обойти тезис У.С. Берроуза о том, что «*слово в буквальном смысле – вирус из окружающего пространства, однако его сложно распознать, потому что оно достигло состояния симбиоза с его человеческим носителем*» («*the word is literally a virus from outer space, and that it has not been recognized as such because it has achieved a state of relatively stable symbiosis with its human host*») (Burroughs 1993: 47). Р. Докинз обозначает язык «вирусом мозга» в своей одноимённой статье и выделяет два условия для его передачи (реплицирования) в среде: «*во-первых, готовность аккуратно воспроизводить информацию и, во-вторых, готовность субъекта повиноваться инструкциям, включённым в копируемую информацию*» (Докинз 2005: 5).

Экстериорный характер языка становится тем очевиднее, тем больше лингвисты признаются в том, что система языка – некое виртуальное явление, существующее за пределами черепной коробки отдельного пользователя и даже всей совокупности синхронных пользователей языка синхронно и диахронно. Язык, в особенности литературный, – это долгожитель, который пишет свою собственную историю и наверняка переживёт всех современников, прижизненно пользующимся его средовыми разновидностями (русским, немецким, китайским и т.д.). Система отдельно взятого языка эволюционирует из поколения в поколение, и для этого ей требуются говорящие переносчики – «*hosts*». Язык эволюционирует в нас, а мы эволюционируем благодаря языку – феномен, обозначаемый в науке термином «коэволюция».

Однако язык – не единственный пример «внешних» факторов эволюции. Многие виды изобрели внешнее (внекишечное) пищеварение, помогающее частично или полностью переработать твёрдую пищу для последующего употребления. Внешнее пищеварение встречается, например, у грибов, арахноидов и человека. Желудочно-кишечный тракт последнего не имеет способности перерабатывать сырое мясо (аутолиз), поэтому в далёком прошлом возникла традиция готовить его на огне, а позже из неё развилась целая культурная отрасль – гастрономия – с её изысками и деликатесами.

Итак, язык не является частью человека. Интракорпоральные поиски языка и связанные с этим лингвистические исследования и течения (например, хомскианство) породили тупиковые ветви языкознания, обречённые на забвение (ср.: Кобенко 2018). Мышление говорящих субъектов легко обходится без языковых знаков, если использует инстинктивно-гормональный метод анализа событий как производную висцерального мозга, известного также как лимбическая система (Савельев 2014: 54–55). Рассудочное (неокортекальное) же говорение предполагает менее импульсивный и рефлекторный процесс деанатомизированного и благодаря этому многократно ускоренного синтактико-семантического использования усвоенных языковых знаков для развёрстки логических операций, обозначение которых «когнитивными» представляется предельно необоснованными за неимением у человека «когнитивного» органа. Это и есть ответ на вопрос, почему животные не используют сложные семиотические системы: во-первых, им достаточно инстинктивно-гормонального способа мышления, а во-вторых, у них нет искусственной среды (естественная среда у животных одна – дикая природа).

Как можно видеть, средовый подход не ограничивается одной лишь лингвистикой. Скорее это общая теоретико-методологическая рамка научных дисциплин, так или иначе занимающихся изучением вопросов лингвогенеза и мышления. Это значит, что сюда относятся практически весь спектр эволюционных дисциплин – от астрофизики до биогеноценологии (науке о системах живых организмов и связанных с ними абиотических средах). Лингвистика занимает промежуточное звено в этой дисциплинарной цепи в силу наличия у неё строго очерченного объекта изучения (который, кстати говоря, она делит с аристотелевской (формальной) логикой) – языка.

К сожалению, современная лингвистика декларирует язык как достояние исключительно человеческое, полностью игнорируя тот факт, что понятие «человек» – не биологическое, а

культурологическое, а «первого человека не существовало никогда» (Докинз 2012: 215). Выдающие западные антропологи К.-Ш. Пьеркен де Жамблу и Г. Швидецкий не просто доказали связь человеческого языка с глоссариями-посвистами животных, используемыми в стае (микросреде) (Pierquin de Gembloux 1844: 150–154), но и вклад животных в такие человеческие языки, как древнекитайский, санскрит, немецкий (Schwidetzky 1932). Ныне живущие пользователя «человеческого» языка имеют такое же отношение к нему, как цапли к клюву: клюв у цапель совсем не птичий, ему 160 млн лет, и им обладали ещё динозавры-тероподы, т.е. как признак он существенно превосходит семейство цаплевых (*Ardeidae*); «человеческому» же языку от силы 2,5 млн лет, он зародился предположительно в эпоху плейстоцена и в отличие от клюва, способствующего выживанию птиц как классу, биологическому выживанию вида *homo* в дикой природе никак не способствует (Кобенко 2017: 144–145). Язык достался современникам от предыдущих поколений, тем в свою очередь от гоминидов, архантропов, (ранних) эректоидов и так далее, передаваясь преимущественно через каноны быта, т.е. искусственно, поэтому «человеческим» считать сей продукт коллективного творчества говорящих организмов, по меньшей мере, некорректно.

В педагогике средовый подход уже давно и весьма успешно используется как совокупность педагогических условий (установок, заданностей) для формирования определённых качеств обучаемых / обучающихся, причём качество «*loquens*» (говорение) справедливо рассматривается и формируется на равных с другими, например, обучением игре на фортепиано или плаванью. Данная широта имплементации средового подхода в рамках одной экземплифицированной дисциплины может выступать доказательством его значительных эпистемологических возможностей.

Обратимся к базовым понятиям (антиномиям) средового подхода. Его основатель, веймарский культурфилософ Й.Г. Гердер, обосновал в своём четырёхтомном труде «Идеи к философии истории человечества» („Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“, 1782–1788) культуру как некую «питательную среду» человека и автоматически языка: «Чтобы выжить, человек вынужден был сотворить себе «вторую природу» – искусственно разработанный, адаптированный, дополнительный мир» (Herder 1966: 22). «Купол» человеческой культуры составляет третью часть окружающей среды (наряду с биотической и абиотической природой) и ограждает человека от жёстких факторов естественного отбора. В результате этого начал действовать искусственный отбор, ориентированный на селекцию полезных поведенческих признаков, благоприятствующих развитию популяции. С появлением языка поведенческий контроль был частично переложен на язык (прагматическая функция), хотя последний решает преимущественно задачу «скрепления» («цементирования») среды путём объединения всех членов говорящего коллектива (интегративная функция (Швейцер, Никольский 1978: 22–23)). Агрегация (укрупнение) гердеровской среды привела к дуализму природы *homo loquens*: биологическое происхождение сосуществует с искусственной (культурологической) «привязкой» к среде, для чего обитателям среды необходимо быть «личностями» (*homo ludens*). Биологические индивиды играют поведенческие роли по правилам той или иной средовой разновидности (французской, корейской, конголезской и т.д.) при помощи поступков, совершаемых главным образом через язык (перформативные акты). Для этого им требуется сложная система наименований (картотека головного мозга), обозначаемая постструктуралистами «ментальным лексиконом» и позволяющая сличать и различать процессы, объекты и явления калейдоскопически усложняющейся средовой реальности (номинативная функция). Если генетическая информация передаётся посредством биологической репродукции, то язык, как и другие средовые ингредиенты, распространяется методом репликации, т.е. внегеномно (как информационный вирус), через бытовые и во многом ритуализированные акты говорения. Для того, чтобы участвовать в репликации человек должен был способен порождать речь, т.е. иметь перефункционированные центры *Broca* и *Wernicke*, позволяющие эн- и декодировать информацию, транслируемую посредством акустической волны, и симфонически используемые 14,5 групп мышц для продукции звучащего языка. Именно для тренировки данных анатомических условий, обозначаемым пресловутым соссюровским *langage*, ребёнок проходит средовую «дрессировку» в так называемый сенситивный период (до 12 лет), в который и усваивается тот прожиточный минимум языковых средств, в которых коллективный Хомский ищет «речепорождающий механизм», – разумеется, тщетно. Тем самым, речь – есть индикатор «заражённости» человека средой, ибо, как известно, выросшие и прошедшие сенситивный период *homo ferus* (дети-маугли) вне гердеровской среды при наличии полноценного *langage* самого признака *loquens* (говорения) лишены.

Здесь уместно сделать оговорку, что «заражённый» речью субъект может порождать её вне реальных коммуникативных ситуаций (говорение с самим с собой), что можно рассматривать как некое остаточное явление говорения, её «резидуальный» эффект. Подобное поведение отмечается и у

немых, использующих жестовые знаки для внутреннего диалога наедине (без собеседника). Данные факты позволяют говорить о том, что речевые практики вне среды принадлежат не к языковым, а к психическим процессам, о чём свидетельствуют следующее познание: говорение (локуция) за пределами языкового коллектива не поддаётся нормативному осмыслению (в том числе кодификации) и не может быть передано по каналам социальной коммуникации (не реплицируется).

Среда оказывает на индивидов два типа влияния: 1) недифференцированное (непосредственное), итогом которого будет образование языкового коллектива, и 2) дифференцированное (опосредованное), направленное на взращивание языкового индивида. Непосредственное влияние представляет собой стихийный педагогический процесс, «заражающих» всех особей одними и теми же ингредиентами, в то время как опосредованное предполагает развитие талантов. Содержание среднестатистического представителя языкового коллектива будет коллекционным (социолектным), а языкового индивида – селекционным (идиолектным). Индивидуальное выступает своего рода надстройкой коллективного, его индивидуально значимым продолжением внутри человеческой среды, поэтому быть личностью в среде престижно (Кобенко 2017b: 194).

Безусловно, благодаря воспитательной роли среды, средовый подход успешно реализуется в педагогике. В лингвистической парадигме (помимо постструктурализма) сдерживающих факторов для его имплементации нет, однако автор настоящей статьи столкнулся с совершенно неожиданным контраргументом: люди в экстренных ситуациях (после ударов молнией, травм, различных психических расстройств и т.п.) якобы начинают говорить на иностранных языках.

Хрестоматийным примером дискуссионного свойства выступает случай Аннелизы Михель (1952–1976), уроженки нижнефранконского городка Клингенберг-на-Майне, страдавшей редкой абсансной формой эпилепсии и параноидального психоза. Религиозная индоктринация родителей, заменившая девушке воспитание, послужила причиной обращения за помощью к служителям христианского культа, которые провели над ней в общем 67 сеансов так называемого экзорцизма. Во время таких актов Аннелиза якобы говорила на других иностранных языках, в том числе представлявшихся отправляющим ритуал священникам «потусторонними» (Ney-Hellmuth 2014: 127). Следует подчеркнуть, что для диагностирования «иностранности» языков порой недостаточно даже лингвистического образования, ведь специалист в области германского языкознания вряд ли отличит речь на фарси от речи на урду. В арсенале священников же значилась лишь церковная латынь, точнее ряд заученных фраз вроде «*Hic me dicere Deus!*» (церк.-лат. «И я сказал Богу!») для отправления различных культовых ритуалов. Многие лингвисты встречались с курьёзными случаями парономазии, для создания которой определённая фраза языка L1 произносится при использовании фонетических правил (на манер) языка L2. Тем самым звуковой облик L1 нарочито камуфлируется, ср.: звукокомплексы [maria prɑ̃: pã: teljã: pasɑ̃:] и [arxam azəlʊ m] имеют звуковой облик французской и соответственно турецкой речи, но на самом деле являются фразами украинского (*Марія пре, пан теля пасе*) и английского (*Arkham Asylum*) языков. Аннелиза Михель, подверженная вместо должного лечения актам средневекового экзорцизма, умерла от истощения и обезвоживания. Данные состояния уже сами по себе отягощены галлюцинациями и бредом, уже не говоря о симптомах указанных выше расстройств. Артикулируемая ослабленной девушкой речь могла напомнить священникам слова неведомых, но не иностранных языков, о чём свидетельствует запись диалогов Аннелизы и пасторов Эрнста Альта и Арнольда Ренца во время актов экзорцизма (http://www.anneliese-michel.com/Kassetten/kassette.htm). Следовательно, научно доказанных случаев говорения на незнакомых человеку языках на данный момент не существует, что позволяет признать средовый подход валидным и полностью пригодным для имплементации.

Почему указанный подход в настоящей (пастеровской, интернациональной) науке почти наверняка вытеснит все остальные? Научные подходы опираются на теоретические конструкты как идеализированные модели реальности, позволяющие интерпретировать реально существующие процессы, явления, объекты с учётом максимального количества конституирующих их фактов. В основании средового подхода лежит опыт, накопленный рядом наук эволюционного цикла: палеоневрологией, нейробиологией, этологией, социологией, антропологией и т.п., а значит, положения и понятийный аппарат предлагаемого теорконструкта прошли междисциплинарную апробацию. Сегодня средовый подход выступает своего рода «защитным клапаном» от угрожающе разросшегося постструктурализма, зиждущегося главным образом на мистификации природы языка и связанных с ним явлений. Завершить рассуждения уместно фразой цитатой В.П. Даниленко, ставшей крылатой в отечественной антрополингвистике: «*Движение знания к объективной истине, в первую*

очередь, зависит от наличия в сознании его носителей единственно верного мировоззрения – эволюционизма. Именно эволюционизм позволит человечеству выжить» (Даниленко 2015: 16).

Библиографический список

1. Даниленко В. П. От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику [Текст] / В. П. Даниленко. СПб.: Алетейя, 2015.
2. Докинз Р. Величайшее шоу на земле. Доказательства эволюции [Текст] / Р. Докинз. М.: Астрель, 2012.
3. Докинз Р. Вирусы мозга [Текст] / Р. Докинз // Химия и жизнь. № 10. 2005.
4. Кобенко Ю. В. Язык и среда: перспективы средового похода в лингвистике [Текст] / Ю. В. Кобенко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2(16). 2017a. С. 32–44.
5. Кобенко Ю. В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований [Текст] / Ю. В. Кобенко. Томск: НИ ТПУ, 2017b. 214 с.
6. Кобенко Ю. В. Критическое осмысление подходов к интракорпоральному поиску языка URL: http://www.rgf.kemsu.ru/Content/userfiles/files/documents/2017-2018/conf/ling/Kobenko_Yu. pdf.
7. Конашкова А. М. Эволюционный подход в науке [Текст] / А. М. Конашкова // Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник. Екатеринбург: УрГУ, 2007. С. 288-291.
8. Савельев С. В. Нищета мозга [Текст] / С. В. Савельев. М.: Веди, 2014.
9. Швейцер А. Д. Введение в социолингвистику [Текст] / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. М.: Наука, 1978.
10. Burroughs W. S. The adding machine: Selected essays [Text] / W. S. Burroughs. NY: Arcade Publishing, 1993.
11. Herder J. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit [Text] / J. G. Herder. Darmstadt: Melzer, 1966.
12. Ney-Hellmuth P. Der Fall Anneliese Michel [Text] / P. Ney-Hellmuth. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2014.
13. Pierquin de Gembloux C.-Ch. Idiomologie des animaux ou recherches historiques, anatomiques, physiologiques, philologiques, et glossologiques sur le langage des bêtes [Text] / C.-Ch. Pierquin de Gembloux. Paris: A La Tour De Babel, 1844.
14. Schwidetzky G. Schimpansisch, Urmongolisch, Indogermanisch [Text] / G. Schwidetsky. Leipzig: Verlag der Deutschen Gesellschaft für Tier- und Ursprachenforschung, 1932.

Коваленко Г. Ф., г. Хабаровск, Россия

КОГНИТИВНЫЙ АТТРАКТОР КАК ФАКТОР, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Аннотация. В данной статье стилистическая конвергенция рассматривается в рамках лингвосинергетического и когнитивного подходов. Исследование поэтических текстов современных британских поэтов Кэрол Энн Даффи и Энн Стивенсон выявляет текстовые пространства стилистической конвергенции, в основе формирования которых лежат когнитивные механизмы сравнения и метафоры, построенные по типу переноса на основе подобия, схожести. Это дает нам основание предположить, что смысловое развитие рассматриваемых нами текстовых конвергированных пространств, отражающих данные когнитивные механизмы, определяется когнитивным аттрактором «уподобление».

Ключевые слова: стилистическая конвергенция, когнитивный аттрактор, когнитивные механизмы, метафора, сравнение, поэтический текст.

COGNITIVE ATTROCTOR AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF STYLISTIC CONVERGENCE IN THE TEXT

Abstract. The paper deals with the lingua-synergetic and cognitive aspects of stylistic convergence. The research of the poetic texts by the contemporary poets Carol Ann Duffy and Anne Stevenson shows that the converged textual places can be built on the cognitive mechanisms of metaphor and comparison. These mechanisms reveal the transference on the basis of likening and assimilation. It gives us the reason to conclude that the sense development of the analyzed converged texts based on the cognitive mechanisms of metaphor and comparison is determined by the cognitive attractor “assimilating”.

Keywords: stylistic convergence, cognitive attractor, cognitive mechanisms, metaphor, simile, poetic text.

В последние годы наблюдается стремительный рост синергетических исследований в области языкознания, получивший название «лингвосинергетика». Обращение к синергетическим понятиям, по мнению исследователей, позволяет доказать, что в открытом нелинейном пространстве дискурса процесс формирования дискурсивных структур строится по принципу фрактального подобия,

обеспечивающего самоподобную связь частей дискурса друг с другом (Олизько 2009, Мамонова 2015). Фракталы дают чрезвычайно компактный способ описания объектов и процессов. Однако малоизученным аспектом лингвосинергетики является фрактальность текстового пространства, в том числе конвергированного пространства текста.

Основываясь на фрактальности дискурса, следует предположить, что текстовое пространство стилистической конвергенции, под которой понимают «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, выполняющих одну стилистическую функцию» (Арнольд 2002: 100), строится по принципу фрактального подобия (Коваленко 2017). В текстовом пространстве происходит не просто схождение элементов стилистической конвергенции, а их объединение в целостный комплекс, в механизм. Такая «встреча» элементов заставляет задуматься об общих основаниях их схождения и объединения в том или ином пространстве текста. Будучи использованными в одном контексте, они разыгрывают игру тождества / различия, притяжения / отталкивания. В какой-то степени они есть, выражаясь словами Т. П. Карпухиной, «родственники-соперники». С одной стороны, они делятся частью своей семантики, с другой стороны, они состязаются, выясняя, кто из них весомее и оригинальнее (Карпухина 2006: 88).

В данной работе мы изучаем процессы фрактальной организации текстового пространства стилистической конвергенции и его смысловое развитие под действием когнитивного аттрактора. Работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода, основывающегося на достижениях когнитивной лингвистики, стилистики и лингвосинергетики.

Весь смысл когнитивного подхода заключается <…> в постоянном соотнесении разных форматов знания с языковыми формами, их объективирующими (Кубрякова 2009: 12). «Когнитивный» подчеркивает, что в фокусе исследовательских интересов – внимание к ментальному плану, к когнитивным процессам» (Тарасова 2012: 420). На современном этапе идиостиль рассматривается через взаимодействие мыслительных и языковых феноменов, как единство ментального и языкового уровней в структуре творческой личности создателя текста. «Поэтический идиостиль должен рассматриваться через взаимодействие мыслительных и языковых феноменов, от концептов и когнитивных структур авторского сознания – к вербальным средствам их воплощения» (Тарасова 2012: 420).

Согласно синергетической теории, в становлении самоорганизующейся системы важную роль играет семантический аттрактор. Семантический аттрактор можно представить как доминантный смысл текста, который притягивает и структурирует смыслы вокруг себя (Хайдарова 2011). Помимо семантического аттрактора в текстовом пространстве стилистической конвергенции мы считаем необходимым выделить такой вид аттрактора, как когнитивный, под влиянием которого происходит «сборка / рост» фрактала. Образно данный процесс можно сравнить с тем, как отдельные ручейки сливаются в более крупные потоки, затем в реки, постепенно образуя единую фрактальную структуру. Основные структурные «мотивы» возникают на ранних этапах развития, далее они усиливают свое влияние, проявляясь как организующий принцип. Подобно тому, как главенствующий структурный принцип проявляется в планировке города, так и когнитивный аттрактор проявляется в «планировке» текстового пространства стилистической конвергенции.

При формировании текстового пространства стилистической конвергенции используются определенные когнитивные механизмы, которые, по словам исследователей, отражают схемы работы человеческого сознания, дают представление о способах анализа, структурирования <…> конкретных смыслов. При этом под когнитивными механизмами понимают способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур (Маслова 2012).

В данной работе мы рассмотрим текстовые пространства стилистической конвергенции, в формировании которых особую значимость приобретают когнитивные механизмы метафоры и сравнения, образуя смысловые звенья, узлы в их концептуальной структуре. Исследователи отмечают обусловленность текстообразующей функции метафоры ее способностью быть мотивированной, развернутой, т.е. объясненной и продолженной. Текстообразующая функция метафоры реализуется через концептуализующую, которую выполняет когнитивная метафора (Харченко 1992). Метафора создается путем «предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта» (Арутюнова 1999: 357). Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути (Лакофф 1990: 387). Это проявляется в нашей способности думать об одной ментальной области через призму другой и обнаруживать подобное – способности, проявляющей суть процесса метафоризации, когда из области-источника в область мишень переносятся те когнитивные структуры, в терминах которых представляются наши знания, относящиеся к области-источнику (Рикер 1995: 387). В свою очередь, когнитивная модель образного

сравнения отражает когнитивную операцию интерпретации объекта сравнения посредством когнитивной операции сравнения, т.е. попытку выявить понимание объекта интерпретации говорящим / наблюдателем (Гольдберг 2012: 647).

Языковые структуры метафоры и образного сравнения базируются на когнитивных механизмах метафоры и сравнения, в основе которых лежит перенос представлений о некоторой эмпирически наблюдаемой области на другую область, чаще всего абстрактную, на основе схожести, уподобления. «Уподобление есть не что иное, как <…> внезапное обнаружение нового родового сходства разнообразных идей» (Рикер 1995: 73). Акцентуация связи ментального и вербального позволила нам выделить когнитивный аттрактор «уподобление» на основе когнитивных механизмов метафоры и сравнения, базовых механизмов, образующих неразрывное единство с вербальной системой текстового пространства стилистической конвергенции. Под когнитивным аттрактором текстового пространства стилистической конвергенции мы понимаем обладающий креативным потенциалом смысловой стержень, определяющий смысловое развитие и взаимодействие элементов стилистической конвергенции и содержащий внутренний алгоритм интерпретации в соответствие с когнитивными механизмами, лежащими в основе формирования ее пространства.

Материалом данного исследования послужили поэтические тексты современных британских писателей. Обратимся к стихотворению Кэрол Энн Даффи “Valentine”, посвященному традиции дарить подарки любимым в день Святого Валентина. Героиня выбирает необычный подарок – луковицу:

Not a red rose or a satin heart. // I give you an onion. / It is a moon wrapped in brown paper. / It promises light / like the careful undressing of love. // Here. / It will blind you with tears / like a lover. / It will make your reflection / a wobbing photo of grief. // I am trying to be truthful. // Not a cute card or a kissogram, / I give you an onion. / Its fierce kiss will stay on your lips, / possessive and faithful / as we are / for as long as we are. // Take it. / Its platinum loops shrink to a wedding-ring, / if you like. // Lethal. / Its scent will cling to your fingers, / cling to your knife (Duffy 2003: 181-182).

Рассмотрим метафору, в которой абстрактное понятие *love* проясняется через конкретное *an onion*: *I give you an onion. / It is a moon wrapped in brown paper. / It promises light / like the careful undressing of love.* Сопоставление осуществляется по когнитивному признаку «форма». Метафорический перенос взаимодействует с образным сравнением *It promises light / like the careful undressing of love*, где первая часть поясняет основание для сравнения луковицы с луной (*light – that which makes things visible* [Hornby 1988: 491]). Взаимодействие концептов “onion”, “moon” и “love” обусловлено действием когнитивного аттрактора «уподобление».

Обратимся к следующему контексту: *I give you an onion. / Its fierce kiss will stay on your lips, / possessive and faithful / as we are / for as long as we are.* В основе метафорической модели *the taste of the onion is the kiss of the lovers* лежит перенос представлений о том, что вкус луковицы долго «не расстается с нами», подобно страстному поцелую, который долго остается на губах влюбленных. Этот смысл поддержан в строках *Its scent will cling to your fingers, / cling to your knife.*

Смысл “an onion has much in common with love” тиражирован в образном сравнении *It will blind you with tears / like a lover. / It will make your reflection / a wobbing photo of grief.* Основание для образного сравнения не выражено эксплицитно, однако оно восстанавливается в результате профилируемых характеристик событийного контекста. Энциклопедическое знание о том, что любовь может причинять боль, страдание, позволяет предположить, что профилируется характеристика “love often brings tears”. Данная характеристика и есть основание для сравнения слез во время разрезания луковицы со слезами, которые приносит несчастная любовь.

Метафорический перенос *Its platinum loops shrink to a wedding-ring, / if you like* также поддерживает смысл “*pointing out the likeness of an onion to love*”. Кольца лука напоминают обручальные кольца.

Таким образом, текстообразующую функцию в текстовом пространстве стилистической конвергенции в стихотворении “Valentine” выполняют метафоры и образные сравнения, объективирующие смысл “an onion can be likened with love”. Данный смысл является семантическим аттрактором, обусловливающим взаимодействие компаративных тропов на языковом уровне. На ментальном уровне семантический аттрактор представлен когнитивным аттрактором «уподобление», обусловливающим взаимодействие когнитивных механизмов метафоры и образного сравнения.

Перейдем к стихотворению Кэрол Руменс “Lullaby for a First Child”, которое представляет собой монолог матери, которая кормит грудью своего новорожденного младенца. Они находятся в родильном доме, поэтому у ребенка бирка на руке с его именем:

This timid gift I nurse / as one clear thing I can do. / I am new and history-less / as the name on your wrist, as you. / But flesh has stored a deep kindness / ready to welcome you. / Take it, a little silver / into your small purse. / There it will gather interest / - the warm, bright weight of you (Rumens 2003: 156-157).

Поэтесса использует весьма необычную метафору: отношения между матерью и ребенком характеризуются с помощью понятий, заимствованных из финансовой сферы (Hewitt 2003: 157). Метафорично материнское молоко названо серебряной монетой (a little silver), а рот младенца – маленьким кошельком (small purse). Подобно тому, как хорошо вложенные деньги дают прибыль, молоко помогает расти и набирать вес ребенку.

Смысловое развитие пространства стилистической конвергенции определяется когнитивным аттрактором «уподобление», который «притягивает» смыслы, выраженные на языковом уровне метафорами (*timid gift, a little silver, small purse, gather interest*) и образным сравнением (I *am new and history-less / as the name on your wrist*). В стилистике метафора и сравнение являются средствами художественной выразительности, основными механизмами вербализации авторского замысла, в когнитивном аспекте – метафора и сравнение – это когнитивные механизмы формирования смысла. Понятия «материнская забота», «ребенок», «кормление младенца» объясняются через ассоциативно-образное сравнение с объектами окружающего мира. Суть метафоры и образного сравнения как свернутой метафоры – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф 2004: 27).

Далее проанализируем стихотворение Энн Стивенсон “The Victory”, которое также посвящено рождению ребенка:

I thought you were my victory / though you cut me like a knife / when I brought you out of my body / into your life. // Tiny antagonist, gory, / blue as a bruise. The stains / of your cloud of glory / bled from my veins. // How can you dare, blind thing, / blank insect eyes? / You barb the air. You sting / with bladed cries. // Snail. Scary knot of desires. / Hungry snarl. Small son. / Why do I have to love you? / How have you won? (Stevenson 2003: 80-81).

Поэтесса передает неожиданную самостоятельность и требовательность появившегося на свет малыша с помощью ряда сравнений (*you cut me like a knife; gory, blue as a bruise*) и метафор, заимствованных из мира животных (*blind thing, blank insect eyes, snail, hungry snarl*) и из военной сферы (*my victory, tiny antagonist, cloud of glory, barb the air, sting with bladed cries, scary knot of desires*). Компаративные тропы конкретизируют такие признаки, связанные с восприятием новорожденного малыша, как: «непривлекательный вид», «пронзительный крик», «рождение ребенка в боли». Сравнение и метафора как когнитивные механизмы являются механизмами конкретизации ощущений молодой матери. Областями-донорами являются области «мир природы», «мир человека». Фактором, определяющим смысловое развитие в конвергированном текстовом пространстве, является когнитивный аттрактор «уподобление», именно принцип уподобления обеспечивает самоподобную связь частей текстового пространства стилистической конвергенции, компаративных тропов, в основе которых лежат когнитивные механизмы сравнения и метафоры.

Таким образом, в текстовом пространстве стилистической конвергенции, где механизмами формирования смысла выступают метафора и сравнение, важным фактором текстообразования и смыслового развития является когнитивный аттрактор «уподобление», выступающий «генератором» фрактала, который можно сравнить с неким силовым полем, притягивающим смысловые звенья и придающим целостность плюрализму образных отражений.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык [Текст] / И. В. Арнольд. М.: Флинта; Наука, 2002.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Гольдберг В. Б. Функциональная, языковая и когнитивная модели образного глагольного [Текст] / В. Б. Гольдберг // Когнитивные исследования. Москва – Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 645-651.
4. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры: монография [Текст] / Т. П. Карпухина. Хабаровск: ДВГГУ. 2006.
5. Коваленко Г. Ф. Фрактальность пространства стилистической конвергенции в поэтическом тексте (на материале поэзии Рональда Стюарта Томаса) [Текст] / Г. Ф. Коваленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч.1. С.129-132.
6. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения [Текст] / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. 2009. No. 4. С.5-12.
7. Лакофф Д. Когнитивная семантика [Текст] / Д. Лакофф // Язык и интеллект. М., 1995. С. 143-185.

8. Мамонова Н. В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса (на примере концепта «WELFARE» [Текст] : дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Мамонова. Челябинск, 2015.
9. Маслова Ж. Н. Проблемы разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций [Текст] / Ж. Н. Маслова, Е. А. Попова // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ; Рос. акад. наук; Ин-т языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Москва. Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С.80-84.
10. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе [Текст] : дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н. С. Олизько. Челябинск, 2009.
11. Рикер П. Живая метафора [Текст] / П. Рикер. М.: Академия, 1995.
12. Тарасова Л. В. Когнитивные исследования языка [Текст] / Л. В. Тарасова // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ; Рос. акад. наук; Ин-т языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Москва. Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С.420-429.
13. Харченко В. К. Функции метафоры [Текст] / В. К. Харченко. Воронеж, 1992.
14. Хайдарова В Ф. Становление лексико-фразеологического корпуса интернет-языка как синергетический процесс [Текст] : дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / В. Ф. Хайдарова. Магнитогорск, 2011.
15. Duffy C. A. Valentine [Text] / C. A. Duffy // Hewitt K., Ganin V. An Anthology of Contemporary English Poetry. Oxford: Perspective Publishes Ltd., 2003.
16. Hewitt Karen An Anthology of Contemporary English poetry [Text] / K. Hewitt, V. Ganin. Oxford: Perspective Publishes Ltd., 2003.
17. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / A. S. Hornby. Oxford: University Press, 1988.
18. Rumens C. Lullaby for a First Child [Text] / C. Rumens // Hewitt K., Ganin V. An Anthology of Contemporary English Poetry. Oxford: Perspective Publishes Ltd., 2003.
19. Stevenson A. The Victory [Text] / A. Stevenson // Hewitt K., Ganin V. An Anthology of Contemporary English Poetry. Oxford: Perspective Publishes Ltd., 2003.

Левицкий А. Э., г. Москва, Россия

ОСНОВЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье доказывается, что перед началом процесса межкультурной коммуникации её участники должны быть готовы избежать нежелательной интерференции родного языка и иностранного, на котором будет обеспечиваться процесс общения. Для этого необходимо рассмотреть сходные и отличительные черты данных языков, например, русского и английского. Сопоставление следует проводить на всех уровнях языковой структуры (фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом).

Ключевые слова: сопоставление языковых данных, межкультурная коммуникация, интерференция, языковая компетенция, лингводидактика.

BASES FOR THE COMPARISON OF LANGUAGE DATA IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The paper proves that while starting the process of intercultural communication one should be ready to avoid the interference of the mother tongue and the foreign one to be the medium of intercourse. Taking into consideration the common and divergent features of those languages seems to be important. Languages should be compared on every structural level (phonetic, morphological, lexical and syntactic).

Keywords: language data comparison, intercultural communication, interference, language competence, language teaching.

Одной из важных целей обучения иностранным языкам является подготовка обучающихся к процессу межкультурного общения. Последнее время в русле лингводидактической технологии «Диалог культур» на передний план выходит задача формирования межкультурной компетенции в школьной и вузовской аудиториях. К сожалению, несколько на второй план стали отходить проблемы языковой готовности обучающихся к осуществлению межкультурного общения. Именно поэтому считаем целесообразным обратить внимание на необходимость усиления роли сопоставления языковых данных в учебном процессе. Такое сопоставление должно проводиться на всех уровнях языковой структуры. Предметом сопоставительного анализа могут быть отдельные явления в двух языках. Основными задачами данного подхода, таким образом, становятся: выявить сходные и

отличительные явления в использовании языковых средств; определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания преподавателя при одном лишь «внутреннем» изучении языка; предвидеть и преодолеть нежелательную интерференцию, а также создать надежную лингвистическую базу для преподавания иностранных языков с ориентацией на межкультурное общение. Выявляя национально-специфические элементы в сопоставляемом языковом материале, обучающиеся обращают внимание на национально-культурный аспект разноуровневых единиц языка в их функционировании как в области фонетики, так и лексики, морфологии и синтаксиса.

Язык рассматривается как инструмент проникновения в ментальность, а, следовательно, и ключ к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид. Язык при этом не просто отражает духовный мир человека и его культуру. Одна из его важнейших функций – аккумулятивная заключается в сохранении культурного наследия, в передаче гуманитарного достояния народа от поколения к поколению (Тер-Минасова 2004: 100). Поэтому отношение к иностранному языку как к сокровищнице чужой культуры, которую мы можем и должны активно использовать в межкультурном общении, позволяет понять опыт предыдущих поколений – носителей иной культуры, а, с другой стороны, четче увидеть себя как часть своего родного этнокультурного сообщества, осознать присущую ему систему ценностей.

Очевидно, в этой связи в последнее время активизировались исследования в кросс-культурном и межкультурном аспектах. Рассмотрение языковых и этнокультурных данных в кросс-культурном ракурсе позволяет преподавателю сконцентрироваться на сопоставлении отобранного материала для выведения сходных и отличительных черт. Таким образом, речь идёт о создании «портретов» языка и культуры определённого этноса на основе выявления их наиболее значимых свойств. В то же время, изучение особенностей «поведения» языков и культур в процессе их контактного взаимодействия, т. е. в ходе межкультурной и межъязыковой коммуникации таит в себе огромные перспективы для учебного процесса. В этом смысле значительную методологическую помощь содержат книги, раскрывающие суть межкультурной коммуникации представителей различных этнокультурных образований в процессе обмена информацией. На передний план выходит культура перекрёстков (Тер-Минасова 2007) как поиск оптимальных путей реализации в процессе обеспечения межъязыкового, межнационального, межличностного и шире – межкультурного общения. Обучающиеся должны уяснить, что мало быть понятым, надо быть правильно понятым до мельчайших нюансов, чтобы информация, поданная как эксплицитно, так и имплицитно, была однозначно и адекватно декодирована.

Для действенности процесса взаимопонимания представителей разных культур необходимо владение как родным, так и иностранным языками. Именно языки содержат в себе информацию о восприятии мира каждым конкретным этносом. Вот почему в межкультурной коммуникации язык следует понимать как средство общения, которое предназначено для обеспечения взаимопонимания участников коммуникации.

В данном смысле учебный процесс напоминает социализацию и инкультурацию индивида в обществе, когда человек усваивает определенные особенности отражения окружающего мира (Садохин 2004: 140), присущие тому этнокультурному сообществу, в котором он живет. Учтем, что на начальных стадиях становления личности язык в жизни ребенка играет большую роль в развитии и закреплении этих особенностей видения мира и себя в нем, а впоследствии язык дает индивиду возможность преобразовывать окружающую действительность, изменять свое место в нем. Затем же преобразовательская деятельность в материальной сфере находит свое отражение и в языке. «Каждый человек, говорящий или пишущий на родном языке, повторяет уже готовые структуры, подражая миллионам носителей этого языка …, черпая из сокровищницы своего языка опробованные в неисчисляемом количестве речевых актов, признанные и регулярно употребляемые словосочетания, и одновременно творит язык» (Тер-Минасова 2004: 110). Немаловажную роль при этом играют «стандарты коммуникации» (Прохоров 2006: 27), поскольку они имеют социальную окраску и позволяют нам оценивать и интерпретировать окружающий мир. В ходе же интеракции с носителями другой культуры мы получаем новую информацию, узнаем об иных шаблонах коммуникативного поведения, а также нехарактерных для нас способах вербализации знаний о мире. В процессе межкультурной коммуникации мир для человека расширяется, и он, с одной стороны, осознает, что существует СВОЕ и ЧУЖОЕ, а, с другой, - пытается познать ЧУЖОЕ, которое выступает для него НОВЫМ, а потому интересным. Безусловно, в подобной ситуации четче видится СВОЕ, а это позволяет подкорректировать некоторые детали, которые со стороны кажутся невыигрышными, но ЧУЖОМУ / НОВОМУ уделяется все же больше внимания. Учтем также, что межкультурная

коммуникация, т. е. общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам, представляет собой взаимодействие «говорящих сознаний» (Гудков 2003: 10). Именно поэтому мы уделяем внимание не только передаваемому смыслу, но и форме, в которую он облечен, т. е. языковой оболочке. Использование языка в качестве основного средства общения предполагает, что каждому слову или высказыванию придается специальное, только ему свойственное значение. Следовательно, процесс межкультурной коммуникации осложняется различным соотношением вербальных элементов в общении представителей разных культур (Садохин 2004: 140 – 141). Интерес к НОВОМУ, в данном случае, выступает стимулом к разного рода влияниям, особенно, если они более четко и однозначно передают особенности новых предметов или явлений (например, терминологические единицы). Однако существуют и случаи, когда иноязычное влияние вызывается не отсутствием лексической единицы, обозначающей определенную реалию, а стремлением перенять форму подачи вербализованной информации. Зачастую делается это для стремления сфокусировать внимание читателя / слушателя, что делает данный процесс эффективным и эффектным одновременно.

Система языка – это совокупность его элементов и отношений между ними. Язык как средство общения основывается на различиях в плане выражения (звуки, мелодика, письмо) и в плане содержания (значение слов и грамматических форм). Всякий язык использует лишь некоторые из возможных оппозиций: усеченные/неусеченные гласные (в английском языке), палатализированные / непалатализированные согласные (в русском языке) и т.д. Расхождения в области системы могут быть следующими: а) в одном из языков отсутствует категория, свойственная другому языку, например, отсутствие носовых фонем в русском и их наличие в английском языке; б) внутри одной и той же категории членение может быть различным, например, на оси времени в русском языке есть три зоны (настоящего, прошедшего и будущего), а в английском языке выделяется еще и Future-in-the-Past; в) сопоставляемые категории не совпадают по объему значения и употребления, например, *трудно*: *hard, difficult*.

Итак, сравнительная типология связана с методикой преподавания в процессе выявления интерферирующих языковых средств (см. подр. Левицкий 2005). Изучение интерференции входит в сферу сравнительного изучения систем языков в связи с выявлением дифференциальных признаков фонологической, лексической и грамматической систем, с вопросом о необходимости использования родного языка в процессе преподавания иностранного. С теоретической точки зрения изучение интерференции в сопоставительном плане связано с установлением типологического изоморфизма и алломорфизма. С практической точки зрения такое изучение может помочь в выявлении ошибок, возникающих вследствие влияния системы родного языка на систему соответствующих уровней иностранного языка и наоборот (особенно на начальном этапе преподавания иностранного языка, так как у обучающихся навыки правильного употребления иноязычных системных единиц еще не выработаны и тем более не автоматизированы).

В области фонетики необходимо обратить первостепенное внимание на артикуляцию звуков, их взаимодействие в потоке речи, ударение и интонацию. Среди разрабатываемой в настоящее время общей теории интонации проблема постановки главного фразового ударения занимает важное место. При изучении иностранного языка в условиях интерференции особую важность приобретает проблема выбора интонационного центра во фразе. Ввиду недостаточной разработанности проблемы выбора главного ударного слова, студенты не изучают правила постановки главного фразового ударения в английской речи, что приводит к появлению многочисленных ошибок. Неверный выбор интонационного центра может быть объяснен следующими причинами: интерферирующим влиянием родного языка студентов; языковой некомпетентностью, то есть незнанием студентами некоторых правил интонирования английской речи; недостаточной внимательностью студентов при осмыслении читаемых микродиалогов.

В области лексики в целях преодоления интерференции следует обращать внимание на объем лексического значения слов, на их валентность и частотность употребления в родном и иностранном языках. Одной из задач изучения иностранного языка является формирование пассивного словаря, состоящего из единиц, активно в речи не употребляемых, но без труда узнаваемых и идентифицируемых в тексте. Большая часть этого словаря состоит из слов латинского происхождения или образованных с использованием латинских формантов. Любое слово для того, чтобы стать достоянием носителя языка, должно быть включено в индивидуальный лексикон, увязано с другими единицами разных уровней разнообразными ассоциациями. Обучающиеся, как правило, опираются на сходство звукобуквенного комплекса в английских и русских словах, семантически не связанных

друг с другом. Это ведет к формированию ненужных ассоциативных связей, «засоряющих» ассоциативное поле слова.

В грамматике необходимо обращать внимание на порядок слов, реализацию грамматических категорий, их состав, способы выражения и частотность их использования. В словообразовании – на способы словообразования, области применения, значение отдельных элементов и частотность их использования. Во фразеологии – на значение фразеологических единиц, их принадлежность к стилям речи, количественную характеристику состава и зависимость компонентов между собой. В стилистике – на инвентарь и количественное соотношение компонентов различных функциональных стилей.

Необходимо использовать изоморфные явления в процессе преподавания, в первую очередь, для экономии времени (напр., для объяснения функций членов предложения и частей речи). Для усвоения изоморфизма желательна визуальная коммуникация (чтение про себя), письменная коммуникация (перевод на родной язык), слуховая коммуникация (просмотр фабульных фильмов).

Однако, прежде всего, необходимо обращать внимание учащихся на алломорфные черты. Они наиболее эффективно тренируются в репродуктивных упражнениях. Именно учет алломорфных черт систем языков позволяет избежать интерференции, т.е. переноса дифференциальных черт родного языка на язык изучаемый. Для предупреждения нежелательной интерференции на лексическом уровне продуктивны: а) переводные упражнения; б) анализ контекстного окружения; в) упражнения программированного типа; г) упражнения со средствами наглядности; д) упражнения на базе синонимов.

При этом большую значимость играет определение роли и места родного языка при обучении иноязычному общению. Система родного языка служит своеобразным языком-субстратом, который не может не оказывать влияния на изучаемый иностранный язык. При обучении иностранному языку, когда создается искусственное двуязычие (билингвизм), субстрат тоже искусственный. Такой своеобразный субстрат проявляется на каждом из языковых уровней.

Задачей сравнения является раскрытие влияния неидентичных средств выражения родного языка на систему иностранного языка. К ним относятся общие (типологические) и частные (случайные) признаки неидентичности (т.е. ошибки). Случайные ошибки индивидуальны, они возникают в результате незнания какого-то конкретного иноязычного материала. Их устранить легко, достаточно лишь ознакомить учащихся с этим материалом лучше. Типологические же ошибки сходны для тех лиц, у кого один и тот же родной язык, и объясняются они не незнанием материала, а интерференцией родного языка обучающихся.

Вообще, ошибка – нарушение основных норм языка, противоречащее системе языка в целом. В результате ошибок затрагиваются дифференциальные оппозиции и нарушается смысл высказывания. Нарушения в узуальной норме можно скорее назвать погрешностями, поскольку явного нарушения смысла не происходит, дифференциальные оппозиции не затронуты. Узуальные погрешности таковы: а) нарушения в стилистическом использовании лексики: *The President told (declared)*…; б) нарушения частотной нормы: высокая частотность атрибутивных существительных в качестве адъюнкта и превалирование пассивных конструкций (в русском языке эти явления не так активны); в) нарушения в ситуативном использовании лексики, т.е. в данной конкретной ситуации англичанин сказал бы не так, например, *I must be off* в ситуации, когда гость находится в гостях, но ему нужно уходить по своим делам; повышающаяся интонация при обслуживании посетителей; г) нарушения в области использования невербальных аспектов коммуникации, напр., первым заговаривает работник сферы обслуживания (напр., парикмахер, портье), а затем – посетитель; надо улыбаться, выполняя такие обязанности.

Нарушения в узуальной норме необходимо прогнозировать, но устранять их нелегко. Поэтому на начальном этапе обучения языку необходимо обращать внимание на изоморфные, а также алломорфные черты, которые особенно характерны. На среднем этапе обучения иностранному языку желательно обратить внимание на частичноподобные черты. На старшем этапе в слабых группах достаточно ограничиться знаниями, умениями и навыками на уровне нормы языка, а в продвинутых группах, на факультативах – уделить внимание речевой норме изучаемого языка. Для работы по искоренению узуальных погрешностей возможно поставить учащихся в экстремальные условия: синхронный перевод, озвучивание телепередачи или видеофильма.

Непереоценима и роль сравнительной типологии в процессе формирования речевой и лингвокультурной компетенции у изучающих английский язык. Ситуативное использование тех или иных лексических и синтаксических единиц, интонации, средств невербальной коммуникации в ролевых играх, инсценизации микродиалогов и комментировании видеофильмов позволяет

выработать у студентов устойчивый стереотип речевого поведения, который снимет проблемы в процессе межкультурной коммуникации. Студенты и школьники должны иметь полную информацию о социальной и межнациональной ситуации в стране изучаемого языка и быть подготовленными к участию в межкультурной коммуникации без агрессии и унижения собеседников, в частности, в ходе общения с представителями иных этнических, гендерных, возрастных и социальных групп. Будучи вовлеченными в коммуникативную деятельность в качестве ее активного компонента, новообразованные междометия приобретают некоторые качества, характерные для знаменательных единиц. Процесс декодирования сообщения, состоящего из междометий, может быть адекватен только с учетом всего речевого контекста, а также социальных и лингвокультурных особенностей носителей языка. Несмотря на примерное соответствие концептуальных картин мира у людей, разговаривающих на разных языках, значительные отличия в языковых картинах мира фиксируются в полном объеме на примере междометий: ср. русск. *Открыл Америку!* и англ. *Queen Ann is dead*!, русск. *Дудки*! и англ. *Rabbit*!

Междометия, используемые для установления, завершения или поддержания акта коммуникации, способны выражать главные и второстепенные прагматические значения в высказывании. Отметим также важность данных языковых единиц в выражении вежливости или создания атмосферы доверительного общения, имеющих значительную прагматическую ценность для акта коммуникации, а также их национально-культурную маркировку. Этой цели служат и клишированные формы коммуникации (напр., *It's (very) good/kind of you!, – Как мило с Вашей стороны!, How are you keeping?*).

Поскольку междометия играют важную роль в реализации языковой компетенции, они, а также иные единицы языка в функции междометий, используются в целом ряде речевых ситуаций для выражения: а) согласия/несогласия (*Решено!, Замётано!, Agreed!, Shake!, Put it there!, No deal!*); б) побуждения, команды, призыва (*Давай!, Вперёд!, Stop it!, Come!*); в) различных оценок сказанного собеседником: восхищения (*Браво!, Good heavens!*), удовольствия (*Кайф!, Baby!, Boy!, Hey!, Hotcha!, Man!*), удовлетворения (*Важно!, Everything's cool!, Righto!*), одобрения (*Лучше некуда!, All the way!, Bless you!, Too Irish stew!*), отсутствия интереса (*Какая разница!, I don't care!, Big deal!*), удивления, недоумения, изумления (*Вот те на!, Oh, my!*), обеспокоенности (*Come off it!, Don't get funny!*), разочарования (*Худо!, My stars and garters!*), негодования (*Ёлки-палки!, Ты в своем уме!, This is a nice how-do-you-do!*), неодобрения (*Только подумай!, Stuff and nonsense!*), неудовольствия (*Здрасьте!, Drop dead!, Fiddlesticks!, Fooey!, What's the big idea?, You and who's army, you would!*), иронии (*Ни черта!, Not a dog's chance!*), унижения (*Заткнись!, Come down to earth*) и целого ряда других эмоций.

Подавляющее количество приведенных единиц относятся к сниженному стилистическому тону, маркируя доверительную, разговорно-фамильярную манеру общения. Они могут быть важны в точной реализации интенции в процессе межкультурной коммуникации.

Итак, языковая составляющая, которая основана на сопоставлении единиц родного и иностранного языков, является одним из главных компонентов реализации всей гаммы чувств и эмоций человека в ходе общения с носителями иных культур.

Библиографический список

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. М.: Гнозис, 2003.
2. Левицкий А. Э. Сравнительная типология русского и английского языков [Текст] / А. Э. Левицкий, Л. Л. Славова. Житомир: Изд-во Житомирского ун-та, 2005.
3. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. М.: Флинта: Наука, 2006.
4. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация [Текст] /А. П. Садохин. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.
6. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.

Мухина И.Г., г. Новосибирск, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ НОМИНАЦИЙ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Целью статьи является определение семантической валентности и изучение семантических связей между лексемами, номинирующими мифические существа в современном английском

языке, а также построение карты семантической валентности. Такая карта служит основой для лексической категоризации, в которой отражена система знаний о мире. Методами исследования являются семантический анализ и ментальное картирование в системе Visual Thesaurus. В работе предложено определение понятия семантической валентности, представлена формула ее вычисления, визуализирована схема семантических связей между лексемами и определены инварианты, характеризующие каждую лексему.

***Ключевые слова*:** семантическая валентность, семантическая категоризация, ментальная категоризация, визуализация, семантическая связь.

SEMANTIC VALENCY AS THE BASIS FOR THE LEXICAL CATEGORIZATION IN NOMINATIONS OF MYTHICAL CREATURES IN ENGLISH

Abstract. The aim of the article is to define semantic valency and study semantic connection between lexemes nominating mythical creatures in modern English, and also to devise a map of semantic valency. Such a map may serve to represent the categorization of lexical elements, and thus feature a fragment of knowledge about the world. The methods of research are the semantic analysis and mental mapping in the Visual Thesaurus system. The article is based on te concept of semantic valency, the formula for its calculation is presented, the writer visualizes the scheme of semantic connections between lexemes, and defines invariants characterizing each lexeme.

***Keywords*:** semantic valency, semantic categorization, lexical categorization, visualization, semantic connection.

Категоризация знаний о мире отражается в лексической категоризации единиц языка, номинирующих определенные понятия, из которых эти знания складываются. Не является исключением и мифологическая картина мира, репрезентируемая определенным пластом мифологической лексики. В данной статье используется понятие семантической валентности, которая служит средством построения и визуализации семантических связей (в том числе цепей семантических связей) между лексемами. Целью статьи является построение карты семантической валентности на примере ряда лексем, номинирующих мифические существа в английском языке. Такая карта вносит вклад в понимание категоризации в рамках мифологической картины мира, позволяет выявить соотношение и взаимосвязи между лексемами (в узком, мифологическом смысле).

Основным методом исследования служит ментальное картирование средствами программного обеспечения Visual Thesaurus (VT) (Visual Thesaurus, URL) как визуализация семантических связей лексем, что является основой систематизации их как инструментов репрезентации знаний об объектах окружающего мира, номинируемых этими лексемами.

Под семантической валентностью понимается количество семантических связей между заданными лексемами и группами лексем, как непосредственных, так и опосредованных другими лексемами.

В рамках данном статьи исследовано 15 лексем германского, кельтского и греческого происхождения: *brownie, elf, gremlin, pixie (pixy), goblin, leprechaun, troll, dwarf, gnome, boggart (bugbear), siren, dragon, unicorn, druid* и *banshee*.

Поскольку семантическая валентность определяется как количество семантических связей между рассматриваемыми лексемами, непосредственных или опосредованных рядом промежуточных лексем, то следует отметить, что практически все рассматриваемые лексемы так или иначе связаны между собой (рис.1.). Исключение составляют только две лексемы *siren* и *druid*, которые по версии VT не имеют семантических связей с остальными лексемами.

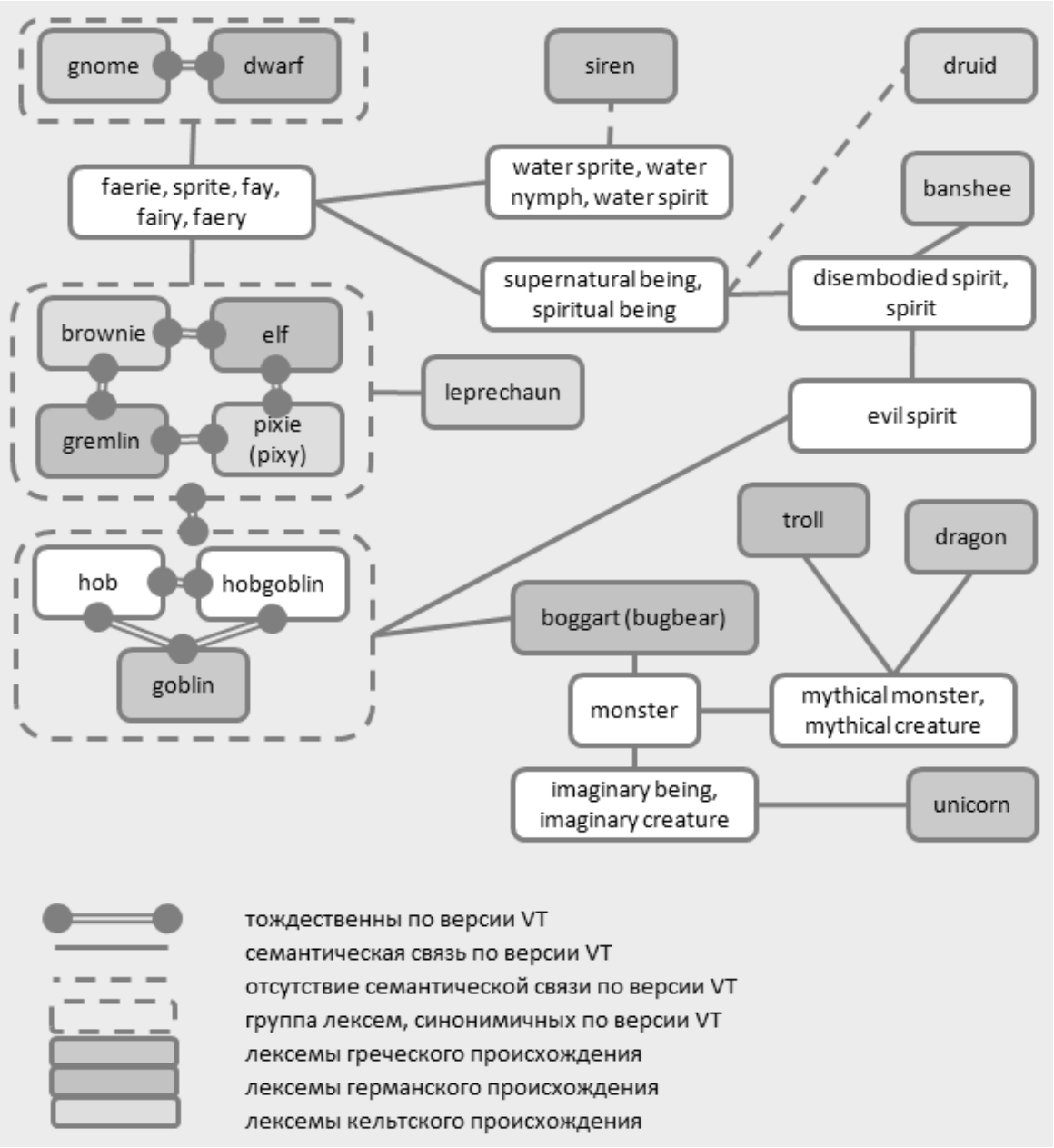

Рис.1. Общая карта семантической валентности рассматриваемых мифолексем по версии VT

Однако, как видно на Рис. 1, лексемы могут иметь как непосредственную сментическую связь (например группа лексем *brownie, elf, gremlin, pixie (pixy), goblin* и лексема *leprechaun*), так и связь, опосредованную одной или несколькими промежуточными лексемами. В данном случае представляется нецелесообразным и ошибочным проводить сравнение семантических связей без учета этого обстоятельства.

Поэтому, в целях адекватного сравнения протяженности и сложности семантических связей между лексемой и другой лексемой, предлагается производить подсчет семантических связей с учетом промежуточных лексем-посредников, то есть ввести так называемый коэффициент семантической валентности (Ksv), обратно пропорциональный количеству лексем-посредников (рассчитываемый по формуле 1):

(1) $Ksv = 1 / 2^n$, где n - количество лексем-посредников.

Геометрическая зависимость в данном случае обусловлена тем, что каждая промежуточная лексема способна увеличить количество семантических связей в квадратичной, то есть геометрической, прогрессии. В частности, при наличии одной лексемы-посредника применяется коэффициент $1 / 2^1 = 0,5$; при наличии двух лексем-посредников - $1 / 2^2 = 0,25$ и так далее. При наличии двух линий семантических связей между лексемами (циклическая связь), количество семантических связей подсчитывается по кратчайшему расстоянию между лексемами на карте

визуального тезауруса (VT). Примером такой циклической связи может служить связь между уже упомянутой группой лексем *brownie, elf, gremlin, pixie (pixy), goblin* и группой лексем *gnome* и *dwarf*, с одной стороны опосредованный одной промежуточной группой *faerie, sprite, fay, fairy, faery,* с другой стороны опосредованный четырьмя группами лексем (Рис.1).

По признаку внешнего вида мифических существ, номинируемых лексемами, рассматриваемые лексемы можно разделить на четыре группы, обозначающих: антропоморфных существ, зооморфных существ, человеческих существ, бестелесных существ. Каждая из двух последних групп представлена одной лексемой. Наиболее многочисленна первая группа лексем.

Показатели семантической валентности изучаемых лексем в соответствии с особенностями внешнего вида существ, ими репрезентируемых, представлены в Табл.1.

Таблица 1.

Семантическая валентность лексем в соответствии с особенностями внешнего вида (версия VT)

№	Лексема	Количество семантических связей с другими лексемами		Семантическая валентность
		Непосредственных	Опосредованных	
Антропоморфные существа				
	elf	2	1*0,5+1*0,25+3*0,125 = 1,125	3,125
	gremlin	2	1*0,5+1*0,25+3*0,125 = 1,125	3,125
	troll	–	1*0,5+1*0,25+2*0,125+1*0,0625+ 1*0,0313+1*0,0156 = 1,109	1,109
	dwarf	–	1*0,5+2*0,25+1*0,125+3*0,0313 = 1,219	1,219
	pixie (pixy)	2	1*0,5+1*0,25+3*0,125 = 1,125	3,125
	brownie	2	1*0,5+1*0,25+3*0,125 = 1,125	3,125
	leprechaun	1	1*0,5+1*0,25+1*0,125+3*0,0625 = 1,063	2,063
	goblin	2	1*0,5+1*0,25+3*0,125 = 1,125	3,125
	gnome	–	1*0,5+2*0,25+1*0,125+3*0,0313 = 1,219	1,219
	В среднем по группе антропоморфных существ			2,359
Зооморфные существа				
	boggart (bugbear)	1	1*0,5+5*0,25 =1,750	2,750
	siren	–	–	–
	dragon	–	1*0,5+1*0,25+2*0,125+1*0,0625+ 1*0,0313+1*0,0156 = 1,109	1,109
	unicorn	–	1*0,25+3*0,125+1*0,0625+1*0,0313+ 1*0,0156 = 0,734	0,734
	В среднем по группе зооморфных существ			1,531
Человеческие существа				
	druid	–	–	–
	В среднем по группе человеческих существ			–
Бестелесные существа				
	banshee	–	1*0,25+3*0,125+3*0,0156 = 0,672	0,672
	В среднем по группе бестелесных существ			0,672

При сравнении групп лексики, обозначающих существ, в соответствии с признаком внешнего вида, наибольшим показателем валентности характеризуются лексемы, репрезентирующие антропоморфные существа (Harper 2001: 359). Лексемы, обозначающие зооморфных и бестелесных существ обладают, соответственно, валентностью 1,531 и 0,672. Единственная лексема *druid*, номинирующая человеческое существо, не имеет в системе VT семантических связей с другими исследуемыми лексемами.

Целесообразно подробнее рассмотреть группу номинации антропоморфных существ. Подход системы VT к этому кластеру лексем кажется слишком общим и поверхностным. Для более

детальной характеристики семантики лексем необходимо обратиться к результатам семантического анализа, и для каждой выявить так называемые инварианты, то есть особенности, присущие только классу существ, обозначаемому этой лексемой.

К описываемому кластеру лексем принадлежат: *elf, gremlin, troll, dwarf, pixie (pixy), brownie, leprechaun, goblin, gnome*. Пять лексем *brownie, elf, gremlin, pixie (pixy), goblin* образуют в свою очередь синонимичный кластер по версии VT, однако по результатам семантического анализа имеют ряд отличий:

– лексема *brownie* обозначает дружелюбное существо, что отличает ее от всех остальных лексем (Harper 2001; Longman URL);

– лексема *elf* имеет отличительный признак, связанный с особенностями внешней репрезентации номинируемого существа (зеленые одежды) (Cambridge Dictionaries Online, URL; Harper 2001);

– лексемы *gremlin* и *pixie (pixy)* в своих мифологизированных значениях содежат поведенческий элемент – повадки номинируемых существ, также отличные друг от друга; к ним примыкает лексема *goblin,* обозначающее существо, деятельность которого направлена на причинение ущерба людям (Cambridge Dictionaries Online, URL; Klein 1961).

Еще одна пара синонимичных по данным VT лексем *dwarf* и *gnome* сходны по многим критериям и довольно сложно дифференцируемы, однако значения их также содержат поведенческий элемент. В частности, только в значении лексемы *dwarf,* как было замечено в ходе семантического анализа, упоминается такой признак как «обработка металла», четко идентифицируя такие существа, как ремесленников, в отличие от лексемы *gnome.*

Уникальный семантический элемент, не имеющий аналогов среди других лексем, характеризует лексему *troll* – упоминание некоего губительного для номиниируемого существа фактора – «гибнет от солнца» (Klein 1966: 596; Skeat 1884: 202).

И, наконец, лексема *leprechaun* характеризуется явно выраженной этноспецифической окраской. В значении лексемы есть прямая отсылка к ареалу употребления лексемы – «в Ирландии» (Klein 1966: 219).

Таким образом, в результате исследования очерчена новая область применения понятия семантической валентности, представлена формула ее вычисления и определена семантическая валентность кластера лексем, номинирующих мифические существа в английском языке. Кроме того, визуализирована схема семантических связей между лексемами и определены инварианты, характеризующие каждую лексему.

Библиографический список

1. Cambridge Dictionaries Online URL: http://dictionary.cambridge.org/
2. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001 URL: http://dictionary.sensagent.com/Online_Etymology_Dictionary/en-en/
3. Klein E. A. Comprehensive Etymological Dictionary of the English language [Text] / E. A. Klein. Amsterdam, London, New York : Elsevier Publishing Company, 1966. Vol.1.
4. Longman English Dictionary URL: http://www.ldoceonline.com/
5. Skeat Walter W. An Etymological Dictionary of the English Language [Text] / W. W. Skeat. Oxford University Press, 1884.
6. The Encyclopedia Americana. New York, Chicago, The Encyclopedia American corporation. Vol. I-XXX. 1918-1920 URL: http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/metabook?id=encyamer.
7. Visual Thesaurus URL: https://www.visualthesaurus.com

Павлова А. В., г. Тамбов, Россия

КОГНИТИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В СТАТАЛЬНОМ ФОРМАТИРОВАНИИ ЗНАНИЙ О МИРЕ[14]

Аннотация. В статье предпринимается попытка описания вариативной природы статального формата языкового знания, понимаемого как определенный способ языкового представления мира, осмысленного в статике. Когнитивное варьирование в статальном форматировании знаний о мире раскрывается в рассмотрении основных аспектов интерпретирующей деятельности языкового

[14] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

сознания и описании психофизиологических и социокультурных факторов, определяющих вторичную статальную концептуализацию.
Ключевые слова: статальный формат языкового знания, интерпретация, когнитивное варьирование, статальный смысл.

COGNITIVE VARIABILITY OF STATIVE FORMAT OF LINGUISTIC KNOWLEDGE

Abstract. The paper aims at describing variable nature of stative format of linguistic cognition, which is defined as some special way of language representation of the world, conceptualized statively. Cognitive variability of stative formatting of knowledge about the world is revealed through viewing the main aspects of interpretative function of linguistic cognition and describing psycho-physiological and sociocultural factors, influencing secondary stative conceptualization.
Keywords: stative format of linguistic knowledge, interpretation, cognitive variation, stative sense.

Одним из аспектов доминирующей в современной когнитивной теории языка проблемы конструирования мира в языке выступает определение самих концептов, репрезентации разных типов и структур сознания, а также выявление роли и места этих концептов в концептуальной системе человека. Определение концепта, представляющего тот или иной тип знания, при этом, заключается в рассмотрении его базовых характеристик, описании его структурной организации и содержательной специфики, основных когнитивных и языковых механизмов формирования соответствующего смысла.

Согласно современным теориям, исследующим концептуальную основу языка, правомерно выделение различных форм осмысления мира в языке. Такие формы концептуализации мира, или суперконцепты, характеризуются своими структурно-содержательными особенностями, определяющими их значимость в жизнедеятельности человека.

Одной из основных форм концептуализации мира в английском языке выступает концепт STATE как структура первичного (энциклопедического) знания о характеристиках объектов и событий мира, осмысленных в статике. Процесс фиксации различных способов осмысления отсутствия изменения определяется как статальная концептуализация мира, результатом чего выступает статальный концепт. В терминах концепции Н.Н. Болдырева это тематический статальный концепт – результат многократного осмысления мира в статике и репрезентации этого знания различными языковыми единицами, формирующими категорию статальности.

На языковом уровне статальный концепт представлен предикативной функцией языковых единиц, которая обусловливает структуру и принцип организации категории статальности. Единство статального концептуального содержания и языковой формы его представления, а также когнитивных и языковых механизмов формирования статальных смыслов определяется как статальный формат языкового знания (см. подробнее: Павлова 2016, 2017).

Актуальность рассмотрения когнитивного варьирования в статальном форматировании знаний о мире определяется необходимостью выявления специфики интерпретирующей роли человека как субъекта познания *в переосмыслении знаний о мире*, уже получивших репрезентацию в языке, с целью формирования вторичных статальных смыслов.

Цель настоящей работы – описать когнитивное варьирование в статальном форматировании знаний о мире, а значит рассмотреть основные аспекты интерпретирующей деятельности языкового сознания в статальном формате. Как известно, субъект познания выделяет объект, воспринимает его, обрабатывает информацию о нем и репрезентирует это в языке согласно своим психофизиологическим и социокультурным особенностям, жизненному опыту, в том числе языковому, а также соответственно контексту текущих событий (Познание 2007).

Соответственно, все эти факторы раскрывают вариативный характер статального форматирования знаний о мире. Подобное разделение оправдывается необходимостью детального описания вариативной природы статального концепта. Более того, рассмотрение этих факторов по отдельности позволяет учитывать разную степень их влияния на выбор, классификацию и оценку репрезентированного в статальном формате фрагмента действительности. В целом же вариативность нашего представления о мире в статике обеспечивается динамичностью как онтологической характеристикой мира, которая заключается в непрерывном изменении объектов мира и смене одного события другим.

Непосредственное отношение к вариативному характеру статального форматирования знаний о мире имеет общечеловеческая структура физической телесности и психической составляющей

мозга, обусловливающие наличие базовых статальных концептов в сознании человека. Именно базовые концепты настроения, черт характера, эмоций, чувств, способностей, привычек, качеств человека формируют бытийную основу концептуальной системы человека. Вариативный характер статальной концептуализации мира на базовом уровне проявляется в разном объеме и конфигурации тех знаний, которые заключены в том или ином базовом статальном концепте. На языковом уровне это проявляется в вариативной репрезентации эмоций, чувств, настроений, способностей, привычек и т.д. Важно, что эти базовые статальные концепты выступают схемами вторичной статальной концептуализации, то есть переосмысления знаний о мире с целью формирования статальных смыслов.

Вместе с тем, упомянутые общечеловеческие проявления жизнедеятельности подвергаются осмыслению и вербализации в статальном формате с учетом социокультурной специфики, в рамках которой выделяется не только влияние культуры, но и социальная принадлежность языковой личности. В частности, социокультурная специфика статального форматирования знаний о мире детерминируется среди возможных факторов в большей степени возрастом, уровнем образования и воспитания, родом деятельности, характером увлечений, социальным статусом, финансовым и гражданским состоянием субъекта познания (см. подробнее (Pavlova 2017)).

Немаловажным фактором, обеспечивающим когнитивное варьирование в статальном форматировании знаний о мире, выступает жизненный опыт человека, в том числе языковой опыт. Знания о различных жизненных ситуациях, пережитых человеком в том или ином качестве (как один из участников или наблюдатель со стороны) формируют коллективный контекст знаний о мире, в рамках которого происходит индивидуальное восприятие и интерпретация мира в статике.

Языковой опыт при этом, напрямую зависит от коммуникативных способностей и навыков человека, желанием и возможностью поделиться знанием, полученным в результате интерпретации произошедшего события. Определенно не последнее место в вопросе когнитивного варьирования в статальном форматировании знаний о мире занимает психофизиологическая уникальность человека, определяемая сложной конфигурацией его темперамента, когнитивных способностей, физических качеств и физиологических свойств.

Таким образом, вариативная природа статального формата языкового знания обусловлена, с одной стороны, воплощенным характером познания, основанном на телесном опыте субъекта познания, а, с другой стороны, на его психофизиологической уникальности, социокультурной принадлежности, личностном опыте и непосредственных пространственно-временных характеристиках ситуации, формирующих контекст текущих событий.

Библиографический список

1. Павлова А. В. Состояние как формат языкового знания (на материале современного английского языка) [Текст] / А. В. Павлова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 96-102.

2. Павлова А. В. Статальное форматирование знаний о мире как проявление антропоцентризма в языке [Текст] / А. В. Павлова // Когнитивные исследования языка. Вып. 28. Москва – Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 237-262.

3. Познание, понимание, конструирование [Текст] / РАН, Ин-т философии; Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2007.

4. Pavlova A. V. Cultural Specificity in “State” Senses Representation in Modern English [Text] / A. V. Pavlova // Journal of Cognitive Science. 2017. 18-2. P. 117-125.

Топка Л. В., г. Иркутск, Россия

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Аннотация. В статье анализируется речевое поведение человека с нестабильным эмоциональным статусом, включающим в себя сложную систему эмоций-компонентов, наделенных полярностью и аффективностью, через призму холистического подхода, предполагающего обобщающее исследование биологических, психологических и социальных атрибутов человека в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью. В статье также затрагивается феномен андрогинного речевого поведения индивида в состоянии нарушенного органического равновесия, отражающего слияние противоположных феноменов, чувств уверенности и неуверенности, репрезентируемых через категоричное и некатегоричное речевое поведение.

Ключевые слова: речевое поведение, холизм, эмоции, чувства, андрогинность, уверенность / неуверенность, категоричность / некатегоричность.

SPEECH BEHAVIOUR: HOLISTIC APPROACH TO THE PROBLEM

Abstract. The article analyzes the speech behaviour of a person in unstable emotional state incorporating a complex system of emotions' components endowed with polarity and affectivity in terms of holistic approach, which displays the integrated investigation of biological, psychological and social attributes of a person in the process of his interaction with the surrounding reality. The article also touches upon the phenomenon of androgynous speech behaviour of an individual in a disturbed organic balance reflecting the confluence of opposing phenomena, feelings of certainty and uncertainty, represented through categorical and non-categorical speech behaviour.

Keywords: speech behaviour, holism, emotions, feelings, androgyny, certainty / uncertainty, categoricity / non-categoricity.

Изменяющиеся условия окружающей среды заставляют человека адаптироваться к ней посредством целостного, другими словами, холистического, объединяющего все аспекты, подхода к собственному существованию. «Этот метод (холизм) дает неоспоримые преимущества в познании и понимании человека, общества и мира в их неразрывной связи и взаимодействии» (Кравченко 2005: 43-44). Феномен холизма, от греческого *holos*, что значит – весь, целый, завершенный, репрезентирует целостность, подчеркивающую первичность целого по отношению к части и несводимость целого к его составным частям, а также отношения взаимодействия всех частей этого целого. Сам термин *холизм* появился в терминологическом научном или, скорее, философском аппарате благодаря книге «Holism and Evolution» южно-африканского государственного деятеля и военачальника, яркого приверженца организмической теории, Яна Смэтса, в которой была представлена концепция (холизм), устраняющая, по его мнению, противоречия во взглядах различных ученых на происхождение и развитие разных сущностей (материальных, психических, духовных). В основе концепции лежит понимание Вселенной, представленной иерархически организованными сущностями, обладающими целостностью, от элементарных – неорганических начал, до сложных, являющих собой прогрессивное развитие и стратификацию начал элементарных (см. подробнее: Smuts 1927).

Следует отметить, что идеи холизма, изложенные в книге Я. Смэтса, не новы, скажем, основатель русского космизма, Николай Федоров, в своей книге «Философия общего дела» также обращался к холизму, вернее к холистическому понятию целостности, используя другое слово – всеединство, утверждая необходимость преодоления разделенности во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Мир целостен, по мнению исследователя, а разделение человека и природы случайно и вызвано «человеческим неразумением» (Федоров 1982).

Русский философ, Владимир Соловьев, рассуждая о познании истины, всецелой истины как цели философии, и об истинной философии как цельном знании, дающем человеку блаженство и могущество, утверждал, что «Материал цельного знания дается опытом. Обыкновенно разделяют опыт на внешний и внутренний. Но собственно говоря, внешний опыт есть contradictio in adjecto. По словесному определению, опыт есть то, что испытывается субъектом, испытывать те, очевидно, он может только то, что так или иначе находится в нем самом, существует для него. И действительно, все, что называется внешним опытом, все, что относится к так называемым внешним предметам, сводится по своему материальному содержанию к нашим ощущениям, то есть к фактам нашего внутреннего сознания, к данным нашей психической жизни; всякое же утверждение внешнего бытия есть уже наше собственное заключение из этих данных, хотя, разумеется, заключение "не дискурсивное или абстрактное, а интуитивное и совершенно непосредственное"» (Соловьев 1988).

Очевидно, что субъект в этом случае самодостаточен и целостен – он, говоря словами основателя биологической теории познания Умберто Матураны, живая система, автономная сущность или автопойетическая система (Maturana 1970), находящаяся в непрерывном взаимодействии со средой и чем выше её, системы, адаптивная способность, тем эффективнее это взаимодействие. Согласно биологической теории познания повышение эффективности взаимодействия организма со средой обусловлено адаптивной деятельностью, то есть – языком как естественным биологическим явлением (Кравченко 2001: 192).

Наметившаяся тенденция к сближению гетерогендерных стандартов речевого поведения, нивелирующему разницу между полом (биологическое) и гендером (социальное) в так называемой западной патриархальной культуре (см. подробнее: Топка 2015), обусловлена адаптацией индивидов к изменяющимся условиям своего существования, где «биологически предопределенные, врожденные ценностные системы», словами Й. Златева, «адаптируются в процессе эволюции под вознаграждающие формы социального взаимодействия – такие как имитация» (Златев 2006: 317). Примеряя модель инструментального лидера, женщина имитирует маскулинный образ действий, репрезентируя себя через категоричное речевое поведение. В связи с тем, что внутренне присущая

ценность связана с эмоциями и чувствами, где индивид переживает отрицательную ценность как негативные эмоции и положительную ценность как эмоции позитивные, ощущение уверенности в своих силах, эмоциональное доминирование как положительная ценность обусловливают изменение феминного речевого поведения в направлении увеличения его категоричности. Возможности, позволяющие снять социальные, гендерные различия, выявляют биологическую характеристику индивида – доминирование ради выживания, поскольку, как известно, выживает сильнейший.

Если развитие человека как вида обусловлено его способностью каким-то образом воздействовать на среду своего обитания, то изменение в феминном речевом поведении, в свою очередь, должно привести к изменению и в поведении маскулинном, показывая тем самым «ориентирующее воздействие одного организма на другой организм с целью модификации его поведенческой реакции» для оптимизации взаимодействия первого организма со средой, то есть, для его выживания (Кравченко 2001: 232).

Следовательно, изменение женского речевого поведения в сторону его маскулинизации способствует феминизации мужского речевого поведения, являя феномен коммуникативной (речеповеденческой) андрогинии.

Данное изменение обусловлено, в терминах нейропсихиатра Курта Гольдштейна (Goldstein 1995), стимулирующим или сверхстимулирующим воздействием среды на организм, при котором нарушается его органическое равновесие, в результате чего организм, выведенный из равновесия, ищет в среде необходимое условие для выравнивания внутреннего напряжения. Этот непрерывный процесс выравнивания означает, по мнению исследователя, вторжение среды в организм, которое, однако не может изменить его поведение против его воли (кроме аномальных условий взаимодействия со средой), на чуждое его природе, более того, организм сам выбирает объект реагирования (свойство среды). В случае, когда контроль над средой утерян, организм включает механизм адаптации.

В момент нарушения равновесия индивида со средой (см. подробнее: Выготский 1984), возникает эмоциональная реакция, в виде кратковременного реагирования на конкретный стимул, разрушающая эмоциональную стабильность (см. подробнее: Топка 2016). Имея регулятивно-поведенческую природу, эта эмоциональная реакция (страх или гнев) отражается в вербальном и невербальном поведении индивида независимо от его гендерной принадлежности.

Неуспешная попытка взять под контроль эмоцию гнева или страха является причиной возникновения истерики как частного случая проявления истерии – одного из проявлений нарушенного (нестабильного эмоционального) состояния.

Включая в себя сложную систему эмоций-компонентов, наделенных полярностью и аффективностью, эмоциональное состояние истерики являет собой пространство слияния противоположных феноменов, чувств уверенности и неуверенности, репрезентируемых через категоричное и некатегоричное речевое поведение (Топка 2016).

Традиционно способность контролировать свое эмоциональное состояние при возникновении любой угрозы, провоцирующей гнев или страх, считают чисто мужским личностным атрибутом, являющим чувство уверенности, тогда как эмоциональную неконтролируемость, нестабильность относят к сугубо женским личностным характеристикам. «Прототипический гендерно маркированный, маскулинный, сценарий чувства уверенности (после успешной попытки контроля над эмоцией страха, гнева или стыда) может включать в себя как возврат к стабильному эмоциональному состоянию, так и возникновение самоуверенности, агрессивности и, как следствие, категоричного речевого и, зачастую, неречевого поведения – физического воздействия на адресата» (Топка 2017: 727).

Утверждение о том, что явление истерии присущее лишь слабому полу в силу его физиологических особенностей (значение лексемы *hysteria* от *hystera* (*womb*) – матка (Chamber 2010: 502), подтверждает гендерный стереотип о естественном преобладании у женщин эмоций над разумом, которое обусловливает их нестабильное эмоциональное состояние вообще, и в частности состояние истерии (см., подробнее: Вейненгер 1992; Фрейд 2005), однако анализ эмпирического материала современного английского языка показывает гендерную универсальность данного феномена, вызванного эмоцией страха: *His voice was rising into hysteria, and suddenly he burst voluptuously into tears. «I don't want to sleep in the dorm. Somebody might try to kill me. I'm afraid. I'm so... afraid*» (Barnard).

Несмотря на то, что сугубо женская физиологическая обусловленность природы истерии была нивелирована еще в начале двадцатого века австрийским философом Отто Вейнингером, высказавшим мысль, что «есть и истеричные мужчины, хотя значительно реже: ибо среди бесконечного числа различных психических возможностей мужчины есть одна, а именно – это

обратиться в женщину, а вместе с тем и – в истеричку» (Вейненгер 1992: 293), её социальная сущность как именно женского феномена до сих пор имеет место. «Обращение» в женщину вызвано изменением речевого поведения мужчины в процессе взаимодействия со средой своего обитания и поскольку человек как живой организм является неотъемлемой составляющей среды (социума, мира), его адаптивное с ним взаимодействие «есть кругообразный процесс: взаимодействуя с себе подобными существами как частью мира, человек влияет на их поведение, меняя, тем самым, структуру мира и образующие эту структуру каузальные связи. Это, в свою очередь, влияет на его собственное поведение, так как необходимо учитывать все время возникающие изменения среды, и так до бесконечности» (Кравченко 2001: 22).

«Андрогинная модель речевого поведения мужчины лишает его внешней формальной мужественности, обнажая его истинную содержательную суть, свободную от навязываемых социумом гендерных стереотипов. Данная тенденция в эпоху толерантности представляется закономерным явлением, репрезентирующим терпимое отношение к невыполнению приписываемых обществом требованиям к маскулинному и фемининному типу поведения» (Топка 2016: 258). С точки зрения концепции биологической теории познания «языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею» (Кравченко 2008: 190).

Следовательно, мужчина, который открыто проявляет свою эмоциональную неустойчивость, повышает свой адаптивный потенциал в процессе выравнивания внутреннего напряжения через увеличение эмоциональной гибкости или, другими словами, приспособляемости.

В современном социуме далеком от холизма, где каждый индивид, стремясь к гендерному доминированию, имеет большую ценностью, чем сам социум, а его поведение, обусловленное предписаниями, опирающимися на индивидуализм, показывает потенциально конфликтное противостояние, сближение стандартов маскулинного и фемининного речевого поведения, репрезентирует явление коммуникативной андрогинии, заставляя пересмотреть традиционную бинарную оппозицию «маскулинность» – «фемининность» для представления всеобъемлющего спектра психосоциальных ролей, существующих в современном мире как недостаточную, расширив её до тернарной. Коммуникативная андрогиния, на наш взгляд, это не просто сочетание в одном индивидууме женских и мужских социально-психических качеств, при существовании психосоматической индивидуальности, но также и характеристика самого речевого поведения, не имеющего четких гендерных параметров.

Исследование речевого поведения человека через призму холистического подхода, предполагает обобщающее исследование биологических, психологических и социальных атрибутов индивида в процессе его взаимодействия с себе подобными и окружающей действительностью (средой обитания). Единство человека и среды неизбежно ведёт к изменениям в понимании человеческого естества, являя незримое равенство между ними, объясняющее глубинную основу явления холизма и понимание этого жизненно необходимого консенсуса.

Библиографический список

1. Вейнингер О. Пол и характер [Текст] / О. Вейненгер. М.: ТЕРРА, 1992.
2. Выготский Л. С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование [Текст] / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984.
3. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): Набросок единой биокультурной теории значения [Текст] / Й. Златев. М.: Гнозис, 2006.
4. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А.В. Кравченко. Иркутск: издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001.
5. Кравченко А. В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) [Текст] / А.В. Кравченко. Кемерово, 2005. С.36-51.
6. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания [Текст] / А. В. Кравченко. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2008.
7. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания URL: https://www.psyoffice.ru/9/solvs02/txt03.html
8. Топка Л. В. Гендерный аспект исследования речевого поведения [Текст] / Л. В. Топка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С.158-162.
9. Топка Л. В. Гендерная дифференциация категоричного речевого поведения [Текст] / Л. В. Топка // Общественные науки. М.: Международный исследовательский институт, 2016. № 6. Т. 2.
10. Топка Л. В. Трехаспектная вербализация эмоциональной нестабильности субъекта речи [Текст] / Л. В. Топка // Когнитивные исследования языка. М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Институт языкознания РАН, ТГУ имени Г.Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. М.: Институт языкознания

РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. 2017. С.724-731.

11. Федоров Н. Ф. Сочинения (Философское наследие) URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/fedorov-sochinenia/fedorov-sochinenia.html

12. Фрейд З. Исследования истерии [Текст] / З. Фрейд. СПб., 2005.

13. Barnard R. Little victims URL: http://corpus.byu.edu/bnc/

14. Chamber Dictionary of Etymology [Text] / London: Chamber Harrap Publishers Ltd., 2010.

15. Goldstein K. The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man [Text] / Kurt Goldstein with a foreword by Oliver Sacks. New York: Zone Books, 1995.

16. Maturana H. R. Biology of Cognition. – Biological Computer Laboratory Research [Text] / H. R Maturana. Report BCL 9.0. Urbana IL: University of Illinois, 1970. As Reprinted in: Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living Dordecht: D. Reidel Publishing Co., 1980.

17. Smuts J.C. Holism and Evolution [Text] / J.C. Smuts. London: MacMillan Press, 1927.

Федяева Е. В., г. Новосибирск, Россия

«ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ!»: ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ КАК ИСТОЧНИК ГИБРИДНЫХ СМЫСЛОВ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты осмысления качественных характеристик на базе одного из универсальных средств языковой репрезентации КОЛИЧЕСТВА – имени числительного. Анализ эмпирического материала показывает, что имя числительное и его дериваты оказываются способными транслировать оценочные смыслы относительно качественных характеристик явлений и предметов окружающей действительности, являясь, таким образом, инструментом количественной интерпретации качества.

Ключевые слова: числительное, количество, качество, оценочная интерпретация.

“FIRST, SECOND, THIRD!”: NUMERAL AS A SOURCE OF HYBRID MEANINGS

Abstract. The research addresses certain aspects of qualitative properties comprehension based on such a universal means of QUANTITY language representation as a numeral. The empiric material analysis reveals that a numeral and its derivatives are capable of expressing evaluative meanings about the qualitative characteristics of phenomena, objects and people thus functioning as a tool of quantitative interpretation of quality.

Keywords*: numerals, quantity, quality, evaluative interpretation*

Современный этап развития лингвистики характеризуется, как известно, пристальным вниманием исследователей к вопросам соотношения языка и сознания, способам отражения результатов познания в языке, проблемам соотнесения различных ментальных форматов знания с их языковой репрезентацией. В этой связи представляется, что рассмотрение результатов познания человеком количественного и качественного аспектов бытия с точки зрения когнитивного подхода открывает новый потенциал для анализа, заключающийся в возможности выявления механизмов осмысления качественных характеристик на базе языковых единиц с количественными смыслами. Объектом исследования данной статьи является имя числительное как средство языковой репрезентации КОЛИЧЕСТВА, предметом – интерпретирующий потенциал числительных в отношении различных свойств и характеристик объектов реальной действительности.

И как понятие, и как математический знак, и как лингвистическая единица ***число*** представляет собой неоднородную структуру, что объясняет тот факт, что на всех этапах развития науки ***числа*** привлекали внимание исследователей различных областей знаний.

Число относится к ‘чистым’, ‘априорным’ понятиям, которые имеют свое начало исключительно в рассудке и существуют исключительно в силу устройства человеческого разума. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что в процессах познания и формирования концептуальных структур особая роль отводится знаниям, полученным не столько от ощущений и имеющих перцептуальную основу (bodily experience), сколько чисто теоретическим, позволяющим человеку выйти за пределы непосредственно наблюдаемого, к которым относятся чисто умозрительно строящиеся представления в сфере числа (Кубрякова 2008:22).

Говоря о функционировании числа в языке, подчеркнем, что *число* как научный концепт высшей степени абстракции, не связанный с предметным миром, всегда противостоит *количеству* как форме функционирования числа в материи, как «инструменту» в руках человека, имеющему оценочную природу.

Отмечая, что *число* представляет собой ключевое понятие процесса квантификации, Ю.С. Степанов указывает на тот факт, что ЧИСЛО и СЧЁТ два тесно взаимосвязанных концепта – как в предыстории, так и в развитии математики. Этимология данного слова в разных языках указывает на то, что слово *число* выступает как обозначение орудия, посредством которого совершается «счёт», «приведение в порядок» (Степанов 2001:363-364).

В большинстве языков разряд слов, отражающий результат счисления, выделен в самостоятельную часть речи – числительные, которые, прежде всего, призваны, репрезентировать точное количество и упорядочивание в языке. Однако при более пристальном взгляде на числительные с позиций антропоцентрического подхода становится очевидным, что числительные могут служить своего рода «упаковкой» разнообразных смыслов, что объясняется оценочной деятельностью человеческого сознания как одной из важнейших составляющих когнитивной деятельности и, как следствие, широким диапазоном индивидуальных интерпретаций.

Заметим, что процесс интерпретации как «сложный процесс объяснения человеком мира и себя в этом мире» (Болдырев 2015:28), не был бы возможен без когнитивного процесса инференции – «мыслительной операции, в результате которой человек способен выйти за пределы буквального (дословного) значения единиц» (Кубрякова 2004:411). Процесс инференции базируется на использовании индивидом разных видов знания, включая его знания о мире (фоновые знания). Выводное знание зачастую связано с догадками, которые человек строит на основе имеющегося у него опыта и интуиции, что представляется значимым в процессе конструирования качественных смыслов, возникающих на базе количественных показателей.

Обратимся к рассмотрению порядковых числительных и их дериватов, образованных от трёх начальных конституентов числового ряда (т.е. «первый», «второй», «третий»), предположив, что формирование оценочного значения у данных числительных сопровождается формированием значений качественных, связанных с определенными характеристиками и свойствами объекта.

Говоря о соотношении количества и качества, Н.Д. Арутюнова отмечает, что «рост числа сопровождается увеличением ценности в мире количеств, но в мире качеств происходит инверсия, и все лучшее занимает начальные места в цифровом ряду, идущем справа налево. На выборах, конкурсах, матчах и соревнованиях тот, кто набрал *большее* количество очков, голосов или последователей, становится *первым,* а тот, кто набрал *меньшее* число очков, становится *последним* или совсем выходит из игры. Количество переходит в качество» (Арутюнова 2005:8). Проиллюстрируем сказанное:

1) *Научная работа Орловой на институтском конкурсе* ***первое место получила…*** *Она единственная, кто набрал двадцать пять очков* (Донцова 2012:143).

Представленный контекст подразумевает возможность различных инференций в направлении осмысления интеллектуальных способностей, а также личностных характеристик героини и формирование таких, например, интерпретирующих смыслов, как «*умная»*, «*одарённая»*, «*работоспособная»* и т.п.

Первый зачастую ассоциируется с *главным*, *лучшим*. Сравним в русском языке: *первое лицо государства*, *первая леди, первая красавица села, первый парень на деревне* и т.д. Прямая, на которой расположены цифры, приобретает вертикальную ориентацию, отражающую социальную иерархию, возглавляемую *первым*. Прилагательные с элементом *перво-* обычно получают значение суперлатива: *первоклассный, первостепенный, перворазрядный, первосортный* и т. п. Все *первые* выдвигаются на *первый (передний)* план или поднимаются по иерархической лестнице в *этом* мире, но они могут стать *последними,* перейдя в мир *иной,* и опуститься в его нижний ярус» (Арутюнова 2005:8-9). Так, в представленных ниже примерах языковая интерпретация человека в терминах «**first-class mind**» и «**первая скрипка**» ведёт к осмыслению его незаурядных умственных способностей (2) и высоких достижений в сфере профессиональной деятельности (3):

2) *Two years after graduation this* ***first-class mind*** *is being paid eighty thousand pounds a year to devise advertising slogans for a proprietary brand of peanut butter or is writing snobbish articles in glossy magazines about exiled European monarchs and their children or some such catastrophic drivel"* (Fry 1997:220).

3) *Всемирно известный дирижер, чьи гастроли расписаны на пять лет вперед, церемонно пожал руку* ***первой скрипке****, сделал свирепое лицо, затем женственно махнул палочкой – и со всех углов обширного кабинета полилась знаменитая мелодия* (Поляков 2009: 259).

Второй, как следующий всегда за *первым*, часто осмысляется как *не главный*, *запасной*, *несерьёзный* и т.д. Сравним в русском языке: *дело второстепенной важности, второй состав, вторые ключи, роль второго плана* и т.д. Оценка вкусовых предпочтений человека в терминах

«**second-rate**», а также самого человека в терминах «**второсортный**» связана с представлениями о нем как о достаточно примитивной личности. Например,

4) *Charlie was roaring, on the edge, and kept turning up the volume of the music, replacing Edward's or Frank's choice of record with his own and abusing their ridiculous taste, their passion for the* ***second-rate*** (Faulks 2002:58).

5) *Лёнька парень надёжный. Правда, какой-то* ***второсортный****. Вроде бы и неглупый, и знает литературу не хуже Мелехова, и умеет приподнять и энергично болтать, чуть скосив рот в сторону, а вот, однако, «пропащая сила»* (Лимонов 2002:204).

Интересно отметить, что числительные *второй*/*second*/*second* в русском, английском и французском языках входят в состав конструкций, описывающих состояния человека. Состояние, по определению Аристотеля, как известно, является вторым видом качества, под которым понимается такое проявление качества, которое (по сравнению со свойством – первым видом качества) имеет менее устойчивый характер, склонно к изменению или исчезновению. «Состояния – такие виды качеств, которые легко поддаются движению и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье, и все тому подобные состояния» (Аристотель 1975:26). Приведем примеры:

6) *We started to feel we couldn't walk any further but when we saw the town in the distance we got our* ***second wind*** (CALDT)

7) *La plupart d'entre nous ressentons ce qui est appelé* ***un second souffle*** (www.linguee.fr)

8) *У него открылось* ***второе дыхание****, он не чувствовал ни усталости, ни боли в ладонях* (НКРЯ)

В представленных выше примерах «**second wind**» /»**un second souffle**» / «**второе дыхание**» репрезентируют психофизиологический феномен, связанный с приливом энергии, бодрости и сил как общего благополучного состояния организма человека.

Кроме того, в английском и французском языках выражения «**to have second thoughts**» и «**être dans un état second**» характеризуют и ментальные состояния: например, состояние нерешительности (9) и бессознательного или гипнотического состояния (10):

9) *She had* ***second thoughts*** (Kelly 2012:263).

10) *Arthur prit son blouson, ses clés, il était comme dans* ***un état second*** (Levy 2000: 110).

Третьего в определенных ситуациях считают лишним, однако число три не испытывает от этого лишений. Оно входит в состав многих производных слов, относящихся к разным сферам жизни. Ср.: *тройной, троичный, тройственный, тринарный, тернарный, троякий, триединый, третейский, трешка, тройка, тройня, тройчатка, тройник, третьяк, триада* и др. (Арутюнова 2005:13). Обратимся к примерам:

11) В *воздухе разлился аромат* ***тройного одеколона*** (Донцова 2008: 246).

12) *She was having* ***a triple espresso****, as usual* (Kelly 2012: 377).

13) *La patineuse a realizé* ***un triple saut*** *impressionnant* (www. linguee.fr).

В примере (11) производное прилагательное «тройной» представляет один из символов советского времени как сочетание трёх ароматических составляющих, вкупе образующих уникальный аромат. Кроме того, в примерах (11) и (12) «**тройной одеколон**»/ «**triple espresso**» указывают на степень концентрации веществ, что ведет к формированию интерпретирующих смыслов «*концентрированный*», «*сильно пахнущий*» в отношении одеколона (11), и «*крепкий*», «*насыщенный*», «*ароматный*» и т.п. – в отношении вкусовых качеств и обонятельной оценки кофейного напитка (12). В примере (13) «**triple saut**» («тройной прыжок») связан с осмыслением прыжка (как обязательного элемента в фигурном катании) в терминах «*сложный*» и конструированием выводного знания в отношении человека, способного выполнить подобный прыжок.

В целом анализ фактического материала показывает, что числительные и производные от них слова демонстрируют возможность формирования различных интерпретирующих смыслов, характеризующих как физические, эмоционально-психологические характеристики и состояния человека, так и его социальный статус, уровень благосостояния и т.д., обнажая, тем самым, плотную межконцептуальную сеть. Например,

14) *Слушай, ты, дубина стоеросовая, - нежно сказал Фима по-русски, обнимая тирольца за* ***трёхохватную талию*** (Веллер 2010:29).

15) … их встретила секретарша ***не первой и даже не второй, а, пожалуй, третьей молодости,*** но зато по всему было видно: эту свою окончательную молодость она сохранит навсегда любой ценой (Трубач 2009: 248).

16) *В России как считается: ты не замужем?* ***Третьесортная****!* (Донцова 2015: 51).

17) *Закончив очередное занятие в школе «Путь к Сверхразуму», чада и домочадцы шумно грузились в микроавтобус, чтобы ехать домой – в соседний суперпосёлок Трансгаза, где четыре года назад, директор выстроил себе* ***трёхэтажный коттедж*** (Поляков 2010:211).

Подводя итог сказанному выше, отметим, что обращение к вопросам, связанным с исследованием функционирования числа в языке, и по сей день не утратило своей актуальности, что, вероятно, объясняется пристальным интересом сегодняшней лингвистики к особой роли человека как интерпретатора окружающей действительности. Обусловленная самой онтологией мира, связь количества и качества, раскрывается в том, что и количество, и качество отражают количественные и качественные свойства и характеристики объектов и явлений действительности, что и предполагает возможность осмысления качества через количество.

Библиографический список

1. Аристотель Метафизика. Сочинения в четырёх томах. Т.1. М.: Мысль, 1975.
2. Арутюнова Н. Д. Проблема числа [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005. С. 8-21.
3. Болдырев Н. Н. Оценочная интерпретация качества на основе количественных параметров в языке [Текст] / Н. Н. Болдырев // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сб. научн. тр. М.: Тезаурус, 2015. С. 28-32.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания [Текст] / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификции: Сб. науч. трудов / Гл.ред. серии Е.С. Кубрякова. Москва-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С.11-24.
6. Степанов Ю С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. М.: Академический проект, 2001.

Словари и справочные издания

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) URL: www.ruscorpora.ru
2. Словарь-тезаурус английского языка Advanced Learner’s Dictionary& Thesaurus URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/
3. Англо-французский словарь URL: http://www.linguee.fr

Список источников иллюстративного материала

1. Веллер М. Легенды Невского проспекта [Текст] / М. Веллер. М.: Изд-во Москва, 2010.
2. Донцова Д. А. Диета для трёх поросят: повесть [Текст] / Д. А. Донцова. М.: Эксмо, 2008.
3. Донцова Д. А.Живая вода мертвой царевны: роман [Текст] / Д. А. Донцова. М.: Эксмо, 2012.
4. Донцова Д. А. Аполлон на миллион: роман [Текст] / Д. А. Донцова. М.: Эксмо, 2015.
5. Лимонов Э. Молодой негодяй [Текст] / Э. Лимонов. М.: Амфора, 2002.
6. Поляков Ю. Гипсовый трубач: Дубль два [Текст] /Ю. Поляков. М.: Астрель: АСТ, 2009.
7. Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма [Текст] / Ю. Поляков. М.: Астрель: АСТ, 2010.
8. Faulks S. On Green Dolphin Street [Text] / S. Faulks. Lnd.: Vintage Books, 2002.
9. Fry S. The Liar [Text] / S. Fry. Lnd.: Arrow Books, 1997.
10. Kelly C. Once in a Lifetime [Text] / C. Kelly. Lnd.: Harper, 2012.
11. Levy M. Et si c’était vrai... [Text] / M. Levy. Paris: Robert Laffont, S.A., 2000.

Ханнанова И. Р., г. Иркутск, Россия

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «аргументация» и его развитие. Аргументация – феномен, изучающийся на стыке множества наук – логики, риторики, психологии, социологии, конфликтологии, лингвистики. С точки зрения лингвистики аргументация является коммуникацией, совершаемой с целью оказания прагматического воздействия на адресата, которая находит свое выражение в аргументативном дискурсе. В статье рассмотрено несколько подходов к изучению аргументации: лингвопрагматический, интерактивный и когнитивно-коммуникативный.

Ключевые слова: аргументация, лингвопрагматика, когнитивно-коммуникативный аспект.

ARGUMENTATION AS AN OBJECT OF HUMANITIES RESEARCH

Abstract. The article focuses on the notion of "argumentation" and its development. Argumentation is a phenomenon which is studied at the interface of various studies – in logics, rhetoric, psychology, sociology, conflict management and linguistics. From the linguistic point of view argumentation is a type of communication which is aimed at achieving pragmatic effect on the addressee and is expressed via argumentative discourse. The following approaches to argumentation study are discussed: linguopragmatic, interactive and cognitive-communicative.

Keywords: Argumentation theory, linguopragmatics, cognitive-communicative aspect.

Во все времена аргументация развивалась как практическая, социально детерминированная дисциплина – она являлась отражением общественной жизни. Основы логического подхода к аргументации были заложены еще в античности Аристотелем. Логика служила средством интеллектуальной игры – диалектики, когда в процессе рассуждений производился поиск истины.

В то же время совершенствовалось и обратное диалектике направление – софистика, в которой те же приемы аргументации направлены не на решение проблемы и определение истины, а на чистое убеждение. Победа в споре, контроль над сознанием аудитории становятся для софистов ключевыми ориентирами, которые обуславливают изменение техники ведения дискуссии – намеренно используются ошибочные рассуждения в пользу доказательства. Отсюда возникает два вида ошибок аргументации – паралогизмы и софизмы. В первом случае ошибка допускается случайно, во втором – намеренно.

Логика – это наука о законах и формах познающего мышления, поэтому аргументация становится объектом логики как акт мышления, и оценивается с позиции правильности его построения, то есть возможности давать новое знание из исходных фактов. В логике считается, что тезис, который выдвигается говорящим, является некоей непознанной и непринятой информацией, которая в процессе аргументации объясняется говорящим и осмысливается слушающим. Иными словами, эта новая информация наполняется смыслами, поддается идентификации на социально-культурном и этико-мировоззренческом уровне. Утверждается, что умение рассуждать аргументированно – показатель интеллектуальной культуры, зрелости и самостоятельности мышления. Однако очевидно, что аргументация, как и любой другой процесс мышления, строится как на объективной, так и на субъективной основе, поэтому нельзя говорить об исключительной её связи с логикой, а также объяснении аргументации только логическими законами.

В риторике представлено иное видение аргументации: это коммуникативная деятельность по достижению согласия между коммуникантами и способ доказательства. Риторическая аргументация также была выделена Аристотелем как вид прикладной логики в его «Риторике». Риторическая модель аргументации основывается на использовании тропов и стилистических фигур и подразумевает особые требования к голосу, мимике, жестикуляции.

Психологические аспекты теории и практики убеждения связаны с мотивами и ценностями, которыми люди руководствуются в своей полемической деятельности – при выборе средств аргументации, эффективность информационного обмена в процессе полемического общения. Особенно важным представляется изучение личности коммуниканта и влияние личности на эффективность коммуникации.

В традиционной лингвистике представлено следующее видение аргументации: «законченный результат речемыслительной деятельности, представляющий собой последовательность умозаключений, выводимых законами общей логики и актуализируемых в форме монолога, цель которого состоит в том, чтобы поддержать выдвинутую точку зрения» (Кунаева 2007:5). Лингвистическая теория аргументации испытывает несомненное влияние со стороны логики и риторики, обуславливая вхождение в категориальное поле аргументации понятий истины и знания. Несмотря на это в нем выделяются также и лингвистические категории: модальность, каузальность. На вычленении и описании данных категорий строятся лингвопрагматические попытки исследования аргументации (Фанян, 2000). По наблюдениям Кремер в настоящее время осуществляется поворот в сторону интенциональной семантики, в которой нивелируется понятие истины за счет увеличения значения говорящего субъекта и производимого им дискурса (Кремер 2007).

Логический подход к исследованию аргументации не дает возможности точно анализировать процесс рассуждения в ходе аргументации. О несовершенствах формально-логического подхода заявлено в работах многих учёных (как в лингвистике, так и в философии языка) – в том числе, на это обращает внимание Стивен Тулмин. Концепция Тулмина, изложенная в его книге «The use of argumentation», концентрирует внимание на естественно-языковых рассуждениях. Он создает

когнитивную модель аргументации, учитывающую социально-культурный контекст дискурса, куда входят следующие элементы: тезис, данные, обоснование, поддержка, определитель, оговорка.

Другими новаторами в отношении теории аргументации выступили исследователи Х. Перельман и Л. Ольбрехт-Тытека (Перельман 1987). Они являются основателями неориторики – подхода, согласно которому «риторическая аргументация, поскольку она основана на согласии относительно личности говорящего, его нравственного авторитета, дающего право на речь, зависит в основном от аудитории». Следовательно, необходимо выделить одним из ключевых факторов успешности коммуникации аудиторию, её ценности, позиции и убеждения, а не сами мысли оратора. Учёные уходят от классического определения аргументации, отделяют её от логики, которой доступна лишь функция математического доказательства, в то же время рассматривают аргументацию максимально приближенно к психологии: «Неориторика ориентируется на современную коммуникативную личность, которая противопоставляется этическому идеалу классической риторической традиции» (Кащей 2012: 46).

Нидерландская школа развивает прагмадиалектическую концепцию аргументации, в задачу которой входит изучение аргументации в условиях естественного речевого общения. Представители школы Франс Х. ван Еемерен и Роберт Гроотендорст в своих трудах они стремятся раскрыть имплицитные способы аргументации, влияние контекста и индивидуальных устремлений адресанта на процесс аргументации (Eemeren 1984).

В современной парадигме лингвистического знания исследования аргументации приобретают антропоцентрический характер. Выделяется несколько подходов или школ, в которых наблюдается отход от исключительно логического понимания аргументации и от сосредоточенности на описании идеальной ее модели, раскрытии ошибок рассуждения. Выделяются следующие факторы, управляющие процессом аргументации: «знания и представления [аргументатора], система ценностей и здравый смысл, коммуникативные навыки и логическая культура, его эпистемическое и эмоциональное состояния, социальные параметры аргументативной ситуации» (Гильманшина 2012: 49). А. Н. Баранов, давая характеристику аргументации и речевому воздействию в целом, пишет о необходимости обращения к тем компонентам аргументативной пропозиции, которые социально и культурно обусловлены структурами ценностей адресата. В качестве примера он приводит аргументы к справедливости/несправедливости, равенства/неравенства, часто встречаемые в политическом дискурсе (Баранов 2001).

Изучение речевых действий как дискурса предполагает обращение к когнитивным моделям, на основе которых он конструируется и концептуальным основаниям речи. Аргументация в ключе когнитивного подхода рассматривается в качестве совместной деятельности определенных когнитивных систем – восприятия, репрезентации и продуцирования. Это ментальный процесс, требующий проведения мыслительных операций по выдвижению темы вопроса, извлечению информации по нему в виде фреймов. Способы аргументации в свете когнитивного подхода понимаются как результат деятельности особых структур сознания, влияющих на формирование аргументации. Исследования аргументации в рамках когнитивной лингвистики предполагает включение следующего спектра вопросов: создание типологии языковых личностей, построенной на основе различий в стилях мышления, построение когнитивных моделей аргументации, раскрытие концептуальных основ аргументации.

Большое внимание уделяется коммуникативному аспекту аргументации – на этом основаны работы по стратегиям аргументативного дискурса, принципе вежливости в аргументативном дискурсе. Тесная связь коммуникации и когниции позволяет объединить два подхода к аргументации в один. Необходимость аргументации с точки зрения когнитивистов обусловлена несовпадением стилей мышления коммуникантов и их ценностной картиной мира. Взаимодействие коммуникантов в процессе аргументации сводится к тому, чтобы раскрыть собственное понимание проблемы, сделать свое видение ситуации более понятным другому.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

2. Гильманшина Н. П. Диалектика аргументации и манипуляции в дискурсе публичного выступления (на примере речи пак Чон Хи) [Текст] / Н. В. Гильманшина // Вестник ИГЛУ. 2012. №4 (21). С. 49-57.

3. Кащей Н. А. Современная риторика как методология убеждения [Текст] / Н. А. Кащей // Вестник НовГУ. 2012. №67. С. 145-148.

4. Кремер И. Ю. Аргументация и ее лингвистическая репрезентация в немецком критическом тексте [Текст] / И. Ю. Кремер // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2007. №16. С. 66-77.

5. Кунаева Н. В. Аргументативный дискурс: основные подходы к изучению и проблемы анализа [Текст] / Н. В. Кунаева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. №2-2. С. 5-8.

6. Перельман Х. Новая риторика: Трактат об аргументации [Текст] / Х. Перельман // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Наука, 1987. С. 207-264.

7. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура [Текст] : дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Фанян. Краснодар: КГУ, 2000.

8. Eemeren F. H., Grootendorst R. Speech acts in argumentative discussions: A theoretical model for the analysis of discussions directed toward solving conflicts of opinion [Text] / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. Dordrecht: Foris, 1984.

9. Toulmin S. The Uses of Argument [Text] / S. Toulmin. Cambridge, 2003.

Хисамова Г.Г., г. Уфа, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕНСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Функционально-когнитивный анализ художественного текста позволил обнаружить основные направления воздействия автора на читателя. Особенности преломления концепта в художественном тексте являются средством выражения позиции автора по отношению к своим героям, к их поступкам. Эти особенности определяют ментальные единицы, составляющие концепт и имеющие место в структуре художественного текста. Если словарь объединяет их, то в тексте эти структуры реализуются определенным образом, отражая концептосферу писателя. Анализ разных видов концептов и выражающих их ключевых знаков в художественном тексте соотносится с исследованием портретных характеристик в его разнообразных аспектах.

Ключевые слова: концепт, художественный текст, персонаж, портрет, тональность.

FUNCTIONAL AND COGNITIVE ANALYSIS OF FICTION TEXT

Abstract. The functional-cognitive analysis of a fiction text reveals basic tendencies of the writer′s effect on a reader. Specific interpretation of a concept in a fiction text is a means of expression of an author′s attitude to his characters and their actions. This interpretation is identified by mental units being components of a concept and taking place in the structure of a fiction text. Those mental units are integrated in a dictionary, but in a text they are used in a specific way as the representation of a writer′s area of concepts. The analysis of different types of concepts and their key signs in a fiction text relates with the study of descriptions of human appearance in its different aspects.

Keywords*: concept, fiction text, character, description of human appearance, tonality.*

В свете когнитивной парадигмы художественный текст осмысляется как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира, его концептосферы.

Функционально-когнитивный анализ, используемый при исследовании лексико-семантических полей, выражающих концепт, применим и к анализу художественного текста, так как обобщение компонентов семантического пространства, а также существенных для данного текста когнитивнопропозициональных структур позволяет исследователю текста описать концептуализированные текстовые области и выявить базовые для них концепты (Бабенко, Васильев, Казарин 2003: 30-31).

Впервые последовательно и теоретически значимо для многоаспектного лингвистического анализа текста концептуальный компонент его семантики рассмотрен в монографии И.Р.Гальперина, который выделил следующие основные виды информации текста: а) содержательно-фактуальную, б) содержательно-концептуальную, в) содержательно-подтекстовую (Гальперин 1981: 28).

Представляя собой информацию эстетико-художественного характера, концептуальная информация семантически выводится из всего текста как структурно-смыслового и коммуникативного целого, поэтому нацеленный на ее выявление специализированный лингвистический анализ может быть ограничен частной задачей — обнаружением и интерпретацией базовых концептов (или концепта) того или иного литературного произведения, которые в совокупности образуют художественную концептосферу.

Рассматривая художественный текст как усложненную форму коммуникации, когнитивный анализ помогает проследить возможные аспекты взаимодействия когнитивных систем автора и читателя и определить характер этого взаимодействия.

Можно утверждать, что концептуальный, или функциональнокогнитивный, анализ художественного текста связан с нахождением в нем ключевых концептов и определением ключевых знаков, выражающих ключевой концепт. Ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора.

Единицы ЛСП внешности неизбежно присутствуют в структуре художественного текста и являются текстовой реализацией концептов внутреннего мира человека.

Вслед за А.П. Бабушкиным, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы базируемся на разграничении мыслительных структур в рамках базового концепта: концепт-схема (интенциональность), концепт-фрейм (имманентное состояние), концет-сценарий ('трансцендентное состояние), концепт-картинка (проявление состояния), которые имеют место и в структуре художественного текста (Бабушкин 1996; Попова, Стернин 2002).

Лексическое выражение концептов внутреннего мира представлено в функционально-когнитивном словаре В.И. Убийко « Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке» (Убийко 1998). Концепт внутреннего мира человека в художественном тексте строится на когнитивной модели: концепт-схема ––намерение, вызывающее сост9яние; концепт-фрейм - описание внутреннего состояния; концепт-сценарий выражение состояния вовне, его развитие; концет-картинка проявление состояния во внешности.

Лексико-семантическое поле внешности в соотношении с концептосферой внутреннего мира человека можно соотнести с концептом- картинкой.

Значительное место в концептосфере внутреннего мира человека занимают концепты чувственной сферы, которые определенным образом реализуются в тексте. Проблема функции и места эмоций в структуре художественного текста имеет особое значение.

Эмоции персонажа представляют в тексте своеобразное динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир литературного героя в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами.

Статья посвящена функционально-когнитивному анализу лексикосемантического поля внешности в соотношении с концептосферой внутреннего мира человека в художественном тексте. Материалом для анализа послужил рассказ В.М.Шукшина «Горе». Название рассказа задает его тему. В рассказе В.Шукшина «Горе» темой является эмоциональное состояние *горе.* Ключевой концепт — концепт «горе».

Субъектом, испытывающим состояние горя, является персонаж дедушка Нечаев.

Ключевая фраза рассказа; У дедушки Нечаева три дня назад умерла жена, тихая безответная старушка. Она выдвигает на первый план причину эмоционального состояния дедушки Нечаева смерть жены. Согласно данным функционально-когнитивного словаря В.И. Убийко, причина горя соотносится с лексемой беда.

Развитие сценария рассказа представлено следующим образом.

Поведение деда Нечаева, обусловленное состоянием горя, выражается целым рядом **картинок.**

Он шел медленно, вытирая широким рукавом глаза... — Ничо... счас маленько уймусь... мирно побеседуем, — тихо говорил старик и все не мог унять слезы. — Третий день маюсь — не знаю, куда себя деть. Руки опустились... хоть што делай. Вот как! — Первая картинка: вытирая широким рукавом глаза с участием компонента внешности глаза. Вторая картинка: тихо говорил с участием компонента внешности голос. Третья картинка: не мог унять слезы с участием компонента внешности слезы. Четвертая картинка: не знаю, куда себя деть с участием компонента внешности поведение. Пятая картинка: руки опустились с участием компонента внешности руки.

Состояние горя выражается также при помощи словесного потока, в котором содержится глубокая боль утраты, отчаяние, безысходность.

Парасковьюшка... язви тя в душу!.. — Дед Нечай опять заплакал. Громко. Завыл как-то, застонал протяжно: — Э-э-э... у-у... У ш л а А не подумала: куда я теперь? — В шестой картинке громко заплакал участвует компонент внешности голос во взаимодействии со слезами. В седьмой и восьмой картинках (завыл *и* застонал протяжно) также участвует компонент внешности голос.

Сценарий «горе» завершается появлением в рассказе персонажа, соотносящегося с лексемой утешитель, деда рассказчика: - *А кому легко? - успокаивал дед. — Кому же легко родного человека в землю зарывать?.. Терпи. Скрепись и терпи»* — «утешитель» при помощи словесного потока успокаивает деда Нечая и призывает его к терпению (происходит соотношение концептов «горе» и «терпение»).

Он шел впереди, спотыкался и все вытирал кулаком слезы -В девятой картинке (вытирал кулаком слезы), повторяющейся, участвует компонент внешности слезы.

Состояние горя вызывает состояние жалости: *Я смотрел сзади на него, маленького, убитого горем, и тоже такал — неслышно, чтоб дед подзатыльника не дал. Жалко было Нечая».* - Таким образом, концепт «горе» соотносится в рассказе с концептом «жалость». В десятой картинке (убитый горем) участвует компонент внешности вид.

Завершающий элемент цепочки сценария рассказа соотносится с лексемой успокоиться. Решающее значение при этом имеет рассказанная утешителем история о чужом горе, которая вызывает сочувствие у деда Нечая.

Заключительная ключевая фраза: *В окна все лился и лился Мертвый торжественный свет луны. Сияет!.. Радость ли, горе ли тут — сияет!* — Образ луны здесь не случаен. Важное место в концептуальном пространстве рассказа занимает персонаж, соотносящийся с лексемой утешитель, которая имеет решающее значение и в составе самого концепта «горе», выступая в качестве концепта-сценария. Страдания главного героя рассказа - субъекта, испытывающего состояние горя, могли остаться незамеченными так же, как их не замечает луна, и отсутствие утешителя продолжило бы его душевные муки.

Таким образом, в рассказе В.Шукшина «Горе» представлено 10 концептов-картинок, проявляющих основное состояние персонажа горе. Главной особенностью их является сочетание с речью персонажа: портрет сопровождает горестный монолог героя, тем самым показывая интенсивность выражения эмоции. Основные компоненты внешности, функционирующие в данных портретах, —глаза, слезы и голос. При этом описание лексемы голос связано с плачем: громко заплакал, завыл, застонал.

Концептуальный уровень вскрывает моменты, связанные с целостностью текста. Концепт «горе» в рассказе взаимодействует с концептом «жалость». Это взаимодействие объединяет структурные элементы текста. Следовательно, функционально-когнитивный анализ, активно применяемый в изучении лексики, может с успехом реализовать свои возможности при исследовании художественного текста.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л. Г. Бабенко, И Е. Васильев., Ю В. Казарин. М.: Флинта, Наука, 2003.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1996.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. М.: Наука, 1981.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2002.
5. Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке [Текст] / В. И. Убийко. Уфа: РИО БашГУ, 1998.

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ: ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА И ТРАНСЛАТОЛОГИЯ ТЕКСТА

Безрукова Н. Н., г. Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЕГИОНА «АЛТАЙ»)

Аннотация. Статья относится к разделу частной теории перевода и имеет целью рассмотреть основные вопросы, связанные с переводом с русского языка на английский отдельных групп языковых единиц в сфере туризма. В статье рассматриваются проблемы перевода онимов, реалий и языковых единиц, репрезентирующих категорию фасцинативности, в туристическом дискурсе на примере географических регионов Алтайского края и Республики Алтай. Работа носит аппликативный характер и продиктована практической необходимостью привлечения внимания к актуальным вопросам переводоведения в сфере местного туризма, в том числе с целью повышения переводческой компетенции в сфере профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: перевод, туристический дискурс, межкультурная коммуникация, перевод реалий, перевод имен собственных, фасцинативность.

THE MAIN PROBLEMS OF TRANSLATION IN TOURIST DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF «ALTAI» TOURIST REGION)

Abstract. The article deals with translation studies in tourism discourse. The author explores pitfalls in translating proper names, culture specific words and syntactic structures from Russian into English in the sphere of tourism.

***Keywords*:** translation, tourism discourse, intercultural communication, culture specific words, proper names.

Алтай относится к регионам страны, в последние годы наиболее активно развивающим туристическую сферу. Освоение туристического пространства затрагивает очень много околотуристических тем, требующих своего развития. В частности, много вопросов появляется в связи с разработкой лингвистических оснований эффективной межъязыковой коммуникации, особенно в аспекте перевода. Настоящая работа имеет целью обозначить круг переводческих проблем в туристическом дискурсе на примере туристско-рекреационного кластера «Алтай», под которым мы понимаем географические районы Алтайского края и Республики Алтай.

На настоящий момент мы предварительно выделили несколько наиболее актуальных вопросов в сфере перевода туристического дискурса, которые можно разделить на следующие группы: перевод онимов, перевод безэквивалентной лексики, перевод фасцинативных явлений. Ниже мы кратко обозначим проблематику каждой группы. Следует заметить, что сами вопросы не являются умозрительными, они возникли в ходе практики перевода туристских сайтов, буклетов, рекламных и просветительских брошюр, проспектов и других изданий, связанных с развитием и продвижением туризма на Алтае.

Туристический дискурс представляет собой институциональный тип дискурса, он функционирует в рамках общественных институтов (туроператоров, турфирм, авиакомпаний, транспортных предприятий, рекламных агентств, организаций и издательств, разрабатывающих туристическую литературу), но на периферии туристический дискурс обнаруживает черты персонального или личностно-ориентированного типа дискурса. Эти черты проявляются в персональном общении, направленном на организацию маршрутов, туров, поездок, отзывах о турах, услугах, гостиницах, общении гида с туристами и так далее. Также, кратко останавливаясь на том, что такое туристический дискурс, следует отметить, что он представляет собой гибрид художественного и рекламного дискурсов. Его связь с рекламным дискурсом проявляется в первую очередь в его прагматической направленности (продать туристический продукт), однако туристический дискурс отличается от рекламного с точки зрения основной функции, содержания туристических текстов, их стилистических особенностей, полноты предоставляемой информации, типа ценностей, к которым обращается текст. Кроме того, туристический дискурс обладает рядом собственных критериев, отличающих его от других дискурсов. Наличие собственных черт позволяет рассматривать туристический дискурс, как самостоятельный, а не как часть другого дискурса. Фиксированным результатом туристического дискурса является текст, содержащий особую лексику и синтаксис. Для целей настоящей статьи мы рассмотрим те группы лексики, которые вызывают затруднения при переводе с русского языка на английский.

К первой мы относим группу имен собственных. Среди онимов, вызывающих вопросы и расхождения в подходах при переводе, следует особо выделить топонимы, эргонимы и фитонимы. Стратегиям перевода эргонимов (наименований предприятий) и фитонимов (ботанических наименований) мы посвятили отдельные статьи (Безрукова 2015) и в рамках данной работы на них останавливаться не будем. Обозначим кратко вопросы, возникающие в связи с переводом топонимов, наименований географических объектов (районов, сел, гор, хребтов, рек, озер, улиц, площадей и т.д.).

На сегодняшнем этапе развития переводоведения рекомендуемым приемом перевода топонимов является практическая транскрипция при переводе самого имени собственного и калька при переводе слова-классификатора, нарицательного компонента имени. Анализируя готовые переводы туристических текстов, можно увидеть, что большинство переводчиков придерживаются этого правила, хотя встречаются и другие варианты, например, калькирование: *Altai Territory* или *Altai Region* вместо *Altai Krai, North-Chuya Ridge* вместо *Severo-Chuisky Ridge*. Здесь следует отметить, что при переводе урбанонимов (краев, областей, районов, улиц, площадей, трактов и т.д.) применяется как практическая транскрипция, так и калькирование. Выбор приема перевода в данном случае зависит от типа текста и прагматической задачи. Так, при переводе адреса, указателей навигации по местности используется транскрипция (*Pavlovsky Trakt, Lenina Prospekt, Bavarina Ploshchad*), в художественном дискурсе или для решения специальных задач – калькирование (*street, square, district*).

Основная проблема в плоскости этого вопроса заключается в выборе системы транскрипции, отсюда большое количество разночтений при переводе одних и тех же наименований. В практике перевода мы опираемся на систему правил практическои транскрипции, предложенную Д.И. Ермоловичем (Ермолович 2014: 575-576), вместе с тем следует заметить, что в конце 2014 года был принят ГОСТ Р 7.0.34-2014 (http://protect.gost.ru), предусматривающии новые правила записи кирилловского письма буквами латинского алфавита. Однако некоторые пункты нового стандарта вызывают дискуссии среди переводоведов, и вопрос о его повсеместном внедрении в практику перевода пока открытыи.

Другие аспекты при переводе топонимов на английский язык касаются следующих вопросов: порядка расположения частей имени собственного (самого имени и нарицательного компонента – например, *Teletskoye Lake* или *Lake Teletskoye*); использования заглавной или строчной буквы при написании нарицательного компонента; правил использования артикля с разными группами топонимов; поиска соответствий к некоторым нарицательным компонентам, являющимся реалиями (например, *урочище*).

Вторая группа лексических единиц, вызывающая сложности в переводе с русского языка на английский, – это реалии. Данная группа включает в себя лексику, описывающую рукотворные и природные достопримечательности Алтая, ставшие его культурным и историческим наследием, а также явления, касающиеся быта и жизни коренного населения данного региона и имеющие важную культурно-историческую ценность. Все эти понятия в совокупности представляют собой культурно-этнографические ресурсы данной туристической зоны. В качестве примеров можно назвать такие лексические единицы, как *балбалы, чудские копи, каменная баба, камлание, кержак, коновязь, курган, оленный камень, писаница, повязывание дъялама, старообрядцы, аил* и другие. Подобные культурно-специфические единицы встречаются во многих туристических текстах. Их англоязычные словарные соответствия в двуязычных словарях еще не зарегистрированы, поэтому способы перевода таких реалий в каждом конкретном случае решаются индивидуально. Это может быть транслитерация/транскрипция (*balbal, kurgan, ail*), калькирование *(deer stone, old believers)*, аналог *(burial mound, petroglyph)*, описательный перевод *(ancient mines)*. Однако, как известно, реалии являются показателем наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа (Попова, Стернин 2007: 144). Тот факт, что в языке перевода отсутствует соответствующая языковая единица, свидетельствует о том, что не сформирован и сам концепт, ментальная структура, стоящая за языковой оболочкой, и именно лакунарность на уровне когнитивных структур является причиной трудностей при переводе. Возможности перекодировки при помощи транскрипции и других приемов не означает, что у реципиентов перевода будет формироваться в сознании тот же культурный концепт.

Для иллюстрации обратимся к примеру перевода лексической единицы *база отдыха/турбаза*, очень часто встречающейся в туристических текстах по Алтаю. Словарные англоязычные соответствия, которые предлагает словарь, представляются спорными: *recreational compound, camp; recreation facility; leisure base; recreation department; recreation camp; leisure center* (www.multitran.ru). Изучение аутентичных английских текстов соответствующей тематики показывает, что

перечисленные выше слова и словосочетания не употребляются в данном контексте. Чаще всего в английском языке для обозначения места размещения туристов используется слово *hotel*. Очевидно, что структуры знания, которые стоят за словами *hotel* и *турбаза* совершенно разные. Калькированный перевод *tourist base* также представляется неудачным, так как вызывает у носителей английского языка другие ассоциации, скорее связанные с военным лагерем. Наиболее приемлемым в данном случае нам представляется поиск англоязычного аналога, который бы выводил реципиента перевода к тому же самому или наиболее близкому по содержанию концепту (**Турбаза – здание или комплекс зданий, предлагающее размещение, ночлег и питание и, часто, оборудование для развлечения, отдыха и спорта)*. Таким вариантом может быть слово *Lodge and Resort*. Полагаем, что обращение к когнитивной модели перевода, представляющей перевод, как «деятельность по подбору функциональных опор, направленных на создание интегративных когнитивных структур, которые активизируют соотносимые познавательные пространства у коммуникантов с разным этническим сознанием» (Пшенкина 2014: 56), позволит переводчику находить более адекватные варианты перевода.

Отдельного внимания заслуживает группа вопросов, которая касается перевода в туристическом дискурсе языковых средств, репрезентирующих категорию фасцинативности. Под фасцинативностью (от *fascinatio* – очарование) понимается «способность объекта вызывать интеллектуальное удовольствие, эмоциональное и рациональное одновременно» (Рябцева 200, 350), «совокупность характеристик текста, превращающих этот текст в объект притяжения для адресата» (Карасик 2009: 326). Средствами выражения фасцинативности являются различные лексическо-фразеологические и стилистические средства (эпитеты, идиомы, клише, метафоры, образные выражения и т.д.), а также синтаксические, создающие особый стиль коммуникации (вопросно-ответная форма предложений, разговорные сокращения, глаголы в повелительном наклонении и другие). Для туристического текста фасцинативность является неотъемлимым, коститутивным признаком (Поварницына 2015), реализующим его коммуникативное задание, в связи с этим перевод языковых средств категории фасцинативности чаще всего должен выполняться на уровне текста, а не уровне отдельных языковых единиц. Большое количество ошибок при переводе туристических текстов касается именно этой группы переводческих сложностей. Ошибки связаны, как правило, с неумением формулировать стратегию перевода текста с учетом фасцинативности как одной из функциональных доминант этого типа текста, неумением правильно определять единицу перевода, отсюда – большое количество руссицизмов в английском переводном тексте, неадекватное калькирование лексических единиц и синтаксических структур. Обратимся к примеру «Бальзам Чемальский», в котором приведен фрагмент из медицинской аннотации к бальзаму. Оригинал и перевод, размещенные на упаковке бальзама, выглядят так:

БАЛЬЗАМ ЧЕМАЛЬСКИЙ *с маральим корнем (левзеей сафлоровидной)* *Щедр и благодатен Алтай, и особенно уникален по сочетанию природных факторов небольшой уголок его – Чемал. Кристально чистый воздух, ласковое солнце и прозрачные бирюзовые воды Катуни позволяют произрастать поистине драгоценным видам флоры: родиоле розовой (золотой корень), левзее софлоровидной (маралий корень) и бадану толстолистому (чагирский чай).*	*TSCHEMASLKIY BALSAM* *with Maral root (rhapoticum carthamoides)* *Generous and fertile is the Altai, and especially unique due to the combination of natural features is its little part – Tschemal. Only here do the crystal clear air, sweet sun and clear blue waters of the Katun make it possible for really precious species of flora, such as Rhodiola rosea (Golden root), Rhaponticum carthamoides (maral root) and Bergenia crassifolia to grow.*

В данном фрагменте можно увидеть разные средства выражения фасцинативности – большое количество эпитетов, инвертированный порядок слов, эмфатические конструкции. Перевод, как видно из колонки справа, осуществлялся на уровне слова, что в целом не соответствует стратегии перевода данного типа текста, переводчик прибегает к буквализмам и необоснованному калькированию как синтаксических структур, так и лексики. В результате текст в переводе на английский язык получается неаутентичным и не соответствует узуальным нормам языка перевода. Попробуем предложить вариант перевода, в котором категория фасцинативности передается функционально соответствующими средствами и с учетом языковой и речевой нормы английского языка:

Altai can truly be called the land of plenty. Chemal is one of Altai's miraculous places of untouched nature and peace. With its crystal clean air, sweet sun and clean blue waters of the Katun, it provides favorable conditions for the growth of such unique plants as Rhodiola rosea *(golden root),* Rhaponticum carthamoides *(maral root) and* Bergenia crassifolia *(Siberian tea).*

Заметим, что одной из тактик при переводе фасцинативных оборотов, типичных для туристического дискурса (например, *живописный ландшафт, расположен в красивейшем уголке первозданной природы, открывается величественный вид на, производит незабываемое впечатление, безбрежное море тайги* и т.д.), является обращение к параллельным аутентичным текстам, а не к переводным словарям.

Таким образом, работа имеет целью обозначить круг вопросов, возникающих в практике перевода текстов туристического дискурса, требующие нового теоретического и практического осмысления. Надеемся, что привлечение внимания к этим актуальным задачам транслатологии текста, позволит продолжить их дальнейшее исследование, а также положительно повлиять на качество переводов соответствующих текстов.

Библиографический список

1. Безрукова Н. Н. Актуальные вопросы эргонимии: переводческий аспект (на примере перевода наименований предприятий Алтайского Края) [Текст] / Н. Н. Безрукова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: к юбилею профессора Г. Г. Молчановой: сборник научных трудов под ред. В. З. Демьянкова. М.: Тезаурус, 2015. С. 306 – 311
2. Безрукова Н. Н. Проблемы перевода наименований растений с русского языка на английский (на примере фитонимов Алтая) [Текст] / Н. Н. Безрукова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 3. С. 105-109.
3. Карасик В. И. Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2009.
4. Поварницына М. В. Фасцинативность как конститутивный признак креолизованных текстов в массовой интернет-коммуникации [Текст] / М. В. Поварницына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). С. 151-154.
5. Пшенкина Т. Г. Междисциплинарность перевода как отражение интегративных процессов в современной лингвистике [Текст] / Т. Г. Пшенкина // Язык и культура. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2014. № 1 (25). С. 51-62.
6. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект [Текст] / Н. К. Рябцева. М.: Academia, 2005.

Заюкова Е. В., г. Барнаул, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу текстов туристической направленности на английском языке в сопоставлении с русским на основе моделей, разработанных в теории межкультурной коммуникации. Изучение корпуса текстов туристической направленности выявило некоторые особенности коммуникативного стиля американцев в сфере туризма, по сравнению с коммуникативным стилем русских в той же области. Эти особенности коррелируют с определенными параметрами культурных измерений Г. Хофстеде, что позволяет проследить актуализацию значимых концептов американской лингвокультуры в указанной сфере. Учет межкультурной и межъязыковой асимметрии при переводе текстов туристической направленности позволит адекватно адаптировать исходный текст для реципиента, что, безусловно, повлечет за собой более активное продвижение туристского продукта за рубежом.

Ключевые слова: процесс перевода, межкультурная коммуникация, язык и культура, типология культурных измерений Г. Хофстеде, тексты туристической направленности.

INTERCULTURAL AND INTERLINGUAL ASYMMETRY IN TRANSLATION OF TOURIST TEXTS

Abstract. The paper covers the analysis of tourist texts based on the cultural dimensions theory. In studying tourist texts we reveal some peculiarities of communicative style of Americans in the sphere of tourism if to compare it with the one of Russians. These peculiarities are strongly correlated to some parameters of Hofstede's cultural dimensions and this fact helps us observe language realization of some significant concepts in the given sphere. It seems essential to emphasize that when taking into account intercultural and interlingual asymmetry in this type of the text we promote our tourist product in the best way by ensuring its high quality translation.

***Keywords*:** process of translation, intercultural communication, language and culture, G. Hofstede's cultural dimensions theory, tourist texts.

В современном мире исследованию семиотических, и, в частности, языковых, репрезентаций культурного своеобразия народов принадлежит ведущее место. Только познание внутренних культурных особенностей может обеспечить истинное понимание в межкультурном взаимодействии. В данной работе избранный подход заключается в комплексном анализе текстов туристической направленности в рамках теории межкультурной коммуникации. Опираясь на исследование Г. Хофстеде (Hofstede 2001), попытаемся выделить основные характеристики культур, которые находят регулярное отражение в языке.

По отношению человека к другим людям Г. Хофстеде подразделяет культуры на коллективистские и индивидуалистские. В индивидуалистском типе культуре в центре внимания находится отдельный человек, индивид, его права и потребности, с которыми должно считаться и которые должно уважать общество.

В индивидуалистских культурах, наиболее ярким примером которых является американская культура (91 балл по 100-балльной шкале) (Hofstede 2001), этот принцип нашел воплощение, прежде всего, в концепте PRIVACY. Для американцев уединение считается нормой, и это четко прослеживается в текстах туристической направленности.

1. *Luxurious five-star accommodation is offered in 12 African Campaign tents, each with a carefully selected setting ensuring privacy and creating a sense of oneness with nature (www.preferredhotels.com).*

Языковыми средствами репрезентации концепта PRIVACY в примерах (2)-(8) являются существительные *haven, sanctuary, escape, hideaway, getaway,* прилагательные *secluded, intimate.* Использование данных средств в контексте туризма абсолютно четко укладывается в концепцию индивидуализма западного общества, формы мировоззрения, подчеркивающей приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества.

2. *The first spa and golf palace resort in Agadir, Tikida Golf Palace is a privileged haven (www.preferredhotels.com).*
3. *The patio with its grandiose Moroccan architecture style has been crafted using local materials, creating a truly noble and authentic sanctuary where natural light fills the courtyard with a myriad of colors and shadows (www.preferredhotels.com).*
4. *It is an idyllic escape for romance and relaxation (www.preferredhotels.com).*
5. *Mauna Lani offers the ultimate Hawaiian getaway (www.preferredhotels.com).*
6. *26 secluded pool villas with three to six bedrooms offer the finest views of the entire resort (www.preferredhotels.com).*
7. *To complete the Hawaiian retreat, guests can relax at the secluded Hamoa beach or enjoy horseback riding, yoga, tennis, snorkeling, and lei and ukulele lessons (www.preferredhotels.com).*
8. *The Mosaic is an intimate oasis of just 49 guestrooms in the very heart of Beverly Hills (www.preferredhotels.com).*

Репрезентантами данного концепта могут являться единицы различных уровней языка от отдельных слов и словосочетаний до целых речевых произведений.

9. *A serene garden with nature's most beautiful colors and undulating, verdant lawns complements the sanctuary. […] Idyllic and secure, The Last Word Bishopscourt, a Mantis Group Partner, is a luxurious boutique hotel that offers the last word in comfort, tranquility, and privacy (www.preferredhotels.com).*
10. *In the picturesque lobster-fishing village of Kommetjie, The Last Word Long Beach, is the Cape's most romantic hideaway. […] The Last Word Long Beach is the definition of ideal serenity, supreme comfort, and warm South African hospitality. Six luxurious guestrooms are havens of serenity and comfort (www.preferredhotels.com).*

В примерах (9), (10) целый ряд лексических единиц и сочетаний актуализирует семы *'free from observance and disturbance', 'safety', 'solitude'*. Данный контекст подчеркивает важность иметь личное пространство, а также приоритет и защиту частных интересов.

Актуализация культурной доминанты *индивидуализм* также происходит с помощью устойчивых выражений, характерных для текстов туристической направленности.

11. *All the services and facilities of a grand hotel are found under one roof at the Lyall Hotel and Spa, yet on a more intimate and personal scale. Local secrets are shared and the service is tailor-made (www.preferredhotels.com).*
12. *Featuring exemplary personalized service with a warm Western touch, this exceptional chateau-style hotel… (www.preferredhotels.com).*

Языковой репрезентацией оппозиции индивидуализма/коллективизма является также использование форм единственного и множественного числа. Так, в английском языке типичным является употребление существительного в единственном числе в следующих случаях:

13. *44 deluxe suites appeal to the most sophisticated traveler (www.preferredhotels.com).*

Русская национальная культура является коллективистской в своей основе, и в таких случаях, как правило, используется существительное во множественном числе:

14. *Развитая инфраструктура крупных курортов отвечает запросам самых взыскательных туристов (villaelenahotel.ru).*

Параметр Г. Хофстеде «маскулинность vs фемининность» (Hofstede, 2001), в основе которого лежит принцип соревновательности, конкуренция, стремление к получению лучшего, к победе (признаки маскулинности), также находит свое отражение в текстах туристической направленности:

15. *Few places in the world rival the beauty and splendor of Beaver Creek, Colorado (www.preferredhotels.com).*

16. *Each spacious suite rivals other resorts in Maine, featuring a comfortable living room, expansive bathroom, and romantic bedroom with plush king size bed, accented with warm yet modern fireplaces, flat screen TVs, and a carefully chosen selection of the most exquisite designer furniture and fine art (www.camdenharbourinn.com).*

17. *We offer state-of-the-art meeting facilities, deluxe accommodation, award-winning dining and spectacular views of the bay and city (www.radissonsas.com).*

Благодаря исследованиям М. Минкова, были уточнены некоторые из первоначальных значений теории культурных измерений, и Г. Хофстеде выделил еще одно измерение «допущение / сдержанность» (Hofstede *et al.* 2010). Допущение является мерой счастья, степенью удовлетворения простыми радостями жизни. Так, по данному параметру выделяют общества с высокими показателями допущения, и они определяются как позволяющие относительно свободное удовлетворение основных и естественных человеческих желаний, связанных с наслаждением жизнью и получением удовольствий. Американская культура является наиболее ярким примером такого типа (68 баллов). Человек стремится быть хозяином жизни, контролировать происходящее и подчинять события своей воле. Значимым в рамках данной культуры является готовность реализовать свои порывы и желания в отношении того, чтобы наслаждаться жизнью и получать удовольствие. Они обладают позитивным отношением и имеют тенденцию к оптимизму. Кроме того, они устанавливают более высокую степень значимости на время отдыха, они действуют так, как им заблагорассудится, и тратят деньги так, как они хотят.

Ключевыми словами данного типа культуры в туристическом дискурсе являются слова *indulgence* и *pampering*, воплотившими в себе принцип максимального удовлетворения желаний и включающими в себя такие ключевые ценности американской культуры, как потворство своим желаниям, капризам.

Английский язык отражает этот принцип американской культуры во многих стандартных для туристического дискурса фразах:

18. *The resort's ultimate indulgence is a personal concierge, who performs every task from creating complete trip itineraries to reserving one of the resort's master chefs for an exclusive dinner in a guest's private kitchen (www.preferredhotels.com).*

19. *ENO provides a one-of-a-kind tasting experience of the three most delectable indulgences: fine wine, rare cheeses, and gourmet chocolate (www.preferredhotels.com).*

20. *Barnsley Gardens Resort treats guests to the finest in accommodations, cuisine, recreation, and indulgent living (www.preferredhotels.com).*

21. *Gayana pampers both the body and the enlightened soul (www.preferredhotels.com).*

22. *Today, it is a luxurious haven with one-of-a-kind amenities and endless pampering (www.preferredhotels.com).*

23. *Guests will indulge with personalized service the exclusive "Your Desires" program, poolside pampering, walks along the beach, and spectacular sunsets (www.preferredhotels.com).*

Наиболее активно в текстах туристической направленности употребляются эпитеты, эксплицирующие сему '*pleasure'*:

24. *The Rice House features a delectable epicurean menu (www.preferredhotels.com).*

25. *The cocoa butter lifestyle of beautiful South Beach (www.preferredhotels.com).*

Низкие показатели по данному параметру характеризуют общества, которые контролируют удовлетворение потребностей и регулирует его с помощью строгих социальных норм.

«Допускающие» общества осознают собственный контроль над своей жизнью и эмоциями, а «сдержанные» общества полагают, что на их жизнь и эмоции оказывают влияние другие факторы.

Сдержанный характер русской культуры хорошо виден через очень низкий балл (20) в этом измерении. Общества с низким показателем в этом делают небольшой акцент на время отдыха и контролируют удовлетворение своих желаний. В обществах, где сдержанность является ценностью, преобладают строгие социальные правила и нормы. Этим можно объяснить и относительную сдержанность в использовании языковых средств выражения эмоциональной информации в описании туристских дестинаций.

Обращение к культурным моделям способствует лучшему пониманию и анализу национального менталитета и национального характера представителей тех или иных народов. Используя результаты межкультурного измерения наций, проведенного Г. Хофстеде, можно изучить и проанализировать систему ценностей различных культур и народов. Это позволяет лучше понять и осознать картину мира, менталитет американцев, их культурные и духовные ценности, что, в свою очередь, благоприятствует эффективному общению в многоязычном мире. Учет особенностей американского коммуникативного стиля в туристической сфере позволит выполнять адекватный перевод, который в этом случае предполагает применение не только собственно переводческих, но и адаптивных стратегий, поскольку переводной текст должен соответствовать традициям, которые хорошо известны адресату ПТ.

Библиографический список

1. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind [Text] / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. McGraw-Hill (USA), 2010.
2. Hofstede, G. Culture’s consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations, 2001.

Список источников практического материала

1. Сайт гостиницы Camden Marine Hotel URL: www.camdenharbourinn.com
2. Сайт группы гостиниц Preferred Hotels and resorts URL: www.preferredhotels.com
3. Сайт гостиницы SAS Radisson URL: www.radissonsas.com
4. Сайт гостиницы Villa Elena Hotel and Residences URL: www.villaelenahotel.ru.

Ивлева М. А., г. Новосибирск, Россия

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается опыт использования облачной платформы SmartCAT в ходе учебной и производственной переводческой практики студентов 4 курса бакалавриата.

Ключевые слова: переводческое ПО, облачная платформа SmartCAT, дидактика перевода.

THE USE OF TRANSLATING SOFTWARE IN TEACHING FUTURE TRANSLATORS

Abstract. The paper is devoted to analyzing the application of cloud platform SmartCAT during the translation internship of Bachelor translation training program.

Keywords: translation software, cloud platform SmartCAT, translation training.

Современная практика обучения иностранным языкам вообще и переводу в частности предполагает обязательное применение различных информационно-коммуникационных технологий (Смирнова 2016). Более того, одним из важных требований к начинающему переводчику в переводческих агентствах является владение современным переводческим ПО, причем желательно владение несколькими из наиболее распространённых CAT tools (Computer Assisted /Aided Translation), таких как TRADOS, Memsourse и т.п. (Топ-10 популярных программ автоматизации письменного перевода TMS/CAT в России 2018). Важность овладения компьютерными технологиями для будущих переводчиков подчеркивается в современном переводческом сообществе (Нечаева, Степанова 2017).

При обучении по специальностям «Лингвист-переводчик» и «Переводчик английского и русского жестового языков» обязательным является прохождение учебной и производственной переводческих практик на 4 курсе. В рамках учебной практики от студентов требуется найти текст для перевода на иностранном языке, найти и изучить тексты на русском языке по сходной тематике, провести предпереводческий анализ переводимого текста, составить глоссарий к переводимому

тексту с учетом употребляемых в русском языке терминов, верифицируя их в различных источниках. В рамках производственной практики от студента требуется перевести текст, и проанализировать часть перевода с точки зрения использованных способов и приемов перевода.

К 4 курсу бакалавриата студенты знакомы как минимум с одним переводческим интернет ресурсом, поскольку в «Практическом курсе перевода английского языка» детально рассматривается работа бесплатной облачной платформы SmartCAT, разработанной в России компанией ABBYY LS.

Данный ресурс совмещает память переводов (Translation Memory – TM), системы машинного перевода (Machine Translation – MT), управление терминологическими базами (глоссариями), словарь и систему контроля качества перевода. SmartCAT работает с большим количеством форматов документов, заявляя, что память перевода и глоссарии данной платформы совместимы с продуктами TRADOS – лидера в сфере переводческого ПО в России.

Студенты 3-4 курсов учатся верстать документы, загружать их в SmartCAT, редактировать машинный перевод, добиваясь его эквивалентности оригиналу, выгружать документ в нескольких форматах.

После прохождения учебной и производственной практики студенты пишут рефлективное эссе, в котором они анализируют свои переводческие успехи и неудачи. По отдельной просьбе преподавателей студенты высказывали мнение об опыте использования облачной платформы SmartCAT при выполнении заданий практики. В 2017 году 48 студентов 4 курса проходили учебную и производственную практику на кафедре иностранных языков. 40 из них использовали в своей работе SmartCAT, и 34 человека описали опыт применения ресурса, рассмотрев преимущества и недостатки данной платформы.

Основные преимущества платформы, описанные студентами, представлены на рисунке 1.

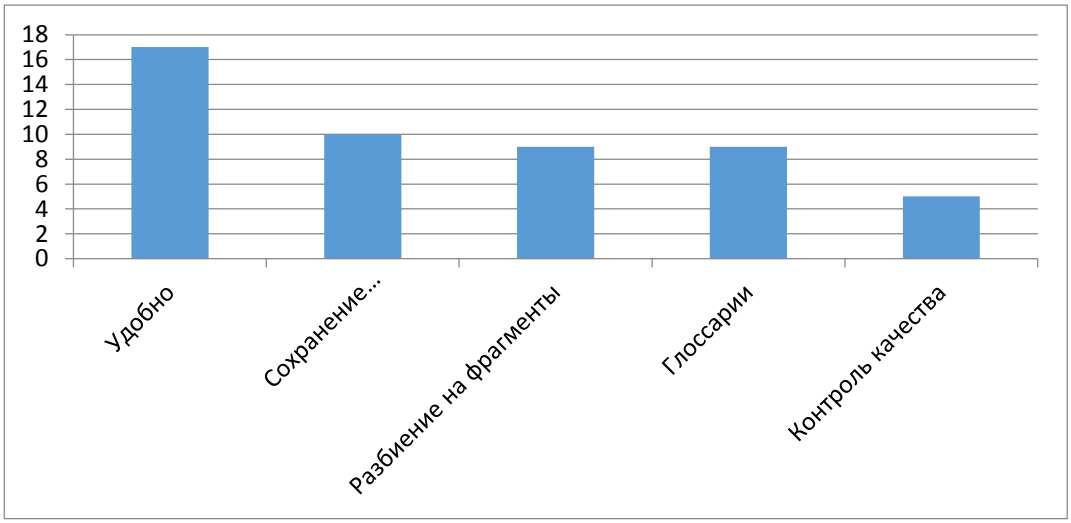

Рис. 1. Основные преимущества облачной платформы SmartCAT, выделенные студентами 4 курса при прохождении учебной и производственной практики.

К другим положительным моментам применения облачной платформы SmartCAT студенты отнесли рациональный интерфейс, табличную форму изображения оригинала и перевода, возможности быстрого поиска по текстам оригинала и перевода, автоматическое сохранение результатов работы, визуализацию прогресса выполнения перевода, возможность работы в любом месте.

В определении недостатков платформы SmartCAT студенты оказались намного сдержанней, однако, парадоксальным образом, некоторые положительные моменты вызывали отрицательную оценку. Так, 4 человека отметили сложности освоения программы, особенно в использовании тегов для сохранения оригинального форматирования, 6 человек считают, что разбиение текста на фрагменты лишает его связности и осложняет процесс перевода, 2 человека нашли визуализацию прогресса работы демотивирующей. К недостаткам также отнесли низкое качество машинного перевода и встроенного словаря, выделение несуществующих ошибок (буквы ё), некорректное разбиение на фрагменты, неудобный интерфейс. 2 человека отметили, что у облачной платформы SmartCAT нет очевидных преимуществ по сравнению с другим переводческим ПО с точки зрения

функциональности, что говорит об их самостоятельном освоении других видом переводческих ресурсов.

Руководители практики отмечают, что проверка работ, выгруженных в табличном формате, оказалась достаточно удобной, что позволило эффективно принимать отчетность по практике.

Учитывая предыдущий опыт применения облачной платформы в обучении переводу (Ivleva, Melekhina 2018), можно рекомендовать применение в обучении переводу нескольких видов переводческого ПО, чтобы у студентов сформировалось целостное представление о современном рынке переводческих программ и платформ, а также обо всем спектре возможностей, представленном современными информационными технологиями. К перспективным направлениям подготовки будущих переводчиков следует отнести и проектную деятельность, которая позволит обучиться управлению проектами, работе в команде и другим востребованным на переводческом рынке навыкам.

Библиографический список

1. Нечаева Н. В. Актуальные направления развития вузовской подготовки переводчиков (по результатам TRANSLATION FORUM RUSSIA 2017) [Текст] / Н. В. Нечаева, М. М. Степанова // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы. Сборник научных трудов. М., 2017. С. 168-179.
2. Смирнова О. А. Необходимость внедрения электронных средств перевода в процесс обучения иностранному языку [Текст] / О. А. Смирнова //Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2016. №. 12. С. 338-339.
3. Топ-10 популярных программ автоматизации письменного перевода TMS/CAT в России URL: https://translationrating.ru/top-10-tms-2018/.
4. Ivleva M. A., Melekhina E. A. Cloud platform SmartCAT in teaching future translators [Text] / M. A. Ivleva, E. A. Melekhina // Linguistic and cultural studies: traditions and innovations: proc. of the 27 intern. conf. on linguistic and cultural studies (LKTI 2017), Tomsk, 11–13 Oct. 2017. Springer, 2018. P. 155-160.

Сабурова Н. А., Антоненко Н. Д., г. Хабаровск, Россия

УЧЕТ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В статье рассмотрены языковые средства выражения ценностей спортивного дискурса: прецедентные феномены, фразеологические единицы и метафоры Проанализированы способы сохранения этих средств при переводе с английского языка на русский. Выявлены основные способы сохранения ценностного потенциала при переводе языковых средств в различных жанрах спортивного дискурса: полный перевод и функциональный перевод, осуществляемый путем лексико-семантических, грамматических и стилистических трансформаций.

Ключевые слова: спортивный дискурс, аксиологическая картина мира, прецедентные феномены, фразеологические единицы, метафоры, лексико-семантические, грамматические и стилистические трансформации.

AXIOLOGICAL ASPECTS OF SPORTS DISCOURSE IN TRANSLATION

Abstract. The article deals with the language means expressing the values of sports discourse: precedent phenomena, phraseological units and metaphors. The ways of preservation of these language means in translation from English into Russian are analyzed. The main ways of preserving the value potential of language means in translating different genres of sports discourse are revealed: full and functional translation, carried out by means of lexico-semantic, grammatical and stylistic transformations.

Keywords: sports discourse, axiological world picture, precedent phenomena, phraseological units, metaphors, lexico-semantic, grammatical and stylistic transformations.

Исследования в области аксиологических проблем лингвистики и переводоведения проводятся такими учеными, как Н.А. Сидорова, Е.В. Аверьянова, Н.К. Рябцева, Л.В. Кушнина, Н.Ю. Георгиева, Н.Г. Гончар, С.С. Назмутдинова, И.Н. Хайдарова, П.Р. Юзманов и др. Учеными подчеркивается неразрывная связь между аксиологическим переводоведением, приобретающим статус самостоятельного лингвистического направления. Отметим, что аксиологические аспекты перевода представляют собой одну из самых сложных и противоречивых проблем современного переводоведения, поэтому вопрос об аксиологических параметрах текста перевода остается открытым.

Говоря о ценностях, нужно затронуть такое понятие, как аксиологическая картина мира, т.к. именно ценность признается ее базовой единицей, являясь результатом позитивной оценки

внутреннего и внешнего мира, на которые ориентируются личность и общество в своей деятельности, и выражения его отношения к различным процессам окружающей действительности. Оценка складывается из акта сравнения собственной оценки и рекомендаций к отбору того, что признается ценностью (Алексеев 2003: 410).

А. С. Ваничкина в системе ценностей выделяет четыре основные группы ценностей:

1) конкретные и абстрактные;

2) индивидуальные, групповые, этнические и общечеловеческие;

3) моральные и утилитарные, суперморальные и субутилитарные;

4) конкретно-исторические и универсальные ценности (Ваничкина 2010: 28).

Для репрезентации перечисленных ценностей используются различные языковые средства, и наиболее общим способом включения ценностей в спортивный дискурс является коммуникативная стратегия прецедентности. Выделяются прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания.

Перевод прецедентных феноменов – довольно сложная задача, было замечено, что прецедентные единицы обладают большим объемом текстовой информации, и следует отметить, что часто информация имеет национально-культурную специфику и является трудной для перевода на другой язык (Виноградов 2001: 224). Для адекватного перевода необходимо обладать рядом знаний. Переводчик должен обладать не только фоновыми знаниями, но и знанием специфики культуры.

Выделяются следующие причины, из-за которых переводчики сталкиваются со сложностями при передаче прецедентных феноменов:

1. Отсутствие предмета или явления в действительности языка перевода, а в связи с этим, отсутствие в языке перевода языкового знака для обозначения этого предмета или явления.

2. Необходимость передать не только предметное значение (то есть денотат), но и сохранить национальную специфику данного понятия (Халезина 2017: 35).

Рассмотрим способы сохранения ценностного потенциала при переводе прецедентных феноменов.

При переводе выбранного нами жанра произведения – биографической спортивной драмы «Moneyball», написанной М. Льюисом, – были использованы прецедентные имена – хрононимы, перевод которых не вызвал трудностей, так как в переводящем языке имеются полные соответствия – эквиваленты, например, *Olympic Games – Олимпийские игры; The European Baseball Championship – Чемпионат Европы по бейсболу, Major League Baseball – Главная лига бейсбола.* Ценностный потенциал прецедентных единиц был полностью передан на переводящий язык, основными ценностями выступили: мир, спортивное единство. Но подобрать эквивалент в переводящем языке не всегда легко, на помощь переводчику приходят трансформации. Так, при переводе антропонимов используется способ транслитерации, например, *Darnell Coles - Дарнелл Колс, Cecil Espy - Сесил Эспи, Garry Harris - Гэри Харрис, Catfish Hunter - Катфиш Хантер, Billy Beane – Билли Бин* (Льюис 2003). Имена великих спортсменов широко известны среди представителей бейсбола, основанными ценностями в исходном языке и в переводящем языке выступают: успех, мастерство, популярность.

Еще один интересный пример использования транслитерации используется в жанре поэзии. Так, например, в стихотворении «The Olympic Swimmer» автор задается вопросом: что же делает мужчину похожим на Кинг-Конга? Напомним, что Кинг-Конг (King Kong) — гигантский обезьяноподобный монстр, популярный персонаж массовой культуры — придуман американским сценаристом и режиссёром Мерианом Купером. Впервые он представлен публике в одноимённом фильме 1933 года, где изображен гигантским доисторическим приматом, дожившим до наших дней. В настоящее время данный персонаж всемирно известен: речь идет об общечеловеческих ценностях, монстр представляется сильным и неуязвимым животным для каждого человека. Кроме того, в данном примере автор сам отвечает на поставленный вопрос, он сравнивает Кинг-Конга с американским пловцом Майклом Фелпсом (Michael Phelps), описывая его выдающуюся технику плавания. При переводе автору удается сохранить ту образность, которая передает ценностный аспект. Также можно заметить, что имя Майкл Фелпс является прецедентным, пловец широко известен по всему миру благодаря своим спортивным достижениям. Его имя – маркер экспликации общечеловеческой группы ценностей:

What thing seems to make men King Kong?
It lies under Michael Phelps' thong
With each stroke of grace
See a free style freebase
That huge bulging spot is a bong (сайт: Poetry Soup Home Page).

При переводе эргонимов, как и при переводе антропонимов, зачастую используется транскрипция. Так, например, *New York Yankees – Нью-Йорк Янкиз, Detroit Tigers – Детройт Тайгерс, Oakland Athletics – Окленд Атлетикс, Atlanta Braves – Атланта Брэйвз* (Льюис 2003). Благодаря книгам и фильмам, в которых фигурировали перечисленные команды, на сегодняшний день они не просто известны американскому и русскоязычному населению, у людей создаются образы, с их помощью сохраняется ценностный потенциал: успех, популярность, сила.

В речи комментаторов и спортсменов часто используются прецедентные высказывания, которые имеют свои способы перевода. Так, например, в репортаж были вставлены фрагменты интервью с бейсболистом Delray Rawlins (Делрей Ролинс) о предстоящих играх и отборе в команду Суссекс: «*I'm hoping to put my name in the hat for selection with Sussex. It's a young and exciting team, but there's also those older guys who have been around the international scene and I'll be looking to learn as much as I can off them»* (сайт: Lord's The Home of cricket). При переводе фразы «*I'm hoping to put my name in the hat»* («Я надеюсь положить свое имя в шляпу для отбора в команду Суссекс») переводчик использовал функциональный способ перевода — синтаксическое уподобление. Это связанно с тем, что выражение возникло из известной и у нас практики класть в шляпу записки с именами, а затем наугад вытаскивать из шляпы единственную записку, чтобы определить победителя. Причем в истории Англии было принято, что если кто-нибудь вписывал свое собственное имя в такую записку, он имел право стать победителем. Фраза несет историческую ценность. Она неоднократно использовалась в повседневной жизни людей. Поэтому перевод ее понятен и носителям русского языка, тем самым комментарии переводчика не нужны. Точная и полная передача исходного прецедентного высказывания помогает создать образ, который заложен в тексте оригинала. Он является средством выражения таких ценностей, как уверенность в себе, успех, популярность.

Перейдем к способам сохранения ценностного потенциала при переводе метафор.

Согласно трудам В. Н. Комиссарова, выделяются три способа сохранения образа, а, следовательно, и сохранения ценностного потенциала:

1) 1-й способ перевода основан на том же самом образе, когда метафора в исходном языке присутствует и в переводящем языке (Комиссаров 1990:127). В данном случае применяется функциональный способ перевода – эквивалент, и при переводе не возникает никаких сложностей. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. На примере спортивного комментария продемонстрируем сохранение ценностей в переводах с исходного языка на переводящий язык. Так, во время комментария свободной программы на чемпионате мира по фигурному катанию в речи комментатора была использована метафора: *«…Oh, no, she have draw 79 points. It was her the only ray of hope, to be a champion in this free program…» – « О, нет, она набрала 79 очков. Это был ее единственный проблеск надежды, чтобы стать чемпионом в свободной программе».* Метафора *«ray of hope»* – проблеск надежды. Так, в данном контексте удалось передать и сохранить такие ценности, как успех, сила, популярность.

2) 2-й способ, синтаксическое уподобление, используется, когда в переводящем языке нет эквивалента или аналога (Комиссаров 1990:127). Данный перевод может быть использован лишь в том случае, если образность легко воспринимается русским читателем и не создаёт впечатления неестественности. Так, при переводе рекламного текста – рекламы матча популярных американских сборных по футболу Манчестер Юнайтед и Челси — был создан образ чего-то большого, сильного, могущественного, на основании образа выделяются такие ценности, как успех, сила, популярность, мужественность. Ср.: *«The battle of two English titans: Manchester United and Chelsea» – «Битва двух английских титанов — Манчестер Юнайтед и Челси».*

3) 3-й способ — описательный перевод — используется в целях объяснения смысла метафоры, которая не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента, и в связи с этим переводчику не удается прибегнуть к дословному переводу (Комиссаров 1990:127). Например, в тексте биографической спортивной драмы «Moneyball» М. Льюиса была использована метафора *«as busy as a beehive» – «работа кипела, как в улье»*. Так, с помощью описательного перевода переводчику удалось сохранить образ целеустремленности, стремления к победе благодаря усиленным тренировкам. При этом сохранились и были выделены такие ценности, как сила, популярность, мастерство, целеустремленность. Ср.: *«The baseball diamond was at once as busy as a beehive, on „easy street" again, as the expression went, „in clover"«. - «На бейсбольной площадке работа кипела, как в улье, и дела его сразу поправились, всё шло как по маслу»* (Льюис 2003).

Перейдем к способам сохранения ценностного потенциала при переводе фразеологических единиц. Так, при переводе фразеологизмов основной проблемой является то, что дословный перевод чаще всего является неприемлемым, так как в таком случае теряется образность выражения. Поэтому

зачастую при переводе фразеологизмов используются такие лексические трансформации, как антонимический перевод, конкретизация и генерализация. Строго лексический перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом – словом. В отличие от «дословного» и ближе к тому, что называют свободным переводом, смысловое содержание ФЕ может быть передано переменным словосочетнанием. Однако в контексте любое соответствие должно приобрести «фразеологический» вид или, по меньшей мере, стилистическую окраску и экспрессивность (Воробьев 1998: 268).

Большинство исследователей — В. Н. Комиссаров, Л. Ф. Дмитриева, Н. Ф. Смирнова — выделяют четыре основных способа перевода образной фразеологии. Первый тип соответствий обычно именуют фразеологическими эквивалентами. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в переводящем языке имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала. Например, во время комментария матча по американскому футболу женской команды «Леди Бульдоги» (Lady Bulldogs) в исходном языке использовался фразеологизм *«armed to the teeth»* – на переводящем языке это означает «вооружены до зубов», в обоих случаях создается образ идеальной физической и моральной подготовки женской сборной по американскому футболу, благодаря данному образу возможно выделение таких ценностей, как сила, уверенность в себе, спортивное единство, хорошая физическая форма. Ср.: *«Heading into the season, volleyball pundits were already considering NU as the team with the best chance of landing a Finals spot. The Lady Bulldogs were armed to the teeth. They have an intact and experienced crew centered on a 6-foot-5 hitter who could play middle and on both wings» – «В начале игры волейболистов уже рассматривали как многообещающую команду со всеми шансами попасть в финал. Леди Бульдоги были «вооружены до зубов». Опытная команда с полным составом, нападающий ростом 6 или 5 футов, которая играет на центральной и на других позициях»* (сайт: ABS&CBN SPORTS).

Как отмечает В. И. Карасик, второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые фразеологические аналоги. В случае отсутствия в переводящем языке фразеологического эквивалента, следует подобрать такой же фразеологизм с переносным значением, но основанный на ином образе. Так, например, в репортаже со Стефаном Орнесом (Stephen Ornes) о матче студенческой команды была использована идиома «keep your eye on the ball». Ср.: «Every baseball player, from T-ball tots to major leaguers, has heard the same advice: Keep your eye on the ball. For big league batters, that's no easy task. Pitches scorch in at 145 kilometers (90 miles) per hour. That means they reach the plate less than half a second after leaving a pitcher's hand. For a bat to connect with the ball, players have to be fast and strong. And, it now turns out, they also have to use their heads…» (сайт: Science news for students). В этом примере мы можем заметить, что переводчик использует функциональный способ перевода – функциональный аналог *«keep your eye on the ball» – «держать свои взор на мяче»* (означает быть сосредоточенным на том, что вы делаете в настоящее время, сфокусировать своё внимание на текущих задачах). Но в данном примере применение такой стратегии не нуждается в комментариях переводчика для понимания феномена. Идиома не теряет смысл и остается понятной для носителей обоих языков, идиома не несёт и национально-культурной специфики, поэтому данный фразеологизм выражает общечеловеческие ценности. Ценностный потенциал полностью сохранен, выделяются такие ценности, как сила, здоровье, целеустремленность, уверенность в себе.

В переводящем языке не всегда возможно подобрать эквивалент или аналог, так, например, в репортаже матча между командами Оклахома Сити Энерджи и Колорадо Рэпидз для передачи и сохранения ценностного потенциала фразеологической единицы переводчику пришлось прибегнуть к описательному переводу. Основными выделенными ценностями стали здоровье, успех игры, целеустремленность, популярность. Ср.: «…Then, at the end of the half, Burling leapt and landed on an OKC players foot and tumbled to the ground, screaming, and had to be helped off by a trainer. Burling wouldn't return until later September, by which point the season was dead as a doornail…» – «… Затем, в конце первого тайма Берлинг подпрыгнул и, споткнувшись о ногу игрока Оклахома Сити Энерджи, с криком упал на землю. Тренер вынужден был помочь ему. Теперь Берлинг не будет участвовать в матчах до конца сентября. Данный инцидент определил судьбу сезона: последующие игры будут провалены…» (репортаж: 2017 Player Reviews: Bobby Burling).

Таким образом, основными средствами реализации ценностей при переводе являются: прецедентные феномены, фразеологизмы и метафоры. Для создания адекватного перевода текстов спортивного дискурса с сохранением всех средств аксиологической модальности переводчик должен уметь применять трансформационную методику, которая поможет ему в полной мере сохранить функции сообщения и воздействия, заложенные в тексте оригинала. Основными ценностями,

выделяемыми при переводе жанров спортивного дискурса, являются здоровье, успех игры, сила, целеустремленность, популярность, уверенность в себе, спортивное единство, хорошая физическая форма.

Библиографический список

1. Алексеев П. В. Познавательное — практическое — ценностное [Текст] / П. В. Алексеев. Философия: учебник. М.: 2003.
2. Ваничкина А. С. Аксиологические аспекты британской рекламы [Текст] / А. С. Ваничкина. М.: 2010.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В. С. Виноградов. М.: РАО, 2001.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы [Текст] / В. В. Воробьев. М.:1998.
5. Комиссаров В. Н., Коралова А. Л. Практикум по переводу с английского языка на русский [Текст] / В. Н. Комиссаров, А. Л. Коралова. М.: Высш. шк., 1990.
6. Халезина Э. С. Способы перевода прецедентных феноменов в англоязычном художественном тексте [Текст] / Э. С Халезина. Челябинск: 2017.

Смотряева К. С., г. Барнаул, Россия

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ИМИДЖА РЕГИОНА И ЕГО СТОЛИЦЫ

Аннотация. Формирование внешнего имиджа региона и его столицы в сознании инофонов позволяет выгодно представить их в международном пространстве. Перевод имиджеобразующих материалов (текстов СМИ, путеводителей, брошюр) должен не только осуществляться с позиций теории динамической эквивалентности, но и базироваться на результатах лингвокогнитивного анализа англоязычных СМИ.

***Ключевые слова*:** позиционирование, внешний имидж, перевод, динамическая эквивалентность, Алтайский край, Барнаул.

THE ROLE OF THE TRANSLATOR IN THE PROCESS OF FORMING THE EXTERNAL IMAGE OF THE REGION AND ITS CAPITAL

Abstract. The external image of the region and its capital that gets into the mind of non-Russian speakers promotes them in the international environment. Translation of image-making texts (mass media, travel guides, pamphlets) should be based on both the theory of dynamic equivalence and linguo-cognitive analysis of English mass media.

Keywords: positioning, external image, translation, dynamic equivalence, Altai Krai, Barnaul.

Создание внешнего имиджа отдельного региона и его столицы в сознании инофонов позволяет выгодно представить их в международном пространстве и повысить их узнаваемость. Очевидным является тот факт, что трансляция внешнего имиджа должна осуществляться на иностранном языке, и материалы, передающие этот образ, должны переводиться с позиций теории динамической эквивалентности Ю. Найды, где переводчик стремится «создать динамическую связью между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала» (Nida 1964: 159).

Перевод имиджеобразующих материалов представляет собой особую трудность, поскольку целью создания подобных текстов является не столько сообщение объективных сведений и фактов о регионе и его столице, сколько их продвижение, которое непосредственно связано с механизмами позиционирования. Теория позиционирования, в свою очередь, относится к области экономики, где под позиционированием понимается операция с сознанием потенциальных покупателей, «атака на сознание», залог успеха которой заключается в создании «уникальной ниши в сознании потребителя» (Траут: URL). Междисциплинарная интеграция современного научного знания делает возможным воспользоваться концептуальным аппаратом когнитивной лингвистики, дающей исследователям опосредованный доступ к сознанию человека и позволяющей спрогнозировать его ментальную активность, что подводит нас к тому, что позиционирование – это лингвокогнитивная операция моделирования картины мира адресата, заключающаяся в закреплении в данной модели необходимой для отправителя информации (см. Квят 2010). Необходимо отметить, что американские маркетологи уверены, что для защиты от колоссального объема информации сознание человека принимает лишь то, что соответствует уже имеющимся в нем представлениям, знаниям и опыту. Следовательно, отправителю (переводчику, в нашем случае) для достижения цели коммуникации необходимо

активировать именно те когнитивные структуры, которые уже существуют в модели мира инофона, иначе его перевод не будет оказывать должный коммуникативный эффект.

Результатом реализованной стратегии позиционирования является создание имиджа, под которым понимается «ментальный конструкт, формируемый посредством информационного воздействия с целью закрепления в модели мира адресата устойчивого набора представлений и ассоциаций, связанных с территорией» (Сушненкова 2011: 13). Имидж – это управляемый инструмент, призванный обеспечить регион и его столицу узнаваемостью. В случае правильного позиционирования создается привлекательный и положительный имидж, что и является по сути той сложной задачей, которую переводчику необходимо решить, ведь источником текстов, с которыми он работает, выступают представители русскоязычного лингвокультурного сообщества, транслирующие внутренний имидж региона, тогда как ему необходимо моделировать картину мира инофона.

Известно, что представление о регионе может формироваться вследствие личного опыта или опосредованно. При отсутствии личного опыта в сознании инофонов активизируются стереотипные представления, транслируемые зарубежными СМИ, и зачастую именно они являются основой внешнего имиджа. Стереотипы – это когнитивные обобщения, сформированные ранее структуры знаний, существующие в обыденном сознании (Терских 2015: 43-52), и обращение к ним в аспекте формирования имиджа региона и его столицы отвечает принципам теории позиционирования, ведь адресат отсекает «лишнюю» информацию, принимая лишь то, что соответствует уже имеющимся у него представлениям.

Контент-анализ англоязычных СМИ (CNN, The Guardian, UK – Daily Mail) позволил обнаружить, что для инофона столица региона Барнаул – это прежде всего город, расположенный в Сибири: *residents in the **Siberian** town of Barnaul, police in the **Siberian** city of Barnaul*; *a town in **Siberia**, in the southern **Siberian** city of Barnaul*; *a Russian city in western **Siberia***. В данном случае мы наблюдаем пример иерархического переноса ассоциаций, при котором «при отсутствии достаточной информации о конкретном регионе комплекс ассоциативных представлений «вокруг» его базового представления может сформироваться автоматически на основе существующего комплекса иерархически связанного с ним базового представления» (Кирюнин 2000: 94). Апеллирование к суперрегиону (термин А.Е. Кирюнина) *Siberia* может свидетельствовать о том, что вокруг него уже сформировался комплекс стереотипных представлений. Следовательно, переводчику необходимо использовать данный элемент, в силу его возможности активизировать когнитивную структуру, содержащуюся в модели мира инофона.

В статьях, посвященных Барнаулу и написанных представителями англоязычного лингвокультурного сообщества (переводные с русского языка на английский материалы, которыми изобилует Интернет, не рассматривались, поскольку переводчику необходимо апеллировать к стереотипным представлениям, имеющимся в сознании инофонов, а не русскоговорящих, опосредованный доступ к которым может предоставить именно аутентичный англоязычный контент), также прослеживается тенденция обращения к данной когнитивной структуре. Так, в статье американской журналистки Рейчел Нильсен (Rachel Nielsen) “Barnaul: A Siberian Oasis of Warmth”, опубликованной в The Moscow Times в феврале 2013 года (The Moscow Times: URL), вновь актуализируется когнитивная структура *Siberia*, как следует и из самого названия, и из текста статьи: *one of the first cities founded in **Siberia**; this venerable **Siberian** city; the southwestern corner of **Siberia*** и др.

Проведенный анализ двуязычных книг и брошюр, посвященных Алтайскому краю и Барнаулу и ставящих своей целью «рассказать о милой сердцу земле» (Притяжение Алтайского края 2014: 3), демонстрирует, что переводчику нет необходимости прибегать к добавлению лексической единицы *Siberia*, поскольку тексты-оригиналы чаще всего уже содержат данный компонент: *В конце XIX столетия Барнаул являлся законодателем моды в части пошива меховой верхней одежды в Сибири – In the late 19th century, Barnaul set the fashion in fur clothing making in Siberia* (Филатов 2014: 52), *Эпоху кинематографа в Барнауле, как и во многих других городах Сибири – cinema era in Barnaul as well as other Siberian cities* (Там же: 79), *Среди сибирских городов Барнаул интересен своим архитектурным обликом – Barnaul is famous among other Siberian cities for its architecture* (10 легенд, которые следует знать о Барнауле 2015).

Классифицирующее слово «край», входящие в состав топонима, в англоязычных СМИ может передаваться различными способами. В вышеназванной статье Рейчел Нильсен Алтайский край в тексте обозначается *Altai region*, тогда как в статье британского журналиста Маркуса Уоррена (Marcus Warren) “Barnaul, I hated the place”, опубликованной в The Telegraph в сентябре 2000 года (The Telegraph: URL), журналист, описывая свои неприятные впечатления о скучном российском

провинциальном городе (*dull Russian provincial city*), лишенном сибирских или любых других красок (*completely devoid of Siberian or indeed any colour whatsoever*), называет регион *Altai*, и вовсе опуская классифицирующий компонент.

Подобные примеры позволяют высказать предположение о том, что для сознания инофона административно-территориальный статус Алтайского края является лакуной, в то время как для достижения необходимого коммуникативного эффекта, заключающегося именно в позиционировании региона, активировать нужно имеющиеся в сознании адресата представления, иначе прагматический потенциал текста-оригинала будет утерян. Следовательно, с позиций теории динамической эквивалентности, использование переводчиком *region* вместо *krai* или опущение административного статуса региона выглядит как вполне допустимая прагматическая адаптация, что, помимо прочего, соответствует и рекомендациям Ермоловича Д.И., предлагающего в текстах литературного характера использовать скорее аналоги, чем практическую транскрипцию (см. Ермолович 2001). Однако в данном случае мы наблюдаем переводческий парадокс, где де-юре использование аналога *region* соответствует переводческой задаче, но де-факто это может привести к искажению восприятия экстралингвистической действительности в дальнейшем. Так, например, другая статья, опубликованная в издании The Moscow Times в июле 2016 года, озаглавлена "10-Year-Old Boy Catches Bubonic Plague in Russia's Altai Region", однако здесь речь идет о заражении бубонной чумой в другом регионе РФ (Республике Алтай), и недостаточная дифференцированность в англоязычном сознании двух разных референтов приводит к некорректному пониманию информации.

Таким образом, несмотря на допустимость использования, с точки зрения сохранения прагматического потенциала текста-оригинала и реализации коммуникативной стратегии позиционирования, при переводе топонима аналога, переводчику необходимо элиминировать лакуну в сознании инофонов и, тем самым, дифференцировать два топонима.

Анализ имиджеобразующих материалов, созданных русскоговорящими авторами на английском языке, показал, что тексты, доступные в сети Интернет, транслируют скорее внутренний имидж, не учитывая особенности модели мира инофона, или не транслируют его вообще. Так, англоязычная версия сайта Алтайского края, который является важным имиджеобразующим инструментом, позволяющим создавать необходимый внешний имидж, сейчас находится в разработке, и единственной доступной информацией является *ALTAI REGION OFFICIAL SITE*, где топоним переводится с помощью аналога. В статье "Going wild: 10 tips for travelers to the Altai region", опубликованной на портале Russia Beyond, авторами используется иное соответствие: *Despite the remoteness of* ***the Altai region*** *and its distance from Russia's capitals, many foreigners come here. The mountains, lakes, woods and deserts of the Altai Republic and* ***the Altai Territory*** *make a spectacular destination*, где *region* означает Алтайский край и Республику Алтай в совокупности, а *territory* – край, что, по мнению автора статьи, несколько дифференцирует два понятия в сознании инофонов, однако не является удачным решением, поскольку даже в таком авторитетном источнике как энциклопедия Britannica единственными предложенными вариантами передачи классифицирующего компонента топонима являются *kray* или *region*: *Altay, also spelled Altai,* ***kray (region),*** *southwestern Siberia, Russia* (Britannica: URL). Упоминание суперрегиона *Siberia* в тексте статьи отсутствует. Необходимо также отметить, что источники вроде Wikipedia, RussiaTrek намеренно исключены автором статьи из анализа, поскольку их целью является сообщение сведений и фактов о регионе, а не его продвижение.

Таким образом, продвижение Алтайского края и Барнаула должно быть основано на их успешной стратегии позиционирования в сознании инофона. При переводе имиджеобразующих материалов недостаточно лишь транслировать имидж, создаваемый для внутренних русскоязычных реципиентов. Переводчику необходимо руководствоваться принципами теории динамической эквивалентности, а также учитывать те релевантные концепты, которые присутствуют в иной модели мира, и лакуны в структуре имиджа, которые необходимо заполнить, выявление которых становится возможным при осуществлении лингвокогнитивного анализа англоязычного контента. Результатом синтеза маркетинга, когнитивной лингвистики и транслатологии станет создание текста-перевода, повышающего узнаваемость, конкурентоспособность и привлекательность региона и его столицы в глазах инофона.

Библиографический список

1. 10 легенд, которые следует знать о Барнауле [Текст] / Барнаул, 2015.

2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д. И. Ермолович. М.: Р.Валент, 2001.

3. Квят А. Г. Лингвокогнитивные технологии позиционирования товаров и услуг [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Г. Квят. Кемерово, 2010.

4. Кирюнин А. Е. Имидж региона как интериоризация культуры [Текст] / А. Е. Кирюнин. М.: Книжный дом «Университет», 2000.
5. Притяжение Алтайского края. Алтайский край в лицах: фотоальбом [Текст] / Барнаул, 2014.
6. Сушненкова И. А. Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук. / И. А. Сушненкова. Омск, 2011.
7. Терских М. В. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование [Текст]: монография / М. В. Терских, Е. Д. Малёнова. Омск: ЛИТЕРА, 2015.
8. Траут Дж. Позиционирование. Битва за узнаваемость. / Дж. Траут, Э. Райс URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/145785/Traut__Pozicionirovanie._Bitva_za_uznavaemost'.pdf
9. Филатов П. В. Барнаул. Портрет города [Текст] / П. В. Филатов, Е. С. Филатова. Барнаул, 2014.
10. Encyclopedia Britannica URL: https://www.britannica.com
11. Nida Eugene A. Toward a Science of Translation [Текст] / Eugene A. Nida. Leiden: E.J. Brill, 1964.
12. Russia Beyond. Going wild: 10 tips for travelers to the Altai region. Russia Beyond URL: https://www.rbth.com/travel/destinations/altai/2017/07/19/going-wild-10-tips-for-travelers-to-the-altai-region_806355
13. The Moscow Times. Barnaul: A Siberian Oasis of Warmth. The Moscow Times URL: http://old.themoscowtimes.com/beyond_moscow/barnaul.html
14. The Telegraph. Barnaul, I hated the place. The Telegraph URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/1355289/Barnaul-I-hated-the-place.html.

Стальская С. С., г. Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА ИГРЫ СЛОВ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «LAUGHTER IN THE DARK»

Аннотация. Статья посвящена анализу авторского перевода В.В.Набоковым игры слов в романе «Laughter in the dark» на английский язык. В статье рассматриваются различные способы создания игры слов и ее перевода на английский язык. Особое внимание уделяется лексико-деривационным структурам двух текстов, особенностям их соотношения и смысловых со- и противопоставлений.

Ключевые слова: игра слов, художественный текст, авторский перевод, компенсация, деривационная структура, лексический ряд.

PECULARITIES OF AUTHOR'S TRANSLATION OF PUNS IN THE NOVEL OF V. V. NABOKOV “LAUGHTER IN THE DARK”

Abstract. This article deals with the analysis of the author's translation of puns in the novel “Laughter in the dark” by V. V. Nabokov. The article also studies the range of different means of creating puns and translating them into English. Particular attention is paid to lexical line of the two texts and the relations between them.

Keywords: pun, literary text, author's translation, compensation, derivational structure, lexical line.

Английский текст романа «Laughter in the dark» считается переработанным романом «Камера обскура» В. В. Набокова. Несмотря на то, что некоторые части романа изменены и дополнены, «Laughter in the dark» можно считать авторским переводом.

Согласно Л.Л. Нелюбину, «авторский перевод – особый вид перевода. С абстрактной точки зрения, это идеальный путь воссоздания оригинала на другом языке, ибо лучше автора никто оригинал не знает. В то же время в автопереводе возможны значительные трансформации исходного текста, недопустимые при переводе подлинника другим переводчиком.» (Нелюбин: 12). К авторской трансформации можно отнести изменение имени главного героя, а также отсутствие некоторых эпизодов, описанных в русском тексте романа.

Данная статья опирается на деривационный подход к тексту, который позволяет рассматривать текст как содержательную систему, имеющую в основе определенную структуру, актуализирующуюся в результате самого функционирования и являющуюся средством выражения определенного содержания. Исходными компонентами деривации текста выступают не только синтаксические, но и лексические единицы. Рассматривая лексико-деривационную структуру (ЛДС) текста как способ его формальной организации, основание трансформации и функционирования, можно утверждать необходимость соответствия лексико-деривационных структур оригинального и переводного текстов (Трубникова: 110).

ЛДС текста включает в себя в том числе лексические компоненты, актуализирующие формально-семантические связи и отношения единиц. Те же связи, нагруженные экспрессивно, порождают и языковую игру.

Языковая игра занимает ключевое положение в творчестве В. В. Набокова и определяет структуру его текстов. Эта особенность присуща и роману «Laughter in the dark», и русскому тексту романа «Камера обскура».

К основным способам создания языковой игры в романе «Камера Обскура» можно отнести:

1. изменение структуры и значения идиомы;
2. индивидуальное словообразование;
3. фонетическое созвучие и омонимия.

Важно отметить, что при переводе игры слов исходного текста часто используется прием стилистической компенсации.

Стилистическая компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале (Комиссаров: с. 185).

Помимо стилистической компенсации в своем переводе В. В. Набоков использует эквивалентные соотношения и опущение.

К индивидуальному авторскому словообразованию можно отнести следующий пример: «*Ему нравилось помогать жизни окарикатуриться.*» Смысл элемента, впрочем, утрачивается в тексте перевода: «*It amused him immensely to see life made to look silly, as it slid helplessly into caricature.*»

Теряет выразительность и эпитет «*зубоскал*» – в переводе это «*humorist*», хотя значение имени существительного сохранено.

Еще один пример находит свое отражение в языке перевода только частично: «*Комната оплачена до июля прощай доннерветтер прощай*» – «*Rooms paid till July adieu sweet devil».* Компенсация при переводе немецкого ругательства здесь происходит благодаря добавлению нового элемента на еще одном языке «*adieu*».

Дословно переведены идиома «*Любовь слепа» – «Love is blind*» и словосочетание *«пламя этого поцелуя» – «the fire of this kiss».*

Компенсацию можно наблюдать при переводе просторечного выражения «*помирать со смеху*» в предложении: «*Магда кусала губы и вдруг наклоняла голову,* ***помирая*** *со смеху*». Чтобы передать это в переводе на английский, В. В. Набоков использует неформальный суффикс «*-ish*»: «*Margot bit her lips and then suddenly bent forward and went off into the most girl**ish** fits of laughter.*»

Интересно представлена и фонетическая игра при упоминании фамилии известного писателя Толстого. Автор обыгрывает это именно в языке перевода: «*Скажите, вы Толстого читали?» «Толстого?» – переспросила Дорианна Каренина. – Tell me, have you read* ***Tolstoy****?» «****Doll's Toy****?» queried Dorianna Karenina.* При этом в обоих текстах присутствует аллюзия к произведению Л. Н. Толстого.

Таким образом, при сравнении формально-семантического взаимодействия лексических единиц в оригинале и переводе романа «Камера обскура» можно убедиться в соответствии основных семантико-синтаксических отношений.

Библиографический список

1. Егорова Е. В. Игра слов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17854388_29188668.pdf
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В. Н. Коммисаров М.: Альянс, 2013.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь [Текст] / Л. Л. Нелюбин. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 12
4. Трубникова Ю. В. Лексико-деривационная структура и семантика поэтического текста [Текст] / Ю. В. Трубникова // Филология и человек. Барнаул, 2014. № 1. С. 108-115.

Список иллюстративного материала

1. Набоков В. В. «Камера обскура» [Текст] / В. В. Набоков. АСТ, 2001.
2. Nabokov V. V. Laughter in the dark [Text] / V.V. Nabokov. Penguins books. 2016.

Шабанов О. А., г.Уфа, Россия

МАСТЕРСТВО КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается критериальная система оценки формирования межкультурной компетенции как части иноязычной компетенции. Уровни формирования компетенции представляют собой три этапа: грамотность, функциональная грамотность и мастерство. Мастерство предусматривает владение компетенцией на уровне творческого подхода к решению профессиональных задач и способностью справляться с ситуацией в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, уровень сформированности мастерство, ситуация неопределенности.

MASTERSHIP AS A HIGHER LEVEL OF THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE

Abstract. The article describes the criterion system for evaluating the formation of intercultural competence as part of foreign language competence. Competence level formation represents three stages: literacy, functional literacy and mastership. Mastership involves possession of competence at the level of creative approach in solving professional tasks and the ability to cope with the situation in a situation of uncertainty.

Keywords: intercultural competence, level of mastership, a situation of uncertainty.

Каждая профессиональная компетенция может быть описана с помощью *индикаторов, критериев* и *показателей.*

Индикаторы и показатели играют все более важную роль не только в качестве инструмента анализа образовательных систем, но и как эффективное средство управления образованием на всех уровнях. Оно является признаком постепенного осознания неэффективности принятия решений на основе опыта и здравого смысла в условиях меняющихся задач, возможностей и правил игры. Правильно выбранные количественные индикаторы и адекватные им методологии расчета и анализа позволяют перейти к обоснованной оценке состояния и развития системы и ее отдельных элементов, в нашем случае – профессиональных многомерных компетенций.

Качество процесса формирования компетенций определяется путем отслеживания динамики продвижения студентов по уровням. Для характеристики уровней сформированности любой компетенции нами были определены три уровня: грамотность, функциональная грамотность, мастерство. Первый уровень образованности – *грамотность.* Грамотность характеризуется способностью использовать элементарные способы деятельности, какими являются чтение, письмо, счет, т.е. элементарные социальные каналы, кодирования и средства приема и передачи информации. Уже само то, что эти способы являются элементарными, связывает их, с одной стороны, с достигнутым обществом уровнем развития, с другой – постоянным изменением границ грамотности. Второй уровень образованности – *функциональная грамотность*. Она характеризуется степенью овладения средствами познания основных видов жизнедеятельности. Функциональная грамотность включает в себя способности решать стандартные жизненные задачи на основе прикладных знаний в различных сферах жизнедеятельности.

Противоположное функциональной грамотности – функциональная неграмотность, которая говорит о том, что наличный уровень знаний, умений и навыков не позволяет полноценно функционировать в обществе. Функционально неграмотный человек – неграмотный не только в профессиональной деятельности, но он и неспособен разбираться в технических инструкциях, программах политических партий, в любых сложных текстах.

Функциональная грамотность имеет несколько признаков:

– готовность к повышению уровня образованности на основе осознанного выбора программ общего и профессионального образования;

– способность к выбору профессии, ориентации в политической жизни общества, выбору социально ценных форм досуговой деятельности, самостоятельному решению семейно-бытовых проблем, защите своих прав и ориентации в своих обязательствах;

– готовность к жизни в современном мире, ориентация в его проблемах, ценностях, нравственных нормах, понимание особенностей жизни в крупном городе, ориентация в возможностях этой жизни для удовлетворения своих духовных процессов; ориентация в духовном понимании мира;

– способность к коммуникативной деятельности в незнакомой среде, в том числе способность к диалогу с представителями других культур.

Третий уровень образованности – *мастерство*. Оно рассматривается как способность ориентироваться в определенном круге вопросов и характеризуется высшей степенью овладения теоретическими средствами познавательной или практической деятельности. Связывая с образованностью, уровень мастерства можно определить как уровень, который характеризуется способностью решать задачи в различных сферах жизнедеятельности на основе глубоких специальных теоретических знаний. В данном определении более важным является способность к решению задач в меняющихся обстоятельствах и условиях, а не простая сумма каких-либо знаний. Уровень Мастерства предполагает овладение алгоритмом освоения соответствующей компетенции на основе ООД.

С таким утверждением можно связать и потребность в необходимости поворота образовательной деятельности в сторону формирования указанной способности, и в ближайшее время ценность образования любой ступени будет определяться именно этим.

Рассмотрим предлагаемый подход в оценке уровня сформированности выделяемых для данного проекта компетенций на примере межкультурной компетенции (МК).

Низкий уровень (*уровень грамотности*) сформированности навыка МК соответствует такому состоянию, когда функционируют лишь отдельные компоненты межкультурной компетенции, активизированные не внутренней потребностью личности, а лишь внешними требованиями. Этот уровень приравнивается к практически отрицательному отношению индивида к формируемому навыку.

Данный уровень характеризуют неустойчивый интерес к изучению культуры страны изучаемого языка, слабое стремление к сравнению родной и неродной культур. Отсутствие устойчивого стремления к овладению знаниями, умениями, навыками для адекватной трактовки явлений иноязычной культуры, отсутствие четких знаний о правилах ведения диалога. Недостаточная ориентация (отсутствует готовность) в ситуациях взаимодействия, низка толерантность, недостаточно сформированы представления о ценностях иной культуры.

Средний уровень (*функциональна грамотность*) характеризуется недостаточно полной сформированностью целостной структуры навыка МК. Однако этот уровень характеризуется наличием тенденции к его устойчивости, взаимосвязи, что указывает на приемлемый уровень сформированности навыка МК, доведенный до стадии эмпатии, но не до уровня личностно значимой ценности.

Для данного уровня характерны устойчивая восприимчивость к обнаружению сходств и различий между родной и неродной культурами. Готовность к самоизменению, толерантность рассматривается как расширение собственного опыта, стремление к открытости, самоизменению. Ориентация духовных ценностей на межкультурный диалог еще не до конца сформирована, в связи с чем возможна ошибочность суждений.

Под высоким уровнем (*уровень мастерства*) сформированности межкультурной компетенции понимается такое состояние, которое характеризуется всеми аспектами МК в их единстве. Для высокого уровня сформированности МК характерно постоянное стремление к его реализации в практической деятельности.

Уровень мастерства характеризуют устойчивая мотивация к обнаружению сходств и различий в родной и неродной культурах. Наличие индивидуального опыта общения с чужой лингвокультурой, базирующееся на прочных языковых знаниях, позволяет на практике гибко и многообразно использовать иностранный язык как инструмент межкультурного познания, активного реального и виртуального общения.

Таким образом, в модели оценки подготовки полифункционального межкультурного медиатора как профессионала будущего образовательного общества присутствуют четкие критерии сформированности общекультурных и профессиональных компетенций от уровня грамотности до уровня мастерства. Личность выпускника рассматривается через оценочную матрицу, оперирующую такими терминами, как критерий, индикатор и показатель сформированности компетенции. *Критерий* – это признак, на основании которого классифицируется и оценивается качество подготовки специалиста, *Индикатор* – это доступное наблюдению и измерению проявление анализируемого системообразующего признака, т.е. компетентности. *Показатель* – это оценка в баллах проявления индикаторов каждого из критериев. Предложенная шкала уровней оценки критериев сформированности компетенции «грамотность – функциональная грамотность – мастерство» представляет собой систему представления модели оценки формирования подготовки полифункционального межкультурного медиатора как профессионала будущего образовательного общества.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Galloway David J. Hobart & William Smith Colleges, USA

FOOD DIARIES AS KEY TO EVERYDAY LIFE IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN CULTURE

[Дневники пищи как ключи к быту в контексте преподавания русской культуры]

Tell me what you eat and I will tell you what you are.
Anthelme Brillat-Savarin, 1826

Introduction

American professors do not learn how to teach culture in a programmatic way through their academic training. While attention is necessarily paid to methodologies of teaching language in graduate programs, culture is neglected. As a result, while cultural content in L2 environments has gained more attention as a pedagogical problem commensurate with the linguistic challenges of teaching Russian, there has been less attention on *how* to teach culture and more on *what* to teach.[15] Unfortunately, most language classes in the US do not have the time to engage cultural objects extensively as they are focused on the linguistic aspects of Russian. Textbooks for American students frequently position culture as an interesting addition to language; however, the challenge discussed here is teaching culture *outside* a linguistic context—when the course material does not include Russian language and students, by and large, have no facility with the language.

One might ask, why teach culture separate from language at all? Certainly, a major element of culture is language, and to attempt to understand Russia without using linguistic knowledge is to very much hinder your own efforts. Yet, again, we must look at this in the context of higher education in the United States, where language study is often deemphasized and is often optional at the collegiate level. For this reason, we strongly support teaching culture separate from language because it casts a wider net. There are students who are highly resistant to taking Russian, but who would eagerly take a class taught in English on the culture. There is no reason to discard students just because they do not study the language, and in many cases, more will take classes in culture over language alone.

This type of classroom presents challenges unrelated to those involved in teaching language. Instead, the instructor confronts a difficult problem: how to condense, select, and present a massive cultural object (Russia) in the space of the natural limitations of a semester-long course. These efforts are further compromised by the fact that students taking course which introduce culture seldom have any background in the subject, and therefore instructors must proceed *ex nihilo*.

This small project in a class teaching Russian culture used food diaries as an entry to an assignment and as part of a larger challenge: how to successfully teach about what to students was a foreign culture without excessively "othering" the target culture. My course introduces students to Russian food and culture. Class sessions include lecture, discussion, and a two-hour laboratory once a week. We discuss broadly the development of Russian food and drink culture throughout the last several centuries. The challenges from a cross-cultural point of view are that there is no previous knowledge and students have to depend on a typical American cultural knowledge.

Food diaries have long had a central role in nutrition and weight-loss studies—an individual's documented diary of food consumed helps identify areas of lack from a nutritional point of view and calorie-counting as a tool for weight loss is crucial to learning how much caloric intake a person actually has per day. But food diaries have another role to play in learning about language and culture—as a window to everyday life. They represent authentic and approachable data which students can use to draw conclusions about aspects of Russian culinary culture.

Preparation for Assignment

In preparation for teaching the class, I developed two sets of diaries: the first, from my students themselves—I had 24 students and had them keep notations on their food habits for two weeks during the summer. In parallel, I wrote to several friends between the ages of 20 and 60 in Russia and had them keep similar diaries—in this case, I ended up with four examples of Russian diaries that I provided to students. All

[15] Dema and Kramer Moeller, 1982.

those who kept diaries were asked to do an identical task: to note down everything they ate and drank for two weeks, and for each entry, to note where the food came from—whether it was prepared by the diarist, a family member, purchased at restaurant, etc.

My class had the following assignment: to study both sets of diaries and make generalizations about both differences and similarities in how Russians and Americans consumed meals. They completed a formal essay in class as well as a roundtable discussion about what habits the diaries revealed.

Despite the fact that this was a very small sample, the result worked very well. Students were surprised at how often Americans ate outside of the home compared to the Russians, and how often Russians cooked at home. We are all well aware that Americans cook less and less, despite our profusion of media connected with food production. The majority of students exhibited judgments that their own culture's use of processed foods was not a good thing, nor was having a large number of meals taken at restaurants instead of preparing them at home. This was in direct contrast to the fact that many of the students liked to cook and knew how to, but found that they often lacked the time.

Cultural Content

One of the stumbling blocks to understanding food diaries and using them cross-culturally is that immediately students encounter concepts and words they have never seen before. It is impossible for them to evaluate nominal forms that they cannot define. This works in both directions, of course—there are Russian words that Americans do not know, and English words Russians do not know. All of these items, I would argue, require some degree of mediation to most non-American language learners. Here is a list of items from the American food diaries that I propose would not be immediately familiar to most Russian students:

American Items

pesto, burrito, smoothie, chai, salsa, quesadilla, lobster roll, clam cakes, BLT, General Tso chicken, sloppy joe, churro, alfredo, philly cheesesteak, clam chowder

Many of these items are borrowings from cultures which have influenced American cuisine, such as Mexican (salsa, burrito, quesadilla, churro), but others are more difficult in that they are originally regional (philly cheesesteak) or are not the name of the food (BLT, as an abbreviation for Bacon-Lettuce-Tomato sandwich[16]). Others are only partly clear—obviously, General Tso is a chicken dish, but since it is an American popularization/invention, even a Russian familiar with Chinese culture would not be able to predict the flavor profile. All of these items may be easily translatable for a Russian speaker who frequents American culture, but for a Russian student who grew up in Russia and has never been to the US or whose consumption of American culture is solely through language-learning, most if not all of these terms would be incomprehensible.

By the same token, the following items in Russian diaries are also unclear to American students who have not taken the language and have not studied the culture:

Russian Items

kefir, tvorog, lavash, syrniki, kasha, ukha, kisel', buterbrody, piroshki, caviar, borshch, shchi, bliny, compote, rassol'nik, priannik, salo

Of course, to anyone who has spent a few days in Russia these are very common, but we must think not as Slavists but as 18-year old American college students. The only potentially understandable items here are *caviar* and *borshch*, because they exist in the US; usually, however, only students with Jewish or Russian background know what *borshch* is. Again, many of these terms arise naturally in language textbooks, but students studying culture outside of language have no reference point from which to understand these objects.

To return to Brillat-Savarin's famous quotation ("Tell me what you eat and I will tell you what you are"), what the diaries instantly do for students is emphasize the nature of historical culinary consumption as a key to identification. It is very clear to every single student which diaries are Russian, simply by the ingredients. Even though the younger Russian diarists had foods that are not traditionally Russian (e.g., pizza, chips, coffee, cappucino, french fries), there are still enough ingredients or foods considered exotic by Americans to immediately identify the culture as Russian.

Mediation and Signs

So, for our students to understand these terms, we must define them. But this only takes us so far. Knowing what a thing is in terms of simple translation does not complete cultural knowledge of the thing—it is not *cultural* translation. Any reader of Russian skazki knows that you must understand what a *pech'/pechka* is in order to understand the action of a tale. Americans lack context for this—in the Afanas'ev skazka "Baba-Yaga i zhikhar'," the hero hides on the stove. This is a physical impossibility in the US, where

[16] https://milkalliance.com.ua/blog/ru/statya/chto-takoe-sendvich-blt-i-kak-ego-gotovit-tri-retsepta. Accessed 25 May 2018.

stoves are seldom more than 1/3 of an adult person's size. But on the traditional Russian stove, it is quite easy.

Moving back to our food diaries, take *shchi*. If we tell an American student that *shchi* is "cabbage soup" or "soup from cabbage," that does not tell the student how it appears in Russian culture or how it is used. That defines it, but it does not explain it. The soup also, from the American point of view, uses an ingredient that they will not be familiar with unless their heritage uses it.[17] Many American students do not eat cabbage routinely in any form, and are unfamiliar with the vegetable to begin with. We also have the complication that *shchi* may be made from cabbage or sauerkraut; the latter introduces the concept of pickling in cuisine which many students are not used to.

Shchi is not merely a word, of course—it is a sign, to borrow from the language of semiotics. All cultural concepts are weighted with meaning which is obvious to native speakers (though it may be so obvious as to be invisible) but which learners completely lack. In fact, in class we could probably spend several weeks alone on *shchi* and its significance in Russian culture of the last several hundred years.

While there are no doubt numerous ways in which *shchi* can resonate, here are a few with which Americans are unfamiliar: *shchi* as part of a peasant-centered historical culture, emphasized by *poslovitsy* such as "щи да каша, пища наша." The negative corollary may be true: *shchi* is equated with serfs and thus is poor people's food. Contemporarily, *shchi* as part of Russian culture—available everywhere, evoking family and home cooking. Finally, the nature of variants of the soup (e.g. полные, зеленые, постные, рыбные, сборные) means that each type has a different resonance beyond the simple definition of "cabbage soup."

American audiences also will not have the context to judge whether any given food is typical for Russian diets—they can only do so for their own culture, and even that may be regionally restricted knowledge.

Implications for Culture Teaching

The experiences of this particular assignment exemplify the need for cultural learning materials which meet similar standards which we typically expect to find in linguistic materials; namely, they should be authentic, contemporary, and accessible to learners. Authentic, in that they represent a true cultural reality; contemporary, in that they represent an up-to-date view of the target culture, and accessible, in that their form is one which students can grasp and analyze without excessive preparation or training. Additionally, these materials are reciprocal: one particular value of food diaries in this instance is that they represent acts which, though differing in specifics, are the same in both cultures: food and drink are consumed at points throughout the day. This allows students to more easily understand the motivations behind these cultural acts — they are also involved in such acts on a daily basis.

Our goal, then, as culture teachers should be to develop assignments which allow students the opportunity to draw direct comparisons between examples in target and their own culture, with contemporary and authentic content that is accessible. This assignment meets those demands and is easy to gather data for, as well as easy to translate into English for an audience lacking Russian proficiency.

We also should rethink how we mediate other aspects of culture, including literature. Often, concepts which are strange to Americans are not mediated in Russian literature translations. Does it make sense to translate *pech'* as "stove?" Certainly, more explanation is needed, but the question is how to balance this against demands of time, space in a published text, and so on.

Above all, we must avoid the notion of the exotic, while recognizing that the exotic may be what brings the student to the course in the first place. The exotic fascinates because it is different from our own culture. But the danger of the exotic is that students, particularly young students, only tend to accept what they can understand. They dismiss what they do not understand as "strange." This is a very anti-intellectual response. To gain cultural competency – the ability to move seamlessly through and understand a culture—a student must give up viewing parts of that culture as *strange* and instead approach an understanding of why such elements exist. For instance, Americans tend to focus on unusual things Russians eat: beets, mushrooms, caviar. Yet there are easily understood historical and cultural reasons why these foods are part of the Russian table. We can dismiss them as *exotic* or we can attempt to understand why they are part of the cuisine.

The goal of my course is to normalize Russian food and drink so that students do not see it as exotic, but as alternative to their own. So that if they are in a restaurant or in Russia and encounter these items, they will view them as legitimate, not as a strange other which represents a threat. Though this is a very small step towards understanding culture, it is one which I believe is significant. We all know the stories of students

[17] Either from Slavic or Germanic heritage, primarily.

who go abroad and eat at American food chains like McDonald's; there is no reason for this, when food and drink are some of the most interesting and compelling cultural items available in a foreign country. By educating students about the richness of Russian culture, I hope that they are better prepared to embrace and learn about *any* culture they experience throughout their lives.

Ананин Д. П., Шрайнер Н. В., г. Барнаул, Россия

РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. В статье рассматривается роль академической науки в разных моделях университета и характеризуются черты развития современного университета и науки. Отдельным аспектом статьи является обращение к наукометрическим индикаторам глобальных рейтингов для оценки эффективности научно-исследовательской работы университетов и преподавателей. Автор приводит собственное видение положительных и отрицательных последствий наукометрии для отечественной науки.

Ключевые слова: академическая наука, модели университета, наукометрия, библиометрические показатели, глобальный рейтинг университетов.

DEVELOPMENT OF MODERN ACADEMIC RESEARCH IN VARIOUS UNIVERSITY MODELS

Abstract. The paper covers the role of academic research in various university models and characterizes features of modern university development and science. Special part of the paper is study of bibliometric indicators of global universities rankings for efficiency evaluation of university science and professors research.

Keywords: academic research, university models, Scientometrics, bibliometric indicators, global universities rankings.

Научно-исследовательская деятельность является неотъемлемой частью университета на протяжении всей его истории существования. Обращение к вопросу изучения актуального положения академической науки в университетах обусловлено ее возросшей ролью в оценки эффективности деятельности университетов.

В статье под понятием «академическая наука» понимается фундаментальная наука, т. е. фундаментальные исследования, проводимые академиями наук и образовательными организациями высшего образования. В данном случае академическая наука и университетская наука не противопоставляются друг другу и выступают синонимичными понятиями, характеризующимися отсутствием прикладных целей использования ее результатов. Для российской реальности отношения между наукой университетов и наукой Академии наук более тесные чем на Западе, так как академики активно осуществляют свою научную и иную деятельность на базе университетов. В западных странах наука развивалась практически полностью в университетах, а академии наук имели номинальную функцию объединения ведущих ученых для создания научного сообщества и не предполагали проведение исследований.

В западных исследованиях академическая наука как отрасль рассматривается по классификации «Руководства Фраскати», посвященным методологии статистики науки и инноваций стран Организация экономического сотрудничества и развития, в разделе «Исследования и разработки» (Research & Development), на долю которых приходится около 1/3 всех научных исследований (Frascati 2015).

Роль и назначение науки в университетах изначально зависит от конкретных концепций создания университета. Приоритеты развития университетов будут находиться на оси двунаправленного вектора, с одной стороны которого находится наука исследовательского университета (модель В. фон Гумбольдта) и с другой стороны — обучение интеллектуального университета (модель Дж. Ньюмена) (Повтун 2005). Приоритеты и миссия университета как раз будут зависеть от соотношения данных категорий. Соотношения науки и образования представлены в разных моделях университета в разных пропорциях. Именно реформа Вильгельма фон Гумбольдта, заключавшаяся в объединении Королевской Академии и Берлинского университета в 19 веке, заложила основу принципов классической модели университета. Ее принципами являются государственная поддержка университета при сохранении им автономии, академическая свобода в исследованиях и обучении, активное участие студентов и преподавателей в жизни общества, этическое обоснования значимости знания и учености (Повзун 2005). Данный подход стал предопределяющим для развития университетов англо-саксонской системы образования, объединившим науку и образование.

Дж. Ньюмен выбирал либеральный подход к развитию университета, задача которого заключается в формировании интеллекта (Захаров 1993). В последствии социальную (гуманитарную) функцию университета пропагандировал также Хосе Ортега-и-Гассет, который видел основную задачу университета в приобщении к культуре и эпохе. Схожие либерально-гуманистические позиции университета в послевоенное время отстаивал М. Вебер и видел основную цель университета в сохранении интеллектуального единства.

Попытку объединить эти две вышеприведенные модели университета предпринял в 1949 году Карл Ясперс (Захаров 1994), рассматривая троединство исследований, передачу знания (образования) и культуру в качестве основных задач университета. С данных позиций университет выступает как исследовательский институт, профессиональная школа и культурный центр. На полифункциональность университетов указывал также американских мыслитель Абрахам Флекснер, подчеркивая в условиях массовости высшего образования новую функцию университетов — сервисную. К.Керр использовал для отражения этого явления понятия «мультиуниверситет» и «университетский комплекс» (Повзун 2005).

Особой моделью университета в условиях индустриального и постиндустриального общества выступает «предпринимательский университет» Б. Кларка, характеризующийся широким распространением предпринимательских убеждений и ценностей, сильным управленческим центром, наличием диверсифицированной финансовой базы и т. д.

Университет, будучи продуктом средневековой Европы, сегодня является полиаспектным понятием, интегрирующем в себе в большей или меньшей степени черты вышеперечисленных моделей университетов (интеллектуальный, исследовательский, предпринимательский и др.) и выполняющим обучающую, исследовательскую, профессиональную, сервисную, культурную и гуманистическую функции. В условиях глобализации и информатизации знаний университет подвергается влиянию культуры, политики и рынка (Повзун 2005). В таких условиях он вынужден найти себе нишу в обществе. От выработки стратегии и приоритета решения актуальных задач будет зависеть успешность и эффективность деятельности университета.

Относительно российской высшей школы накладывается еще отпечаток советского времени — период жесткой централизации вузов и идеологической направленности, период экономического кризиса и становления рыночных ценностей в обществе. Данные особенности наложили свой отпечаток на формирование облика российской высшей школы, которая сегодня пытается конкурировать с университетами Европы, Америки и Юго-Восточной Азии. Среди существования целого ряда университетских принципов российское высшее образование унаследовало гумбольдский принцип — принцип интеграции науки и образования. Университетская наука приобретает важную роль и создает научную основу для реализации образовательных программ.

В новейшей истории России отношение к академической науке выразилось в реформировании высшего образования и Российской академии наук. Выделение университетов в ранг федеральных и национальных исследовательских в российском высшем образовании свидетельствует о стремлении Правительства создать научные центры на базе университетов с привлечение целевого финансирования на развитие научно-исследовательской деятельности. Существует государственная инициатива в соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования» и постановлением Правительства России от 16 марта 2013 г. № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров», которая заключается в создании условий для вхождения к 2020 году не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых университетов одного из глобальных рейтингов (Шереги 2014), в которых показатели по науке являются ключевыми.

Университетскую науку на юридическом языке и языке отчетности обозначают как научно-исследовательскую работу (НИР), а также как научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по ряду индикаторов: количество статей, монографий, участие в разного рода проектах, грантовой и хозрасчетной деятельности, индекс «цитируемости» и т.д. Наукометрия заняла прочное место в оценке деятельности университетов и претендует сегодня на ведущий критерий оценки деятельности преподавателя вуза.

Популярность наукометрических и библиометрических показателей сегодня обуславливается широким применением данных показателей по науке в ведущих глобальных рейтингах: Всемирном рейтинге университетов (Times Higher Education (THE) World Universities Rankings), Рейтинге лучших университетов мира (QS World University Rankings), Академическом рейтинге университетов мира (Academic Ranking of World Universities (ARWU)). В качестве примера приведем индикаторы и их

удельный вес от общей оценки Шанхайского рейтинга (ARWU). Качество обучение оценивается по количеству лауреатов на Нобелевскую и Филдсовскую премий из выпускников вуза, удельный вес качества обучения составляет лишь 10%. Качество профессорско-преподавательского состава рассматривается также по количеству лауреатов на Нобелевскую и Филдсовской премий из преподавателей и ученых вуза (20%) и по численности высокоцитируемых ученых (20%). Научная производительность анализируется в части количества научных статей, опубликованных в журналах Nature и Science (N&S) (20%), научные статьи, индексируемые в базах Science Citation Index-expanded и Social Science Citation Index (PUB) (20%). В качестве отдельного показателя рассматривается среднегодовое количество научных статей в расчёте на одного члена профессорско-преподавательского состава (10%) (Шереги 2014). По удельному весу индикаторов четко прослеживается уклон в сторону научных (библиометрических) показателей, указывая их значимость в общей деятельности университета. Однако насколько объективно данные показатели действительно способны отразить эффективность и прежде всего значимость научной работы остается обсуждаемым вопросом. Активно развивается наукометрия в отечественном сегменте. С этой целью был разработан Российский индекс научного цитирования для измерения продуктивности (количества статей), качества (цитируемость) и продуктивности (индекс Хирша) (Адамов 2016).

Л. А. Беляева указывает, что виртуализация науки как современная тенденция отчасти создает предпосылки формальной отчетности по заданным показателям (Беляева 2017), т. е. стимулирует не столько производство новых знаний, сколько распространение старых посредством «научного копирайтинга» (переформулирования, перефразирования). Еще одной реалией современного вуза является коммерциализация и «капитализация» науки, что было сделано с целью оживления научных исследований и стимулирования профессорско-преподавательского состава к занятию наукой. Данный факт способствовал отчасти превращению университета в «экономическую корпорацию по производству и распространению знаний» (Беляева 2017: 136), где подразделения и работники высшей школы рассматриваются с позиции того, какое количеств дополнительных средств они привлекли. Это происходит в ущерб развития фундаментальной науки. «Коммерческая» наука имеет сиюминутный характер и по прошествии времени теряет свою актуальность. В таких условиях создается угроза превращения науки в квазинауку, лженауку.

Ученые Л. А. Беляева и М. А. Беляева отмечают также, что наука трансформировалось в одно из имиджевых средств вуза, подразделения, преподавателя и все больше перестает быть самостоятельным направлением работы. Ученые очень четко и емко обозначили происходящую тенденцию для науки как «логистический поворот», который наряду с добыванием нового знания заключается в «научной логистике» — необходимости продвижения результатов своих исследований в виртуальном и реальном научно-исследовательском пространствах с целью получения материальной или иной выгоды (Беляева 2017).

Не стоит рассматривать такие подходы к науке только с негативной стороны. Стимулирование (некое давление) и побуждение к занятию научной деятельностью призваны преодолеть стагнацию российской науки. Ошибки и неточности со временем себя изживут. Согласно мониторинговым исследованиям за последние годы все-таки отмечается рост публикационной активности ученых университетов России (Гришакина 2016). При переходе от одной парадигмы высшего образования к другой необходимо преодолеть промежуточные этапы, в которых произойдет сдвиг в сознании научно-педагогических работников высшей школы о диверсификации оценки их труда и отразит постоянную потребность занятия научно-исследовательской деятельностью.

Заказчиком университетской науки по-прежнему является бюджет. Учитывая, что большинство исследователей занимаются наукой, которая ближе их интересам, а также учитывая «не всегда» прозрачную процедуру конкурса, Н. А Адамов указывает на риск рентабельности данных исследований для рынка. Вместе с тем ученый резюмирует факторы, препятствующие развитию университетской науки. Среди наиболее важных из них он называет нечеткость поставленных перед наукой целей, смещение приоритетов в пользу зарабатывания прибыли, снижение академической и финансовой независимости, чрезвычайная загруженность научно-педагогических кадров учебно-методической работой, нежелание заниматься наукой (профессиональный пессимизм), непривлекательность профессии преподавателя-исследователя. Недофинансированность называется многими учеными как одна из ключевых причин слабой науки. Однако в Германии, где профессия исследователя является привлекательной и осуществляется многоступенчатое финансирование науки, возникает другая проблема – проблема перепроизводства кадров высшей квалификации (Bundesbericht 2017). Актуальной В ФРГ также является проблема условий труда и собственно

«утечки мозгов» в страны с более высокой оплатой труда ученых (Швейцария, США и др.) (Kreckel 2017).

Принимая западные стандарты, российская наука будет приобретать все больше национальные приоритеты и преимущества. Измерения эффективности науки по библиометрическим показателям отражает лишь одну сторону НИОКР университетов и подразделений РАН. Конструктивная критика данной области уже проявляет болевые точки данной системы и показывает необходимость опоры на мнение экспертного сообщества. Поддержка по сохранению академической науки оказывается преимущественно на федеральном и вузовском уровне. Новые вызовы необходимо использовать для стимулирования развития отечественной науки и опоры на традиции по сохранению ее фундаментальности. Российская академическая наука должна ориентироваться на международные стандарты с отображением ее достижений.

Библиографический список

1. Адамов Н. А. Проблемы и перспективы университетской науки / Н. А. Адамов // Российский экономический интернет-журнал. 2016. № 1 URL: http://www.e-rej.ru/upload/iblock/19a/19ae3b9295938ac307cedc78767cf584.pdf
2. Беляева Л. А. Университетская наука: логистический поворот [Текст] / Л. А. Беляева, М. А. Беляева // Педагогическое образование в России. 2017. № 1. С. 135-140. URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5128/1/povr-2017-01-21.pdf
3. Гришакина Е. Г. Публикационная активность российских исследователей: университетская наука / Е. Г. Гришакина // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 4(22). С. 137-151 URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28123081
4. Захаров И. В. Миссия университета в европейской культуре [Текст] / И. В. Захаров, Е. С. Ляхович. М.: 1994.
5. Захаров И. Джон Ньюмен и его модель идеального университета [Текст] / И. Захаров, Е. Ляхович // Alma mater. 1993. № 1. С. 36-45.
6. Измерение рейтингов университетов: международный и российский опыт / Под ред. Ф. Э. Шереги и А. Л. Арефьева / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2014 URL: https://5top100.ru/upload/iblock/d47/reytingy_001_504_ispr.pdf
7. Повзун В. Д. Миссия университета — история и современность [Текст] / В. Д. Повзун // Вестник ОГУ. № 1. 2005. С. 13-21.
8. Bundesbericht Wissenschaftlicher Nachwuchs 2017. Statistische Daten und Forschungsbefunde zu Promovierenden und Promovierten in Deutschland. W. Bertelsmann Verlag GmbH & Co. KG URL: https://www.bmbf.de/files/buwin_2017.pdfhttps://www.bmbf.de/files/buwin_2017.pdf
9. Frascati manual 2015. Guidelines for collecting and reporting data on research and experimental development URL: https://www.maltaenterprise.com/sites/default/files/Frascati%20Manual%202015.pdf
10. Kreckel R., Ananin D. Rahmenbedingungen für internationale Hochschullehrermobilität. Karrieremodelle an (Forschungs-)Universitäten in Deutschland, Frankreich, Großbritannien und USA sowie in Russland / R. Kreckel, D. Ananin // Von der Internationalisierung der Hochschule zur transnationaler Wissenschaft, Hg. Prof. Dr. Andrä Wolter, Prof. Dr. Ayla Neusel. Sammelband, 2017.

Амзаракова И. П., Кутяева О. М., Кацунова Н. Н., г. Абакан, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается современная ситуация профессиональной подготовки учителя иностранного языка и противоречия, возникающие между образовательными программами и требованиями современной школы. Обосновывается необходимость разработки уровневого подхода к описанию трудовых действий педагога с учетом всех институтов его профессионального роста (организаций профессионального образования, образовательных организаций, организаций дополнительного профессионального образования). Описываются факторы, связанные с обязательной оценкой деятельности педагога в России, приводится характеристика региональной специфики деятельности учителя иностранного языка в Республике Хакасия, а также особенности подготовки в западных странах. Представлены подходы, которые позволяют решить исследовательскую задачу, а именно, компетентностный, акмеологический, полисубъектный подходы, связанные с личностью педагога.

Ключевые слова: профессиональный уровень, компетенция, уровневая модель, акмеологический подход, учитель иностранного языка

VOCATIONAL TRAINING OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHER

Abstract. The article considers the current situation in the vocational training of a foreign language teacher and the contradictions between the higher education programs and the requirements of the modern school. The authors substantiate a need for developing a level approach to the description of the professional activities of the teacher to take into account all the institutes of the teacher's professional growth (professional training institutions, educational organizations, organizations of supplementary vocational education). The article reveals factors associated with obligatory assessment of the teacher's activities in Russia, characterizes regional peculiarities of the activities of the foreign language teachers and the professional training peculiarities in the western countries. The authors refer to the approaches that allow to solve the research problem, namely, the competence-based and acmeological approaches connected with the teacher's personality.

***Keywords*:** professional level, competence, level model, acmeological approach, foreign language teacher

На современном этапе развития отечественного образования остро стоит вопрос оценки компетентности педагога – учителя иностранного языка. Острота вопроса связана с двумя группами факторов: введением профессионального стандарта педагога и процедурами обязательной оценки (аттестации) деятельности педагога. Первая группа факторов апеллирует к тому, что, во-первых, профессиональный стандарт педагога не детализирован для учителя иностранного языка, то есть, в нём нет описания профессиональных компетенций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности учителя. Во-вторых, в профессиональной практике отсутствует уровневый подход к описанию «трудовых действий», «умений» и «необходимых знаний» для учителя вообще, и для учителя иностранного языка, в частности. Ещё один аспект, связанный с этой группой факторов, – это то, что профессиональная подготовка учителя иностранного языка в системе высшего образования, обусловленная требованиями ФГОС, не коррелирует с системой требований к педагогу, формируемой профессиональным стандартом педагога.

Группа факторов, связанных с обязательной оценкой деятельности педагога, отражает состояние настоящей аттестационной системы в области образования. Так, например, существующая система оценивания профессиональной деятельности учителя иностранного языка не носит формирующего характера и тем самым не способствует его профессиональному развитию. Более того, необходимо указать на отсутствие объективных структурированных инструментов оценки учителя иностранного языка для аттестации на соответствие занимаемой должности. И, наконец, в настоящее время внедряются новые формы аттестации учителей в Российской Федерации, предполагающие оценку групп компетенций: предметная, методическая, психолого-педагогическая и коммуникативная. При этом инструменты, которые бы позволили эффективно провести такую аттестацию, ещё не разработаны. Для Хакасии актуальность обозначенной проблемы также связана с наличием противоречий между уровнем профессиональной компетентности и требованием профессионального стандарта, существующая оценка профессиональной деятельности педагога не носит формирующего характера и не способствует профессиональному развитию учителя иностранного языка; отсутствуют объективные структурированные инструменты оценки учителя иностранного языка для аттестации на соответствие занимаемой должности и пр.

Всё это указывает на необходимость разработки инструмента оценки, который в качественном выражении измерит компетентность учителя и максимально прозрачно представит все аспекты и уровни компетентностной характеристики учителя иностранного языка. Более того, этот инструмент должен быть по своей сути мотивационно-формирующим, т.е. направленным, в конечном счёте, не столько на контроль профессиональных качеств педагога, сколько на формирование мотивации профессионального роста. Таким инструментом в методической практике может выступить профессиональный профиль.

Данная статья анализирует современное состояние исследований, связанных с интересом к оценке профессиональной деятельности педагога и моделированием профессионального профиля учителя, и представляет подходы к разработке теоретико-методологической основы моделирования профессионального профиля учителя иностранного языка, разрабатываемого коллективом Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан).

Обзор научной и научно-методической литературы показывает, что, во-первых, нет работ, соотносящих профессиональный профиль учителя школы с профессиональными компетенциями, формируемыми у будущих учителей иностранного языка; во-вторых, не разработан профессиональный профиль (стандарт) учителя иностранного языка, в-третьих, не приведены в соответствие инструменты внешней оценки профессиональной компетентности учителя с самооценкой деятельности учителя. Требуют разработки также вопросы соотношения

компетентности и компетенций с критериями оценки профессиональной деятельности учителя иностранного языка.

Под профилем учителя в немецкой дидактике понимается статус-кво и личностная характеристика учителя, которые зависят от ряда факторов, как то: опыт собственного школьного детства, полученное образование, теории освоения языка, лежащие в основе методики обучения и проч. (Lehrerprofil 2018).

Г. В. Перфилова отмечает относительную новизну для образовательного контекста термина «профиль» и считает целесообразным говорить сегодня о методическом и лингводидактическом профиле учителя иностранного языка. Под лингводидактическим профилем она понимает «совокупность релевантных для осуществления профессиональной деятельности параметров, соотнесенных с разными уровнями сформированности методических компетенций, которые ориентированы на современную дидактическую парадигму преподавания и изучения иностранного языка» (Перфилова 2014: 125).

Термин «профиль» в его первичном значении подразумевает «совокупность основных типических черт хозяйства, какой-либо профессии, предприятия, учебного заведения» (Новый словарь иностранных слов, 2003: 523). В сфере образования он приобрел значение набора «характеристик, отражающих индивидуальное своеобразие, специфику той или иной организации, образовательной программы, направления профессиональной подготовки» (Менеджмент средней и высшей школы 2004: 109).

Интерес к оценке профессиональной деятельности педагога связан со сменой образовательной парадигмы, сложившейся к началу нового тысячелетия и отраженной в законодательных документах. Основным документом, регулирующим отношения между субъектами образовательного процесса, является Федеральный Закон об образовании 273-ФЗ, вступивший в силу с 1 сентября 2013 года. В главе 5 ФЗ определяются требования к лицам, занимающимся педагогической деятельностью, к их соответствию квалификационным характеристикам и профессиональных стандартам. Вслед за этим Минтруда России утверждает ряд профессиональных стандартов в сфере образования: воспитатель, учитель; педагог профессионального обучения и образования (СПО), педагог дополнительного образования.

Таким образом, «набор характеристик, отражающих индивидуальную специфику» профессиональной подготовки педагога, приобретает статус стандарта. Напомним, что стандарт – это «образец, эталон, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов» (Новый словарь иностранных слов 2003: 604), что позволяет устанавливать параметры сопоставления. Иными словами,

С утверждением профессиональных стандартов появляется проблема поиска инструментов оценки квалифицированного специалиста, его профессиональной компетенции. Цель профессионального образования, сформулированная ещё в Концепции модернизации российского образования до 2010 года, указала направления, по которым может быть оценен квалифицированный работник. Он должен быть конкурентоспособным на рынке труда, компетентным, ответственным, должен свободно владеть профессией, ориентироваться в смежных областях деятельности, быть способным к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готовым к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности (Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года 2018; Шкатова 2010). Инструменты такой оценки с учетом цели профессионального образования, в целом разработаны и используются организациями управления образования для аттестации педагогических кадров. Ср. (Бондаренок 2012).

Профессиональный стандарт учителя сегодня активно обсуждается членами экспертного сообщества на форумах и на профессиональных сайтах. Однако, как отметил в интервью агентству РИА Новости академик РАО Е. Ямбург, «единых инструментов объективной оценки учителей нет», а система оценки учительской деятельности через оценки детей «нуждается в очень тонкой разработке» (Цит. по: Трефилов 2018).

В зарубежной педагогике также неоднократно ставился и продолжает ставиться вопрос о подготовке учителя, его компетенциях и компетентности, о роли учителя в повышении качества образования. Большое значение в зарубежных разработках придается личности учителя. По данным опроса, проведенного журналом Profil (Австрия) в сентябре 2017 года, наиболее важными для качества образования австрийцы считают: роль учителя (88% опрошенных), оснащение школы (43%), социальная среда учащихся (36%), руководство школы (32%) https://www.profil.at/oesterreich/umfrage-lehrer-qualitaet-schulunterricht-8287670 (08.01.2018). Уделяется большое внимание разработке инструментов оценки деятельности учителя. Отметим наиболее значительные работы (Bauer et. al.

2010; Kemna 2012; Allemann-Ghionda, Terhart 2006), построенные на положении о том, что измерение компетенций является ключевой функцией оптимизации образовательного процесса.

Одним из основных теоретических подходов к оценке профессионального профиля педагога, используемых сегодня, является компетентностный подход, поскольку именно выделение отдельных групп компетенций (предметная, методическая, психолого-педагогическая, soft-компетенция) составляет основу профессионального профиля учителя иностранного языка. Каждая группа состоит из нескольких компетенций, которые имеют определенные уровни развития (например, предметная компетентность может оцениваться с помощью общеевропейских уровней владения иностранным языком: уровень выживания, допороговый уровень, пороговый, пороговый продвинутый, уровень профессионального владения, уровень владения в совершенстве).

В исследованиях называется неисчислимое множество разных компетентностей, которыми должен обладать учитель: этическая, психологическая, информационно-педагогическая, психолого-педагогическая, воспитательная, дидактическая, социально-психологическая, коммуникативная, управленческая, проектировочная, информационная, ИКТ-компетентность, мультикультурная, культурологическая, конфликтологическая, оценочная, правовая, человековедческая, коммуникативно-гендерная, социально-экологическая, лингводидактическая и т.д. и т.п. Среди перечисленных называется также акмеологическая компетентность.

Начиная с середины 10-х годов XXI века, акмеологический подход активно используется как инструмент формирования и оценки организационной культуры руководителя, управленческого консультирования, маркетинговой политики в регионе и пр. Однако, несмотря на то, что сам подход сформировался в недрах психологических наук, в отношении оценки достижений в профессиональной деятельности учителя иностранных языков он используется пока мало.

Суть акмеологического подхода – в изучении закономерностей высших достижений в «целостном развитии человека на каждом его возрастном этапе в процессе непрерывного образования» (Овсянникова 2014: 108). Акмеологический подход позволяет соединить личностное и профессиональное обучение (Акмеология 2003; Бодалев 1998, 2005; Педагогическая акмеология 2012). На наш взгляд, принципы акмеологического подхода нельзя не учитывать при моделировании профессионального профиля учителя иностранного языка, т.к. в основе акмеологии лежит идея о направленности современной личности на достижение вершин в личностном и профессиональном развитии; способность личности к творческому саморазвитию, а формирование профессиональной зрелости учителя предполагает его активность в выборе целей и эталонов профессионального развития.

Создание акмеологической модели профиля учителя иностранного языка, включающая в себя систему знаний, умений, мотивов, эталонов и идеалов профессионального акме, может стать четким ориентиром личностно-профессионального развития учителя, сформировать модель профессиональной самореализации, а также высветить перспективу разработки и внедрения акмеологических технологий прогрессивного развития профессиональной компетентности учителя иностранного языка.

При моделировании профессионального профиля учителя иностранного языка необходим комплексный подход, учитывающий различные подходы, выработанные современной антропологически направленной гуманитарной наукой.

Полисубъектный подход в создании профессионального профиля учителя иностранного языка основан на специфике взаимодействия субъектов оценки профессиональной компетентности учителя иностранного языка: студента-выпускника (будущего учителя), учителя иностранного языка, работодателя и специалиста дополнительного профессионального образования. Профессиональное взаимодействие этих субъектов мыслится как создание особого типа целостной общности (полисубъекта), основанной на единстве в понимании уровней профессионального развития учителя, оценки его профессиональной компетентности, т.е. на способности к взаимодействию в едином семантическом и методологическом пространстве.

Дискуссия по вопросам профессиональной компетентности специалистов ведется с конца прошлого тысячелетия. С теоретической точки зрения рассматриваются понятия компетентности и компетенций, ключевых компетенций, соотнесение способностей и компетентности (Зимняя 2006, Шкатова 2010, Ломакина 2012, Сиповская 2016). Большое внимание уделяется общим проблемам феномена компетентности (Родермель 2011), психологическим основам профессиональной компетентности (Дубровина 2009). В статьях, на форумах и в диссертационных исследованиях предлагаются практические рекомендации по формированию профессиональной компетентности и других «трудовых действий».

Новизна основной научной идеи нашего исследования заключается в том, чтобы разработать уровневую модель профессионального профиля учителя иностранного языка в соответствии с трудовыми функциями профессионального стандарта педагога с учётом существующих успешных практик профессионального профиля в европейских государствах (EPOSTL, EPR, EAQUALS). Эта модель может стать основой для создания универсального и объективного инструмента оценки уровней профессиональной компетентности учителя иностранного языка на разных этапах его профессионального становления и развития: профессиональная подготовка учителей иностранного языка, профессиональное развитие в процессе профессиональной деятельности, повышение квалификации и профессиональная переподготовка.

Библиографический список

1. Акмеология [Текст]: учебное пособие / А. Деркач, В. Зазыкин. СПб.: Питер, 2003.
2. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения [Текст] / А. А. Бодалев. М.: Флинта; Наука, 1998.
3. Бондаренок О. В. Критерии оценки качества работы учителя // Электронный журнал «РОНО». Выпуск 17. Декабрь 2012 URL: http://sites. google.com/a/shko.la/ejrono_1/vypuski-zurnala/vupusk-17/podraydel-2/kriterii-ocenki-kacestva-raboty-ucitela.
4. Дубровина О. И. Психологические основы профессиональной и социальной компетентностей [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. И. Дубровина. Екатеринбург, 2009.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос» URL: http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm.
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Электронный фонд правовой и нормативной документации URL: http://docs.cntd.ru/document/901816019.
7. Ломакина Г. Р. Педагогическая компетентность и компетенция: проблемы терминологии [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 276–279 URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/22/2190/
8. Новый словарь иностранных слов [Текст]: 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. М.: Азбуковник, 2003.
9. Овсянникова О. Н. Акмеологический подход в развитии креативности студентов в процессе обучения иностранному языку [Текст] / О. Н. Овсянникова // Преподаватель XXI век. 2014. №2. С. 107-112.
10. Педагогическая акмеология [Текст]: коллективная монография / под. ред. О. Б. Акимовой; ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2012.
11. Перфилова Г. В. Методический профиль современного преподавания иностранного языка: базовый уровень [Текст] / Г. В. Перфилова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Выпуск 3. С. 121-136.
12. Родермель, Т. А. Феномен компетентности в современном образовании: социокультурный аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Т. А. Родермель. Томск, 2011.
13. Сиповская, Я. И. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Я. И. Сиповская. М., 2016.
14. Трефилов, В. Ямбург: профессиональный стандарт даст учителям подход к каждому ученику / В. Трефилов // Россия сегодня URL: https://ria.ru/sn_edu/20161212/ 1483372325.html
15. Шкатова, Т. Г. Содержание профессиональной компетентности педагога [Текст] / Т. Г. Шкатова // Ярославский педагогический вестник. 2010. №1. С. 100-103.
16. Bauer, Karl-Oswald; Bohn, Andreas; Kemna, Pierre; Logemann, Niels. Pädagogische Qualität messen: Ein Handbuch.– Münster; New Zork; München; Berlin: Waxmann, 2010.
17. Kemna, Pierre W. Messung pädagogischer Basiskompetenzen von Lehrerinnen und Lehrern: Entwicklung von Testinstrumenten. Münster: New York: München: Berlin: Waxmann 2012.
18. Kompetenzen und Kompetenzentwicklung von Lehrerinnen und Lehrern. Ausbildung und Beruf [Text] / hrsg. v. Cristina Allemann-Ghionda u. Ewald Terhart. Weinheim u.a.: Beltz 2006.
19. Kompetenzentwicklung im wirtschaftspädagogischen Kontext: Programmatik – Modellierung – Analyse / hrsg. v. Hermann G. Ebner u. Jürgen Seifried // bwp@ Profil 4; September 2016 URL: http://www.bwpat.de/profil4/ seifried_wuttke_profil4.pdf (eingesehen am: 08.01.2018)
20. Lehrerprofil URL: http://www.provincia.bz.it/intendenza-scolastica/ hermeneutik/downloads/lehrerprofil.pdf.
21. Schul- und Hochschulmanagement: 100 aktuelle Begriffe. Ein vergleichendes Wörterbuch in deutscher und russischer Sprache [Text] / Менеджмент средней и высшей школы: 100 новых понятий. Сравнительный словарь на русском и немецком языке / O. Graumann, R. W. Keck, M. Pewsner, A. Rakhkochkine, A. Schirin (Hrsg.). Hildesheim: Universitätsverlag, 2004.

Бабенко М. Г., г. Барнаул, Россия

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье освещены теоретико-методические аспекты лингвострановедческого подхода в процессе обучения иностранным языкам. Раскрыта необходимость использования данного подхода для успешного и полноценного изучения иностранных языков. Отражены наиболее распространенные недостатки межкультурной коммуникации (некомпетентность студентов, фрагментарное изучение иноязычной культуры, ограниченное введение в учебный процесс элементов лингвострановедения), которые должны учитываться при создании адекватного коммуникативного общения.

Ключевые слова: лингвострановедческий подход, коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, познавательная мотивация.

CULTURE AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING APPROACH IN HIGHER SCHOOL

Abstract. The article covers theoretical aspects of culture–and foreign language teaching methodology, and focuses on the importance of this approach in effective language instruction. The article reflects most frequent failures in cross–cultural communication (student's incompetence, fragmentary knowledge of a foreign culture, limited classroom hours for culture studies), which have to be taken into account in teaching foreign language communication.

Keywords: language and culture oriented approach, communication competence, sociocultural competence, cross-cultural communication, learning motivation.

Прогрессирующее развитие международных контактов и связей формируют последовательную ориентацию современной методики обучения иностранным языкам на реальные условия коммуникации. Стремление к коммуникативной компетенции как конечному результату обучения предполагает не только владение соответствующей иноязычной технологией, но и усвоение колоссальной неязыковой информации, необходимой для адекватного обучения и взаимопонимания, потому что последнее недостижимо без относительного равенства основных сведений общающихся об окружающей действительности.

Заметное различие в запасе этих сведений у носителей разных языков в основном определяется материальными и духовными условиями существования соответствующих народов и стран, особенностями их истории, культуры, общественно-политического строя и т.п. Таким образом, необходимо хорошо знать специфику страны изучаемого языка, в связи, с чем особое значение приобретает лингвострановедческий подход как один из главных принципов обучения иностранным языкам.

В ходе реализации данного подхода обеспечивается развитие и формирование коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации. В результате длительной и целенаправленной работы обучающийся приобретает целостную систему представлений о национальных обычаях, традициях, реалиях страны изучаемого языка и обретает возможность через языковую форму получить дополнительные сведения о культуре народа, язык которого он изучает.

Обращение к проблеме изучения языка и культур одновременно не случайно, т.к. это позволяет сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью. Изучение иностранного языка и культуры представляет собой, по мнению В. В. Сафоновой, процесс значительно более сложный, нежели просто «формирование стереотипов поведения». Оно предусматривает подключение мыслительных операций, реализуемых в процессе сравнения, интерпретации, обобщения, обсуждения и других подобных дискурсивных форм передачи сути явления иноязычной культуры (Сафонова 1996: 80).

Отсутствие или недостаточная сформированность социокультурной компетенции является причиной возникновения ошибок социокультурного характера и, как следствие таких ошибок, дискоммуникации, т.е. нарушения хода иноязычного общения. Причины таких ошибок могут быть лингвострановедческого (неадекватное цели общения употребление лексических единиц, имеющих характерную национальную семантику), социокультурного (низкий уровень общего образования в области культуры страны изучаемого языка и родного языка) и психосоциального (отсутствие умений критического осмысления фактов и явлений инокультуры, чувство национального и социального превосходства по отношению к культуре страны изучаемого языка) характера (Щукин, Фролова 2015: 55).

Технология реализации лингвострановедческого подхода на уроках иностранного языка опирается на определенные принципы: 1. Общественная природа языка. 2. Понимание процесса изучения и обучения языку как процессу аккультурации обучающихся. 3. Формирование позитивной

установки по отношению к стране изучаемого языка. 4. Единство языкового образования и овладения иноязычной культурой. 5. Овладение иноязычной культурой на уроках иностранного языка как одним из способов вторичного познания действительности (Ариян, Шамов 2017: 169).

По мнению Е. М. Рожнёвой, использование лингвострановедческого подхода в обучении иностранным языкам позволяет не только сравнивать две действительности, но и активизирует мыслительную деятельность, что является важным фактором при изучении иностранного языка (Рожнёва 2004: 148).

Ознакомление с культурой страны изучаемого языка происходит опосредованно (через чтение аутентичных текстов, через просмотр оригинальных видеофильмов и кинофильмов) и непосредственно (через общение с носителем языка внутри родной страны или в ходе пребывания в стране изучаемого языка).

Практика преподавания иностранного языка показывает, что для адекватного понимания зарубежной прессы, художественной литературы, для общения с носителями изучаемого языка необходимы знания не только универсальных, но и национально-специфических явлений, которые находят отражение в языковых единицах. Особую трудность при изучении языка представляют фразеологические единицы с национально-культурной спецификой, которые играют существенную роль в коммуникации. Это, прежде всего, связано с идиоматичностью фразеологических единиц, значение которых не выводимо из значения их компонентов. Кроме того, в каждом языке есть набор самобытных фразеологизмов, возникших в своеобразных культурно-исторических условиях.

Лингвострановедческий подход к рассмотрению языковых единиц обладает еще одной важной функцией в преподавании языка: он повышает, а иногда и прямо обеспечивает мотивацию овладения языком, так как в действие вступает «закон интереса».

Использование страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности студентов, рассматривает их коммуникативные возможности, благоприятствует их коммуникативным навыкам и умениям, а также положительной мотивации, дает стимул к самостоятельной работе над языком и способствует решению воспитательных задач (Райхштейн 2002: 75).

Эффективность самостоятельной речевой деятельности у студентов во многом определяется наличием у них интереса и мотивов к изучению того или иного иностранного языка. Обычно студенты всех возрастов проявляют интерес к жизни в зарубежных странах. Таким образом, с этим и нужно связывать возможность повышения эффективности учебно-речевой деятельности на занятии.

Как показывает практика, для того, чтобы приобщить студентов к страноведческой информации, необходимы не лекции, а активное их вовлечение в парную и групповую работу, работу над проектами и т.д. Задача преподавателя - найти наиболее эффективные приёмы работы со страноведческим материалом. С самого начала целесообразно предлагать студентам разнообразные тесты, кроссворды. Это даст представление о том, что они уже знают, что вызывает у них наибольший интерес. Большую заинтересованность вызывает работа с пословицами и поговорками. При этом не исключается работа со словарями идиоматических выражений, фразеологизмов. Очень большой интерес вызывают у обучающихся видеофильмы о странах изучаемого языка. Такие видеофильмы не должны быть длинными, иначе обучающиеся не смогут выполнить задания, даваемые перед просмотром фильма.

Можно также привлечь студентов к составлению проектов: группа выбирает какой-либо исторический период и составляет проект под названием этого периода (в проект включаются основные политические события, основные исторические фигуры этого периода, основные события культурной жизни).

Одним из достоинств лингвострановедческого подхода является то, что лучше всего он реализуется в ролевых и проблемных играх. Использование игр на занятии при отработке страноведческой темы, позволяет вызвать интерес к теме, мотивацию к ее изучению, способствовать к закреплению в памяти студентов языкового материала, активизировать учебную и творческую деятельность.

- Игры, которые могут быть успешно применены на занятии, имеют ряд преимуществ:
- Все студенты принимают участие в игре, тесно взаимодействуя между собой;
- Речевые партнеры определяются произвольно;
- Каждый студент использует языковой материал, согласно уровню его личной подготовки;
- Слабые студенты опираются на готовые модели высказывания;
- Студенты имеют возможность расширить свои знания, совершенствовать навыки и умения в общении на иностранном языке;

– У студентов появляется лингвострановедческая мотивация, что способствует более осознанному изучению языка (Скляр 2009: 184).

Совершенно очевидно, что лингвострановедческие элементы учебно-методических модулей и даже отдельные курсы подобного характера не могут обеспечить решения комплексных задач по изучению национальных стереотипов поведения и восприятия, форм мышления, особенностей интерпретации этических и эстетических ценностей, специфики национальной политической культуры, государственно-правовой системы. Необходимо формирование целостной модели страноведческого образования как профильной ориентации всего комплекса учебных дисциплин.

Библиографический список

1. Ариян М. А. Основы общей методики преподавания иностранных языков. Теоретические и практические аспекты [Текст]: учебное пособие / М. А. Ариян, А. Н. Шамов. М.: «ФЛИНТА», 2017.

2. Райхштейн А. Д. Лингвистика и страноведческий аспект в преподавании иностранных языков [Текст] / А. Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. 2002. № 6. С.37-42.

3. Рожнёва Е. М. Взаимосвязанное овладение языком и культурой страны изучаемого языка [Текст] / Е. М. Рожнёва // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. №3 (40). С.146-149.

4. Сафонова В. В. Изучение языков межкультурного общения в контексте диалога культур и цивилизаций [Текст] / В. В. Сафонова. Воронеж: Истоки, 1996.

5. Скляр С. С. Лингвострановедческий материал как средство повышения мотивации к изучению иностранного языка [Текст] / С. С. Скляр // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 6-2. С.180-185.

6. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков [Текст] / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова. М.: «Академия», 2015.

Беляева С. В., г. Барнаул, Россия

ДИДАКТИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ САЙТОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассмотрен вопрос дидактизации содержания французских сайтов, анализируется возможность эффективного использования аутентичного аудио-визуального материала в процессе обучения. Приводится ряд факторов, обосновывающих дидактическую необходимость использования такого материала для формирования навыков аудирования, аудитивной компетенции студентов на начальном этапе обучения в вузе. Материалом исследования выступили современные сайты франкоязычных авторов, как специализированные, так и личные.

Ключевые слова: французский язык, аудирование, аудитивная компетенция, дидактизация, аутентичный учебный материал.

FORMING BASIC LISTENING SKILLS BY USING AUTHENTIC FRENCH WEBSITES CONTENT

Abstract. This article is devoted to the analysis of the content of authentic French websites and its capacity for the implementation into the studying process to form basic listening skills and auditive competence for students at their early university years. Several factors which justify the need of this implementation are taken into consideration. The subject of the research was modern French websites, both specialized and personal.

Keywords: the French language, listening, auditive competence, authentic teaching material

Подготовка специалиста, будущего учителя иностранного языка реализуется на основе компетентностного и деятельностного походов, которые описывают любые формы использования и изучения языка следующим образом: «Использование языка и его изучение включают действия человека, в процессе выполнения которых он как субъект социальной деятельности развивает ряд компетенций: общую и коммуникативную. Они опираются на компетенции, которые обеспечивают решение задач в различных условиях с учетом различных ограничений, и реализуются в видах деятельности и процессах (действиях), направленных на порождение и/или восприятие текстов, в связи с определенными темами и сферами общения и с применением соответствующих стратегий» (Общеевропейские компетенции 2003: 8).

В современной методике обучения иностранным языкам базовым понятием является иноязычная коммуникативная компетенция, структура и содержание которой достаточно подробно рассматриваются в последние годы, как в теоретических, так и в практико-ориентированных исследованиях. Иноязычная коммуникативная компетенция реализуется в различных видах речевой

деятельности, связанных с восприятием, порождением, интерактивными действиями и медиацией. В данной статье мы поставили целью рассмотреть вопрос восприятия, которое включает чтение про себя и понимание радио/телевизионных сообщений, а именно аудитивную компетенцию, которая формируется в процессе аудирования.

Вопросы обучения аудированию являются одними из наиболее обсуждаемых в течение последних лет. Это и проблемы взаимосвязанного обучения аудированию с другими видами речевой деятельности, рассматриваемые в работах И. А. Зимней, Е. А. Колесниковой, и особенности обучения аудированию в языковом и неязыковом вузах, рассматриваемые в работах И. И. Халеевой, Е. Г. Скосоренко, Н. Н. Коневой, Д. В. Позняк, и разработка учебных пособий и упражнений по обучению аудированию, рассматриваемые в работах Н. И. Гез, Н. В. Елухиной, Я. В. Зудовой, и многие другие.

В коммуникативной методике аудирование принято рассматривать и как цель, и как средство обучения, и как вид речевой деятельности, в процессе которого происходит усвоение звуковой стороны речи, лексического состава языка, его грамматических структур. Мы рассматриваем его как средство формирования аудитивной компетенции, являющейся важным компонентом иноязычной коммуникативной компетенции. Не вызывает сомнения тот факт, что именно с активного восприятия и понимания начинается процесс изучения иностранного языка, что аудирование способствует процессу овладения и развитию таких видов речевой деятельности как чтение, говорение, письмо. Поэтому целенаправленное обучение аудированию способствует формированию и развитию лингвистической, социокультурной, компенсаторной составляющих иноязычной коммуникативной компетенции. Для формирования и развития аудитивной компетенции большое значение имеет отбор содержания, адекватного решаемым в процессе обучения задачам, а именно использование аутентичных аудио-визуальных материалов. Под аутентичными принято понимать материалы, которые создавались носителями языка, которые создают атмосферу реальной коммуникации, делают процесс усвоения иноязычного материала, процесс изучения иностранного языка в целом более живым, интересным, проблемным и эмоциональным (Носонович 1999). И. И. Халеева под аутентичными текстами понимает тексты, «которые носители языка продуцируют для носителей языка, т. е. собственно оригинальные тексты, созданные для реальных условий, а не для учебной ситуации» (Халеева 1989: 75).

Однако, несмотря на все достоинства аутентичного учебного материала, необходимо учитывать уровень владения французским языком и трудности, которые испытывают учащиеся в процессе аудирования на начальном этапе обучения. Опыт обучения показывает, что на начальном этапе обучения более целесообразно и эффективно использование материала, который подвергся методической обработке с учетом его функциональности, структуры, лексического и грамматического наполнения, сопровождая аудирование специально разрабатываемыми заданиями и упражнениями.

Основной нашей целью в процессе отбора аутентичного аудио-визуального материала и его методической обработки является формирование и развитие первичных навыков аудирования у студентов, начинающих изучать французский язык в лингвистическом институте, то есть уровней А1 и А2 для этого вида речевой деятельности.

В системе Общеевропейских компетенций владения иностранным языком знания и умения учащихся подразделяются на три крупных категории, которые далее делятся на шесть уровней:

A Элементарное владение

A1 Уровень выживания / **A2** Предпороговый уровень

B Самодостаточное владение

B1 Пороговый уровень / **B2** Пороговый продвинутый уровень

C Свободное владение

C1 Уровень профессионального владения / **C2** Уровень владения в совершенстве

Для каждого уровня описываются знания и умения, которые должен иметь учащийся в чтении, восприятии на слух, устной и письменной речи. Например, для рассматриваемых нами уровней А1 и А2 предлагаются следующие знания, навыки и умения:

A1 около 150 часов аудиторных занятий	Понимаю и могу употребить в речи знакомые фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных задач. Могу представиться/представить других, задавать/отвечать на вопросы о месте жительства, знакомых, имуществе. Могу участвовать в несложном разговоре, если собеседник говорит медленно и отчетливо и готов оказать помощь.

A2 около 300 часов аудиторных занятий	Понимаю отдельные предложения и часто встречающиеся выражения, связанные с основными сферами жизни (например, основные сведения о себе и членах своей семьи, покупках, устройстве на работу и т. п.). Могу выполнить задачи, связанные с простым обменом информацией на знакомые или бытовые темы. В простых выражениях могу рассказать о себе, своих родных и близких, описать основные аспекты повседневной жизни.

Таким образом, уровень А1 предполагает понимание отдельных знакомых слов и простых фраз в медленно и четко звучащей речи в ситуациях повседневного общения, когда говорят о ближайшем окружении. Уровень А2 предполагает понимание отдельных фраз и наиболее употребительных слов в высказываниях, касающихся важных тем (например, основную информацию о себе и своей семье, о покупках, о месте проживания, о работе и учебе); понимание, о чем идет речь в простых, четко произнесенных и небольших по объему сообщениях и объявлениях.

И хотя на первом курсе аудирование не выделяется как отдельная дисциплина, однако обучение ему происходит как во время занятий по фонетике, грамматике, так и в практическом курсе иностранного языка. Нашей целью является разработка системы упражнений по формированию аудитивной компетенции на занятиях по практической грамматике, которая подразумевает как лексические навыки узнавания и понимания отдельных слов и их сочетаний, так и грамматические навыки узнавания и понимания грамматического оформления слов, словосочетаний, предложений.

В соответствии с видами аудирования: понимание основного содержания, выборочное понимание информации, полное понимание содержании, система упражнений для формирования и развития аудитивной компетенции на начальном этапе может включать такие задания как:

• прослушивание объявлений (информации, правил, предупреждений и др.);

• прослушивание отрывков радио программ и телепередач;

• восприятие сообщения в аудитории (в театре, на собрании, на лекции);

Таким образом, учащиеся слушают аудио-тексты для того, чтобы: понять суть, получить конкретную информацию, понять детали, понять весь смысл высказывания. И в дальнейшем, в процессе активного восприятия (аудирования), у учащегося формируются такие умения как: воспринять высказывание (фонетические умения), идентифицировать языковое сообщение (языковые умения), понять сообщение (семантические умения), интерпретировать сообщение (когнитивные умения).

Наиболее часто в поисках аутентичных ресурсов мы обращаемся к следующим французским интернет-ресурсам, соответствующим изучаемой теме и уровню студентов:

http://apprendre.tv5monde.com/fr/niveaux/a1-debutant
http://laboratoirelinguistique-virginie.blogspot.com/p/meilleurs-sites-du-fle.html
http://www.lepointdufle.net/
http://www.cavilamenligne.com/
http://www.bonjourdefrance.com/
http://www.rfi.fr/lffr/statiques/accueil_apprendre.asp
http://1jour1actu.com/
http://www.lyricsgaps.com/exercises/filter/language/fr/French
http://theatre-fle.blogspot.com.es/p/ateliers-distance.html

В данном списке и сайты, созданные французскими специалистами для изучения французского языка, где можно найти интересный материал уже готовый к использованию на занятиях, и личные блоги, созданные для общения, совместного чтения, занятия музыкой, театрализацией и обсуждения определенных тем, и сайты французских радио и теле-каналов.

Каждый отобранный аудио-визуальный материал подвергается методической обработке, в соответствии с целями и задачами обучения, конкретной темы и конкретных студентов. Поскольку процесс восприятия связан с трудностями как лингвистического, так и экстралингвистического характера, работа над их преодолением подразумевает регулярность и систематичность.

Система разрабатываемых нами упражнений построена по модульному принципу, в соответствии с основными грамматическими темами. Работая с аудио-визуальным материалом, мы считаем необходимым выделять основные этапы: дотекстовый, текстовый и послетекстовый.

Дотекстовый этап предназначен для снятия возможных трудностей, для актуализации фоновых знаний студентов, для антиципации содержания иноязычного аудио-текста. Это может быть работа с заголовком текста, с иллюстративным материалом. Студенты отвечают на вопросы:

Ecoutez le titre et devinez le sujet;

Regardez ces images et devinez le thème ;

Ecoutez le titre et la première phrases du texte, regardez ces images pour le texte et devinez de quoi il s'agit ;

Ecoutez le début et la fin du texte et dites où se passe la situation:

– dans la rue,
– à la terrasse d'un café,
– en classe,
– dans une école

Voici la liste des mots qui appartiennent au même groupe thématique : divertissement, distraction, détente, amusement, récréation. Devinez le sujet ;

Текстовый этап работы, направленный на понимание основного содержания, извлечение необходимой информации, может включать работу над лексическими и грамматическими элементами, работу со списками и таблицами, вопросами. Например:

Qui parle à qui ? Combien de personnes parlent ?

Ce sont des hommes, des femmes, des enfants ?

Quel âge peuvent-ils avoir ?

Où se passe la situation ?

De quoi parle-t-on ? Donnez les mots-clés.

Quand la situation se déroule-t-elle? A quel moment de la journée ou de la semaine?

Après avoir écouté, dressez un petit portrait des personnages;

Поскольку аудирование является для нас средством обучения, мы используем два прослушивания. Важным, на наш взгляд, является необходимость активного слушания и участия студентов, поэтому каждый этап должен предваряться четкими установками на то, что нужно делать, что искать. После первого прослушивания обычно проходит коллективное обсуждение, выдвигаются и фиксируются гипотезы, которые должны найти/не найти свое подтверждение после второго прослушивания.

После первого прослушивания мы проводим работу с грамматическими явлениями. Например:

Écoutez la liste des verbes et associez-les aux substantifs;

Écoutez la liste des adjectifs et asssociez-les aux substantifs.

Écoutez les groupes de mots et faites des phrases avec.

Именно на этом этапе мы обращаем внимание на структуру французского аудио-текста, на те «полезные слова», которые французы называют «mots outils». Например, логические коннекторы разных типов: d'une part, d'autre part, ensuite, d'abord, ensuite, puis, enfin, mais, malgré, en dépit de, au contraire, en effet. Такие упражнения со структурными элементами направлены на развитие умений ориентирования в текстовом поле и находят свое продолжение в послетекстовом этапе.

Например, работая со структурной схемой французского текста, мы предлагаем студентам заполнить следующую таблицу, которая позволяет легче ориентироваться в иноязычном тексте.

situation initiale	*élément modificateur*	*suite/perturbation*	*dernier élément modificateur*	*situation finale*
vie habituelle, repos, ...	rencontre, décision, découverte, agression, ...	enquête, voyage, ...	mariage, réussite, victoire, ...	retour à la vie habituelle, ...

Послетекстовый этап включает обычно упражнения на выделение, осмысление, интерпретацию услышанной информации, направленные на улучшение процесса восприятия. Например:

Lisez les phrases suivantes et dites si elles sont vraies ou fausses/ si elles correspondent au contenu du texte.

Voilà la liste des mots-clés, mettez-les suivant l'ordre du texte;

Complétez les phrases données: ajoutez le début/la fin;

На послететекстовом этапе мы считаем целесообразными упражнения на оценку, сопоставление, комментирование (на составление грамматических и лексических комментариев), работу со словарями и дополнительными источниками информации.

Процесс формирования любой компетенции, в том числе аудитивной, носит стадийный характер, и предлагаемые этапы, формы работы с аудио-визуальным материалом, его методическая обработка могут создать необходимые условия для систематического формирования необходимых аудитивных навыков и умений студентов первого курса.

Библиографический список

1. Елухина Н. В. Обучение аудированию в школе с преподаванием ряда предметов на французском языке [Текст] : дис. …канд. пед. наук / Н. В. Елухина. М., 1970.
2. Зимняя И. А. Понимание как результат рецептивных видов речевой деятельности [Текст] // Психология и методика обучения чтению на иностранном языке / И. А. Зимняя. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. С. 3-12.
3. Каптурова Е. С. Аудитивная компетенция как цель обучения аудированию иноязычной речи в языковом вузе [Текст] / Е. С. Каптурова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 5 С. 77-82.
4. Колесникова Е. А. Обучение аудированию с письменной фиксацией существенной информации студентов первого курса языкового педагогического вуза (английский язык) [Текст]: дис. … канд. пед. наук: 13.00.02; защищена 12.02.2009 / Е. А. Колесникова. М., 2009.
5. Носонович Е. В. Параметры аутентичного учебного текста [Текст] / Е. В. Носонович // Иностранные языки в школе. 1999. №1. С. 11- 18.
6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком. Изучение, преподавание, оценка [Текст] / Страсбург-Москва: Изд.-во МГЛУ, 2003.
7. Руцкая Е. А. Навыки и умения переводческого аудирования как условие формирования аудитивной речевой компетенции устного переводчика [Текст] / Е. А. Руцкая // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2013. № 7. С. 86-93.
8. Сафонова В. В. Развитие культуры восприятия устного текста: методическое пособие по аудированию для преподавателей РКИ [Текст] / В. В. Сафонова. М.: Еврошкола. 2011.
9. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи [Текст] / И. И. Халеева. М., 1989.

Битнер М. А, г. Красноярск, Россия

РАЗВИТИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПОСРЕДСТВОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития метафорического мышления потенциально одаренных учащихся посредством лингвистических исследований в сетевом исследовательском сообществе, объединяющем преподавателей, студентов педагогического университета, учащихся и учителей сельских школ. Автор предлагает приемы работы с языковым материалом, которые позволят подготовить учащихся к самостоятельному исследованию в области языковой метафоры. Предполагается, что такая деятельность будет способствовать формированию универсальных познавательных действий анализа и синтеза, сравнения и аналогии, способности к критическому мышлению, развитию потенциальной одаренности.

Ключевые слова: потенциально одаренные, метафорическое мышление, сетевое исследовательское сообщество.

DEVELOPING METAPHORICAL THINKING OF POTENTIALLY GIFTED CHILDREN VIA LINGUISTIC RESEARCH

Abstract. The paper explores the problem of developing metaphorical thinking of potentially gifted children via linguistic research supervised in the framework of network research community uniting pedagogical university professors and students, rural school teachers and school children. The author focuses on the preliminary work that prepares children for independent research in the field of linguistic metaphor. It is assumed that this kind of activity can enhance transferable skills of analysis and generalization, analogy and comparison as well as critical thinking and development of potential giftedness.

Keywords: potentially gifted children, metaphorical thinking, network research community.

Современная концепция общего образования утверждает необходимость интегрированного обучения, подчеркивая важность метапредметных образовательных результатов. Идея интегрированности предполагает не только развитие универсальных учебных действий, применимых в разных видах деятельности, но поиск решений через перенос моделей из одних областей знания в другие. Такая модель образования (STEAM-education: Science, Technology, Engineering, Arts, Mathematics), включающая обязательную подготовку в области гуманитарных наук и искусства,

положительно зарекомендовала себя за рубежом в процессе подготовки специалиста в области науки, технологий, инженерии, математики (STEM-education) (Park 2016, Madden 2013). Учет принципа интеграция естественнонаучного и гуманитарного знания особенно важен для педагогического сопровождения потенциально одаренных обучающихся, которые, имея психический потенциал для высоких достижений, еще не определились со сферой применения собственных способностей (Безрукова 2017: 84). Представляется, что лингвистическая подготовка должна стать обязательной частью работы с потенциально одаренными детьми.

В данной статье рассматриваются частные приемы организации и сопровождения лингвистических исследований потенциально одаренных учащихся, направленные на развитие общих коммуникативных и познавательных умений школьников через развитие метафорического мышления и операции с языковыми метафорами. Работа проходила в рамках сетевого исследовательского сообщества Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева, объединяющего преподавателей, студентов, учащихся и учителей сельских школ Красноярского края (Безрукова 2015: 22). Базой для данного направления является Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение «Кодинская средняя общеобразовательная школа №2» Кежемского района г. Красноярска.

Согласно исследованиям отечественных психологов, словесная символизация служит предпосылкой понятийного мышления (Лурия 2012: 247). Язык выступает инструментом обучения, познания, овладения ценностями культуры, а в конечном итоге построения модели мира. Языковое развитие школьника способствует формированию когнитивных и ментальных структур личности (Володина 2015: 17), а метафорическое мышление, в частности, служит показателем интеллектуальной и творческой одаренности (Николаенко 2001: 706). В этой связи для работы с потенциально одаренными школьниками в области лингвистических исследований в качестве предметной области была выбрана языковая метафора.

Планирование работы с потенциально одаренными школьниками в области организации и сопровождения научно-исследовательской работы учащихся предполагало решение следующих задач: теоретическая подготовка в потенциальной области исследования; формирование умений поиска языкового материала в текстах и языковых корпусах; формирование аналитических умений с целью анализа и обобщения информации, классификации, построения выводов. Первая задача решалась путем проведения онлайн лекций и вебинаров, в ходе которых школьники познакомились с понятиями когнитивной и языковой метафоры, ориентационной метафоры, пространственной метафоры времени, реципиентной и донорской зоны, понятием синестетической метафоры, а также с национально-культурной спецификой метафор и идиоматичности языка. Посредством просмотра предварительно записанных обучающих видеокастов, ссылку на которые участники проекта получили через рассылку в соцсетях, обучающиеся научились осуществлять простой поиск в Британском национальном корпусе и Национальном корпусе русского языка.

Следующим, наиболее важным этапом, можно считать начало работы с языковым материалом. На данном этапе работы необходимо было сформировать умения распознавать метафорическое значение и устанавливать зоны переноса; умения порождать собственные метафоры. Последнее умение является важной составляющей научного исследования в любой области, часто метафоры лежит в основе мысленного эксперимента, который позволяет сделать открытие. Что касается собственно лингвистической метафоры, то исследования в данном поле позволяют определить особенности менталитета народа, характеристики языковой картины миры, способы познания и ценности культуры.

Рассмотрим некоторые приемы и задания, которые предлагались юным лингвистам в качестве подготовительного этапа к научному исследованию.

Задание 1.

Используя Британский национальный корпус/ Национальный корпус русского языка, найдите 10 метафорических выражения с прилагательным «горячий»/ «мягкий»/ «светлый»/ «тяжелый» и определите область метафорического переноса. Перечислите значения слова прилагательного, появившиеся в результате лингвистического механизма метафоры.

Необходимо отметить, что простые на первый взгляд задания требовали тренировки и совершенствования. Основные ошибки были связаны с игнорированием контекстального значения. Например, оказалось, что сочетание «липкий след», предложенное одним из участников в качестве метафорического, в контексте имело прямое значение. Таким образом пришло осознание того, что значение языковых единиц актуализируется только в окружении других знаков.

Другие задания помимо поисковых умений включали сравнительный анализ.

Задание 2.

Используя Британский национальный корпус / Национальный корпус русского языка, найдите метафорическое описание времени и определите область метафорического переноса.

Задание 3.

Проанализируйте следующие метафорические выражения в русском и английском языке: every cloud has a silver lining, палка о двух концах. Есть ли разница в значении этих идиом? Найдите их контекстуальное использование. Какая из идиом используется для ободрения, какая для предупреждения?

Задание 4.

Используя Британский национальный корпус и Национальный корпус русского языка, найдите метафорическое использование прилагательных «липкий» и 'sticky'. Найдите зоны совпадения семантических областей.

Кроме заданий на уровне слова и предложения участникам проекта были предложены задания на уровне текста. Первоначально, учащиеся познакомились со значением термина «расширенная метафора». Для иллюстрации понятия было предложено приветственное слово на странице Вконтакте музыкальной группы «Кэдди пахнет деревьями»:

«Эта группа – наш деревянный сруб. В феврале 2015-го упали наши зёрна в неведомую землю, а к октябрю появились первые ростки. Плодами мы зацветаем медленно, но наши ветви крепнут и наливаются соком всё гуще и пряней! Мы играем душеполезные песни на каждый день. Они у нас срастаются в леса так, что их тяжело отделить друг от друга, а между ними бликуют смелыми оленями стихи. По вопросам сотрудничества обращаться к ним: это наш лесоруб, а это наш лесник.

Задание 5.

Прочитайте приветственное слово участников музыкальной группы «Кэдди пахнет деревьями». В основе текста лежит расширенная метафора леса. Перепишите текст, исключив метафорические значения. Замените следующие метафорические выражения: «упали наши зерна в неведомую землю», «появились первые ростки», «ветки крепнут и наливаются соком всё гуще и пряней», «срастаются в леса», «бликуют оленями стихи», «лесоруб и лесник».

Обратная операция с метафорой стала подготовительным этапом к написанию текста, основанного на собственной расширенной метафоре. С этой целью участникам занятий к просмотру было предложено вирусное видео, которое демонстрирует казусное происшествие во время прямого эфира мировых новостей канала BBC News (Hauser 2017). На видео профессор Р. Келли в прямом эфире дает комментарии о политическом кризисе в Южной Корее из домашнего кабинета. В ходе интервью в офис сначала входит пятилетняя девочка, которая уютно устраивается перед экраном, а затем в дверях появляется годовалый малыш в ходунках. В завершении видео в офис вбегает мать детей и в панике извлекает их из кабинета. Все это время сам профессор, не отрываясь, смотрит в камеру, продолжает давать интервью, время от времени извиняясь за происходящее. Данное видео не только мгновенно распространилось в сети, но и стало темой для многих статей в уважаемых изданиях (Morris 2017). Учитывая комичность ситуации, многие статьи были написаны с большой долей иронии и содержали различные метафоры.

Задание 5.

Прочитайте сокращенный вариант статьи, описывающей происходящее на видео, выберите подходящий заголовок:

1. Kids hijack live interview
2. Broad cast interview with BBC gatecrashed by two kids
3. Professor's kids steal show during broadcast interview
4. Home office invasion

Robert E. Kelly was live on BBC World News talking about South Korean political crisis when the door of his office was spectacularly swung open by a little girl in a bright yellow jumper and spectacles. She jauntily crossed the room and settled herself in front of the screen willing to skype with her grandparents. The BBC presenter warned the interviewee that he was no longer alone. Kelly, still staring fixedly into the camera, tried to press on while gently pushing the girl away from him. In the background – with perfect comic timing – a second youngster, this one a baby, made an even more dramatic appearance, wheeling him or herself on to the stage in a walker.

A panicked woman slid into the room, looked towards the camera with alarm and set about extracting both children from the office. Kelly apologised as the two protagonists were dragged unceremoniously off stage. Pofessor Kelly's wife crawled back and shut the door. Kelly, an associate

professor of international relations at Pusan National University, again tried to think about North Korea rather than the dangers of the home office invasion.

Подчеркнутые выражения указывают на метафору театральной сцены и верным вариантом является третий заголовок. Следующее задание предполагало написание собственного параграфа, основанного на одной из трех метафор: захват самолета террористами, ограбление со взломом, сражение. Очевидно, что в случае с использованием последней метафоры профессор превращается в генерала, офис в поле боя, дети в противника, ударившего с тыла, их мать в отважного солдата, обезвредившего захватчиков. Параллельно учащиеся знакомятся с метафорической биноминальной конструкцией, которая свойственна английскому языку (Худякова 2007). Использование такой метафоры в данном задании позволяет эксплицировать метафору. Например,

With a straight face Professor Kelly steered a wreck of the interview to a successful conclusion.

Помимо развития собственно лингвистических способностей данные задания, на наш взгляд, способствуют развитию образного и понятийного мышления, умению выстраивать аналогии и проводить сравнение, анализировать и обобщать. Именно подготовительный этап является условием успешной исследовательской деятельности. В данный момент проект находится на стадии индивидуального сопровождения научно-исследовательской работы школьников. Каждый из участников проекта выбрал тему для научного исследования, результаты которого будут представлены на конференции сетевого сообщества. В процессе работы поступательно решаются задачи структурирования информации, ее визуализации, стилистического оформления работы и прочие трудности, связанные с презентацией результатов. Безусловно интересным и важным станет измерение эффективности данной работы в части влияния научной деятельности на общий интеллектуальный уровень потенциально одаренных обучающихся. Однако уже сейчас можно предположить, что положительное влияние описанных творческих заданий будет способствовать общему развитию метапредметных компетенций, необходимых для обучения и развития любого школьника.

Исследования ведутся при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №17-16-24024, 2017-2018 г.г.

Библиографический список

1. Безрукова Н. П. Выявление и развитие потенциально одаренных учащихся сельских школ: проблемы и подходы к решению [Текст] / Н. П. Безрукова, О. В. Барканова, А. А. Безруков, Е. В. Селезова, А. В. Тазьмина // Современные наукоемкие технологии. 2917. № 10. С. 84-89

2. Безрукова Н. П. О развитии исследовательской компетенции учащихся и магистрантов по направлению подготовки «Педагогическое образование» в сетевом исследовательском сообществе [Текст] / Н. П. Безрукова, А. А. Безруков// Высшее образование сегодня. 2015. № 11. С. 22-27.

3. Володина Е. Н. Психолого-педагогические механизмы формирования когнитивных и ментальных структур личности в процессе языкового развития школьника [Текст] / Е. Н. Володина // Известия Волгоградкого государственного педагогического университета. 2015. №7 (102). С.15-24

4. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Р. Лурия. СПб.: Питер, 2012

5. Николаенко Н. Метафорическое мышление у здоровых детей и больных аутизмом как показатель межполушарного взаимодействия [Текст] / Н. Николаенко // Доклады Академии наук. 2001. № 5(379). С. 705-707.

6. Худякова А. А. Грамматические особенности и стилистический потенциал метафорической биноминальной конструкции типа `a shadow of a smile` в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. … кан. филол. наук / А. А. Худякова. Барнаул, 2007

7. Hauser Ch. When the Kids Crash Your BBC URL: https://www.nytimes.com/2017/03/10/world/europe/bbc-interview-toddler-interruption.html.

8. Madden E. M. Rethinking STEM education: An interdisciplinary STEAM curriculum [Text] / E. M. Madden, M. Baxter, H. Beauchamp, K. Bouchard, D. Habermas, M. Huff, B. Ladd, J. Pearon, G. Plague // Procedia Computer Science. 2013, №20. P. 541-546.

9. Morris S. South Korea expert interrupted by children on BBC World News goes viral URL: https://www.theguardian.com/media/2017/mar/10/south-korea-expert-interrupted-baby-toddler-live-tv-viral

10. Park H. Teachers' Perceptions and Practices of STEAM Education in South Korea [Text] / H. Park, S. Byun, J. Sim, H. Han, Y. Baek // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2016, №12 (7). P.1739-1753.

Веселова В. А., г. Барнаул, Россия

ШКОЛЬНАЯ ГАЗЕТА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы формирования и развития медиаграмотности у школьников во внеурочной деятельности, организованной в форме школьной газеты. Выявлено, что в процессе подготовки и создания выпусков газеты у учащихся формируется умение анализировать и перерабатывать информацию, отбирать и оценивать ее, умение создавать свой медийный продукт.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграммотность, внеурочная деятельность, школьная газета

SCHOOL NEWSPAPER AS MEANS OF DEVELOPING MEDIA LITERACY OF CHOOLCHILDREN

Abstract. The article is devoted to ways of developing media literacy of schoolchildren in extracurricular activity organized in the form of a school newspaper. In the process of newspaper production students acquire ability to access, analyze, interpret and critically evaluate information, as well as create their own media product.

Keywords: media education, media literacy, extracurricular activity, school newspaper

Современные школьники сталкиваются с огромным потоком информации, которая нередко никак не контролируется и не ограничивается. Очень часто можно услышать жалобы на то, что средства массовой коммуникации становятся средством массовой манипуляции людьми, а первыми жертвами подобной манипуляции становятся дети и подростки. Именно школьники в первую очередь подвержены влиянию лживой информации, информации мошеннического характера, а также медийных продуктов, которые не предназначены для детей, не соответствуют уровню развития их психики. Учащиеся не умеют адекватно воспринимать, анализировать информацию, им трудно определить степень правдивости и надежности источника информации. Именно поэтому все чаще встает вопрос о развитии медиаграмотности у детей в процессе образования. Развитие медиаграмотности у школьников является необходимым, так как это условие для социализации детей в современном мире, насыщенном медиа. Уже в конце двадцатого века возникал вопрос о необходимости осуществления медиаобразования не только в высших учебных заведениях, но и в школах. Сегодня в соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года одним из механизмов реализации стратегии является усиление воспитательного потенциала медиаобразования в образовательных организациях.

«Российская педагогическая энциклопедия» трактует медиаобразование как «направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками и студентами закономерностей массовой коммуникации (прессы, телевидения, радио, кино, видео и т.д.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств» (Российская 1993: 193).

Изначально медиаобразование ограничивалось развитием понимания киноискусства, сегодня же медиаграмотность предполагает наличие умений не только анализировать и воспринимать медиатексты различного характера, жанра и направленности, но и знаний и умений, которые помогут самому создавать медиатексты и медиапродукты. По определению ЮНЕСКО медиаобразование «обеспечивает человеку знание того, как:

- анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты;
- определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст;
- интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа;
- отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории;
- получить возможность свободного доступа к медиа как для восприятия, так и для продукции.» (UNESCO 1999: 274)

Очевидно, развитие медиаграмотности является как частью медиаобразования, так и его результатом. Профессор А. В. Феодоров, один из ведущих российских специалистов в области медиобразования, под медиаграмотнотью понимает «умение анализировать и синтезировать пространственно-временную реальность, умение «читать» медиатекст» (Федоров 2010: 25). Медиаграмотный человек способен воспринимать, анализировать, оценивать как печатные, так и

электронные медиатексты, а также способен самостоятельно создавать медиатексты. Конечно, не существует отдельной школьной дисциплины, направленной только на развитие медиаграмотности. Однако в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта образовательная программа должна способствовать развитию у учащихся готовности и способности «к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, владению навыками получения необходимой информации из словарей разных типов, умению ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников» (минобрнауки.рф/документы/2365), что, собственно, является элементами медиаграммотности. Достижение данных результатов осуществляется за счет как основных дисциплин, изучаемых в урочное время, так и во внеурочной деятельности.

Из опыта работы над созданием школьной газеты «69-е измерение» можно заключить, что организация внеурочной деятельности в форме школьной прессы может стать эффективным средством формирования и развития информационной и медиаграмотности. Основными задачами школьной газеты как формы организации внеурочной деятельности школьников являются в первую очередь развитие творческих способностей и создание условий для самореализации учащихся, для проявления социальной активности. Занятия в школьной газете помогают развивать умение анализировать и перерабатывать информацию, отбирать и оценивать ее, ну и, конечно же, умение создавать новую информацию, свой медийный продукт.

Программа внеурочной деятельности в форме школьной газеты подразумевает как теоретическую подготовку, так и практическую. Теоретические занятия предполагают знакомство с основами журналистики и историей ее развития, изучение структуры газеты. Учащиеся получают первоначальные знания о журналистских жанрах, их особенностях и отличиях. Школьники знакомятся с функциональными стилями речи, основными стилистическими приемами. Все эти знания в дальнейшем помогают учащимся распознавать жанры медиатекстов, их направленность, целевую аудиторию, эмоциональную окраску. Без этих знаний учащиеся не смогут анализировать и оценивать медиатексты. Также на теоретических занятиях учащиеся знакомятся с различными словарями (энциклопедиями, орфографическими, толковыми, словарями синонимов и т.д.), особенностями организации материала в них, способами быстрого поиска нужных слов. Школьники учатся ориентироваться и в электронных ресурсах: знакомятся с основными поисковыми системами, особенностями работы с ними, с сайтами интернет ресурсов для школьников. На практических занятиях школьники учатся выявлять отличительные черты медиатекстов различной направленности, изменения стилистики и лексики в зависимости от целевой аудитории, учатся распознавать эмоциональную направленность медиапродуктов. Изначально школьникам предлагается ознакомиться с медиатекстом и рассказать о своем восприятии данного продукта: какой направленности этот текст: информационный или развлекательный; какие эмоции он вызывает: положительные или отрицательные; с какой целью он был создан. Учащимся также предлагается обсудить некоторое характеристики этого текста: к какому журналистскому жанру его можно отнести, по каким признакам; какие средства использовал автор для убеждения, привлечения внимания, создания эмоционального настроя; как может измениться лексическая сторона этого текста, если он будет направлен на другую аудиторию; как может измениться сценарий изложения информации, чтобы текст вызывал более позитивные/негативные эмоции. Подобные обсуждения позволяют подготовить учащихся к адекватному восприятию информации. Также учащимся предлагается решать различные творческие задания, активизирующие восприятие информации и помогающие понять закономерности медиа. Сами же занятия приобретают игровой характер, и их можно проводить в формате конкурсов, этот формат позволяет разработать четкие критерии оценивания результатов, их анализ и обсуждение. Учащиеся могут выполнять задания индивидуально или в группах по 2-3 человека. Все задания можно разделить на несколько категорий: литературные, в которых учащиеся анализируют и преобразуют уже существующие продукты; изобразительные, которые позволяют сконцентрироваться на внешней визуальной стороне медиапродуктов; и ролевые, предполагающие элементы театрализации. Приведем несколько примеров заданий разных категорий.

1. Литературные (кроме всего прочего позволяющие развивать речь учащихся, расширять их словарный запас, формировать и совершенствовать грамматические навыки):

– представьте события, описываемые в медиатексте от лица различных персонажей, задействованных в нем;
– представьте события от лица неодушевленного предмета;
– изложите события известной сказки в различных журналистских жанрах;

– измените ситуацию медиатекста (страну, в которой происходят события, эпоху, возраст или пол героя и т.п.).

При выполнении данных заданий учащимся предлагается при внесении изменений в текст обращать особое внимание на сохранение особенностей характера и лексики.

2. Изобразительные (развивающие художественный вкус, умение подчеркнуть визуальную сторону события):

– подготовьте коллаж на основе медиатекста;

– изготовьте постер или рекламный плакат;

– сделайте серию фотографий для статьи в журнале мод, в которой моделями будут выступать ваши одноклассники и друзья.

Как уже отмечалось ранее, данные задания концентрируются на визуальной стороне медиатекстов и помогают научиться дополнять информацию, привлекать внимание аудитории к событиям, отраженным в медиатексте, используя зрительные образы и различные изобразительные, графические средства.

3. Ролевые (предполагающие элементы театрализации, разыгрывание этюдов):

– проведите интервью с персонажами медиатекста;

– организуйте и проведите суд над персонажем;

– разыграйте ток-шоу, где обсуждаются персонажи или события медиатекста.

Подобные задания дают огромный простор для творчества учащихся, к тому же результаты можно сохранить в виде видеороликов для дальнейшего анализа и обсуждения.

Кроме игровых занятий в практике работы школьной газеты «69-е Измерение» применяются и занятия дискуссионного характера, например, при обсуждении нового выпуска газеты, тем, которые необходимо осветить и т.п. Несмотря на то, что они предполагают более серьезную направленность, их все же необходимо проводить в занимательной форме. Наибольший интерес вызывает у учащихся форма с применением метода «шести шляп мышления», разработанного Эдвардом де Боно. Это своеобразная ролевая игра, участники которой, надевая шляпу определенного цвета, начинают анализировать информацию с определенной стороны. Так, надев белую шляпу, участник должен выявить все, что известно по данному вопросу, все имеющиеся факты, а также определить недостающую информацию. Обладатель желтой шляпы пытается выявить все положительные моменты, радужные перспективы развития ситуации. Красная шляпа отвечает за эмоциональную сферу и интуицию, описывает свои ощущения и переживания. Черная шляпа пытается выявить все недостатки и недочеты. Роль же зеленой шляпы – творчество и креативные предложения, новые идеи и альтернативные варианты развития событий. Руководит же всем процессом синяя шляпа. Конечно, наличие шляп совершенно не обязательно, важно разделение ролей и возможность взглянуть на ситуацию, проблему или задачу с разных сторон. Каждый раз учащимся предлагается выполнять разные роли, становясь то критиком, то креативщиком, то аналитиком. Подобная работа очень полезна при принятии решения и кроме всего прочего позволяет развивать критическое мышление у учащихся, что в свою очередь является важной составляющей медиаграмотности. Именно критическое мышление позволяет адекватно воспринимать информацию, уметь восполнять недостающую информацию, оценить надежность источника информации.

Трудно представить себе журналиста, который не умеет работать с различными печатными и электронными источниками информации. На занятиях в школьной газете учащиеся знакомятся с различными словарями (энциклопедиями, орфографическими, толковыми, словарями синонимов и т.д.), особенностями организации материала в них, способами быстрого поиска нужных слов. Школьники учатся ориентироваться и в электронных ресурсах: знакомятся с основными поисковыми системами, особенностями работы с ними, с сайтами ресурсов для школьников, сайтами детских организаций. Более того, учащиеся сами могут стать участниками создания позитивного контента сети интернет. В качестве одного из практических заданий им предлагается участвовать в создании блога школьной библиотеки, где находят свое отражение события, происходящие в школе. Здесь учащиеся могут разместить свои новостные заметки, репортажи, коллажи и фотографии.

Работа над созданием новостных постов в блоге и печатным изданием школьной газеты предполагает также высокий уровень компьютерной грамотности. Школьникам нужно уметь набирать и редактировать электронный вариант текста, редактировать фотографии. Учащиеся также принимают участие в верстке материала газеты, учатся работать в программах Microsoft Office Publisher и Adobe InDesign.

Финальной стадией работы в школьной газете является создание собственного медиапродукта. Здесь учащиеся смогут применить все знания, умения и навыки, приобретенные ими

на теоретических и практических занятиях. Тексты, которые школьники создают для газеты, позволяют оценить уровень, а также отследить динамику развития медиаграмотности: насколько адекватно может учащийся отбирать и оценивать информацию, строить свой текст в соответсвии с источником, в котором он будет размещен, насколько развита способность к информационному общению и компьютерная грамотность, как изменяется словарный запас учащегося, насколько умело он может пользоваться различными выразительными средствами, насколько адекватен выбор соответствующих источников информации. Проанализировав создаваемые юными журналистами медиатексты, педагог может не только оценить степень сформированности того или иного умения, но и скорректировать дальнейшее обучение.

Подводя итог, следует отметить, что работа журналиста сама по себе подразумевает высокий уровень медиаграмотности и даже медиакомпетентности, поэтому организация спецкурсов и факультативов по журналистике, а также организация внеурочной деятельности в форме школьной газеты является наиболее эффективным инструментом формирования и развития информационной и медиаграмотности школьников.

Библиографический список

1. Российская педагогическая энциклопедия в двух томах: Том I [Текст] / Гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1993.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования // Министерство образования и науки Российской Федерации URL: минобрнауки.рф/документы/2365

3. Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности [Текст] / А. В. Федоров. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010.

4. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня [Текст] / А. В. Федоров. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009.

5. Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO (UNESCO) [Текст] // Education for the Media and the Digital Age. Vienna: UNESCO, 1999.

Гончарюк Н. Л., г Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена особенностям раннего обучения иностранным языкам, поскольку этот вопрос является актуальным для нашего общества. Все современные исследователи утверждают, что изучение иностранных языков в младшем возрасте полезно всем детям и оказывает положительное влияние на развитие ребенка. А использование различных технологий и подходов помогает вызвать интерес и сформировать мотивацию к изучению иностранных языков.

Ключевые слова: раннее обучение, личностно-ориентированный подход, проектная методика, игра.

FACTORS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN EARLY CHILDHOOD

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of foreign language learning in early childhood, because this issue is important for our society. All modern scientists state that the learning of foreign languages in juniority is helpful for all children and makes positive impact on child's evolution. And the use of different technologies und approaches helps to awake the interest and to form the motivation for the learning of foreign langughjcreages.

Keywords: early childhood, learner-centered approach, project work, game.

В настоящее время знание иностранных языков – это не просто модная тенденция, а жизненная необходимость, связанная с активной миграцией населения, тесным взаимодействием национальных культур и развитием экономического сотрудничества между государствами.

Однако данный вопрос нельзя назвать новым, поскольку проблемы раннего обучения иностранному языку рассматриваются уже несколько столетий. Великий французский философ и педагог Жан-Жак Руссо, например, высказывал следующее мнение по поводу раннего обучения иностранным языкам: «Иной будет удивлен, что я отношу изучение языков к числу вещей бесполезных в воспитании; но он не должен забывать, что я говорю здесь только о занятиях первоначального возраста…» (Руссо 1981: 74-75) Это связано с тем, что он рассматривал изучение иностранного языка, как овладение иным образом мышления, а поскольку у ребёнка еще не сформирована первая система мышления, то формирование второй (иноязычной) системы не совсем логично, а иногда – даже вредно (Ломакина 2014: 597).

А современные психологи и педагоги утверждают, что обучение иностранному языку лучше всего начинать в дошкольном возрасте, когда дети еще не умеют читать и писать, но при этом легко воспринимают и усваивают язык на слух. Поэтому произносительные навыки в этом возрасте осваиваются без особого труда и могут сохраняться надолго. Дети дошкольного возраста учат иностранный язык как родной в процессе общения, игры или какой-либо другой деятельности. Соответственно, в обязанности учителя входит не преподавание иностранного языка в традиционном понимании, а создание языковой атмосферы. Основной деятельностью ребенка в дошкольном возрасте является игра, значит и обучение иностранному языку должно проходить в процессе игры. Кроме того, на занятии ИЯ необходимо использовать песни, танцы и музыку, тогда дети будет заниматься с большим удовольствием и интересом.

Ведущий специалист Российской Академии образования М. З. Биболетова полагает, что «изучение иностранных языков в младшем возрасте полезно всем детям, независимо от их стартовых способностей, поскольку оно оказывает бесспорное положительное влияние на развитие психических функций ребенка — памяти, внимания, мышления, восприятия, воображения и др. Изучение оказывает стимулирующее влияние на общие речевые способности ребенка, которое положительно сказывается также и на владении родным языком.» (Биболетова 2000: 32)

Многие педагоги и психологи подчеркивают необходимость лингвистического развития как важного рычага интеллектуального совершенствования ребенка. Известный психолог Д. Б. Эльконин отмечает, что дошкольный возраст является периодом, в котором имеется наибольшая чуткость к языковым явлениям. Е. А. Тинякова, в свою очередь, утверждает, что знакомство с другими языками приучает детально вычленять и тонко подмечать оттенки смысла: необычные фонетические ситуации шлифуют произносительные способности; иные грамматические структуры служат хорошей логической тренировкой.

От того, какими будут первые шаги ребенка на пути овладения иностранным языком, зависят его будущие знания и в данной области, и по другим предметам. В связи с этим преподавателю английского языка в детском саду и начальной школе необходимо учитывать возрастные и индивидуальные особенности каждого ребенка для создания устойчивого интереса (Гладких URL).

Так, учитывая особенности развития восприятия, внимания, памяти, воображения и мышления, в процессе обучения следует использовать образное мышление детей и игровые элементы. Ведь игра является мощным стимулом к овладению языком и способствует развитию каждого ребенка, потому что любая игра имеет развивающее значение и способствует формированию умений и навыков через практическую деятельность.

Учитель английского языка З. А. Юльметова предлагает учитывать следующие факторы для организации эффективного обучения иностранному языку на раннем этапе.

В первую очередь нужно применять личностно-ориентированный подход, который предполагает обучение в сотрудничестве, метод проектов и разноуровневое обучение. Эта технология создает условия для совместной учебной деятельности учащихся в разных учебных ситуациях.

Также не стоит забывать о проектной методике, являющейся одной из перспективных форм обучения иностранному языку. Применение данной методики позволяет создать условия для развития самостоятельности, творческой активности, воспитания личной и коллективной ответственности, повышения интереса и увеличение мотивации к изучению иностранного языка.

И, конечно, немаловажную роль играет использование различных игровых технологий. Ведь игры и игровые ситуации вызывают наибольший интерес у детей, приближая речевую деятельность к естественным нормам. Эти технологии помогают развивать навык общения, способствуют эффективной отработке языкового материала и обеспечивают практическую направленность обучения.

Именно в процессе игры детям легче всего учиться задавать вопросы и отвечать на них, формулировать запрос, учиться передавать информацию, выражать свои эмоции, свое мнение и т.п. Поэтому учитель иностранного языка должен уметь создавать ситуации с элементом неизвестного, постоянно поддерживать мотивацию детей и тогда он сможет добиться хороших результатов в изучении иностранного языка.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что раннее обучение является скорее положительным фактором в дальнейшем развитии ребенка. При этом важно, чтобы оно соответствовало внутреннему психологическому развитию ребенка, а также было организовано в соответствии с его возрастными психологическими особенностями, не нарушая естественный ход вещей и активизируя возможности, предоставляемые ребенку на каждом этапе развития.

Библиографический список

1. Биболетова М. З. Проблемы раннего обучения иностранным языкам [Текст] / М. З. Биболетова. М.: Московский комитет образования МИПКРО, 2000
2. Гладких С. Н. Перспективы и проблемы раннего обучения детей английскому языку URL: https://infourok.ru/perspektivi-i-problemi-rannego-obucheniya-detey-angliyskomu-yaziku-dlya-mo-uchiteley-inostrannogo-yazika-764753.html
3. Ломакина Г. Р. Раннее обучение иностранному языку: плюсы и минусы [Текст] / Г. Р. Ломакина, А. А. Лаер // Молодой ученый. 2014. №20. С. 597-599 URL: https://moluch.ru/archive/79/13756/
4. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения в 2-х томах. Том 1. Эмиль, или О воспитании [Текст] / Жан-Жак Руссо. М.: Педагогика, 1981
5. Юдина Е. В. Немецкий язык в детском саду. 100 уроков-сценариев и рабочая тетрадь: Практическое пособие для преподавателей и родителей [Текст] / Е. В. Юдина. СПб.: КАРО, 2008
6. Юльметова З. А. Проблемы и технологии раннего обучения иностранным языкам URL: http://xn--i1abbnckbmcl9fb.xn--p1ai/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/525971/

Записных О. В., г Барнаул, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИАЛОГА КУЛЬТУР НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РАБОТЕ С КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИМИ ПРОЕКТАМИ

Аннотация. В статье раскрываются теоретические основы реализации принципа диалога культур, демонстрируются практические приемы его применения в обучении школьников иностранному языку. Авторы подчеркивают большую значимость использования культуроведческих проектов в процессе реализации данного принципа и приходят к выводу о том, что работа с такими проектами позволит учащимся сформировать представления о многообразии поликультурных сообществ, их сходствах и различиях, а также будет способствовать культурному самоопределению личности.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, социокультурные знания и умения, принцип диалога культур, аутентичный текст, культуроведческие проекты.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF CULTURAL DIALOGUE AT THE FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Abstract. The article deals with the theoretical basis for the implementation of the principle of cultures dialogue, demonstrates the practical methods of its application in teaching schoolchildren foreign language. The authors emphasize the great importance of the implementation of culturological projects in the process of the realization of this principle and come to conclusion that working with these projects enable the schoolchildren to provide insight into the variety of multicultural societies, their similarities and differences, and will promote the cultural self-determination of personality.

***Keywords*:** communicative competence, sociocultural knowledge and skills, principle of cultures dialogue, authentic text, culturological projects.

На каждом этапе своего развития содержание образования определяется социальным заказом общества, т.е. потребностями граждан в его изучении. Исходя из данного положения можно сделать вывод о том, что все события, связанные с внутри- и внешнеполитическими, а также социальными изменениями в стране, напрямую обусловливают содержание образования. Специфика современного российского государства заключается в его языковом многообразии. В российском обществе сегодня функционируют более 160 языков. Как известно, Россия представляет собой одно из крупнейших полиэтнических государств. В нем проживают 176 народов, наций и национальных групп. Перед современной российской школой сегодня стоит непростая задача – создать оптимальные условия для самовыражения и самореализации детей, являющихся представителями различных этнических и языковых групп. Поэтому основным постулатом современного языкового образования является мысль о необходимости соизучения языка и культуры, реализации диалога культур. Так, в 2012 году представителями Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) совместно с участниками Мирового общественного форума (МОФ) «Диалог цивилизаций» началась разработка проекта по созданию «Школы диалога культур».

Урок иностранного языка обладает большими возможностями для реализации принципов соизучения языка и культуры, а также диалога культур. Главной задачей языкового образования выступает формирование и развитие коммуникативной компетенции, предполагающей «способности решать средствами языка актуальные для учащихся задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни (Азимов, Щукин 2009: 98). Формируя данную компетенцию на

занятиях иностранного языка, учитель создает у обучающихся картину мира, которая включает «совокупность знаний и мнений субъекта относительно реальной или мыслимой действительности» (Азимов, Щукин 2009: 91-92). При этом обучаемые должны знать основные аспекты повседневного образа жизни представителей иной культуры, важные географические и исторические особенности и их релевантность относительно современного состояния общества. Для осуществления иноязычного общения необходимо владеть знаниями о существенных политических и экономических событиях, а также об отношениях между собственной и страной изучаемого языка. Учащиеся должны не только уметь находить сходное и различное в культурном плане, но и признавать право на существование таких отличий, и уметь адекватно действовать в условиях реальной коммуникативной ситуации.

Отметим, что принцип диалога культур неразрывно связан с одним из главных положений современной методической науки соизучения языка и культуры, и черпает из него свои базовые идеи. Так, рассуждая о неразрывности языка и культуры, необходимо подчеркнуть, что большая часть видов человеческой деятельности протекает при участии языка. Данный факт обусловлен потребностью человека на определенном этапе своего развития в потребности фиксировать результаты своей познавательной деятельности и выражать их с помощью определенной системы средств. Важнейшим итогом фило- и онтогенеза цивилизованного человека явилось возникновение языка как единственно всеобщего средства, отождествляющего его сознание с сознанием другого человека и взаимно его изменяющим (Мечковская 2000: 9). Язык представляет собой непосредственную деятельность сознания, мысли, и в то же время сознание формируется с помощью языка. Поэтому язык и сознание, обуславливая друг друга, образуют единое целое. В связи с этим закономерным является утверждение, что язык выполняет двуединую функцию: служит средством общения и орудием мышления (Спиркин 1998: 406).

Определяя основные функции языка, важно понимать, что он определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании. Так, Л. Вайсгербер признает, что язык в любом его состоянии образует целостное мировоззрение, выражая все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка (Радченко 1993: 111). Языковая общность как феномен через язык передает последующим поколениям определенный способ мировидения. Язык определяет мышление и развитие социума и дает возможность носителям данного языка действовать и изменять окружающий мир и отношения в обществе.

Выводом всему вышесказанному может служить заключение о том, что иностранные языки должны изучаться неразрывно с культурой и историей народов, говорящих на этих языках, а сопоставление языков и культур позволит обучающимся получить более глубокие знания не только об изучаемом языке, но и о родном. В результате соизучения языка и культуры создается «межкультурный диалог, в основе которого лежат установки на взаимопонимание и уважение и который представляет собой открытый обмен мнениями между индивидами, а также между социальными группами с различной этнической, культурной, религиозной, языковой принадлежностью и историко-культурным наследием» (Сафонова 2010: 129).

На сегодняшний день существуют множество технологий, способствующих реализации принципа диалога культур. Большое внимание со стороны российских педагогов привлекает проектная технология. Она способствует реализации системно-деятельностного подхода, обеспечивающего формирование активной, творческой личности обучающегося, способной к непрерывному самообразованию и саморазвитию. Кроме того, данная технология позволяет учителю организовать целенаправленную познавательную деятельность, учит обучающегося планированию, определению целей. В процессе проектной деятельности формируются социальные стратегии обучающихся, умения использовать учебно-проектные и социально-проектные ситуации для открытия новых знаний на уроках иностранного языка.

Преимущества данной технологии заключаются в следующем: она позволяет реализовать практическую направленность; сочетает самостоятельную индивидуальную работу с групповой и коллективной, обеспечивает выход речевой деятельности в другие виды деятельности: трудовую, эстетическую; стимулирует самостоятельный поиск необходимой информации, развивая творческую фантазию, толерантность, коммуникативные умения.

В ходе реализации проектной деятельности у обучающихся формируются такие умения, как:

1. Интеллектуальные: умение работать с информацией, с текстом (выделять главную мысль, вести поиск нужной информации в иноязычном тексте), анализировать информацию, делать обобщения, выводы и умение работать с разнообразным справочным материалом.

2. Творческие: умение генерировать идеи, для чего требуются знания в разных областях; умение находить не один, а несколько вариантов решения проблемы; умение прогнозировать последствия того или иного решения.

3. Коммуникативные: умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения, подкрепленную аргументами; умение находить компромисс с собеседником; умение лаконично излагать свою мысль. Благодаря вышеперечисленным умениям, учащиеся сопоставляют различные точки зрения, объясняют и отстаивают свое мнение, опираясь на научные, доказательные факты, на свой и чужой опыт.

Выделяют большое многообразие типов проектов. В нашем исследовании речь идет о культуроведческих проектах. Они связаны с изучением истории, традиций разных стран. Данные проекты предполагают хороший уровень культуроведческих знаний, связанных со знанием особенностей национальных и культурных традиций стран изучаемы языков. Отечественные ученые отмечают, что «социально-культурное проектирование – это специфичная плановая деятельность, суть которой состоит в научно обоснованном определении основных параметров формирования будущих социальных объектов или процессов при максимальном соблюдении и согласованности интересов общества, социальных слоев и групп, а также отдельно взятой личности» (Марков, Бирженюк 1997: 9). В их реализации используются следующие методы: метод деловой игры, «мозгового штурма», матрицы идей, аналогии, ассоциации. Первый метод позволяет обучающимся принять на себя определенные социальные роли в воображаемых ситуациях, при этом соблюдая нормы, обычаи, принятые в иной культуре. Метод «мозгового штурма» позволяет путем обмена информацией внутри языковой группы вывести общую идею, генерировать основную мысль проекта. Часто данный метод проводится посредством просмотра проблемных видеосюжетов, либо знакомства с афоризмами, пословицами, крылатыми фразами. В проектах такого типа используют метод аналогии, заключающийся в том, что учащиеся, сравнивая определенные явления или факты иноязычной и родной культур, приходят к выводу о сходных моментах, которые становятся объектом дальнейшего исследования. Последний из указанных методов опирается на ассоциативные связи обучающихся, возникающие в ходе обсуждения имеющегося жизненного опыта, пройденного языкового и речевого материала. Пути решения определенной социальной проблемы у обучающихся возникают именно благодаря ассоциативной цепочке мыслей, вызванных ранее усвоенным практическим опытом.

В культуроведческих проектах используются различные типы заданий. Это могут быть задания на систематизацию культуроведческих знаний, на их сравнение в разных культурах, на нахождение отличий в отдельных элементах культурных явлений и фактов, на формирование культуроведческих умений, на выход из социокультурных тупиков и т.п. Вслед за Сысоевым П. В., мы выделяем 3 типа заданий в соответствии с компонентным составом социокультурной наблюдательности. Задания первого типа направлены на развитие лингвострановедческой наблюдательности и включают в себя распознавание культуроведческих языковых реалий в тексте и раскрытие их содержания на русском языке. Выполняя их, обучающиеся опираются на собственные культуроведческие знания, обращаются к дополнительным источникам. Объектами исследования в них становятся фоновая и безэквивалентная лексика. При выполнении данных заданий используются аутентичные аудио и видеотексты, выдержки из аутентичных статей, журналов, литературных произведений (Сысоев 2003).

Задания второго типа - на развитие социолингвистической наблюдательности. В них демонстрируется как правильно те или иные языковые и надязыковые средства в естественной коммуникации. Объектами наблюдения в этих заданиях вербальное и невербальное поведение для последующего анализа и определения групповой принадлежности представителя изучаемого общества и соотносимых с ним языковых норм общения. Средствами обучения в них являются аудио - и видеоматериалы. Например, учащиеся получают задание прослушать несколько диалогов и определить по языковым средствам, к какой социальной группе принадлежат говорящие, кто они по профессии, какого они возраста и т.д.

Последний тип – это задания на развитие культуроведческой наблюдательности. Они направлены на выявление сходств и различий между представителями стран родного и изучаемого языков. Например, учащиеся просматривают видеоролики, где демонстрируется, как готовит завтрак немецкоговорящий студент и русскоязычная студентка. В другой ситуации учащимся предлагается сюжет, демонстрирующий утилизацию продовольственных отходов в Германии и в России. Можно предложить просмотр празднования похожих традиций с тем, чтобы они выявили сходства и отличия, объяснив это религиозными мотивами.

Продемонстрируем основные пункты осуществления культуроведческого проекта в старшей школе на тему «The Way Teenagers Live». Цель данного проекта была развивать монологические умения учащихся на иностранном языке (монолог-рассуждение), расширить представления современных российских подростков о жизни их сверстников в Великобритании, о их интересах, проблемах, молодежных течениях, направлениях. Одной из задач проекта стала сравнение проблем, возникающих у современных подростков в России и за рубежом, а также выявления причин их возникновения. Средствами обучения послужили выдержки из молодежных журналов, видеосюжеты.

На подготовительном этапе использовался метод «мозгового штурма» и ассоциаций. Обучающимся был продемонстрирован видеоролик, повествующий о проблемах современной молодежи. После просмотра учащиеся обсуждали увиденное, указывали на самые актуальные проблемы современных подростков и проблемы, с которыми столкнулись они сами или их знакомые. Это позволило учащимся определиться с темой проекта. Далее они заполняли ассоциограмму на тему «Problems of the teenagers», обсуждая, какие проблемы существуют у современных российских подростков, и чем они вызваны.

На следующем этапе проекта им предстояло выяснить проблемы подростков в Великобритании, путем анализа нескольких текстов. Учащиеся работали с сайтами, на которых были представлена подобная информация. В результате анализа представленных источников им нужно было продемонстрировать проблемы подростков в двух странах, выявить их сходства, отличия, а также определить причины их возникновения. На последующем этапе ребята в группах уточняли выявленные проблемы, систематизировали полученную информацию и определялись с формой презентации. Данные проекты способствовали более глубокому изучению проблем подростков и молодежных направлений. Учащиеся ближе соприкоснулись с англоязычной культурой, узнали, что многие вопросы и проблемы, которые волнуют их не чужды и подросткам, живущим в другой стране.

В заключении следует подчеркнуть большую роль культуроведческих проектов в реализации диалога культур на уроках иностранного языка. Они дают учителю возможность не просто организовать самостоятельное исследование учащимися определенного объекта иноязычной культуры, но и способствуют выработке самостоятельных суждений по тому или иному поводу, умений анализировать явления разных культур, видеть и осознавать сходства и отличия, и вырабатывать на этой основе уважение к данной культуре.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009.
2. Марков А. П. Основы социокультурного проектирования [Текст] / А. П. Марков, Г. М. Бирженюк. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 1997.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика [Текст] / Н. Б. Мечковская. М.: Аспект-Пресс, 2000.
4. Радченко О. А. Лингвофилософский неоромантизм Й. Л. Вайсгербера [Текст] / О. А. Радченко // Вопросы языкознания. 1993. №2. С.107-114.
5. Сафонова В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования [Текст] / В. В. Сафонова // Евразийский форум. 2010. №1(2). С.181-196.
6. Спиркин А. Г. Философия [Текст] / А. Г. Спиркин. М.: Гардарика, 1998.
7. Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США): Монография [Текст] / П. В. Сысоев. М.: Еврошкола, 2003.

Карпухина В. Н., г. Барнаул, Россия

КУРС «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ» ДЛЯ БАКАЛАВРОВ ВУЗОВ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена одному из курсов бакалавриата вуза по направлению «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», связанному с изучением студентами-первокурсниками информационных технологий в лингвистике. В статье обсуждаются возможности использования инновационных подходов и технологий в лингвистике. В статье показаны принципы и методы работы с различными носителями информации, распределенными базами данных и знаний, с глобальными компьютерными сетями для решения лингвистических задач.

Ключевые слова: информационные технологии, лингвистика, глобальные компьютерные сети, базы данных.

INNOVATIVE APPROACHES AND TECHNOLOGIES IN LINGUISTICS IN THE COURSE «INFORMATION TECHNOLOGIES IN LINGUISTICS» FOR BACHELOR IN LIGUISTICS

Abstract. The paper considers a course for Bachelors in Linguistics, the profile "Translation and Translation Studies." It deals with the 1st year students studying of information technologies used in linguistics. The paper gives some ideas of innovation technologies and paradigms used in linguistics. It reveals methods of different data storage media and distributed databases usage and global networking in the field of linguistics.

***Keywords*:** IT, linguistics, global network, databases.

Объектом исследования в данной статье является один из курсов бакалавриата вуза по направлению 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», связанный с изучением студентами-первокурсниками информационных технологий в лингвистике. В статье обсуждаются возможности использования инновационных подходов и технологий в лингвистике. Основная задача статьи – показать, как при изучении курса «Информационные технологии в лингвистике» студенты осваивают принципы и методы работы с различными носителями информации, распределенными базами данных и знаний, с глобальными компьютерными сетями для решения лингвистических задач.

Курс относится к дисциплинам по выбору студента (блок Б1.Б.4), рассчитан на 1-2 семестр первого года обучения студентов бакалавриата вуза по направлению 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение» (5 ЗЕТ, 180 часов (72 часа в 1 семестре и 108 часов во 2 семестре, из них 24 часа в 1 семестре отведены на практические занятия, 48 часов – на самостоятельную работу студентов; 24 часа во 2 семестре отведены на лабораторные занятия, 57 часов – на самостоятельную работу студентов)). В 1 семестре курс заканчивается зачетом, во 2 семестре – экзаменом.

Целью дисциплины является подготовка бакалавра филологии, владеющего навыками использования современных компьютерных технологий. В результате курса обучающийся должен владеть навыками того, как решать стандартные задачи профессиональной лингвистической деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-лингвистических технологий и с учетом основных требований информационной безопасности.

Данный курс, с одной стороны, соотносится с курсом информатики, который студенты-первокурсники изучали в средней общеобразовательной школе, и позже, возможно, будут изучать в магистратуре вуза (см., например, (Информатика 2011)). А с другой стороны, он соотносится с такими курсами, как «Проектирование мультимедийных сетевых ресурсов», «Компьютерная лексикография» и т.п., изучаемыми в рамках бакалавриата вуза. Информатику авторы учебного пособия «Информационные технологии в лингвистике» определяют как фундаментальную естественную науку о структуре и общих свойствах информации, а также об осуществляемой преимущественно с помощью автоматизированных средств целесообразной обработке информации (см. также: (Коноплева, Хохлова, Денисов 2014; Степанов 2010; Соловьев, Майоров 2009)). Это «наука о средствах, методах и способах сбора, обмена, хранения и обработки информации» (Зубов, Зубова 2004: 12). Отмечая, что современные представители и естественных, и гуманитарных наук живут и занимаются научной деятельностью в эпоху информатизации, авторы учебного пособия определяют данный ключевой термин следующим образом. «Информатизация – широкое внедрение современных информационных технологий в профессиональную деятельность специалистов различного профиля, в учебную, научно-исследовательскую, управленческую деятельность, быт и досуг человека» (там же). Соответственно, живя в эпоху информатизации, мы неизбежно используем разнообразные информационные технологии, при этом под информационными технологиями в лингвистике понимается «совокупность законов, методов и средств получения, хранения, передачи, распространения, преобразования информации о языке и законах его функционирования с помощью компьютеров» (Зубов, Зубова 2004: 8).

Ю. М. Лотман, рассуждая о развитии человечества и его постоянном стремлении выжить, пишет: «Мы не можем указать ни на один человеческий коллектив на протяжении многовековой истории людей, который не имел бы текстов, специального поведения, осуществляемого специальными людьми или все коллективом в специальное время для обслуживания особой, *культурной* функции.

В чем же состоит эта *неизбежность* культуры?

Все потребности человека можно разделять на две группы. Одни требуют немедленного удовлетворения и не могут (или почти не могут) накапливаться. …Те потребности, удовлетворение

которых может осуществляться путем накапливания некоторых резервов, образуют особую группу. Они являются объективной основой приобретения организмом сверхгенетической информации.

Итак, человек в борьбе за жизнь включен в два процесса: во-первых, он выступает как потребитель материальных, вещных ценностей, во-вторых, – как аккумулятор информации» (Лотман 2000: 394-395).

Определяя культуру в настоящее время как «совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» (Лотман 2000: 395), Лотман показывает, что информация – «не факультативный признак, а одно из основных условий существования человечества. Битва за выживание – биологическое и социальное – это битва за информацию» (там же). Однако культура, с точки зрения Лотмана, – «не склад информации. Это чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные способы, получает новую информацию, зашифровывает и дешифрует сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую» (там же).

Поэтому, изучая основы работы с текстом в операционных системах и форматирование текста, основы работы с графикой, средства автоматизации (вставка оглавлений, предметных указателей, списков таблиц и иллюстраций), студенты приобретают навыки современного структурирования текстовой информации. Изучая системы управления базами данных, способы формирования запросов к базам данных, основные форматы и технологии создания электронных презентаций, студенты-гуманитарии сами становятся частью информатизированного социума и современной информационной культуры (см. разнообразные электронные курсы, размещенные на Едином образовательном портале Алтайского государственного университета (http://portal.edu.asu.ru)). На практических и лабораторных занятиях, посвященных архитектуре персонального компьютера, видам информации и памяти в компьютере, а также структуре программного обеспечения персонального компьютера, студенты овладевают навыками того, как решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-лингвистических технологий и с учетом основных требований информационной безопасности. Это значит, что они умеют работать с электронными словарями и другими электронными ресурсами для решения лингвистических задач и использовать на практике основы современной информационной и библиографической культуры.

Библиографический список

1. Единый образовательный портал Алтайского государственного университета URL: http://portal.edu.asu.ru/
2. Зубов А. В. Информационные технологии в лингвистике [Текст] : учеб. пособие для студ. лингв. фактов высш. учеб. заведений / А. В. Зубов, И. И. Зубова. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
3. Информатика: Базовый курс [Текст] / под ред. С. В. Симоновича. СПб.: Питер, 2011.
4. Коноплева И. А. Информационные технологии: учеб. пособие [Текст] / И. А. Коноплева, О. А. Хохлова, А. В. Денисов. М.: Проспект, 2014.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
6. Соловьев И. В. Проектирование информационных систем. Фундаментальный курс [Текст] / И. В. Соловьев, А. А. Майоров. М.: Академический проект, 2009.
7. Степанов А. Н. Информатика [Текст] / А. Н. Степанов. СПб.: Питер, 2010.

Косачева Т. А., Тимофеева Е. В., г. Барнаул, Россия

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ТВОРЧЕСКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается роль научно-исследовательской работы студентов в условиях современно высшего образования. Обсуждается специфика и формы научно-исследовательской работы на кафедре иностранных языков аграрного вуза. Раскрываются цели и задачи студенческого научного общества кафедры.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, студенческое научное сообщество, формы научно-исследовательской работы, изучение иностранного языка.

RESEARCH WORK AS THE FORM OF CREATIVE AND COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article considers the role of the students research work in the conditions of the modern higher education. The specificity and forms of research work at the foreign languages department at the agricultural university are discussed. The objectives and goals of the student scientific society of the department are shown in the article.

Keywords: research work of the student, student scientific society, forms of research work, foreign language study.

Модернизация системы высшего образования в нашей стране – это постоянный и неизбежный процесс. Однако в современных реалиях научно-исследовательская работа является важным компонентом учебного процесса в высшей школе. Наука, в том числе и наука студенческая, уровень ее развития, перспективность ее направлений, является сегодня важным критерием оценки эффективности работы вуза.

Современное развитие агропромышленного комплекса Алтайского края, требует соответствующего кадрового обеспечения. Создание «единой интегрированной системы аграрного образования» о которой все чаще идет речь, просто невозможно без думающих, творческих, целеустремлённых студентов-аграриев (Колпаков 2018:16). Вовлечение студентов с первого курса обучения в вузе в научное исследование, будет способствовать развитию и становлению необходимых личностных качеств.

В ФГБОУ ВО Алтайский государственный аграрный университет научно-исследовательская работа студентов (НИРС) ведется на всех факультетах, кафедрах, в учебных лабораториях и центрах.

Мы рассматриваем НИРС как «комплекс мероприятий учебного, научного, методического и организационного характера, обеспечивающих обучение всех студентов навыкам научных исследований применительно к избранному направлению подготовки в рамках учебного процесса» (Косачева 2014:77). Очевидно, что «сегодня нельзя недооценивать роль иностранного языка как обязательного вузовского предмета, служащего развитию личности, в том числе ее профессиональному становлению» (Косачева 2003:3). В рабочих программах высшего образования специалитета и всех направлений подготовки как бакалавриата, так и магистратуры дисциплина «Иностранный язык» относится к базовой части дисциплин блока 1. «Иностранный язык обладает неограниченными возможностями формирования операций аналитического характера, так как при его изучении совершаются речемыслительные действия, отличающиеся высокой степенью интенсивности и развернутости. Это объясняется тем, что данные действия совершаются не только на содержательном, но и на языковом уровне» (Тимофеева 2016:122). Определенно имеется потенциальная возможность проведения НИРС со студентами всех факультетов. Профессорско-преподавательский состав кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО Алтайский ГАУ в силу специфики вуза, не руководит написанием курсовых и выпускных квалификационных работ, такой вид деятельности не предусмотрен индивидуальным планом. «Использование НИРС в процессе обучения иностранному языку позволяет перенести акцент с процесса обучения как процесса пассивного, непродуктивного усвоения знаний на обучение активного, продуктивного познания» (Тимофеева 2016:147). Научно-исследовательская работа студентов не интегрирована с научно-исследовательской работой преподавателей кафедры. Поэтому научно-исследовательская работа студентов на кафедре иностранных языков имеет свою специфику.

Совет молодых ученых и специалистов (СМУиС), созданный в аграрном университете, является постоянно действующим коллегиальным органом. СМУиС содействует более полной реализации творческого потенциала молодых ученых, объединяет усилия и энтузиазм наиболее активной молодежи всех факультетов и центров университета, способствует установлению неформальных научных контактов, привлекая внимание к комплексной, межфакультетской тематике. Совет решает актуальные вопросы участия молодых ученых в научных мероприятиях, проектах и грантах. По инициативе совета на многих кафедрах нашего вуза были созданы студенческие научные общества (СНО).

Основной целью СНО кафедры иностранных языков является раскрытие научно-исследовательского потенциала студентов, содействие работе университета по повышению качества подготовки научных и научно-педагогических кадров, сохранение научно-технического потенциала, разработка актуальных вопросов науки и практики. Основные задачи СНО:

- вовлечение обучающейся молодежи в деятельность научных школ и научно-педагогических коллективов университета;
- разработка и реализация научных проектов студентов;

– формирование у студентов навыков, компетенций самостоятельного выполнения НИР: работа с научной литературой, освоение новых методов научного исследования, сбор и обработка первичного научного материала, его системный анализ, оформление научных результатов исследований и умение их публично излагать;

– приобретение опыта и умений осваивать новые знания;

– организация и проведение научно-практических конференций, симпозиумов, форумов, «круглых столов» и других мероприятий научного характера при поддержке кафедры, центра гуманитарного образования, университета.

– установление творческих контактов со студенческими научными обществами других кафедр, факультетов и вузов;

– организация обмена опытом по функционированию объединений молодых ученых и студентов других вузов;

– содействие осуществлению международного сотрудничества по направлениям деятельности университета в области науки и образования;

– участие членов СНО кафедры в научных конференциях различного уровня;

– содействие в публикации научных работ членов СНО кафедры иностранных языков;

– выявление и поддержка наиболее талантливых студентов, активно занимающихся научно-исследовательской работой;

– содействие в представлении научных работ студентов и молодых ученых на соискание грантов, именных стипендий, премий и других форм морального и материального поощрения (Положение о студенческом научном обществе кафедры иностранных языков «Полиглот», утвержденное на заседании кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО Алтайский ГАУ протокол № 1 от 06.09. 2017 г.).

В плане работы СНО содержатся традиционные формы НИРС: общеуниверситетская олимпиада по немецкому и английскому языку; конкурс на лучший перевод с иностранного языка на русский; студенческая научно-практическая конференция на немецком и английском языках; реферативные конференции, проводимые в группах; мероприятия, способствующие обогащению знаний студентов о странах изучаемых языков; внеаудиторные культурно-массовые мероприятия воспитательного характера на иностранном языке. Члены СНО кафедры ежегодно принимают активное участие в международной научно-практической конференции ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, которая проходит в Кемеровском государственном сельскохозяйственном институте. Немецкий и английский языки являются рабочими языками конференции. Студенты нашего вуза готовят публикации на иностранном языке по результатам курсовых работ и проектов. Данная форма НИРС является примером межфакультетского сотрудничества с выпускающими кафедрами университета в сфере НИРС. В условиях повышающейся глобализации общества иностранные языки становятся необходимой и важной частью любой научной и хозяйственной деятельности. Изучение и активное применение иностранных языков сегодня – требование современного общества. В научных кругах актуальным является представление научного исследования на иностранном языке, включение научной парадигматики в общемировое научное сообщество.

Итак, по нашему мнению, эффективно проводить научно-исследовательскую работу со студентами, организуя ее в форме студенческого научного общества. СНО осуществляет мониторинг сотрудничества с выпускающими кафедрами университета в сфере НИРС. Это, в свою очередь, позволяет интегрировать НИРС в учебный процесс.

Библиографический список

1. Колпаков Н. А. Агроинтеграция – современная модель системы непрерывного аграрного образования [Текст] / Н. А.Колпаков // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сборник материалов: в 2 кн. / XIII Международная научно-практическая конференция (15-16 февраля 2018 г.). Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2018. Кн. 1. С.15-18.

2. Косачева Т. А. Педагогические условия формирования профессионально-ценностного отношения студентов аграрных вузов к изучению иностранного языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.08 / Т. А. Косачева. Барнаул: Издательство АГАУ, 2003.

3. Косачева Т. А. Научно-исследовательская работа студентов аграрного вуза на кафедре иностранных языков [Текст] / Т. А. Косачева // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сб. статей IX Междунар. науч.-практич. конф.: в 3 кн. Барнаул: РИО АГАУ, 2014. Кн.1. С.15-21.

4. Тимофеева Е. В. Учебно-исследовательская деятельность студентов в процессе обучения иностранному языку (из опыта работы кафедры иностранных языков Алтайского ГАУ) [Текст] / Е. В.Тимофеева // Аграрная

наука – сельскому хозяйству: сб. статей XI Междунар. науч.-практич. конф.: в 3 кн. Барнаул: РИО АГАУ, 2016. Кн.1. С.77-80.

5. Тимофеева Е. В. Научно-исследовательская работа со старшеклассниками как одна из форм творческо-познавательной активности в процессе изучения иностранного языка [Текст] / Е. В.Тимофеева // Алтайский краевой педагогический лицей: неограниченные возможности: сб. ст., выпуск VIII. Барнаул: АКПЛ, 2016. С.24-29.

Косых Е. А., г. Барнаул, Россия

КОРРЕСПОНДЕНТ-РЕСПОНДЕНТНЫЕ ЗАНЯТИЯ В ПРАКТИКЕ РКИ

Аннотация. Формирование коммуникативной компетенции в современном образовании строится на основе деятельностного подхода и серьёзной самостоятельной работы обучающихся. Подготовка вопросов на различные, интересующие студентов темы на языке страны пребывания в качестве домашнего задания помогает преподавателю и в формировании языковой компетенции.

Ключевые слова: компетенция, русский язык как иностранный, инофон, диалог, вопросно-ответные формы занятий.

THE IMPORTANCE OF ASKING QUESTIONS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the issue of forming the communicative competence in teaching Russian. It is based on the activity approach and independent work of students. Asking questions on different topics in Russian can help a teacher to form and further develop the linguistic competence of the students.

Keywords: competence, teaching Russian as a foreign language, dialogue.

В практике преподавания любого языка всегда актуальным и продуктивным является обучение диалогу, поскольку именно адресант-адресатные отношения заложены в речевой коммуникации между людьми изначально. «Язык есть разновидность человеческого поведения. Человеческое поведение есть такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия.» (Якубинский 1986: 17).

Диалог как продуктивная деятельность способствует совершенствованию навыков говорения и у носителей языка, и у вновь овладевающих каким-либо языком. Важность участия в диалоге (монологе, полилоге) была замечена и объяснена через необходимость закрепления навыков речи как мышечную память: «Изучение иностранного языка – это настолько же физический процесс, насколько он является процессом умственным. На первоначальном этапе этот процесс должен быть даже более физическим, нежели мыслительным – происходит выработка мышечной памяти лицевых мышц и всего артикуляционного аппарата в ходе многократного проговаривания новых звуков и непривычных сочетаний новых звуков – совершенно нового для нас *двигательного* алгоритма» (Замяткин 2006).

Научение говорению и шире – коммуникации – на неродном языке наиболее целесообразно, как принято считать, в процессе и живого общения, и на специальных занятиях, и путём погружения в культуру и быт народа, носителя изучаемого языка. Материалы по лингвострановедению, лингвокультурологии, региональный компонент являются обязательным элементом в процессе изучения и преподавания неродного языка. Именно такие материалы привлекаются в качестве текстов и диалогов на занятиях РКИ.

Однако, по нашему мнению, научить иностранца не только воспроизводить текст или высказывание по отработанной схеме, но и самому попытаться сформулировать вопрос по интересующему обучаемого явлению, какому-либо событию, происходящему или произошедшему в реальной жизни, а не в учебнике, – важная коммуникативная задача преподавателя РКИ.

В системе работы по обучению иностранных студентов русскому языку автор статьи предусматривает такие занятия, которые построены по принципу диалога/полилога, когда студенты являются корреспондентами, задающими вопросы только на изучаемом языке, а преподаватель отвечает на них, учитывая возможности обучаемых воспринимать и понимать высказывания на русском языке. Это обязательное требование, исключающее возможность постоянного использования словарей или интернет-переводчиков. Занятие строится именно в форме диалога, адресантами являются студенты-инофоны, поочерёдно задающие подготовленные заранее вопросы, а адресатом – преподаватель. Однако смена ролей тоже допустима, когда студент неточно употребил слово или грамматическую форму (в зависимости от уровня владения РКИ и цели занятия: отработка

вопросительных конструкций, грамматических форм, лексики, умений вступить в диалог и т.д. – преподаватель исправляет или не исправляет говорящего).

Само занятие может быть подготовленным, т.е. студенты в качестве домашнего задания готовят вопросы, а может быть спонтанным, т.е. задание придумать вопросы обучающиеся получают непосредственно на уроке. Важным в таком случае становится уровень владения русским языком как иностранным и контакт между преподавателем и студентами-инофонами.

Учитывая сетку занятий и традиции обмена студентами или пребывание иностранных обучающихся в России семестр или учебный год, таких занятий, где преподаватель выступает в роли отвечающего, проводится не более двух за семестр. Это обусловлено необходимостью реализовать учебный план, с одной стороны, и научить определённым знаниям и умениям рефлексии, и самостоятельной работе иностранцев – с другой.

Вопросы, формулируемые студентами, охватывают в основном экстралингвистические факты, языковые явления в вопросах студентов-инофонов представлены реже. *На наш взгляд, это обусловлено речевой способностью обучающихся: чем выше уровень владения языком, тем сложнее конструкции и явления, включаемые в учебный процесс, тем разнообразнее и обширнее лексикон инофона, тем больше возможностей к корреспондентной, адресантной деятельности*. Естественно, что расширение кругозора способствует увеличению круга общения, и, как следствие, появлению коммуникативных неудач, которые заставляют искать ответ на замечание, ошибку, исправление и т.д.

Оказывается, что *важным в описываемых занятиях становится не только уровень инофона, но и национальность, страна постоянного места жительств*а. Например, французы часто задают вопросы о внешнем виде, еде, причёсках, красоте, этикете, искусстве (**Шарлин М. (ТРКИ-1)**: «*Почему девушка не ест еду после шести*?»); китайцы – традициях, семье (**Шюе Ф. (ТБУ)**: «*Что делают, когда масленица?*»); американцы – политике, спорте, современной культуре (Пайпер Д. **(ТЭУ)**: «Как русская Федерация большой, чем Советский Союз?» или «Что думают русские люди американские люди?»).

Корреспондент-респондентные занятия с иностранными студентами в АлтГПУ проводились в течение последних 4-х лет регулярно. Например, в 2015 г. – в группе с французами, в 2016 – в смешанной группе (китайцы, французы, таджик, азербайджанец), в 2018 – в группе с американцами.

Занятия, которые были подготовлены, т.е. студенты формулировали вопросы дома, с использованием словарей, интернет-переводчиков, учебников, с помощью русских студентов, отличались большим количеством вопросов, разнообразием тематики[18]. В тех случаях, когда инофон забывал слово или не был уверен в правильности его выбора, возникало невербальное общение (жесты, пантомимика, демонстрация фото или картинки).

Сары Б. (ТЭУ): «*Как этот лист называется*?» – вопрос сформулирован верно, инофон сумел избежать лексической лакуны, нашёл субститут забытому слову, не использовал жест-заместитель слова, а применил жест, указывающий на географическую карту, для достижения успеха в диалоге, этот вопрос можем рассматривать как коммуникативную удачу.

Жюли Н. (ТБУ): «*Почему (показывает на волосы, забыв слово, которое уже звучало на занятии) не всегда чисто у дам на улице?*».

Элизабет П. (ТБУ): «*Почему мало люди с смехом, шутка?*» («Улыбаются?» – уточняет преподаватель. «Да!» – кивает головой, другие студенты уточняют: «На улице!»

Чан С. (ТБУ): «*Где можно купить одежда (студенты исправляют: одежду), магазине вся большая?*» (во время вопроса студентка показывает на себя, затем ладонями показывает маленькое расстояние, т.к. ей необходим маленький размер одежды).

Ян Л. (ТБУ): «*В Китае есть важный праздник, все (долго думает, смотрит в словарь) возвращаются домой, Россия, Америка, другой город. Какой в России праздник?*» – этот вопрос мог стать коммуникативной неудачей, если бы не было подсказано преподавателем слово-»уточнение» «главный».

Алезандрае К. (ТБУ): «*Что русские люди любят делает зимой?*»

Сеголен Д. (ТРКИ-1): «*Почему у вас руль у машины справа и слева*?» (вопрос сопровождает жестами: студент, вращая воображаемый руль, руками показывает место руля справа и слева от себя) или «*Почему не носят очки?*».

Лингвистические вопросы задаются, как уже отмечалось, реже, вероятно, материал, представленный в учебниках и вводимый на занятиях, предупреждает вопросы, которые могли бы появиться у инофонов. Однако именно такие вопросы, вероятно, и совершенствуют методику

[18] Вопросы, задаваемые студентами, приводятся с сохранением грамматических форм, употреблённых инофонами.

преподавания РКИ, поскольку, преподавателю каждый раз приходится находить доступные для инофона слова, входящие в его лексический минимум.

Алезандра К. (ТБУ): «*Геля сказала: «Я пошла в душ», но она здесь. Почему пошла, а не иду*?»

Сара К. (ТБУ): «*Почему: в лесу, не в лесе?*» – такой вопрос – один из частотных, поскольку отражает процесс употребления нерегулярного окончания слов второго склонения в предложном падеже.

При этом если у студента уровень владения русским языком сертификационный, то у преподавателя есть возможность обращения к лексикографическим источникам, объяснения слов через близкие или синонимичные понятия.

Эдгар Б. (ТРКИ-2): «*Чем отличается «тоже» и «также»?*».

Кельян С. (ТРКИ-2): «*Когда употребляется «что-то» и «кое-что»?*».

Дэнис Л. (ТРКИ-1): «*Чем отличается «5 лет назад» и «5 лет спустя?*».

Важность таких занятий трудно переоценить, так как именно в непосредственном общении отрабатываются коммуникативные навыки, умение говорить и слушать других, слышать и воспринимать информацию; и в преодолении ксенофобии: возможность узнать о других студентах, традициях в их стране и т. п., если группа полиэтническая. На подобных занятиях проявляется и тип поведения обучающихся: на наших уроках преобладал кооперативный тип взаимодействия обучающихся, хотя в большей степени кооперация реализовывалась в рамках одной языковой (этнической) общности (французы или китайцы помогали чаще своим, а вот ошибки у «чужих» регулярно исправляли французы, китайцы в таких случаях чаще молчали, «предоставляя» право замечаний преподавателю).

В нашей практике были случаи, когда вопросы появлялись в результате взаимодействия инофонов с носителями русского языка старшего поколения, озабоченного внешностью иностранца, его манерами поведения и т. п. Например, **Сеголен Д. (ТРКИ-2)**: «*Мадам, старая, в общежитии, сказала, что если нет шапки, то (показывает рукой на свои волосы и делает движение руками вниз) волосы падают?*» (зимой французы редко надевали шапку, вахтёр решила их «напугать»).

Но есть и такие моменты, когда преподаватель не готов в силу каких-либо личных причин (не хочет, не должен, не знает), ответить на вопрос, или студент не может верно сформулировать мысль, оформить предложение. В таких случаях для преодоления коммуникативной и когнитивной неудачи прибегаем к методическим уловкам: отрицаем, что это явление регулярное, повсеместное и т.д.: **Жюли Н. (ТБУ)**: «*Почему нет ножи в столовой?*».

Или признаём, что «не знаем», «тоже не нравится», «невоспитанные люди» и т.д.: вопрос **Элизабет П. (ТБУ)**: «*На улице мужчина делает так (показывает, как кто-то сморкается), почему нет платок?*») и т.д.

Нередко студенты, уже задававшие похожие вопросы и знающие ответ, стремятся «подсказать» преподавателю, помочь и адресанту, и адресату, что подчёркивает включённость инофонов в процесс обучения.

Сара К. (ТБУ): «*Какая хорошая танцевальная компания есть в области?*» (другие инофоны попытались исправить слова *компания* и *область* на более точные, по их мнению, – *группа* и *город* соответственно).

При этом помощь проявляется неожиданно, не всегда корректно и уместно.

Кейтлин М. (ТБУ): «*Где я могу покупать…, не знаю, как по-русски?*» (произносит слово по-английски, одна из студенток снимает туфлю и вынимает стельку, показывая её) или «*Что нужно для русской зимой?*» (студенты перечисляют на английском, затем повторяют русские слова, знакомые из темы «Одежда»).

Нередко ещё слабое владение лексикой и грамматикой изучаемого языка инофонами создаёт ситуация недопонимания между преподавателем и инофонами.

Алезандра К. (ТБУ): «*Как работает барнаульский трамвай, где, я хочу посмотреть?*» (речь шла о расписании движения трамваев);

Сара К. (ТБУ): «*Что самое лучшее делает музей в Барнаул? БарнаулЕ?*» (вопрос о самом интересном музее в Барнауле).

Ответы на такие вопросы иногда появляются в результате совместной речевой деятельности преподавателя-адресата и студентов-адресантов.

Таким образом, корреспондент-респондентные занятия в практике РКИ, по нашему мнению, эффективны, продуктивны и для обучающего, и для обучающихся, поскольку помогают совершенствовать коммуникативные навыки, упрочивать компетенции (языковую, речевую,

коммуникативную и культурную) и помогают иностранцам вступать в диалог в возникающих жизненных ситуациях на изучаемом языке.

Библиографический список

1. Замяткин Н. Ф. Вас невозможно научить иностранному языку URL: https://e-reading.mobi/bookreader.php/74768/Zamyatkin_-_Vas_nevozmozhno_nauchit%27_inostrannomu_yazyku.html
2. Изаренков Д. И. Обучение диалогической речи [Текст] / Д. И. Изаренков. М.: Русский язык, 1981
3. Судакова Т. Г., Красовская А. О. Диалог как эффективный способ обучения русскому языку // INNOVA (Научный электронный журнал). N 1(6). 2017 URL: https://cyberleninka.ru/article/v/dialog-kak-effektivnyy-sposob-obucheniya-russkomu-yazyku
4. Якубинский Л. П. О диалогической речи [Текст] / Л. П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17-58.

Коротких Ж. А., Шевченко Л. Л., г. Барнаул, Россия

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ РЕЛИГИЯ В РАМКАХ КУРСА «ПРАКТИКУМ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ»

Аннотация. Статья посвящена методологическим вопросам обучения иностранному языку с целью подготовки студентов к эффективному общению в полиэтнической и многоконфессиональной среде на основе взаимного уважения и диалога. В качестве основополагающего принимается следующее положение − знание и понимание основ религии как феномена культуры, как мировоззрения и как механизма выработки ценностей и норм, на которых основывается общечеловеческая мораль, является одним из решающих факторов успеха межкультурной коммуникации. В статье рассматриваются такие вопросы, как влияние религии на мышление и поведение представителей различных культур, значение религиозного воспитания в современном поликультурном обществе, место религиозной тематики в программе обучения иностранному языку в вузе и необходимость внедрения новых технологий обучения в практику преподавания дисциплин, связанных с формированием навыков речевого общения.

Ключевые слова: методы обучения, поликультурная среда, религия, интерактивные технологии обучения.

TEACHING RELIGION WITHIN THE PRACTICE COURSE OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION IN TEACHER TRAINING HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract. The paper is devoted to the methods of teaching a foreign language to the students of pedagogical higher education institutions aiming to train their speaking skills for the effective communication in multicultural environment. The following statement is taken as the basic principle of the research: to secure the success of intercultural communication one should understand religion as a cultural phenomenon and the mechanism that generates values and social norms constituting human morality. The influence of religion upon mind and conduct of the representatives of different cultures, the place of religion-oriented upbringing in modern society, religious topics in pedagogical higher education foreign language teaching curriculum, and the importance of interactive methods in the field of teaching foreign language communication skills, outline the main issues of the paper.

Keywords: methods of teaching, multicultural environment, religion, interactive teaching techniques.

Взаимодействие различных религий и национальных культур является одним из нарастающих социальных процессов, которые диктуют условия и правила коммуникации в современном мире и во многом предопределяют развитие общественных отношений.

В контексте исторического перехода от общества, основанного на национально-культурных традициях, к индустриальному, а затем к информационному обществу, менялось сознание людей, их отношение к собственной культуре и культуре и традициям других людей.

Современное общество предъявляет все новые и новые требования к взаимодействию между отдельными личностями и народами. Повышается ответственность каждого человека за успех межкультурной коммуникации. Залогом этого успеха является стремление к диалогу и сотрудничеству, которое, в свою очередь, невозможно без толерантного отношения к собеседнику, его культуре и религии.

Специфика религии состоит в том, что социальные функции ее столь существенны, что оказывают влияние на самые различные сферы общественных отношений. Религиозные представления и ценности являются своего рода фильтром, сквозь который человек видит окружающий мир.

Одной из черт любой религии является замкнутость, проявляющаяся в безапелляционном изложении моральных и этических норм с позиций данной религии, что создает серьезные трудности в расширении представлений человека об этих нормах и адаптации к жизни в поликультурном мире.

Воспитание духовно-нравственных ценностей сегодня неразрывно связано с формированием толерантного отношения к религиозным верованиям и является одной из основных задач современного образования.

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по направлению «Педагогическое образование», выпускник среди прочих должен обладать следующими общекультурными компетенциями:

– *способностью понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности базовыми культурными ценностями, современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества (ОК-3);*

– *готовностью к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям (ОК-14).*

В результате изучения базовой части профессионального и гуманитарного цикла, включающего иностранный язык, обучающийся в том числе должен:

– *знать особенности педагогического процесса в условиях поликультурного и полиэтнического общества;*

– *учитывать различные контексты (социальные, культурные, национальные), в которых протекают процессы обучения, воспитания и социализации;*

– *владеть способами установления контактов и поддержания взаимодействия с субъектами образовательного процесса в условиях поликультурной образовательной среды;*

– *знать основные закономерности историко-культурного развития человека и человечества.*

Поскольку мировые религии являются существенной частью культур разных народов, их становление и развитие во многом определяет историко-культурное развитие человека и человечества в целом.

Для межкультурной коммуникации большое значение имеют вопросы отношения людей к различным религиям, отношение представителей различных религий, или верующих и атеистов, друг к другу, отношения религии и искусства, религии и государства, и т.д.

В обучении иностранному языку студентов педагогических факультетов необходимо уделять достаточное внимание всем этим вопросам.

Программа обучения английскому языку на специальном факультете в педагогическом вузе включает в себя почти все сферы человеческой деятельности. Это образование и воспитание, наука и искусство, политика экономика и экология, медицина и спорт, средства массовой информации и др. В учебных пособиях, используемых в Лингвистическом институте Алтайского государственного педагогического университета, каждой из этих сфер посвящаются отдельные разделы. Каждый раздел включает унифицированный набор компонентов: а) вводный текст, который определяет проблематику тематического блока и способствует формированию мотивации к изучению темы; б) тематический словарь; в) аутентичные тексты, обеспечивающие студентов информацией и языковым материалом, необходимым для обсуждения темы; г) вопросы и задания, стимулирующие активную дискуссию и обмен мнениями по спорным вопросам, затронутым в ходе изучения темы; д) упражнения на аудирование, тренирующие навыки восприятия на слух текстов, содержащих новую информацию; е) обсуждение художественных фильмов, фрагментов телевизионных передач и видеоматериалов, взятых из Интернета; ж) творческие задания, предполагающие индивидуальную и групповую работу студентов.

Основной упор в процессе обсуждения любой темы делается на развитие у студентов межкультурной компетенции, т.е. способности успешно общаться с представителями других культур.

За время обучения в вузе многие студенты участвуют в различных обменных программах, выезжают на учебу и работу в Европу и США. Попадая в иную культурную (или поликультурную) среду, они часто испытывают трудности в общении, связанные с недостаточным знанием и пониманием различных религиозных верований. Отсюда возникает необходимость включать тему Религия в Практикум по культуре речевого общения.

Как показывает наш опыт, тема «Религия» является сложной для студентов по двум причинам: 1) недостатку фоновых знаний об основных религиях мира; 2) терминологической неграмотности. Поэтому в рамках данного курса мы рассматриваем такие вопросы, как возникновение религии, виды религий, мифы о сотворении мира, политеизм и монотеизм, атеизм и агностицизм, религиозные

фобии, деструктивные культы и секты, религиозная толерантность и др. Все эти темы чрезвычайно актуальны в наши дни, и главная задача состоит в том, чтобы студенты научились обсуждать их, смогли развить в себе толерантное отношение к иного рода взглядам, нравам и привычкам, смогли понять другое мировоззрение, другие культурные ценности, смогли уважительно относиться к разным религиям, понимая, что они являются неотъемлемой частью культуры.

Основным учебным пособием, используемом при работе над темой Религия, является электронное издание *Practice communication skills in English: Religion, Culture and Law / Практикум по культуре речевого общения (английский язык): Религия. Культура. Закон,* подготовленное преподавателями Лингвистического института (Коротких 2018). Целью пособия является формирование коммуникативной, социально-культурной и межкультурной компетенций студентов, находящихся на продвинутом этапе изучения английского языка. Основными видами работы на занятиях по культуре речевого общения на данном этапе обучения являются дискуссии, обсуждения и презентации. Поэтому при отборе текстов, аудио- и видеофрагментов авторы стремились предоставить студентам интересный фактический материал, расширяющий их кругозор, развивающий способности критически мыслить и, в то же время, способствующий расширению словарного запаса. В разделы включены сведения по странам всех континентов, что позволяет в процессе дискуссии опираться на культурологические и исторические факты и сопоставлять особенности развития различных культур и обществ.

Как любая область знания религия имеет свой набор понятий и терминов, отличающихся особой сферой применения и не допускающих широких толкований. Участие в межкультурной коммуникации невозможно без знания этих понятий и терминов, и умения их правильно употреблять, поэтому в структуре каждого тематического раздела должное внимание необходимо уделять лексике. Работа с так называемым активным словарем, предлагаемым студентам в начале изучения темы, направлена на систематизацию лексики и снятие трудностей при работе с текстами, аудио- и видеоматериалами.

Список слов и выражений по теме религия представлен в разделах *Belief, Rituals, Heavenly Creatures, Spiritual Leaders and Churchpeople, Sacred Places and Artifacts*, которые последовательно раскрывают основные аспекты религиозных верований, от общих понятий к наиболее существенным для определенной религии реалиям. Внутри разделов с помощью маркированного списка соблюдается градация от общего к частному *(a priest – a churchman, a pope, a patriarch, a mufti, a parson, a chaplain, a rabbi, etc.; a temple – a heathen temple, a church, a synagogue, a pagoda, a mosque, etc.).* Для отдельных лексических единиц даются коллокации *(a rite – to perform a rite, a pagan rite, a religious rite, a solemn rite, to administer last rites; a fast – to keep the fast, to break the fast).*

Необходимость прочного усвоения активного словаря предполагает выполнение разного рода упражнений, которые можно разделить на подготовительные и речевые. Подготовительные упражнения направлены на освоение отдельных понятий и терминов. Они представлены блоком лексико-семантических упражнений, которые предлагаются после списка слов и выражений активного словаря. Речевые упражнения имеют коммуникативную установку (например, рассказать, сообщить, выразить мнение, т.д.) и даются в ходе обсуждения отдельных тем.

В работе со словарем основной акцент делается на упражнения, направленные на усвоение формы слова, его значения, контекста употребления и устранение семантических трудностей (контекстуальное значение, многозначность, синонимы, антонимы и др.). Задания на образование слов-дериватов *(Give corresponding nouns to the following verbs: to confess, to conjure, to prophesy, to divine, to supplicate, to pray, etc.),* определение синонимов *(Match the words with their synonyms: indigenous, sacred, deity, shrine, ministry – priesthood, god, holy, native, tomb; Cross an odd word out: prophet, apostle, saint, seraph; temple, parish, chapel, belfry; etc.),* заполнение пропусков и соотнесение терминов и их дефиниций направлены на закрепление лексики и предваряют упражнения на перевод, которые даются в конце блока, чтобы проверить знание терминологического аппарата и готовность студентов участвовать в последующем обсуждении важных вопросов становления и развития религиозных верований и их взаимодействия в современном поликультурном мире.

В настоящее время в мире существует много религий и их классификаций. Принимая за основу сущность человеческого существования, выделяют линейные (зороастризм, иудаизм, христианство, ислам) и циклические религии (индуизм, буддизм, джайнизм), а по количеству богов − политеистические (индуизм), монотеистические (зороастризм, иудаизм, христианство, ислам, сикхизм, бахаи) и атеистические религии (джайнизм, конфуцианство, даосизм). Обсуждением основных отличий различных групп религиозных верований и начинается вхождение в тему Религия, которую студентам предстоит научиться обсуждать на английском языке.

Большинство студентов обладают определенными знаниями в области мировых религий, но, как правило, эти знания являются фрагментарными и приводят к формированию ложных стереотипов. Так, например, в начале обсуждения никто из студентов не может четко определить связь между иудаизмом, христианством и исламом, между христианством и язычеством, между католицизмом, православием и протестантством. Поэтому наша задача заключается в последовательном рассмотрении развития религиозных учений для того, чтобы у студентов сформировалось четкое представление о взаимосвязи религий и их основных принципов, что в дальнейшем, несомненно, будет способствовать успешной коммуникации в межконфессиональной среде.

Изучение темы начинается с ранних форм религии и древнейших религиозных представлений, включающих анимизм, манизм, магию, шаманизм, тотемизм, фетишизм, гадание. Учитывая, насколько сильно было влияние язычества на русскую культуру и насколько глубоко языческие практики и предрассудки укоренились в сознании современных молодых людей, мы предлагаем тексты и аудио/видео материалы, раскрывающие сущность язычества и неоязычества. Особый интерес у студентов вызывает шаманизм, так как Алтай у многих ассоциируется с шаманизмом. Алтайский шаманизм – это древняя религия с ярким ритуальным культом и особым состоянием его служителей (шаманов) во время камлания (священного обряда). Суть алтайского шаманизма состоит в обожествлении и почитании Природы, в преклонении перед ее великой силой и мудростью. Если в группе есть студенты из горного Алтая, обсуждение приобретает особую остроту. Это неоценимый опыт соприкосновения с иным видением мира, с иными ценностями.

У всех народов, во всех религиях есть мифы и легенды о сотворении мира. Как все появилось? Что такое человек, и какова его миссия в этом мире? Кто управляет всем живым на земле? Почему нужно приносить жертвы богам? Эти и многие другие вопросы возникают после просмотра видеофрагментов о культуре Майя и Ацтеков, после обсуждения пантеонов римских, греческих и славянских богов, после изучения текста и просмотра видеоматериалов о японской религии Синто. Так постепенно мы переходим к политеистическим религиям, основной из которых является на сегодняшний день индуизм. Студенты, побывавшие в Индии, делятся своими впечатлениями о религиозных традициях и праздниках, в которых им довелось участвовать. Многих потрясает документальный фильм о священном городе Варанаси и заставляет по-новому взглянуть на культуру Индии.

Монотеистические религии обсуждаются в хронологическом порядке − зороастризм, иудаизм, христианство, ислам. Зороастрийское вероучение было уникальным для своего времени, многие его положения глубоко благородны и нравственны. Более поздние религии, такие, как иудаизм, христианство и ислам имеют с ним общие черты. Как и зороастризм, они монотеистичны, т.е. в основе каждой из них лежит вера в единого верховного Бога, творца вселенной. Как и в зороастризме, в иудаизме, христианстве и исламе существует вера в приход Мессии, или Спасителя. Все эти религии предлагают следовать возвышенным нормам морали и строгим правилам поведения. Не исключено, что учения о загробном мире, рае, аде, бессмертии души, воскресении из мёртвых и установлении праведной жизни после Страшного суда также появились в мировых религиях под влиянием зороастризма, где они присутствовали изначально (Зороастризм: верования и обычаи, URL).

Говоря об иудаизме, нельзя не вспомнить о Моисее, Десяти заповедях, Ветхом Завете, звезде Давида, Стене плача и многих других символах, традициях, обычаях и праздниках, которые играют огромную роль в жизни иудеев. Неоднократно студенты, работавшие в США в летних лагерях и еврейских общинах, с благодарностью вспоминали, как им помогали знания, полученные при обсуждении темы Религия. Слова *kosher, menorah, Bar Mitzvah, Bat Mitzvah, mezuzah, Torah* и понятия, которые они обозначают, были им знакомы и понятны.

Считая себя христианами, многие студенты и не подозревают, какая связь существует между иудаизмом и христианством, между христианством и язычеством. Разобраться в основах христианства им помогают тексты и видеофрагменты *(The Origin of Christianity, Christianity and Pagan Traditions, Catholic and Orthodox Churches, Protestantism, etc.).* Важную роль в межкультурной коммуникации играет знание истории русской православной церкви, роли монастырей в сохранении национального самосознания и идентичности, осознание последствий реформы Никона и раскола церкви.

Протестантизм широко распространен как в Европе, так и в Северной Америке. По данным исследовательского центра Pew Research Center в 2010г. в США 51,5 % населения составляли протестанты, в Англии − 54,5 % населения. Протестантизм в США представлен множеством

направлений, среди которых: англиканство, пресвитерианство, лютеранство, квакерство, баптизм, методизм, мормонство, конгрегационализм и другие. В нашу задачу не входит анализ всех направлений протестантизма, основная цель − предостеречь студентов о возможных ошибках при общении с людьми, принадлежащими к той или иной ветви протестантизма.

Слово «ислам» вызывает неоднозначную реакцию у студентов. Причиной тому существующая исламофобия, убеждение, что все мусульмане террористы, и что их появление, где бы то ни было, чревато неприятностями. В связи с этим обсуждение любой темы, связанной с исламом, приобретает особую важность. Особый интерес вызывает обсуждение ситуации на Ближнем Востоке, в частности все, что связано с Иерусалимом, местом пересечения трех религий: иудаизма, христианства и мусульманства. В качестве основы для обсуждения предлагается фильм Алена Залума «Давид и Фатима», повествующий об истории любви израильского юноши Давида и палестинской девушки Фатимы, которых разделяет смертельная вражда между их религиями.

Существующие побратимские связи и программы обмена с учебными заведениями Китайской Народной Республики делают актуальными изучение и обсуждение атеистических религий: буддизма, даосизма и конфуцианства, которые широко распространены в Китае. В организации эффективных дискуссий помогают студенты, вернувшиеся из Китая, которые охотно делятся своим опытом.

Особое место в теме Религия занимают секты и деструктивные культы («Ветвь Давидова» [Branch Davidians]; Врата Рая [Heaven's Gate], и др.). Учитывая большое количество американских миссионеров, с которыми сталкиваются студенты, анализ методов манипулирования сознанием приобретает особую актуальность.

Круг вопросов, обсуждаемых в теме «Религия», чрезвычайно широк. Большой объем информации и ее разноплановость (текст, символ, фотография, аудио- и видеозапись) требуют соответствующей формы организации учебного процесса, в том числе и формы проверки знаний. На заключительном этапе работы над темой, чтобы предоставить студентам возможность продемонстрировать усвоенные знания и навыки, а также умение их использовать в условиях максимально приближенных к естественной ситуации общения, преподаватели курса разработали интерактивную командную игру по типу *Jeopardy* («Своя игра»).

Формат данной игры предполагает наличие определенного количества категорий *(Prehistoric Religions, Paganism, Hinduism, Greek Mythology, Judaism, Christianity, etc.),* внутри которых представлены вопросы и задания разного уровня сложности. Наиболее простыми являются тестовые задания множественного выбора *(The God-creator in Hinduism is a) Shiva b) Brahma c) Rama d) Vishnu; "Pagan" originally meant a) "city dweller" b) "country dweller" c) "non-Christian" d) "Satan worshiper", etc.)* и задания на поиск соответствия *(Match the names of Greek and Roman Gods/Goddesses: Zeus, Aphrodite, Eros, Dionysus, Hades, Athena, Hera, Hermes – Jupiter, Venus, Cupid, Bacchus, Pluto, Minerva, Juno, Mercury).* Далее следуют вопросы, требующие от участников более полного представления обсуждаемых понятий, персоналий и событий *(What are the five castes of Hinduism? What are the seven sacraments of Christianity? What is the holiest site of Judaism? What was the result of patriarch Nikon's reform in Russia? What are the names of the four main Evangelists? What are the Towers of Silence in Zoroastrianism?).* Большая часть заданий и вопросов сопровождается картинками и фотографиями. В рамках данной темы принцип визуализации активно используется в подаче материала, поскольку символ играет ключевую роль в отражении религиозного мировоззрения, в котором культура, искусство и религия составляют одно целое.

Современному человеку невозможно обойтись без фоновых знаний в области культуры и религии. Освоение базовых понятий, касающихся истории возникновения, представлений и моральных норм, ритуалов и традиций отдельных культур и религий, является необходимым условием духовно-нравственного воспитания каждого человека, тем более будущего педагога.

Тема «Религия», несмотря на противоречивый характер проблематики и субъективную интерпретацию многих воззрений и идей, вызывает живой отклик у студентов. Ее изучение не только расширяет кругозор будущего учителя иностранного языка, но и готовит его к обсуждению актуальных и острых вопросов межкультурного взаимодействия, тренирует умение занять правильную позицию в диалоге, основанную на принципе толерантности и взаимоуважения.

Библиографический список

1. Зороастризм: верования и обычаи URL: http://www.zoroastrian.ru/node/426

3. ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/5/20111207164014.pdf

2. Practice communication skills in English: Religion, Culture and Law. Практикум по культуре речевого общения (английский язык): Религия. Культура. Закон. [Текст] : учебное пособие / Ж. А. Коротких, И. Ю. Кочешкова, Л. Л. Шевченко. Барнаул: АлтГПУ, 2018.

Осиянова О. М., Осиянова А. В., г. Оренбург, Россия

ТЕХНОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ОРИЕНТИРОВ

Аннотация. В статье рассматривается инновационная технология обучения межкультурной коммуникации студентов вуза, спроектированная в контексте методологии субъектно-ориентационного подхода. Предлагаемый подход обеспечивает целенаправленное обучение межкультурной коммуникации на основе системы ориентиров. В качестве значимых ориентиров иноязычной коммуникации избраны ориентиры цели, принципы, знания, опыт, стимулы, обеспечивающие становление субъектной позиции студентов в познании и общении. Правомерность технологии субъектно-ориентационного обучения подтверждена в ходе педагогического эксперимента.

Ключевые слова: субъектно-ориентационный подход, межкультурная коммуникация, ориентировочная деятельность, система ориентиров.

INNOVATIVE TECHNOLOGIY OF TEACHIN STUDENTS CROSS-CULTURAL COMMUCATION

Abstract. The article presents innovation technology of teaching students cross-cultural communication, developed in the context of the subject-oriented approach methodology. The given approach ensures purposeful cross-cultural communication teaching on the basis of the orientation points system. As significant orientation points in cross-cultural communication aims, principles, knowledge, experience and stimuli are chosen. They facilitate students' subjective position formation in learning and communication. The appropriateness of the subject-oriented teaching technology has been proved in the course of the pedagogical experiment.

Keywords: subject-oriented approach, cross-cultural communication, orientation activity, points of orientation.

Политические, экономические, социально-культурные процессы, происходящие в современном мире, содействуют расширению сотрудничества и развитию профессиональных контактов с представителями различных культур, что требует от будущего специалиста профессиональной компетентности, неотъемлемой характеристикой которой выступает совершенное владение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации. В связи с этим, очевидной становится необходимость усиления коммуникативной направленности обучения иностранному языку студентов вуза. Причем приоритетное значение приобретает проблема технологического обеспечения данного процесса.

Как известно, в лингводидактических и лингвокультурологических исследованиях межкультурной коммуникацией называют адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам (Верещагин 2005: 26). И.И. Халеева уточняет данное определение, трактуя межкультурную коммуникацию как совокупность специфических процессов взаимодействия партнеров по общению, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам (Халеева 1989: 32). По мнению современных исследователей, межкультурная коммуникация выступает также реальностью взаимодействия субъектов, принадлежащих к разным культурам и субкультурам, в целях обмена ценностно-значимой, опосредованной нормами и традициями информацией, с помощью принятых в культуре знаковых систем, правил и техник (Алиева URL; Жукова 2007). Таким образом, неразрывная связь между обучением иностранным языкам и межкультурной коммуникации вряд ли нуждаются в комментариях.

Обучить межкультурной коммуникации (устной или письменной), овладеть умением конструировать, порождать, а не только понимать иноязычную речь – это сложная задача, обусловленная еще и тем, что межкультурная коммуникация – не только вербальный процесс. Его результативность, кроме знания языка, определяется многими другими факторами: ситуацией и культурой общения, знаниями правил речевого этикета и невербального поведения (мимики, жестов), наличием глубоких фоновых знаний. Данные факторы требуют обязательного учета при проектировании соответствующей технологии обучения.

Проведенный системный анализ современных отечественных и зарубежных лингводидактических и психолого-педагогических исследований показал значительный интерес к

проблеме межкультурной коммуникации по различным направлениям. Анализ обучения межкультурной коммуникации обнаружил оптимизирующий потенциал коммуникативного метода, который представлен в трудах В. П. Кузовлева, Е. И. Пассова, С. Г. Тер-Минасовой, J. Brewster, C. Brumfit, M. Finocchiaro, A. Holliday, W. Littlewood, H. Piepho, H. G. Widdowson. Стратегии формирования межкультурной коммуникативной компетенции рассмотрены в исследованиях И. Л. Бим, Л. К. Гейхман, Р. П. Мильруда, И. Л. Плужник, В. В. Сафоновой, В. П. Фурмановой, Д. Шейлз. Задача организации иноязычной коммуникации, разработки психологических оснований и технологий обучающего общения достаточно полно решена в методе активизации резервных возможностей личности (Л. Ш. Гегечкори, Г. А. Китайгородская, Г. Лозанов, И. Ю. Шехтер). Вместе с тем, сущностные характеристики межкультурной коммуникации обращают наше внимание на проектирование такой технологии, которая носила бы в большей степени субъектно-ориентированный, а не только предметно-направленный характер.

Не останавливаясь подробно на существующих трактовках понятия «технология», заметим, что вслед за В. Л. Загвязинским, под технологией мы понимаем систему действий, которая «задается в более или менее жесткой алгоритмической последовательности с расчетом на получение гарантированного результата» (Загвязинский 2001: 95). Технология обучения межкультурной коммуникации призвана запрограммировать образовательные ситуации, деятельность субъектов обучения и с большой степенью вероятности гарантировать ожидаемые результаты. Безусловно, она должна включать комплекс методов, форм и средств, а также систему действий субъектов целостного педагогического процесса, нацеленных на результат.

Методологической основой предлагаемой технологии обучения межкультурной коммуникации выступил субъектно-ориентационный подход, позволяющий обеспечить целенаправленное обучение межкультурной коммуникации на основе системы ориентиров, осваиваемых субъектом. Обращение к системе ориентиров объясняется системным характером межкультурной коммуникации. Иными словами, чтобы осуществить межкультурную коммуникацию, требуется выделить некоторые элементы этой деятельности в качестве последовательных ориентиров, представляющих систему и позволяющих осуществлять и контролировать отдельные операции коммуникации, а также формировать образ будущего действия в реальной ситуации межкультурного взаимодействия.

Обучение межкультурной коммуникации – это обучение социальным навыкам, заключающимся в применении имеющихся опыта и знаний, в выборе целей и стимулов для их достижения. Межкультурная коммуникация как деятельность представляет сложные отношения, в которых формируются сами субъекты, определяя стратегию и тактику в зависимости от конкретных условий, выбора и осуществления планов речевого взаимодействия. Поэтому в качестве значимых ориентиров межкультурной коммуникации избрана система ориентиров, представляющих ориентационное поле (Казакова 1995): ориентиры-цели, ориентиры-принципы, ориентиры-знания, ориентиры-опыт, ориентиры-стимулы. В межкультурной коммуникации названные ориентиры необходимы как опора, наиболее общая, отправная схема, когда еще не совсем понятно, какие ориентиры будут необходимы, и в каком системном отношении они будут представлены. При обучении межкультурной коммуникации, имея в распоряжении даже одинаковый набор ориентиров, говорящий изменяет их иерархическое соотношение в зависимости от разных причин, выделяя отдельный элемент ситуации доминантным, практически не считаясь с другими. В таком случае закономерно, согласно Л.С. Выготскому, говорить о перцептивных действиях как ориентировочном звене вербальной коммуникации, связанных с воспринимаемой ситуацией (Выготский 1999). Таким образом в структуре деятельности соединяются необходимой связью отдельные ориентиры и отдельные операции, то есть правомерно говорить об отношении «система - система» (в трактовке П. Я. Гальперина).

Итак, обращение к системе ориентиров позволяет рассматривать обучение межкультурной коммуникации как самоорганизующуюся систему, обновление которой осуществляется путем ориентировочной деятельности в системе ориентиров: целей, принципов, знаний, опыта, стимулов, обеспечивающих становление субъектной позиции студентов.

Ориентиры-цели играют в межкультурной коммуникации ведущую роль, так как они являются системообразующим фактором в достижении цели участвующих в ней людей.

Ориентиры-принципы, выступая исходными, руководящими опорами в обучении межкультурной коммуникации предполагают учет социального статуса и возраста адресата, его ценностных ориентаций, пространственных и временных условий коммуникации и т.п.

Ориентиры-знания, актуальные в обучении межкультурной коммуникации, включают в себя знание языковой системы; ценностные ориентации другого человека, которые выражаются в идеалах, потребностях, интересах, уровне притязаний; знание самого себя. Ориентиры-знания в иерархии ориентиров могут занимать разное место в зависимости от ситуации и имеющегося опыта.

Ориентиры-опыт представляют собой интегрированный опыт участия в межкультурной коммуникации с разными категориями людей (возраст, пол, социальный статус, профессия).

Ориентиры-стимулы создают установку на межкультурную коммуникацию, повышая ее эффективность. В обучении межкультурной коммуникации ориентиры-стимулы способствуют самореализации личности на основе ее ценностных ориентаций, убеждений, потребностей.

Основой субъектно-ориентационной технологии обучения межкультурной коммуникации выступает теория планомерного формирования умственных действий и понятий П. Я. Гальперина (Гальперин 2000), согласно которой процесс обучения направлен на формирование ориентировочной, исполнительной и контрольной части речевого действия. *Ориентировочная часть* обеспечивает определение цели речевого общения, выбор средств и форм с помощью системы ориентиров. *Исполнительская часть* осуществляет исполнение речевого общения на основе построенной иерархии ориентиров. *Контрольная часть* сопоставляет полученные результаты с заданными образцами и в случае необходимости обеспечивает коррекцию и ориентировочной и исполнительской части (уточнение цели, изменения в иерархии ориентиров и их содержании) (Осиянова 2009: 33).

Субъектно-ориентационная технология обучения межкультурной коммуникации предусматривает три этапа ее реализации: проектировочный, содержательный, контрольно-оценочный. Проектировочный этап обеспечивает знакомство с системой ориентиров и принципами их функционирования в межкультурной коммуникации. Содержательный этап предполагает использование вариативных методов, форм и средств обучения, направленных на совершенствование коммуникативных качеств речи. Используя систему ориентиров, данный этап позволяет студентам конструировать собственные схемы межкультурной коммуникации, включая анализ коммуникативных ситуаций, дискуссии, рефлексию (Osiyanova 2016). Контрольно-оценочный этап выполняет диагностически-коррекционную роль. Он опирается на опросные методы, тестирование, экспертные оценки и определяет эффективность стратегий реализации технологии в целом.

Переход студента от репродуктивного уровня овладения межкультурной коммуникацией на более высокий (эвристический), а от него к творческому обеспечивается системой ориентиров. Это – главное условие. На *репродуктивном уровне* овладение умениями межкультурной коммуникации осуществляется по модели, на основе образца или рекомендованного преподавателем алгоритма с применением речевых клише, штампов. *Эвристический уровень* отличается самостоятельностью студента в выборе ориентиров, наиболее адекватных конкретной ситуации межкультурной коммуникации. *Творческий уровень* характеризуется самостоятельностью планирования и осуществления коммуникации в новой нестандартной ситуации.

Педагогический эксперимент по реализации субъектно-ориентационной технологии в образовательном процессе вуза показал, обучение межкультурной коммуникации на основе системы ориентиров решает проблему развития способности студента к диалогу с культурой, миром и самим собой, способствует развитию таких качеств личности, как самостоятельность, креативность, способность к рефлексии.

Библиографический список

1. Алиева Н. Н. Лингвокультурология, межкультурная коммуникация и кросскультурная лингвистика / Н. Н. Алиева URL: http://gendocs.ru/v22938/
2. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Москва-Берлин: DirectMEDIA, 2014.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования [Текст] / Л. С. Выготский. М.: Лабиринт, 1999.
4. Гальперин П. Я. Четыре лекции по психологии [Текст] / П. Я. Гальперин. М.: ЮРАЙТ, Книжный дом Университет, 2000.
5. Жукова Т. В. Кросскультурные коммуникации в студенческой среде: социологический анализ [Текст] : автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.06 / Т. В. Жукова. Белгород, 2007.
6. Загвязинский В. И. Теория обучения. Современная интерпретация [Текст] / В. И. Загвязинский. М.: Академия, 2001.
7. Казакова Е. И. Теоретические основы развития общеобразовательной школы (системно-ориентационный подход) [Текст]: афтореф. дис. … д-ра пед. наук / Е. И. Казакова. СПб., 1995.

8. Осиянова О. М. Субъектно-ориентационная система обучения культуре речевого общения студентов (общепедагогический подход) [Текст] : автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01 / О. М. Осиянова Оренбург, 2009.
9. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) [Текст] / И. И. Халеева. М.: Высшая школа, 1989.
10. Osiyanova O. M. Communication Situations as a Means of Verbal Communication Culture Formation in Foreign Language Learning [Text] / O. M. Osiyanova, A. V. Osiyanova, V. L. Temkina, E. Y. Tuchkova, E. V. Turlova // Indian Journal of Science and Technology. 2016. April 9 (16) URL: www.indjst.org.

Рыжкова М.А., г. Рубцовск, Россия

ТЕХНОЛОГИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения и анализа технологии диалога культур в иноязычном образовании. Автором раскрываются возможности технологии диалога культур в иноязычном образовании как условия формирования профессионального образа мира студентов. Отмечается, что формирование профессионального образа мира студентов в процессе диалога культур связано с их готовностью эффективно участвовать в межкультурной коммуникации, быть способным и готовым к сотрудничеству и взаимопомощи, разрешению конфликтов.

Ключевые слова: диалог культур, иноязычное образование, профессиональный образ мира студентов, межкультурная коммуникация, культурологическое образование.

DIALOGUE OF CULTURES TECHNOLOGY IN THE FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AS THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF STUDENT'S PROFESSIONAL IMAGE OF THE WORLD

Abstract. The article is devoted to the questions of studying and analysis of dialogue of cultures technology in the foreign-language education. The author reveals the opportunities of dialogue of cultures technology in the foreign-language education as the conditions of the formation of a students' professional image of the world. It is noted that the formation of a students' professional image of the world through the dialogue of cultures is connected with their readiness to participate effectively in a cross-cultural communication, to be capable and ready to cooperate, help and resolve the conflicts.

Keywords: dialogue of cultures, foreign-language education, students' professional image of the world, cross-cultural communication, cultural education.

На современном этапе развития науки и общества целью иноязычного образования становится формирование специалиста новой формации, готового к участию в межкультурной коммуникации, самообразованию, творчеству, способного постичь культурное наследие страны изучаемого языка, соотнести его с отечественной культурой и ее местом в мировом историческом контексте. Иноязычное образование включается в социокультурную парадигму, в контексте которой оно рассматривается как диалог двух культур в общем формате межкультурного общения (Цветкова 2002: 109).

Иноязычное образование, основанное на обучении общению, предполагает, что обучающийся не просто изучает язык, а овладевает им, общаясь на нем. Овладение языком осуществляется в ходе творческой деятельности, которая стимулирует познавательную активность обучающихся, при этом язык изучается в контексте определенной цивилизации как феномен иной культуры. В основе такого общения находится наличие помимо личного опыта множества других опытов, которые предстоит личности понять, определив их ценность для себя и расширив горизонты понимания в собственном мире. Коммуникативная направленность обучения выражается в развитии речевых навыков через общение, через насущные интенции, необходимые в повседневной жизни, через формирование интереса к выражению особенностей собственного восприятия мира, индивидуального у каждого человека, развитие механизмов языкового прогнозирования ситуаций.

Иноязычное образование вооружает обучающегося не только способами перекодирования с одного языка на другой, но и знанием того, когда он может или не может опираться на опыт родного языка, что предполагает наличие способности «выйти за пределы» родного языка, взглянуть на него со стороны, осознать его особенности в отличие от изучаемого языка. Это в свою очередь означает, что обучающийся в процессе изучения иностранного языка сравнивает в своем сознании образы двух разных культур, ассоциированные со словами двух языков и правилами употребления этих слов в

предложениях. Поэтому иноязычное образование с самого начала должно строиться на противопоставлении двух картин мира, чтобы в сознании обучающегося были «разведены» границы двух языков (Цветкова 2002: 113).

Поскольку в качестве содержания иноязычного образования выступает иноязычная культура, под которой понимаются личностно-освоенные в деятельности духовные ценности, социализация личности происходит на основе усвоения фактов культуры. Для того чтобы иноязычная культура стала частью общей профессиональной культуры будущего специалиста необходимо, чтобы содержание иноязычного образования, основанное на сопоставлении родной и изучаемой культур, способствовало раскрытию общего, интерсоциального и специфического в духовной и материальной культуре соизучаемых стран и народов.

Работа студента организуется таким образом, чтобы он мог увидеть свою культуру через призму другой культуры, через диалог в сознании, через соотнесение ценностно-смысловых позиций изучаемой культуры и культуры, служащей точкой отсчета. В результате у студентов формируется культурное сознание как способность при контакте с другой культурой понять иной образ жизни, иные ценности, не потеряв своей культурной идентичности.

Выйдя за пределы собственного опыта, студент приближается к постижению иного мира, выявляя для себя тот или иной смысл. Диалог становится средством осмысления мира, вбирает и преломляет всю совокупность знаний и представлений о мире. Способствуя формированию у студентов представлений о культуре, требующей уважения к другим культурам, в процессе иноязычного образования одновременно с этим происходит и формирование готовности к изучению культурного наследия мира, воспитание потребности и способности к сотрудничеству и взаимопомощи, взаимопониманию и взаимодействию (Пассов 2000: 10).

Поэтому иноязычное образование – это не только приобщение к иной культуре, но и знание, понимание собственной культуры, умение видеть сходство и различие между общающимися культурами, владение навыками межкультурного диалога, который предполагает у будущих специалистов наличие готовности к разрешению конфликтов, распознаванию смысловых ориентиров другого лингвосоциума, оперированию инокультурными концептами и средствами социальной коммуникации. В процессе иноязычного образования обучающийся осознает тот факт, что языковое содержание не может существовать в отрыве от культурного. Без культурного компонента живой язык хоть и обеспечивает нужды профессионального общения, но все же теряет свою способность отражать особенности сознания реального народа – его носителя, чем затрудняет понимание между представителями разных культур в бытовых ситуациях общения.

Учитывая данный факт, иноязычное образование позволяет сформировать готовность принять народ и его культуру такими, какие они есть; получить знания о системе изучаемого языка и особенностях национального видения мира; понять особенности национальной картины мира, свойственной народу, говорящему на изучаемом языке, а, значит, изменить сознание обучающегося, в котором будут сосуществовать различные точки зрения на предметы и явления окружающего мира, представленные двумя различными языками и культурами (Цветкова 2002: 111).

Необходимо учитывать тот факт, что этот диалог должен быть диалогом «равных и разных», тогда будут созданы равные возможности для развития культур всех народов. Диалог, выстраиваемый с позиции взаимопроникновения и взаимообогащения культур, создает общечеловеческие культурные ценности, важнейшими из которых являются нравственные нормы, такие как гуманизм, милосердие, взаимопомощь. (Моисеев 2015: 67).

С позиции диалога культур как жизненной философии любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей, поскольку именно через свои традиции и формы выражения каждый народ заявляет о себе всему миру. Ни одна культура не может претендовать на право быть универсальной. Культура – это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других. Обучение иноязычному общению в контексте диалога культур предполагает, что коммуникативное развитие студентов средствами иностранных языков способствуют формированию у них коммуникабельности, речевого такта, готовности к совместной деятельности с людьми различных взглядов.

В современном поликультурном мире в процессе общения со специалистами из других стран студенты призваны выполнять роль субъектов диалога культур. Диалог культур выступает в качестве перехода от «человека образованного» к «человеку культуры», соединяющему в своем мышлении и деятельности различные, не сводимые друг к другу культуры, формы деятельности, ценностные и смысловые спектры. Профессиональное образование – это и образование культурологическое, поскольку именно культура поддерживает сознание профессионально образованного человека.

Получая разнообразные сведения о культуре, обучающийся получает возможность обрести себя в культуре, создать свой собственный культурный облик и образ. Необходимым условием обогащения личного духовного мира студента является ориентация образования на понимание и осмысление получаемой им информации и знаний, которые будут вести его вперед, способствовать созданию новых идей. Отмечается также, что культурологическое образование основывается не столько на передаче сведений, знаний, опыта, сколько на основе существующих и развивающихся отношений, которые выражаются через явные или скрытые смыслы и переживания, проявляющиеся в сфере совместного бытия (Горшкова 2011: 47).

В контексте такого понятия концепция иноязычного образования, построенная на технологии диалога культур, повышает значимость толерантности, потому как нахождение адекватных решений невозможно без диалога с другим человеком, природой, обществом. Важным становится понимание и осмысление поведения, поступков, позиций других и своих собственных, их нравственная оценка. Уважение и принятие другой культуры, чужой позиции предполагает взаимное изменение позиций (иногда изменение культурной и индивидуальной идентичности) в результате диалога.

Таким образом, иноязычное образование, направленное на приобщение студентов к новому для них средству общения, на познание ими чужой культуры и осмысление собственных этнокультурных истоков, прививает им готовность к диалогу и одновременно толерантности к иным языкам и культурам. В процессе диалога культур формирование профессионального образа мира связано прежде всего со становлением у студента способности быть эффективным участником межкультурной коммуникации в ходе его подключения через различные каналы общения к новой для него социальной действительности. Следовательно, построение процесса иноязычного образования в контексте диалога культур позволяет студентам раскрыть смыслы профессионального образования и соотнести эти смыслы с собственной личностью и со своим профессиональным образом мира. В результате у студентов формируется понимание роли приобретаемой профессии в международном сотрудничестве, формируется готовность к принятию новой информации, развивается гибкость и многовариантность оценок происходящего.

Библиографический список

1. Горшкова В. В. Образование взрослых в контексте культуры: феноменологический аспект [Текст] / В. В. Горшкова // Педагогика. 2011. № 7. С43-48.
2. Моисеев Е. Г. Обществознание: учебное пособие [Текст] / Е. Г. Моисеев. М.: Проспект, 2015.
3. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. 5-11 классы [Текст] / Е. И. Пассов. М.: Просвещение, 2000.
4. Цветкова Т. К. Обучение иностранному языку в контексте социокультурной парадигмы [Текст] / Т. К. Цветкова // Вопросы филологии. 2002. № 2. С.109-115.

Самойленко Н. Б., г. Севастополь, Россия

ПОДГОТОВКА ОНЛАЙН-ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В НОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации подготовки профессионального онлайн-преподавателя. Автор раскрывает особенности использования онлайн обучения для усовершенствования содержания высшего педагогического образования в области изучения иностранных языков. Уточнено содержание подготовки профессионального онлайн-преподавателя. Описаны возможности виртуального обучения и общения, обобщены необходимые навыки и умения преподавателя для ведения учебного онлайн курса, форума.

Ключевые слова: магистрант гуманитарных специальностей, профессиональная подготовка, онлайн-преподаватель, онлайн обучение, учебный онлайн курс.

PROFESSIONAL ONLINE TUTOR PREPARATION

Abstract. The article reveals the problem of professional online tutor preparation. The author highlights opportunities for implementation of online education for improvement of higher pedagogical education in the foreign language teaching process. Professional online tutor training curriculum is specified. The opportunities for virtual education and communication are described, necessary skills for providing education online course and communication are generalized.

Keywords: undergraduate student of humanities, professional preparation, online tutor, online education, education online course.

Процесс изменений в образовании выдвинул новые задачи по формированию компетенций 21 века у студентов и преподавателей вуза (Самойленко 2017: 182). С принятием проекта «Современная цифровая образовательная среда в России» стало возможным создание условий для получения качественного образования гражданам с использованием современных информационных технологий.

Преподаватели вузов участвуют в открытых онлайн курсах. После участия в онлайн курсе «МООК в образовании» у слушателей возникла серия вопросов: какие навыки и умения необходимых современному преподавателю для организации учебного процесса; как организовать общение в виртуальной среде, в системе дистанционного образования (Андреев 2015: 82).

Нами проанализированы особенности и возможности виртуального обучения и общения, условия формирования необходимых навыков и умений преподавателя для ведения полноценного учебного онлайн курса.

По мнению Вайндорф-Сысоевой М. Е., в современных условиях меняется роль преподавателя в виртуальной образовательной среде. Он становится организатором учебного процесса для проведения интернет-консультирования; форумов, блогов, web-квестов, чатов; создает авторскую среду обучения; проектирует формы организации учебного процесса и виды деятельности; обучает коллег инновационной деятельности с использованием виртуальной образовательной среды (Вайндорф-Сысоева 2010: 54).

В учебном процессе по подготовке магистрантов гуманитарных специальностей мы используем ресурсы и материалы зарубежных платформ обучения: Edx.org, Coursera, Future Learn и др. Также сейчас стало возможным получения сертификата на Национальной платформе открытого образования в России, совместить традиционное и инновационное обучение (Самойленко 2018: 102.).

С целью изучения этого вопроса нами проведено исследование по организации профессиональной подготовки студентов и преподавателей университета в онлайн среде.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (статья 16) (URL); приказом МинобрнаукиРоссии от 23.08.2017N816 (п. 3,4) «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (URL) и ФГОС ВО поколения 3 «+» и 3 «++» (URL) университету необходимо обеспечить доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин, к изданиям электронных библиотечных систем и электронным образовательным ресурсам, указанным в рабочих программах; фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения основной образовательной программы; проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением ЭОТ, дистанционных образовательных технологий; формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение работ обучающегося, рецензий и оценок на эти работы со стороны любых участников образовательного процесса; взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействие посредством сети «Интернет» (http://moodle.sevsu.ru/ course/ view. php? Id =34).

На платформе университета (http://moodle.sevsu.ru) в среде дистанционного обучения СевГу представлены онлайн курсы, созданные преподавателями по разным направлениям подготовки студентов университета: Гуманитарно-педагогический институт (3), Институт информационных технологий и управления в технических системах (2); Институт финансов, экономики и управления (5); Институт ядерной энергии и промышленности (2); Морской институт (1); Политехнический институт (6); Юридический институт (1).

Эти онлайн курсы разработаны преподавателями университета на основе их подготовки по программе онлайн курса для преподавателей университета «Проектирование образовательной деятельности с использование современных информационных технологий и электронных образовательных (онлайн-курсов)», разработанного и проведенного преподавателями Севастопольского государственного университета (СевГу).

Общий набор компонентов онлайн курса включает: описание курса (метаданные курса); проморолик (реклама курса); аудио /видеолекции (длительность фрагмента 7-12 мин); электронные конспекты, презентации лекций; вопросы по лекциям (встроенные); проверка знаний по разделу (30 вопросов); практические занятия; самостоятельная работа (описание системы оценивания); база итогового контроля знаний; глоссарий; рекомендуемая литература.

Формами образовательной деятельности и типами занятий являются:

1) контактная работа: аудиторная: традиционные аудиторные лекции (АЛ) и аудиторные практические занятия (АП), а также лекции и практические занятия по технологии вебинар (ВЛ/ВП). Проводятся по запланированному графику в аудиториях вуза и виртуальном классе; внеаудиторная: в закрытом онлайн-курсе в СДО (электронные практикумы (ЭЛ), электронные форумы (ЭФ), электронные семинары (ЭС), чат-сессии (ЧС);

2) самостоятельная работа: контролируемая преподавателем (КСР), самоконтроль обучающимся (ССР).

Одним из важных навыков современного преподавателя является навык для ведения полноценного форума, чата в учебном онлайн курсе. С этой целью в рамках курса проводится лекция с практическими заданиями о возможностях и особенностях проведения форумов и чатов в среде Mirapolis. Основными возможностями виртуальной комнаты Mirapolis являются: настройка интерфейса, чат, совместный просмотр презентаций и документов, демонстрация экрана рабочего стола, создание опросов, e-mail уведомления.

Немаловажным аспектом есть разработка паспорта дисциплины, включающий следующие элементы: цель основной образовательной программы (ООП), целевая аудитория, результаты освоения (компетенции), результаты обучения, содержание, общая трудоемкость, формы образовательной деятельности, форма организации и режим обучения, режим освоения Программы, используемые информационные, инструментальные и программные средства и среды, формы текущего контроля успеваемости, формы промежуточной аттестации, формы итоговой аттестации.

Нами проанализированы рекомендации коллег по оформлению описания онлайн-курса (https://kpfu.ru/do):

– опишите курс (100-200 слов); представьте, что Вы читаете это будучи студентом, достаточно ли Вам информации для принятия решения о полезности этого курса?;

– опишите содержание и навыки, используя термины, ориентированные на обучающегося (вместо «В этом курсе я расскажу…» попробуйте написать «В этом курсе слушатели ...». Используйте конкретные условия (т.е., создавать, анализировать, интерпретировать, применять, совершенствовать опыт) и избегайте общих терминов (т.е., узнать, понять, обучиться);

отразите ответы на следующие вопросы:

1) Чему посвящен курс?
2) Какова цель курса?
3) Какие инновационные технологии обучения используются в курсе?
4) Мотивационная фраза.

Для повышения мотивации обучающихся к регулярной работе и активному взаимодействию могут применяться игровые механики. Активность обучающегося может учитываться в общей оценке за курс.

В учебной нагрузке онлайн-курса желательно указать: продолжительность курса (от 4 до 16 недель включительно); недельную учебную нагрузку обучающегося по курсу (не должна превышать 22 часа). Применяемые в рамках курса методы и средства обучения должны допускать неограниченный рост количества обучающихся без существенного роста трудоемкости сопровождения курса и без прямого участия в работе с обучающимися авторов курса.

Применяемая образовательная технология не должна предусматривать обязательного участия обучающихся в синхронных мероприятиях и должна обеспечивать возможность достижения результатов обучения независимо от места нахождения обучающихся.

Для обобщения информации по результатам обучения коллеги используют глаголы действия: подвести итоги, объяснить, применить, создать; сформулировать результаты обучения в компетентностном формате в количестве 2–3; результаты обучения «базовых» курсов соотносить с компетенциями, описанными в ФГОС ВО; оценку результатов обучения можно выполнять с использованием внешних оценочных средств, относящихся к фонду оценочных средств (ФОС), разработанных с участием УМО, либо прошедших экспертизу со стороны УМО; в курсе может быть предусмотрена взаимная проверка работ или совместная работа обучающихся; обучающиеся могут участвовать в процессе формирования нового контента курса.

Результаты освоения данного курса могут быть зачтены для дисциплин, реализуемых в университете: код и направление подготовки; название дисциплины и ее место в учебном плане ООП: уровень образования; форма обучения; цикл в учебном плане; базовая или вариативная часть, дисциплина по выбору или факультатив; количество зачетных единиц и часов, отводимых на дисциплину, в соответствии с учебным планом.

В ходе онлайн курса слушатели могут использовать концепции и методы курса в своем предмете, опираясь на собственный опыт преподавания конкретной дисциплины (создавать опросы, разрабатывать задания, знакомиться с опытом работы преподавателей сходного профиля).

Нами планируется создание онлайн курса для магистрантов по дисциплине «Теория и технологии преподавания иностранного языка в языковом вузе». Онлайн-курс предполагает самостоятельное изучение студентами учебно-методических материалов, размещенных в системе дистанционного обучения, а также самопроверку полученных знаний, которая осуществляется путем выполнения заданий по каждой теме раздела. Учебно-методические материалы представлены в системе дистанционного обучения в виде лекций и презентационных материалов, сгруппированных по темам разделов. Также в системе размещены ссылки на различные информационные ресурсы, в информационно-коммуникационной сети Интернет, где имеется возможность просмотра видеоматериалов, размещенных в свободном доступе. По завершении изучения материалов по модулю студент имеет возможность проверить полученные знания путем выполнения тестовых заданий. В этом курсе слушатели получат возможность: познакомиться с технологиями профессионально-направленного обучения иностранному языку; рассмотреть истоки технологии автономного обучения ИЯ, понятие автономии; специфику использования интерактивных технологий (микропреподавания, «учимся вместе», «мозаика») и технологий активного обучения (деловая игра, проблемное обучение, мозговой штурм, кейсовый метод и др.) в системе языкового образования в языковом вузе; изучить требования к организации интегрированного обучения ИЯ на базе технологий профессионально-направленного обучения; соотношение уровней владения иностранным языком по Общеевропейской рамке целям обучения по курсам; роль языковых компетенций в формировании иноязычной коммуникативной компетенции; развить профессионально-методические умения в процессе построения собственной образовательной и профессиональной стратегий; освоить основные понятия, принципы и технологии аспектного преподавания иностранных языков, позволяющих проектировать и реализовывать методические задачи; овладеть навыками рефлексивного использования в организации образовательного процесса специфических технологий обучения ИЯ, адекватных постановке и решению образовательных задач в области обучения ИЯ в условиях современного университета; расширить представления о современных подходах к проблеме обучения ИЯ в языковых вузах; сформировать способность адаптировать и обобщать результаты современных педагогических и методических исследований для собственных целей преподавания.

Система тестовых, рефлексивных заданий для самостоятельной работы позволяет слушателям самим выбирать уровень сложности, на котором они готовы и могут выполнять предложенные задания.

Результатом обучения преподавателей вуза в онлайн среде станут навыки по созданию площадки для учебного онлайн курса, форума и планированию его работы по предмету в соответствии с графиком учебного процесса; составлению заданий различных типов для дистанционного обучения; индивидуализации обучения в соответствии с образовательными потребностями обучающихся; поддержке контакта с аудиторией при асинхронном общении; проведению содержательных виртуальных диалогов с целью мотивировать учащихся к изучению своего предмета.

Библиографический список

1. Андреев А. А. Онлайн-обучение и его качество, Электронное обучение в непрерывном образовании [Текст] / А. А. Андреев // Ульяновский государственный технический университет. Ульяновск, 2015. Т. 2. № 1. С. 82-91.

2. Вайндорф-Сысоева М. Е. Виртуальная образовательная среда: категории, характеристики, схемы, таблицы, глоссарий [Текст] / М. Е. Вайндорф-Сысоева. М.: МГОУ, 2010.

3. Об образовании в Российской Федерации (статья 16) URL: http://www. consultant.ru/ document/ cons_ doc_ LAW_ 140174/

4. Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ URL: https://normativ.kontur.ru/ document? moduleId= 1& documentId=300600

5. Паспорт проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/

6. Самойленко Н. Б. Improving educational process: challenges of emerging technologies [Текст] / Н. Б. Самойленко // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения: сборник статей. М.: МГПУ, 2017. С. 180 -183.

7. Самойленко Н. Б. Онлайн обучение, онлайн образование: за и против [Текст] / Н. Б. Самойленко // Взаимодействие науки и общества: проблемы: Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции (Казань, 22 февраля 2018 г.). Ч.2. Стерлитамак: АМИ, 2018. С. 101-103.
8. ФГОС ВО поколения 3 «+» и 3 «++» URL: http:// fgosvo. ru/ uploadfiles/ fgosvob/ 0203 01_mat_i_kom_nauki.pdf
9. Fifty Ways to Teach Online: Tips for ESL/EFL Teachers Paperback. December 30, 2016.
10. Gary Motteram Innovations in learning technologies for English language teaching British Council 2013 Brand and Design/C607 10 Spring Gardens London SW1A 2BN, UK. 2013.

Садвокасова Л. А., Кукарина Н. И., г. Барнаул, Россия

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСКУРСИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подготовки учащихся к проведению иноязычной экскурсии. Экскурсия обладает большим потенциалом для комплексной реализации целей обучения иностранному языку. Подготовка учащихся проводится в рамках проектной деятельности, образовательным продуктом которой выступает текст экскурсии.

Ключевые слова: иностранный язык, проектная деятельность, образовательный продукт, экскурсия, контрольный текст, индивидуальный текст.

ORGANIZATION OF EXCURSION ON THE LESSON OF FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The paper deals with the preparation of students for a foreign excursion. The excursion has a great potential for comprehensive realization of the goals of teaching a foreign language. The preparation of students is carried out in the framework of the project activity, the educational product of which is the text of the excursion.

Keywords: a foreign language, a project activity, an educational product, an excursion, a control text, an individual text

Экскурсия является одной из нетрадиционных форм обучения, используется как на уроках, так и во внеурочное время для комплексной реализации целей обучения иностранному языку: образовательных (расширение кругозора учащихся, активизация их познавательных способностей), воспитательных (повышение мотивации овладения языком), развивающих (развитие памяти, внимания, мышления), практических (пополнение социокультурных знаний, развитие речевых умений).

В словаре иностранных экскурсия (от лат. *поездка*) определяется как «коллективное посещение музея или достопримечательного места, выставки и т. п.; поездка, прогулка с образовательной, научной, спортивной или увеселительной целью» (Словарь иностранных слов 1979: 575).

Эта форма обучения отличается видовым разнообразием, позволяющем применять ее на всех ступенях обучения в рамках многих учебных тем. С внедрением компьютерных технологий в учебный процесс появилась еще одна разновидность экскурсий – виртуальные. Они имеют значительные преимущества перед реальными, поскольку не зависят от степени удаленности экскурсантов от объектов осмотра, не связаны с необходимостью покидать учебное заведение. Широкая доступность делает эти экскурсии привлекательными для учителей, о чем свидетельствуют публикации на страницах методических изданий.

Анализ литературы по данной теме показал, что имеются довольно подробные методические указания по подготовке и проведению различных экскурсий, однако, они предназначены для специалистов туристической сферы, либо адресованы учителю-экскурсоводу (Фатхутдинова 2016). Вопросы подготовки учащихся к организации этой деятельности, представляющие интерес для учителей, пока не раскрыты в полной мере. На них мы и попытаемся ответить, взяв за основу работы ведущих отечественных специалистов в области экскурсионного дела Ю. Н. Александрова и Б. В. Емельянова (Александров 1974; Емельянов 1992).

Методика экскурсии состоит из двух основных разделов: подготовки к экскурсии и её проведения. Предметом нашего исследования будет первая составляющая – методика подготовки экскурсии учащимися в рамках проектной деятельности. Такие проекты относятся к культуроведческому типу (по классификации Е. С. Полат), в них доминирует ознакомительно-ориентировочная деятельность, направленная на сбор и обработку необходимой информации.

Планируемым результатом является получение образовательного продукта в виде письменных текстов экскурсии: так называемого «контрольного» текста и нескольких индивидуальных. Сначала

совместными усилиями всех участников проекта составляется контрольный текст, который служит образом, основой для самостоятельной разработки индивидуальных текстов отдельными учащимися.

Все тексты экскурсии должны иметь одинаковую структуру, включать вступление, основную часть и заключение. Вступление состоит из организационной и информационной частей. В организационной части экскурсовод должен сообщить свое имя и фамилию, называть класс и номер школы, познакомить группу с водителем автобуса, называть тему, сообщить маршрут, продолжительность экскурсии и место ее окончания, провести инструктаж о правилах поведения в автобусе. В информационной части экскурсовод кратко излагает содержание экскурсии, называет наиболее значимые объекты осмотра.

Вступление должно быть кратким, не занимать много времени. На этом этапе устанавливается контакт с экскурсантами, они получают первое представление об экскурсоводе.

Основная часть текста – дробная, включает отдельные рассказы – описания объектов осмотра, соединенные логическими переходами. Содержание контрольного текста может следовать как в хронологическом порядке, так и согласно расположению экскурсионных объектов на маршруте. В индивидуальных текстах содержание выстраивается строго в порядке следования по маршруту экскурсии.

Индивидуальный текст представляет собой готовый монолог – рассказ, со всеми его основными характеристиками (полнота, логичность, связность, вариативность языковых средств). Все факты, приводимые в нем, должны иметь датировку и ссылку на источник. Для выражение собственной индивидуальности рекомендуется писать текст от первого лица, использовать разные обороты речи, изменять последовательность изложения фактов, иллюстрировать положения контрольного текста другими примерами. В этом проявляется оригинальность экскурсии и авторский стиль экскурсовода.

В заключительной части текста вся информация обобщается в двух – трех абзацах.

Проектная деятельность включает две части: предварительную работу и поэтапную разработку экскурсии. Основной задачей предварительной подготовки является ознакомление учащихся с основными признаками реальной экскурсии (определенная тема, наличие экскурсовода, последовательный осмотр объектов) и перечнем необходимых документов (текст экскурсии, схема маршрута следования экскурсионной группы, карточки экскурсионных объектов, паспорт маршрута (для автобусной экскурсии), список литературы по теме, материалы к экскурсии). Здесь же выявляется уровень осведомленности учащихся о профессии экскурсовода, наличный опыт в качестве экскурсантов.

Собственно разработка экскурсии включает в себя следующие этапы: подготовительный, поисковый, исполнительский, заключительный и аналитический**.** Первый этап связан с выявлением интересов учащихся, их мотивов, уровня владения материалом по теме, степенью самостоятельности и ответственности за свои действия. Учащиеся совместно с учителем составляют маршрут экскурсии, определяют объекты осмотра, формируют рабочие группы. Состав рабочих групп желательно сделать разнородным, включив в каждую учащихся разного пола с разным уровнем владения языком. Общее количество объектов осмотра /подтем определяется с учетом того, что на каждый из них потребуется от трех до пяти минут.

Поисковый этап включает отбор необходимой информации в рекомендованных источниках, самостоятельный поиск текстового и иллюстративного материала. Учащиеся изучают литературу, анализируют полученные факты, составляют список необходимых слов и выражений, обобщают материал по теме.

На исполнительском этапе ведется работа по созданию текста экскурсии. Поскольку экскурсии чаще всего проводятся на заключительном этапе работы над учебной темой, то учащиеся владеют уже определенным объемом знаний, усвоили основной языковой материал, проработали тексты из учебника. Успеху учащихся на этом этапе проектной деятельности будет способствовать также опыт работы с текстами иноязычных путеводителей (подробнее об этом см. Садвокасова 2016).

Это очень ответственная и трудоемкая часть работы, связанная с преобразованием исходных текстов: их сокращением, упрощением грамматических конструкций и лексического наполнения. В классе с невысоким уровнем владения языком учащимися можно использовать готовый контрольный текст по сходной теме, но с другими объектами осмотра.

При написании контрольного текста творческой группой отбирается вся основная, главная информация, выстраивается логика ее изложения, формулируются выводы. Основная часть экскурсии строится на сочетании показа и рассказа и состоит из отдельных подтем (в соответствии с объектами осмотра), соединенных между собой логическими переходами. Учащимся нужно показать разницу

между логическим и формальным переходом. Логические переходы вытекают из содержания экскурсии, связаны с последующей подтемой, могут носить характер обобщения, сравнения, дополнения и т.д. Формальные же переходы не связанны с содержанием экскурсии (например, «сейчас мы с вами пройдем дальше и осмотрим...»). Удачный логический переход свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве и хорошей методической подготовке экскурсовода.

После подготовки контрольного текста каждый экскурсовод разрабатывает индивидуальный текст, содержание которого должно совпадать с положениями, фактами и выводами текста-образца. В ходе работы над индивидуальным текстом необходимо подготовить карточки по каждому объекту осмотра с краткими данными о нем, основными мыслями, историческими датами, цитатами. Карточки будут служить опорой при повторении текста экскурсии перед ее проведением. Во время экскурсии цитаты зачитываются полностью, а все другие карточки используются только для припоминания текста. Особенно это актуально для учащихся с невысоким уровнем владения иностранным языком.

На заключительном этапе экскурсия оформляется в виде методической разработки. На титульном листе указывается тема экскурсии, ее продолжительность, целевая аудитория, фамилии составителей, название учреждения — организатора. На второй странице обозначаются цель и задачи экскурсии, представляется схема маршрута, перечисляются объекты осмотра. Далее следует текст экскурсии с полным изложением того, что следует рассказать, а также необходимый иллюстративный материал.

На аналитическом этапе осуществляется проверка и коррекция индивидуальных текстов, оценка методической разработки экскурсии.

В процессе работы с источниками информации учащиеся пополняют лингвистические и социокультурные знания, развивают речевые и универсальные умения, получают более полное представление о содержании профессиональной деятельности экскурсовода. Учитель организует и координирует деятельность учащихся на всех этапах подготовки проекта.

Библиографический список

1. Александров Ю. Н. Подготовка и проведение экскурсий: Методические рекомендации [Текст] / Ю. Н. Александров. М.: ЦРИБ «Турист», 1974.
2. Емельянов Б. В. Экскурсоведение. В 3-х частях [Текст] / Б. В. Емельянов. М.: ЦРИБ «Турист», 1992.
3. Садвокасова Л. А. Путеводитель как средство организации продуктивной деятельности школьников по овладению иностранным языком [Текст] / Л. А. Садвокасова // Лингвистическое пространство туристического дискурса: универсальные, национальные и региональные приоритеты и направления: материалы междунар. науч. конф. (г. Барнаул, октябрь 2016 г.). Барнаул, 2017. С.133-135.
4. Словарь иностранных слов [Текст] / М.: Русский язык, 1983.
5. Фатхутдинова О. В. Дидактическая экскурсия как форма организации процесса обучения (иностранному языку) и фактор формирования положительной мотивации к учению [Текст] / О. В. Фатхутдинова // Инновационные педагогические технологии: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С.22-26 URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/190/10381

Смарыгина Н. Г., г. Барнаул, Россия

TIME-МЕНЕДЖМЕНТ В РАБОТЕ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ФГОС

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы тайм-менеджмента на основе личного опыта школьного учителя иностранного языка. Автор описывает систему НФТМ-ТРИЗ и структуру урока по этой системе. Также автор использует основные принципы тайм-менеджмента и базовые вопросы коучинга.

Ключевые слова: Тайм-менеджмент учителя, НФТМ-ТРИЗ система, коучинг в образовании.

TIME-MANAGEMENT OF THE COMPREHENSIVE SCHOOL TEACHER

Abstract. The paper is devoted to time-management of the comprehensive school teacher. The author describes Continuous formation of creative thinking system due to the theory of inventive problem solving. In addition, the author uses basic principles of time management and coaching.

Keywords: time-management, CFCT-TIPS system, coaching.

Современная система образования предъявляет высокие требования к изучению и к преподаванию любых предметов, в том числе и иностранных языков. Новые государственные

образовательные стандарты требуют от школьного учителя примерять на себя все новые роли. Если раньше система знаний строилась на базе принципов классической науки: трактовка знания как суммы истин, которые нужно заучить и усвоить была положена в основу содержания и структуры всего образовательного процесса. Однако, современные реалии приводят к глобализации всех сфер жизни, в том числе и образования. И учитель должен ставить перед собой все новые задачи. Он должен проанализировать и выбрать стратегию и технологии обучения, из множества современных инновационных систем и методик выбрать те, которые помогут ему в большей степени достичь дидактической цели. А также не забыть о коммуникативном компоненте, здоровье сберегающих технологиях, инклюзивном обучении и т.д., и т.п.

К сожалению, очень часто молодые специалисты выходят из стен ВУЗа с отличной базой знаний не только языка, но и методик и методов обучения, но попадая в реальную школу, в реальные классы, где, кроме того, чтобы выдать программу, нужно успеть поработать с детьми с ОВЗ, одаренными детьми и не забыть о здоровьесбережении, целеполагании и рефлексии, а еще создать благоприятный климат, поддержать дисциплину, успокоить плачущих из за плохой отметки, и поощрить тех, кто делает успехи, и уложиться в стандартные сорок минут. А за перемену успеть перенастроиться на разный уровень подготовки, и возраст учеников, и программу – ведь следом за уроком во втором классе у него может идти десятый, а потом шестой и снова второй. И успевать участвовать в профессиональных конкурсах, выступать на конференциях и писать научные статьи, работать с одаренными детьми, с родителями, мотивировать учеников на исследовательские и научные проекты, участие в олимпиадах различного уровня. А также писать рабочие программы, отчеты, вести электронный журнал, и кружки, и тематические мероприятия. Хочется добавить: и не сойти с ума, и не уйти из школы через полгода. И сохранить хоть какие-то душевные и физические силы для своей семьи. И развиваться как личность.

Как взять лишние часы в сутках и все успевать? Я, как практикующий школьный учитель, могу рассказать, какими методами и приемами пользуюсь лично я.

Что касается урока, его структуры и построения, на мой взгляд, отлично соответствует всем вышеперечисленным требованиям (и на 100% соответствует требованиям современных ФГОС) инновационная педагогическая система НФТМ-ТРИЗ профессора М. М. Зиновкиной – система непрерывного формирования творческого мышления и развития творческих способностей обучаемых с активным использованием теории решения изобретательских задач.

Креативная педагогическая система НФТМ-ТРИЗ призвана обучить педагога технологиям, способствующим развитию творческих способностей учащихся. НФТМ – непрерывное формирование творческого мышления и развитие творческих способностей учащихся. ТРИЗ – теория решения изобретательских задач. Цель данной системы – формирование творческой личности учащихся. Подцелями системы НФТМ является формирование в учебном процессе прежде всего дивергентного мышления и воспитания креативных качеств личности (Утёмов, Зиновкина 2013: 2841).

Применение инновационных технологий непрерывного формирования творческого мышления в школе приводит к изменению структуры урока и ее наполненности. Соответственно, меняется и система оценок качества знаний. Творчество – это всегда внесение чего-то личного, своего, это выход за рамки общепринятой системы, это полет фантазии. Именно поэтому важной составляющей оценивания в системе НФТМ-ТРИЗ является не только уровень усвоения изученного материала, но и личностный рост каждого ученика, сравнение его с самим собой за определенный период обучения.

Проверке и оценке, а также само- и взаимооценке подлежат:

а) развитие личностных качеств ученика;

б) его творческие достижения по английскому языку;

в) уровень усвоения и опережения образовательных стандартов (Утёмов, Зиновкина 2013: 2845)

Можно представить универсальную структуру урока НФТМ как систему блоков, например:

Блок 1 (мотивация) представляет собой специально отобранную систему оригинальных объектов-сюрпризов, способных вызвать удивление учащегося. Этот блок обеспечивает мотивацию учащегося к занятиям и развивает его любознательность.

Блок 2 (содержательная часть) содержит программный материал учебного курса и обеспечивает формирование системного мышления и развития творческих способностей.

Блок 3 (психологическая разгрузка) представляет собой систему психологической разгрузки. Психологическая разгрузка реализуется через упражнения по гармонизации развития полушарий головного мозга, через аутотренинг, через систему спортивно-эмоциональных игр, театрализацию.

Блок 4 (головоломка) представляет собой систему усложняющихся головоломок, воплощенных в реальные объекты, в конструкции которых реализована оригинальная, остроумная идея.

Блок 5 (интеллектуальная разминка – ИР) представляет систему усложняющихся заданий, направленных на развитие мотивации, дивергентного и логического мышления и творческих способностей.

Блок 6 (резюме) обеспечивает обратную связь с учащимися и предусматривает качественную и эмоциональную оценку учащимся самого урока (Утёмов, Зиновкина 2013: 2842).

И при этом каждый блок в каждом отдельном уроке будет немного отличаться использованием разных приемов, игр, методик и т. п. Не стоит забывать, что на любом уроке и в любом виде деятельности именно учитель должен мягко направлять, создавая спокойную благожелательную атмосферу. Именно педагог способствует сближению детей, созданию атмосферы для общей работы, сотрудничества и взаимопонимания. От того, какой учитель создаст климат на уроке, сумеет смоделировать ситуацию успеха для каждого, во многом зависит успешность и самореализация ученика в будущем, а НФТМ-ТРИЗ система как раз и отвечает этим требованиям.

Блочное построение урока гарантирует соответствие требованиям ФГОС, а также позволяет педагогу маневрировать, изменять действия, не нарушая структуры урока, позволяет в некотором смысле учителю (при наработке некоторого опыта) чувствовать себя уверенно и спокойно, укладываясь в отведенные временные рамки. А детям урок по блочной системе очень нравится, это повышает мотивацию и заинтересованность в обучении иностранному языку.

Что же касается всего остального, то старая добрая истина «не откладывай на завтра» тут работает на все 100%:

– заполняйте «электронный журнал» на уроке, а если в кабинете нет компьютера или интернета (да, это не редкость) то сразу по возвращении с работы с домашнего компьютера. В среднем заполнение журнала при 7 уроках в день занимает не более 20 минут.

– пишите рабочую программу летом. Гораздо проще вносить корректировки в уже готовую рабочую программу, чем писать ее полностью в цейтноте.

– составляйте планы. Всего – дня, урока, покупок, дел. Действуя четко по плану, гораздо больше можно успеть, есть гарантия что вы ничего не забудете и, безусловно, не отвлекаясь от плана, сэкономите себе время. Все успеть невозможно. Именно план поможет вам разграничить дела на главные и второстепенные.

– задавайте вопросы. Своему наставнику в школе, руководителю МО, завучам, коллегам, администрации. Не бойтесь, что ваши вопросы могут показаться глупыми. Школа – механизм, где всегда поддержат и помогут, более опытные коллеги подскажут, как решить любую проблему и выйти из любой ситуации. И наконец, задавайте вопросы себе. Так, всем известные вопросы коучинга «Что ты хочешь?» «Как ты можешь этого достичь?» «Почему тебе это важно?» и «Как ты узнаешь, что достиг результата?» (Аткинсон, М 2013:67) прекрасно работают как на уроке (готовый макет целеполагания и рефлексии к любому уроку), так и в жизни.

– делегируйте часть своих дел. Например, на уроке поручить опрос провести кому-то из учеников (в форме игры), а дома не стесняйтесь просить близких о помощи

– не забывайте отдыхать.

– не сдавайтесь. Все не может получаться сразу. Не опускайте рук, не уходите из школы.

Библиографический список

1. Аткинсон М. Пошаговая система коучинга: Наука и искусство коучинга: [Текст] / М. Аткинсон, Рае Т. Чойс. М.: Альпина Паблишер, 2013.

2. Утёмов В. В. Структура креативного урока по развитию творческой личности учащихся в педагогической системе НФТМ-ТРИЗ [Текст] / В. В. Утёмов, М. М. Зиновкина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 2841-2845 URL: http://e-koncept.ru/2013/53572.htm.

3. Технология управления временем URL: https://russiaedu.ru/article/taim-menedzhment-tekhnologiia-upravleniia-vremenem.

Смоля М. С., г. Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗОВ К ПРЕПОДАВАНИЮ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В данной статье представлен обзор новой учебной дисциплины, введенной ФГБОУ ВО «АлтГПУ» в вариативную часть учебного плана студентов, обучающихся по основной образовательной программе подготовки бакалавров по направлению «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки). Рассматриваются цель и задачи курса, особое внимание уделяется содержанию курса и особенностям проведения практико-исследовательского проекта как отчетной документации по пройденному курсу.

Ключевые слова: проект, ФГОС, педагогическое образование.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS FOR TEACHING GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE

Abstract. This article is devoted to the review of the new academic discipline introduced in the variable part of the curriculum of students enrolled in the basic educational program for bachelors of Education. The goal and objectives of the course are considered in this paper. Special attention is paid to the course content and the peculiarities of the project as reporting documents for the course.

Keywords: education, project, academic discipline.

Многие десятилетия обучение немецкому языку в нашей стране было распространенным явлением в силу, прежде всего, исторических условий: тесная связь судеб немецкого и русского народов, сотрудничество и тесное общение в научном, техническом, культурном мире, развитие и укрепление торгово-промышленных отношений и пр. В последние годы констатируется всё большее вытеснение немецкого языка английским языком как первым иностранным (ИЯ1). Однако реформы системы российского образования – введение ЕГЭ в школах, переход на двухуровневую систему образования (бакалавриат – магистратура), слияние одних вузов с другими с целью создания крупных федеральных университетов, принятие новых стандартов полного среднего и высшего образования — не могли не отразиться на ситуации с преподаванием иностранных языков и повлекли за собой кардинальные изменения как в структуре, так и в содержании учебного процесса. Так, особенно остро встал вопрос об обязательном введении второго иностранного языка в школах (в соответствии с требованиями ФГОС основного общего образования https://минобрнауки.рф). Немецкий язык обретает в связи с этим всё больше статус второго иностранного языка (ИЯ2).

Введение немецкого языка как ИЯ2 ставит перед школами, в том числе и высшими педагогическими школами, новые задачи: оснащение учебной литературой, разработка рабочих учебных программ, подготовка специалистов для преподавания немецкого языка как ИЯ2 с учётом специфики его обучения на базе первого английского. В данных направлениях вот уже три года ведёт активную работу Гёте-Институт г. Москвы в рамках проекта «Немецкий – Первый второй иностранный» (https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez.html).

Так, в 44 регионах России и на территории Алтайского края в том числе активно проводятся уроки языковой анимации для учащихся 1-4 классов, стоящих перед выбором второго иностранного языка в школе, а также встречи с их родителями, методические семинары для учителей немецкого языка; школы, вступившие в проект и уже практикующие немецкий язык в качестве ИЯ2, получают материальную и учебно-методическую поддержку Гёте-Института в форме учебных пособий, наглядных материалов, аудио- и видео-материалов.

На основе Фундаментального ядра содержания общего образования и Требований к результатам основного общего образования, представленных в федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования, составлена примерная программа по второму иностранному языку (английскому, немецкому, французскому, испанскому) для основной школы. В ней также учитываются основные идеи и положения программы развития и формирования универсальных учебных действий для основного общего образования. Примерная программа является ориентиром для составления рабочих программ: она определяет инвариантную (обязательную) часть учебного курса, за пределами которого остаѐтся возможность авторского выбора вариативной составляющей содержания образования (http://old.prosv.ru/umk/horizonte/info.aspx?ob_no=28198).

Для преподавателей высшей школы (педагогические вузы) предлагаются обучающие семинары с целью преподавания для студентов педагогических специальностей курса по методике обучения немецкому языку как ИЯ2.

Подготовка специалистов – одна из важнейших задач современного развития системы образования РФ. Зачастую, как показывает практика, второму иностранному языку – немецкому – обучают учителя, которые преподают английский язык как ИЯ1. В связи с этим важной становится не

только профессиональное языковое и методическое образование будущих педагогов, но и подготовка студентов к обучению немецкому языку как ИЯ2 на базе английского языка как ИЯ1.

В рамках данной идеи в вариативную часть основной образовательной программы подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) в ФГБОУ ВО «АлтГПУ» на пятом году обучения включена дисциплина «Обучение немецкому языку как второму иностранному» (пилотирование дисциплины проходило в 2017-2018 учебном году). Цель дисциплины заключается в содействии овладению бакалавром общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями в области многоязычного образования.

Основные задачи курса заключаются в следующем:

– ознакомление с основными нормативными, дидактико-методическими и лингвистическими основами обучения ИЯ2;

– ознакомление с основными закономерностями и принципами процесса обучения ИЯ2;

– формирование умений анализировать урок иностранного языка и учебные материалы в контексте обучения ИЯ2;

– формирование умения планировать фрагменты уроков по немецкому как ИЯ2 с применением различных средств, методов и приёмов обучения, с опорой на специфические принципы обучения ИЯ2;

– формирование основ для будущей научно-исследовательской работы.

В соответствии с требованиями ФГОС ВО по направлению подготовки «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) в программе дисциплины предусмотрено использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (разбор конкретных педагогических ситуаций, учебные дискуссии, приемы развития критического мышления, метод проектирования, консультирования, рефлексивные технологии, просмотр и обсуждение видеоуроков).

Эти технологии в сочетании с внеаудиторной работой решают задачи формирования и развития профессиональных умений и навыков обучающихся как основы профессиональной компетентности в сфере образования, содействуют развитию общекультурных компетенций бакалавров.

Основное содержание дисциплины:

1. Нормативные и учебно-методические документы по обучению ИЯ2. Компетентностный подход при обучении ИЯ2. Примерная программа по ИЯ2 для 5-9 классов основной общеобразовательной школы.

2. Особенности многоязычного обучения. Языковая ситуация в классе и ближайшем окружении обучающихся. Сходства и различия между языками. Роль ИЯ1. Учет лингвистического опыта и сформированности компенсаторных стратегий и умений учащихся в обучении ИЯ2.

3. Планирование современного урока иностранного языка. Фазы урока. Основные положения планирования учебного процесса по развитию иноязычной коммуникативной компетенции.

4. Модели планирования урока немецкого языка. Формулирование целей урока, способы достижения целей урока, формы предъявления учебного материала.

5. Методические особенности обучения ИЯ2. Основные принципы обучения ИЯ2: принцип контрастивного сравнения изучаемых языков, принцип формирования стратегий понимания, принцип индивидуализации процесса обучения, принцип целесообразного использования текстов, принцип интенсификации и оптимизации процесса обучения ИЯ2.

6. Реализация принципов обучения ИЯ2. Анализ реализации принципов при организации работы с текстом и формированию лексических навыков.

7. Практико-ориентированный проект как эффективный метод непрерывного повышения профессиональной компетенции учителя/преподавателя. Концепция практико-ориентированных проектов: цели, содержание, структура и требования. Возможные темы для педагогического исследования. Постановка исследовательского вопроса. Методы самонаблюдения во время собственной педагогической деятельности.

В рамках изучения каждого тематического раздела предусмотрены следующие виды самостоятельной работы:

– регулярное повторение, углубление материала, изученного на аудиторных занятиях (и на учебной платформе MOODLE в случае ее использования);

– самостоятельное изучение дополнительной литературы по конкретным темам;

– выполнение тестовых заданий;

– просмотр и анализ видеосюжетов уроков немецкого языка;
– разработка и презентация фрагментов уроков;
– выполнение практико-ориентированного проекта.

Ключевым моментом в организации самостоятельной работы обучающихся является разработка, реализация и защита практико-ориентированных проектов. Практико-ориентированные проекты направлены на практическое освоение примов и методов обучения немецкому языку как ИЯ2, самостоятельное овладение навыками и умениями организации, рефлексии и коррекции образовательного иноязычного процесса. Они посвящены актуальным профессиональным проблемам обучения немецкому языку как ИЯ2 и способствуют формированию навыков наблюдения и рефлексии педагогической практики, а также дают возможность критически осмыслить и проверить теорию на собственном опыте. Концепция программы позволяет обучающимся выступать в роли исследователей собственной профессиональной деятельности. Наряду с этим важной составляющей является принцип сотрудничества, реализация которого происходит во время групповой проектной деятельности.

Для проведения данного педагогического исследования студентам предлагается алгоритм «10 шагов практико-ориентированного проекта», а также рекомендации по подготовке презентации для защиты проекта.

Проект выполняется в группах (тандемах и тридемах) и включает следующие этапы:

1. Определение темы практико-ориентированого проекта, сформулированной в виде исследовательского вопроса. Теоретическое обоснование проектно-ориентированного проекта.

– Определение предмета исследования, его связь с содержанием курса по выбору. Аргументация значимости исследования для практики преподавания немецкого языка как второго иностранного.
– Постановка задач проекта.
– Определение ожидаемых результатов.

2. Планирование и проведение практико-ориентированного проекта

– Определение рамочных условий проведения проекта.
– Определение этапов проведения проекта.
– Выбор и обоснование методов исследования.

3. Описание и анализ полученных данных.

– Описание полученных результатов, их аргументированная оценка и собственные предложения.

Тематика практико-ориентированного проекта основана на контрастивном подходе, помогающем выявить как черты сходства между языками, так и их различия. Для методики ИЯ2 это означает, что необходимо побуждать обучаемых находить аналогии или, наоборот, выявить различия, чтобы избежать интерференции и значительно облегчить его изучение.

В заключении хотелось бы обозначить еще одну составляющую успешного введения и преподавания немецкого языка как ИЯ2 – обеспечение соответствующей учебной литературой, что требует от школ значительных финансовых вложений. На сегодняшний день Министерством образования Российской Федерации для осуществления процесса обучения немецкому языку как ИЯ2 рекомендован учебно-методический комплекс «Горизонты» М.М. Аверина и др. «Горизонты» – это новая серия по немецкому языку как ИЯ2, совместный проект издательства «Просвещение» и немецкого издательства «Cornelsen» (г. Берлин).

В комплект УМК входят:
– рабочие программы (5-9 классы);
– учебник;
– рабочая тетрадь с аудиоприложением;
– книга для учителя;
– контрольные задания (5-6, 7-8 классы);
– рабочие листы (5, 6, 7 классы).

Основные характеристики УМК:
– все УМК построены по модульной системе, то есть имеют единую типовую структуру, что позволяет учителю легко ориентироваться в компонентах;
– учебник рассчитан на 2 часа в неделю, обучение начинается с 5 класса;
– целостность комплекта позволяет учителю пользоваться только материалами комплекта, не обращаясь к дополнительным источникам;

– материалы содержат дифференцированные задания для учеников с разным уровнем подготовки;

– возможность использования интерактивных форм обучения;

– материалы УМК включают в себя современный страноведческий компонент по немецкоязычным странам и России;

– содержит задания игрового и творческого характера;

– к окончанию 9 класса линия УМК выводит на предпороговый уровень (А2) Общеевропейских компетенций владения иностранным языком (Общеевропейские компетенции… 2003, URL);

– в состав всех УМК входят рабочие тетради с аудиоприложениями на CD (mp3), контрольные задания, книги для учителя и видеофильмы с дидактическим материалом для 5–6 и 7–8 классов;

– на сайте серии «Горизонты» выложены методические пособия, рабочие листы, информационные материалы для бесплатного скачивания.

Каждая глава компонентов УМК представляет собой новую лексическую тему. Она содержит не более 9 уроков, последний из них запланирован для проведения диктанта, выполнения контрольных заданий и заданий языкового портфеля. В каждой главе представлены задания по формированию и развитию навыков устной и письменной речи, аудированию, чтению. Задания всех компонентов УМК органично включаются в учебный процесс по преподаванию немецкого языка как ИЯ2 на базе английского языка как ИЯ1 («Просвещение» URL).

Подводя итог отметим, что для развития немецкого языка как ИЯ2 предлагаются все необходимые компоненты для его успешного развития, однако ситуация осложняется тем, что для их «вживления» требуются не только и не столько материальные затраты, но и значительные физические и временны́е вложения.

Библиографический список

1. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку немецкому на базе английского. М.: ТИТУЛ, 2001.
2. Лапидус Б. А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи. М.: Высшая школа, 1970.
3. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991.
4. Приходько Т. М. Особенности обучения немецкому языку как второму иностранному. Минск, Центр БГУ, 2010. С. 93-94.
5. Curriculare Vorgaben und Unterrichtsplanung. K. Ende, R. Grotjan, K. Kleppin, I. Mohr. München, Klett-Langenscheidt, 2014.
6. Deutsch als fremde Sprache. H. Barkowski, P.Grommes, B. Lex, S.Vincente, Fr.Wallner, Br. Winzer-Kiontke. München, Klett-Langenscheidt. 2013.
7. Wie lernt man die Fremdsprache Deutsch? S. Ballweg, S. Drumm, B. Hufeisen, J. Klippel, L. Pilypaityté. München, Klett-Langenscheidt, 2013.

Программное обеспечение и Интернет-ресурсы:

1. Вестник Образования. Официальное издание Министерства образования и науки Российской Федерации URL: http://www.vestnik.edu.ru/.
2. Государственная программа «Развитие образования» на 2013-2020 г.г. URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2966.
3. Интернет-издание «Просвещение» URL: http://old.prosv.ru/umk/horizonte
4. Министерство образования и науки Российской Федерации URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/.
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2003 URL: http://www.goethe.de/z/50/commeuro/deindex.htm
6. Примерная программа по второму иностранному языку (английскому, немецкому, французскому, испанскому) для основной школы URL: http://inyaz.prosv.ru/catalog.aspx?ob_no=209&ltype=21831&subject=20692&page=1
7. Теория и методика обучения немецкому языку как второму иностранному URL: учеб. пособие / сост. Л. В. Фадеева; науч. ред. Н. Н. Репнякова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
8. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт URL: http://standart.edu.ru/.
9. Федеральный портал «Российское образование» URL: http://www.edu.ru/.

Тобулбаева Г. С, г. Петропавловск, Казахстан

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ БАРЬЕРОВ У ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В этой статье рассматриваются барьеры, возникающие в процессе изучения иностранного языка у школьников на разных этапах обучения. Рассмотрены подходы зарубежных и отечественных ученых по данному вопросу, проведено исследование классификации барьеров в учебном процессе. Полученные материалы исследования могут быть использованы для составления методических рекомендаций и подбора наиболее эффективных методов преодоления языковых барьеров у школьников в процессе изучения иностранного языка.

Ключевые слова: барьер, коммуникация, когнитивный, язык, кодирование, декодирование, конверсия, контекст, восприятие, эмпатия, семантический барьер, коммуникант, фонетический барьер, стилистический барьер.

METHODOLOGICAL TYPOLOGY OF DIFFICULTIES IN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The different approaches presented by the scientists on the subject are examined and the matter of barriers classification in the learning process is scrutinized. The obtained research results may be used for making up some methodological recommendations and can help to choose the most effective methods of overcoming the language barriers in the course of studying foreign language by schoolchildren

Keywords: barrier, communication, cognitive, language, encoding, decoding, conversion, context, perception, empathy, semantic barrier, communicant, phonetic barrier, stylistic barrier.

Today in our country there is a process of increasing the role of education in the formation of the younger generation and there is an intensification of the responsibility of the school for the level and quality of education and teaching of students. Language is the most important means of human communication, without which the existence and development of human society is impossible. Expansion and qualitative change in the nature of international relations of our state, internationalization of all spheres of public life make foreign languages really necessary in the practical activities of each person. They are now becoming an effective factor in the social, economic, scientific, technical and general cultural progress of society. All this significantly increases the status of the subject of a foreign language as a general educational discipline and motivation for learning. Based on the experience of foreign language teachers working in secondary school, we conclude that the difficulties of teaching students in a foreign language are for the teachers an area where knowledge is not clearly defined. For this reason, the teacher does not have the ability to quickly identify types of student's difficulties and, as a consequence, to select ways of targeted impact. Thus, we see an urgent need for a deeper examination of the problem of types of difficulties in the methodology of teaching foreign languages. Determining the types of difficulties in teaching a foreign language, in our opinion, will help to avoid further development of difficulties in learning a foreign language at any level in a secondary school.

I.A Zimnyaya defines under the difficulty the experience of the subject of some complexity, unusual, non-standard, contradictory situation (Zimnyaya 1991: 219). The difficulty in communicating (activities) is a subject of a person experiencing a failure in the implementation of the predicted (planned) communication, his actions, misunderstanding of the text (communication), misunderstanding of the partner, changing the communicative situation, his own psychological state, etc. Difficulties are revealed in the form of a stop, a break in activity, communication itself, the impossibility of overcoming them (Markova 1974: 177).

By methodological typology, we mean a typology that allows: 1) to classify these types of difficulties by their degree of belonging to the main categories identified on the age characteristics of students; 2) to distribute the difficulties by types (groups) in terms of the importance and validity of their occurrence in the teaching of a foreign language to students; 3) predict the difficulties and outline ways to overcome them; 4) to plan corrective-preparatory instruction for a foreign language of pupils of an average comprehensive school.

Studying various sub-approaches to the classification of barriers in the study of a foreign language, one can single out the following typology of difficulties:

- linguistic;
- didactic;
- motivational;
- sociocultural;
- age.

The reasons for the difficulties of this or that plan include:

- low level of linguistic competence of students; lack of self-control mechanism;
- low level of motivation to learn foreign language and orientation to cognition as a value;
- sociocultural differences in the system of languages;
- ignoring the accounting of individual and age-related factors.

To the linguistic difficulties we refer the difficulties caused by the low level of linguistic competence of trainees and the lack of self-control mechanism. Under linguistic competence we mean the mastery of linguistic means, the processes of generation and recognition of the text. To the reasons that cause linguistic difficulties, we attribute the interference of the native language and the low level of development of the self-control of the trainees.

Interference is understood as the process of conflict interaction of speech mechanisms, which is outwardly manifested in the speech of bilingual deviations from the laws of one language due to the negative influence of another, or due to the intralinguistic influences of a similar nature, caused by objective differences (Kiseleva 1989: 16). To the causes of the difficulties has ditactical character and can be attributed to the following:

- dominance in teaching one type of speech activity over others;
- selection as the main criterion of requirements, mainly with respect to the lexical and grammatical formulation of speech;
- discrepancy of the method of teaching individual characteristics and needs of students.

The modern practice of teaching foreign languages shows that in the new conditions, more attention is paid to teaching oral speech in comparison with other types of foreign-language speech activity. To successfully overcome the difficulties associated with the process of understanding foreign language when reading, it is necessary to build instruction on the basis of an exercise system that develops such skills as recognition; constructing hypotheses; the transition from the general definitions of the word given by the dictionary to the special meaning that the word acquires in this context; grouping of words within the sentence and using the obtained groups as meaningful supports.

The activity of the exercise is a subjective category, the subject must have the motivation and need for studying a foreign language that determine the success of this activity. The lack of interest in the foreign language in general and in communicative cognitive ability in reading foreign literature explains the occurrence of many difficulties that prevent achievement of the set goals. Differences in the sociocultural perception of the world by students who master a foreign language can lead to the occurrence of difficulties in learning. A. Leontiev notes that, mastering foreign languages without getting acquainted with the culture of the country, with the mentality of people speaking this language can not be full (Leontev 1998: 13).

In the development of a foreign language, the most obvious difficulties are observed at the level of sociocultural background knowledge, the absence or lack, which leads disability to carry out speech activity in a given socio-cultural context.

This is manifested by:

- inadequate interpretation of national, cultural, ethnic and socio-stratification information;
- in the incorrect use of lingvoculturally and socioculturally marked vocabulary.

Ignorance of the age and psychological characteristics of a students personality can also cause difficulties in learning a foreign language. B.G. Ananiev singles out the students age as a stage of entering the sphere of the chosen professional and social activity, as time of intensive formation of special abilities in connection with professionalization (Ananev 1980: 287).

One way to overcome barriers is to change the learner's motivation. The problem of motivation in learning arises in each subject, but it is especially acute in the study of a foreign language. It's all about the specific nature of the subject, which requires the student to have a certain base and communication skills. Often this causes the students certain difficulties and the motivation disappears. Therefore, considering motivation as the main driving force in the study of a foreign language, we note that the motives are related to the subjective world of man, determined by his inner motivations. Hence all the difficulties of invoking motivation from the outside. A person will be able to learn a foreign language, if only he feels the need for it, that is, he will be motivated.

The concept of «motive» is interpreted by scientists in different ways: K. Vilyunas understands the conditions of existence under the motive, G.A Kovalev - moral and political attitudes, and J. Godroth - the consideration by which the subject must act. Either way, most agree that the motive is either motivation, or intention, or purpose. Therefore, this concept needs to be approached in a comprehensive manner, taking into account all possible aspects.

Now we will characterize the types of motivation that take place in training, in particular, in a foreign language. Together they constitute the so-called educational motivation. Educational motivation is determined by a number of specific factors:

- the characteristics of the learner (gender, self-esteem, level of intellectual development)
- the peculiarities of the teacher and his attitude to pedagogical activity
- the organization of the pedagogical process
- Specificity of the subject (in this case, a foreign language)

Based on the above factors, educational motivation can be divided into external and internal. External motivation is not directly related to the content of the subject but is due to external circumstances. Examples are:

- the motive of achievement - is caused by the desire of a person to achieve successes and high results in any activity, including in the study of a foreign language. For example, for excellent grades, diploma, etc.;
- the motive for self-affirmation is the desire to assert oneself, to receive the approval of other people. A person learns a foreign language in order to obtain a certain status in society;
- the motive of identification is the desire of a person to be like another person, and also to be closer to his idols and heroes (for example, to understand the lyrics of his favorite group);
- the motive of affiliation is the desire to communicate with other people. A person can learn a foreign language to communicate with foreign friends;
- the motive of self-development is the desire for self-improvement. Foreign language serves as a means for spiritual enrichment and the overall development of man;
- prosocial motive - is associated with awareness of the social significance of the activity. A person studies a foreign language, because he understands the social significance of the teaching.

Internal motivation is not connected with external circumstances, but directly with the subject itself. It is often called procedural motivation. A person likes a foreign language directly, likes to show his intellectual activity. The action of external motives (prestige, self-affirmation, etc.) can enhance internal motivation, but they have no direct relationship to the content and process of activity. At the stage of motivation is the hierarchy of values: dissatisfaction with the existing situation, emotional discomfort, worry and anxiety because of the lack or absence of information about the necessary solutions and getting access to them in this situation.

Games such as “hot chair”, “role-playing”, “association”, “crocodile”, “mafia”, “pyramid” and many others are effective for this purpose. It is also worth noting that there is a wide variety of online resources allowing to create a more colorful and informative language training course. However, in order to overcome some linguistic barriers completely a teacher ought to identify the root of the problem and try to remove barriers at an early stage. It is necessary to classify communicative and linguistic barriers occurring in the process of learning a foreign language at the senior stage of learning.

Thus, our analysis of the difficulties and ways to remove them when learning a foreign language will help teachers of a foreign language create effective conditions for mastering a foreign language and developing cognitive independence of students.

A number of authors (A. A. Verbitsky, A. K. Markova, N. Podymov, P. X. Shakurov) point at different specific ways of overcoming barriers which can be divided into two groups: destructive and constructive strategies (Osipova 2014: 38). A destructive strategy is found in the psychological protection of students, the rejection of productive resolution of critical situations, removing emotional stress and the psychological barriers of interpersonal communication.

S. D. Krashen suggests 3 teaching technique for barrier overcoming. They are: natural approach, TPR and suggestopedia. The natural approach of teaching, which has become widespread since the mid-19th century, whose representatives (M. Voltaire, M. Berlitz, F. Gouin) believed that when learning a foreign language, it is necessary to recreate the natural way of mastering a child in a native language. The main goal of studying the language on this method was to develop oral speech among students. Supporters of natural approach believed that the possession of oral speech provides the ability to read and write, which requires only mastering the technique of reading and writing. Students may use either the first or second language. If they choose to respond in the second language, their errors are not corrected unless communication is seriously impaired. In this approach, the goal is to enable students to talk about ideas, perform tasks and solve problems in a way that is not pressured onto them (Krashen1983:.55). In other words, it is a way of easing the lesson material onto the students instead of bombarding them with loads of input.

TPR (Total Physical Response), or the method of full physical response was developed by the American psychologist J. Asher. It became popular in the 1970s. The scientist decided to help the students to

learn new language as efficiently and painlessly as possible. The theory is based on two hemispheres of the brain, where the left part is responsible for logic and consciousness, and the right part for intuition and subconsciousness. Studying the language using traditional methods, we put the knowledge gained into the left hemisphere (mechanical memorization, repetition). If we use the TPR method, new knowledge remains in the right hemisphere and, as a result, remains with us forever.

The study of this method is compared with the development of our native language in childhood and is called the principle of natural sequence of language development. Initially, the child «listens» to the language, is not forced to speak, then he begins to understand what they want from him, what words are associated with what subjects, he gets light commands from his parents. And only when he is internally ready, he begins to speak himself. The most important professional competence of an English teacher is the formation of a strategy and creating positive classroom community of success for overcoming various language barriers that arise in the process of learning a foreign language.

Библиографический список

1. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе [Текст] / И. А. Зимняя. М.: Просвещение, 1991
2. Маркова А. К. Психология усвоения языка как средства общения [Текст] / А. К. Маркова. М., 1974.
3. Киселева Т. Н. Преодоление лексико-грамматической интерференции при обучении немецкому языку как второй специальности при первом английском [Текст]: автореф. дис... канд. пед. наук / Т. Н. Киселева. М., 1989.
4. Леонтьев А. Психолого-педагогические основы обновления методики преподавания иностранных языков [Текст] / А. Леонтьев // Alma mater. // 1998.
5. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды [Текст] / Б. Г. Ананьев. М.: Педагогика, 1980.
6. Осипова А. А. К вопросу о стратегиях преодоления психологических барьеров [Текст] / А. А. Осипова, М. Прокопенко // Российский психологический журнал. 2014. Т.11. №4. С.38-54.
7. Krashen S. D Principles and Practice in Second Language Acquisition URL: http://www.sdkrashen.com/content/books/principles_and_practice.pdf/

Шевченко В. В., г. Барнаул, Россия

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА ДЛЯ УЧАСТИЯ В ПРОГРАММАХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье дается понятие академической мобильности, обоснована значимость академической мобильности в России в настоящее время. Автором рассмотрен проект «Международная мобильность». Приведены преимущества развития академической мобильности для государства, университетов, преподавателей и студентов. Представлены условия, которые способствуют достижению успехов участниками программ по обмену: эффективная информационная поддержка университетов, преподавателей и студентов, стипендиальная поддержка студентов и преподавателей, консультационная помощь государства и опытных высококвалифицированных сотрудников университета. Отмечены положительные тенденции в российских университетах, участвующих в программах обмена.

Ключевые слова: академическая мобильность, программы обмена, Эразмус +, Болонский процесс.

EFFECTIVE SUPPORT IN PROGRAMS OF ACADEMIC MOBILITY FOR STUDENTS AND UNIVERSITY STAFF

Abstract. The paper is devoted to the concept of academic mobility and to the importance of academic mobility in Russia at present time. The author deals with the project «International Mobility» and advantages of developing academic mobility for the state, universities, teachers and students. He presents conditions that helps exchange programs participants to gain success: effective information support for universities, teachers and students, scholarship support for students and teachers, consulting assistance from the state and experienced highly qualified university staff. Special attention is given to positive trends in Russian universities realizing in exchange programs.

Keywords: academic mobility, exchange, program Erasmus+, Bologna Process.

Развитие академической мобильности в России и поддержка ее участников сегодня становится реалиями повседневной жизни сообщества высшего образования в России. Перед университетами, преподавателями и студентами одновременно открываются новые перспективы. Университеты заинтересованы в поднятии своего рейтинга, а также в возможностях профессионального развития для преподавателей и обучающихся, которые, в свою очередь, призваны обеспечивать качественное высшее образование. Для Российской Федерации, как и любого другого участника Европейского

пространства высшего образования, академическая мобильность является инструментом, поддерживающим развитие образования и науки.

Согласно Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации академическая мобильность – это обучение, преподавание, проведение исследований за рубежом, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное или научное заведение (Кравцова 2014: 88-90).

Выведению академической мобильности в ранг приоритетных критериев оценки эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава и университетов в целом способствовали ряд предпосылок.

Лиссабонская конвенция представляет собой попытку создания модели некоторой всемирной конвенции о признании курсов обучения, дипломов и степеней высшего образования. Результатом всей этой подготовительной работы явилась Конвенция Совета Европы и ЮНЕСКО о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе, подписанная в Лиссабоне в 1997 г. Ее главное отличие - переход от общих деклараций о намерениях к конкретным определениям, правилам и четкому разграничению обязательств сторон и участников. В ней, предложены определения таких категорий, как «доступ» (к высшему образованию), «прием», «оценка», «высшее образование», «высшее учебное заведение», «программа высшего образования», «период обучения», «квалификация», «признание» (Андреев 2002: 264).

В зарубежной образовательной практике, по словам А. М. Белякина, под мобильностью (трансфером) понимается как перемещение студентов из одного колледжа, университета или иного образовательного учреждения в другой и процесс зачета или незачета кредитных единиц, отражающих образовательный опыт в виде пройденных учебных курсов или программ, полученных сертификатов или академических степеней. Кредитная единица — это единица оценки результатов освоения образовательных программ, приобретаемых знаний, умений и навыков, включающая только контактное время в аудитории.

Существуют разные подходы к расчету кредитных единиц. Сущность американской накопительной системы кредитных единиц заключается в том, что она ориентирована на оценку результатов освоения образовательных программ и трудозатрат, тем самым стимулирует профессиональное совершенствование. Американский кредитный час включает только контактное время в аудитории, а европейский кредит означает все рабочие часы студента, включая самостоятельную работу (Микова 2013: 21).

В 1999 г. Болонская декларация положила начало Болонскому процессу. С учетом объема реформ, достаточно высокой степени гетерогенности исходной ситуации в различных странах участницах и динамично развивающейся организационной структуры проекта Болонский процесс – уникальный и единственный в своем роде проект общеевропейского сотрудничества. Одной из основных задач Болонского процесса было содействие академической мобильности студентов, преподавателей, ученых и административно-управленческого персонала университетов. Число стран участниц возросло с 29 в начале процесса до 45 партнеров, связанных друг с другом Культурной конвенцией Совета Европы.

В 2003 году Российская Федерация подписала декларацию на Берлинской конференции и присоединилась к Болонскому процессу. В России с тех пор стала проводится работа по реформированию высшего образования на национальном и региональном уровнях, апробируются на практике стратегии его реализации. Социальная направленность Болонского процесса предполагает расширение доступа к высшему образованию для представителей всех социальных групп в европейском обществе, а также обеспечение оптимальных условий учебы и быта студентов для успешного и беспрепятственного завершения образования за определенный период времени (Ананин 2015: 24).

Мобильность студентов предполагает возможность частичного обучения в европейских вузах-партнерах с последующим признанием как времени обучения в зарубежном вузе, так и полученных там переводных зачетных единиц. Мобильность студентов предполагает также доступ к сопутствующим услугам в принимающем вузе (Bologna Glossary 2018).

Для преподавателей, ученых и административно-управленческого персонала мобильность означает возможность проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности, а также стажировки и обмен профессиональным опытом в разных странах-участницах Болонского процесса с соблюдением их прав в установленном законом порядке (Bologna Glossary 2018).

И. М. Миковой на основе теоретического анализа работ (В. И. Богословский, С. А. Писарева) была выявлена классификация академической мобильности по таким основаниям:

– по субъектам - преподавателей и студентов;
– по содержанию - академическая, исследовательская (для студентов); повышение квалификации (переподготовка), обмен опытом (преподавание), проведение исследований (для преподавателей и студентов);
– по формам реализации – реальная, виртуальная;
– по пространству реализации — региональная, межрегиональная, международная (Микова 2013: 21).

На сайте Министерства образования и науки Российской Федерации представлено описание проекта «Международная академическая мобильность». Целью этого проекта является интеграция российского образования в мировое образовательное пространство и повышение эффективности и конкурентоспособности системы российского образования. Развитие академической мобильности важно для всех участвующих сторон:

– для государства развитие этого проекта позволит повысить эффективность и конкурентоспособность системы образования, позволит эффективно развивать науку и готовить востребованные по всему миру высококвалифицированные кадры по различным программам подготовки;
– для университета преимуществом станет повышение рейтинга вуза, вырастут возможности предоставления обучающимся качественного и востребованного образования;
– для преподавателей, студентов это позволит расширить возможности реализации научного потенциала, получения уникального опыта, способствующего профессиональному развитию (Министерство образования и науки РФ 2018).

Реализация проекта «Международная академическая мобильность» ведется по следующим направлениям:

– формирование международной договорной базы по признанию документов об образовании и квалификации;
– формирование рамочных программ поддержки академической мобильности, включая выделение квот Правительства РФ для обучения граждан иностранных государств в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации;
– обеспечение обучения граждан Российской Федерации в иностранных образовательных организациях;
– привлечение ведущих ученых в российские образовательные организации высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации;
– установление партнерских отношений между научными и образовательными организациями (Министерство образования и науки РФ 2018).

Для участия в международных конференциях, европейских программах обмена, совместных научных исследований преподавателям и студентам необходима специальная подготовка. Её отсутствие зачастую становится одним из препятствий, с которыми сталкиваются потенциальные участники программ академического обмена. Помимо языкового барьера препятствиями становятся следующее:

– труднодоступность необходимой информации для участников академической мобильности;
– отсутствие опыта участия в программах академической мобильности у университета, преподавателей и ученых;
– обременительные трудности у участников программ академической мобильности связанные с семьей;
– финансовые затруднения;
– несовместимость научных тем и направлений в различных странах и университетах.

В рамках реализации первого направления Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Главный государственный экспертный центр оценки образования» занимается информационным обеспечением признания в Российской Федерации иностранного образования и иностранной квалификации. На сайте Главэкспертцентра (www.nic.gov.ru) можно найти информацию по вопросам признания документов, международные двусторонние и многосторонние соглашения по признанию документов. В случае необходимости на данном ресурсе каждый желающий имеет возможность получить онлайн консультацию специалиста. На главной странице можно подать заявку

на признание и проверить ее статус, ознакомиться с содержанием самой процедуры признания, найти информацию о проведении информативных вебинаров.

Информация об академической мобильности научных и научно-педагогических кадров предоставлена на сайте www.science-forum.ru. Желающие принять участие в международных, научно-исследовательских и научно-технических проектах, конгрессах, симпозиумов, конференций, семинаров, а также в обмене учебно-научной литературой на двусторонней и многосторонней основе могут найти необходимую информацию на данном ресурсе. Здесь представлена удобная форма поиска конференций и выставок, где пользователь выбирает необходимые ему тематику мероприятия, страну, регион, дату проведения, ключевые слова. Далее пользователь может воспользоваться найденной контактной информацией.

Для иностранных граждан, желающих пройти обучение в Российской Федерации, на сайте www.Russia.edu.ru предлагается систематизированная информация на 15 языках о российском образовании и обучении в РФ.

Документы об образовании и квалификации, выданные российскими организациями, осуществляющими образовательную деятельность, проходят процедуру подтверждения путем проставления апостиля. По заявлению гражданина, поданного в письменной форме или в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации проводят процедуру подтверждения. Сайт с русской версией базы данных об апостилях: http://apostille.obrnadzor.gov.ru/Search.aspx?RUS=rus.

Возможности для потенциальных участников программ академического обмена открываются программой Erasmus+. Это программа, созданная Европейским союзом, с целью поддержки сотрудничества в области образования, профессионального обучения молодежи и спорта на период с 2014 по 2020 гг. Она призвана стать инструментом содействия развитию человеческого и социального капитала в Европе и за ее пределами. Программа интегрировала такие ранее действовавшие программы как: The LifeLong learning Programme, The Youth in Action programme, The Erasmus Mundus Programme, Alfa, Edulink, Tempus и другие.

В рамках сотрудничества в сфере высшего образования в Erasmus+ выделены следующие основные направления:

– Key Action 1: Learning Mobility of Individuals – новые возможности мобильности для студентов и преподавателей
– Key Action 2: Cooperation for innovation and good practice – сотрудничество для развития потенциала университетов и обмена лучшими практиками
– а также Jean Monnet Activities – широкие возможности развития европейских исследований в рамках подпрограммы Jean Monnet.

В Key Action 1 входит краткосрочная мобильность (Credit Mobility), мобильность студентов, преподавателей, сотрудников университетов. Она основана на двухсторонних соглашениях о мобильности между университетами стран программы Erasmus+ и университетами стран-партнеров. Продолжительность обучения студентов и аспирантов с признанием зачетных единиц составляет от 3 до 12 месяцев. Длительность стажировки или преподавания для преподавателей и других сотрудников университета может длиться от 5 дней до 2-х месяцев. Расходы на транспорт, визы, страховку и проживание покрываются стипендией, получаемой участниками мобильности. Российские вузы имеют право участвовать в Credit Mobility, заявка должна быть подана университетом от страны программы от собственного имени (Национальный офис ERASMUS+ в России 2018).

Таким образом, успешному участию в программах академической мобильности способствуют:

– эффективно организованная информационная поддержка университетов, преподавателей и студентов, принимающих участие в информационных программах;
– стипендиальная поддержка студентов и преподавателей, направленная на помощь в покрытии расходов, связанных с поездкой и проживанием в другой стране;
– консультационная помощь тем, кто решился на участие в мобильности, предоставляемая государством, сотрудниками университета, наличие у сотрудников, оказывающих такую помощь высокой квалификации и опыта.

Сохранение имеющиеся тенденции и приумножение достигнутых успехов требует дальнейшей инициативы от государства, университетов, преподавателей и студентов.

Заинтересованность в успешном участии в программах академического обмена в России проявляется на всех уровнях: от государства и университетов до студентов. Успех участия в большей степени зависит от подготовленности участников — задачи, которую необходимо решать на университетском уровне.

Библиографический список

1. Ананин Д. П. Социально-педагогические условия профессиональной подготовки учителей в рамках болонского процесса (на примере Федеративной Республики Германия) [Текст] : автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Д. П. Ананин. АлтГПУ. Барнаул, 2015.
2. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс [Текст] / А. А. Андреев. М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002.
3. Кравцова Т. В. Понятие академической мобильности в гуманитарном знании [Текст] / Т. В. Кравцова. А.: Астраханский государственный университет, 2014. С. 88-90.
4. Микова И. М. Академическая мобильность студентов в вузах России и США [Текст] : автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Ирина Миковна Микова. РГРТУ. М., 2013.
5. Министерство образования и науки РФ, официальный сайт URL: https://минобрнауки.рф/прокты/академическая мобильность.
6. Национальный офис ERASMUS+ в России URL: http://erasmusplusinrussia.ru/index.php/ru/home-ru-ru
7. Bologna Glossary: Систематизированный перечень URL: http://bologna.owwz.de/inhaltsverzeichnis.html?&L=3

Научное издание

Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике

Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции
Барнаул, 18–20 октября 2018 г.

Под редакцией Игоря Юрьевича Колесова

Подписано в печать 17.12.2018 г.
Объем 45,8 уч.-изд. л. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Тираж 200 экз. Заказ № 57.
Отпечатано в типографии «ГРАФИКС»
Лицензия ПД №12-0150 от 14 ноября 2001 г.
г. Барнаул, Ползунова 45б/Красноармейский, 15
т./ф. 63-77-02, 63-93-23, 65-98-14,
e-mail: graphxd@yandex.ru
www.graph-x.ru